

Журнал
Редактор Евгений Беркович

СЕМЬ
ИСКУССТВ

Наука

Культура

Словесность

4/2013

Журнал
«Семь искусств»

Апрель 2013

Главный редактор
Евгений Беркович

Художник Дорота Белас

ISBN 978-1-291-42121-7

Общество любителей еврейской старины
Ганновер 2013

Журнал

«Семь искусств»

Апрель 2013

© Евгений Беркович (составление и редактирование)

© Дорота Белас (оформление)

Компьютерная вёрстка и техническое
редактирование Изабеллы Побединой

Общество любителей еврейской старины
Ганновер 2013

Содержание

Григорий Полотовский	
Штрихи к портрету	5
Евгений Лихтман	
Гольфанд и Гинзбург	22
Моисей Каганов	
Эпизоды из жизни физика-теоретика.....	26
Сергей Демидов	
Константин Алексеевич Рыбников	49
Владимир Фридкин	
Гибель Пушкина	75
Игорь Ефимов	
О властвующих и подвластных	127
Борис Тененбаум	
Неудачник.....	156
Андрей Алексеев	
Познание действием	171
Эдуард Бормашенко	
Пролегомены к философии естествознания.....	212
Наум Брод	
Мысли о мысли	233
Лорина Дымова	
Как это все началось.....	251
Леонид Гиршович	
Вспомнил молодость	265
Артур Штильман	
Главные путешествия с Большим театром.....	275
Владимир Бабицкий	
Восьмое свободное искусство	311
Михаил Цаленко	
Взгляд назад невидящих глаз.....	348
Зоя Мастер	
Полёт по касательной: интервью с Вероникой Долиной ...	377
Бахыт Кенжеев	
"Пространство – рукопись, и время – только слово..."	385
Вероника Долина	
Шесть мартовских стихов.....	394

Лариса Миллер	
«Стихи гуськом»	398
Анатолий Постолов	
Баллада о голубке. Из новых стихов	421
Елена Минкина	
Что в имени тебе моем	426
Мина Полянская	
Любовь во время инквизиции	445
Иегуда Амихай	
Иерусалим, Иерусалим, почему Иерусалим?	456
Андрей Масевич	
О Венедикте Ерофееве	467
Шуламит Шалит	
«Рюмочка свежей клубники»	476
Ирина Маулер, Михаил Юдсон	
Принцип Грицмана	494
Николай Мотовилов	
Модернизация истории в произведениях Фейхтвангера....	503
Об авторах	512

Григорий Полотовский

Штрихи к портрету

(К 100-летию со дня рождения
Н.Н.Боголюбова)¹

Предисловие. Я хотел бы сразу оговорить два момента. Во-первых, я ни в какой степени не являюсь физиком, и ниже о точных науках не будет сказано почти ничего. Я даже не буду перечислять основные разделы математики, механики и теоретической физики, в которые внес вклад Н.Н. Боголюбов, поскольку они хорошо известны, о них уже говорилось в предыдущем докладе академика Д.В. Ширкова и, несомненно, будет говориться в дальнейших докладах. Во-вторых, мне не довелось быть знакомым с Н.Н. Боголюбовым, поэтому всё дальнейшее основано на опубликованных материалах. Кстати, при подготовке этого доклада выяснилось странное обстоятельство, которое совершенно не согласуется с масштабом Н.Н. Боголюбова как ученого и как личности: оказывается, не существует академических изданий ни его биографии, ни книги воспоминаний о нем². Имеется книга [1] о Н.Н. Боголюбове, написанная его братом Алексеем Николаевичем, но найти эту книгу, изданную в 1996г. в ОИЯИ (Дубна), в Нижнем Новгороде мне не удалось.

¹ Настоящий текст представляет собой изложение доклада автора, прочитанного 2 сентября 2009 года на совместной научной сессии ННЦ РАН, ННГУ и РФЯЦ, посвященной 100-летию со дня рождения академика Н.Н. Боголюбова. Публикуется по тексту оригинальной статьи с тем же названием из №7 (2009 г.) журнала «Математика в высшем образовании» с согласия редакции указанного журнала.

² Услышав это, профессор А.Д. Суханов сообщил на упомянутой научной сессии, что такая книга готовится к изданию в 2010 г.

О родословной Н.Н. Боголюбова. По-видимому, не стоит надеяться, что когда-нибудь будут открыты законы появления гениев. Однако изучение происхождения каждого гения интересно и поучительно, а в данном случае особенно, поскольку отец Николая Николаевича, Николай Михайлович Боголюбов, крупный религиозный философ и писатель³, был далеко не заурядной личностью и оказал чрезвычайно сильное влияние на своих сыновей.

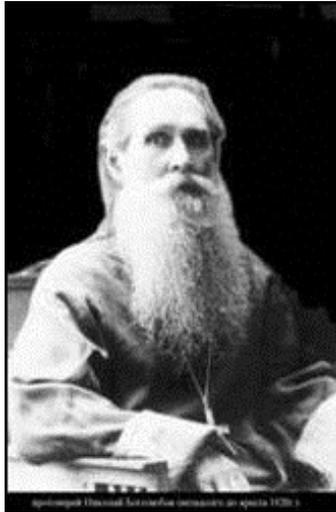
Николай Михайлович Боголюбов родился 8 мая 1872г. в селе Павловское Ардатовского уезда Нижегородской губернии в семье священника. В 1886г. он окончил духовное училище в селе Лысково Макарьевского уезда, а затем в 1892г. – Нижегородскую духовную семинарию⁴ и в том же 1892г. поступил в Московскую духовную академию, которую окончил в 1896г. со степенью кандидата богословия. В своем вступительном сочинении «Введение в богословие» 1892г. он писал: «Познание Бога и проверка евангельских истин по методу ничем не отличается от

³ Вот неполный список его сочинений: «Теизм и пантеизм. Опыт выяснения логического взаимоотношения данных систем» (Нижний Новгород, 1899, магистерская диссертация); «Понятие о религии» («Богословский Вестник», 1900, кн.2); «Эрнест Ренан и его Жизнь Иисуса (опыт психологической критики)» (Харьков, 1908); «Философия религии» (докторская диссертация; том 1, Киев, 1915); «К вопросу о происхождении христианства» («Христианская мысль», 1916, №1 – 4).

⁴ Первая в России семинария, была основана в 1721г. архиепископом Питиримом.

всякого другого познания, но происходит на почве нравственного опыта».

В 1897-1909 гг. Н.М. Боголюбов преподает логику, психологию и историю философии в Нижегородской духовной семинарии⁵ и Закон Божий, географию, русский язык и дидактику в Нижегородском женском епархиальном училище. В 1906 – 1909гг. он главный редактор «Нижегородского церковно-общественного вестника». Здесь, в Нижнем Новгороде, в семье Н.М. Боголюбова и его жены Ольги Николаевны⁶ 21 августа 1909г. родился первенец, которого назвали Николаем.

Протоиерей Николай Михайлович Боголюбов

В том же 1909г. семья переезжает в город Нежин Черниговской губернии⁷, где Н.М. Боголюбов становится

⁵ С недоумением и сожалением я должен отметить, что на сайте Нижегородской духовной семинарии (<http://nds.nne.ru/content/5>) не упоминается имя её выдающегося выпускника и преподавателя протоиерея Н.М. Боголюбова.

⁶ Ольга Николаевна, урожденная Люминарская, окончила Нижегородское отделение Московской консерватории по классу рояля и работала в Нижнем Новгороде преподавательницей музыки.

⁷ Таким образом, Н.Н. Боголюбов покинул Нижний Новгород в возрасте нескольких месяцев. Здесь можно провести параллель с

законоучителем и священником в Историко-филологическом институте князя Безбородко. 25 марта 1911г. в семье Боголюбовых родился второй сын, Алексей.

В 1913г. Николай Михайлович был избран профессором богословия киевского Университета Св. Владимира, и семья переезжает в Киев. В 1917 – 18гг. протоиерей Н.М. Боголюбов был членом Поместного собора Российской православной церкви, избранным от Университета Св. Владимира.

В Киеве 24 января 1918г. родился младший сын Боголюбовых Михаил. Вскоре после этого кафедра богословия в университете была закрыта, и в 1919г. семья переехала в село Великая Круча Пирятинского уезда Полтавской губернии, где Н.М. Боголюбов получил место священника.

В 1921г. Боголюбовы вернулись в Киев, откуда в середине 1925г., оставив старшего сына в Киеве, они уехали в Нижний Новгород, где Н.М. Боголюбов был избран настоятелем церкви Всемилюстивого Спаса. О службе Николая Михайловича в этой церкви имеется беспрецедентное свидетельство – установленная в 1998г. по инициативе прихожан справа от главного входа в собор мемориальная доска, увенчанная крестом, со следующим текстом⁸:

биографией другого нашего выдающегося земляка, Н.И. Лобачевского, который уехал в Казань в возрасте 9 лет. Однако если Н.И. Лобачевский после своего отъезда посетил родной город только один раз (в 1835г. с целью инспекции училищ), то, согласно [2], Н.Н. Боголюбов приезжал в Нижний Новгород многократно, в том числе ежегодно, чтобы посетить могилу своего отца.

⁸ В конце этого текста имеется в виду, что средний сын, Алексей Николаевич Боголюбов (1911 – 2004) – член-корреспондент НАН Украины, известный математик и историк математики и механики, перу которого принадлежат, в частности, биографический справочник «Математики, механики» (Киев, 1983), книги «Математическая жизнь в СССР, 1917 – 1966», научная биография Роберта Гука (М.: Наука, 1984); младший сын, Михаил Николаевич Боголюбов – академик РАН, крупнейший российский иранист – тридцать пять лет (1960-1995) беспрерывно занимал пост декана восточного факультета Ленинградского (с 1991г. – Санкт-Петербургского) университета, обладатель почетного звания «Lasting Person» («Памятная личность») научного сообщества Ирана. Следует заметить, что Николай Николаевич оказал большое влияние на своих младших братьев и на выбор ими рода занятий.

«В память долголетнего служения 1925 – 1934гг. в храме Всемилостивейшего Спаса протоиерея Николая Боголюбова 1872–1934 гг., воспитавшего для Российской земли трех сыновей-академиков».

Храм Всемилостивейшего Спаса в Нижнем Новгороде

К сожалению, текст мемориальной доски не совсем точен. Дело в том, что в 1928г. Николай Михайлович был без объяснения причин арестован органами ОГПУ и заключен в тюрьму. В 1932г. митрополит Сергей (Страгородский), Местоблюститель Патриаршего Престола, хорошо знавший всю семью Боголюбовых, посоветовал Николаю Николаевичу обратиться лично к председателю ОГПУ В.Менжинскому, предупредив при этом: «Но Вы рискуете. Вы или выручите отца, или погибнете». Н.Н. Боголюбов добился встречи с Менжинским, в результате которой в 1932 году его отец был освобожден и вернулся в свой приход⁹. Но вернулся уже серьезно больным и скончался 14 мая 1934г., успев написать 2-й том «Философия религии» и книгу «Жизнь Иисуса Христа».

⁹ У этого сюжета тоже есть историческая аналогия: в 1615 году Иоганн Кеплер получил известие, что инквизиция обвинила его мать в колдовстве. Следствие тянулось 5 лет, в 1620 году начался суд. Кеплер сам выступил защитником, и через год измученную женщину, наконец, освободили.

Вундеркинд Котя. Н.М. Боголюбов считал, что маленький ребенок лучше поддается педагогическому воздействию и скорее приобретает знания. В соответствии с этим он начал учить своих сыновей чтению и письму с 4-летнего возраста, а когда им было около 5 лет, начал учить их немецкому языку, затем добавил французский и, еще позже, английский. Он сам подготовил сыновей к поступлению в киевскую Первую Александровскую гимназию. Впрочем, учились они там недолго. Восемилетний Котя – так звали маленького Николая в семье – не окончил первого класса, а Алексей – пригготовительного. В селе Великая Круча старшие сыновья были приняты соответственно в пятый и шестой классы семилетней школы. В этой школе Котя овладел арифметикой и алгеброй. Ни одного учебника тригонометрии в селе не оказалось, и, по свидетельству брата, Алексея Николаевича, по одному уравнению, которое ему сообщили, Котя восстановил для себя структуру этой дисциплины.

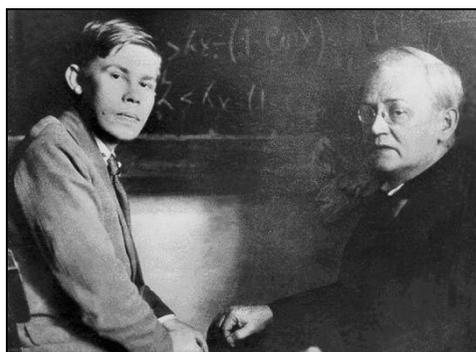

Н.М. Боголюбов, Николай, Михаил,
О.Н. Боголюбова (Люминарская), Алексей

Не имея в селе никаких книг по специальности, Николай Михайлович решил заняться математикой и начал изучать математический анализ по двум учебникам Гренвилля. Вместе с отцом стал заниматься Котя и быстро перегнал его. Вернувшись в Киев, Николай Михайлович начал брать для сына книги по математике и физике в университетской библиотеке. В частности, он принес пятитомный трактат О.Д. Хвольсона по физике, который Котя очень быстро проработал. В результате к середине 1922г. его знания по математике и физике практически равнялись

полному университетскому курсу. Видя, что у Коти обнаружился талант и тяга к физико-математическим наукам, отец отвел его к Д.А. Граве¹⁰, который разрешил 13-летнему мальчику принимать участие в его семинаре.

Спустя несколько месяцев на семинар Граве пришел известный математик Н.М. Крылов и сразу обратил внимание на одаренного мальчика. После семинара Крылов встретился с Николаем Михайловичем и решительно заявил ему: «Граве хороший математик, но он уведет Вашего Колю в алгебраические дебри». С согласия отца¹¹ Коля перешел на кафедру математической физики, руководимую Крыловым.

Н.Н. Боголюбов и Н.М. Крылов

Николай Митрофанович Крылов (1879 – 1955) по образованию был инженером (в 1902 году он окончил Горный институт в Петербурге), но имел и отличное математическое образование: в 1908 – 1910гг. во Франции и в Италии он слушал лекции выдающихся математиков и механиков того времени: Ж. Дарбу, П. Пенлеве, Ж. Адамара, Ж. Буссинеска, А. Лебега, А.

¹⁰ Дмитрий Александрович Граве (1863 – 1939) – алгебраист, создатель первой крупной русской математической школы, из которой вышли Б.Н. Делоне, О.Ю. Шмидт, Н.Г. Чеботарев, М.Ф. Кравчук.

¹¹ Д.А. Граве тоже не возражал. Он вообще относился к сюрпризам жизни со сдержанным юмором. Когда в 1929г. Н.М. Крылова избрали академиком АН СССР, а Д.А. Граве – почетным академиком, Дмитрий Александрович сказал, что разница между ним и Николаем Митрофановичем теперь такая же, как между милостивым государем и государем.

Пуанкаре, Л. Бьянки, У. Дини. С 1912г. Н.М. Крылов – профессор Горного института, в 1917 – 1922гг. – профессор Таврического (Крымского) университета, с 1917г. – профессор Киевского университета. В 1922г. он был избран академиком Украинской академии наук, в 1929г. – академиком АН СССР¹².

Больше года Коля интенсивно занимается с академиком Н.М. Крыловым. По предложенному Крыловым распорядку, они встречались через день, обсуждая разные математические вопросы поочередно по-немецки и по-французски. С 14 лет Коля начал участвовать в работе семинара Крылова при кафедре математической физики, в 15 лет была написана (совместно с Н.М. Крыловым) его первая научная работа «О принципе Рэля в теории дифференциальных уравнений математической физики и об одном эйлеровом методе в вариационном исчислении». Однако его положение в Киеве было неясным: его единственным документом об образовании была справка об окончании 7-летней школы. Ситуация разрешилась принятым по инициативе Крылова Решением Малого президиума Укрглавнауки от 1 июня 1925г.: «Ввиду феноменальных способностей по математике считать Н.Боголюбова на положении аспиранта научно-исследовательской кафедры математики в Киеве с 18.6.1925г.». Научным руководителем 15-летнего аспиранта был назначен Н.М. Крылов. Однако Крылов сыграл в судьбе Н.Н. Боголюбова не только роль научного наставника. В середине 1925г. Коля остался в Киеве один (семья вернулась в Нижний Новгород) и переселился на новое место. Комната его оказалась очень сырой, и он начал хворать. Однажды Н.М. Крылов заехал к Коле домой, ужаснулся условиям его жизни и забрал мальчика с собой в свою трехкомнатную квартиру. Коля поселился в проходной комнате, на стене которой висела классная доска для семинаров, и прожил в этой комнате 8 лет. Отправляясь в гости или на концерт, Крылов всегда брал Колю с собой.

«Академическая лестница». Перечислю кратко основные этапы академической карьеры Н.Н. Боголюбова.

1924 г. – первая научная работа (совместно с Н.М. Крыловым);

1928 г. – кандидатская диссертация «Применение прямых методов вариационного исчисления к исследованию нерегулярных случаев простейшей задачи»;

1930 г. – доктор математики *honoris causa*¹³;

¹² Подробнее о жизни и трудах Н.М. Крылова см.[3].

¹³ Т.е. без защиты диссертации.

1939 г. – член-корреспондент АН УССР;
1946 г. – член-корреспондент АН СССР;
1948 г. – действительный член АН УССР;
1953 г. – действительный член АН СССР;
1963 – 1988гг. – член Президиума АН СССР, академик-секретарь Отделения математики.

«Выписка из трудовой книжки».

1928г. – научный сотрудник АН УССР.
1934–1958гг. – Киевский университет: с 1936г. – профессор, 1936 – 1950гг. – зав. кафедрой математической физики.
1940–1941гг. – Черновицкий университет: зав. кафедрой математического анализа.

1941–1943гг. – Уфимский авиационный институт, Уфимский педагогический институт: зав. кафедрами математического анализа.

1943–1992гг. – профессор МГУ; в 1953 – 1966гг. – зав. кафедрой теоретической физики, в 1966 – 1992гг. – зав. кафедрой квантовой статистики и теории поля.

1950 – 1953гг. – работа на «объекте» (Арзамас-16, участие в советском атомном проекте).

С 1949г. работал в МИ им. В.А.Стеклова АН СССР: зав. отделом теоретической физики и механики, с 1969г. – зав. отделом статистической механики, в 1983 – 1988гг. – директор института.

1966 – 1973гг. – директор Института теоретической физики АН Украины.

1956 – 1964гг. – директор Лаборатории теоретической физики ОИЯИ.

1965 – 1988гг. - директор ОИЯИ.

С 1989 г. – почетный директор ОИЯИ и МИ им. В.А.Стеклова АН СССР.

Я не уверен, что эта выписка полна, но и так легко заметить, что Н.Н. Боголюбов умудрялся одновременно руководить несколькими крупными организациями, причем географически удаленными друг от друга. И он действительно руководил, и при этом всерьез занимался наукой, и всюду имел учеников: его организаторские способности были выдающимися, а фантастической работоспособностью он отличался с детства.

Из воспоминаний о Н.Н.Боголюбове. Начну с фрагментов из главы 8 «И.Е. Тамм, И.Я. Померанчук, Н.Н. Боголюбов, Я.Б. Зельдович» книги воспоминаний академика А.Д. Сахарова [4].

«О Николае Николаевиче Боголюбове я впервые услышал в 1946 году от моего товарища по школьному математическому

кружку, потом однокурсника Акивы Яглома. Он рассказал, что в Москву приехал из Киева некий «бобик», необычайно талантливый, у которого так много научных идей, что он раздает их налево и направо. Потом я слышал его замечательный доклад в ФИАНе о теории сверхтекучести».

«На объекте Боголюбов действительно способствовал усилению математического отдела. <...> Боголюбов делал также отдельные теоретические работы по тематике объекта, если их удавалось выделить и они соответствовали его интересам (в этом случае он делал их так, как вряд ли смог бы кто-либо другой). Но его совсем не интересовали инженерные и конструкторские, а также экспериментальные работы. <...> Большую часть своего времени он открыто использовал на собственную научную работу, не имеющую отношения к объекту (много после я стал делать то же самое), а также на писание монографий по теоретической физике. Главным образом для этого он привез с собой Климова, Ширкова и Зубарева <...>. Наибольшего успеха он достиг с самым молодым из них – Митей Ширковым. Их совместная монография по квантовой теории поля получила всеобщее, заслуженное признание. Эта монография, так же как совместная монография с Зубаревым, тоже вполне добротная, была окончена уже в Москве».

«Внеслужебные отношения с Николаем Николаевичем у Игоря Евгеньевича и у меня были вполне хорошие. И.Е. и я иногда заходили к Н.Н. в номер, он радушно встречал нас и угощал «чем Бог послал» (а посылал Он хорошие вещи), расхаживая по комнате, размахивал руками и что-нибудь рассказывал. Разговаривать с ним всегда было интересно – он эрудит в самых разнообразных областях, отлично знал несколько языков, обладал острым, оригинальным умом и юмором. Но наиболее щекотливые темы, как наедине с И.Е., в этих разговорах не затрагивались (хотя, я думаю, ему было что вспомнить и что рассказать). <...> От Николая Николаевича я впервые узнал идеи кибернетики, о работах Винера, Шеннона, Неймана, <...> услышал об огромных потенциальных возможностях ЭВМ».

«К пятидесятым – шестидесятым годам относятся его главные, прекрасные работы по квантовой теории поля и элементарным частицам. < ... > У Боголюбова много учеников – физиков и математиков – и настоящих ученых, и просто «приблизженных», он возглавляет теоретические и математические отделы во многих институтах, стал своего рода научным генералом. Зачем это ему надо – мне не совсем понятно. Но, видимо, это тоже входит составной частью в его

стиль, так ему спокойней. Я предпочитаю вспоминать, как оживает его лицо и, кажется, вся фигура, когда он слышит что-то существенно новое, научное, и в его голове мгновенно появляются собственные идеи по этому поводу».

Следующие фрагменты – из воспоминаний М.М. Агреста¹⁴ из рассказа о встрече с ним в США известного историка физики Г.Е. Горелика (см. [5]).

«Мы были знакомы по работе, и как-то я пошел к нему (к Н.Н. Боголюбову – Г.П.) домой по какому-то делу. Подхожу, дверь открыта, и из дома слышно радио... На еврейском языке! Видимо, из Израиля. А время было тогда ужасное... космополитизм, сионизм. Я не знал, что делать. И постучал в открытую дверь. Н.Н. вышел, увидел меня и говорит: передают про «Мицраим» – я понял, что он знает иврит! И так получилось, что тогда мы открылись друг другу».

Далее Г.Е. Горелик комментирует, что означает это «открылись»: *«... в самом начале нашей беседы он (М.М. Агрест – Г.П.) решительно заявил, что не скажет ничего о секретах, по поводу которых дал когда-то подписку. <...> тайна, которую Агрест решил раскрыть: оказывается, в этом совсекретном «эпицентре» научно-технического прогресса <...> действовал совершенно секретный – для его неучастников – семинар, где в центре обсуждений были ... религиозные вопросы. В семинаре участвовал и Боголюбов, «очень интересный человек в этом отношении», подчеркнул Агрест».*

13 января 1951г. М.М. Агрест совершенно неожиданно получил предписание органов покинуть «объект» в 24 часа. Имеется несколько версий о поводе для этого предписания. Приведу одну из них по воспоминаниям Л.В. Альтшулера¹⁵ (см. [6]):

«Примерно в это же время к изгнанию был приговорен высококвалифицированный математик Маттес Менделевич Агрест, участник Великой Отечественной войны. В связи с каким-то кадровым вопросом в Отделе режима внимательно перечитали его личную анкету. Открытым текстом там было написано, что в возрасте 15 лет, в 1930г., он окончил высшее Еврейское духовное училище и получил диплом раввина. Работники

¹⁴ Маттес Менделевич Агрест (1915 г.р.) – математик, работал на «объекте» в группе Я.Б. Зельдовича, известен также как автор гипотезы палеоконтактов.

¹⁵ Лев Владимирович Альтшулер (1913 – 2003) – известный физик, работал на «объекте».

режима пришли в ужас. Ведь это означало, что у нас на объекте несколько лет жил и работал человек, сохранивший прямые контакты с Богом и ветхозаветными пророками, по понятным причинам не имевшими допуска к секретной информации. Поступило распоряжение в 24 часа удалить Агреста с объекта. Активное вмешательство Д.А. Франк-Каменецкого, Н.Н. Боголюбова, И.Е. Тамма позволило продлить этот срок до недели, а также получить ему новое назначение на менее секретный объект в Сухуми».

Вернемся к тексту Г.Е. Горелика: *«Когда Агрест, говоря о своих заступниках, с особой теплотой упомянул имя Н.Н. Боголюбова, я, честно скажу, очень удивился. Для меня загадкой была подпись Боголюбова под письмом сорока академиков в «Правде» (29 августа 1973 года), с которого началась газетная травля А.Д. Сахарова».*

Приведу окончание этого «письма сорока» и список подписей:

«Мы выражаем свое возмущение заявлениями академика А.Д. Сахарова и решительно осуждаем его деятельность, порочащую честь и достоинство советского ученого. Мы надеемся, что академик Сахаров задумается над своими действиями.

Академики: Н.Г. Басов, Н.В. Белов, Н.Н. Боголюбов, А.Е. Браунштейн, А.П. Виноградов, С.В. Вонсовский, Б.М. Вул, Н.П. Дубинин, Н.М. Жаворонков, Б.М. Кедров, М.В. Келдыш, В.А. Котельников, Г.В. Курдюмов, А.А. Логунов, М.А. Марков, А.Н. Несмеянов, А.М. Обухов, Ю.А. Овчинников, А.И. Опарин, Б.Е. Патон, Б.Н. Петров, П.Н. Поспелов, А.М. Прохоров, О.А. Реутов, А.М. Румянцев, Л.И. Седов, Н.Н. Семенов, Д.В. Скобельцын, С.Л. Соболев, В.И. Спицын, В.Д. Тимаков, А.Н. Тихонов, В.М. Тучкевич, П.Н. Федосеев, И.М. Франк, А.Н. Фрумкин, Ю.Б. Харитон, М.Б. Храпченко, П.А. Черенков, В.А. Энгельгардт.»

Должен сказать, что мне неприятно видеть в этом списке фамилию Боголюбова (как, по-видимому, и Г.Е. Горелику) и еще ряд других фамилий. Однако я не берусь ни судить, ни осуждать. Собственно говоря, судить легко: зная, что были и есть люди (в том числе среди коллег А.Д. Сахарова), не одобрявшие «нефизическую» деятельность Сахарова, я надеюсь, что для большинства из них, как и для подписавших, моральная окраска факта подписания такого письма совершенно ясна. А вот осуждать, зная ситуацию в СССР и не зная деталей каждого конкретного случая, невозможно. Поэтому смысл упоминания о подписи Н.Н. Боголюбова под этим письмом вовсе не в том, чтобы высказать осуждение, и даже не в том, что «из песни слова не выкинуть»:

оказалось, что эта подпись представляет собой определенную историческую загадку, которую я обнаружил, когда прочитал воспоминания А.И. Ахиезера¹⁶ (1911 – 2000) (см. [7]): «*Николай Николаевич творил почти в то же время, что и Лев Давидович Ландау, мой учитель и близкий друг, и следует сказать, что отношения между ними не всегда были безоблачными. <...> В действительности оба этих великих человека ценили и уважали друг друга. <...> Не могу не вспомнить историю, связанную с работой Николая Николаевича о неидеальном бозе-газе. Работа была тонкая, <...> но в редакции ЖЭТФ работу отклонили. Тогда Николай Николаевич решил поговорить с самим Ландау. Беседа состоялась, Ландау сразу оценил работу Боголюбова и понял, что она является не только правильной, но блестящей. Статья, конечно, была опубликована. <...> К крупнейшим достижениям теоретической физики Ландау относил работы А.А. Фридмана по теории гравитации, А.Н. Колмогорова по определению спектра турбулентности и Н.Н. Боголюбова по теории неидеального бозе-газа*».

Далее, вспоминая о своем личном общении с Н.Н. Боголюбовым, А.И. Ахиезер пишет: «*Когда мы остались втроем¹⁷, мне показалось, что я Боголюбова знаю с детских лет, настолько легко было с ним разговаривать, он понимал всё с полуслова. <...> Его энциклопедическим знаниям, остроумным и точным суждениям и высказываниям я всегда поражался. И уходя от него, я чувствовал, что получил важный духовный заряд, и у меня далее как-то на душе становилось легче*».

«*Облик Николая Николаевича как человека характеризует его отношение к событиям, связанным с именем А.Д. Сахарова, и к деятельности своего ученика А.А. Логунова. Боголюбов не подписал (выделено мной – Г.П.) письмо против Сахарова, опубликованное в «Правде», под которым поставили свои подписи многие академики. В связи с этим Боголюбов рассказывал мне, как президент Академии наук М.В. Келдыш приходил за подписью к академику И.М. Виноградову.*

Келдыш, предлагая Виноградову подписать письмо, сказал, что Сахаров опубликовал статью, мимо которой проходить нельзя. Виноградов захотел прочитать статью, на что будто бы Келдыш ответил: «Зачем её читать – все западные

¹⁶ Александр Ильич Ахиезер (1911 – 2000) – известный физик-теоретик, академик АН УССР.

¹⁷ Третьим был друг А.И. Ахиезера известный математик С.И. Зуховицкий.

газеты о ней пишут». Тут Николай Николаевич со смехом сказал мне: «Что ж, Вы думаете, ответил Иван Матвеевич Келдышу?» – «Мстислав Всеволодович, да разве Вы не помните, еще Ленин говорил, что ни одной буржуазной газете нельзя верить». С этим Келдыш и ушел, не получив подписи Виноградова».

«Что касается А.А. Логунова, то он развивал антиэйнштейновскую теорию гравитации, имел по этому вопросу множество публикаций, но поддержки Боголюбова в этой деятельности не получил».

«Н.Н. Боголюбов всегда старался поддерживать хорошие начинания. Когда в Москве создавался Институт теоретической физики им. Л.Д. Ландау, то именно он поддержал инициатора создания института академика Исаака Марковича Халатникова».

Даже просто факт подписания Н.Н. Боголюбовым письма в «Правду» плохо согласуется¹⁸ с многочисленными воспоминаниями о нем как о человеке независимом, принципиальном и «не робкого десятка». А теперь еще мы имеем «противоречие в документах»: свидетельство современника о том, что «Боголюбов не подписал письмо против Сахарова», да еще сопровождаемое подробностями о том, как Н.Н. Боголюбов со смехом рассказывал о деталях отказа И.М. Виноградова от подписания этого письма. Мне представляется, что если бы Н.Н. Боголюбов подписал письмо, то подобный рассказ было бы для него психологически и морально невозможен.

Размышляя над этой загадкой, я придумал для себя две гипотезы: «слабую» и «сильную». Первая заключается в том, что в рассказе А.И. Ахiezера перепутаны письма: в 1975г. в «Правде» было опубликовано еще одно аналогичное «Заявление советских ученых» с осуждением Сахарова. Под этим письмом 72 подписи (академиков и членов-корреспондентов АН СССР), множество подписей под первым письмом пересекается с множеством подписей под вторым, но первое множество не является подмножеством второго. В частности, подписи Н.Н. Боголюбова под вторым письмом нет.

Вторая, «сильная», гипотеза заключается в том, что подпись Н.Н. Боголюбова под первым письмом вообще появилась без его ведома или согласия. Ясно, что в такой ситуации Н.Н. Боголюбов был бы бессилён дезавуировать эту подпись.

¹⁸ Из [5] ясно, что и Г.Е.Горелик считает эту подпись загадкой и что именно в поисках ответа он разыскал Агреста в США. Однако предложенная Г.Е.Гореликом в [5] версия разгадки представляется мне неубедительной.

Приводимый ниже фрагмент воспоминаний Б.А. Арбузова ¹⁹ [8] из недавно опубликованной книги «Воспоминания об академике Н.Н. Боголюбове» ²⁰ показывает отношение Н.Н. Боголюбова к этой подписи (а также является контраргументом к версии Г.Е. Горелика).

«Перехожу к событию неприятному, доставившему Николаю Николаевичу настоящие огорчения. Можно было бы этой теме совсем не касаться, но тогда некоторые важные события в жизни Николая Николаевича останутся непонятными. Зашла как-то в московскую квартиру Николая Николаевича его невестка Катя. А Николай Николаевич в мрачнейшем настроении. Пожаловался: «Пришел Келдыш, принес письмо с осуждением А.Д. Сахарова. Говорит: “Как водку пить, так вместе, а как говно хлебать, так я один. Подпишите, Николай Николаевич!”». Какие еще аргументы приводил М.В. Келдыш, неизвестно, но подпись Николая Николаевича под этим письмом появилась. Знающие люди говорят, что именно в этом году Нобелевский комитет уже принял предварительное решение о присуждении Николаю Николаевичу премии по физике. А предварительное решение, как правило, обычно и утверждается официально. Но после этого письма срочно была сделана замена».

Хочу обратить внимание, что у Б.А. Арбузова написано очень аккуратно: утверждение «подпись Николая Николаевича появилась» не равнозначно утверждению «Николай Николаевич подписал».

Уже после доклада, изложением которого является этот текст, я обнаружил воспоминания [9] еще одного ученика Н.Н. Боголюбова, профессора А.В. Свидзинского ²¹, в которых написано: «Близкие к Н.Н. люди (в частности, его сын Николай Николаевич-младший) утверждают, что Боголюбов вообще не ставил своей подписи под осуждением Сахарова, это сделали против его воли люди из аппарата Президиума АН СССР. Есть и другие версии. Я не могу судить о событиях, мне неизвестных».

¹⁹ Борис Андреевич Арбузов – физик-теоретик, профессор, сотрудник НИИ ядерной физики им. Д.В.Скобельцына, МГУ им. М.В.Ломоносова.

²⁰ Эта книга, подписанная к печати 17 августа 2009г., издана МИ им. В.А.Стеклова РАН тиражом всего 200 экз., но доступна в Интернете: <http://www.mi.ras.ru/index.php?c=books&m=3>.

²¹ Анатолий Вадимович Свидзинский – заведующий кафедрой теоретической и математической физики Волынского национального университета им. Леси Украинки.

Таким образом, можно надеяться, что «сильная» гипотеза все-таки верна.

Памятник Н.Н. Боголюбову в Нижнем Новгороде

Память. Разумеется, непреходящую память о себе Н.Н. Боголюбов обеспечил, прежде всего, своими научными трудами²² и воспитанными им учениками. Здесь я хочу назвать только архитектурные и топонимические объекты, носящие его имя. Это главный проспект г.Дубна, Лаборатория теоретической физики ОИЯИ в Дубне, Институт теоретической физики НАН Украины в Киеве. Мне известны три скульптурных портрета Н.Н. Боголюбова: барельеф на здании Черновицкого университета, памятник в Дубне (2001г.) и памятник Н.Н. Боголюбову в Нижнем Новгороде перед старым корпусом университета, установленный в 1983г. в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 мая 1973 года как дважды Герою Социалистического Труда²³.

Литература

1. Боголюбов А.Н. Н.Н. Боголюбов. Жизнь. Творчество. – Дубна: ОИЯИ, 1996. 181с.
2. Андрианова В.Н. За выдающиеся заслуги в развитии математики, механики и теоретической физики, подготовку научных кадров // Нижегородский музей. 2004. №1–2. С.9–14.

²² К 100-летию со дня рождения Н.Н. Боголюбова завершено издание 12-томного полного собрания его научных трудов.

²³ Возвращаясь к параллели с биографией Н.И. Лобачевского (см. сноску 7), остается сожалеть, что Н.И. Лобачевский не был дважды Героем – тогда, возможно, в Нижнем Новгороде ему был бы, наконец, установлен памятник.

3. Боголюбов А.Н., Урбанский В.М. Николай Митрофанович Крылов. – Киев: Наукова думка, 1987. 175с.
4. Сахаров А.Д. Воспоминания. Т.1. – М.: Права человека, 1996. 912с.
5. Горелик Г.Е. Сила знания и импульс веры // Заметки по еврейской истории. 2002. №22 (доступно также по адресу http://ggorelik.narod.ru/ADS68/Sila_znaniya_i_very.html).
6. Альтшулер Л.В. Рядом с Сахаровым // В книге «Он между нами жил. Воспоминания о Сахарове». – М.: Практика, ОТФ ФИАН, 1996. С.113.
7. Ахиезер А.И. Очерки и воспоминания. – Харьков: Факт, 2003. 430с.
8. Арбузов Б.А. Учитель в науке и жизни. Воспоминания о Николае Николаевиче Боголюбове // В книге «Воспоминания об академике Н.Н.Боголюбове. К 100-летию со дня рождения». – М.: МИАН, 2009. С.30–43 (доступно также по адресу <http://www.mi.ras.ru/index.php?c=books&m=3>).
9. Свидзинский А. Николай Николаевич Боголюбов, каким я его видел и понимал // Интернет-ресурс «Ежедневная всеукраинская газета “День”», №150, 27 августа 2009г. <http://www.day.kiev.ua/279053/>.
10. Николай Николаевич Боголюбов. Собрание научных трудов: в 12 томах. РАН. – М.: Наука, 2005–2009 (Классики науки).

Евгений Лихтман

Гольфанд и Гинзбург

Узнай, а есть предел — там, на краю земли?

И можно ли раздвинуть горизонты

1962 году я закончил 10 классов, мой отец с помощью высоких технологий укреплял ракетный щит страны, физики были в почете, а я мечтал о научных открытиях. Но при поступлении на Физический Факультет МГУ меня не пропустила медкомиссия. Декан Факультета Василий Степанович Фурсов посмотрел мои грамоты, полученные за победы на Олимпиадах, и объяснил, что он не может нарушить закон. Закон смог нарушить Ректор МГУ Иван Георгиевич Петровский, который своим приказом перевел меня после месяца учебы с вечернего Механико-Математического на Физический факультет. К окончанию Физического факультета я был соавтором двух печатных работ и собирался в аспирантуру к моему первому научному руководителю Юрию Михайловичу Широкову в Математический Институт Академии Наук. Но в аспирантуре «стекловки» свободного места для меня не нашлось, и меня сосватали к Юрию Абрамовичу Гольфанду в Теоретический Отдел Физического Института Академии Наук СССР.

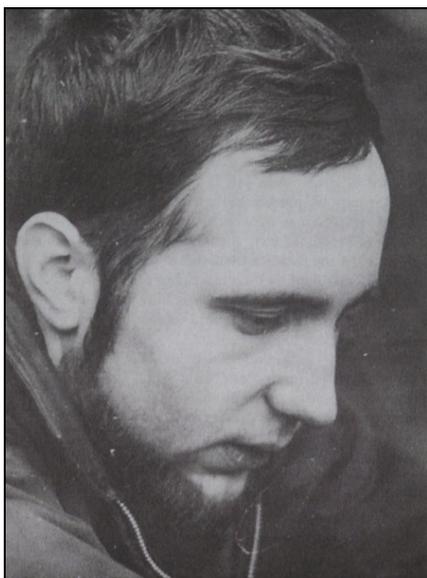
*Здесь можно свернуть обрыв обогнуть,
но мы выбираем трудный путь*

Юрий Абрамович показал мне несколько непротиворечивых математических формул и поручил выяснить, какое они имеют отношение к физике элементарных частиц. У меня выбора не было. Выбор был у Юрия Абрамовича. Сейчас я догадываюсь, что он мог бы предложить мне какую-нибудь заведомо посильную задачу, решив которую, я защитил бы диссертацию и смог бы надеяться на интересную работу по специальности после аспирантуры. Но он, уверенный в успехе, поставил ва-банк, взяв на себя всю ответственность за мою научную карьеру. Я не знал, как подступиться к проблеме, и вера в

собственные силы потихоньку таяла. А Юрий Абрамович приговаривал "Не боги горшки обжигают".

*Мой финиш - горизонт,
а лента - край земли*

Первые полтора года работы горизонт не приближался. Только после построения простенькой суперсимметричной модели свободных полей появилась надежда. Хотелось сразу опубликовать результат, но Юрий Абрамович охладил мой пыл, объяснив, что эта далекая от реальности модель никого не впечатлит. Нужна была модель взаимодействующих полей.

Евгений Лихтман, конец 60-х годов

*Кто сам себя не испытал,
пусть даже внизу он звезды хватал с небес*

Помню как-то зимой семидесятого я пришел в теоротдел ФИАН за час до начала семинара, чтобы обсудить свои вычисления с научным руководителем. Юрий Абрамович появился ненадолго и... уехал кататься на горных лыжах с молоденькой аспиранткой. Я злился, ревновал... и страшно завидовал: в то время горные лыжи были для меня недостижимой мечтой. В горах открывается третье измерение пространства, на горной трассе нет начальников, у всех равные права, и ты сам можешь испытывать пределы своих возможностей.

Лучше гор могут быть только горы

За полгода до защиты докторской диссертации Юрий Абрамович уехал в горы кататься на лыжах. Мне-то казалось, что надо было сидеть в Москве, готовить бумаги, исправлять опечатки и заниматься, по мнению Юрия Абрамовича, прочей ерундой. Я думаю, что эта свобода поступков отражала свободу мысли, которая позволила Юрию Абрамовичу предложить гипотезу суперсимметрии - Гипотезу, вокруг которой тусуются уже более 40 лет огромное количество физиков.

*Я согласен бегать в табуне,
но не под седлом и без узды*

Когда мы получили результат и готовили его к печати, в коридоре теоротдела мы встретили Андрея Дмитриевича Сахарова, и Юрий Абрамович попросил его представить нашу работу для "Докладов АН СССР". Андрей Дмитриевич, не спрашивая ни о теме, ни о полученном результате, сразу же согласился, всецело доверяя Юрию Абрамовичу. Но тут же предупредил, что сроки публикации в этом издании велики, и мы отослали короткую заметку в Письма в ЖЭТФ".

Я должен первым быть на горизонте

Нет, за нами никто не гнался. Большой проблемой для меня было писать первую обзорную главу диссертации и составлять список литературы.

*Только сзади радостно слышал
удивленные крики людей.*

Два моих оппонента Владимир Иванович Манько и Владимир Георгиевич Кадышевский с большим интересом отнеслись к полученным результатам. Остальные результат не заметили. Мы были плохими менеджерами: наверное, надо было печататься в западном журнале и, как минимум, привлечь внимание парочки зарубежных рецензентов. Вероятно, надо было выступить хотя бы на одной международной конференции. Я, понятно, не мог этому поспособствовать, а Юрий Абрамович - не умел или не хотел - это было для него слишком мелко. Думаю, он предвидел, что потребуется не один десяток лет для того, чтобы приступить к экспериментальной проверке красивой Гипотезы.

Слабо стреляться?! В пятки, мол, давно ушла душа?!

Терпенья, психопаты и кликуши!

Поэты ходят пятками по лезвию ножа

И режут в кровь свои босые души!

В давние времена конфликты разрешались с помощью яда или на дуэли, в сталинские времена яд сменили на доносы, в брежневские времена на смену доносам пришло Сокращение

штатов. Государство, желая заручиться полной лояльностью руководства отдела, дает ему взятку в виде процедуры Сокращения штатов: прикрываясь различными демагогическими лозунгами на вполне законных основаниях можно выгнать неугодного сотрудника. От имени государства, - работодателя-монополиста, - Виталий Лазаревич Гинзбург вручил Юрию Абрамовичу Гольфанду «волчий билет» - так прозвали в народе увольнение сотрудника с весьма проблематичным трудоустройством. Способ разрешения конфликта между будущим Нобелевским лауреатом и основоположником суперсимметрии - это закономерное проявление порочности вертикали власти в фундаментальной науке. Многолетнее пребывание у власти развращает даже всемирно признанные авторитеты: можно с высоты своего роста не различить ростки нового, не заметить сделанные ошибки, не признать их и не исправить.

Мы, волчата, сосали волчиц

И всосали - «Нельзя за флажки!»

Ну а что же парторги, профорги, завсекторами и члены Ученого Совета Теоротдела? Постоянно поднятый кнут в виде угрозы сокращения - хороший способ управления несокращенными. Для переоценки вклада Юрия Абрамовича Гольфанда в развитие теоретической физики потребовались стремительное развитие суперсимметрии на западе, - нет пророков в своем Отечестве, - и горбачевский ветер перемен...

В 1989 г. в актовом зале МГУ вручали Премии АН СССР. Юрий Абрамович и я пришли в зал независимо и, когда объявили о вручении Премии им. И.Е.Тамма, Юрий Абрамович подошел к Президенту АН СССР первым, а я держался позади (он меня не видел). После того, как Гурий Иванович Марчук вручил Диплом лауреату, Юрий Абрамович забеспокоился и обратился к Президенту АН СССР, не видел ли тот Лихтмана. Юрий Абрамович никогда не признавал никаких флажков - сейчас он получал не подачку из рук начальника, а заслуженную награду из рук коллеги, который мог бы заодно помочь ему отыскать Лихтмана. Тут объявился я, и благополучно получил из рук Президента свой Диплом.

Моисей Каганов

Эпизоды из жизни физика-теоретика

(окончание. Начало в №2/2013 и сл.)

Памяти Элочки

ЭЛЕКТРОННАЯ ТЕОРИЯ МЕТАЛЛОВ И ГЕОМЕТРИЯ ¹

В конце 70-х годов к электронной теории металлов уже не было приковано внимание Ильи Михайловича Лифшица. Теория неупорядоченных сред и теория биополимеров – вот чему он уделял главное внимание. Должен признаться, я даже несколько ревновал. Меня-то по-прежнему интересовала электронная теория металлов, особенно всё, что связано с геометрией ферми-поверхностей. Мне повезло: Илья Михайлович получил приглашение написать статью в сборник, который готовился в честь Дэвида Шёнберга (1911 – 2004) в связи с его уходом на пенсию. Илья Михайлович с уважением относился к многолетним и плодотворным исследованиям Дэвидом Шёнбергом эффекта де Гааза – ван Альфена. Теорию эффекта де Гааза – ван Альфена, свободную от модельных предположений об энергетическом спектре электронов проводимости и тем самым пригодную для восстановления формы поверхностей Ферми по осцилляционным явлениям, И. М. Лифшиц построил совместно с Арнольдом Марковичем Косевичем. Алик Косевич в те годы,

¹ Под таким названием был опубликован обзор в УФН (М. И. Каганов, И. М. Лифшиц, 1979, т. 129, стр. 487). Здесь этот обзор будет именоваться Обзором (с большой буквы). Название и ссылка в дальнейшем опускаются. Текст незначительно изменён по сравнению с текстом комментария в книге “Илья Михайлович Лифшиц. Учёный и человек” (Харьков, 2006, стр. 417).

когда создавалась теория эффекта де Гааза – ван Альфена, был аспирантом Ильи Михайловича. Дэвид Шёнберг очень ценил работу Лифшица и Косевича. Отказаться от участия в издании в честь Д. Шёнберга Ильи Михайлович не мог и, насколько помню, не хотел. Илья Михайлович предложил мне быть его соавтором. Как всегда, совместная работа с Ильёй Михайловичем доставила мне большое удовольствие. Так родился Обзор. Наш обзор открывал сборник².

Илье Михайловичу иногда приходилось преодолевать себя, чтобы сосредоточиться на Обзоре. Однако, писался он так же, как всё, что мы писали вместе. Всё же, одно отличие было: у моего учителя-соавтора не возникло ни одной новой темы. Раньше так никогда не бывало. Для Ильи Михайловича геометризация электронной теории металлов уже была *историей*.

Обзор – последнее, что Ильи Михайлович написал с моим участием. В Обзоре мы изложили *наши* представления о возникновении геометрического подхода в электронной теории металлов. Сознательно подчёркиваю, что речь идёт о *нашем* восприятии истории электронной теории металлов. Недаром статья в сборнике в честь Шёнберга имеет иронический эпиграф – цитату из пьесы Бернарда Шоу “Ученик дьявола”: “А что же скажет история? История, как всегда, соврёт”. Но мы, естественно, пытались писать правду – так, как её себе представляли.

В построении электронной теории металлов приняли участие замечательные физики-теоретики: Дебай, Зоммерфельд, Блох, Пайерлс... После работ 50-х годов И. М. Лифшиц приобрёл несомненное право стоять в их ряду.

Работами Ильи Михайловича и его учеников в 50-е – 60-е годы уже прошлого века электронная теория металлов приобрела новый облик, в ней возник геометрический язык. За прошедшие с того времени годы получено много ранее неизвестных сведений о металлах. Одной из важнейших характеристик металла стала поверхность Ферми, и было выяснено, что собой представляют поверхности Ферми практически всех металлов и многих интерметаллических соединений.

Так как поверхность Ферми – поверхность в *трёхмерном* пространстве, её можно себе *представить*. В словаре физики металлов появились термины, обязанные *геометрическим образам*. Приобрело конкретность *представление* о различии металлов,

² “Electrons at the Fermi Surface”, edited by M. Springford, Cambridge University Press (October 2, 1980). Благодарен Д. Хмельницкому, который прислал мне библиографическую справку.

более того, оно приобрело наглядность, поверхности Ферми стали визитными карточками металлов. Геометрия ферми-поверхностей стала источником новых задач. Появился и утвердил себя новый раздел физики металлов – *фермиология*. Фермиология с её геометрическими образами стала разделом электронной теории металлов.

В Обзоре есть ссылки на те работы, автором или соавтором которых был Илья Михайлович. Однако академический стиль изложения нивелирует роль соавторов. Хочется уточнить и конкретизировать роль И. М. Лифшица.

Буквальным началом геометризации электронной теории металлов следует считать формулировку И. М. Лифшицем условия квантования площадей сечений поверхностей Ферми плоскостями, перпендикулярными магнитному полю (формула (7) Обзора). Условие Илья Михайлович вывел в 1950 году и в том же году доложил на сессии АН Украины в Киеве.

Вместе с крупным харьковским математиком – геометром Алексеем Васильевичем Погореловым Илья Михайлович показал, как по зависимости магнитного момента от магнитного поля можно восстановить форму поверхности Ферми металла и распределение скоростей на ней. Эту работу следует считать первой из большого числа работ, в которых основное место занимает восстановление энергетического спектра электронов проводимости металлов по данным эксперимента.

В 50-е годы большой интерес привлекало решение обратных задач, и этот тип задач очень интересовал Илью Михайловича. Часто к возможности постановки и решения обратных задач он возвращался в разговорах.

В год публикации работы с Погореловым, вышла из печати работа Лифшица “Об определении энергетического спектра бозе-системы по её теплоёмкости”³. И так, приблизительно в одно время были сформулированы и решены две обратные задачи – для бозе- и для ферми-систем.

Фермиология довольно быстро завоёвывала свои позиции. Использование наглядных представлений и понятий, смысл которых абсолютно ясен: площади сечений, хорды, точки на поверхности Ферми – все термины легко усваивались и появлялись в работах по физике металлов. Не помню скольконнибудь серьёзной критики. Правда, иногда приходилось выслушивать скептические замечания. Дескать, всё так просто, потому что используется одноэлектронное приближение, а “на

³ ЖЭТФ, 1954, т. 26, стр. 551.

самом-то деле” электронную теорию металлов надо строить, не пренебрегая взаимодействием электронов между собой. Иногда добавлялся совсем “сокрушительный” аргумент: без учёта электрон-фононного взаимодействия, “как хорошо известно”, невозможно объяснить сверхпроводимость, а в этих работах, если и учитывается существование фононов, то только для того, чтобы объяснить температурную зависимость сопротивления⁴.

До появления теории ферми-жидкости Ландау (первая публикация в 1956 году) работы, в которых делались попытки построить многоэлектронную теорию металлов, были так громоздки, что о рассмотрении с их помощью столь сложных эффектов, как, скажем, эффект де Гааза – ван Альфена, нечего было и думать. Теория ферми-жидкости была создана в те же годы. Думали ли мы, что необходимо перейти от рассмотрения свойств электронного газа к рассмотрению свойств ферми-жидкости? По моему, нет. Конечно, я не могу утверждать, что никто из учеников Ильи Михайловича не думал об этом. Я – нет. И, насколько помню, на эту тему и разговоров в те годы не было. А вот что помню *точно*: на семинаре Ландау, на котором докладывалась теория гальваномагнитных явлений, о ферми-жидкости никто не говорил. Ни докладчик, ни Л. Д. Ландау. Нас (меня, по крайней мере) устраивало переименование электрона с произвольно сложным законом дисперсии из частицы в квазичастицу. Когда же пришло время осуществить задуманное – написать обзоры, а потом собрать их в книгу “Электронная теория металлов”⁵, в большой мере основанную на работах фермиологического толка, то я понял, что Илья Михайлович может чётко ответить на вопрос, как и когда осуществляется переход на “жидкостной” язык (см. монографию³⁷, §§16 и 23). В §16 речь идёт именно об эффекте де Гааза – ван Альфена, а в §23 – об использовании квазистатического

⁴ Удивительно, но именно этот аргумент я услышал из уст Н. Н. Боголюбова на заседании Ленинского комитета, на котором обсуждалось присуждение Ленинской премии И. М. Лифшицу, а я присутствовал как представитель общественности. Н. Н. был членом Комитета. У меня нет сомнений, что выступавший с отрицательным отзывом Н. Н. прекрасно понимал, как обстоит дело в действительности, а его выступление было продиктовано групповыми интересами. В тот раз Илье Михайловичу премия не была присуждена.

⁵ И. М. Лифшиц, М. Я. Азбель, М. И. Каганов. Москва, “Наука”, 1971. В том же году книга вышла в США, в издательстве Plenum Press.

линеаризованного по электрическому полю уравнения Больцмана, как в магнитном поле, так и в отсутствии магнитного поля. Тем самым, в §23 показано, что в теории большинства наиболее характерных фермиологических эффектов – в теории гальваномагнитных и размерных явлений, в теории аномального скин-эффекта, в теории поглощения ультразвука электронами проводимости – можно применять “газовое” описание. При этом полученные формулы включают в себя геометрические характеристики *истинной* (жидкостной) поверхности Ферми – той, которая учитывает взаимодействие между электронами – *поверхности Ферми электронов – квазичастиц*.

Книга “Электронная теория металлов” писалась пять лет. Обзоры “Некоторые вопросы электронной теории металлов” (И. М. Лифшиц, М. И. Каганов, УФН, 1959, 1962, 1965) выходили раз в три года. Должен сказать, темп выхода из печати – целиком моя вина. Надо было понимать: важнее, чем сделать ещё одну оригинальную работу, ускорить публикацию обзоров и монографий! В результате мы несколько опоздали. К выходу обзоров, а тем более книги многое было уже усвоено по журнальным публикациям и выступлениям на семинарах и конференциях.

Для популяризации фермиологии более важную роль, чем наша книга, сыграла книга “Введение в теорию нормальных металлов” Алексея Алексеевича Абрикосова (Москва, “Наука”, 1972), вышедшая почти одновременно с “Электронной теорией металлов”. Книга Абрикосова содержит описание многих явлений, чувствительных к геометрии поверхности Ферми. Написанная более доступно, чем наша книга, она стала, по моему мнению, основным учебником по электронной теории металлов даже в тех областях, где приоритет И. М. Лифшица и его учеников общепризнан и подчёркнут Абрикосовым.

Фермиологический подход стал обязательным для основных учебников и монографий по теории нормальных металлов. Соответствующие главы появились в учебниках: “Принципы теории твёрдого тела” Дж. Займана (Москва, “Мир”, 1974, английское издание: “Principles of the Theory of Solids” by J. M. Ziman, Cambridge University Press, 1972), “Физика твёрдого тела” Н. Ашкрофта и Н. Мермина (Москва, “Мир”, 1979, американское издание: “Solid State Physics”, Neil W. Ashcroft, N. David Mermin, Holt, Rinehart and Winston, 1976). Конечно и в курсе теоретической физики Ландау и Лифшица рассмотрение явлений в металлах ведётся с учётом сложной геометрии поверхностей Ферми (см. Е. М. Лифшиц, Л. П. Питаевский, том IX,

“Статистическая физика”, часть 2, Москва, “Наука”, 1978, гл. VI; том X, “Физическая кинетика”, Москва, “Наука”, 1979, гл. IX).

Выбор направления исследования и темы конкретной работы – один из самых важных этапов научной работы. Мы, ученики и особенно сотрудники Ильи Михайловича Лифшица, находились в завидном положении. Главным образом из-за щедрости Ильи Михайловича: он охотно делился темами в той области, которая его в данный момент интересовала. С другой стороны, мы имели свободу выбора, обеспеченную тем, что к проявлению самостоятельности Илья Михайлович относился с уважением. И ещё одно обстоятельство нельзя не учитывать. Когда Илья Михайлович одобрял избранную тобой задачу, возникала уверенность, что ты не попусту расходуешь время. Оценке Ильи Михайловича доверяли не только его ученики и сотрудники, но и начальство. Я не помню ни одного случая, чтобы институтское (УФТИ, ИФП) или университетское (ХГУ, МГУ) начальство было недовольно выбором темы кем-либо из сотрудником И. М. Лифшица. Необходимо добавить, с какой бы задачей ни обращались к Илье Михайловичу за помощью, он всегда помощь оказывал, кто бы задачу ни сформулировал.

В 50-е годы не было того безумного потока информации, который ныне обрушивается на головы научных работников. Мы старались следить за всем, что приносили по избранной нами тематике ежемесячные журналы. Нарочно указал, что журналы выходили раз в месяц, отдельных журналов, специализирующихся на срочной публикации (*Phys. Rev. Letters*, Письма в ЖЭТФ) ещё не было. Кроме того, мы посещали семинары. В данный момент я говорю не о теоретическом семинаре, руководимом А. И. Ахиезером и И. М. Лифшицем (в Харькове). Его-то мы, конечно, посещали. Присутствовали и выступали на нем не только сотрудники УФТИ, но и все физики-теоретики Харькова. Более того, на него приезжали физики и из других городов СССР. Чтобы семинар был доступен, его заседания проходили вне УФТИ, попасть в который из-за режима секретности было непросто.

Семинар Ландау я бы не отнёс к источникам информации для меня, для нас (я имею в виду харьковчан). Для всех приезжающих на семинар Ландау физиков-теоретиков семинар играл роль *высшего авторитета*. Если работу кому-либо из нас И. М. Лифшиц (и/или А. И. Ахиезер) советовали доложить на семинаре Ландау, то это означало, что они считают работу этого достойной. Если работа не встретила возражений во время доклада на семинаре Ландау, она как бы приобретала “официальный” знак

качества. В кавычках, так как ничего формально официального во мнении Ландау не было. Не помню, чтобы работа, которую Илья Михайлович рекомендовал доложить на семинаре в Институте физических проблем, встретила возражение Ландау (либо перед семинаром, когда Ландау решал, будет ли работа доложена, либо на самом семинаре). Нередки были случаи, когда Ландау осаживал критиков. Работы Ильи Михайловича и выполненные под его контролем, как правило, удовлетворяли требованиям, которые предъявлял к работам Ландау.

Важное место при выборе темы исследования для меня играли семинары Лаборатории физики низких температур УФТИ. Их вёл руководитель лаборатории Борис Георгиевич Лазарев. Криогенная лаборатория, созданная Шубниковым, с конца 30-х годов её руководимая Лазаревым – первая криогенная лаборатория на территории СССР и одна из первых в мире. Исследование металлов и в нормальном, и в сверхпроводящем состояниях – традиционная тематика Криогенной лаборатории УФТИ. Неудивительно, что темы работ по теории металлов Ильи Михайловича и его учеников (мои, в частности) совпадали с темами экспериментальных работ уфтийских криогенщиков⁶.

Отправив письмо в Кембридж (Англия), мы получили письмо с замечанием от М. Спрингфорда (M. Springford) – издателя сборника в честь Шёнберга. В нашем тексте было утверждение, что *чаще* для исследования осцилляционных явлений используют эффект Шубникова – де Гааза (осцилляции сопротивления как функции магнитного поля), чем эффект де Гааза – ван Альфена (осцилляции с магнитным полем магнитного момента). Спрингфорд обратил наше внимание на то, что наш вывод основан на работах, выполненных в УФТИ. В Мондовской лаборатории под руководством Д. Шёнберга и в других местах, по его словам, исследования осцилляций ведутся в основном с помощью измерения зависимости именно магнитного момента металла от магнитного поля. Утверждение мы изъяли.

⁶ Связь работ по электронной теории металлов И. М. Лифшица и его школы с экспериментальными работами в Криогенной лаборатории УФТИ более детально прослежена в моей статье “К истории электронной теории металлов (УФТИ, 50-е годы)”. Она опубликована, в частности, в брошюре “Академик Илья Михайлович Лифшиц”, вышедшей к 70-летию Ильи Михайловича (Москва, “Знание”, 10/1987), а кроме того в моей книге “Школа Ландау...” (см. ранее).

Гальваномагнитные явления – традиционная тематика физиков, занятых исследованиями при низких температурах. В послевоенные годы, в криогенной лаборатории УФТИ гальваномагнитные явления изучал Евгений Станиславович Боровик с несколькими сотрудниками. Результаты часто обсуждались на семинаре.

Теорией гальваномагнитных явлений заинтересовались мы, теоретики, в связи с работами Е. С. Боровика. Безуспешно я пытался решить кинетическое уравнение Больцмана в магнитном поле для электронов с произвольным законом дисперсии. У меня ничего не получалось, я часто отвлекался на упрощения (следы этого остались в виде публикаций). Задачей заинтересовался Марк Азбель и уравнение Больцмана решил. Его решение показалось мне несколько неуклюжим. Я даже сомневался в его правильности. Естественно, мы обратились к Илье Михайловичу. И... тут произошло чудо (именно так я воспринимал это тогда): появились удобные переменные, решение стало очевидным, выяснилось, что “необъяснимое” различие поведения металлов в сильных магнитных полях имеет естественное объяснение и зависит от топологии поверхности Ферми. Первые очертания открытых поверхностей Ферми, соответствующие периодичности кристаллов, Илья Михайлович набрасывал при нас. С каждым разговором работа становилась всё более интересной и приобретала всё большее значение.

Несомненно, главный результат теории – выяснение роли открытых, бесконечно протяжённых поверхностей Ферми и открытых траекторий на них. О различии асимптотики магнетосопротивления у металлов, поверхности Ферми которых замкнуты, и у металлов с открытыми поверхностями Ферми, сказано уже в первой нашей (трёх авторов: Лифшица, Азбеля, Каганова) публикации ⁷ в ЖЭТФе. Но подробный анализ анизотропии магнетосопротивления металлов с открытыми поверхностями Ферми, дававший возможность определять топологию поверхностей Ферми по анизотропии компонент тензора магнетосопротивления, – заслуга Ильи Михайловича и Валентина Григорьевича Песчанского (работа И. М. Лифшица и В. Г. Песчанского стала в дальнейшем частью диссертации Вали Песчанского – аспиранта Ильи Михайловича в те годы).

⁷ По первым буквам наших фамилий теорию гальваномагнитных явлений, не ограниченную предположениями о характере спектра электронов проводимости и диссипативного механизма, назвали ЛАК-теорией.

Исследованиями гальваномагнитных явлений на весьма чистых кристаллах ряда металлов в эти же годы занимались Николай Евгеньевич Алексеевский и Юрий Павлович Гайдуков в Институте физических проблем АН СССР в Москве. Была редкая возможность совместной работы по сопоставлению теоретических и экспериментальных результатов. В работе Н. Е. Алексеевского, Ю. П. Гайдукова, И. М. Лифшица и В. Г. Песчанского авторы попытались определить топологию поверхности Ферми олова. Пожалуй, в данном случае существенен не столько конкретный результат, сколько то, что была показана возможность восстановления электронного энергетического спектра нормальных металлов с помощью гальваномагнитных явлений. Было понято и показано, что квантовые осцилляции – отнюдь не единственный источник знаний о геометрии поверхностей Ферми.

Дальнейшие исследования показали, что существуют разнообразнейшие явления, чувствительные к форме и связности поверхностей Ферми. Все они могут быть основой разных экспериментальных методов определения энергетического спектра металлов.

Книга “Электронная теория металлов” содержит в виде Приложения III справочную таблицу “Топология поверхностей Ферми металлов”. Её автор – Юрий Павлович Гайдуков. Это, похоже, первый в мировой литературе справочник такого типа.

Думаю, то, как создавалась теория гальваномагнитных явлений, отчётливо демонстрирует определяющую роль Ильи Михайловича даже в том сравнительно редком случае, когда мысль заняться исследованием возникла не у него.

В 2002 году В. Г. Песчанский и я опубликовали обзор в журнале *Physics Reports* “Гальваномагнитные явления теперь и сорок лет назад”⁸ – свидетельство того, что мой и В. Г. интерес к этой теме за прошедшие десятилетия не угас. Мы отметили, что вернуться к теории гальваномагнетизма нас побудило появление математических работ Сергея Петровича Новикова и его сотрудников. Они вернулись к результатам 50-х годов, полученным при участии И. М. Лифшица⁹. Из их анализа неожиданно (мне казалось, что все геометрические заключения в теории гальваномагнитных явлений высказаны) выявилось существование своеобразного топологического инварианта. Им

⁸ М. I. Kaganov, V. G. Peschansky “Galvano-magnetic Phenomena today and forty years ago”, *Physics Reports*, 2002, v. 372, p. 445.

⁹ См. обзор С. П. Новикова и А. Я. Мальцева. УФН, 1998, т. 168, стр. 249.

оказался единичный вектор вдоль направления открытости электронных траекторий в магнитном поле. Он оказался устойчивым к малым изменениям направления магнитного поля. Тем самым в число характеристик открытых ферми-поверхностей была внесена совокупность топологических инвариантов, неизвестных до этого. В статье Роберто Де Лео¹⁰ на основании работы Ю. П. Гайдукова 60-го года (ЖЭТФ, т. 10, стр. 913) рассчитана карта областей (зон) топологических инвариантов “металлов с топологически нетривиальными ферми-поверхностями” (цитирую автора).

Работы по теории гальваномагнитных явлений, естественно, докладывались на семинаре Ландау. Первую из работ на эту тему Ландау не сразу “принял”. Только через два-три дня разговоров и размышлений Ландау убедился в том, что полученные в ней результаты правильны. В дальнейшем Ландау высоко оценивал теорию гальваномагнитных явлений. Почему, задумался я, именно с этой работой возникли трудности? Работы, в которых использовались значительно более неочевидные математические приёмы, легче воспринимались Ландау. Кажется, я понял, в чём причина.

Обсуждение тормозилось при рассмотрении свойств металлов с замкнутыми поверхностями Ферми. Поведение таких металлов в сильном магнитном поле зависит от того, равны числа электронов и дырок друг другу или нет. Результат очень общий, он не зависит от закона дисперсии электронов проводимости и даже от характера диссипативных процессов. В 1939 году для висмута было показано¹¹, что аномальное поведение его сопротивления обязано равенству чисел электронов и дырок. Думаю, Ландау тогда посчитал, что именно простота формы поверхности Ферми V_i играет важную роль, и ему было трудно отказаться от своего убеждения. Но, убедившись в безукоризненности вывода, Ландау, как я уже говорил, высоко оценил эту работу. В УФН опубликованы протоколы заседаний учёных советов ИФП. Приведено высказывание Л. Д. Ландау на заседании, посвящённом 40-летию Октябрьской революции (1957 г.):

¹⁰ Roberto De Leo, “Topological effects in the magnetoresistance of Au and Ag” (arXiv:cond-mat/0409383, 15.IX.04).

¹¹ Б. И. Давыдов, И. Я. Померанчук, “О влиянии магнитного поля на электропроводность монокристаллов висмута при низких температурах”, ЖЭТФ, 1939, т. 9, стр. 1294.

“...Работы группы И. М. Лифшица по электронной теории металлов являются в своей области важнейшими в мировой литературе”.

К этому времени была опубликована не только теория гальваномагнитных явлений, но и другие работы “группы И. М. Лифшица” (все они упомянуты в Обзоре).

Обзор содержит много примеров геометрических образов, связанных с поверхностью Ферми, какие свойства металла они определяют, и, конечно, сказано, *как* определяют. Одна работа занимает особое место. Речь идет о статье И.М. Лифшица 1960 года “Об аномалиях электронных характеристик металлов в области больших давлений”¹².

Почему я выделяю эту работу? Хотя в названии работы фигурируют *аномалии*, в работе было сказано, что речь идёт о топологическом переходе, или о фазовом переходе $2\frac{1}{2}$ -го рода. Топологическим переход назван потому, что происходит он, когда поверхность Ферми металла меняет свою связность, а переходом $2\frac{1}{2}$ -го рода он по необходимости оказался, когда И. М. к аномалии термодинамического потенциала применил классификацию Эренфеста.

Возможность топологических переходов заметно изменила представление об электронной подсистеме металла.

В природе существует два класса электронных проводников: металлы и полупроводники, промежуточное место занимают полуметаллы.

В полупроводниках сравнительно мало носителей заряда, и потому они легко поддаются воздействию. Легко изменяется их электронная структура, в частности, легко изменяется число носителей в них: изменение температуры, давления, введение малого количества примесей – каждое из этих воздействий может кардинально изменить свойства полупроводников. Даже знак заряда носителей изменить нетрудно: полупроводник *n*-типа может превратиться в полупроводник *p*-типа или наоборот в зависимости от валентности примеси.

В металлах – огромное число электронов проводимости. Казалось бы, для того, чтобы изменить их электронную структуру, необходимы огромные усилия: для существенного изменения электронной структуры металла нужны чудовищные (мегабарные) давления. Но оказалось, что для топологического перехода в приложении огромных давлений нет необходимости, так как нет

¹² ЖЭТФ, 1960, т. 38, стр. 1569.

необходимости перестраивать всю поверхность Ферми. Достаточно, чтобы лишь в одной точке \mathbf{p} -пространства металла либо возникла новая полость поверхности Ферми, либо разорвалась перемычка. Точку, в которой поверхность меняет свою связность, обозначают \mathbf{p}_c и называют *критической*. Возможны и противоположные события: полость исчезает, а перемычка появляется (это изображено на рис. 32 в Обзоре). Важно подчеркнуть: “событие” разыгрывается в окрестности одной *критической* точки (или нескольких, если таково требование симметрии), а формулы, описывающие аномалию, содержат характеристики не всех электронов металла, а только тех, которые имеют квазиимпульсы, равные \mathbf{p}_c и бесконечно близко расположенные к \mathbf{p}_c .

В дальнейшем было показано, что ферми-жидкостное взаимодействие не размывает аномалию, и переход, открытый И. М. Лифшицем, остаётся переходом $2\frac{1}{2}$ -го рода¹³.

Обычно поверхность Ферми критических точек не содержит, но эти точки находятся близко к поверхности Ферми. Факт существования больших периодов при наблюдении эффектов де Гааза – ван Альфена и Шубникова – де Гааза уже мог служить указанием на близость критических точек к поверхности Ферми. По-моему, четко это высказано не было. Понимание пришло после экспериментов, обнаруживших аномалии, вызванные изменением связности поверхности Ферми.

И. М. Лифшиц и три группы экспериментаторов (из УФТИ, МГУ и ИФВД) за предсказание и обнаружение электронно-топологического перехода получили в 1982 году диплом об открытии. Топологические переходы были обнаружены у многих металлов по аномалиям разнообразных характеристик. Обнаружение на опыте заметной аномалии термо-ЭДС при топологическом фазовом переходе обострило интерес к этому явлению¹⁴.

Явление, предсказанное Ильёй Михайловичем, получило имя того, кто его предсказал: “Лифшица переход”, – так назван “переход $2\frac{1}{2}$ -го рода, электронно-топологический переход” в

¹³ М. И. Каганов, А. Мёбиус, “Влияние ферми-жидкостного взаимодействия на фазовый переход $2\frac{1}{2}$ -го рода”, ЖЭТФ, 1984, т. 86, стр. 691.

¹⁴ См. обзор Ya. M. Blanter, M. I. Kaganov, A. V. Pantsulaya, A. A. Varlamov, “The Theory of Electronic Topological Transitions”, Physics Reports, 1994, v. 245, p. 159. Обзор содержит исчерпывающую (на 1994 год) библиографию.

Энциклопедическом словаре “Физика твёрдого тела” (Киев, Наукова думка, 1996, т. 1, стр. 479).

Работа Ильи Михайловича – первая работа, предсказавшая, что изменение топологии геометрического образа, который фигурирует в описании свойств металлов, порождает аномалию.

При описании термодинамики электронов проводимости, благодаря вырождению, фигурирует поверхность Ферми; в формулы, описывающие квантовые осцилляции в магнитном поле, входят площади сечений этой поверхности, которые перпендикулярны магнитному полю; в теории аномального скин-эффекта и в теории поглощения ультразвука фигурируют пояски на поверхности Ферми, скорость расположенных на них электронов перпендикулярна заданному вектору. Изменяя условия эксперимента (деформируя металл, меняя направление магнитного поля или направление распространения звука и т.д.), можно все эти и другие геометрические фигуры “заставить” изменить топологию. И каждое такое изменение приводит к аномалии – к *обобщённому топологическому переходу*. Аномалии можно обнаружить в эксперименте. Такой подход обобщает идею И. М. Лифшица на широкий круг явлений¹⁵.

Предсказание, а потом и открытие топологического перехода – одно из самых ярких проявлений отличия закона дисперсии электронов проводимости от закона дисперсии свободных электронов. Тот факт, что топологический переход происходит при сравнительно небольших давлениях, а также восстановленные многими способами поверхности Ферми различных металлов – всё это показывает, что ферми-поверхности весьма вычурны. На поверхностях есть вмятины, то есть на поверхностях Ферми имеются области с гауссовой кривизной различного знака. Следовательно, на поверхностях есть и линии параболических точек, на которых одна из главных кривизн меняет знак. Есть даже точки уплощения – точки пересечения линий параболических точек.

Линии параболических точек – важные характеристики поверхностей Ферми. В большинстве случаев изменение связности геометрических образов, приводящее к аномалиям, происходит в точках, расположенных на линиях параболических точек. Если внешнее воздействие изменяет топологию (связность) линий параболических точек, то это может быть причиной аномалии.

¹⁵ См. обзор: М. И. Каганов, Ю. В. Грибкова, “Топологические переходы в нормальных металлах”, ФНТ, 1991, т. 17, стр. 907.

Подобная аномалия не есть фазовый переход согласно термодинамическому определению, но может имитировать переход Лифшица, если его пытаться, например, наблюдать по появлению или исчезновению периода осцилляций в магнитном поле¹⁶.

Фермиология открыла удивительный мир своеобразных структур. На первый взгляд, вычурность, сложность ферми-поверхностей – загадочное явление. Тот факт, что наряду с большими полостями у поверхностей Ферми большинства поливалентных металлов есть множество малых полостей, казалось загадкой. *Но выяснилось, что ситуация проще, чем можно было себе представить.* Модели Гэрисона, основанной на приближении почти свободных электронов Бриллюэна, оказалось достаточно, чтобы объяснить, как из исходных сфер Ферми у поливалентных металлов получаются "загадочные" поверхности Ферми, состоящие из многих полостей разного масштаба, нередко включающие открытые поверхности (в Обзоре этому посвящён специальный раздел).

Анализ различных свойств металлов (особенно – высокочастотных) показал, что за некоторые из свойств ответственны только электроны, расположенные в отдельных точках на ферми-поверхности (и их называют *критическими*). Особенно отчётливо это видно на примере поглощения звука в магнитном поле. Изменяя условия эксперимента, можно двигать критическую точку по поверхности Ферми. Тогда, когда критическая точка окажется параболической или точкой уплощения, коэффициент поглощения звука испытывает аномалию. Интересно отметить: в этом случае связность не меняется, а меняется метрика участка Ферми-поверхности, окружающей избранную условиями эксперимента точку.

Исследованию роли локальной геометрии поверхностей Ферми металлов в высокочастотных свойствах металлов посвящено много работ. Некоторые из них упомянуты в Обзоре. В 1996 году была опубликована монография Натальи Авксентьевны Зимбовской "Локальная геометрия поверхности Ферми и высокочастотные свойства металлов" (Екатеринбург, 1996). В

¹⁶ В. И. Макаров и др. "Новый тип топологического электронного перехода в металлах при изменении энергии Ферми", ФНТ, 2005, т. 31, стр. 422.

2001 году вышел из печати расширенный перевод этой монографии на английский язык ¹⁷.

Использование геометрических представлений облегчает понимание роли электронов проводимости в структуре бозевских ветвей энергетического спектра металлов (в частности, фононов). Поверхность Ферми отделяет занятую область периодического \mathbf{p} -пространства от свободной. Граница заполнения электронами, то есть ферми поверхность – причина существования особенностей Мигдала **Fehler! Keine gültige Verknüpfung.** Кона.

В тех случаях, когда поверхность Ферми имеет сложную форму, определение геометрического места точек особенностей в пространстве квазиимпульсов фононов и выяснение характера особенностей – нетривиальные задачи, которые вряд ли были бы решены, если бы не геометрическая наглядность. В Обзоре раздел “Пересечение ферми-поверхности со своим сдвинутым аналогом. Особенности Мигдала-Кона” посвящён именно этим вопросам, его название точно указывает, какой геометрический образ следует использовать.

Взаимодействие электронов с фононами влияет не только на фононный спектр. Электронный спектр тоже перенормируется.

Когда поверхность Ферми – сфера, то перенормируется масса фермиевских электронов. Когда закон дисперсии сложен, то описывают все свойства металлов, не уточняя зависимость энергии электрона от квазиимпульса. Возник термин *электрон с произвольным законом дисперсии*. В Обзоре принят именно такой способ описания.

На первый взгляд слова *перенормировка* и *произвольный закон дисперсии* не сочетаются. Какой смысл в перенормировке функции $\varepsilon = \varepsilon(\mathbf{p})$, если она только считается известной, хотя, по существу, известно о ней очень мало? Без учёта взаимодействия электронов с фононами функция $\varepsilon(\mathbf{p})$ заметно изменяется на “расстояниях” порядка величины периода обратного пространства кристалла. Из-за взаимодействия с фононами перенормируется скорость электронов на поверхности Ферми и в тонком слое, примыкающем к ней. Закон дисперсии электронов, расположенных далеко от поверхности Ферми, не перенормируется. Толщина слоя, в котором происходит перенормировка, порядка ms , где m – масса электрона, а s –

¹⁷ Nataliya A. Zimbovskaya, “Local Geometry of the Fermi Surface and High-Frequency Phenomena in Metals”, Springer-Verlag, NY, Berlin, Heidelberg.

скорость звука. Слой так тонок, что естественно представлять себе поверхность Ферми фигурой, завёрнутой в простыню.

В статье “Энергетический спектр металлов и его особенности”¹⁸, который служит как бы продолжением Обзора, перечислены основные работы, по которым можно проследить развитие одного из направлений геометрического подхода в электронной теории металлов: подробно исследовано возникновение и характер особенностей в фононном спектре металлов со сложными поверхностями Ферми, а также дана геометрическая интерпретация перенормировки электронного спектра за счёт электрон-фононного взаимодействия.

В 1985 году вышел сборник отдельных статей “Электроны проводимости”¹⁹. Книга посвящена памяти И. М. Лифшица. В ней собраны обзорные статьи теоретиков и экспериментаторов, посвященные свойствам нормальных металлов. Они развивают идеи и представления фермиологии. Ферми-поверхности уже не экзотика. Они вошли в современную физику. В этом велика роль Ильи Михайловича Лифшица.

Электронная теория металлов не была единственной областью деятельности И. М. Лифшица. В 1997 году в честь 80-летия со дня рождения Ильи Михайловича проводились научные конференции и вышли специальные выпуски журналов²⁰. Доклады на конференциях и статьи в журналах посвящены широкому кругу вопросов. Они свидетельствуют о том, что сфера интересов Ильи Михайловича охватывает всю физику конденсированного состояния.

2004-2011 гг.

¹⁸ М. И. Каганов, УФН, 1985, т. 145, стр. 507.

¹⁹ Редакторы М. И. Каганов и В. С. Эдельман (Москва, “Наука”, 1985). Мы оба не только редакторы, но и авторы. Хочу отметить: в этом сборнике А. А. Слуцкий при моем участии изложил в двух главах-обзорах свою теорию квантового магнитного пробоя. Обзоры основаны на докторской диссертации А. А. Слуцкина. Как грустно, что талантливый теоретик и интереснейший человек Алик Слуцкий рано ушёл из жизни.

²⁰ УФН, 1997, т. 167, № 2. Содержит 4 статьи. Physics Reports, v. 288, №№ 1 – 6 под общим названием “I. M. Lifshitz and Condensed Matter Theory”, редакторы А. Ю. Гроссберг, М. И. Каганов. Содержит 21 статью. В обоих изданиях есть статьи с моим участием.

Приложение 2: магноны, магноны, магноны

(статья-шутка к 60-летию А. С. Боровика-Романова)

М. И. Каганов

А. С. Боровику-Романову, который любит магноны и который так много для них сделал.

Симпатии и антипатии внушают не только люди, но и предметы, явления, идеи. Из квазичастиц я симпатизирую магнонам. Симпатия эта осознанная, и я могу рассказать, что меня в магнонах привлекает.

Как и все квазичастицы, магноны – враги холодного, бездушного порядка [1]. Кроме того, магноны – коллективисты. Магнону не свойственна чопорность электронов, запрещающая им собираться больше, чем по два, да и то повернувшись спинами друг к другу. И все же, конечно, не эти общие всем квазичастицам-бозонам черты выделяют магноны.

Особое познаётся в сравнении.

Магноны естественно сравнивать с фононами. Первое, что бросается в глаза в фононах, – их неразборчивость, я бы сказал даже, отсутствие патриотизма, космополитичность, что ли. Фононы могут жить где угодно. Металлы, диэлектрики, полупроводники, даже жидкости – везде есть фононы. Магноны верны своему родовому имени. И при этом аристократически скромны. Обитая только в магнетиках, они даже в них не претендуют на особые привилегии, сосуществуя с другими квазичастицами. Иногда, правда, роль магнонов велика и общепризнанна – нельзя же не замечать магнонов в ферромагнетиках, когда при достаточно низких температурах их больше даже чем фононов!

Магноны не таковы, чтобы даже апологетическое их описание требовало каких-либо умолчаний. Их столкновения с фононами, да и друг с другом, иногда кончаются уничтожением одного из участников, а иногда приводят к распаду[2].

Фононам легко быть коллективистами – бозонами. Когда правила поведения заложены в генотипе, никем другим и не будешь. Магнонам, формируя в себе черты бозона, приходится бороться с собой. И следы этой борьбы, как родовые травмы, они несут на себе всегда, заставляя преодолевать трудности, не знакомые фононам [3]. Многих привлекают неизменность и жесткость (их часто воспринимают как проявление принципиальности). Фононы неизменны как само тело, их содержащее. Есть что-то вульгарное и мещанское в способности быть удобными всегда – от абсолютного нуля вплоть до температуры плавления (“Твоя родина вот-вот погибнет, а ты

благоденствуешь!»). Магнонам нужны несколько изысканные условия существования: приближение к катастрофе, которую они сами приближают, для них губительно. Но зато они поинтеллигентски чутки и отзывчивы: их изменяет небольшое по общепринятым масштабам взаимодействие. По их поведению можно судить о среде, в которой они живут [4].

Но более всего мне нравится в магнонах то, что они – истинные джентльмены. Как по-хамски ведут себя экситоны, поляритоны, фононы, заставляя волну изменять себя им в угоду (чего не сделает волна ради резонанса?). Магنون не требует жертв от волны. Не щадя себя, ради полного слияния, ради резонанса, он изменяется сам [5].

Литература

[1] М. И. Каганов. Магноны – нарушители магнитного порядка. “Природа”, №4, 1971 г.

[2] А. И. Ахиезер, В. Г. Барьяхтар, С. В. Пелетминский. Спиновые волны. Москва, “Наука”, 1967 г. §25. Процессы взаимодействия между магнонами. §26. Процессы взаимодействия магнонов и фононов.

[3] F. Dyson. Phys. Rev., 1956, v. **102**, p. 1217.

[4] А. С. Боровик-Романов. Антиферромагнетизм. Сб. Итоги науки. Москва, 1962 г.

[5] А. Г. Гуревич. Магнитный резонанс в ферритах и антиферромагнетиках. Москва, “Наука”, 1973 г.

Март 1980 г

ПРИЛОЖЕНИЕ 3: ПОЧЕМУ Я МУСИК?

Мусиком я был для всех. Не только для близких, но и для студентов, аспирантов, молодых коллег. Конечно, обращаясь ко мне, они называли меня по имени-отчеству, но “за спиной”, знаю, – только Мусиком. На учёных советах, членом которых я был, предоставляли слово Мусику. То же – на семинарах. Если коллеги произносили *Моисей Исаакович*, значит обстановка была сугубо официальной.

В детстве меня редко называли Мусиком. Назван я был Моисеем в честь моего прадедушки Мойше-Пейсаха – дедушки моей мамы. Обидно: совсем ничего о нём не знаю.

Естественно, в детстве никто не называл меня Моисеем. Я был Мусей. Ни мною, ни родителями, ни близкими Муся не воспринималось как уменьшительное или ласкательное имя. Оно не вызывало удивления и у моих сверстников: ни в школе, ни во дворе. То, что в школе я был именно Мусей, – не aberrация памяти. Мои соученики (соученицы, соучеников почти не

осталось), с которыми удалось восстановить связи, называют меня Мусей.

Почти сразу после призыва (декабрь 1939 года) я превратился в Мишу. Меня переименовали мои товарищи по учебной команде. Помню их смутно. Да и себя самого плохо помню. Высокий, худой, нескладный, потому что до неприличия неспортивный (подтягиваться не мог), лопухий, что стало особенно заметно, когда постригли наголо. Казалось бы, создан для насмешек. Особенно если добавить некую восторженность и, похоже, скажем осторожно, глуповатость.

Что я помню точно, так это то, что не ощущал никакого антисемитизма. Добавлю: на протяжении всей службы. Когда была сформирована учебная команда, нас поместили в одно помещение. Полагалось говорить “кубрик”, хотя всё было на суше, естественно: призвали меня в береговую оборону. Знакомимся. Называем свои имена.

Я:

– Муся.

В ответ:

– Это – бабское имя...

– Полное моё имя Моисей, а по-еврейски Мойше-Пейсах.

Зачем я назвал имя своего прадеда, не знаю. Может быть, в этом было нечто мистическое. Возможно, чисто интуитивно хотел проверить, антисемиты или нет.

– Мойше? Значит, Миша, – сказал кто-то, и на все годы службы я превратился в Мишу.

Военная служба послужила для меня источником некого опыта. До мобилизации я был типичным маменькиным сыночком. Прежде всего, ничего не умел делать руками. Научился. Но, пожалуй, важнее был опыт общения с людьми разного возраста, образования, положения в обществе, национальности. Удалось научиться относиться иронически к формальному положению, к тому, что можно назвать табелем о рангах, понять, что товарищеские отношения бесконечно важнее уставных. Эта учёба проходила не без “синяков и шишек”.

Конечно, за время пребывания на военной службе я стал взрослее. Но, одновременно, и остановился в своём развитии. Я понимал, что потерял годы. Действительно, на первый курс я вернулся в начале 46-го года почти 25-летним. Потеряно более шести лет. Отсюда желание ускорить обучение в университете. Оно привело к тому, что мы (Витя Цукерник и я) перепрыгнули через курс. Об этом уже писал.

Приход на первый курс переростком, несомненно, наложил отпечаток на всю последующую жизнь. Я оказался по возрасту между своими сокурсниками и нашими учителями. Это привело к несколько необычным последствиям. С сокурсниками, по-моему, неощутимым (по крайней мере, мне хочется так думать), а вот с преподавателями – к заметным. Возникли некие отношения, как правило, дружеские, вне учебного процесса. Позднее это промежуточное положение (по возрасту) проявилось в том, что возникли и поддерживались близкие отношения с теми, кто по “табелю о рангах” были расположены существенно выше. Конечно, с годами разница лет теряла своё значение, да и многие молодые коллеги перегоняли меня, приобретая академические звания и занимая высокие (иногда очень высокие) посты. Признаюсь (главным образом, себе), что ощущение промежуточного возраста (между “сверстниками” и учителями) странным образом сохранилось до сих пор, когда людей, заметно старших меня, осталось один-два и обчёлся...

Наверное, последнее сыграло важную роль в “консервации” имени Мусик. В частности, и потому, что между собой мои старшие по положению товарищи использовали “укороченные обозначения”: Илья Михайлович – Лёля, Александр Ильич – Шура, Вениамин Леонтьевич – Веня. Но, уверен, не менее важную роль сыграл мой характер.

Начало 1946 года. Демобилизованный, во флотской форме появляюсь в университете. На Физическом отделении Физико-математического факультета. Экзаменов мне сдавать не надо было: я формально *возвращался* в университет. Кажется, такова была привилегия для отличников – для тех, кто, как я, и поступал без экзаменов.

Знакомство. Представляюсь:

– Муся.

Ни удивления, ни вопросов. Но кто-то произнес:

– Мусик, – явно желая подчеркнуть мой пол. К сожалению, не помню, кто произнёс первым. Сравнительно скоро я привык к новому “обозначению” и объяснял, что “ик” играет роль не уменьшительного суффикса, а полового окончания. Объяснение вызывало чуть скабрёзную улыбку, но по существу было строгой грамматической констатацией.

К Мусику привык не только я, но и все, кто меня знал. Почему это имя так ко мне подошло, сказать не берусь. Ниже выскажу некую гипотезу. Правда, я сам в какой-то мере его насаждал. Знакомясь, если только знакомство было не совсем официальным, я представлялся:

– Мусик.

Часто разъяснял вчерашним студентам:

– Вы уже окончили университет. Можно обращаться *Мусик*, – чем не все, но многие пользовались.

Мусиком называли меня почти все, иногда даже те, кто не был со мной знаком. Пришедшие как-то к нам домой гости рассказали следующее. Жили мы тогда во дворе, примыкавшем к УФТИ. Его так и называли: уфтийский двор. В то время он отделялся от улицы Чайковского проходной, где сидел вахтёр. Надо было назвать, к кому идёт посетитель. Знакомые называли фамилию.

– Такие здесь не живут, – ответил вахтёр.

– А Мусик сказал... – начал пришедший.

– Так бы и сказали, что к Мусикам, – воскликнул вахтер, пропуская.

Конечно, странное обозначение было предметом шуток. В основном, по-моему, безобидных. Пожалуй, точнее было бы сказать так: я ни разу не обиделся. Или: не помню, чтобы хоть раз обиделся.

Самая надоевшая шутка: “Мусик, готов гусик?” – из Ильфа и Петрова. Халатников любил повторять, что Мусик происходит из Мусий. Ему казалось, что это подчёркивает моё харьковское происхождение. Бялко (сейчас он заместитель главного редактора журнала “Природа”) “выдал” такую перedelку Пушкина: “Вы просто Мусик, // Не Пушкин”, – и был очень горд.

В советской теоретической физике был ещё один Мусик. Мусик Рабинович, физик-теоретик из ФИАНа, специалист по физике ускорителей. Я о нём много слышал. Если не по делу, то обычно так: “А есть ещё Мусик Рабинович. В ФИАНе.” Почему его называли Мусиком, не знаю. Его официальное имя Матвей Самсонович. Мы с ним познакомились на отдыхе, в Академическом пансионате “Звенигородский”. Помню, обоим, как мне показалось, было небезынтересно: ещё один Мусик! Пожалуй, познакомились слишком поздно. Вскоре после нашего знакомства Мусик Рабинович умер.

Гипотеза. Когда я начал работать в УФТИ, то наш отдел – Теоретический отдел Ильи Михайловича Лифшица имел трёх сотрудников: Липу Розенцвейга, Пелю Найман и меня. С Пелей мы были уже хорошо знакомы. Она вместе с нами слушала многие лекции по теоретической физике, хотя формально и фактически была математиком. Все мы быстро подружились. Именно подружились. Надо сказать, наш теоретдел был насыщен эмоциями. Дело в том, что Липа был влюблён в Пелю и своей

влюблённости не скрывал. Compliments звучали значительно чаще, чем разговоры на деловые темы. Особой тонкостью они не отличались. Иногда они были столь приторны, что я жаловался: “Боюсь, борода Максвелла (его портрет висел на стене) покроется слоем сахара...” В одном из ящиков письменного стола, считалось, хранится “Фонд поручика”. Туда ссыпались слишком плоские анекдоты и грубые комплименты.

Всё это написано, чтобы была ясна обстановка.

Как-то я решил показать несколько своих коронных трюков (их число с тех давних пор не увеличилось, а сейчас, думаю, они, если и получаются, то значительно менее уверенно). Среди них трюк с монетами. Положил стопочку монет на локоть согнутой руки, быстро разогнул руку и показал, что все монеты у меня в руке. Попытки моих друзей повторить трюк ни к чему не привели. Точнее, заставили всех ползать и разыскивать закатившиеся под все столы монеты. А я получил от Липы прозвище “Доктор пустяковых наук”.

Не то, что он часто повторял прозвище. Но изредка повторял. Запомнил же я на всю жизнь! Повторял он тогда, когда я знал нечто ерундовое, что он почему-то не знал. Надо сказать, Липа был глубоко эрудированным человеком во многих областях, а особенно в теоретической физике.

Так вот моя гипотеза – объяснение, почему ко мне подходит имя Мусик, – состоит в том, что есть во мне некая несерьёзность. Может быть, даже отсутствие глубины. Я никогда не умел относиться слишком серьёзно к тому, что я делаю. И всю жизнь слегка завидую тем, кто уверены, что решают самую важную в мире задачу.

Не знаю, как воспримется то, что я сказал. Уверяю вас: я не хвастаю и не занимаюсь самоуничижением. Просто сейчас, в какой-то мере с некоего расстояния, я вижу, что из себя представляю. Или думаю, что вижу...

Если говорить о карьере, то отсутствие серьёзности, наверное, несколько мешало. Человек получает в меру среднего геометрического из результатов и серьёзности мнения о себе, не только окружающих, но и своего собственного. Бывают, конечно, исключения, но чрезвычайно редко. Отсутствие должного серьёзного мнения о себе самом (если бы знать, какое *должно быть*), действительно, мешает получать, но не только материальные знаки признания (членство в Академии, премии), а и те самые результаты, которые для этого *необходимы*, хотя не всегда достаточны. Надо уметь не отступать, а самое главное,

браться за трудные задачи, по-настоящему трудные. Предельно серьёзное отношение к себе для этого необходимо.

Думаю, такая не совсем обычная лёгкость в общении – приятная черта. Но об этом мне трудно судить.

Подведу итог.

Я – Мусик. Рад, что все внуки и правнуки обращаются и, надеюсь, всегда будут обращаться к нам *Мусик и Эллочка*. Не в этом ли награда?..

Идёт время. Элочки нет. Но и вспоминают всегда *Эллочку*.

С обращением Мусик я сроднился, но когда от детей своих друзей я слышу: “Дядя *Мусик*”, – у меня теплеет на душе.

Закончил 4 ноября 2011 г.

Сергей Демидов

**Константин Алексеевич
Рыбников**

Интервью с заведующим Кабинетом истории и методологии математики и механики Мехмата МГУ, профессором Константином Алексеевичем Рыбниковым (18.08.1913-20.08.2004) за два года до его кончины провёл у него дома (с записью на аналоговый диктофон) нынешний руководитель Кабинета Сергей Сергеевич Демидов, являющийся племянником супруги Константина Алексеевича Антонины Андреевны (урожд. Демидовой). Узнав о моём интересе к этому интервью, Сергей Сергеевич любезно предоставил мне соответствующие магнитофонные кассеты. После «компьютерной обработки» сделанной записи и её письменной расшифровки я попросил разрешение у Сергея Сергеевича включить интервью в выпуск нашего сборника.

Получив на то его согласие, мы и приводим текст этой беседы с некоторыми поясняющими примечаниями.

Василий Демидович

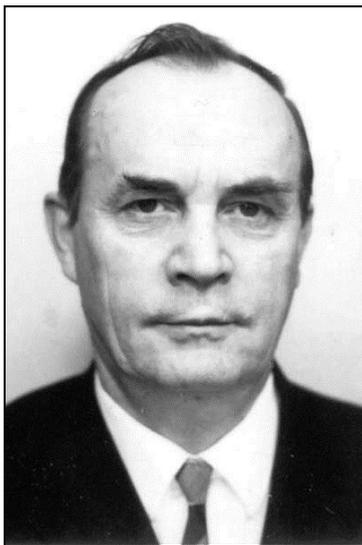
ИНТЕРВЬЮ С.С.ДЕМИДОВА С К.А.РЫБНИКОВЫМ

С. Д.: Константин Алексеевич, первый вопрос мой будет такой. Как Вы пришли на наш факультет? Почему Вы пришли на факультет? Вы хотели быть математиком? Почему Вы выбрали именно этот факультет и эту специальность? Может, Вы могли бы рассказать именно об этом?

К.А.РЫБНИКОВ

Р.: Я начну с другого - с самого факультета. Принято считать - и это документально подтверждается, - что механико-математический факультет начал своё существование в 1933 году, и даже установлена точная дата начала его существования - 1-е мая 1933 года. На самом деле, всё это не так. То есть, так документально, но не так фактически. Потому что 21 мая 1933 года я приехал по вызову механико-математического факультета, с

его заочного отделения, и, сдав экзамены за первый курс, получил путевку в Геленджик, в знак поощрения, а 1 сентября меня взяли с заочного отделения на очное на второй курс. Таким образом, факультет уже по меньшей мере год как существовал.

Константин Алексеевич Рыбников

Работали на механико-математическом факультете с нами Марья Ивановна Слудская, сестра профессора Жегалкина, Андрей Николаевич Черкасов и Пётр Сергеевич Моденов. Они совершенно официально, как тогда говорили, составляли «бригаду» механико-математического факультета по заочному отделению. Что же касается меня лично, то до того, как прибыть на механико-математический факультет и стать студентом второго курса, я уже поработал 4 года следующим образом.

Я окончил среднюю школу, девятилетку, в 1929 году...

С. Д.: Где?

Р.: В городе Миллерово в Ростовской области... Мои родители - учителя начальных классов, поэтому вы можете себе представить, что особого достатка у нас не было. Как только я окончил школу, то, по решению районного комитета комсомола, я был направлен в деревню за 40 километров от ближайшей железнодорожной станции учителем начальных классов. После этого через год меня вытребовали обратно в Миллерово и назначили учителем математики средней школы. Таким образом,

уже через год после окончания средней школы я преподавал в школе. И в течение трёх лет преподавал математику в среднем учебном заведении города Миллерово.

С. Д.: Простите, пожалуйста, но ведь у Вас не было никакого специального образования - ни педагогического, ничего! То есть, Вы на ходу должны были учиться чему-то?

Р.: Именно так.

С.Д.: А там были какие-нибудь старые педагоги, которые Вас направляли, давали консультацию? Кстати, как называется то местечко, за сорок километров от станции, где Вы пробыли год учителем?

Р.: Позднеевка оно называется, на реке Калитве, далеко ...

Так вот, по счастливой случайности к нам в эту школу приехал из Ворошиловграда (Луганска) математик. Он работал и жил у нас как раз тот год, а потом уехал. Звали его Богомоллов. Он был бойцом будёновской армии. Окончил Луганский пединститут, и то ли практику проходил, то ли ещё что, но он был учителем математики в моей школе, а я там был в седьмом-восьмом классе. Он-то меня и приметил. Занимался он со мной и с другими ребятами и, вероятно, не без его участия я получил некое паблисити для своей деятельности, среди учеников и учителей, как человек математически способный, мягко говоря.

Итак, через год после окончания школы, я стал уже преподавать математику. Никаких трудностей мне не встретилось. Я был тогда ведущим мальчишкой-преподавателем, с которым все остальные советовались. Более того, я преподавал ещё и в техникуме. Всё это было интересно, красиво, приятно... Я был математиком, так сказать, главным на весь город. Это, конечно, нескромно с моей стороны, но чего там.

Но через три года я заскучал. Потому что мне нужно было пополнять свой запас знаний, и я хотел учиться.

С. Д.: А в армию тогда могли призвать?

Р.: Нет, ещё нет.

С. Д.: Значит, тогда ещё не было призыва регулярного.

Р.: Не стоял такой вопрос ...

Я поехал в Ростовский университет, но в Ростовском университете у меня даже не приняли документов.

С. Д.: Почему?

Р.: Потому что я сын служащего, а принимали от рабочих и крестьян. Я обиделся на Ростов, написал в Москву, мол, как же так. И вдруг я получил из Московского университета необычайно сердечное письмо, которое подписал сам проректор университета, Борис Владимирович Ульпи (примеч. В.Д.: точнее он был

директором заочного сектора МГУ - годы его жизни мне установить не удалось), латыш. Он предложил мне поступить на заочное отделение университета. А когда я написал, что мне в условиях Миллерова никаких учебников нельзя достать, то меня снабдили из Московского университета ещё и всеми учебниками. Тем самым, я всецело обязан Московскому университету и его заочному отделению.

С. Д.: То есть, Вам просто прислали книги? А Вы за это как-то платили?

Р.: Нет, мне только написали, что, когда приеду, я должен сдать их в библиотеку - мол, их специально взяли для меня в библиотеке МГУ. «Пожалуйста, когда приедете и сдадите экзамены, возвратите их» - так мне написали. Вот какое сердечное отношение к мальчишке из провинции.

Поступив на Мехмат МГУ, я делал всё, чтобы освоить программу. Мне регулярно давали письменные консультации Пётр Сергеевич Моденов, Мария Ивановна Слудская, Андрей Николаевич Черкасов.

С.Д.: Кстати, Андрей Николаевич Черкасов к Ростиславу Черкасову никакого отношения не имеет? Который «Математикой в школе» командовал (примеч. В. Д.: здесь упоминается главный редактор в 1958-1992 годы журнала «Математика в школе» Ростислав Семёнович Черкасов (1912-2002))?

Р.: Нет, вроде.

И вот, они меня вызвали на сессию. Каким-то странным образом я был один. Я даже не помню своих коллег, были ли они. Во всяком случае, для меня не составило никаких трудностей сдать всё по полной программе первого курса.

С.Д.: И как же Вы смогли сдать программу первого курса? Когда Вам прислали учебники?

Р.: В сентябре.

С.Д.: А поступали Вы?..

Р.: 21 мая.

С.Д.: То есть, Вы просто занимались?

Р.: Занимался круглый год.

С.Д.: Понятно. А по каким учебникам? Вы не помните? Нет? Ну, не важно. Классических ещё не было, к которым мы привыкли? Учебник Фихтенгольца был?

Р.: Я помню книгу Сальмона.

С. Д.: А, это старая книжка по геометрии (примеч. В. Д.: речь идёт о переведенной на русский язык книги по аналитической геометрии английского математика George

Salmon'a, чью фамилию правильнее транскрибировать по-русски как «Сэлмон»).

Р.: Да. Потом, действительно, был Фихтенгольд.

С. Д.: Значит, он был уже. А по алгебре что?

Р.: Не помню. Ведь с того времени прошло уже 70 или 80 лет.

Ну вот, я сдал все экзамены, отдохнул и захотел учиться очно. Мне сперва не давали разрешения. Почему-то хозяйственники не давали. Видимо потому что мне нужно было общежитие давать, стипендию давать. Но удалось это преодолеть.

Ректором МГУ был тогда Бутягин Алексей Сергеевич (примеч. В.Д.: Алексей Сергеевич Бутягин (1881-1958) возглавлял университет в 1934-1943 годы, сменив на посту *директора МГУ* (так тогда называлась эта должность) Василия Николаевича Касаткина (1891-1961)). Это был человек разумный. Вместе с Борисом Владимировичем Ульпи они «всё держали в своих руках» ... Они-то мне и помогли.

Так я стал очным студентом второго курса Мехмата МГУ.

На Мехмате я почувствовал себя в своей среде. Я был счастлив, я буквально летал, а не ходил. Всё прекрасно удавалось. И потом у меня была одна особенность. Когда меня спрашивали, я вспоминал учебник, соответствующая страница сразу возникала у меня перед глазами, и я рассказывал. Это, до поры до времени, сходило с рук. Но однажды Дмитрий Евгеньевич Меньшов хотел было поставить мне пятёрку, но вдруг сказал: «Вы, почему-то, очень странно мне рассказываете». Я сказал: «Вот, у меня есть такая особенность, я вижу учебник и читаю вам его по памяти». Он на меня посмотрел довольно странным взором и поставил мне четвёрку. Я очень расстроился и больше никому этого не говорил, вплоть до сегодняшнего дня.

С. Д.: Это очень интересное качество, я знаю, что такие люди есть. Многие так делают. Например, моя нынешняя аспирантка - я это вижу - задумывается, а потом начинает говорить со всеми «эпсилон и дельта», чуть ли не с запятыми.

Р.: Но при этом книжный оттенок остаётся, который Дмитрий Евгеньевич вот, к сожалению, заметил. Больше я никому об этом не говорил.

С. Д.: Об этом своём пороке (*смеётся*).

Р.: Да, об этом своём свойстве (*смеётся*).

А вообще на Мехмате я чувствовал себя, как рыба в воде.

С.Д.: А какова была там атмосфера, как Вы сейчас помните?

Р.: Атмосфера была весьма небогатая. Мы были бедными. Жил я в студенческом общежитии параллельно МХАТу, в Камергерском переулке.

С. Д.: Прямо рядом с МХАТом? Этот серый дом, да?

Р.: Да, серый дом. Там сейчас музей МХАТа. Я помню это хорошо, потому что наша комната номер 6 находилась на первом этаже. В этой комнате жило 13 студентов. А по ночам во МХАТе производились какие-то строительные работы. И регулярно прораб подходил к нашему окну, стучал и приглашал на машину. Если мы получали стипендию, мы бросали в него сапогом или чем-нибудь другим. А нет - выходили два-три человека, садились на машину и всю ночь возили стройматериалы, грузили, перегружали, зарабатывали 25 рублей за ночь. А когда этой работы не было, мы ходили на Киевскую товарную станцию - опять втроем - за ночь перегружали вагон и за это тоже получали 25 рублей. В результате я однажды у профессора Голубева (примеч. В. Д.: Владимир Васильевич Голубев был тогда деканом Мехмата МГУ) заснул на лекции, хотя садился в первый ряд, чтобы не заснуть. Потом я ему объяснил, в чём дело. Рассказал, что мне задерживает стипендию его заместитель по хозяйственной части. Фамилия его была Гуськов, до сих пор я его помню недобрым словом ... Так вот он мне задерживал выдачу стипендии...

С. Д.: То есть, не всему курсу, а именно Вам?

Р.: Да, потому что я попал сразу на второй курс, и мне нужно было как-то найти стипендию. А ему это не хотелось по какой-то причине.

Мы все его недолюбливали. Дело кончилось небольшими стычками с этим хозяйственником. Но профессор Голубев, будучи деканом, разобрался с этим делом, и я был зачислен на стипендию - приказ вышел 11 ноября ... А в течение сентября, октября и ноября я жил на птичьих правах, то есть, зарабатывал ночью, чтобы как-то учиться.

С. Д.: Понятно. А вот стипендию когда Вам стали давать, на неё можно было как-нибудь существовать?

Р.: Стипендия была 80 рублей на втором курсе. На семьдесят рублей я покупал в профкоме карточку. Этой карточкой я себя обеспечивал голодным пайком в столовой, тут же, в общежитии. Это был суп.

С. Д.: Это был завтрак, обед и ужин?

Р.: Да, завтрак, обед, ужин.

С. Д.: И это было голодно?

Р.: Это было голодно. Но нам уже не приходилось каждую ночь выходить на работу. Всё-таки 70 рублей отдашь - и что-то имеешь. Потом постепенно улучшилась ситуация с хлебом, потом начал появляться и коммерческий хлеб. То есть можно было купить килограмм хлеба без карточек. Это называлось «рацион», «студенческий рацион».

С. Д.: Вот когда я поступил на факультет в 1959 году, было очень много семинаров, все великие их проводили, можно было идти, куда хочешь. А какая атмосфера была у Вас в этом плане?

Р.: Атмосфера была другой. Отмирал рабфак, и более успевающих студентов взяли на Мехмат на младшие курсы. Очень велика была прослойка иногородних, поэтому студенчество было пестрым. Я, например, принадлежал к самой плебейской части. Я не мог пристроиться, скажем, к компании москвичей.

С. Д.: Ну я вообще помню, что у нас, например, мы могли после университета уйти домой. У нас были связи, еще школьные, мы вообще могли, уйдя из университета, жить другой жизнью. А родители Вам помогали деньгами?

Р.: У родителей нас было пятеро. Отец был директором начальной школы, мама - там же учительницей, что они могли? Выбирался сам. В семье я был второй по возрасту.

С. Д.: Там все были мальчики?

Р.: Четыре мальчика и одна девочка. Братьев уже нет на свете, а Оля жива. Она родилась 7 ноября 1916 года. Теперь она живёт в Сальской степи под Ростовом-на-Дону. Кончала она Черноморский Сельскохозяйственный Институт, но пошла по линии преподавания обществознания и биологии. Сейчас она на пенсии, мы переписываемся, она единственная, кто у меня остался. Старший брат у меня был офицер, кадровый артиллерист. Второй брат - это я. Третий брат кончал Харьковский Авиационный институт, был авиационным инженером под Москвой. Четвёртая - сестра. Пятый брат - лётчик, он 1920-го года рождения, на войну он попал, вернулся, но потом умер. Так счастливо получилось, что с войны мы вернулись все. Старший - артиллерист, я - сапёр, младший - лётчик.

С. Д.: А вот на факультете между профессорами и студентами существовала дистанция? Какая? Как это всё было?

Р.: Ну, честно говоря, мы не имели таких больших научных связей на семинарах, это только начинало развиваться. Преподаватели были все весьма квалифицированными: профессора Бюшгенс, Привалов, Шнирельман ...

С. Д.: А Фиников был?

Р.: Фиников был, но в другой области.

С. Д.: Александр Осипович был?

Р.: Да, Гельфонд тоже был, ещё молодой. Аспирантами тогда были Слёзкин, Тарг, Космодемьянский, Толстов - вот какие были аспиранты, когда я был студентом. Это всё блестящие имена ...Все они были аспирантами до моего окончания...

Но через год мне стало скучно.

С. Д.: А были профессора, которых Вы любили?

Р.: Нет, я был не из той привилегированной категории, которая была близко знакома с профессорами.

С. Д.: Да нет, я в том смысле, что любили ли Вы кого-нибудь слушать? Были ли лекции, которые Вы любили, которые Вы не любили? Например, замечательный был математик Добрушин, он нам читал вероятность. Но читал он плохо. Такая каша была ...

Р.: Шнирельмана было трудно слушать.

С. Д.: А что он Вам читал?

Р.: Теорию чисел.

Ну вот, в результате я пришел через год к профессору Голубеву, декану, и сказал, что мне скучно. Чего, спросил он, вы хотите. Я сказал, что хочу свободное посещение и побыстрее всё сдать. Он ответил, что боится, как бы я не переоценил свои возможности, а потом добавил: «Если вы получите хоть один «уд.», я вас на два курса спущу». Но не спустил. Оставшиеся 4 курса - 2-й, 3-й, 4-й, 5-й - я окончил за три года и в 1936 году закончил Мехмат МГУ.

С. Д.: Расскажите теперь про аспирантуру. Как Вы попали к Яновской?

Р.: Я страшно заинтересовался историей, потому что, в сущности, в математике я разбирался довольно прилично, а истории я не знал. И мне Софья Александровна, на мой вопрос, дала тему - «Омар Хайям как математик». Я читал французский перевод математических трактатов Омара Хайяма. Потом пошёл в Институт востоковедения, и там наткнулся на Игнатия Юлиановича Крачковского. Игнатий Юлианович - арабист, написал книгу по арабским рукописям и так далее (примеч. В. Д.: Игнатий Юлианович Крачковский (1883-1951) является одним из основателей отечественной арабистики) ... Он чрезвычайно заинтересовался таким чудачком, мол, бедный мальчишка, интересуется такими вещами. Он пригласил меня к себе в Ленинград.

С. Д.: То есть, Вы пересеклись с ним в Москве случайно, он же здесь не работал. Как же Вы его нашли?

Р.: А я пошёл в Институт востоковедения, сказал, что занимаюсь Омаром Хайямом и его математической наукой, попросил какую-нибудь литературу о самом Омаре Хайяме, его переводы и так далее. Реализовать это помог мне как раз Крачковский. Он был там. Вот кого я полюбил, так это его. Он был уже весьма пожилым человеком, часто бывал в Москве, звонил Софье Александровне и спрашивал: «А где мой студент?» Мне везло на хороших людей!

С. Д.: Это и была Ваша дипломная работа?

Р.: Да.

С.Д.: А она сохранилась в каком-нибудь виде? Потому что сейчас у нас, всё-таки, сохраняются дипломы на кафедре.

Р.: Ну, во-первых, она не сохранилась, я занимался немного не тем. А, во-вторых, после работ Бориса Абрамовича Розенфельда мне уже не интересно было (примеч. В. Д.: Борис Абрамович Розенфельда широко известен историко-математическими исследованиями по средневековой науке стран Ближнего и Среднего Востока).

Я закончил факультет в 1936 году и сразу был рекомендован в аспирантуру.

С. Д.: К Софье Александровне как к руководителю?

Р.: Да.

С.Д.: А вот ещё такой вопрос. Вы говорите про семинар. А семинаров было два - «студенческий» и «большой»? Или один?

Р.: Один. Там какие-то аспиранты были, и я был. Бахмутская была.

С. Д.: Она тоже была приезжая?

Р.: Да, я не помню, правда, как ее звали.

С. Д.: Эсфирь Яковлевна.

Р.: Потом к нам приплыл и Лихолетов Иван Иванович.

Но в 1936 году мне уже не удалось работать в аспирантуре. Дело в том, что уходил на пенсию постаревший Ульпи Борис Владимирович.

С. Д.: Он был проректором или просто командовал заочными отделениями?

Р.: Он командовал заочными отделениями.

С. Д.: Факультета или университета?

Р.: Университета. И вот, во-первых, я устал за время обучения - 4 курса за 3 года, плюс первый год был таким напряжённым. Меня вызвал к себе Бутягин, ректор. Он сказал, что Борис Владимирович уходит, а вы, говорит, учились на заочном, вот и берите теперь заочное отделение. Я сказал, что пошёл в аспирантуру. Он предложил подумать. Я подумал и решил, что

таким переутомлённым я мало, что сделаю в аспирантуре. И я решил заняться заочным отделением, став проректором по заочному отделению. Работал так 2 года.

С. Д.: А ректором был Бутягин?

Р.: Да, ректором был Бутягин.

С. Д.: Вышинский был раньше ректором, да?

Р.: Да, раньше. Ещё до Бутягина был Касаткин.

С. Д.: Удальцов также был.

Р.: Это потом,

(Примеч. В. Д.: Здесь Константин Алексеевич ошибся - Иван Дмитриевич Удальцов (1885-1958) возглавлял МГУ в 1928-1930 годы, сменив как раз Андрея Януарьевича Вышинского (1883-1954), проработавшего на этом посту три года. Добавим, что правнуком Ивана Дмитриевича Удальцова является современный (1977 года рождения) российский левый политический деятель, выпускник юридического факультета Московской государственной академии водного транспорта Сергей Станиславович Удальцов).

Так что, я проработал два года в качестве помощника или заместителя ректора - это называлось в разные времена по-разному.

С.Д.: Причём в это время Вы по чуть-чуть занимались и диссертацией, и сдачей экзаменов.

Р.: Я пытался, но работа была большая, выкраивать для неё время было сложно.

Через два года я попросил отпустить меня обратно в аспирантуру. Нашёл себе заместителей, как полагается, и меня отпустили. Но я натолкнулся на Андрея Николаевича Колмогорова и Вячеслава Васильевича Степанова, которые заявили, что я не использовал своего права вовремя и теперь должен сдавать экзамены в аспирантуру заново. Я очень рассердился, посидел несколько недель и сдал экзамены в аспирантуру заново. Пришёл к Софье Александровне, после некоторых обсуждений получил тему.

С. Д.: Ту самую?

Р.: Нет, я получил тему «История вариационного исчисления». Тогда уже вокруг Софьи Александровны был большой семинар. Иван Николаевич Веселовский, знаток древних вещей, взялся меня консультировать по древним источникам. Так что всё пошло хорошо.

С.Д.: А из кого состоял семинар тогда? Ясно, что Бориса Владимировича Гнеденко ещё не было, он был на Украине.

Р.: Веселовский, Молодший.

С. Д.: А Петросян ходил тогда?

Р.: Он ходил, когда бывал в Москве. Затем, Зубов приходил, Юшкевич был...

С. Д.: А такие люди, помоложе, как Лихолетов, тоже ходили?

Р.: Ну, это уже было после меня.

С.Д.: А кто из посещавших семинар по истории математики, кроме Вас, был аспирантом?

Р.: Да вроде никто.

Таким образом, я сдал экзамены, закончил аспирантуру, написал диссертацию по истории вариационного исчисления, ту, которую потом опубликовали в «ИМИ», после войны. Должен был защищаться 25 июня 1941 года. Это была среда, а в воскресенье началась война. То есть я защитил на третий день войны диссертацию, а потом уехал воевать, защищать свою страну. И вернулся я в 1945 году.

С. Д.: А где Вы воевали?

Р.: Я, во-первых, был мобилизован и попал в Кострому, в Ленинградское Военно-Инженерное училище, для скороспелой скоростной подготовки лейтенантов.

С. Д.: То есть, в то время военной кафедры не было в университете? Ничему такому не обучали?

Р.: Нет. Ну вот, там учили нас 2-3 месяца, и мы должны были идти воевать.

С. Д.: Как кто?

Р.: Как сапёр-минёры. А в это время из главного командования инженерных войск приехала комиссия и собрала людей с образованием на новую военно-инженерную технику. И я попал туда.

С. Д.: Вы уже были утверждены кандидатом наук к этому времени?

Р.: Я не знал. Я ничего не знал, я воевал.

На фронте я был два периода. С 1942 по 1943 я воевал на Калининском фронте. Под Торжком получил первую контузию. Потом занимался военной специальной техникой, инженерной - это взрывы на расстоянии по радио. Потом, с весны 1944 до поздней осени 1944, воевал на 1-м Белорусском фронте. Прошёл всю Белоруссию и пол-Польши. Получил вторую контузию под Варшавой, авиационной бомбой. И на этом мои подвиги кончились.

С.Д.: То есть, Вы просто загремели в госпиталь, а уже когда вышли оттуда - война закончилась?

Р.: Нет, потом я поехал в штаб военных инженеров войск - ведь мы были там на особом учёте. И как только я оправился, меня вызвали и отправили в то самое Ленинградское военное училище дослуживать. И я дослуживал в Питере уже в качестве преподавателя специальных дисциплин - моей дисциплиной было управление новой радиоуправляемой техникой.

С. Д.: А где Вы жили в Питере?

Р.: В замке. В инженерном замке - Михайловском замке Павла Первого. Там мы гоняли крыс, потому что они не давали пройти по коридору. Мы в них стреляли. Потом кого-то арестовали за стрельбу, и мы стали их рубить саблями, которые полагалось носить.

С. Д.: Интересно, что там Достоевский учился и жил, я читал.

Р.: Душу я отводил, когда к нам приезжал академик Орбели (примеч. В. Д.: речь идёт о востоковеде Иосифе Абгаровиче Орбели (1887-1961)).

С. Д.: А почему он приезжал к Вам?

Р.: Он охранял Эрмитаж, командовал Эрмитажем. Ему всегда требовалась рабочая сила. Он приходил к нам, просил помочь. Я собирал взвод курсантов, и мы шли и делали всё, что было нужно. Это было наше любимое занятие.

С. Д.: Вас хотя бы за это кормили?

Р.: Подкармливали, но уже было можно жить ... А наши склады продукции мы обили от крыс железными листами ...

С. Д.: Потом Вы вернулись на Мехмат МГУ и только тогда узнали, что Вы кандидат наук, да? Когда Вы об этом узнали?

Р.: Узнал я, как только вернулся. Документы не пропали. Когда я демобилизовался - вскоре, после того как Япония сдалась (ведь ещё я числился в офицерском резерве) - я пошёл в университет, а затем в ВАК. И мне сказали, что я утвержден. Я удивился: «Неужели всё сохранилось?» Оказалось, что да.

С. Д.: А бумагу, диплом Вам когда выдали?

Р.: В сентябре.

С. Д.: Диплом был похож на нынешний?

Р.: Да, только у него был маленький номер - 000039.

С. Д.: Ну и как дальше развивалась Ваша мехматская карьера?

Р.: Моя мехматская послевоенная карьера никак не могла начаться. Когда я пришёл с войны, мне твердо объяснили, что мне места нет на Мехмате. Потому что я уходил на войну не будучи отчисленным из аспирантуры, то есть, не будучи записанным в штат факультета. Получалось, что мне некуда было возвращаться.

Я не знал, что делать, пока добрые люди не свели меня с Андреем Николаевичем Тихоновым.

С. Д.: А он тогда уже был членом-корреспондентом АН СССР?

Р.: Уже был и заведовал кафедрой математики на физическом факультете.

Было так. После очередной стычки в ректорате - когда я доказывал, что пришёл с войны, а мне рассказывали, что это моё дело, откуда я пришёл, и должности для меня нет - я в последний раз выругал их всех «по-окопному», как полагается, вышел и побежал к

Петру Сергеевичу Моденову, который меня знал с давних времен. Он спросил, что случилось. Я объяснил. Он подумал и сказал, что надо ехать к Андрею Николаевичу Тихонову. Мы поехали к нему на дачу. Андрей Николаевич посмотрел на меня и сказал: «Вы же всё, наверное, забыли». Но тут же представил меня на должность И. О. доцента до получения «корочки». И я у него на кафедре физического факультета работал с 1945-го по 1948-ой годы.

С. Д.: Вы как-то рассказывали, что там у Вас на кафедре был Рабинович, очень хороший лектор. Это была большая кафедра?

Р.: Большая. Физический факультет всегда был многолюдным.

С. Д.: Свешников работал?

Р.: Алексей Георгиевич Свешников был моим учеником. Он сейчас рассказывает всем, что он мой ученик.

С. Д.: Так он Физфак кончал?

Р.: Да, Физфак.

Андрей Николаевич Тихонов - это фигура, достойная всякого уважения. Он внимательно выслушал меня и поручил мне группы только первого курса. На следующий год он перевел меня с этими же группами на второй курс. И так я постепенно восстановил свой научный базис.

С. Д.: А что Вам приходилось там вести, анализ?

Р.: Там была единая программа.

С.Д.: Ну, наверное, алгебру и анализ разные преподаватели читали, это, всё-таки, разные вещи. Или на этой кафедре все всё читали?

Р.: Андрей Николаевич делал так: вот, мол, студенты, вот программа первого курса, вот и читайте. И всё читалось с начала до конца. Лектора были разные, а упражнения вёл я один.

С.Д.: Лекции Вы не читали на Физфаке?

Р.: Не читал. Я не читал ещё и потому, что меня выбрали секретарем парторганизации Физфака.

С. Д.: О, это очень тяжело. Физфак - это, ведь, даже не Мехмат.

Р.: В самом конце 1945-го года. Это необычайно сложно. Я переизбирался секретарём парторганизации Физфака в 1945-м, 1946-м и 1947-м году! А 15 апреля 1948 года состоялось решение секретариата ЦК КПСС.

С. Д.: Относительно чего?

Р.: Относительно того, чтобы взять меня в аппарат ЦК КПСС.

С.Д.: Тут же вопрос. Вы читали книжку Андреева «Физики не шутят» об истории Физфака (примеч. В.Д.: книга «А.В.Андреев. Физики не шутят (страницы социальной истории Научно-исследовательского института физики при МГУ, 1922-1954)», первоначально изданная в 1999 году на Физфаке МГУ, потом переиздавалась и другими издательствами)?

Р.: Нет, не читал.

С.Д.: Ну, после прочтения этой книжки я понял, что это скорее не про Физфак, а про Институт физики при нём.

Р.: Я хорошо знаю историю послевоенного Физфака МГУ. Академика Скобельцына помню. (Примеч. В.Д.: физик Дмитрий Владимирович Скобельцын (1892-1990) был избран академиком АН СССР как раз в послевоенном 1946 году). Других помню .

С.Д.: Я даже не знал, что Вы имели к Физфаку вот ТАКОЕ отношение. Это очень интересно.

А в книжке Андреева как раз описывается история до войны и сразу после неё ... Про взрыв атомной бомбы и многое другое ... Я прочитал её и после этого подумал, что нам нужно написать такую же об истории Института математики. Книжку я Вам притащу.

Р.: Я хорошо знаю Физфак МГУ в деталях. Всех его людей. И Предводителя, декана, тоже.

(Примеч.В.Д.: Член-корреспондент АН СССР, физик Александр Савич Предводителев (1891-1973) стал деканом физического факультета МГУ (и, одновременно, директором Научно-исследовательского института физики при МГУ) в 1937 году. В этих должностях он пребывал сначала (до 1941 года) в Москве, затем (до 1942 года), в Ашхабаде и Свердловске (в связи с произошедшей туда эвакуацией основной части сотрудников Московского университета, в частности, Физфака МГУ). Заодно упомянем здесь, что оставшуюся в Москве часть сотрудников

физического факультета МГУ и его Института физики возглавлял, в 1941-1942 годы, Борис Владимирович Ильин (1888-1964).

В 1943 году Московский университет был эвакуирован в Москву, и бразды правления «всем» Физфаком МГУ, с его Научно-исследовательским институтом физики, вновь перешли к Александру Савичу Предводителю.

Активно включившись в послевоенную борьбу между «университетскими» и «академическими» физиками, Александр Савич Предводителев яростно выступал на стороне «университетских», и в результате в 1946 году был снят со своих руководящих постов по настоянию «академистов»).

С. Д.: Если я об этом только заикнусь в нашем отделе физики, они к Вам заявятся. Их это очень волнует! (Смеются).

Р.: Так вот, с 1945 года я работал на Физфаке доцентом математики. Там же довольно скоро меня избрали секретарем партийной организации, и до 15 апреля 1948 года я был таковым ...

Я помню, как «отщеплялись» от кафедры физики твердого тела некоторые из тех, кто образовал университетский Институт механики. Такое было течение. Знал я Конобеевского и Кессениха.

(Примеч. В. Д.: Здесь речь идёт о декане Физфака МГУ (и, одновременно, директоре Научно-исследовательского института физики при МГУ) в 1946-1947 годы Сергее Тихоновиче Конобеевском (1946-1970), пришедшему на смену А.С.Предводителю, а также о пришедшем на смену С.Т.Конобеевскому Владимиру Николаевичу Кессенихе (1903-1970), занявшим эти посты на несколько месяцев в 1948 году.

Сергей Тихонович Конобеевский принял активное участие в конфликте «университетских» физиков с физиками «академическими», выступая на стороне «академистов». И в 1947 году, после появления на Физфаке МГУ комиссии Министерства высшего образования (инициированной «университетскими»), признавшей работу декана «неудовлетворительной», попросился в отставку со своих руководящих постов, которая была принята.

Владимир Николаевич Кессених не только сразу же включился в конфликт физиков «академических» с «университетскими» физиками, безоговорочно заняв университетскую сторону, но и прославился как один из организаторов развернувшейся на Физфаке МГУ кампании по борьбе с «идеализмом и космополитизмом». В результате он стал фигурой «слишком одиозной», и потому, по настоянию академической стороны, был вскоре отстранён от руководства Физфаком МГУ).

С. Д.: Кессениха сын (примеч. В. Д.: имеется в виду Александр Владимирович Кессених (р. 1932)) работает в секторе у Визгина (примеч. В.Д.: Владимир Павлович Визгин (р.1936)) возглавляет сектор истории физики и механики Института истории естествознания и техники имени С.И.Вавилова РАН). Мы встречаемся два раза в неделю, болтаем и пьем чай.

Р.: Так вот, его отец попал на факультет тоже с фронта, а потом уехал в Томск.

С. Д.: А Кессениха сын у нас работает, вот такая любопытная деталь!

Р.: Хорошо.

С. Д.: Константин Алексеевич, у нас осталось чуть-чуть времени, но я думаю, это не последняя встреча.

Р.: Пожалуйста, я всё расскажу.

С. Д.: Да, придется нам продолжить разговор.

Итак, Вы уходите с Физфака в аппарат ЦК КПСС ... А как Вы опять появились на Мехмате МГУ? И сохранялась ли у Вас связь с Мехматом?

Р.: Да, связь с Мехматом сохранялась. Ведь я наблюдал за строительством Московского Государственного университета: в аппарате ЦК КПСС я был ответственным по наблюдению и информированию о ходе стройки МГУ.

С. Д.: А ректором был уже Александр Николаевич Несмеянов, который потом стал президентом Академии наук?

(Примеч. В. Д.: Химик, академик АН СССР Александр Николаевич Несмеянов (1899-1980) ректором МГУ был в 1948-1951 годы, а в 1951-1961 годы он был Президентом АН СССР)

Р.: Там было так: Несмеянова назначили, когда стройка уже близилась к концу.

С. Д.: Ректором назначили?

Р.: Да, ректором. Потом ректором МГУ стал Иван Георгиевич Петровский.

С. Д.: Да-да, есть интересная книга «Академик И.Г.Петровский - ректор Московского университета» (Москва, Издательство Московского университета, 2001), которую готовила Елена Валентиновна Ильченко. В ней собрана масса документов. И что касается строительства Университета - там очень много материала ...

Р.: ... Так как я был ответственным от ЦК КПСС, то я знаю все подвалы МГУ. Знаю, как всё начиналось. Этим я жил, такая у меня была основная деятельность, одно из основных служебных поручений.

С. Д.: И как же Вы на факультет потом вернулись?

Р.: Умер товарищ Сталин. Начался период разброда. К этому времени я уже занимал большой пост. Но я его бросил и ушёл в Московский университет...

С.Д.: А какой пост Вы занимали, если это, конечно, не секрет?

Р.: Это было в Комитете Государственной безопасности.

С.Д.: Не тогда, когда Вы работали там в «математическом институте»? Я не знаю, как он точно называется - но это где Александр Дмитриевич Соловьёв ещё работал. Институт математики в системе Комитета?

Р.: Я был начальником НИИ в Комитете.

С.Д.: А, где потом Костя работал (примеч. В.Д.: речь идёт о младшем сыне Константина Алексеевича - Константине Константиновиче Рыбникове)?

Р.: Да. Я был очень крупным человеком.

Получилось, что в конце 1949 года товарищ Сталин провёл решение в Политбюро ЦК КПСС о том, что все спецслужбы во всех учреждениях должны быть сосредоточены в руках ЦК КПСС. И тут работники спецслужб НИИ и ВУЗов вошли в административный отдел. Ведь паспорта этих работников теперь были там. В общем, меня, хотя я и сопротивлялся, определили там в начальники НИИ при Комитете ..

С. Д.: Институт и сейчас существует, знаменитый. Козлов там одно время командовал, член-корреспондент Академии наук, генерал.

Р.: Да, Владимир Яковлевич Козлов. Воспитанник Мехмата МГУ ...

Но через два месяца после смерти товарища Сталина всё это рассыпалось. Мне опять стали искать должность. Я сказал, что это не обязательно, так как я доцент. К этому времени у меня уже была почти готова докторская диссертация о математических рукописях Маркса.

С. Д.: Это в районе 1953 года. А защитили Вы её когда?

Р.: В 1954 году, 25-го июня.

С. Д.: И перешли не на Физфак, а на Мехмат?

Р.: Да. Сверху легко попадать на Мехмат. Снизу - трудно!

С. Д.: Нет, но Вы же сами предпочли Мехмат. И на какую должность?

Р.: Доцента.

С. Д.: А заместителем декана Мехмата Вы потом стали?

Р.: Андрей Николаевич Колмогоров стал деканом факультета, когда здание уже было построено ...

С. Д.: Простите, что прерываю. А на какую кафедру Вы вернулись?

Р.: Математического анализа.

С. Д.: А кто ею тогда командовал? Александр Яковлевич Хинчин? (примеч. В. Д.: именно так - кафедрой математического анализа с 1943-го по 1957-ой годы заведовал Александр Яковлевич Хинчин).

Р.: Наверное, не помню. Ярче всех запомнился Николай Владимирович Ефимов, но это было позже (примеч. В. Д.: Николай Владимирович Ефимов заведовал кафедрой математического анализа Мехмата МГУ с 1957 года по 1982 год).

С. Д.: Заведующим кафедрой Николай Владимирович Ефимов стал позднее. Рядом с кафедрой математического анализа, на 14-м этаже, висят портреты всех её заведующих, там и годы указаны.

Р.: Так вот, Андрей Николаевич Колмогоров стал деканом. А так как он знал меня по разным событиям - мне приходилось работать с мехматскими учеными.

С.Д.: Да, Вы ещё, кажется, ездили с Андреем Николаевичем в Венгрию на конгресс.

Р.: Да, это было в 1950 году.

В учёном мире я был известен тем, что сидел в ЦК КПСС, и многие нити у меня были в руках.

С.Д.: Кстати, Вы в ЦК КПСС в каком были ранге? Заведующий отделом?

Р.: Рядовой сотрудник, инструктор...

Андрей Николаевич знал меня по многим вопросам. Вот мне и Николаю Петровичу Жидкову он и предложил стать своими заместителями.

С. Д.: Получается, Андрей Николаевич шёл на деканство уже со своей командой.

Р.: . Я отказался. Потому что моя квартира находилась на Новопесчаной улице, и мне было бы не наездиться. Но он проявил большую энергию. И мне было из ректората предложение: сдать квартиру на Новопесчаной и переехать в этот дом (примеч. В. Д.: то есть в дом университетских преподавателей на Ломоносовском проспекте). На это я, конечно, пошёл. И стал работать с Андреем Николаевичем.

С.Д.: Я просто слежу за временем, чтобы футбол не прозевать (примеч. С. Д.: Константин Алексеевич хотел посмотреть по телевизору какой-то матч). А Мехмат уже размещался на тех же этажах, что и сейчас?

Р.: Да.

С.Д.: Расскажите о своей работе в деканате. Как Вам работалось с Андреем Николаевичем? Какие времена были? Ведь всё меняется - студенты, задачи.

Р.: Андрей Николаевич Колмогоров заслуживает самых лучших характеристик. Я его очень ценю как человека, как декана - это ведь очень специфическая работа. Правда, он иногда «исчезал» на месяц, на два, на три.

С. Д.: А как у Вас с Жидковым разделились обязанности?

Р.: Андрей Николаевич разделил между нами обязанности так: Жидкову поручил науку - научные планы и прочее, а я был его первым заместителем. Альтер эго. На меня всё свалили. Особенно много я работал в отсутствие Андрея Николаевича. В результате, когда он приезжал, к нему выстраивалась очередь всех обиженных, с выговорами, исключённых. И он всех прощал. Я подходил и говорил: «Андрей Николаевич, так же невозможно - я столько работал, а вы приехали и все это сломали». Колмогоров отвечал мне: «Знаете, Константин Алексеевич, моё положение заставляет меня всех прощать. Но вы не беспокойтесь, они все опять пройдут через ваши руки, потому что жизнь всё исправит».

С. Д.: А как проявлял себя сам Андрей Николаевич в качестве декана факультета?

Р.: То, что Андрей Николаевич Колмогоров в первые же годы существования Московского университета на Ленинских горах стал деканом, было требованием времени. Многие академики тогда пришли в Московский университет.

Что касается меня и моих отношений с Андреем Николаевичем, то я и сейчас, и всегда преисполнен глубокого уважения к нему. Хотя мы не всегда были с ним согласны в частных вопросах.

Андрей Николаевич руководил факультетом оригинально: он поручил мне всю текущую работу, а Николая Петровича Жидкова посадил другим своим заместителем, поручив ему контроль за выполнением плана научных работ. Я же занимался учебной и организационной деятельностью.

Андрей Николаевич - человек, который отвлекался от повседневной работы факультета. И он имел в этом необходимость, его назначение было шире, чем декан. Поэтому он спокойно уезжал, или скрывался для какой-нибудь работы на даче, потом приезжал, и мы решали главные вопросы. А что касается текущих вещей - он мне полностью доверял.

Моя «докторская» работа прошла через его руки. Он её одобрил, и по ней вышла публикация в «Успехах математических наук» (примеч. В.Д.: имеется в виду статья Константина

Алексеевича о математических рукописях Карла Маркса, опубликованная в УМН, т. 10, вып. 1 (1955), с. 197-199).

Колмогоров не очень вникал в мелочи, потому что мне доверял. Он считал необходимым всех провинившихся прощать, всех отличившихся отмечать, а мне потом говорил: «Ну, поправите в ходе работы, если я что-то не так сделал».

Он был очень внимателен к учебным и научным документам, к планам научной работы факультета, внимательно следил за учебным процессом. Он мог позволить себе сосредоточиться на принципиальных вопросах. Поэтому механико-математический факультет сразу заработал хорошо на новом месте.

Почти сразу возник вопрос о том, чтобы профиль специалистов, подготавливаемых на Мехмате, был более полным и соответствующим.

В частности, он очень много уделял внимания, вместе с Андреем Николаевичем Тихоновым, реализации отделения вычислительной математики. У нас это отделение довольно быстро выросло количественно. И пользовалось оно всеобщим вниманием.

В своей книжке я описал процесс зарождения факультета вычислительной математики и кибернетики (примеч. В.Д.: речь идёт о написанной Константином Алексеевичем, в соавторстве со Львом Николаевичем Королёвым, книге «Вычислительная математика и вычислительная техника: очерки истории», опубликованной на Мехмате МГУ в 1999 году). Факультет образовался в 1970 году. Я не буду говорить, как он развивался, потому что я сохранял с ним самые добрые отношения. Я туда предлагал на защиту моих учеников по комбинаторному анализу, и они пользовались там хорошим вниманием.

Андрей Николаевич был всегда внимателен к людям. Поэтому в течение всей его деятельности на Мехмате к нему буквально рвались - на лекции, на семинары. Это было интересно, свежо, прогрессивно. Он читал лекции не самым лучшим образом. Но если вдуматься, то он всегда говорил по делу, всё глубоко обсуждал.

С. Д.: А как складывались у него отношения с профессурой? У него были люди, на которых он опирался, которых предпочитал? И каковы у него были отношения с ректором Иваном Георгиевичем Петровским?

Р.: Я не помню никого, к кому бы он относился с исключительным пристрастием, благоприятным или неблагоприятным. Он был выше этого. Он был неизменным

интеллигентом, не только по форме. Он был достаточно широк для того, чтобы мелкие недостатки не возводить в решающие оценки человека. Его отношения с ректором... Не было ничего такого, что могло бы быть интерпретировано как неблагоприятная оценка друг друга.

С.Д.: В послевоенный период возобновил свою работу историко-математический семинар. Что представлял собой этот семинар 1940-1950 годах? Много народу было?

Р.: Как сейчас. Софья Александровна Яновская и Адольф Павлович Юшкевич вели этот семинар уже совместно с Изабеллой Григорьевной Башмаковой.

Я пришёл после войны на него несколько посторонним человеком. Но тогда же, во втором выпуске «Историко-математических исследований», опубликовали полностью мою кандидатскую диссертацию (примеч. В.Д.: см. К.А.Рыбников «Первые этапы развития вариационного исчисления». ИМИ, вып. 2 (1949), с. 355-498).

Небольшие противоречия были с самого первого моего участия в семинаре. Это было не в 1948-м году, когда я был ещё на физическом факультете, а чуть позже.

Я с ходу сказал: должен быть учебник по истории математики. А Софья Александровна в этом отношении занимала позицию, что учебник создать невозможно. Я сделал попытку наладить более тесное сотрудничество с Изабеллой Григорьевной, сказав ей: «Раз Софья Александровна и Адольф Павлович не будут писать учебник, так давайте мы с вами напишем». Но она, после долгого раздумья, отказалась. И я дальше стал работать сам.

Первый учебник по первому полугодю годового курса истории математики вышел в 1960 году, по второму полугодю - в 1963 году (примеч. В. Д.: имеется в виду двухтомник «К.А.Рыбников. История математики». М., Изд-во Моск. ун-та, т. 1 (1960), т. 2 (1963)). Затем, после длительного перерыва, в 1974 году вышло объединенное издание. А в 1994 году вышло то, что сейчас существует в качестве учебника (примеч. В. Д.: а именно, «К.А.Рыбников. История математики». М., Изд-во Моск. ун-та, 1994).

С.Д.: Еще в перерыве вышло издание Вашей книжки в Эстонии, в Тарту.

Р.: Я об этом слышал, но не видел. Мне говорили.

С. Д.: Этот учебник был потом переведен?

Р.: Да. Удивительно, что первыми его перевели японцы. Потом ещё на испанский язык его перевели. Но предложений от англо- и франкоязычных издательств я не получал.

С.Д.: Семинар этот с самого начала не был семинаром исключительно механико-математического факультета МГУ, и даже не городским. Он был, скорее, всесоюзным - и по своему составу тоже. Кто только на него не приезжал. Из всех республик Советского Союза. А кого бы Вы выделили из таких участников?

Р.: Петросян из Армении всегда приезжал, много людей приезжало из Баку...

С. Д.: Кары-Ниязов приезжал. Он, правда, из Узбекистана. А кто приезжал из Баку?

Р.: Там работал Борис Абрамович Розенфельд, и он «притаскивал» много всякого народа. Много ещё кого было. Семинар этот был явлением необычным, ведь он был семинаром по интересам. И он никогда не замыкался в рамки учебного заведения. Это был всесоюзный семинар.

С.Д.: Есть целый ряд историков математики, не самого первого эшелона, как Выгодский, Яновская, а следующего за ним, такие, как Фёдор Андреевич Медведев и Леонид Ефимович Майстров. Как они появились на семинаре? Что Вы о них можете специального сказать?

Р.: Просто они были наши, мы были единомышленниками, мы всегда работали вместе. И Леонид Ефимович, и Фёдор Андреевич.

С.Д.: А как развивались взаимоотношения с иностранными учеными, и Ваши личные, и в плане семинара? Я имею в виду, с историками математики.

Р.: Всегда кто-нибудь был. Венгерские математики довольно часто приезжали. Из Чехословакии Любош Новы и Ярослав Фолта бывали.

С.Д.: А с китайцами какие были отношения? Были ли они на семинаре? Ли Янь, например?

Р.: Ничего яркого про китайцев не помню. Вот монгола Батжаргала (примеч. В.Д.: ни имени, ни годы его жизни, мне выяснить не удалось) помню. Но он не смог соответствовать требованиям семинара. Он не смог сделать того, что он хотел.

С.Д.: Специальный вопрос. У нас есть несколько регулярно выходивших изданий чисто историко-математического плана. Это «Историко-математические исследования» и «История и методология естественных наук» (примеч. В. Д.: отметим, что «Историко-математические исследования» выпускались Институтом истории естествознания и техники АН СССР, а «История и методология естественных наук» - Московским Государственным университетом). Что Вы можете сказать о них, если учесть, что все Ваши первые работы там печатались?

Р.: Мы издавали довольно регулярно выпуски по математике и механике в «Истории и методологии естественных наук». На других факультетах это не имело такой популярности как на Мехмате и Физфаке. Все остальные факультеты в этом отношении были просто на голову ниже.

С.Д.: Да, может быть, следом шёл, с большим отставанием, лишь геолог Гордеев (примеч. В.Д.: здесь упоминается Демьян Игнатьевич Гордеев (1903-1981)). Химики тоже не активны, не смотря на то, что там у них был Фигуровский - человек известный (примеч. В.Д.: имеется в виду Николай Александрович Фигуровский (1901-1986)) ...

Р.: Это не очень у них развивалось, не знаю почему. С другой стороны, когда я работал по комбинаторному анализу, то сейчас же ко мне явилась большая группа химиков, которые занимались строением вещества. Оказалось, что они каким-то образом, я не сумею это оценить, использовали комбинаторику для получения изотопов. Интересно. Там такой есть академик Зефиров, а это были его сотрудники (примеч. В.Д.: академик АН СССР, сотрудник Химфака МГУ, Николай Серафимович Зефиров (р. 1935) является известным специалистом в области синтеза органических соединений, стереохимии, механизмов органических реакций скелетных перегруппировок, энтузиастом применения ЭВМ для решения структурных проблем органической химии).

С. Д.: В 1950-ые годы время было специфическое, происходили всякие события, в частности, венгерские события и другие. На Мехмате это получало своё отражение. И возникали такие сложные идеологические ситуации, в которых, волей-неволей, приходилось разбираться Вам и Жидкову. Вот об этом Вы что-нибудь можете рассказать?

Р.: К 1956 году это, конечно же, имело место на нашем факультете. Критический настрой получил широкое распространение. Во главе стояли Есенин-Вольпин (примеч. В.Д.: известный специалист в области математической логики и правозащитник Александр Сергеевич Есенин-Вольпин потом переехал жить в США) и другие. Мы посидели с Андреем Николаевичем, посоветовались, и меня заменили на более нейтрального Анатолия Илларионовича Ширшова.

Анатолий Илларионович работал на кафедре алгебры, ему там было хорошо. Он не хотел идти на должность заместителя декана. Но так как ему предстояло еще и защищать докторскую диссертацию, то Андрей Николаевич настаивал. И мне пришлось приложить много усилий для его убеждения. В результате

Анатолий Илларионович стал работать заместителем декана, и на него «навешали» потом много всего.

С. Д.: Расскажите немножко о своём научном руководителе, о Софье Александровне Яновской. Как Вы её повстречали, как она Вам тогда виделась, представлялась?

Р.: На Софью Александровну я вышел ещё будучи студентом. Я всегда интересовался историей математики. Почему - не знаю. И я пошёл на её семинар.

Софья Александровна заслуживает всякого уважения. Я не могу сказать, что был её любимцем, но что я честно старался выполнять все аспирантские работы - это точно. Когда я окончил работу вне университета, и в 1955 году вернулся в университет, защитил докторскую диссертацию, то она мне отдала свой Кабинет, а сама перешла на кафедру математической логики к Андрею Андреевичу Маркову.

С. Д.: То есть, заведовала Кабинетом сначала она? А в каком году появилась такая единица как «Кабинет» истории математики? Ведь он появился не один? Или я не прав?

Р.: Кабинеты - это промежуточная организационная ячейка, которая не была устойчивой в то время в структуре факультета. Даже когда я в 1955 году «взял» этот Кабинет, приходилось прикладывать необычайное усилие, чтобы сохранить его как административную единицу. Я ни на кого не обижаюсь, но ведь до сих пор за заведование этим Кабинетом я ничего не получал. С 1955-го по 2002-ой год.

С. Д.: И всегда Кабинет должен был быть в структуре той или иной кафедры?

Р.: Да. Здесь пришлось пойти на то, чтобы быть в составе какой-то кафедры. Потому что на факультете работникам Кабинета заработную плату делали ниже общего уровня. Были такие вот трудности.

Мы не принадлежали к определенной кафедре. Было время, мы принадлежали кафедре теории чисел, короткое время - кафедре алгебры. Был такой хороший человек как Борис Владимирович Гнеденко, который понимал задачи истории - он ведь сам был ещё и историком. И мы стали числиться при кафедре теории вероятностей. Как и теперь.

С.Д.: Да, с Альбертом Николаевичем Ширяевым у нас хорошие контакты, проблем нет. А что Вы можете рассказать о такой фигуре - может быть, достаточно известной, но не достаточно оценённой - как Жидков? Ведь Вы столько проработали с ним бок о бок. Я слышал от многих очень хорошие слова об этом человеке.

Р.: Это был очень хороший товарищ, замечательный учёный. У него были свои житейские недостатки. Но он был человек чистый.

У него были определенные способности к научной деятельности - ведь первые книги по методам вычисления написали Николай Петрович Жидков с Иваном Семёновичем Березиным. Конечно, очень жаль, что он умер. Николай Петрович был очень достойным человеком. Он был участником войны, дослужился до капитана, многократно ранен.

С. Д.: Я слышал очень разные вещи о нём.

Один из рассказов, который любил повторять Александр Дмитриевич Соловьёв - о том, как на факультете организовалась группа людей, куда и Соловьёв ходил студентом. Там играли в карты. Просто собирались на квартире и играли в преферанс. Они в шутку назвали себя обществом «Бубновый валет». Собирали взносы в партийную кассу, на следующий день эти взносы тратились на какую-то еду и питьё для следующей игры. Все это были шутки. Но какие-то люди обо всем этом «прознали» и сообщили, «куда надо», о том, что на Мехмате МГУ есть тайное общество «Бубновый валет». И мне вот рассказывали, что Жидков, получив такой донос, вызвал Игоря Вячеславовича Кеппена, который также был членом этого секретного общества, расспросил его, попросил всё изложить на бумаге и запер бумагу в сейф. И сказал, чтобы они больше ничего такого не делали. На том всё и закончилось.

Р.: Это очень похоже на Николая Петровича. Несклучным был совсем.

С. Д.: Ведь иной человек мог сделать с ними всё, что угодно.

Р.: Нет, это вряд ли было значительным событием в истории Мехмата.

Жидков был и секретарём факультетской партийной организации. Недолго, правда. Потом Андрей Николаевич его назначил заместителем декана. И главной заботой его стало отделение вычислительной математики.

С. Д.: Вам не приходилось пересекаться с Львом Семёновичем Понтрягиным?

Р.: Нет, не приходилось. Я далеко всегда от него стоял.

С.Д.: Зато Вам приходилось иметь дело с Павлом Сергеевичем Александровым. Я помню, он иногда обращался к Вам с просьбами. Например, ему нужно было узнать, почему теорема в теории систем линейных алгебраических уравнений называется «теоремой Кронекера-Капелли» и кто такой

«Капелли»? Вы ещё попросили меня - студента - навести такую справку. Какое впечатление Вы вынесли из общения с ним?

Р.: Павел Сергеевич - человек сложный и многообразный. При общем хорошем впечатлении о нём, я только в последние годы смог узнать его роль в деле Лузина, которую нельзя было не осудить. И я в душе это сделал.

С.Д.: Я встречаю сейчас людей, у которых книга «Дело академика Николая Николаевича Лузина» вызвала резкую, негативную реакцию к Павлу Сергеевичу. И я хочу сказать, что время было сложное, Павел Сергеевич - фигура не одномерная, он много хорошего сделал для факультета, и что сводить всё к делу Лузина не стоит.

Павел Сергеевич был великолепным лектором. Он был популярен среди студентов. Он организовал «александровские вторники» - музыкальные вечера в общежитии, и создал вокруг себя удивительную атмосферу, очень благотворную для студентов механико-математического факультета. Он очень много сделал для учеников, он жил в учениках.

Мне рассказывал Евгений Фролович Мищенко (примеч. В. Д.: в то время, когда состоялось это интервью, и даже когда оно «письменно расшифровывалось», Евгений Фролович Мищенко был жив), как он жил без отца, с матерью, на очень небольшие деньги, в маленьком местечке во Владимирской области, и

какой-то математик, который случайно туда попал, посоветовал ему написать Павлу Сергеевичу. Тот написал. И Павел Сергеевич вызвал его к себе, оплатил ему дорогу туда и обратно, поселил у себя ненадолго в Комаровке, а потом помог ему поступить в университет.

Р.: Да, это был человек «многомерный». Но из песни слова не выкинешь, разные бывают слова.

С. Д.: Да, конечно! ...

Ну что ж, большое Вам спасибо. Потом, если у меня будут какие-то вопросы, я к Вам снова обращусь.

Апрель 2002 года.

Владимир Фридкин

Гибель Пушкина

*Крепка, как смерть любовь, жестока как смерть,
Ревность: стрелы ее - стрелы огненные*

Песнь Песней

*Юность не имеет нужды в at home¹,
зрелый возраст ужасается своего
удединения. Блажен, кто находит подругу -
тогда удались он домой.*

А.С. Пушкин

Последней дуэли и гибели А.С. Пушкина посвящены десятки работ. Начало было положено П. Е. Щеголевым, написавшим еще в начале века капитальный том “Дуэль и смерть Пушкина”. Позже многое прояснили труды С. Л. Абрамович, Н. Я. Эйдельмана, И. Л. Андроникова и других наших исследователей. Весь уходящий век пушкинисты разгадывали тайну гибели величайшего русского гения. И вот в самом конце нашего столетия было сделано важное открытие. Настолько важное, что, кажется, подводят черту под этой темой.

В воспоминаниях В. А. Соллогуба есть любопытная фраза. Так и хочется вырвать ее из контекста. Соллогуб пишет: “Итак, документы, поясняющие смерть Пушкина, целы и находятся , в Париже”. Соллогуб был прав, хотя имел в виду совсем другое. Речь шла о пакете с документами, который фельдъегерь вручил Жоржу Дантесу на границе при его высылке из России. Несколько лет назад в парижском архива Дантеса, у его правнука барона Клода, нашлись другие документы. Их изучила и опубликовала в своей книге “Пуговица Пушкина” итальянская исследовательница Серена Витале. Это двадцать пять писем Жоржа Дантеса, которые он писал барону Геккерну в течение двенадцати месяцев, начиная с весны 1835 года. Голландский посланник на год уехал в отпуск за пределы России. Этим отпуском он хотел воспользоваться, чтобы усыновить Жоржа Дантеса. Целый год будущие отец и сын

¹ в доме (англ.)

переписывались. В своих письмах Дантес делился петербургскими новостями. Мы узнаем о пушкинском Петербурге, увиденном глазами Дантеса. И, конечно, в центре всех новостей - его роман с Натальей Николаевной Пушкиной.

События, о которых пишет Дантес, необычайно важны для понимания душевного состояния поэта в этот страшный для него год. Говоря словами Соллогуба, речь идет о “документах, поясняющих смерть Пушкина”.

До самого последнего времени были известны только два коротких отрывка из этих писем Дантеса. Они были подучены Анри Труайя от внука Жоржа Дантеса и опубликованы вскоре после войны. Затем М. А. Цявловский напечатал в “Звеньях” их русский перевод. Эта публикация вызвала настоящую сенсацию. Сам М. А. Цявловский писал в комментарии: “Ответное чувство Натальи Николаевны к Дантесу теперь... не может подвергаться никакому, сомнению”. Большое значение этим двум фрагментам писем придавала С. Л. Абрамович. Она писала: “Они могли бы многое прояснить, если бы не были вырваны из контекста всей переписки. Взятые вне этого контекста и без учета особенностей эпистолярного стиля я бытовой культуры эпохи, они подают повод для крайне субъективных суждений”. Теперь благодаря публикации Серены Витале все письма известны и, говоря словами С. Л. Абрамович, “многое проясняют”.

Еще раньше, будучи в Париже в 1982 году, автор этих строк встретился с Клодом Дантесом в надежде получить доступ к архиву. Тогда надежда не оправдалась. Думаю, что семья не доверила бы архив ни одному советскому исследователю.

В советское время тема дуэли и гибели Пушкина находилась под мощным идеологическим прессом. В двадцатые-тридцатые годы принято было считать, что Пушкин пал жертвой царя и третьего отделения, а жена поэта была пустой и легкомысленной, “типичной представительницей” великосветского Петербурга. В послевоенные годы Пушкин становится жертвой иностранцев-космополитов, а Наталья Николаевна - идеальная мать и жена. Разве могла она полюбить другого, тем более француза? В общем, власть хотела заставить Пушкина служить себе. А Пушкин, как известно, служил не власти, а русской литературе.

Последняя роковая дуэль Пушкина произошла в Санкт-Петербурге, у Черной речки. Во времена Пушкина это было дачное место. А теперь почти что центр огромного города. На месте дуэли стоит обелиск, а вокруг - новостройки. Нынче девять километров от дома Пушкина на Мойке до этого места машина

преодолеет за несколько минут. А Пушкин с Данзасом добирались в санях от кондитерской Вольфа до Черной речки более получаса. Последние девять километров пути. Последняя дорога...

Когда началась эта дорога? На каком расстоянии от “погибальной речки”? Может быть, 18 февраля 1831 года, когда в церкви Вознесения, что в Москве у Никитских ворот, протоирей Иосиф Михайлов, соединив руки Пушкина и Гончаровой и обведя их вокруг аналоя, пропел “Исайя ликуй”?

Вскоре после приезда молодых из Москвы в Петербург Дарья Федоровна Фикельмон делает запись в дневнике: “1831.21 мая. Пушкин приехал из Москвы и привез свою жену, но не хочет еще ее показывать. Я видела ее у маменьки - это очень молодая и очень красивая особа, тонкая, стройная, высокая, - лицо Мадонны, чрезвычайно бледное, с кротким, застенчивым и меланхолическим выражением, - глаза зеленовато-карие, светлые и прозрачные, - взгляд не то чтобы косящий, но неопределенный, тонкие черты, красивые черные волосы. Он очень в нее влюблен, рядом с ней его уродливость еще более поразительна, но когда он говорит, забываешь о том, чего ему недостает, чтобы быть красивым, его разговор так интересен, сверкающий умом, без всякого педантизма”.

А может быть дорога началась 11 октября 1833 года, когда французский роялист Жорж Дантес, молодой красавец, ровесник Натальи Николаевны (он старше ее на 6 месяцев и 22 дня) прибыл в Россию вместе со своим опекуном бароном Луи Геккерном де Беверваард? Газета “Санкт-петербургские ведомости” писала в тот день:

“Пароход Николай I, совершив свое путешествие в 78 часов, 8-го сего октября прибыл в Кронштадт с 42 пассажирами, в том числе королевский нидерландский посланник барон Геккерен.”

Но пути Пушкина и Жоржа Дантеса могли бы и разойтись летом 1835 года.

В письме графу Бенкендорфу Пушкин пишет 1 июня 1835 года: “Ныне я поставлен в необходимость покончить с расходами, которые вовлекают меня в долги и готовят мне в будущем только беспокойство и хлопоты, а может быть нищету и отчаяние. Три или четыре года уединенной жизни в деревне снова дадут мне возможность по возвращении в Петербург возобновить занятия, которыми я пока еще обязан милости его величества...” Тогда же, через две недели, Пушкин пишет В. А. Дурову из Петербурга в Елабугу “...деньги дело наживное. Главное, были бы мы живы.”

Сейчас бы сказали: он как в воду глядел. Но уехать из “свинского Петербурга” в деревню не удалось. И уже 4 июля Пушкин отстывает: “Государю угодно было отметить на письме моем к Вашему сиятельству, что нельзя мне будет отправиться на несколько лет в деревню, иначе как взяв отставку”. А отставка - это запрет на вход в архивы. Так может быть, дорога к Черной речке и началась тем летом?

Или все-таки позже... Например, четвертого ноября 1836 года, когда утром городская почта доставила Пушкину и его ближайшим друзьям анонимное письмо-пасквиль, в котором Пушкин объявлялся рогоносцем. И в тот же день произошло еще одно роковое событие, о котором мы узнали совсем недавно из писем Жоржа Дантеса.

А может быть, это судьба, и версты по этой дороге надо отсчитывать с самого первого дня, с четверга 26 мая 1799 года, со дня Вознесения, когда Пушкин родился? П. И. Бартенев писал о Пушкине, что “важнейшие события его жизни все совпадали с днем Вознесения”.

В этой небольшой хронике мы хотели бы еще раз пройти с Пушкиным по этой дороге. И не для того только, чтобы отметить двухсотлетний юбилей начала этого пути. Это заставляет сделать открытый совсем недавно парижский архив Дантеса.

Там, на Черной речке, у Комендантской дачи секунданты Данзас и д'Аршиак, сбросив на снег свои шинели, отметили ими барьеры на расстоянии десяти шагов. За шинелью Данзаса, в пяти шагах от нее, стал Пушкин. За шинелью д'Аршиака - Дантес. Барьеры эти разделяли не только кавалергарда и поэта, смертельно раненого Пушкина и его убийцу. Они как бы разделяли историческую правду о последней дуэли и гибели Пушкина. Факты и версии, собранные друзьями Пушкина, его секундантом и современниками мы знаем. Но правда неделима и двух “правд” не бывает. По другую сторону барьера стоял Жорж Дантес. Он тоже многое знал и многое пережил. И сейчас, когда его доверительные письма и признания Геккерну стали, наконец, известны, дорогу к Черной речке нужно пройти снова. И пройти ее нужно не только с Пушкиным, но и с Дантесом. Ничего не поделаешь... Когда-то Пушкин мудро заметил: “Тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман”. Да, такова природа человека. Но когда идет речь о Пушкине, возвышает не обман, а истина. Сейчас появилась возможность подойти к ней ближе.

Итак, начнем наш путь. Перечитаем документы, как старые, уже хорошо известные и исследованные, так и новые,

ставшие доступными меньше трех лет назад. Перечитаем и сопоставим. И еще порассуждаем. Применим метод исследования, который Н. Я. Эйдельман называл “медленным чтением”.

С чего начнем? Итак, эльзасский дворянин, выпускник военной Сен-Сирской школы, убежденный роялист и неудачливый “паж” герцогини Беррийской прибыл в Санкт-Петербург 11 октября 1833 года в надежде “славы и чинов”. Так и хочется сравнить его с д'Артаньяном (хотя это сравнение не в пользу героя Дюма). Подобно знаменитому мушкетеру, Дантес уповал на две вещи: острую шпагу и рекомендательное письмо. Письмо было подписано адъютантом прусского принца Вильгельма, женатого на племяннице русского царя, и адресовано к генерал-майору Владимиру Федоровичу Адлербергу, директору канцелярии русского военного министра. И еще Жорж Дантес очень надеялся на помощь нидерландского посланника в Петербурге барона Луи Геккерна. Барон познакомился со статным красивым юношей на его пути в Россию, где-то в Германии. Познакомился, полюбил всей душой и решил принять в его судьбе самое сердечное отцовское участие. Вы скажете, - так не бывает? Почему? Бывает... Сейчас, в свободной России, об этом можно говорить открыто. Впрочем, об этом позже... Сначала Дантес поселился в Английском трактире на Галерной улице во втором этаже. Адлерберг сообщает ему по этому адресу, что сразу после Крещения генерал Сухозанет подвергнет его экзамену. Это позже он переедет жить к Луи Геккерну в Голландское посольство на Невском проспекте 48, в двухэтажный дом, второй этаж которого Геккерн арендовал у графа Влодека. Сюда же после 10 января 1837 года переедет молодая жена Жоржа, Екатерина Николаевна Гончарова, свояченица Пушкина. Впрочем и об этом позже...

В этот день, 11 октября 1833 года Александр Сергеевич находится на расстоянии нескольких тысяч верст от Петербурга, в Болдине. Пушкин счастлив, работает запоем, пишет. Среди прочего, пишет в этот день письмо жене: “...не кокетничай с царем... Что касается до тебя, то слава о твоей красоте достигла до нашей попадьи, которая уверяет, что ты всем взяла, не только лицом, да и фигурой. Чего тебе больше”. Через недели три, 30 октября, Пушкин пишет жене из Болдина: “Ты, кажется, не путем искокетничалась. Смотри: недаром кокетство не в моде и почитается признаком дурного тона. В нем толку мало. Ты радуешься, что за тобою, как за сучкой, бегают кобели, подняв хвост трубочкой и понюхивая тебе з...; есть чему радоваться!.. Было бы корыто, а свиньи будут. К чему тебе принимать мужчин, которые за тобой ухаживают? Не знаешь, на кого попадешь.

Прочти басню А. Измайлова о Фоме и Кузьме. Фома накормил Кузьму икрой и селедкой. Кузьма стал просить пить, а Фома не дал. Кузьма и прибил Фому как каналью. Из этого поэт выводит следующее нравоучение: красавицы! Не кормите селедкой, если не хотите пить давать: не то можете наскочить на Кузьму... Я не ревнив, да и знаю, что ты во все тяжкое не пустишься; но ты знаешь, как я не люблю все, что пахнет московской барышней, все, что не *somme il faut*, все, что *vulgar*...” И Пушкин в этом же письме противопоставляет облику “московской барышни” “милый простой аристократический тон” своей жены. Конечно же Наталья Николаевна пишет мужу о каких-то светских сплетнях, о каких-то своих воздыхателях. Письма ее до нас не дошли, подробностей и имен мы не знаем. Да важно ли это? Важно другое. Наделенный таинственным непостижимым предчувствием, Пушкин рассказывает жене басню, о которой мы еще вспомним.

В одном из последних болдинских писем к жене Пушкин возвращается к этой теме. “Женка, женка! Я езжу по большим дорогам, живу по три месяца в лесной глуши, останавливаюсь в пакостной Москве, которую ненавижу, - для чего? - Для тебя, женка; чтоб ты была спокойна и блистала себе на здоровье, как прилично в твои лета и с твоею красотой. Побереги же и ты меня. К хлопотам, неразлучным с жизнью мужчины, не прибавляй беспокойств семейственных, ревности etc, etc. Не говоря об *souciage*²...”

Конечно, о Дантесе в это время и речи быть не может. Лишь несколько месяцев, 14 февраля 1834 года, будет издан приказ по Кавалергардскому полку о зачислении его в полк корнетом. Пушкин делает запись в дневнике: “26 января. (дневник за 1834 год - В. Ф.) Барон д'Антес и маркиз де Пина, два шуана, будут приняты в гвардию прямо офицерами. Гвардия ропщет.” Дантес делает быструю карьеру. О Пушкине этого не скажешь (если слово “карьера” к нему вообще применимо). За две недели до этого ему присвоен “шутовской” камер-юнкерский мундир. Пушкин пишет в дневнике: “1 января. Третьего дня я пожалован в камер-юнкеры (что довольно неприлично моим летам). Но двору хотелось, чтоб Наталья Николаевна танцевала в Аничкове. Так я же сделаюсь русским *Dangeau*” и далее “а по мне хоть в камер-пажи, только б не заставили меня учиться французским вокабулам и арифметике.” Пушкину шел 35-й год. Какой-нибудь ничтожный Сергей Семенович Уваров получил этот начальный придворный чин в 18 лет. Но Наталья Николаевна должна была появляться и

² супружеская измена (фр.)

плясать в Аничковом дворце... И уже через три месяца Пушкин записывает в дневник: 6 марта. Слава богу! Масленица кончилась, а с нею и балы... Все кончилось тем, что жена моя выкинула. Вот до чего доплясались”.

Весною 1834 года Наталья Николаевна уезжает на лето в Калужское имение, Полотняный Завод. В одном из летних писем к жене Пушкин пишет короткую фразу, которая выражает все его чувства: тоску по жене и любовь к ней. “Я должен был на тебе жениться, потому что всю жизнь был бы без тебя несчастлив”. И там же в письме: “Зависимость жизни семейственной делает человека более нравственным”. В начале января 1836 года Пушкин писал П. В. Нащокину: “Мое семейство умножается, растет, шумит около меня. Теперь, кажется, и на жизнь нечего роптать, и старости нечего бояться”. Чем враждебнее был светский Петербург, злее преследование цензуры, удушливее общественная жизнь и горше непонимание близких друзей, тем ближе и важнее была для Пушкина семья, его дом. Об этом хорошо сказал Ю. М. Лотман, когда назвал дом Пушкина, его семью “цитаделью личной независимости и человеческого достоинства”. Это очень важно понять. Без этого не раскрыть ту психологическую драму, которая разыгралась в душе поэта в конце 1836 года, когда эта цитадель обрушилась.

К сожалению, ответные письма Натальи Николаевны нам не известны. Любила ли юная красавица своего мужа? Не раз высказывалось мнение, что она была неглубокой поверхностной натурой, не понимала масштаба личности мужа, была безразлична к его творчеству, не разделяла его забот и что сердце ее не было разбужено, дремало до поры до времени, не зная любви. Давайте забежим вперед и прочтем известное письмо Натальи Николаевны брату Дмитрию Николаевичу, написанное в июле 1836 года и посланное из Петербурга в Полотняный Завод: “Теперь я хочу немного поговорить с тобой о моих личных делах. Ты знаешь, что пока я могла обойтись без помощи из дома, я это делала, но сейчас мое положение таково, что я считаю даже своим долгом помочь моему мужу в том затруднительном положении, в котором он находится; несправедливо, чтобы вся тяжесть содержания моей большой семьи падала на него одного, вот почему я вынуждена, дорогой брат, прибегнуть к твоей доброте и великодушному сердцу, чтобы умолять тебя назначить мне с помощью матери содержание, равное тому, какое получают сестры, и если это возможно, чтобы я начала получать его до января, то есть с будущего месяца. Я тебе откровенно признаюсь, что мы в таком бедственном положении, что бывают дни, когда я не знаю как

вести дом, голова у меня идет кругом. Мне очень не хочется беспокоить мужа всеми своими мелкими хозяйственными хлопотами, и без того я вижу, как он печален, подавлен, не может спать по ночам и, следовательно, в таком настроении не в состоянии работать, чтобы обеспечить нам средства к существованию: для того, чтобы он мог сочинять, голова его должна быть свободна. И, стало быть ты легко поймешь, дорогой Дмитрий, что я обратилась к тебе, чтобы ты мне помог в моей крайней нужде. Мой муж дал мне столько доказательств своей деликатности и бескорыстия, что будет совершенно справедливо, если я со своей стороны постараюсь облегчить его положение; по крайней мере содержание, которое ты мне назначишь, пойдет на детей, а это уже благородная цель. Я прошу у тебя этого одолжения без ведома моего мужа, потому что если бы он знал об этом, то, несмотря на стесненные обстоятельства, в которых он находится, он помешал бы мне это сделать. Итак, ты не рассердишься на меня, дорогой Дмитрий, за то, что есть нескромного в моей просьбе, будь уверен, что только крайняя необходимость придает мне смелость докучать тебе.” А если перечитать письма Пушкина к жене, то поражаешься, как много в них не только хозяйственных, но чисто литературных и издательских забот. Пушкин делится с женой самыми сокровенными и горькими мыслями о русской жизни, о “свинском Петербурге”, где живешь “между пасквилями и доносами”, о горькой судьбе писателя и журналиста в России. Это ей в том же 1836 году он напишет: “черт догадал меня родиться в России с душой и талантом!” Но ведь это разговор с умным понимающим собеседником. Нет, не была Наталья Николаевна глупой, пустой и бездушной светской красавицей, хотя до ума и проницательности Дарьи Федоровны Фикельмон ей, наверняка, было далеко. Она заботливая жена и хорошая мать. А что до сердца... Не будем забегать вперед. Подождем. Ведь у нас еще ранняя весна 1834 года.

Пока Жорж Дантес примеряет белый мундир и сверкающую золотом кирасу кавалергарда, знакомится с друзьями по полку, заводит дружбу с Александром и Сергеем Трубецкими, Адольфом Бетанкуром и Александром Полетикой, прозванным “божьей коровкой”, заглянем в дневник Пушкина. Продолжим наше “медленное” чтение. 17 марта Пушкин пишет: “Много говорят о бале, который должно дать дворянство по случаю совершеннолетия государя наследника... Вероятно, купечество даст также свой бал. Праздников будет на полмиллиона. Что скажет народ, умирающий с голода?” На этот вопрос Пушкин уже сам ответил 7 ноября 1825 года, окончив “Бориса Годунова”: “Народ безмолвствует”. Как все это современно, злободневно, не

правда ли? В тот же день Пушкин заносит в дневник: “Вчера было совещание литературное у Греча об издании русского “Conversation's Lexicon”³. Нас было человек со сто, большею частью неизвестных мне русских великих людей. Я подсмотрел много шарлатанства и очень мало толку... Вяземский не был приглашен на сие литературное сборище”. Тоже звучит очень современно: неизвестные Пушкину великие люди от литературы. Правда, Союза писателей в то время еще не было. Или вот запись в дневнике 20 марта. Третьего дня был бал у кн. Мещерского. Из кареты моей украли подушки, но оставили медвежий ковер, вероятно за недосугом”. Пушкин писал о “телеге жизни”, считая, что жизнь в России тащится как телега. Нынче тоже с ветрового стекла автомашины снимают “дворники” и, если оставляют радиоприемник, то исключительно “за недосугом”. 2 апреля 1834 года в дневнике Пушкина появляется такая запись: “В прошлое воскресенье обедал я у Сперанского. Он рассказал мне о своем изгнании в 1812 году. Он выслан был по Тихвинской глухой дороге. Ему дан был в провозчатые полицейский чиновник, человек добрый и глупый. На одной станции не дали ему лошадей; чиновник пришел просить покровительства у своего арестанта: Ваше превосходительство! Помилуйте! Заступитесь великодушно. Эти каналы лошадей нам не дают”. Когда-то могущественный министр при Александре, надежда свободомыслящей России, теперь - бесправный ссыльный, и ему не дают лошадей. Пройдет почти три четверти века, ничего не изменится, и Чехов напишет своего “Хамелеона”. Ничего не изменится и позже. “Говорят, - пишет в дневнике Пушкин 16 апреля, - будто бы на днях выйдет указ о том, что уничтожается право русским подданным пребывать в чужих краях. Жаль во всех отношениях, если слух сей оправдается”. Тогда слух оправдался, но частично. Полностью он оправдался сто лет спустя. А вот как Пушкин пишет в дневнике о царе. Московская почта перлюстрировала его письма к жене. Пушкин замечает 10 мая: “...я могу быть подданным, даже рабом, но холопом и шутком не буду и у царя небесного. Однако, какая глубокая безнравственность в привычках нашего правительства! Полиция распечатывает письма мужа к жене и приносит читать их царю..., и царь не стыдится в том признаться - и давать ход интриге, достойной Видока и Булгарина!” А вот запись, сделанная 21 мая: “Кто-то сказал о государе: В нем много от прапорщика и немного от Петра Великого”. Тургенев назвал Пушкина “самым русским человеком

³ Словарь-разговорник.

своего времени”, а Гоголь высказал мысль о том, что Пушкин явил собою тип русского человека в его высшем развитии. А теперь скажите, дорогой читатель, положи руку на сердце, много ли русских советских писателей осмелилось (хотя бы в тайном дневнике) написать о Сталине, что в нем много от коварного восточного сатрапа, но мало от “корифея науки”? И вы назовете одного Осипа Мандельштама. Но Гоголь все-таки прав. Время равнения на Пушкина еще не настало, но оно обязательно придет.

Читатель может подумать, что в своем “медленном чтении” мы отвлеклись, и с дороги на Черную речку свернули не в ту сторону. Нисколько. Пока кавалергард обустраивается, несет службу, танцует на балах, пока его ждут роскошные комнаты голландского посольства с драгоценным антиквариатом, восточными вазами, картинами и другими раритетами, которые Луи Геккерн собирает со скупой мелочной страстью, мы немного рассказали о Пушкине и Наталье Николаевне их же собственными словами.

Подходит к концу 1834 год. Пушкин пишет 18 декабря в дневнике: “Третьего дня я был в Аничковом. Опишу все в подробности, в пользу будущего Вальтер Скотта. Придворный лакей поутру явился ко мне с приглашением: быть в 8 с половиной часов в Аничковом, мне в мундирном фраке, Наталье Николаевне как обыкновенно. В 9 часов мы приехали. На лестнице встретил я старую графиню Бобринскую, которая всегда... выводит меня из хлопот. Она заметила, что у меня треугольная шляпа с плюмажем (не по форме: в Аничков ездят с круглыми шляпами; но это еще не все). Гостей было уже довольно; бал начался контрдансами... Граф Бобринский, заметя мою треугольную шляпу, велел принести мне круглую. Мне дали одну, такую засаленную помадой, что перчатки у меня промокли и пожелтели... У Дуро спросили, как находит он бал. - Je m'ennuie - отвечал он - Pourquoi cela? - On est debout, et j'aime a` etre assis...⁴” Маркиз де Дуро, английский путешественник, представлялся Николаю на балу. Его фраза Пушкину понравилась. Пушкину самому и скучно, и противно. Будущий Вальтер Скотт (для которого поэт пишет) мог бы с его слов живо изобразить эту сцену. Пушкин, низкого роста, в нелепом придворном мундире, в дикой шляпе с круглыми полями и рядом прекрасная Наталья Николаевна, выше его почти на голову, затянута, с осиной талией... И мы, читая это описание, так и видим все будущие балы 1835 и 36 годов, блестящего ловкого кавалергарда, танцующего мазурку с первой петербургской

⁴ Мне скучно. - Это почему? - Здесь стоят, а я люблю сидеть.

красавицей и поэта в полосатом кафтане, мрачного как ночь, нахмуренного, как Юпитер во гневе”⁵. Все трое могли встретиться уже на этом балу.

Наступил 1835 год. 8 января Пушкин пишет в дневнике: “Начнем новый год злословием, на счастье...” Счастья новый год не принес. Пушкин был в тисках нужды. Чтобы сократить расходы и литературным трудом заработать деньги, надо было ехать с семьей надолго в деревню. Но царь отпуска не давал, а отставка лишала его доступа в архивы и литературного заработка. Получался заколдованный круг. Пушкин пишет в дневнике: “Выкупив бриллианты Натальи Николаевны, заложенные в московском ломбарде, я принужден был их перезаложить в частные руки, не согласившись продать их за бесценок”. К 1 января 1836 года долг Пушкина превышал 77 тысяч рублей. И это при жалованьи 5 тысяч рублей в год. А бриллианты жены поэт так и не смог выкупить до конца своей жизни. Издание “Современника”, разрешенное в начале 1836 года, не облегчило материального положения.

Министр С. С. Уваров и его клевет председатель Санкт-Петербургского цензурного комитета М. А. Дондуков-Корсаков затягивают цензурную петлю и травят Пушкина. А ведь царь обещал ему еще в 1826 году ограничить цензуру своим личным контролем. В феврале 1835 года Пушкин пишет: “В публике очень бранят моего Пугачева, а что хуже - не покупают. Уваров большой подлец. Он кричит о моей книге, как о возмутительном сочинении. Его клевет Дондуков (дурак и бардаш) преследует меня своим цензурным комитетом. Он не соглашается, чтобы я печатал свои сочинения с одного согласия государя. Царь любит, да псарь не любит. Кстати об Уварове: это большой негодяй и шарлатан...” К концу 1835 года, когда Пушкин своим “Лукуллом” пригвоздил “негодяя и шарлатана” к позорному столбу, Сергей Семенович Уваров имел уже все мыслимые должности и звания.

Одно их перечисление заняло бы страницу. Вот только некоторые: президент Академии наук, член Российской академии, член Академии художеств, министр просвещения, председатель Главного управления цензуры, член Государственного совета, Председатель комитета учебных заведений, действительный тайный советник. Эта страсть к коллекционированию должностей, званий и орденов при полном отсутствии таланта сохранится в России надолго. Еще в 1834 году Пушкин писал в дневнике о смерти Кочубея: “Казалось, смерть такого ничтожного человека не

⁵ Из письма Софьи Николаевны Карамзиной брату.

должна была сделать никакого переворота в течении дел. Но такова бедность России в государственных людях, что и Кочубея некем заменить!”

В феврале 1835 года Пушкин пишет в дневнике: “Цензура не пропустила следующие стихи в сказке моей о Золотом петушке: Царствуй, лежа на боку”.

Если бы Пушкин знал, что и через 120 лет цензура в России не изменится! Рассказывают, что в 1951 году в период борьбы с космополитизмом в каком-то издательстве пушкинская Сказка о царе Салтане была подвергнута “редакции”. Как известно, на вопрос царя:

*Ладно ль за морем иль худо?
И какое в свете чудо?*

Гости отвечают:

*За морем жительство не худо;
В свете ж вот какое чудо:
Остров на море лежит...*

и так далее. В “отредактированном” советском тексте гости отвечают:

*За морем жительство плохое,
В свете ж чудо вот какое:
Остров на море лежит*

и далее по тексту. И уже совсем недавно, в Горбачевские времена, во время партийной компании против алкоголизма запрещалось по радио читать “Вакхическую песнь”. Так может быть Пушкину было бы легче, знай он, что за полтора десятка лет цензура в России не изменится? Надо думать - наоборот.

Весной 1835 года голландский посланник покидает Петербург, едет в отпуск. 18 мая 1835 года Жорж Дантес пишет будущему отцу⁶:

“... Мое письмо найдет вас уже устроенным, довольным и познакомившимся с папенькой Дантесом. Мне чрезвычайно любопытно прочесть ваше следующее письмо, чтобы узнать,

⁶ Письма Дантеса Геккерну цитируются по русской публикации Серены Витале в журнале “Звезда” (№ 9, 1995 г.) с предисловием Вадима Старка и сверены с их итальянским переводом в ее книге “Il Bottone di Puskin”, Adelphi, 1995.

довольны ли вы выбором вод и обществом, там найденным. Как бы все было по-иному, будь я не одинок, как сейчас, а с вами! Как был бы счастлив! Пустоту, которую обнажило ваше отсутствие, невозможно выразить словами. Я не могу найти для нее лучшего сравнения, чем с той, что вы, должно быть чувствуете сами, ибо хоть порой вы и принимали меня, ворча, (я, конечно, имею в виду время важной депеши), я знал тем не менее, что вы рады немного поболтать; для вас, как и для меня, вошло в необходимость видаться в любое время дня. Приехав в Россию, я ожидал, что найду там только чужих людей, так что вы стали для меня провидением! Ибо друг, как вы говорите, - слово неточное, ведь друг не сделал бы для меня того, что сделали вы, еще меня не зная. Наконец, вы меня избаловали, я к этому привык, так скоро привыкаешь к счастью, а вдобавок - снисходительность, которой я никогда не нашел бы в отце. И что же, вдруг оказаться среди людей завистливых и ревнующих к моему положению, вот и представьте, как сильно я чувствую разницу и как мне приходится ежечасно осознавать, что вас больше здесь нет. Прощайте, дорогой друг. Лечитесь как следует, а развлекайтесь еще больше, и, я уверен, вы вернетесь к нам в добром здоровье и с таким самочувствием, что, точно в 20 лет, сможете жить в свое удовольствие, не беспокоясь ни о чем на свете. По крайней мере, таково мое пожелание, вы знаете, как я вас люблю, и от всей души, пока же целую вас так же, как люблю, то есть очень крепко.

Всецело преданный вам,
Ж. Дантес”

И в следующих письмах Дантес настойчиво и неукоснительно будет выражать свою любовь к Луи Геккерну. Была ли это на самом деле любовь или только благодарность, - кто знает? Для нас это не так уж и интересно. Но можно твердо верить автору, что встреча с Геккерном и его поддержка стали для него, как он пишет, провидением. Это и материальная поддержка, светские связи, без которых завоевать северную русскую столицу было бы нелегко. А Дантес только и думает о блестящей карьере. Это цель, к которой он стремится всеми возможными способами. Это видно хотя бы из его письма от 20 июня:

“Павловск, 20 июня 1835 г.

Мой дорогой друг, как я счастлив: сию минуту получил я письмо сестры, сообщающее, что вы приехали в Баден-Баден и, что мне много интереснее, что вы в совершенном здравии. Мой бедный старый отец в восторге. Итак, он пишет, что невозможно испытывать большую привязанность, чем вы ко мне, что вы ни на минуту не расстанетесь с моим портретом. Благодарю, благодарю

тысячу раз, мой дорогой, и мое единственное постоянное желание - чтобы вам никогда не довелось раскаяться в своей доброте и жертвах, на которые вы себя обрекаете ради меня; я же надеюсь сделать карьеру, достаточно блестящую для того, чтобы это было лестно для вашего самолюбия, будучи убежден, что вам это будет наилучшим вознаграждением, коего жаждет ваше сердце.

Мой дорогой друг, у вас постоянные страхи о моем благополучии, совершенно необоснованные; перед отъездом вы дали мне достаточно, чтобы с честью и спокойно выпутаться из затруднений, особенно, когда мы возвратимся в город. В лагере я и впрямь немного стеснен, но это всего на несколько месяцев, а как только вернусь в город, все будет прекрасно; да если в моей кассе и обнаружится недостаток во время маневров (чего не думаю), уверяю, я тотчас вас предупрежу, так что ваше доброе сердце может быть спокойно: раз я ни о чем не прошу, следовательно, ни в чем не нуждаюсь...”

Здесь мы не собираемся цитировать все письма Дантеса, приводить их полностью. Нам интересна здесь только та их часть, которая позволит восстановить контекст двух отрывков, опубликованных Анри Труайя. Если сравнить эти вырванные из контекста отрывки с замочной скважиной, то письма Дантеса, - это дверь, распахнутая в квартиру врагов Пушкина. И это дает возможность (еще раз процитируем С. Л. Абрамович) “многое прояснить”.

Между тем Дантес делает все новые успехи и по службе, и в свете. Это видно из следующего письма от 14 июля:

“...Однако, следует быть справедливым, ведь до сих пор я говорил вам только о плохой стороне наших маневров, а между тем мы находили в них удовольствия: празднества шли чередой, а Императрица была ко мне по-прежнему добра, ибо всякий раз, как приглашали из полка трех офицеров, я оказывался в их числе; И Император все так же оказывает мне благоволение. Как видите. Мой добрейший, с этой стороны все осталось неизменным. Принц Нидерландский (принц Вильгельм Оранский, - *В. Ф.*) тоже весьма любезен, он при каждом удобном случае осведомляется о вас и спрашивает, улучшается ли ваше здоровье; можете вообразить, как я счастлив, когда могу сказать ему, что у вас все идет на лад, и вы совершенно поправитесь к будущему году... Он уверил меня, раз тамошние врачи прописывают вам лечение виноградом - это лучшее доказательство полного восстановления вашего здоровья. Представляю, какая радость была в Сульце, когда там узнали, что вы приедете на две недели, а если ненароком вам и случится там поскучать, заранее прошу вашей снисходительности. Они так

захотят вас развлечь, что в конце концов наскучат. Да может ли быть по-иному, разве вы не благодетель для них всех; ведь в наше время <трудно> найти в чужестранце человека, который готов отдать свое имя, свое состояние, а взамен просит лишь дружбы; дорогой мой, надо быть вами и иметь такую благородную душу, как ваша, для того, чтобы благо других составило ваше собственное счастье; повторяю то, что уже не раз вам говорил - мне легко будет стремление всегда вас радовать, ибо я не дожидался от вас этого последнего свидетельства, чтобы обещать вам дружбу, которая закончится только со мною: все, что я здесь говорю - не просто фразы, как вы меня упрекали в последнем письме; раз уж мне невозможно иначе выразить все, что я чувствую, вам придется покориться и читать об этом, ежели вы хотите узнать всю мою душу...”

Дантес называет Геккерна “благодетелем” и пишет, что “не дожидался этого последнего свидетельства, чтобы обещать вам дружбу”. Какого свидетельства? Сам и отвечает: готовности “отдать свое имя, свое состояние”. Как всегда, Луи Геккерн ревнив. Но это еще не та жгучая ревность, которая охватит его позже. Сейчас он упрекает Дантеса в том, что его слова о любви и верности - просто фразы. Вот так, не читая ответных писем Геккерна, мы слышим его голос. Он эхом доносится до нас из письма Дантеса, датированного 1 сентября 1835 года.

“Дорогой мой, вы большое дитя. К чему настаивать, чтобы я говорил вам “ты”, точно это слово может предать большую ценность мысли и когда я говорю “я вас люблю” - я менее чистосердечен, чем если бы сказал “я тебя люблю”. К тому же, видите ли, мне пришлось бы отвыкать от этого в свете, ведь там вы занимаете такое место, что молодому человеку вроде меня не подобает быть бесцеремонным. Правда, вы сами - совсем другое дело. Уже довольно давно я просил об этом, такое обращение от вас ко мне - прекрасно; впрочем, это не более чем мои обычные рассуждения; безусловно, не мне жеманиться перед вами, Господь мне свидетель...”

В нашем полку новые приключения. Бог весть, как все окончится на сей раз. На днях Сергей Трубецкой с еще двумя моими товарищами, после более чем обильного ужина в загородном ресторане, на обратном пути принялись разбивать все фасады придорожных домов; вообразите, что за шум случился назавтра. Владельцы пришли с жалобой к графу Чернышеву (военному министру, - *В. Ф.*), а он приказал поместить этих господ в кордегарию и отправил рапорт Его Величеству в Калугу. Это одно. А вот и другое: на днях, во время представления в

Александринском театре, из ложи, где были офицеры нашего полка, бросили набитый бумажками гондон в актрису, имевшую несчастье не понравиться. Представьте, какую суматоху это вызвало в спектакле. Так что Императору отослали второй рапорт; и если Император вспомнит свои слова перед отъездом, что, случись в полку малейший скандал, он переведет виновных в армию, то я, конечно, не хотел бы оказаться на их месте, ведь эти бедняги разрушат свою карьеру, и все из-за шуток, которые ни смешны, ни умны, да и сама игра не стоила свеч.

Коль скоро я заговорил о театре, надо войти и за кулисы и рассказать, что нового произошло после вашего отъезда. Между красавчиком Полем и Лаферьером (актеры французской труппы, - В. Ф.) - война насмерть! И все из-за пощечины, полученной последним от первого; зеваки рассказывают, что они ревнуют друг друга из-за любви старухи Истоминой (прославленная Пушкиным балерина, - В. Ф.), поскольку считается, что она хочет уйти от Поля к Лаферьеру. Другие рассказывают, что Поль застал Лаферьера у окна подсматривающим в шелку, как он Поль, завоевывает благосклонность у своих возлюбленных. Коротко говоря, как я и писал, за этим последовала пара оплеух, и Лаферьера с огромным трудом заставили продолжать представление, ибо он полагает, что человек его ранга может предстать перед публикой, только омывшись кровью врага.

...Бедная моя Супруга в сильнейшем отчаянье, несчастная несколько дней назад потеряла одного ребенка, и ей еще грозит потеря второго; для матери это поистине ужасно, я же, при самых лучших намерениях, не смогу заменить их. Это доказано опытом всего прошлого года...”

Если пренебречь “театральными” новостями и “развлечениями” господ кавалергардов, следует обратить внимание на две фразы этого письма. Дантес в общем не осуждает поведение своих полковых друзей, но пишет, что “бедняги разрушат свою карьеру” и что он “не хотел бы оказаться на их месте”. Карьера. Ей Дантес подчиняет все, все приносит ей в жертву, ради нее ему “не подобает быть бесцеремонным” и обращаться “на ты” к голландскому посланнику, хотя он сам просит об этом. Но это не принято в свете. И может повредить карьере молодого человека. Супруга, о которой пишет Дантес, - его любовница. Он не считает возможным назвать ее имя. Но в этом и нет необходимости. Как следует из письма, эта любовная связь у него тянется еще с начала 1834 года и, стало быть, хорошо известна Луи Геккерну. Разумеется, будущему отцу это неприятно.

Но что же поделаешь! Дантес здоров и молод и принадлежит, как сейчас говорят, к сексуальному большинству.

Пушкин проводит сентябрь в Михайловском. Эта осень не дарит ему вдохновения. Пушкину не работается. Он пишет жене из Тригорского в Петербург 25 сентября: “В Михайловском нашел я все по-старому, кроме того, что нет уж в нем няни моей и что около знакомых старых сосен поднялась, во время моего отсутствия, молодая сосновая семья, на которую досадно мне смотреть, как иногда досадно мне видеть молодых кавалергардов на балах, на которых уж не пляшу. Но делать нечего; все кругом меня говорит. Что я старею... Что ты делаешь, моя красавица в моем отсутствии? Расскажи, что тебя занимает, куда ты едешь...”

Дантес в одном из следующих писем продолжает рассказывать о петербургских “театральных” новостях. Они интересны для характеристики его адресата, барона Луи Геккерна.

“...Как видите, мой дорогой, на севере кровь чрезмерно горяча, и тот, кто приезжает туда уже таким, в этом климате ничего не теряет. Вы сможете судить об этом по следующей истории. Прекрасный Поль получил отпуск на 28 дней, чтобы отправиться на поиски похитителя сердца Истоминой и, перерезав ему горло, перерезать себе; по крайней мере, так он говорит. Оказывается, соблазнителем был вовсе не ваш близкий друг Лаферьер, как я писал раньше, но пощечины Поля достались как раз ему. К тому же выясняется, что Лаферьер изменил ему со своим приятелем, недавно приехавшим из Парижа. А вот и еще история. После этого приключения Лаферьер отказался играть в “Жребии”, если Геденов (директор императорских театров, - В. Ф.) не получит от Поля письма о том, что тот не давал ему пощечин; сами понимаете, когда начальник просит, он легко получает, так что Поль обнародовал и издал преглупое письмо, которое разносили по домам вместе с афишами. Я в отчаянии, что потерял свое, я переписал бы для вас самые умные пассажи, чтобы дать представление о других.”

Оказывается гомосексуалист Лаферьер был близким другом Луи Геккерна. И вообще все эти события из жизни французской актерской среды и сексуального меньшинства были голландскому посланнику интересны.

Вот еще один отрывок из письма от 26 ноября 1835 года, которое Жорж Дантес посылает Геккерну, гостящему у его семьи в Сульце и ведущему переговоры об усыновлении Жоржа.

“...Если бы ты знал, как меня радуют все подробности о покупке земли, с чем ты, вероятно, теперь покончил; ведь я всегда мечтал, чтобы ты обосновался в этой стране (т. е. под Фрайбургом,

на границе с Эльзасом, - В. Ф.). Раньше я всегда остерегался говорить об этом откровенно, ибо, зная, как ты добр, я мог бы оказать на тебя влияние, чего мне бы не хотелось, ведь стоило положиться на твой вкус и опыт, ибо я убежден, что мне всегда будет от этого лучше. Однако, если покупка еще не состоялась, советую быть очень внимательным, ведь немцы не всегда так глупы, как кажутся, а ты должен непременно извлечь из этого выгоду, особенно если платишь наличными, а такие любители весьма редки в этой стране, где деньги на улицах не валяются. Я также говорил обиняком Клейну о твоём намерении купить землю где-нибудь в Германии; по его словам это было бы в высшей степени благоразумно, принимая во внимание, что держать деньги в портфеле выгодно только торговцам, поскольку это позволяет очень легко и намного увеличить прибыль и иногда компенсирует риск, с которым это связано; для того же, кто просто так держит деньги при себе, этой выгоды уже нет...

Далее Дантес пишет о свадьбе Монферрана, построившего Исаакиевский собор. Монферран женился на французской актрисе Элизе де Бонне.

“...В городе сейчас только и разговоров, что о грандиозном празднике, устроенном Монферраном в честь его женитьбы несколько дней назад на этой старой шлюхе Лиз. Я был там и уверяю, что когда видишь, как подобные люди принимают и как живут, чувствуешь себя рядом с ними просто чернью. Считают, что он потратил 1500 рублей... в день свадьбы он составил завещание, по которому после смерти оставляет все свое состояние вдове, да еще надеется, что Император согласится платить ей пенсию за всю его службу России, а как особой милости просит, чтобы его похоронили в Исаакиевской церкви: по этому поводу я сказал и повторяю для тебя, ибо так и думаю, что это неплохо, что он как те индейцы, что, умирая, обычно просят отнести их в хлев, чтобы ухватиться за хвост своей коровы - имуществу, приносившего при жизни самый большой доход.

...Передай от меня множество дружеских пожеланий всему семейству во главе с папенькой, ну, а тебе скажу только, что я не благодарен.”

В конце письма - важная приписка. “Едва не забыл сказать, что разрываю отношения со своей Супругой и надеюсь, что в следующем письме сообщу тебе об окончании моего романа”. Обратим внимание, что Дантес объявляет о разрыве с этой женщиной в конце ноября 1835 года.

Цитированное письмо важно для характеристики Жоржа Дантеса. Дантес - практичен. Он достойный сын Эльзаса, знает

цену деньгам и знает, как извлечь из них выгоду. Его веселость, легкость, остроумие и общительность, которые так привлекали к нему сердца в петербургском свете, скрывают в нем трезвую, практичную и расчетливую натуру. И еще одна черта. Его блеск и остроумие часто граничат с равнодушным холодным цинизмом. Надо отдать должное его эпистолярному искусству: лучше о себе не расскажешь. К тому же письма Геккерну носят сугубо доверительный характер. Это мы всегда должны иметь в виду, размышляя о достоверности выраженных в письме чувств.

Вот еще два отрывка из письма Дантеса, посланного Геккерну 28 декабря 1835 года.

“...Вот, мой дорогой, все мысли, что приходят мне на ум, когда думаю о тебе; возможно, я сумел бы изложить их изящнее, но мне все так же пришлось бы повторять, что никогда я не любил никого, кроме тебя. Когда же ты говоришь, что не мог бы пережить меня, случись со мною беда, неужели ты думаешь, что мне такая мысль никогда не приходила в голову? Но я-то много рассудительней тебя, я эти мысли гоню, как жуткие кошмары. Да ведь во что бы превратилась наша жизнь, если, будучи поистине счастливыми, мы стали бы развлекаться, распаляя воображение и тревожась о всех несчастьях, что могут приключиться. Ведь она превратилась бы в постоянную муку, и, право же, если уж ты не заслужил счастья, то и никто, кроме тебя его не заслуживает.

Мой дорогой друг, у меня два твоих письма, а я еще ни на одно не ответил, но дело тут не в небрежении или лени. Недавно я занимался фехтованием у Грюнерса и получил удар по кисти саблей, рассадившей мне большой палец, так что всего несколько дней, как я могу им снова пользоваться. К тому же я просил этого дурня Жанвера (барон Геверс, секретарь голландского посольства, - *В.Ф.*) тебе написать, не знаю, сделал ли он это, но теперь у меня уже все зажило, и я попытаюсь наверстать упущенное.

...Мне представляется, что всего труднее будет получить благосклонность Императора, ведь я действительно ничего не сделал, чтобы заслужить ее. Креста он не может пожаловать: чин! На днях должна наступить моя очередь, и, если ничего нового не случится, ты, может быть, найдешь меня поручиком, так как я 2-й корнет, а в полку есть три вакансии. Я даже думаю, что было бы неблагоприятно докучать ему с протекцией, ибо полагаю, что милость ко мне основывается на том только, что я никогда ничего не просил, а это дело для них непривычное со стороны служащих им иностранцев. И, насколько могу судить, обращение со мною Императора стоит сейчас дороже, чем та малость, которую он мог бы мне пожаловать. На последнем балу в Аничкове Его

Величество был чрезвычайно приветлив и беседовал со мною очень долго. Во время разговора я уронил свой султан, и он сказал мне смеясь: “Прошу вас быстрее поднять эти цвета, ибо я позволю вам снять их только с тем, чтобы вы надели свои”, а я ответил, что заранее согласен с этим распоряжением. Император: “Но именно это я и имею в виду, однако, коль вам невозможно быстро получить назад свои, советую дорожить этими”, на что я ответил, что его цвета уж очень хороши и мне в них слишком приятно, чтобы спешить их оставить (имелась в виду белая лилия Бурбонов и белый султан российского кавалергарда, - *В.Ф.*); тогда он многократно со мною раскланялся, шутя, как ты понимаешь, и сказал, что я слишком уж любезен и учтив, причем все это произошло к великому отчаянию присутствовавших, которые съели бы меня, если бы глаза могли кусать.

Из новостей нет ничего интересного, разве приезд господина де Баранта, французского посла (в конце 1835 г. Французское посольство во главе с де Барантом прибыло в Петербург, - *В.Ф.*), который произвел довольно приятное впечатление своей внешностью, а ты знаешь, что в этом-то вся суть; вечером в день его представления ко двору Его Величество спросил, знаком ли я с ним, и добавил, что вид у него совершенно достойного человека...

...Прощай, мой драгоценный друг, целую тебя в обе щеки и желаю счастливого нового года, хоть это и лишнее, ведь я только что прочел в письме сестры, что ты отменно себя чувствуешь.”

Геккерт пишет Дантесу, что случись с ним беда, он это не переживет. Геккерт предчувствует беду на расстоянии. Его страхи понятны: молодой человек в Петербурге больше полугода как один. Но пока молодой человек в порядке, несет службу, делает карьеру и больше всего дорожит благоволением царя.

И вот 24 декабря 1836 года Геккерт из Парижа присылает Дантесу письмо с радостным сообщением. Голландский двор, наконец, признал усыновление. Теперь Дантес законный наследник имени и состояния Геккерта. Георг Геккерт, - таково теперь его официальное имя. Теперь Дантес не только самый модный молодой человек при дворе, но и выгодный жених. Обо всем этом мы узнаем из письма Дантеса от 6 января 1836 года.

“Мой драгоценный друг, я не хочу медлить с рассказом о том, сколько счастья доставило мне твое письмо от 24-го: я же знал, что Король не станет противиться твоей просьбе, но полагал, что это причинит еще больше затруднений и хлопот, и мысль эта была тяжела, поскольку это дело оказывалось для тебя еще одним

поводом для огорчений и озаботило бы тебя, а тебе ведь уже пора бы отдыхать да смотреть, как я стараюсь заслужить все благодеяния. Однако будь вполне уверен, мне никогда не потребовался бы королевский приказ, чтобы не расставаться с тобою и посвятить все мое существование тебе - всему, что есть в мире доброго и что я люблю более всего, да, более всего...”

Итак, наступил 1836 год. Пушкин, обрадованный разрешением издавать “Современник”, возлагает надежды на журнал и “Историю Петра”. Но надежды не оправдались. Цензурная петля затягивается все крепче. Из-за пародии на Уварова поэт вынужден объясняться с Бенкендорфом. Светская придворная чернь, равняющаяся на самодержца и его клеветов, враждебна. Взявшись за издание журнала, Пушкин вынужден терпеть уколы своих прожженных “коллег”, всяких там Булгаринных, Сенковских, Полевых. Пушкин переживает душевный кризис. Именно в это время возникают ссоры с В.А. Соллогубом, С. С. Хлюстиным и Н. Г. Репниным, чуть было не кончившиеся дуэлями. Позже Соллогуб утверждал, что поэт в эти месяцы сам искал смерти.

5 февраля 1836 года Пушкин пишет Н. Г. Репнину раздраженное письмо, требуя объяснений по поводу оскорбительных отзывов некоего Боголюбова (человека С.С. Уварова), будто бы исходящих от Репнина. В словах этого письма “как дворянин и отец семейства, я должен блюсти мою честь и то имя, которое оставлю моим детям” чувствуется оскорбленное самолюбие и смятенное состояние души поэта. И, как мы увидим, дата письма не кажется случайной.

И в довершение всего 29 марта умирает Надежда Осиповна, и Пушкин один едет хоронить мать в Святые горы. Там, в Святогорском монастыре, он вносит в монастырскую кассу деньги и покупает себе место рядом с могилой матери. Что происходит с поэтом, что у него на душе?

Дантес Геккерну 20 января 1836 года:

“Мой драгоценный друг, я, право, виноват, что не сразу ответил на два твоих добрых и забавных письма, но видишь ли, ночью танцы, поутру манеж, а после полудня сон - вот мое бытие последние две недели и еще по меньшей мере столько же в будущем, но самое скверное - то, что я безумно влюблен! Да, безумно, ибо не знаю, куда преклонить голову. Я не назову тебе ее, ведь письмо может затеряться, но вспомни самое прелестное создание в Петербурге, и ты узнаешь имя. Самое же ужасное в моем положении - что она также любит меня, но видется мы не можем, до сего времени это немислимо, ибо муж возмутительно

ревнив. Поверяю это тебе, мой дорогой, как лучшему другу, и знаю, что ты поделишь мою печаль, но, во имя Господа, никому ни слова, никаких расспросов, за кем я ухаживаю. Ты погубил бы ее, сам того не желая, я же был бы безутешен; видишь ли, я сделал бы для нее что угодно, лишь бы доставить ей радость, ибо жизнь моя с некоторых пор - ежеминутная мука. Любить друг друга и не иметь другой возможности признаться в этом, как между двумя ритуриелями контрданса - ужасно; может статься, я напрасно все это тебе поверяю, и ты назовешь это глупостями, но сердце мое так полно печалью, что необходимо облегчить его хоть немного. Уверен, ты простишь мне это безумство, ибо эта любовь отравляет мое существование. Однако будь спокоен, я осмотрителен и до сих пор был настолько благоразумен, что тайна эта принадлежит лишь нам с нею (она носит то же имя, что и дама, писавшая к тебе в связи с моим делом о своем отчаянии, но чума и голод разорили ее деревни. Теперь ты должен понять, что можно потерять рассудок из-за подобного создания, в особенности если она вас любит! Снова повторяю тебе: ни слова Брею (секретарь баварского посольства, - *В. Ф.*) - он переписывается с Петербургом, и достало бы единственного намека его пресловутой супруге, чтобы погубить нас обоих! Один Господь знает, что могло бы случиться; так что, мой драгоценный друг, я считаю дни до твоего возвращения, и те 4 месяца, что нам предстоит провести все еще вдали друг от друга, покажутся мне веками - ведь в моем положении необходимо, чтобы рядом был любящий человек, кому можно было бы открыть душу и попросить одобрения. Вот почему я плохо выгляжу, ведь хотя я никогда не чувствовал себя так хорошо физически, как теперь, но я настолько разгорячен, что не имею ни минуты покоя ни ночью, ни днем, отчего и кажусь больным и грустным.

Мой дорогой друг, ты был прав, когда писал в прошлый раз, что подарок от тебя был бы смешон; в самом деле, разве ты не даришь мне подарков ежедневно, и, не правда ли, только благодаря им я существую: экипаж, шуба; мой дорогой, если бы ты не позволил ими пользоваться, я бы не смог выезжать из дому, ведь русские утверждают, что такой холодной зимы не было на памяти людской. Все же единственный подарок, который мне хотелось бы получить от тебя из Парижа, - перчатки и носки из филозели, это ткань из шелка и шерсти, очень приятные и теплые вещи, и, думаю, стоят недорого; если не так, посчитаем, что я ничего не говорил. Относительно драпа, думаю, он не нужен: моя шинель вполне послужит до той поры, когда мы вместе отправимся во Францию, что же до формы, то разница с новым

была бы так невелика, что не стоит из-за этого утруждаться. Ты предлагаешь мне переменить квартиру, но я не согласен, ибо наилучшим образом и удобно устроен в своей, так что с трудом без нее обошелся бы, тем более что я был бы стеснен, да и ты тоже - ведь кроме постоянных солдат на парадной лестнице, из-за моих поздних приездов и швейцару пришлось бы почти всю ночь быть на ногах, что было бы мне неприятно. Материи, которые ты предлагаешь, принимаю с благодарностью, и это не будет роскошеством, ведь моя старая мебель почти вся изъедена животными; одно условие, что ты сам все выберешь, по той простой причине, что у тебя намного больше вкуса; цвет же не важен - летом придется красить комнату, вот ее и выкрасят в цвет, подходящий к материи.

Я послал Антуана (возможно слуга Дантеса, - *В.Ф.*) в деревню: меньше чем за 500-600 рублей не найти дачи, где мы оба устроились бы удобно и в тепле. Подумай, не слишком ли это дорого, и ответь сразу, чтобы я мог распорядиться и все устроить для твоего удобства. Дай мне знать со следующей почтой, получил ли ты письмо некоего господина; позавчера он написал мне еще пачку писем, о которых расскажу тебе в следующий раз. Прощай, мой драгоценный, будь снисходителен к моей новой страсти, ведь тебя я тоже люблю всем сердцем. Дантес”.

Это то самое письмо, отрывки из которого в свое время опубликовал Труайя. Здесь мы привели его полностью. Конечно же дама, носящее то же имя, что и Наталья Николаевна, - это графиня Елизавета Федоровна Мусина-Пушкина, урожденная Вартенслебен, умершая 27 августа 1835 года. Дантесу она приходилась сестрой его бабушки по линии матери. Дантес любит и любим. Страсть затмевает ему разум, и он признается в своем чувстве Геккерну, хотя знает, что вызовет ревность. Опомнившись в конце письма, он пишет новоявленному отцу: “мой драгоценный, будь снисходителен к моей новой страсти, ведь тебя я тоже люблю всем сердцем”. Дантес пишет о “новой страсти”. Вспомним, что в конце ноября предыдущего года он разорвал отношения с “Супругой”. Когда же начался новый роман? Об этом мы узнаем позднее из его же писем.

“Петербург, 2 февраля 1836 г.

Мой драгоценный друг, никогда в жизни я столь не нуждался в твоих добрых письмах, на душе такая тоска, что они становятся для меня поистине бальзамом. Теперь мне кажется, что я люблю ее больше, чем две недели назад! Право, мой дорогой, это *idée fixe*, она не покидает меня, она со мною во сне и наяву, это страшное мученье: я едва могу собраться с мыслями, чтобы

написать тебе несколько банальных строк, а ведь в этом единственное мое утешение - мне кажется, что, когда я говорю с тобой, на душе становится легче. У меня более, чем когда-либо, причин для радости, ибо я достиг того, что могу бывать в ее доме, но видеться с ней наедине, думаю, почти невозможно, и все же совершенно необходимо; и нет человеческой силы, способной этому помешать, ибо только так я обрету жизнь и спокойствие. Безусловно, безумие слишком долго бороться со злым роком, но отступать слишком рано - трусость. Словом, мой драгоценный, только ты можешь быть моим советчиком в этих обстоятельствах: как быть, скажи? Я последую твоим советам, ведь ты мой лучший друг, и я хотел бы излечиться к твоему возвращению и не думать ни о чем, кроме счастья видеть тебя, а радоваться только тому, что мы вместе. Напрасно я рассказываю тебе все эти подробности, знаю - они тебя удручают, но с моей стороны в этом есть немного эгоизма, ведь мне-то становится легче. Может быть ты простишь мне, что я с этого начал, когда увидишь, что я приберег добрую новость. Я только что произведен в поручики; как видишь, мое предсказание исполнилось незамедлительно, и пока я служил весьма счастливо - ведь в конной гвардии до сих пор остаются в этом чине те, кто был в корнетах еще до моего приезда в Петербург. Уверен, в Сульце также будут очень довольны, я извещу их ближайшей почтой. Честно говоря, мой дорогой друг, если бы в прошлом году ты захотел поддержать меня чуть больше, когда я просился на Кавказ - теперь ведь ты можешь это признать, или я сильно заблуждался, всегда считая это несогласием, конечно, тайным, - то на будущий год я путешествовал бы с тобой как поручик-кавалергард, да вдобавок с лентой в петлице, потому что все, кто был на Кавказе, вернулись в добром здравии и были представлены к крестам, вплоть до маркиза де Пина. Один бедняга Барятинский был опасно ранен, верно; но тоже - какое прекрасное вознаграждение: Император назначил его адъютантом Великого Князя-Наследника, а после представил к награждению крестом Св. Георгия и дал отпуск за границу на столько времени, сколько потребуется для поправки здоровья; если бы я был там, может быть, тоже что-нибудь привез.”

Итак, Дантес стал вхож в дом Пушкина в январе 1836 года.

Через два дня после того, как Дантес написал это письмо, фрейлина М. Мердер делает такую запись в своем дневнике: “5 февраля 1836 г. Среда. С вечера у княгини Голицыной пришлось уехать на бал к княгине Бутера... В толпе я заметила Дантеса, но он меня не видел. Возможно, впрочем, что просто ему было не до того. Мне показалось, что глаза его выражали тревогу - он искал

кого-то взглядом и, внезапно устремившись к одной из дверей, исчез в соседней зале. Через минуту он появился вновь, но уже под руку с госпожою Пушкиною. До моего слуха долетело: “Уехать - думаете ли вы об этом - я не верю этому - это не ваше намерение”... Выражение, с которым произнесены эти слова, не оставляло сомнения насчет правильности наблюдений, сделанных мною ранее, - они безумно влюблены друг в друга! Пробыв на балу не более получаса, мы направились к выходу: барон танцевал мазурку с г-жою Пушкиной - как счастливы они казались в эту минуту!...”

Из этой записки следует, что Мердер наблюдала за влюбленными и раньше. Следовательно, слухи в свете могли появиться уже в январе и дойти до ушей Пушкина. В этом нет ничего удивительного: первая красавица и самый модный молодой человек были на виду. Это и могло отравить и без того нелегкую жизнь поэта.

А теперь прочтем письма Дантеса от 14 февраля и 6 марта 1836 года.

“Петербург, 14 февраля 1836 г.

Мой дорогой друг, вот и карнавал позади, а с ним - часть моих терзаний. Право, я, кажется, стал немного спокойней, не видясь с ней ежедневно, да и теперь уж не может кто угодно прийти, взять ее руку, обнять за талию, танцевать и беседовать с нею, как я это делаю: а они ведь лучше меня, ибо совесть у них чище. Глупо говорить об этом, но оказывается - никогда бы не поверил - это ревность, и я постоянно пребывал в раздражении, которое делало меня несчастным. Кроме того, в последний раз, что мы с ней виделись, у нас состоялось объяснение, и было оно ужасным, но пошло мне на пользу. В этой женщине обычно находят мало ума, не знаю, любовь ли дает его, но невозможно вести себя с большим тактом, изяществом и умом, чем она при этом разговоре, а его тяжело было вынести, ведь речь шла не более и не менее как о том, чтобы отказать любимому и обожающему ее человеку, умолявшему пренебречь ради него своим долгом: она описала мне свое положение с таким самопожертвованием, просила пощадить ее с такой наивностью, что я воистину был сражен и не нашел слов в ответ. Если бы ты знал, как она утешала меня, видя, что я задыхаюсь и в ужасном состоянии; а как сказала: “Я люблю вас, как никогда не любила, но не просите большего, чем мое сердце, ибо все остальное мне не принадлежит, а я могу быть счастлива, только исполняя все свои обязательства, пощадите же меня и любите всегда так, как теперь, моя любовь будет вам наградой”, - да, видишь ли, думаю, будь мы

одни, я пал бы к ее ногам и целовал их, и, уверяю тебя, с этого дня моя любовь к ней стала еще сильнее. Только теперь она сделалась иной: теперь я ее боготворю и почитаю, как боготворят и чтят тех, к кому привязано все существование.

Прости же, мой драгоценный друг, что начинаю письмо с рассказа о ней, но ведь мы с нею - одно и говорить с тобою о ней - значит говорить и о себе, а ты во всех письмах попрекаешь, что я мало о себе рассказываю.

Как я уже написал, мне лучше, много лучше, и, слава Богу, я начинаю дышать, ибо мучение мое было непереносимо: быть веселым, смеющимся перед светом, перед всеми, с кем встречался ежедневно, тогда как в душе была смерть - ужасное положение, которого я не пожелал бы и злейшему врагу. Все же потом бываешь вознагражден - пусть даже одной той фразой, что она сказала; кажется я написал ее тебе - ты же единственный, кто равен ей в моей душе: когда я думаю не о ней, то о тебе. Однако не ревнуй, мой драгоценный, и не злоупотреби моим доверием: ты-то останешься навсегда, что же до нее - время окажет свое действие и ее изменит, так что ничто не будет напоминать мне ту, кого я так любил. Ну, а к тебе, мой драгоценный, меня привязывает каждый новый день все сильнее, напоминая, что без тебя я был бы ничто.

В Петербурге ничего интересного: да и каких рассказов ты хотел бы, коли ты в Париже, а ты источник всех моих удовольствий и душевных волнений, и ты легко можешь найти себе развлечения - от полишинеля на бульварах до министров в Палате, от суда уголовного до суда пэров. Я в самом деле завидую твоей жизни в Париже - это время должно быть интересным, а наши газеты, как ни усердствуй, способны лишь весьма слабо воспроизвести красноречие и отвагу убийцы Луи-Филиппа (Фиески, неудачно покушавшийся на короля, - *В. Ф.*)..."

“Петербург, 6 марта 1836 г.

Мой дорогой друг, я все медлил с ответом, ведь мне было необходимо читать и перечитывать твое письмо. Я нашел в нем все, что ты обещал: мужество для того, чтобы снести свое положение. Да, поистине, в самом человеке всегда достаточно сил, чтобы одолеть все, с чем он считает необходимым бороться, и Господь мне свидетель, что уже при получении твоего письма я принял решение пожертвовать этой женщиной ради тебя. Решение мое было великим, но и письмо твое было столь добрым, в нем было столько правды и столь нежная дружба, что я ни мгновения не колебался; С той же минуты я полностью изменил свое поведение с нею: я избегал встреч так же старательно, как прежде искал их; я говорил с нею со всем безразличием, на какое был

способен, но думаю, что не выучи я твоего письма, мне не достало бы духу. На сей раз, слава Богу, я победил себя, и от безудержной страсти, что пожирала меня 6 месяцев, о которой я говорил во всех письмах к тебе, во мне осталось лишь преклонение да спокойное восхищение созданием, заставившим мое сердце биться столь сильно.

Сейчас, когда все позади, позволь сказать, что твое послание было слишком суровым, ты отнесся к этому трагически и строго наказал меня, стараясь уверить, будто ты знал, что ничего для меня не значишь, и говоря, что письмо мое было полно угроз. Если смысл его был действительно таков, признаю свою вину, но только сердце мое совершенно невинно. Да и как же твое сердце не сказала тебе тотчас, что я никогда не причиню тебе горя намеренно, тебе, столь доброму и снисходительному. Видимо, ты окончательно утратил доверие к моему рассудку, правда, был он совсем слаб, но все-таки мой драгоценный, не настолько, чтобы положить на весы твою дружбу и думать о себе прежде, чем о тебе. Это было бы более чем себялюбием, это было бы самой черной неблагодарностью. Доказательство всего сказанного - мое доверие, мне известны твои убеждения на этот счет, так что, открываясь, я знал заранее, что ты ответишь отнюдь не поощрением. Вот я и просил укрепить меня советами, в уверенности, что только это поможет мне одолеть чувство, коему я попустительствовал и которое не могло дать мне счастья. Ты был не менее суров, говоря о ней, когда написал, будто до меня она хотела принести свою честь в жертву другому - но, видишь ли, это невозможно. Верю, что были мужчины, терявшие из-за нее голову, она для этого достаточно прелестна, но чтобы она их слушала, нет! Она же никого не любила больше, чем меня, а в последнее время было предостаточно случаев, когда она могла бы отдать мне все - и что же, мой дорогой друг - никогда ничего! Никогда в жизни!

Она была много сильнее меня, больше 20 раз просила она пожалеть ее и детей, ее будущность, и была столь прекрасна в эти минуты (а какая женщина не была бы), что, желай она, чтобы от нее отказались, она повела бы себя по-иному, ведь я уже говорил, что она столь прекрасна, что можно принять ее за ангела, сошедшего с небес. В мире не нашлось бы мужчины, который не уступил бы ей в это мгновение, такое огромное уважение она внушала. Итак, она осталась чиста; перед целым светом она может не опускать головы. Нет другой женщины, которая повела бы себя так же. Конечно, есть такие, у кого на устах чаще слова о добродетели и долге, но с большей добродетелью в душе - ни единой. Я говорю об этом не с тем, чтобы ты мог оценить мою

жертву, в этом я всегда буду отставать от тебя, но дабы показать, насколько неверно можно порою судить по внешнему виду. Еще одно странное обстоятельство: пока я не получил твоего письма, никто в свете даже имени ее при мне не произносил. Едва твое письмо пришло, словно в подтверждение всем твоим предсказаниям - в тот же вечер еду на бал при дворе, и Великий Князь-Наследник шутит со мной о ней, отчего я тотчас заключил, что и в свете, должно быть прохаживались на мой счет. Ее же убежден, никто никогда не подозревал, и я слишком люблю ее, чтобы хотеть скомпрометировать. Ну, я уже сказал, все позади, так что надеюсь, по приезде ты найдешь меня совершенно выздоровевшим...”

Итак, страсть к Пушкиной пожирает Дантеса уже 6 месяцев (письмо от 6 марта 1836 года); роман начался где-то в сентябре 1835 года. (Пушкин ошибался, когда в письме Геккерну 21 ноября 1836 года писал о двухлетнем постоянстве Дантеса). В сентябре 1835 года Пушкин живет в Михайловском. Мы уже цитировали его письмо жене, где он ревниво сравнивает молодую сосновую поросль с кавалергардами и спрашивает жену: “что ты делаешь, моя красавица... расскажи...” И мы уже говорили об эпистолярном красноречии Жоржа Дантеса. Вряд ли существуют, сохранились письма или воспоминания, в которых облик жены поэта был передан так верно и ярко, причем в роковой, критический момент ее жизни. Конечно, силу его перу придает чувство. В искренности чувств Дантеса нет никаких сомнений. Нет сомнений и в искренности ответного чувства Натальи Николаевны. Здесь мы хотели бы остановиться на отрывке из книги Серены Витале “Пуговица Пушкина”:

“В книге “Пушкин в 1836 году” серьезная исследовательница С. Абрамович пишет (по поводу опубликованных Труайя отрывков, - В. Ф.), что ... “январское письмо говорит прежде всего о том, что Дантес в тот момент был охвачен подлинной страстью... Но следует отнестись с сугубой осторожностью к его заявлениям, касающимся Н. Н. Пушкиной... Его слова “...она тоже любит меня” свидетельствуют скорее о его самоуверенности, чем о реальном положении дел”. Мы могли бы и согласиться с Абрамович, но сам ее метод не корректен: почему можно верить Дантесу, когда он говорит о себе, и отказывать ему в доверии, когда он говорит о Наталии Николаевне и приводит ее слова?”

Добавим к этому еще вот что. Ну, а если предположить худшее? Предположить, что Наталья Николаевна обманывала Дантеса, кружила ему голову (или, как сегодня говорит молодежь,

“крутила динамо”). Неужели это поведение больше “устроит” поклонников Н. Н. Гончаровой, еще недавно писавших с нее икону? Разумеется, это предположение должно быть отброшено, его и обсуждать нечего. Оно никак не вяжется с характером жены поэта, со всем, что нам о ней известно. Итак, Наталья Николаевна, ответив на любовь Дантеса (“Я люблю вас, как никогда не любила”) осталась чиста. Она отдала ему свое сердце, но просила ее пощадить. Дантес пишет об этом 14 февраля. Но не надо забывать еще об одном. В это время исполнилось почти шесть месяцев ее беременности (она родит дочь Наталью 23 мая). Дантес не пишет об этом, да вряд ли и знает. А Наталья Николаевна была хорошая мать...

Письмо от 6 марта интересно и в другом отношении. Мы уже говорили, что не зная ответных писем Геккерн-отца, мы слышим их отголосок в письмах Дантеса. Геккерн всеми силами пытается убедить Дантеса “одолеть” свое чувство, прервать этот опасный роман. “Укрепляя советами” Дантеса, он не останавливается перед тем, чтобы очернить, оклеветать Н.Н. Пушкину, заявляя, что до него “она хотела принести свою честь в жертву другому”. И это не только ревность. Геккерн-отец хорошо понимает опасность положения. Понимает, что на карту поставлены карьера сына и его собственная. А ведь столько сил и хлопот ушло у него на переговоры об усыновлении в Голландии и в Сульце. Столько надежд связано с будущим этого блестящего юноши, которому он передал свое имя и состояние. Геккерн испытывает к Жоржу Дантесу и “paternage”, отцовские чувства, свойственные всем гомосексуалистам. И, кажется, Геккерну что-то удалось. Дантес пишет в письме, что “принял решение пожертвовать этой женщиной” ради Геккерн-отца. Но это только слова. А по дороге на Черную речку идти еще целый год. И тут самое время вспомнить о басне про Фому и Кузьму, рассказанную Пушкиным в его письме Наталье Николаевне осенью 1833 года.

А между тем, свет полнится слухами. И хотя увлеченный страстью молодой человек не хочет скомпрометировать любимую женщину (он сам пишет об этом, и сейчас ему можно верить), этот роман в январе-феврале 1836 года перестает быть тайной. Об этом шутит с Дантесом наследник, об этом пишет в своем дневнике фрейлина Мердер. Светская чернь разносит сплетню по гостиным. Это и было тем фоном, на котором разразился душевный кризис поэта, три дуэльных конфликта, когда Пушкин по словам Соллогуба “искал смерти”.

“Петербург, суббота 28 марта 1836 г.

...Хотел писать тебе, не говоря о ней, однако, признаюсь, письмо без этого не идет, да, к тому же, я обязан тебе отчетом о своем поведении после получения последнего письма. Как и обещал, я держался твердо, я отказался от свиданий и от встреч с нею: за эти три недели я говорил с нею 4 раза и о вещах, совершенно незначительных, а ведь Господь свидетель, мог бы проговорить 10 часов кряду, пожелай я высказать половину того, что чувствую, видя ее. Признаюсь откровенно - жертва, тебе принесенная, огромна. Чтобы так твердо держать слово, надобно любить так, как я тебя; я и сам бы не поверил, что мне достанет духу жить поблизости от столь любимой женщины и не бывать у нее, имея для этого все возможности. Ведь, мой драгоценный, не могу скрыть от тебя, что все еще безумен; однако же сам Господь пришел мне на помощь: вчера она потеряла свекровь, так что не меньше месяца будет вынуждена оставаться дома, тогда, может быть, невозможность видеть ее позволит мне не предаваться этой страшной борьбе, возобновлявшейся ежечасно, стоило мне остаться одному: надо ли идти или не ходить. Так что признаюсь, в последнее время я постоянно страшусь сидеть дома в одиночестве и часто выхожу на воздух, чтобы рассеяться. Так вот, когда бы ты мог представить, как сильно и нетерпеливо я жду твоего приезда, а отнюдь не боюсь его - я дни считаю до той поры, когда рядом будет кто-то, кого я мог бы любить - на сердце так тяжело, и такое желание любить и не быть одиноким в целом свете, как сейчас, что 6 недель ожидания покажутся мне годами.”

Вот и еще один пример важности “контекста”, о котором говорила С.Л. Абрамович. В свое время отрывки, опубликованные Труайя, не убедили некоторых пушкинистов в том, что в письмах Дантеса речь идет о Н. Н. Пушкиной. Им не хотелось верить этому. Например С. Ласкин предположил, что речь идет об Идалии Полетике, жене кавалергарда. Мать Пушкина скончалась 29 марта 1836 года. Видимо, Дантес окончил писать письмо именно в этот день, хотя приступил к нему накануне. Так случилось и раньше. Прислушаемся к голосу Дантеса: “на сердце так тяжело, и такое желание любить и не быть одиноким в целом свете...” Дантес адресует эти слова отцу, но думает о Пушкиной. Страсть пожирает его. Вот еще одно письмо Дантеса, точнее отрывок из него, который датируется апрелем 1836 года (после 5-го).

“Не хочу говорить тебе о своем сердце, ибо пришлось бы сказать столько, что никогда бы не кончил. Тем не менее, оно чувствует себя хорошо, и данное тобою лекарство оказалось полезным, благодарю миллион раз, я возвращаюсь к жизни и надеюсь, что деревня исцелит меня окончательно, - я несколько

месяцев не увижу ее. Ты помнишь, что Жан-вер просил руку сестры красавицы графини Борх и ему по справедливости отказали. Что же, соперник его победил и вскоре получит ее в жены.

Прощай, мой драгоценный друг, единственный поцелуй в одну твою щеку, но не более, ибо остальное мне хочется подарить тебе по приезде. Дантес”.

В письме идет речь об Ольге Викентьевне Вольтинской (двоюродной сестре Н. Н. Пушкиной), позднее вышедшей замуж за французского писателя, издателя и дипломата Лева-Веймара. Ольга Вольтинская была сестрой известной красавицы Любови Викентьевны Борх, жены графа Борха. Это последнее имя еще встретится на нашем пути. О предстоящем приезде Лева-Веймара в Петербург мы узнаем из письма графа де Моле, французского министра иностранных дел, послу де Баранту в Петербург, датированного 10 мая 1836 года⁷.)

“Он (король, - В.Ф.) добился внимания Лева-Веймара, который с такой жестокостью отозвался о нем в своем “журнале”, и говорят даже, что он собирается его (Лева-Веймара, - В.Ф.) к вам послать. Сам же Лева-Веймар предварил эту поездку своей статьей в журнале от 1 мая, которую вам непременно надо достать”.

В середине мая Дантес встречает Геккерна, вернувшегося в Петербург после годичной отлучки. Скоро кавалергарды переедут на летние маневры в Красное Село. Наталья Николаевна давно на выезжает: траур по свекрови и ожидание ребенка.

Пушкин еще 29 апреля выехал в Москву. Он хочет заручиться согласием московских литераторов участвовать в “Современнике”, привлечь к работе Белинского. Пока Одоевский готовит второй том журнала, Пушкин встречается с Чаадаевым, Баратынским, Шевыревым, в архиве Коллегии иностранных дел обсуждает с А. Ф. Малиновским планы работы над историей Петра, убеждает М. С. Щепкина писать воспоминания. В доме Павла Воиновича Нащокина он отходит душой. Казалось, страшная петербургская зима ушла навсегда. Пушкин пишет жене, скучает, беспокоится о ее здоровье. Впоследствии, вспоминая эти счастливые дни, жена Нащокина рассказывала: “Надо было видеть радость и счастье поэта, когда он получал письма от жены. Он весь сиял и осыпал эти исписанные листочки бумаги поцелуями”. И только 18 мая, перед самым отъездом в Петербург, Пушкин в письме к жене, словно вспомнив о пережитом, пишет горькие строчки:

⁷ Архив де Баранта, оригинал по-французски.

“По мне драка Киреева гораздо простительнее, нежели славный обед ваших кавалергардов с благоразумием молодых людей, которым плюют в глаза, а они утираются батистовым платочком, смекая, что если выйдет история, то их в Аничков не позовут... у меня душа в пятки уходит, как вспоминаю, что я журналист. Будучи еще порядочным человеком, я получал уже полицейские выговоры и мне говорили: *vous avez trompé*⁸ и тому подобное. Что же теперь со мною будет? Мордвинов будет на меня смотреть как на Фаддея Булгарина и Николая Полевого, как на шпиона; черт догадал меня родиться в России с душой и талантом! Весело, нечего сказать.”

Пушкин вернулся в Петербург 23 мая, в день рождения дочери Натальи. В Петербурге его ждали хлопоты со вторым номером “Современника”, переговоры с типографией и долги. Он надеялся, что второй номер журнала и миниатюрное переиздание “Онегина” поправят его финансовое положение. Не поправили. Долговая яма оказалась еще глубже. На Каменном острове сняли дорогу дачу. Пушкин хотел занять деньги у Нащокина и писал ему в Москву: “...Деньги, деньги! Нужно их до зареза”. На даче, на Каменном острове, встретил он последний свой день рождения. Настроение у Пушкина не было праздничным. Его племянник Лев Павлищев вспоминает со слов матери, сестры Пушкина: “Ольга Сергеевна была поражена его худобой, желтизною лица и расстройством его нервов. Александр Сергеевич не мог сидеть долго на одном месте, вздрагивал от громких звонков, падения предметов на пол; письма же распечатывал с волнением; не выносил ни крика детей, ни музыки.”

Мы привыкли думать о пушкинской осени как о времени творческого подъема у поэта, времени вдохновения (“...и пальцы просятся к перу, перо к бумаге”...). 1836 год такой осени Пушкину не принес, но подарил необыкновенно творческое лето. Пушкин оканчивает черновик “Капитанской дочки”, пишет статьи для своего “Современника”. Он создает поэтический цикл (названный впоследствии каменноостровским), в центре которого - драма жизни и смерти, мысли о внутренней свободе художника и его независимости, о его праве свободно путешествовать и видеть “создания искусств и вдохновенья”, о смерти и бессмертии. Религиозные образы этих стихов навеяны размышлениями поэта о нравственных ценностях жизни, о бессмертии поэтической души, о презрении к предательству, к тщете суетной жизни, предчувствием своего близкого конца. В этих стихах много

⁸ Вы обманули (фр.).

величия, горечи и печали. Перевернув лист бумаги с черновиком “Памятника”, Пушкин написал карандашом на обратной стороне листа:

*“Пошли мне долгу жизнь и многие года!”
Зевеса вот о чем и всюду и всегда
Привыкли вы молить - но сколькими бедами
Исполнен долгий век!..*

Долгий век... Важно не то, как долго живет человек, а то, как он живет, что оставляет после себя. В то последнее лето Пушкину удалось на время оторваться от отравленной полоски земли между Аничковым и Зимним. 21 августа, в день создания “Памятника”, его зять Павлищев пишет ему письмо, зовет в Михайловское требуя денег или раздела имения. Письмо свое он оканчивает предельно откровенно: “Кланяюсь усердно вам и Наталье Николаевне: ожидаю вас или денег”. Не суждено было Пушкину еще раз увидеть Михайловское. Тем последним летом Михайловское заменил ему Каменный остров. Это было счастливое лето. 17 июня его посетил на Каменноостровской даче Леве-Веймар, для которого Пушкин перевел на французский 11 русских песен. Впоследствии Леве-Веймар так расскажет о впечатлениях этого дня: “Счастье его было велико и достойно зависти, он показывал друзьям с ревностью и в то же время с нежностью свою молодую жену, которую гордо называл “моей прекрасной смуглой Мадонной”... “Я более не популярен” - говорил он часто. Но, наоборот, он стал еще популярнее, благодаря восхищению, которое вызывал его прекрасный талант, развивавшийся с каждым днем”.

Пушкин страстно любил жену. С годами это чувство не только не угасло, но усиливалось. Пушкин знал много женщин, не раз трепетал перед “мощной властью красоты”, но покорял его, был близок и желанен особый тип женщины. И Наталья Николаевна - “чистейший образец” этого характера. Этот пушкинский тип женщины мы находим не только в Татьяне Лариной, но и в живых современницах поэта. Пушкин писал о Елене Михайловне Завадовской:

*Все в ней гармония, все диво,
Все выше мира и страстей;
Она покоится стыдливо
В красе торжественной своей.*

Здесь главное слово - “стыдливо”. Красота должна быть целомудренной и скромной. “Скромная спокойность” - так назвал это Пушкин в стихах к Екатерине Васильевне Вельяшёвой.

А вот как Пушкин пишет о глазах Олениной, противопоставляя их черным огненным глазам Россет, воспетой Вяземским:

*Но сам признайся, то ли дело
Глаза Олениной моей...
Потупит их с улыбкой Леля -
В них скромных граций торжество;
Поднимет - ангел Рафаэля
Так созерцает божество.*

И здесь главное все то же - “торжество скромных граций”.

Когда справедливо говорят о том, что сердце Натальи Николаевны не было разбужено (о чем поэт догадывался и о чем писал будущей теще), что оно дремало в канун роковой встречи с красивым кавалергардом, обычно приводят стихи Пушкина:

*Нет, я не дорожу мятежным наслажденьем,
Восторгом чувственным, безумством, испугленьем,
Стенаньем, криками вакханки молодой,
Когда вьась в моих объятиях змией,
Порывом пылких ласк и язвою лобзаний
Она торопит миг последних содроганий!
О, как милее ты, смиренница моя!
О, как мучительно тобою счастлив я,
Когда склоняясь на долгие моления,
Ты предаешься мне нежна без упоенья,
Стыдливо-холодна восторгу моему
Едва отвечаешь, не внемлешь ничему
И оживляешься потом все боле, боле -
И делишь наконец мой пламень поневоле!*

Это ли не свидетельство “спокойного безразличия сердца” Натальи Николаевны (слова Пушкина из письма к будущей теще)? Да, безусловно так. Но ведь здесь и характер женщины, с которой Пушкин “мучительно счастлив”. В этом характере - покой, тишина и еще некая тайна, разгадать которую не дано даже при полной близости.

12 сентября Пушкины вернулись в Петербург, в новую (и последнюю) квартиру на Мойке, снятую у С. Г. Волконской. С этого дня дорога на Черную речку как бы спрямляется. В августе,

когда Пушкины еще жили на даче, кавалергардский полк, закончив маневры, встал на квартиры в Новой Деревне. Возобновляются балы в здании минеральных вод. Дантес появляется на пушкинской даче, встречается с женой Пушкина. За те несколько месяцев, что они не виделись, Дантес успел влюбиться в себя Екатерину Гончарову и княжну Марию Барятинскую. Об этом мы узнаем из дневника княжны, недавно изученного М.Г. Ашукиной-Зенгер и С. Л. Абрамович. Не известно, знала ли Наталья Николаевна о Марии Барятинской, но к своей сестре она Дантеса ревновала. Существует версия о том, что связь Дантеса с Екатериной Николаевной Гончаровой привела к добрачной беременности. И именно это обстоятельство в конце концов заставило Дантеса на ней жениться. Этой точки зрения придерживается и Серена Витале в своей книге. Автор, побывавший в Сульце еще в начале восьмидесятых, видел свидетельство о рождении старшей дочери Матильды Дантес, датированное 19 октября 1837 года. Казалось бы, это снимает предположение о ранней беременности Екатерины Гончаровой. Но вот недавно Франс Суассо, посетивший Сульц, ознакомился со свидетельствами о рождении всех детей Дантеса и установил, что на удостоверении Матильды нет подписи врача (а на других - есть). На этом основании Суассо считает, что дата рождения Матильды Дантес подделана. Конечно же близкие, в том числе Наталья Николаевна и тетка Екатерина Ивановна Загряжская, знали правду. После официального сватовства Дантеса тетка пишет Жуковскому: “Слава Богу, кажется все кончено. Жених и почтенный его батюшка были у меня с предложением... и так все концы в воду”. Что означает эта фраза: “все концы в воду”? Относится она к Екатерине или Наталье? Но мы опять забежали вперед по нашей дороге.

С переездом в Петербург свидания Дантеса и Натальи Николаевны возобновляются. Вот как Софья Николаевна Карамзина в письме к брату 19-20 сентября 1836 года описывает обед у них в Царском Селе: “...получился настоящий бал, и очень веселый, если судить по лицам гостей, всех, за исключением Александра Пушкина, который все время грустен, задумчив и чем-то озабочен. Он своей тоской и на меня тоску наводит. Его блуждающий, дикий, рассеянный взгляд с вызывающим тревогу вниманием останавливается лишь на его жене и Дантесе, который продолжает все те же шутки, что и прежде, - не отходя ни на шаг от Екатерины Гончаровой, он издали бросает нежные взгляды на Наталью, с которой в конце концов все же танцевал мазурку. Жалко было смотреть на фигуру Пушкина, который стоял напротив них,

в дверях, молчаливый, бледный и угрожающий... Когда приехала графиня Строганова, я попросила Пушкина пойти поговорить с ней. Он было согласился... Как вдруг вижу - он внезапно останавливается и с раздражением отворачивается. "Ну, что же?" - "Нет, не пойду, там уже сидит этот граф." - "Какой граф?" - "Д'Антес, Гекрен что ли!"

Но в октябре отношении Натальи Николаевны к Дантесу меняется. Это отмечают все исследователи последнего года жизни Пушкина. Что это было, ревность к сестре Екатерине (а может быть и к Марии Барятинской) или что-то другое? И здесь важным документом является еще одно письмо из архива Клода Дантеса, которое Геккерн-сын, будучи на дежурстве, посылает Геккерну-отцу из казармы 17 октября 1836 года.

"Дорогой друг, я хотел говорить с тобой сегодня утром, но у меня было так мало времени, что это оказалось невозможным. Вчера я случайно провел весь вечер наедине с известной тебе дамой, но когда я говорю наедине - это значит, что я был единственным мужчиной у княгини Вяземской, почти час. Можешь вообразить мое состояние, я наконец собрался с мужеством и достаточно хорошо исполнил свою роль и даже был довольно весел. В общем я хорошо продержался до 11 часов, но затем силы оставили меня и охватила такая слабость, что я едва успел выйти из гостиной, а оказавшись на улице, принялся плакать, точно глупец, отчего, правда, мне полегчало, ибо я задыхался; после же, когда я вернулся к себе, оказалось, что у меня страшная лихорадка, ночью я глаз не сомкнул и испытывал безумное нравственное страдание.

Вот почему я решил прибегнуть к твоей помощи и умолять выполнить сегодня вечером то, что ты мне обещал. Абсолютно необходимо, чтобы ты переговорил с нею, дабы мне окончательно знать, как быть.

Сегодня вечером она едет к Лерхенфельдам, так что, отказавшись от партии, ты улетишь минутку для разговора с нею.

Вот мое мнение: я полагаю, что ты должен открыто к ней обратиться и сказать, да так, чтоб не слышала сестра, что тебе совершенно необходимо с нею поговорить. Тогда спроси ее, не была ли она случайно вчера у Вяземских; когда же она ответит утвердительно, ты скажешь, что так и полагал и что она может оказать тебе великую услугу; ты расскажешь о том, что со мной вчера произошло по возвращении, словно бы был свидетелем: будто мой слуга перепугался и пришел будить тебя в два часа ночи, ты меня много расспрашивал, но так и не смог ничего добиться от меня [...], и что ты убежден, что у меня произошла ссора с ее

мужем, а к ней обращаешься, чтобы предотвратить беду (мужа там не было). Это только докажет, что я не рассказал тебе о вечере, а это крайне необходимо, ведь надо, чтобы она думала, будто я таюсь от тебя и ты расспрашиваешь ее как отец, интересующийся делами сына; тогда было бы недурно, чтобы ты намекнул ей, будто полагаешь, что бывают и более интимные отношения, чем существующие, поскольку ты сумеешь дать ей понять, что по крайней мере, судя по ее поведению со мной, такие отношения должны быть.

Словом, самое трудное начать, и мне кажется, что такое начало весьма хорошо, ибо, как я сказал, она ни в коем случае не должна заподозрить, что этот разговор подстроен заранее, пусть она видит в нем лишь вполне естественное чувство тревоги за мое здоровье и судьбу, и ты должен настоятельно попросить хранить это в тайне от всех, особенно от меня. Все-таки было бы осмотрительно, если бы ты не сразу стал просить ее принять меня, ты мог бы это сделать в следующий раз, а еще остерегайся употреблять выражения, которые были в том письме. Еще раз умоляю тебя, мой дорогой, прийти на помощь, я всецело отдаю себя в твои руки, ибо, если эта история будет продолжаться, а я не буду знать, куда она меня заведет, я сойду с ума.

Если бы ты сумел вдобавок припугнуть ее и внушить, что [далее несколько слов написано неразборчиво. - С. В.⁹].

Прости за бессвязность этой записки, но поверь, я потерял голову, она горит, точно в огне, и мне дьявольски скверно, но, если тебе недостаточно сведений, будь милостив, загляни в казарму перед поездкой к Лерхенфельдам, ты найдешь меня у Бетанкура.

Целую тебя,

Ж. Де Геккерен

Серена Витале в своей книге добавляет, что после фразы “Так и не смог ничего добиться от меня...” Дантес пишет вдоль левого поля письма: “но, впрочем, тебе и не надобно было моих слов, ведь ты и сам догадался, что я потерял голову из-за нее, а наблюдая перемены в моем поведении и в характере, окончательно в этом утвердился, а стало быть, и мужу невозможно было не заметить того же самого”. Кроме того Серена Витале особо отмечает фразу (очень важную!), у которой читается только начало: “Tu pourrais aussi lui faire peur et lui faire entendre que...”¹⁰ Конец фразы Дантес так тщательно вымарал, что ее невозможно

⁹ Замечание Серены Витале

¹⁰ .Если бы ты сумел вдобавок припугнуть ее и внушить, что...(фр.)

прочсть. Серена Витале обратилась к криминалистам. Экспертиза криминалистов в Париже и в Милане установила, что эту фразу Дантес зачеркнул сразу же после того, как ее написал, но расшифровать ее не могла. Дантес видимо устыдился чего-то, написанного в сильном волнении, впопыхах.

Итак, 17 октября в доме Веры Федоровны Вяземской, вернувшейся в Петербург после отдыха в Норденрее состоялось объяснение Дантеса с Н. Н. Пушкиной. Оно длилось целый час. Судя по реакции Дантеса, Наталья Николаевна отвергла его моления об “интимных отношениях”. Дантес в отчаянии, он сходит с ума. Его веселость и непринужденность, которые в гостиных так бросались в глаза, - это бравада, “исполнение роли”. Дантес теряет голову, он доведен до той степени отчаяния, до той черты, после которой человек не управляет собой и способен на любой безумный поступок. Написав “припугнуть ее” (шантажировать, сообщить мужу?), он, словно, опомнился и вымарал фразу. И здесь мы еще раз вспомним мудрого Пушкина, его пересказ басни о Фоме и Кузьме в письме к жене ровно три года назад. Теряя голову (как Кузьма умирая от жажды), Дантес безумствует, забывает обо всем. Прежде всего о том, что было и оставалось для него самым главным, о карьере. Он забывает и о ревности отца. Более того, он просит (нет не просит, а требует: “ты должен”) Геккерна, который ревнует, страдает и боится за Дантеса, вмешаться и на балу у баварского посланника Лерхенфельда тайно от Екатерины Николаевны поговорить с Натальей Николаевной, убедить ее вступить с ним в интимные отношения. Дантес пишет: “...ты сумеешь дать ей понять, что, по крайней мере, судя по ее поведению со мной, такие отношения должны быть”. Логика Дантеса проста: Если женщина говорит, что любит “как никогда не любила”, то должна быть близость. Не верить Наталье Николаевне нельзя. Но Дантес забыл, что Наталья Николаевна умоляла пощадить ее, что “больше 20 раз просила она... пожалеть ее и детей, ее будущность”. Он просит Геккерна-отца вызвать сочувствие к нему у Натальи Николаевны, а заодно внушить ей, что ссора с ее мужем грозит ей бедой. При этом все это должно выглядеть как забота отца о сыне и что сам Дантес будто бы ничего не знает об их разговоре.

Это как бы уже не тот Дантес, которого мы знаем по его предыдущим письмам. Он и сам это говорит о себе (в приписке на полях), о “перемене... в поведении и в характере”. Куда девалась его расчетливость и осторожность (“умеренность и аккуратность”)? Дантес рискует головой, ставит на карту свою судьбу.

Скорее всего, Наталья Николаевна открылась мужу и рассказала о преследовании Дантеса только 4 ноября после получения Пушкиным и другими членами карамзинского кружка анонимного пасквиля. Наверное, тогда же она рассказала Пушкину о встрече с Дантесом у Идалии Полетики, жены кавалергарда, 2 ноября, накануне получения анонимных писем. Полетика обманом завлекла Пушкину к себе на квартиру, где ее уже ждал Дантес, умолявший ему отжаться. Видимо это была последняя бесполезная попытка охваченного страстью Дантеса. Сейчас эту встречу можно надежно датировать 2 ноября благодаря убедительному анализу С. Л. Абрамович. Но не будем спешить по нашей дороге, тем более, что Черная речка от нас уже недалеко.

Из цитированного письма Дантеса следует, что Пушкин наконец, выставил его за дверь, что это произошло еще в октябре. И еще одно важное соображение. Вскоре после 17 октября и разговора Геккерн-отца с Н.Н. Пушкиной на приеме у Лерхенфельда Дантес заболел и болел целую неделю, с 20 по 27 октября. В неотосланном письме от 21 ноября 1836 года Пушкин пишет Геккерну-отцу: “Вы, представитель коронованной особы, вы отечески сводничали вашему незаконнорожденному или так называемому сыну: всем поведением этого юнца руководили вы. Это вы диктовали пошлости, которые он отпускал, и глупости, которые он осмеливался писать. Подобно бесстыжей старухе, вы подстерегали мою жену по всем углам, чтобы говорить ей о вашем сыне, а когда, заболев сифилисом, он должен был сидеть дома, истощенный лекарствами, вы говорили, бесчестный вы человек, что он умирает от любви к ней; вы бормотали ей: верните мне моего сына”. Пушкин знал от жены о разговоре Геккерн-отца с Натальей Николаевной у Лерхенфельда, и время этого разговора, как видим, приходится как раз на болезнь Дантеса. В одном он только ошибся. Не Геккерн руководил поведением Дантеса, а, наоборот, Дантес давал советы Геккерну. При этом, если обезумевший Дантес потерял всякий контроль над собой, то Геккерн, осторожный и хитрый дипломат, напротив, всеми силами пытается погасить эту страсть, избежать скандала и успокоить Дантеса. Для этой цели все средства были хороши. В том числе, - убедить Н. Н. Пушкину уступить домогательствам Дантеса, в крайнем случае, пригрозить ей. При этом опытный и коварный дипломат старался не рисковать и готовил себе на будущее алиби. Позже, после убийства на дуэли Пушкина, он напишет Нессельроде объяснение, где скажет, что предупреждал жену поэта об опасности ее поведения и “даже доводил свою откровенность до выражений, которые должны были ее

оскорбить”. Геккерн в этом объяснении требовал допроса Н.Н. Пушкиной под присягой и в доказательство предлагал свидетельство неких двух дам.

Каковы истинные чувства Дантеса осенью 1836 года? Их уже трудно назвать “великой и возвышенной страстью” (по выражению Пушкина), владевшей им год назад. Теперь это скорее безумие неудовлетворенного самолюбия, стремление любым способом, в том числе и самым низким, добиться своей цели.

Пока за спиной Пушкина интригуют Геккерны, поэт 19 октября у Яковлева встречает день Лицея и читает друзьям-лицеистам свое послание. По их свидетельству в этот день Пушкин не смог дочитать стихи: разрыдался. И в этот же день он написал (но не отправил) письмо Чаадаеву. Не разделяя пессимистического взгляда Чаадаева на историю России, Пушкин пишет: “...клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам бог ее дал.” И сказано это отнюдь не в угоду официальной политике правительства и уваровскому “православию, самодержавию и народности”. Пушкин добавляет: “Действительно нужно сознаться, что наша общественная жизнь - грустная вещь. Что это отсутствие общественного мнения, это равнодушие ко всякому долгу, справедливости и истине, это циничное презрение к человеческой мысли и достоинству - поистине могут привести в отчаяние. Вы хорошо сделали, что сказали это громко. Но боюсь, как бы ваши (религиозные) исторические воззрения вам не повредили...”

Как это бывало часто, предчувствие не обмануло Пушкина. “Диссидент” Чаадаев был объявлен сумасшедшим и по приказанию царя к нему был представлен врач, который чуть ли не ежедневно следил за состоянием “больного”. Через 150 лет эта практика в России ужесточится, и диссидентов будут отправлять в “психушки”.

Утром четвертого ноября городская почта доставила Пушкину и шести его друзьям, участникам карамзинского кружка, анонимный пасквиль, где Пушкин объявлялся рогоносцем. Дантес стал частым гостем этого кружка еще с весны 1836 года. В анонимке фигурировали еще два имени: Д. Л. Нарышкин, жена которого была любовницей Александра I и И. М. Борх, муж красавицы Л. М. Голынской, известной своим распутством. В тот же день Пушкин послал вызов Дантесу. У жены он потребовал объяснений. О том, что случилось в этот день мы узнаем из записки Дантеса Геккерну, которую Серена Витале датирует 6 ноября 1836 года.

“Мой драгоценный друг, благодарю за две присланные тобою записки. Они меня немного успокоили, я в этом нуждался и пишу эти несколько слов, чтобы повторить, что всецело на тебя полагаюсь, какое бы решение ты ни принял, будучи заранее убежден, что во всем этом деле ты станешь действовать лучше моего.

Бог мой, я не сетую на женщину и счастлив, зная, что она спокойна, но это большая неосторожность либо безумие, чего я, к тому же, не понимаю, как и того, какова была ее цель. Записку пришли завтра, чтоб знать, не случилось ли чего нового за ночь, кроме того, ты не говоришь, виделся ли с сестрой (Екатериной Гончаровой, - В.Ф.) у тетки (у Е. И. Загряжской, - В.Ф.) и откуда ты знаешь, что она призналась в письмах.

Доброго вечера, сердечно обнимаю,

Ж. де Геккерен.

Во всем этом Екатерина - доброе создание, она ведет себя восхитительно.”

Мы узнаем таким образом, что четвертого ноября Наталья Николаевна не только рассказала Пушкину о встрече с Геккереном у баварского посланника и с Дантесом у Полетики, но и призналась мужу, что получала и хранила письма Дантеса. В этот день Пушкин узнал о романе жены, начавшемся еще осенью прошлого года. Образно говоря, Пушкин как бы прочел те письма из архива Клода Дантеса, которые пришли к нам только сто шестьдесят лет спустя. Пушкин узнал правду. Наталье Николаевне стало спокойнее и легче, Пушкину - тревожнее и тяжелее. Позднее Вяземский так писал об этом объяснении: “Пушкин был тронут ее доверием, раскаянием и встревожен опасностью, которая ей угрожала”. Это доверие к жене Пушкин сохранил до конца. А. И. Тургенев делает запись в дневнике сразу после дуэли: “Приезд его: мысль о жене и слова ей сказанные: “Будь спокойна, ты ни в чем не виновата”.

Наталья Николаевна призналась мужу в том, что получала и хранила письма Дантеса. Дантес считает это неосторожностью, даже безумием. И это понятно. Письма не должны были оставить у Пушкина сомнений в характере их отношений и, если не отношений, то чувств. И здесь я должен сделать отступление.

Редактор “Нового мира”, читавшая мою рукопись, строго спросила (с плохо скрываемым возмущением):

- Как? Вы полагаете, что Пушкин читал чужие письма?

Я так ответил редактору:

- Это из документа не следует. Дантес сообщает только о том, что Наталья Николаевна “призналась в письмах”. Но ваш

вопрос говорит о внеисторическом подходе. Это в наше время считается неприличным мужу читать чужие письма, адресованные жене. А во времена Пушкина дело обстояло иначе. Вспомните, что говорил сам Пушкин о роли мужа в воспитании жены, особенно в тех обстоятельствах, в которых они оба оказались. В известном письме к Геккерну поэт называет себя “поверенным своей жены и господином ее поведения”. Обращаясь к Бенкендорфу, он пишет: “Будучи единственным судьей и хранителем ...чести моей жены...” И еще в июне 1831 года в письме к теще Пушкин писал: “Обязанность моей жены - подчиняться тому, что я себе позволю. Не восемнадцатилетней женщине управлять мужчиной, которому 32 года”. Поэтому я убежден, что Пушкин считал своим долгом прочесть письма.

Так я ответил редактору. Но даже не вдаваясь в это, скажем, что факт получения и хранения этих писем не оставил у Пушкина сомнений в характере чувств, которые питали друг к другу Дантес и Наталья Николаевна. Поделиться этим Пушкин не мог ни с кем. Поэтому об этом факте до сих пор не было известно. И мы узнали об этом только сейчас, из новонайденного архива Клода Дантеса.

Начиная со Щеголева, исследователи дуэли и гибели Пушкина потратили много сил для выяснения того, кто был автором анонимного пасквиля. Этот интерес понятен: хотелось пригвоздить негодяя (или негодяев) к позорному столбу. Назывались имена В. П. Долгорукова, И. С. Гагарина, С.С. Уварова, Александра Трубецкого... Автора искали среди врагов Пушкина, а их было много. Сам Пушкин был уверен в авторстве Геккерна-отца. Уже после смерти Пушкина, 10 февраля 1837 года, П. А. Вяземский писал: “Адские сети, адские козни были устроены против Пушкина и жены его... Супружеское счастье и согласие Пушкиных было целью развратнейших и коварнейших покушений двух людей, готовых на все, чтобы опозорить Пушкину”. Таким образом, Вяземский подозревает обоих Геккернов. Подозрения так и остались подозрениями, и эта тайна не раскрыта до сих пор. Одно можно сказать. Ставшие известными документы из архива Клода Дантеса делают подозрение в отношении Луи Геккерна менее вероятным. Луи Геккерн не подозревал и Щеголев. Прочтя письмо Дантеса от 17 октября, можно скорее предположить, что именно он, Дантес, частый гость карамзинского кружка, был инициатором анонимного пасквиля, что эта идея принадлежала ему. Геккерн-отец не мог не понимать, к каким последствиям приведет это анонимное письмо. Впрочем, так ли уж это все важно? Важно

знать, что пережил Пушкин в этот страшный день. И что привело его в конце концов на Черную речку. И сейчас мы знаем, что в этот день, 4 ноября 1836 года, Пушкин узнал правду: жена полюбила другого. Это потом, 25 января 1837 года, он напишет Геккерну-отцу, что чувство, которое, быть может, и вызывала в Наталье Николаевне “эта великая и возвышенная страсть, угасло в презрении самом спокойном и отвращении вполне заслуженном”. Эту фразу часто цитировали, но слова о “великой и возвышенной страсти” брали как бы в кавычки, считая их иронией, а пушкинское “быть может” выростало до отрицания какого-либо серьезного ответного чувства у Натальи Николаевны. Все ее поведение в зиму 1836 года объявлялось неосторожностью, неумением поставить на место нахала-кавалергарда или же интересом к ухаживанию модного француза, которое льстило ей. Только сейчас мы узнали, что это совсем не так. А Пушкин узнал об этом 4 ноября 1836 года, то есть более ста шестидесяти лет назад. Узнал и, разумеется, поделиться этим не мог ни с кем, даже с самыми близкими друзьями. Трагедия, разыгравшаяся 4 ноября, - совсем не в том, что Пушкин терялся в догадках, кто автор пасквиля или подозревал в авторстве Геккерна. Соллогуб вспоминает слова Пушкина, сказанные ему в этот день: “Впрочем, понимаете, что безымянным письмом я обижаться не могу. Если кто-нибудь сзади плюнет на мое платье, так это дело моего камердинера вычистить платье, а не мое. Жена моя - ангел, никакое подозрение коснуться ее не может”. Трагедия этого дня в том, что в этот день обрушилась семейная цитадель, защищавшая Пушкина от холодных ветров, дувших не столько с Финского залива, сколько со стороны Зимнего и Аничкова. В этот день он был ранен в сердце (раньше, чем на дуэли в крестцовую кость), и эта рана не зарастала и кровоточила до самой смерти. Вызов, посланный в этот день Дантесу, был ответом не на анонимное письмо, а на письма Дантеса Наталье Николаевне и признания жены. Пушкин звал Дантеса к барьеру и этим защищал свою семью, честь жены и свое достоинство.

Все, что произошло между 4 ноября 1836 года и 27 января следующего года досконально изучено, вся эта часть дороги на Черную речку пройдена многими поколениями российских пушкинистов. В книге Стеллы Лазаревны Абрамович подведен итог, собраны все документы и дан их тщательный анализ¹¹. Новейшие материалы архива Клода Дантеса к этому отрезку

¹¹ С.Л. Абрамович. Предыстория последней дуэли Пушкина, Петрополис, С.-Петербург, 1994.

времени новых документов не добавляют. Они лишь заставляют по-новому взглянуть на некоторые обстоятельства трагедии и ее героев. Поэтому изложим хорошо известные факты конспективно.

5 ноября Геккерн-отец посещает Пушкина и от имени сына принимает его вызов. Геккерн просит отсрочки. Сначала на день, потом на две недели. Разумеется Геккерн-отец в отчаянии. Все его планы под угрозой, все здание “семейной” жизни, которое он возводил, вот-вот рухнет. Любой исход дуэли погибелен для него. Поэтому ее нужно предотвратить любой ценой. А друзьям Пушкина надо уберечь поэта. Жуковский начинает “челночную” дипломатию, посещая то Пушкина на Мойке, то Геккерна на Невском. Изворотливый Геккерн находит спасительный ход. Он объявляет Жуковскому, что его сын уже давно влюблен в Екатерину Николаевну Гончарову. Чтобы огласить эту помолвку и оградить честь Дантеса, Пушкин должен взять свой вызов назад и сохранить его в тайне. Жуковский верит Геккерну и 7 ноября объявляет обо всем Пушкину. Пушкин в бешенстве. В переговорах принимает участие Загряжская, тетка сестер Гончаровых. Жуковский ведет конспективные заметки, что-то вроде дневника. 7 ноября он пишет: “его бешенство” 8 ноября - “его слезы”. Жуковский не понимает ни бешенства, ни слез Пушкина. Теперь, когда известно от Геккерна, что Дантес влюблен в Екатерину, хочет жениться на ней и Геккерн дает согласие на этот брак, теперь, казалось бы, отпадают всякие поводы для поединка. Пушкин неумолим и просит В. А. Соллогуба быть его секундантом. К переговорам подключается Соллогуб. Это он потом скажет об этих переговорах: “Все хотели остановить Пушкина. Один Пушкин того не хотел”. Пушкина буквально держат за руки. Под давлением, против своей воли, он, наконец, берет свой вызов назад. 17 ноября, на балу у Салтыковых о помолвке Дантеса и Екатерины Николаевны Гончаровой было объявлено официально. Влюбленной Екатерине это счастье и не снилось.

Ни в это время, ни позже друзья не понимали Пушкина, не знали, что творилось в его душе. И Пушкин не хотел и не мог ничего им объяснить. Объяснить, - означало бы опозорить и жену, и себя. Он должен был один справиться со своим горем. Сейчас, после чтения писем Дантеса, мы это понимаем лучше, чем когда-либо. П. А. Вяземский позже скажет: “Пушкин был не понят при жизни не только равнодушными к нему людьми, но и его друзьями. Признаюсь и прошу в том прощения у его памяти”. Добавим от себя, что он не был понят и после смерти, и только сейчас, 160 лет спустя, мы начинаем лучше понимать, что пришлось ему пережить.

В свете происходит то, что С. Л. Абрамович назвала жужжаньем клеветы. Все теряются в догадках об истинных причинах свадьбы Дантеса. Идут разговоры о том, что Дантес жертвует собой ради спасения чести любимой женщины. Ведь о его любви к прекрасной Натали только и говорили в свете. Геккерны, разумеется, поддерживают эту версию. И уже 21 ноября хрупкий мир мог взорваться. В этот день Пушкин пишет крайне оскорбительное письмо Геккерну (отрывок из него мы приводили), а также письмо Бенкендорфу, где доводит “до сведения правительства и общества”, что анонимное письмо - дело рук голландского посланника. Жалобой это не было. Не в характере Пушкина было жаловаться. Можно считать достоверными предположения о том, что Пушкин намеревался отправить письмо Бенкендорфу уже после дуэли. Ведь отправь он тогда это письмо Геккерну, дуэль была бы неминуема уже в ноябре. Но опять вмешался Жуковский. Узнав от Соллогуба о письме, он заставил Пушкина отказаться от отсылки письма. На следующий день Жуковский рассказал царю об анонимном пасквиле, вызове Пушкина и последовавшем после этого сватовстве Дантеса. На аудиенции 23 ноября царь взял с поэта слово, что в дальнейшем он ничего не предпримет без его ведома. Пушкина опять связали по рукам и ногам.

Свадьба Дантеса и Екатерины Гончаровой состоялась 10 января 1837 года. То, во что сам Пушкин не верил, свершилось. Молодые делают свадебные визиты (в доме Пушкина им отказано), принимают гостей в своей роскошно обставленной квартире в голландском посольстве. Казалось бы, наступил мир, и у друзей Пушкина нет причин для беспокойства. Но есть много наблюдений, которые настораживают. Так, вскоре после помолвки, Софья Николаевна Карамзина пишет: “Натали нервна, замкнута, и когда говорит о замужестве сестры, голос у нее прерывается”. По этому поводу С. Л. Абрамович роняет в книге верное замечание: “И это, вероятно, было для Пушкина самым мучительным: видеть, как сильно волнуют его жену отношения с Дантесом”. Или то, что происходило на балу у Баранта 14 января, о чем Дантес, находящийся под судом после дуэли, пишет полковнику Браверну: “Пушкин сел подле Натальи Николаевны и Екатерины Николаевны и сказал им: “Это для того, чтобы видеть, каковы вы вместе и каковы у вас лица, когда вы разговариваете”. И С.Л. Абрамович снова очень верно замечает: “Пушкину было мучительно видеть, что его жена испытывает ревность к сестре”. А вот как С. Н. Карамзина описывает поведение всех четверых на вечере у Мещерских 24 января, накануне нового письма, которое

на этот раз Пушкин отправил Геккерну: “Пушкин скрежещет зубами и принимает свое выражение тигра. Натали опускает глаза и краснеет под долгим и страстным взглядом своего зятя... Катрин (Екатерина Гончарова, - В. Ф.) направляет на них обоих свой ревнивый лорнет...”

Жуковскому и другим друзьям Пушкина, видимо, казалось, что все худшее позади. В рассказе Вяземских П.И. Бартеневу есть такая фраза: “...Свадьбу сыграли в первой половине генваря. Друзья Пушкина успокоились, воображая, что тревога прошла”. Ведь теперь, после свадьбы Дантеса на свояченице Пушкина, новый вызов и дуэль были бы беспричинны, невозможны. И к тому же слово, данное царю. И у Пушкина освободились руки...

25 января Пушкин отсылает оскорбительное письмо Геккерну-отцу. Это была другая редакция того письма от 21 ноября 1836 года, которое Пушкин из-за вмешательства Жуковского, не отправив, разорвал. Теперь дуэль была неминуема. В среду, 27 января Пушкин со своим секундантом лицейским другом Данзасом отправился в санях от кондитерской Вольфа на углу Невского и Мойки к месту поединка, к Комендантской даче на Черной речке. Это были последние несколько верст дороги, по которой мы прошли. Вечером в тот же день смертельно раненого Пушкина на руках внесли в его кабинет. Последние слова, сказанные им доктору Далю были: “Кончена жизнь... Тяжело дышать... Давит...”. 29 января 1837 года в два часа сорок пять минут пополудни Жуковский остановил маятник часов в его кабинете. Жизнь страдальца закончилась. Жизнь поэта только-только начиналась.

Роковая встреча у Черной речки была последней, но не первой дуэлью Пушкина. Сколько их было у него? Точно никто не подсчитал. Дон-Жуанский список его известен, а числа дуэлей не подсчитал никто. В одном только Кишиневе их было семь. По словам Нащокина, записанных Бартеневым, эту страсть у Пушкина можно сравнить с “непонятым желанием человека, когда он стоит на высоте, броситься вниз”. Сам Пушкин как бы писал о себе:

*Все, все, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья.
Есть упоение в бою,
И бездны мрачной на краю...*

Одна из первых его дуэлей была особенной. О ней рассказал Цявловский в своей “Летописи”. В Кишиневе в июне 1822 года, проиграв в карты офицеру Генерального штаба Зубову, Пушкин во всеуслышание заявил, что Зубов играл нечисто, и что этот проигрыш платить нельзя. Зубов вызвал его. Дуэль состоялась в “Малине”. Так звали место за городом: овражек, окруженный лесом. На дуэль Пушкин прихватил черешни. Зубов целится, а Пушкин спокойно ест черешни и выплевывает косточки. Зубов промахнулся. И тогда вместо выстрела Пушкин спрашивает: “Довольны вы?” Зубов бросается к Пушкину, хочет обнять его. “Это лишнее”, - замечает Пушкин.

Пушкин вспомнит эту историю в Болдино накануне своей женитьбы и напишет 12-14 октября 1830 года “Выстрел”. Пушкин вступает в новую семейную жизнь, страстно жаждет ее и боится. Боится крутого перелома, ответственности за семью, за дом. Его отношение к дуэли меняется. Нет, честь, как всегда, превыше всего. Но теперь он не один. В письме к жене 2 октября 1833 г. из того же Болдино он напишет: “Нет мой друг: плохо путешествовать женатому, то ли дело холостому! Ни о чем не думаешь, ни о какой смерти не печалишься”. Или в том же году Д. Н. Гончарову: “Если я умру, моя жена окажется на улице, а дети в нищете”. В. Соллогуб вспоминает слова Пушкина, сказанные им перед последней дуэлью: “Неужели вы думаете, что мне весело стреляться? Да что делать. Я имею несчастье быть человеком публичным и, знаете, это хуже, чем быть публичной женщиной”. Вересаев, ссылаясь на Бартенева, приводит слова Пушкина, сказанные им перед свадьбой, что “ему вероятно придется погибнуть на поединке”.

“Выстрел” отразил эти воспоминания, чувства и предчувствия. Напомним. Некто Сильвио вызвал легкомысленного и беззаботного графа, своего однополчанина. Тот явился на дуэль с фуражкой, полной черешен и, пока Сильвио целился, плевал в него косточками. Сильвио, видя это равнодушие и презрение к опасности, стрелять не стал и оставил выстрел за собой. Через несколько лет он узнал, что граф женится. И тогда Сильвио сказал: “Посмотрим, так ли равнодушно примет он смерть перед своей свадьбой, как некогда ждал ее за черешнями!” И Сильвио явился в дом женатого графа, чтобы сделать свой выстрел. Граф вспоминал: “Он вынул пистолет и прицелился... Я считал секунды... я думал о ней... Ужасная прошла минута! Сильвио опустил руку... “Будете ли вы стрелять или нет?” - “Не буду, - отвечал Сильвио, - я доволен: я видел твое смятение, твою робость... Будешь меня помнить”.

Гроссман посвятил “Выстрелу” исследование, доказывая, что Сильвио - это Иван Петрович Липранди, с которым Пушкин встречался в Кишиневе и Одессе. А граф - это сам Пушкин. Подобно графу, Пушкин до свадьбы и после нее как бы не один и тот же человек. Случись дуэль у Черной речки не зимой, а летом, Пушкин и не подумал бы о черешне. Но, начиная с 4 ноября, он неумолимо шел к цели. Потому что сердце обливалось кровью и другого выхода он не видел.

И теперь самое время сказать, что же нового мы узнали из документов архива Клода Дантеса. Разумеется, мы узнали много важных деталей, ранее неизвестных. Например, когда начался роман Дантеса и Н. Н. Пушкиной. Ранее считалось, что в январе 1836 года. Теперь мы знаем, что страсть охватила Дантеса еще осенью предыдущего года. Мы узнали, что Дантес был принят в доме Пушкиных в январе 1836 года. Стал известен очень важный факт. Дантес писал письма Н. Н. Пушкиной и 4 ноября 1836 года, после получения Пушкиным анонимного пасквиля, Наталья Николаевна эти письма показала мужу. А письма не должны были оставлять сомнений относительно характера их отношений в зиму 1836 года. Также, как и письма Дантеса Геккерну, которые мы прочли. И, наконец, мы узнали многое из письма, отправленного Дантесом Геккерну из казармы 17 октября 1836 года. И хоть это письмо не позволяет сделать достоверных выводов в отношении автора анонимного письма, оно вводит в атмосферу этих предгрозовых дней.

Но есть один, самый важный вопрос, на который документы архива Клода Дантеса, кажется, помогают ответить. Этот главный вопрос хорошо известен: что заставило Пушкина отослать это самое роковое письмо 25 января 1837 года? Что особенное случилось в этот день или в предыдущие дни? Почему Пушкин это сделал, когда за ним перестали приглядывать и у него освободились руки? Или короче: отчего погиб Пушкин? Поискам ответа на этот вопрос посвящена целая литература.

30 января 1837 года, сразу после смерти Пушкина, С.Н. Карамзина писала брату: “Сказать тебе, что в точности вызвало дуэль теперь, когда женитьба Дантеса, казалось, сделала ее невозможной, - об этом никто ничего не знает...” Вяземский сообщал в Москву: “Ясно изложить причины, которые произвели это плачевное последствие, невозможно, потому что многое осталось тайным для нас самих, очевидцев”. Раньше вызов Пушкина 25 января объясняли подстроенной встречей Дантеса с Н.Н. Пушкиной на квартире у Идалии Полетики, считая, что эта

встреча произошла незадолго до 25 января. Теперь мы знаем, что эта встреча относится к событиям начала ноября и причиной быть никак не может. Конечно, Дантес ведет себя вызывающе, нагло (и теперь мы знаем, что это - маска, бравада). Его каламбуры, остроты насчет “мозольного оператора” на балу у Воронцовых 23 января, когда он в присутствии Пушкина назвал Екатерину Николаевну своей “законной”, накаляли обстановку. Светские сплетни и клевета отравляли жизнь Пушкину. Все это так. И все-таки, говоря о письме Пушкина 25 января, С. Л. Абрамович задает вопрос: “Что подтолкнуло Пушкина к этому решению? Как и при каких обстоятельствах он понял, что у него нет другого выхода?” - и замечает: “Пытаясь ответить на эти вопросы мы сталкиваемся с исключительными трудностями”.

И вот сейчас, пытаясь ответить на этот вопрос, мы скажем: “Ничего особенного не случилось ни в этот день, ни в предыдущие. Начиная с 4 ноября тридцать шестого года, Пушкин рвался к дуэли. Положение, в котором он оказался, состояние, в котором он себя осознавал, были для него невыносимы. Но ему мешали, держали за руки. И как только Жуковский, Загряжская и другие успокоились, он повторил свой вызов. И сделал это так, что на этот раз ничто не могло ему помешать.

Мы привыкли думать о Пушкине, как о гении. Но гений был еще и просто человеком, у которого были дом и семья. В этом доме Пушкин работал, отходил душой от волнений светской черни и цензуры, от несвободы. Если судить по письмам, ни с кем Пушкин не был так откровенен, как с женой. Пожалуй, только ей он поверял свои самые сокровенные мысли и чувства. Четвертого ноября Пушкин понял, что сердце жены отдано другому. И дом рухнул. Пушкин потерял почву под ногами. Конечно, его честь и гордость страдали. Конечно, была и ревность. Но не ревность вела его к поединку. И он знал, что жена своего долга не преступила. То, что его терзало, начиная с четвертого ноября, ничего общего с ревностью не имело. И этих терзаний он вынести не мог.

Некоторые современники догадывались о состоянии души Пушкина, разумеется не зная причины. Соллогуб в своих воспоминаниях писал: “Все хотели остановить Пушкина. Один Пушкин того не хотел... Он в лице Дантеса искал или смерти, или расправы со всем светским обществом”. А Павлищев, зять Пушкина, сказал еще откровеннее: “Он искал смерти с радостью, а потому был бы несчастлив, если б остался жив”.

И сегодня мы знаем больше о причинах трагедии, о том, что привело Пушкина к поединку у Черной речки.

Эту хронику я написал в Тренто, в Италии. Закончив писать, поехал в Пеннабили, в гости к старому знакомому, знаменитому итальянскому поэту Тонино Гуэрра. Была зима. Дом Тонино стоит на крутом берегу реки Марекьи в миндалевом и персиковом саду. Раньше я бывал здесь весной. Теперь за туманом реки не было видно, и с сырых деревьев вместо розовых лепестков падали холодные капли дождя. Подобно своему другу Федерико Феллини, Тонино всю жизнь был связан с Россией, с русским искусством. И жена его, Лора - русская. Свою рукопись я захватил с собой. Тонино слышал о книге Серены Витале и попросил меня прочесть рукопись. Мы уселись у камина. Читать было долго, и я стал коротко рассказывать о том, что написал. Тонино понимает по-русски и даже немного говорит. В трудных местах Лора ему переводила. Когда я кончил рассказывать, Тонино сказал:

- Curioso, grandioso... А откуда ты знаешь, что Дантес... как сказать... по e imbrogliato, говорит padre правду?¹²

Тонино не только поэт, но и киносценарист. Написал сценарии ко многим фильмам Феллини. И поэтому задал вопрос в лоб.

- На этот вопрос отчасти уже ответила Серена Витале, оппонируя нашей пушкинистке Абрамович. После публикации Анри Труайя отрывков из двух писем, Анна Ахматова и другие серьезные пушкинисты уже не сомневались в подлинных чувствах Дантеса к жене поэта зимой 1836 года. Не сомневались на основании его собственных слов в этих письмах. Почему же не верить словам Дантеса, когда он говорит о чувствах Натальи Николаевны к нему, приводит ее прямую речь? И потом есть такое слово: контекст. Абрамович правильно считала, что опубликованные отрывки вырваны из контекста и по ним судить трудно. А теперь мы прочли все письма, и они не оставляют сомнений. Это как хороший фильм. Когда видишь из него несколько кадров, - это одно. А когда посмотришь целиком, убеждаешься в правде драматургии и характеров.

Тонино спросил, как следует теперь, после чтения этих писем, относиться к Наталии Николаевне. Ведь она не изменила Пушкину. На что я ответил:

- Но разве измена - это физическая близость с другим: А измена сердца - это ли не измена? Где провести границу? В Евангелии сказано о грехе прелюбодеяния в сердце. К мужчинам и женщинам это относится в равной мере. "Кто отдал сердце - отдал

¹² Любопытно, грандиозно... А откуда ты знаешь, что Дантес... как сказать... не обманывает, говорит отцу правду? (*um.*)

все”, - сказала Жорж Санд. Эта писательница обладала огромным сердечным опытом.

- Perche... в России все...tragico e complicato? Perche per l'arte... нужно... l'oppressione. Сейчас - свобода, l'oppressione нет. Ma non avete l'arte. Perche?¹³

И Пушкин привел нас к другой теме.

А теперь короткое послесловие. После того, как моя хроника “Гибель Пушкина” была опубликована, мне попались на глаза стихи Александра Городницкого “Уроки литературы”. Под стихами стояла дата 31 августа 1998 года. Я спросил автора, был ли он в это время знаком с документами из архива Клода Дантеса, читал ли мою хронику.

Оказалось, что нет. Ни с документами, ни с моей хроникой он знаком тогда не был. Но в своих стихах поэт в сущности выразил ту же мысль, ту же правду, которая открылась в итоге документального исследования. У искусства есть свой, художественный путь открытия. Стихами Городницкого я и закончу свою небольшую хронику.

*В прошлое заглядывая хмуро,
Вспомню, забывая про дела,
Педагога, что литературу
В нашем классе некогда вела.
Свой предмет, которому учила,
Полюбила с юности она.
И от этой, видимо, причины
Коротала жизнь свою одна.
Внешним видом занималась мало,
На уроках куталась в пальто,
И меня от прочих отличала,
Сам уже не ведаю за что.
Но судьба любимчиков капризна
И в итоге неизменно зла.
“Пушкин однолюбом был по жизни”, -
Как то раз она произнесла.
“Пушкин был по жизни однолюбом”.
И примерный прежде ученик,
Засмеялся громко я и грубо,*

¹³ Почему в России все сложно и трагично? Почему для искусства нужен гнет? Сейчас - свобода, нет гнета. Но нет и искусства. Почему? (ит.)

*Ибо знал наверное из книг
Вульфа, Вересаева и прочих,
Их прочтя с прилежностью большой,
Что не так уж был и непорочен
Африканец с русской душой.
Помнится, имевшая огласку,
В дневнике михайловском строка:
“Я надеюсь все же, что на Пасху...”
Далее по тексту дневника.
Гнев ее внезапный был прекрасен,
Голос по-девически высок:
“Городничкий, встаньте. Вон из класса.
Двойка за сегодняшний урок!”
И еще ушам своим не веря,
Получивший яростный отлуп,
Снова я услышал возле двери:
“Пушкин был по жизни однолюб.
Женщин на пути его не мало,
Но любовь всегда была одна.
В том, что не нашел он идеала,
Не его, наверное, вина”.
Мне ее слова понятней стали
Через пятьдесят с лихвою лет.
Замечаю новые детали,
Наблюдая пушкинский портрет:
Горькие трагические губы,
Сединою тронутая бровь.
Так он и остался однолюбом,
Жизнью заплативший за любовь.*

Игорь Ефимов

О властвующих и подвластных

олитика, власть над людьми – такое грязное дело, что порядочные люди всегда стараются отшатнуться от него, оставить в руках прохвостов и негодяев. Но порядочно ли это?

*

Люди часто не столько любят, ненавидят, презирают или поклоняются, сколько пользуются кем-то, чтобы *потешить свою душу* любовью, ненавистью, презрением, поклонением. Потом, конечно, это может превратиться в привычку и даже очень сильную: любить хоккеистов и певцов, ненавидеть жидов и «чучмеков», поклоняться Сталину и Гитлеру, презирать иностранцев и умников.

*

Когда вы защищаете очень высокую идею, можно прибегнуть даже к не очень высоким методам – в этом вся прелесть.

*

Национализм упоителен ещё и тем, что даёт бесконечный простор себялюбию. Любить себя – бесценного – считается пошловатым. Но любить себя как немца, как русского, как японца – что может быть похвальней и увлекательней?

*

Американцы потому так плохо знают мировую историю, что Александр Македонский, Антоний, Томас Кентерберийский и Лев Троцкий сливаются для них в одно – на весь экран – лицо Ричарда Бартон; а император Марк Аврелий, король Карл Первый Стюарт и Гитлер – в лицо Алека Гинеса; а шведская королева Кристина, русская императрица Екатерина и Мата Хари – в лицо Греты Гарбо; и так далее, и так далее...

*

По истории видно, что, когда сталкиваются армии аристократических государств, то пленных офицеров после

сражения приглашают к столу, а когда плебейских – ведут к стенке.

*

В рамках небольшого Мы – родового, племенного – эгоизм отдельной личности преодолевается полнее, самоотверженность имеет больше поощрения, готовность сражаться за своих – искреннее. Род создавал воинов самых отчаянных, поэтому моменты слияния отдельных родов в единое племя оказывались в истории взрывными, лежали у истоков самых гигантских по своим размахам нашествий – персидского, македонского, арабского, норманнского, монгольского. Численность народа-завоевателя во всех этих случаях была относительно ничтожной.

*

Мало кто признаёт, что в Америке была не одна гражданская война, а две. Вторая длилась с 1920 по 1933 год и в 1929 году привела к ужасному бедствию – к Великому кризису. Народ восстал против «сухого закона». Бутлегеры были вооружёнными отрядами восставших, и весь народ поддерживал их, платя миллиарды долларов за доставляемый ими самогон.

*

Бездна, отделявшая Юлия Цезаря от раба, несущего его носилки, гораздо меньше бездны, отделявшей Эйнштейна от его соседа по купе в спальном вагоне.

*

Древнеримский вопль «Хлеба и зрелищ» переводится на современный английский как «Welfare and baseball!» («Пособие и бейсбол!»).

*

Идеи действуют на толпу, как жар на воду: если идёт сверху, получается только кипящая плёнка на поверхности, если снизу – вода закипает всей массой.

*

Главный лозунг советской власти красовался не на стенах райкомов и крышах заводов, а под окошками старых трамваев и поездов. Он гласил: НЕ ВЫСОВЫВАЙСЯ!

*

Видеть страдания людей и не быть в силах помочь – с этим ещё можно ужиться. Но когда у нас пытаются впридачу отнять наших любимых виноватых – коммунистов или буржуев, или евреев, или чёрных, или адвокатов, или неверных, или Белый дом, или нехристей, или гомосексуалистов, или военно-

промышленный комплекс, или Буша, или Обаму, или Путина с Медведевым – это уже просто какая-то нечеловеческая жестокость.

*

Автобус идёт ночью по горной дороге. Слева – пропасть, справа – каменная стена. Когда колёса приближаются к пропасти, пассажиры, сидящие слева, поднимают испуганный крик. Когда водитель поворачивает руль прочь от пропасти, сидящие справа объявляют его убийцей, задумавшим разбить их о каменный откос. Водителя меняют, но дорога продолжает извиваться, и всё начинается сначала. Такова простейшая модель политической борьбы в демократическом государстве.

*

«Виги и тори, республиканцы и демократы, ликуд и рабочая партия, и все их споры и разногласия – ведь всё это несерьёзно», – говорят коммунисты. И действительно: что серьёзного может быть в партии, которая, придя к власти, не уничтожает первым делом все прочие партии?

*

Пока политика не превратилась в труп, именуемый История, анализировать её законы так же трудно и опасно, как анатомировать живого человека.

*

Интересны попытки отречения от власти знаменитых тиранов и возвращение после народных просьб и воплей. Подобные спектакли устраивали Иван Грозный, Годунов, Насер, Кастро. Оказывается, и Сталин в 1922 и 1923 годах, как сообщает Авторханов, дважды просил освободить его от обязанностей генсека.

*

В годы холодной войны нелегко было лидерам Третьего мира выбирать между двумя возможными кормильцами – США и СССР. Шатнёшься на сторону Америки – она потребует демократических послаблений, и полетишь ты вверх тормашками вслед за никарагуанским Самосой, кубинским Батистой, иранским шахом, филиппинским Маркосом. Шатнёшься на сторону Советов – и кончишь там же, где индонезийские генералы, афганские коммунисты, гренадский Бишоп. Что оставалось бедным диктаторам? Надеяться только на себя и питаться собственными подданными. Что они, в большинстве своём, и делали.

*

«Что вы нас стращаете своим ГУЛАГом? – говорит русскому эмигранту западный поклонник коммунизма. – У нас даже лагеря будут совсем другие.»

*

Уже было замечено, что в знаменитой гоголевской тройке сидит никто иной как Чичиков. Печальный опыт XX века показал, что другие «народы и государства посторанивались» лишь для того, чтобы поглядеть, как эта русская птица-колесница в какой-то момент дьявольским наваждением превратится в тачанку и под пулемётный треск рухнет в пропасть.

*

Причина невероятных успехов коммунизма в 20-м веке кроется в том, что он объявил зависть – а её в мире полно! – самым похвальным чувством и назвал её «классовым чутьём». Миллионы завистников всех национальностей и вероисповеданий нашли лёгкий способ находить общий язык и объединяться в могучие шайки. Теперь эти шайки пожрали всё, что могли, коммунизм разваливается, но зависть, пригретая им, остаётся и не даёт прорасти ничему живому.

*

Русский царизм был свергнут не уличными беспорядками в Петрограде в феврале 1917 года, а десятью генералами – командующими фронтами. Николай Второй послал им в начале марта телеграммы, спрашивая совета, как ему поступить, и все они – за исключением воздержавшегося Колчака – ответили: ОТРЕКАЙТЕСЬ. (См. Отчёт следственной комиссии Временного правительства.) Об этом поворотном моменте не любят вспоминать ни коммунисты – умаляется роль революционных масс, ни их противники – рассеивается миф о горстке революционеров-заговорщиков, совративших с праведного пути матушку Россию.

*

Народный способ оценивать власть в России очень прост: чем она сильнее, тем лучше. Любая мягкость, гуманность воспринимается как слабость, порча, вызывают презрение. «Что поделаешь – с нами иначе нельзя!..»

*

«История вынесет свой приговор!» Звучит почти так же утешительно и является таким же самообманом, как реплика «там разберутся!», бросаемая обывателем вслед «чёрной Марусе», увозящей очередную жертву в подвалы НКВД.

*

Сколько раз большевиков выручал «камуфляж ничтожности»? Они выглядели ничтожным меньшинством в эмиграции, поэтому никто всерьёз не обратил внимания на их возвращение в Россию после Февральской революции. Они

выглядели ничтожными ещё летом 1917 года, поэтому Керенский вступил с ними в союз и вооружил против грозно надвигавшегося на Петроград Корнилова. Они выглядели разбитыми летом 1919 года, поэтому белые генералы, наступавшие на Москву, начали спорить о будущей власти и упустили победу из рук.

Поистине «поза ничтожности» должна изучаться в политике с тем же вниманием, с каким изучаются ядовитые змеи.

*

Наверное, и внутри растущего дерева идёт скрытая политическая борьба. Наверное, веточки, нацелившиеся на запад, обзывают тех, кто нацелился на восток, опасными безумцами, а северные листочки обзывают южных грязными предателями. В конце концов, образуется ровная крона.

*

Марксизм-ленинизм обмануть никого не может. К двадцати годам любой нормальный ум обнаруживает все его несложные хитрости. Но здесь-то и скрыта опасность. Ибо человек, одолевший в юном возрасте всевластную догму, как правило, переполняется гордостью и превращается в самоуверенного охломона, который воображает, что истина у него в кармане и дальше можно ничему не учиться.

*

Трагедия России – в просторах, в том, что самые свободолюбивые могли убежать в казаки. Народ из единого организма превращался в две касты, которые легко было стравливать друг с другом.

*

Из русского царства убегали в Литву и Польшу, из Испанской империи – в Голландию и Англию, из Восточной Германии бежали в Западную, из Китая – в Гонконг и на Формозу, из Вьетнама – куда глаза глядят. Наоборот, каким тяжким наказанием был остракизм в Афинах, изгнание – во Флоренции. Так сколько же можно спорить о свободе в государстве? Посмотрите, куда бегут люди, – и всё станет ясно.

*

Государственный переворот можно осуществить за одну ночь. Но учредить демократию на месте автократии – на это всегда уходит около ста лет. Примеры: Афины, Рим, Голландия, Англия, Франция.

*

Традиционная любовь русского интеллигента к народу – это, по сути, любовь к прекрасной невинатости, гарантируемой рабством. В свободе же человек, как правило, омерзительен – ибо

ответствен за каждый свой промах, за каждый проступок, за каждую слабость. Поэтому постановляем: считать отнятие свободы у народа актом благословенным, дарующим людям мгновенную и поголовную невиноватость, которая должна приветствоваться двадцатью артиллерийскими залпами.

*

Страшны уроки Истории, кровавы. Но Боже, как ленивы, как неисправимы, как непробиваемы ученики!..

*

Швецию даже социализм не в силах погубить, а Гаити даже капитализм не спасает. Видимо, есть на свете что-то поважнее экономики.

*

В разгаре борьбы с Великим кризисом 1929 года Франклин Рузвельт объявил страх главным врагом и поставил его вне закона. В 1990 году Горбачёву следовало бы объявить вне закона зависть. Но, похоже, ни у него, ни у последующих лидеров не хватило духу замахнуться на этого главного врага россиян.

*

«Если у меня всё будет по закону, – объясняют идолопоклонники правового государства, – мне ведь и совесть не нужна.»

*

Изобретать панацею для бед нашего брэнного мира – упоительное занятие! Если даже больной откажется принимать её, у тебя останется блаженное право перестать его жалеть.

*

Правду убить нельзя. Надо сделать её силой, и тогда она умрёт сама собой.

*

Иногда собственная банальность начинает так мучить человека, что он принимается вслух доказывать, что Иван Грозный зря никого не убивал, что Сталин был глубокий мыслитель, что комендант Дахау больше всего на свете любил цветы, что Хрущёв был недооценённый политический гений и великий миротворец, что Мао-Цзедун с трудом отвлекался от поэзии для государственных дел, и так далее.

*

Доброта его не знала границ. Раздав всё своё имущество, он приступил к раздаче моего.

*

Давайте поговорим о непристойном. О том, чего порядочные люди в разговорах не касаются. О том, за что могут

отказаться от дома, захлопнуть дверь перед носом, порвать отношения.

Поговорим о язвах доброты.

*

Рассуждения о судьбах человечества интеллектуал начинает с того, что мысленно создаёт человека по образу и подобию своему. А потом приказывает созданию своему: «С Древа Познания будешь есть только яблоки Добра». И не понимает, что после такого приказа яблоки Зла наливаются для человека хмельным и манящим соком СВОБОДЫ.

*

– Никому никаких привилегий в начале жизненного пути! – вопят идолопоклонники равенства. – Честное спортивное состязание!

– Но куда же вы денете всех отстающих на дистанции? Куда денете врождённую привилегию избытка сил и таланта?

– О, очень просто, – отвечают русские, китайские, кубинские, камбоджийские коммунисты. – Мы будем автоматически, слой за слоем, уничтожать всех, кто приходит к финишу впереди других. Называться это будет либо раскулачивание, либо чистка, либо культурная революция.

– Нет, а мы сделаем по-другому, – говорят американские, английские, французские, израильские либералы. – Мы будем на каждом кругу останавливать слишком быстрых и давать слабым убежать вперёд. Называться это будет либо affirmative action, либо equal opportunity employment, либо квиют.

*

В прошлом безоглядная любовь к народу ещё могла сочетаться с искренним состраданием. В веке XX это всё больше – преклонение перед силой. Народ, как и покупатель, всегда прав.

*

Пока среди нас появляются Гитлеры, Сталины, Мао Цзедуны, Пол Поты, избави нас, Господи, от бессмертия.

*

Марксисты испытывают – и разжигают – не классовую ненависть к «эксплуататорам», а нутряную ненависть к свободному распоряжению как таковому. Именно поэтому российский хуторянин, кубинский парикмахер, камбоджийский доктор одинаково могут стать объектом террора, даже если у них нет ни одного нанятого работника.

*

В Америке стоит вам помянуть в разговоре недобрым словом сталинизм, и тотчас кто-нибудь из американцев скажет,

что и у них были страшные годы маккартизма. Интересно – это просто отсутствие воображения? Или всё то же национальное тщеславие, которое не хочет уступить русским первенство даже в негодяйстве?

*

Одна из трудно переводимых русских идиом: «Ты у меня будешь в ногах валяться». Нам приходилось «валяться в ногах» у продавцов, вахтёров, официантов, медсестёр, таксистов, ремонтников, порой даже у собственных подчинённых. Уезжали в эмиграцию прежде всего те, кто валяться устал, а получать удовольствие от вида человека, валяющегося у тебя в ногах, так и не научился.

*

Ненависть – такой ходкий товар, что торговцы ею всегда найдутся. Исчезнут коммунисты и нацисты, на их место вылезут с дешёвой распродажей айтишники, фарраханцы, жириновские, талибы. Гнать легко, а в голову шибает сильно, как самогон.

*

Силы зла не имеют в своих рядах солдат, обладающих даром членораздельной речи. Именно поэтому мы так мало знаем о них и так плохо понимаем их даже в тот момент, когда они честно пытаются промычать нам, за что они ведут нас на расстрел в этот раз: за неправильную веру? за неправильных родителей? за грустное выражение лица?

*

Духовные богатеи предчувствуют, что духовная беднота рано или поздно отыщет их и страшно отомстит за неравенство. Отсюда эта их вечная тяга укрыться: в монашескую бедность, в революционную эгалитарность, в либеральное равноправие.

*

Прагматический позитивизм свято верит в то, что человеку на этом свете ничего не надо, кроме благополучия. Именно позитивизм расчищает дорогу большевизму, нацизму, исламизму, ибо те, по крайней мере, содержат надличную идею – какую ни на есть. А без неё жизнь человеку не в радость.

*

Англия и Америка – какие всё же несчастные страны! В самые ответственные моменты истории ими управляли такие олухи, как Черчилль или Рузвельт. И не было рядом русского эмигранта с Молдаванки, Гражданки, Ордынки, Пряжки, Подола, чтобы подсказать им правильные политические решения.

*

Ваш народ жалуется на притеснения правителей?

Дайте ему свободу, которой наслаждаемся мы, и он успокоится.

Ваш ребёнок, которого не пустили гулять, плачет?

Налейте ему стакан водки, и он приободрится.

*

Почему люди *обожествляют* безжалостных владык? Да потому, что в глубине души они полагают главным свойством *Бога* – безжалостность.

*

Презирать без разбору людей простых и незаметных считается недостойным снобизмом. Зато презирать без разбору всех королей, министров и генералов – дело безотказно похвальное в интеллигентном кругу.

*

Сильный аргумент в защиту монархического способа правления: только оно могло бы удержать Гитлера в чине ефрейтора, а Сталина оставить в сапожниках.

*

Политические убеждения вырастают на одну сотую – из наших знаний, на пять сотых – из рассуждений, всё остальное – из страхов и упований. В демократическом государстве процесс взвешивания наших страхов и упований называется «выборы».

*

В императорском Риме богатые патроны раздавали государственное добро толпе своих клиентов, и те обеспечивали им победу на выборах. Точно так же и сегодня партии «счастливых растратчиков» вырезают жирные куски из государственного бюджета и швыряют их толпам иждивенцев, чтобы те голосовали за них.

*

В начале II века по рождеству Христову император Траян не разрешил своему наместнику в Вифинии, Плинию Младшему, учредить коллегии пожарников в провинциальном городе, уверяя его, что любые объединения рабочих приводят к беспорядкам.

В начале XX века рабочие добились права на создание своих ассоциаций – и что же? В России профсоюзами стали заправлять большевики, в Германии – коммунисты, в Италии – фашисты, в Америке – гангстеры. Хочется только спросить: откуда император Траян был такой умный?

*

Интеллигент с презрением относится к словам, мыслям и желаниям посредственности. Но при этом он страстно призывает к демократии, то есть к власти большинства, то есть к господству

посредственности. А потом смотрит с презрением на избранных большинства и говорит: «Какая посредственность!».

*

Каины и Авели, Иаковы и Исаавы рассыпаны в каждом народе примерно поровну. Но лицо народа будет определяться тем, кому из братьев сегодня удалось отвоевать первородство.

*

Корабль попадает в бурю. Команда, стиснув зубы, послушно выполняет приказы опытного капитана, смело сражается со стихией. Но когда корабль достигает безопасной бухты, капитана выбрасывают за борт. Такова судьба Аристиды – победителя в битве при Марафоне, Черчилля – победителя во Второй мировой войне, Буша-старшего и Маргарет Тэтчер – победителей в Холодной войне с коммунизмом.

*

Представим себе человека, главного наслаждение которого – внушать поклонение и страх. Любое проявление бесстрашия будет восприниматься им как личное оскорбление. Так и погибли все смельчаки в окружении Нерона, Домициана, Генриха Восьмого, Ивана Четвёртого, Людовика Четырнадцатого, Иосифа Первого.

*

Коммунизм в России оказался таким недолговечным потому, что дал умереть питавшему его идеализму. Все коммунисты-идеалисты были расстреляны в первые два десятилетия и больше в партию не принимались. Так и не осталось ни одного коммуниста, который всерьёз был бы озабочен вопросом: «А что будет с партией и страной после моей смерти?». Поэтому-то советская власть продержалась столько лет, сколько отпущено на Земле среднему человеку, – 74 года. Ровно столько, сколько прожил лично товарищ Сталин.

*

В 1830 годы два отпрыска французской аристократии отправились смотреть, как живут другие народы: маркиз де Кюстин – на восток, в Российскую империю, Алексис де Токвиль – на запад, в Американскую республику. Увидели совершенно разную жизнь, но оба вернулись домой убеждёнными антимонархистами.

*

В середине 1920-х Сталин вводит в Политбюро новых членов, среди которых были: латыш Рудзутак, грузин Орджоникидзе, еврей Каганович, армянин Микоян. Видимо,

будущему «светочу лингвистики» надоело быть единственным членом Политбюро, говорившим по-русски с тяжёлым акцентом.

*

Русский интеллигент мог делать, что угодно и при этом сохранять самоуважение, если только он не отказывался от своей главной обязанности – презирать правителей. В результате ему вот уже 200 лет приходится жить под презируемыми правителями, которые делают с ним что угодно и в уважении отказывают.

*

Философ Иван Ильин знал уже, что в XX веке среди образованных людей не принято объяснять мировое зло кознями дьявола или жидо-масонским заговором. Но он не растерялся и придумал новое таинственное чудище, которому дал название: «международная закулиса».

*

Социализм – любимая глупость умных людей. Исчезнет, когда останутся одни дураки.

*

Вглядываясь в страшные войны XX века, здравый смысл пытается найти им разумные объяснения. Он переберёт тысячу вариантов, но никогда не примет того – единственно правильного, – что война идёт именно против него – против здравого смысла.

*

Студенты Оксфорда и Кембриджа в середине 1930 годов создавали антипатриотические группы и торжественно клялись никогда не воевать за свою страну. Впоследствии большинство их геройски погибло в битвах за Англию на суше, на воде и в воздухе. Но кто знает: если бы они не поднимали антивоенную шумиху, решился бы Гитлер напасть на Великобританию?

*

Маркс изучал капитализм на судьбе своего друга Энгельса. С одной стороны, он видел, что его друг почти не занимается текстильной фабрикой своего отца, и решил, что все капиталисты ничем не занимаются. Отсюда родилась идея эксплуатации. С другой стороны, у фабрики были постоянные трудности со сбытом продукции, и Маркс – из сострадания к другу – возненавидел конкурентов и конкуренцию. Отсюда – плановое социалистическое хозяйство и вечный дефицит, при котором даже самые паршивые ткани должны идти на расхват.

*

«Он ХОЧЕТ – значит, может при случае отнять у меня, – думает социалистический человек про своего ближнего. – Вот сволочь какая!»

«Он ХОЧЕТ – значит, я смогу продать ему то, что он хочет, – думает западный. – Ох, только бы не прошёл мимо!»

И тем, и другим движет корысть. Но какая разница в отношении к ближнему!

*

Борьба трудящихся против потребляющих в советской России приближалась к решительной победе. Оставался суший пустяк – создать новый тип трудящегося, который сам бы уже ничего не потреблял.

*

Конституция любого коммунистического государства должна честно включать в себя следующую статью: «Считать священным правом каждого гражданина производить никому не нужные или никуда не годные вещи, получать за это зарплату и гордиться своим трудом».

*

Современная экономика состоит из двух важнейших вещей – производства продукта и его распределения. В соответствии с этим, в каждой демократической стране образуются две главные политические партии: одна обещает избирателям улучшить производство (республиканцы в США, консерваторы в Англии, ликуд в Израиле), другая – распределение (демократы, лейбористы, социалисты). Но нет ещё партий, обещающих увеличить удовольствие от потребления произведённого продукта. Хотя дело это – самое насущное.

*

Главное занятие интеллигента – различать правильное от неправильного, хорошее от дурного, высокое от низкого. Но не дай Бог ему попытаться ещё отличать выполнимое от неосуществимого. О, тогда его вышвырнут из этого высокого сословия вниз – к торгующим, строящим, сеющим.

*

Написанное слово одолевает пространство и время. Выкрикнутое звучит только здесь и сейчас.

Разбойники обычно плохо владеют письменным словом, поэтому им приходилось действовать небольшими шайками, в которых каждый мог слышать клич атамана. Только изобретение телеграфа, радио и телефона позволило политическим атаманам в 20-м веке собирать такие огромные шайки, какие были у Гитлера, Муссолини, Сталина, Мао Цзедуна, Кастро, Пол Пота. Думается, если бы у неграмотного Пугачёва был десяток радиопередатчиков, он разбил бы и Михельсона, и Суворова.

*

Одна из популярнейших формул в наши дни: «Добро против зла – это интеллектуалы против политиканов». Доказать невозможно, но очень помогает получить тёплое местечко в американском университете».

*

«У нас незаменимых нет!» – вопили репродукторы сталинской эпохи. И, Боже мой, как сладко это было слышать всем заменимым.

*

Из семян старой ненависти исламисты увлечённо выращивают новую и называют это «восстановлением исторической справедливости».

*

Получить при жизни освобождение от страха смерти – вот высший знак милости Господней. Потому-то и пойдут на смерть тысячи будущих камикадзе и террористов-самоубийц: чтобы притвориться *избранниками*.

*

Трижды упоминаются в Библии эпизоды избиения младенцев: Исход, 1:22; Исход, 20:29; Матфей, 2:16. Не может ли оказаться, что подобная варварская мера контроля рождаемости действительно применялась в древних царствах?

*

Всякая власть от Бога – чтобы сдерживать зверя в человеке. Но, к сожалению, дело это настолько тяжёлое, что власть и сама довольно часто впадает в озверение.

*

Бандит Родни Кинг подавал в суд на город Лос-Анджелес, требуя девять миллионов долларов за причинённые ему страдания. Президенту Клинтону разные дамы грозили судебным преследованием за доставленное им удовольствие. Как видим, лозунг «Кто был ничем, тот станет всем» осуществим и в Америке.

*

Власть КГБ в России держалась на наших искусно раздуваемых страхах. На том же самом держится и власть адвокатов и страховальщиков в сегодняшней Америке. Поэтому и отношение к ним нужно строить по формуле Солженицына: «Не верь. Не бойся. Не проси».

*

В посткоммунистической России возник очаровательный оксюморон: «Вы против кого дружите?».

Поистине: «Враждую – значит существую».

*

Монарх не может не думать о судьбе династии, аристократ – о судьбе своего рода. Это и создаёт Гамлетовскую «связь времён». В демократическом же обществе политик обязан в первую очередь заботиться о благоденствии своих современников, большинству которых плевать и на предков, и на потомков. Именно поэтому демократия – самая недолговечная форма правления; не дольше 250 лет.

*

Люди, ничего не производящие собственными руками, подсознательно убеждены, что разбогатеть можно только путём грабежа: незаконного или узаконенного – эксплуатации. Именно поэтому большинство интеллектуалов – явные или скрытые марксисты.

*

Современный российский бизнесмен – это всегда помесь гоголевской Коробочки с Соловьём-Разбойником: цен на рынке не знает, поэтому готов торговаться до бесконечности, а при случае и хватить заезжего купца кистенём.

*

Человеку, который берёт в долг и потом «забывает» отдавать, мы, в конце концов, не одолжим ни доллара, ни даже рубля. Но американскому казначейству, чей долг растёт каждый год, мы исправно платим налоги.

*

В начале 1990 годов молодые русские анти-марксисты затеяли заменить социализм капитализмом за 500 дней. Но, сами того не замечая, они продолжали исповедовать главный марксистский догмат: *капитализм основан на жадности*. «А уж этого-то товара – жадности – у нас хоть отбавляй», – думали они.

Когда им говорили, что, на самом деле, капитализм основан на уважении к личности и собственности, которое надо долго-долго выращивать, они объявляли такие разговоры «враждебной классово-пропагандой».

*

В так называемой «справедливой» игре на рынке цен и талантов всегда будет один победитель и десятки проигравших. Но этот будущий победитель с неподражаемым упорством требует, чтобы будущие проигравшие признали безнадёжные для них правила игры – наилучшими.

*

Свирепый завоеватель грабил покоряемые народы – но у тех была хотя бы возможность защищаться.

Проскрипциями, кострами аутодафе, «хрустальными ночами», раскулачиванием грабили собственных подданных – но у тех была хотя бы возможность убежать.

Хитроумными играми с налогами и дефицитом американцы научились грабить собственных неродившихся внуков – и тем уже деваться некуда.

*

Самое отвратительное в русской истории XX века – казни без вины.

В американской – вина без наказания.

*

Защищать сильного от слабого – как-то глупо и неблагородно. Не потому ли не слышно больше голосов, призывающих защищать общество от лентяя и воришки?

*

Демократия – это прежде всего терпимость к любой вере и к любому неверию. Кроме неверия в демократию, конечно.

*

Американские поселенцы, продвигаясь на Запад, охраняли мир и порядок в своих городках с оружием в руках, не прибегая к услугам адвокатов. За это обиженные адвокаты обозвали их «Диким Западом».

*

Отбор присяжных в Америке поначалу был учреждён, чтобы исключить возможную несправедливость по отношению к подсудимому. Нынче он нацелен лишь на то, чтобы не допустить в жюри людей, способных мыслить самостоятельно. То есть превратился в гарантированную несправедливость по отношению к обществу.

*

С точки зрения робеспьеров, главное – чтобы нож гильотины был хорошо продезинфицирован.

*

Русский борец с коммунизмом в веке 20-ом так сцепился со своим противником, что стал слепком с него.

*

Столыпин пытался сделать то же, что и братья Гракхи в Древнем Риме: защитить фермера-труженика. И заплатил за это ту же цену.

*

«Мене, текел, фарес» в переводе на русский означает: «Владыкой мира будет труд».

*

Розанов тонко заметил, что «цивилизации гибнут от извращения» основных добродетелей, «на которых всё тесто взросло... В Греции это был ум, в Риме – воля...» Продолжая этот ряд, можно предсказать, что Американская цивилизация погибнет от беспредельной «погони за счастьем» (pursuit of happiness).

*

После Второй мировой войны оккупационные американские власти в Германии, Италии, Японии сыграли роль гипсовой повязки, бинта, под которым это народы смогли залечить свои раны. Но наложение повязок помогает заживлению лишь здоровых клеток. Против проказы бескультурья, рака лени, гангрены вороватости оно не поможет. Отсюда – неудачи в Гаити, Косово, Афганистане, Ираке.

*

Историю творят хозяева вещей и хозяева людей, а описывают хозяева знаний. Но хозяева знаний не умеют измерять усилия, необходимые для создания вещей, для управления людьми. Именно поэтому история навсегда останется собранием сведений – не наукой.

*

В веке XII-XIII люди рвались совершить подвиг за веру, и это обернулось крестовыми походами.

В веке XIV личная преданность стала цениться превыше всего, и это обернулось столетием феодальных междоусобиц.

В XV страх греха породил торговлю индульгенциями и инквизицию.

В XVI хотели спасти население от мора и засухи, поэтому стали сжигать ведьм и колдунов тысячами.

В XVII чистота веры была поставлена превыше всего, поэтому иноверцев можно было убивать без счёта.

В XVIII восхваление разума закончилось Робеспьером и Наполеоном.

В XIX восхваление наук обернулось созданием динамита, пулемёта, газов.

И всё же ничто не принесло такого количества крови и страданий, как безудержный культ демократии в веке XX, проложивший дорогу к власти Сталину, Гитлеру, Муссолини, Мао Цзэдуну, Кастро, Иди Амину, Аятолле Хомейни и прочим.

*

История России в XX веке – это история изгнания варягов.

*

Если Грибоедов обращался с персами в Тегеране так же, как Чацкий с русскими – в Москве, конец их терпению должен был придти очень скоро.

*

Телевизионные зрелища ежедневно выплёскивают на экраны поздней Американской империи столько человеческой и звериной крови, сколько не смогли бы пролить все гладиаторы Древнего Рима.

*

Бетховен и Вагнер в XIX веке написали для немцев столько воинственной музыки, что тем просто ничего не оставалось, как начать две мировые войны в веке двадцатом.

*

В борьбе за независимость – религиозную, национальную, политическую, финансовую, индивидуальную – люди часто готовы отдать все свои силы. Но независимость порой кажется бесценным благом и для людей, у которых нет сил бороться за неё. Такие люди отказываются от борьбы, но не отказываются от независимости. Называются они бродяги, юридивые, бездомные.

*

Когда мы отыщем, наконец, универсальные принципы добра и правды, все у нас будут слушаться и ходить по струнке. «В лагере имени Платона Жан-Жаковича Толстого шаг вправо, шаг влево считается побегом! Морально интеллектуальный конвой открывает огонь без предупреждения!»

*

Любая духовность ненавистна деспотизму прежде всего за то, что за её границей пули конвоя уже не могут повредить беглецу.

*

Анализ великих исторических баталий, по большей части, находится в руках людей, которые мухи не способны обидеть. Какой правды, какой глубины анализа мы можем ожидать от них?

*

Интеллектуал ненавидит врождённое неравенство людей за то, что оно мешает ему обобщать и наставлять. Хам – за то, что оно мешает ему возноситься над ближним и подавлять. Когда интеллектуал сливается в этой ненависти с хамом, на сцену истории является инквизиция, якобинство, большевизм.

*

Десятилетиями западные леваки старались не замечать кровавых безумств, творимых коммунистами во всём мире. Но это

не потому, что они верили в лозунг «Владыкой мира будет труд». Другой лозунг был для них в сто раз важнее, и его-то они и защищали в яростном самоослеплении: «Всё существующее разумно». И если допустить, что коммунизм неразумен, то пришлось бы расстаться с утешительной Гегелевской формулой.

*

Если когда-то были свирепые войны между католиками и протестантами, почему так трудно допустить, что мы доживём до войн между фрейдистами и кантианцами? В конце концов, наша картина мира – это единственное, за что стоит убивать и быть убитым.

*

Большевизм есть самоуверенность логического ума, доведённая до абсурда. Абсурд состоит в том, что, дойдя до своих естественных – Кантом описанных – границ, логический ум не видит для себя иного выхода, кроме как убивать тех, кто ему на эти границы указывает, тех, кто умеет нелогично пересекать их: художников, поэтов, священников, философов.

*

Когда американцы слышат споры своих политиков, они – часто не вникая даже в суть – успокаиваются: спорят – значит управляют. Когда русские слышат споры своих, они впадают в тревогу: политики спорят – значит, пора их менять.

*

В старину русские князья ездили за советом к волхвам и отшельникам в их бедные жилища. В XX веке Сталин звонил по телефону волхву Пастернаку в его бедную коммуналку. Но советами мудрецов в России пренебрегали на протяжении всей её истории.

*

Разумные и озверелые вечно противостоят друг другу. Но в те моменты истории, когда озверелые одолевают, разумные пускают в ход все силы своего ума, чтобы объяснить их победу разумными причинами.

*

Тяжела Господня наука.

20 миллионов погибло от чумы в Европе XIV века. И только 500 лет спустя люди перестали бороться с этим бедствием при помощи сжигания ведьм и разрешили своим высоковольтным отыскать и обезвредить невидимую простым глазом чумную бактерию.

20 миллионов погибло в Сталинском терроре, столько же – в китайском и прочих. И сколько веков должно пройти, прежде

чем люди поймут, что причина этих катастроф – невидимая бацилла ненависти низковольтного к высоковольтному.

*

В Советской России за смелое слово можно было попасть в тюрьму. В Америке за смелое слово вы можете лишиться работы и друзей. Утешительный момент состоит в том, что смелое слово всегда и всюду стоит недешево.

*

Уже девятый десяток лет по бескрайним российским просторам слоняется одинокая, никому не нужная старая дева – Справедливость.

*

Нарушение тишины в зале во время концерта или молитвы запрещается и наказывается удалением. В Советской России удалением наказывали за нарушение страха.

*

Казалось бы, индустриализация должна была внести в мир океан доброты. Ведь теперь каждый производил полезные вещи не для себя – только для другого. И какой хитрый змей подsunул нам пугающее и отталкивающее имя для этого другого: «эксплуататор»?

*

Диссиденты и коммунисты говорили на разных языках. Но у коммунистов подрастали дети. И этим детям всё больше нравился язык, книги, фильмы, песни, картины, статьи, стихи диссидентов. А язык отцов – всё меньше. И в какой-то момент всемогущий коммунизм рухнул без единого выстрела. Просто потому, что подросшие дети не хотели поддерживать его, а постаревшие отцы не смогли пойти против своих детей.

В этом же причина того, что, покуда католическая церковь соблюдает правило безбрачия для священников и монахов, она простоит века. Ей не грозит конфликт отцов и детей – ведь она состоит из одних бездетных.

*

Любая власть нуждается в воинах. Но какое главное свойство воина? Он должен презирать смерть. А кто опаснее всего для власти? Человек, презирающий смерть.

Вот тут и крутись.

*

Если мы говорим «вера превыше всего», мы кончим под властью инквизиторов.

Если над всем поставить «равенство» – под властью яковинцев или большевиков.

Если «силу» – под властью нацистов.

Если «закон» – под властью адвокатов.

Но если превыше всего поставить «совесть», мы окажемся во власти хаоса, ибо совесть у каждого своя.

*

Гаррисон Солсбери сообщает, что Гитлер отдал тайный приказ: захватив Ленинград, подвергнуть его полному разрушению. Сталин тоже ненавидел «Петра творенья» как-то по-особому, запускал туда свою кровавую метлу чаще, чем в другие города. Видимо, всевластный хам чувствует в Санкт-Петербурге что-то глубоко враждебное ему, изначально антихамское.

*

Глядя на разгул преступности в современной России, рационалисты-уравнители подсовывают нам утешительное сравнение с американским «Диким Западом». Не видят, остолопы, что там люди брались за оружие, чтобы защищать свою собственность, а в России – чтобы отнимать чужую.

*

Русский шовинист всегда может заявить, что в самых жестоких российских тиранах кровь текла не русская: Иван Грозный был внуком гречанки и литовца, у Николая Первого отец был немцем и по отцу, и по матери, о Сталине и говорить нечего.

*

В течение двух веков – XVIII и XIX – Германия и Австрия выращивали и экспортировали государей и государынь для всех европейских тронов. Видимо, немецкое чувство ответственности казалось непревзойдённым.

*

«Оставь заложником сына своего – тогда поверю тебе и отпущу в поход», – говаривали в старину азиатские деспоты своим верным слугам.

Азиат Сталин всю использовал этот приём. Полина Жемчужина, сидя в лагере, гарантировала послушность своего мужа Молотова, Пунин и Лев Гумилёв были заложниками за Ахматову, Ариадна Эфрон – за Цветаеву, Ивинская – за Пастернака, Лина Кодина – за Сергея Прокофьева, Генриэтта Левитина-Домбровская – за Шостаковича, и т.д.

*

Взрывы социальных революций, прокатившиеся по миру после Первой мировой войны, показали хозяевам вещей, что с ними сделают сердитые массы, если они не научатся обуздывать свою жадность и выделять какие-то средства на социальные нужды. Смогли бы они смириться со всеми послевоенными

реформами в демократических странах без этого жестокого урока?
Не думаю.

*

В вечном противоборстве между купцом и разбойником русский интеллигент навсегда останется стихийным ленинцем и будет защищать разбойника от купца словом и песней.

*

Верховная власть в государстве есть судья со свистком, постоянно разводящий на ринге общественной жизни управляющих и управляемых. И в тех, и в других постепенно нарастает раздражение против такого ущемления их свободы, желание врезаться не друг другу, а судье. Когда это желание побеждает одновременно в обоих бойцах, в стране вспыхивает революция.

*

Главным стимулом для великих российских реформ 1861 года явились французские и английские броненосцы, потопившие деревянные корабли российского флота в Чёрном море (1854).

Главным стимулом для реформ 1991-го явились американские и израильские истребители, сбивавшие русские МИГи, как уток, в небе над Ливаном (1982), расстреливавшие российские танки, как спичечные коробки в Ираке (1991).

А вы говорите – разоружаться! Какой же тогда останется стимул для российских реформ?

*

Лучший способ упрочения власти – показать нам врага, от которого защищают нас наши мудрые правители. Враг должен обладать тремя свойствами: тайным могуществом, неуловимостью, но и беззащитностью перед «правильным» подавлением. В Средневековой Европе это были еретики, в Гитлеровской Германии – евреи, в Сталинской России – шпионы. Интересно, что еретиков перестали сжигать, когда они утратили неуловимость и беззащитность, а победили в десятках протестантских государств. Бедным католикам пришлось переключиться на сжигание ведьм.

*

Во всех американских университетах читают курсы по политическим наукам – political science. Но ни одного из студентов никогда не познакомят с политической азбукой: что главнейшая задача любого правительства – охранять не абстрактные «права человека», а прежде всего конкретную и единственную жизнь подданных – от внешних врагов и друг от друга.

*

Историю изучают и анализируют люди умные и достойные, а творят – злые и кровожадные. Именно поэтому внутренние законы истории до сих пор остаются нераскрытой тайной.

*

Ещё одна интерпретация Сталинской эпохи: четыре кавказца – Джугашвили, Орджоникидзе, Берия и Микоян – задавили и разорили русских крестьян, чтобы открыть российские рынки кавказским яблокам, грушам, цветам, винограду.

*

Америка пыталась насадить свой символ веры – демократию – во Вьетнаме. СССР насаждал свой – коммунистический – в Афганистане. Обоих вышибли с треском. Но Россия, по крайней мере, извлекла урок. Америка же, похоже, будет продолжать свои крестовые походы ради насаждения демократии не считаясь ни с чем.

*

Чечня терпела гнёт Советов – он был ей понятен: право сильного. Восстала она против Российской демократии. Государственный правопорядок, не освящённый верой, – вот, что им ненавистно.

*

Главная трудность в подъёме народа на следующую ступень цивилизации – религиозный скачок. Кочевник должен был отказаться от главных религиозных функций – богослужения, родовой мести, отдать высокое дело суда и возмездия безликому государству. Земледелец должен был заплатить отделением церкви от государства. Но как можно служить государству, в котором не осталось ничего священного?

*

«Косовизация» Европы.

Вовлечь человека в преступление – важнейший и безотказный приём расширения, укрепления своей шайки. Агитация большевиков летом 1917 года за мир, за братания на фронте, за дезертирство к этому и стремилась. Потом миллионы дезертиров пошли в Красную армию, чтобы не допустить возврата республиканского правительства, которое могло бы отдать их под суд.

*

Есть только один способ покончить с мировым финансовым кризисом: возродить во всех странах Диккенсовскую долговую тюрьму.

*

Вся политическая борьба есть просто состязание страхов. Споря о политике, мы пытаемся заразить друзей своими страхами, а они нас – своими.

*

Интересный экономический аспект Второй мировой войны: страны, не имевшие нефти, – Германия, Италия, Япония, напали на страны её имевшие – Англию, Россию, Америку.

*

Жена поэта Шелли уговаривала Байрона не ездить в Грецию, не помогать греческим повстанцам против турок. «Захватив турецкий город, – говорила она ему, – они перебили 3000 мирных жителей, вспарывали животы беременных женщин, отрубали головы младенцам». Но Байрон твердил своё: «We gotta do something» («Мы должны что-то сделать»). Такое же «готта ду самфинг», видимо, двигало Клинтонем и Блэром, когда они приказали бомбить Югославию в 1998 году, чтобы помочь «угнетённым» косоварам, Камероном и Саркози, когда они приказали бомбить Ливию в 2011.

*

Зависть есть вовсе не проклятье рода человеческого, а дар Господень, главный импульс движения цивилизации и прогресса. Крестьянин должен был позавидовать тёплому и светлому дому сеньора, толпе слуг и поваров, конюшням с колясками, чтобы могли появиться на свет современные дома с водопроводом и отоплением, электричеством и канализацией, автоматическими стиралками и посудомойками, с холодильником на кухне и автомобилем в гараже.

*

При переходе в сельскохозяйственную эру человек – кочевник – утрачивал свободу перемещений в пространстве.

При переходе в индустриальную – свободу перемещений во времени: часы на запястье становились тикающими кандалами.

Ну, а что мы утратим при переходе в эру электронную? Скорее всего – свободу от вторжения посторонних в наш дом. Стены нашего жилища станут прозрачными для всей электроники, каждое наше движение, каждое слово могут быть подсмотрены, подслушаны, выставлены на суд и обозрение.

*

Толстой призывал Александра Третьего не казнить убийц его отца, Бертран Рассел уговаривал англичан не воевать с кайзером, Ганди призывал евреев не противиться Гитлеру, английские интеллектуалы уговаривают израильтян сдаться на

милость арабов. И слёзы умиления на самих себя льются по щекам добрых непротивленцев.

*

Коммунистическая партия, действительно, была могучей объединяющей силой: объединяла нас всех – таких непохожих – в дружбе против себя.

*

Ещё одно безумие Гитлера: он запрещал использовать труд немецких женщин на заводах, воображал, что любую работу смогут сделать завезённые рабы. Именно трудолюбивые англичанки и американки дали возможность своим мужчинам пойти на фронт и разгромить его.

*

Кровь в нашем теле «знает», что она должна устремляться к пораненному месту. Ах, если бы мы научились посылать ей сигналы, что иногда этого не нужно делать, а то тело погибнет от внутреннего кровоизлияния! Не так ли и политики продолжают слепо отстаивать интересы своей партии, не видя, что это грозит государству параличом? (Польша в XVIII веке, Веймарская республика в 1920-е, Америка в 2010-е.)

*

Мы будем защищать права человека, независимо от того, хочет он этого или нет. Мы жизни не пожалеем на это благородное дело! Своей жизни! А уж его жизни – тем более. Пусть хотя бы умрёт в ореоле своих прав!

*

До сих пор в России и Польше не могут забыть «предательства» Рузвельта и Черчилля в Ялте в 1945 году. Смысл горячих обвинений можно было бы сформулировать одной строчкой: «Пожалели отдать лишний миллион своих солдат за нас! Вот сволочи!».

*

Как ни ужасна война, она всё же остаётся последним спасением и защитой от рабства. Только нужда в хороших солдатах способна удержать всемогущего правителя от того, чтобы превратить своих подданных поголовно в рабов.

*

Технология сталинского террора, прятая слово «расстрел» за словами «без права переписки», гарантировала утроенную послушность оставшихся на свободе родственников. Они дрожали не только за себя, но и за близких, воображая их живыми. Загробное царство заложников. Сталин мог даже мёртвых заставить служить себе.

*

Пытками вымогать у невинных признание своей виновности – верный знак того, что к власти пришли низковольтные. Примеры: инквизиция, большевики, хунвейбины. В этом плане французская революция стоит особняком: там террор разыгрался ещё на стадии борьбы высоковольтных друг с другом. А этим нет нужды пытками подавлять более высокую волю – они и так твёрдо уверены в своём праве отрубать все неправильные головы.

*

На Страшном суде адвокаты императора Николая Первого должны напомнить судьям некоторые смягчающие обстоятельства его судьбы. Всё же у их подзащитного заговорщики убили и отца, и деда, у него самого в день вступления на престол 14 декабря 1825 года жизнь висела на волоске, а где-то в будущем маячили окровавленные тени сына и правнука.

*

Воин говорит труженику: «Ты должен платить мне и содержать меня, потому что я защищаю тебя от врагов, готовых нагрянуть через наши границы».

Хозяин знаний говорит труженику: «Ты должен кормить и лелеять меня, потому что я защищаю тебя от вторжения Неведомого».

Отсюда ясно, что борьба между почитателями икон и иконоборцами, между католиками и православными, между троцкистами и сталинистами – это всё гигантские разборки между шайками рэкетиров за возможность сидеть на шее у труженика.

*

Патологическая ненависть Сталина к чувству собственного достоинства особенно ярко проявилась в преследованиях, обрушенных им на офицерское сословие. Почти все военачальники, уничтоженные в 1937, – бывшие офицеры; ошельмованный Зошенко – офицер; Ахматова – вдова офицера. Но апофеоз – бессмысленное уничтожение пятнадцати тысяч пленных польских офицеров в 1940 году.

*

Казнь доктора Антуана Голленбергера в Москве в 1483 году, затем доктора Леона в 1490 году – похоже, Сталин, состряпав «дело врачей», просто следовал почётной российской традиции.

*

Мусульмане убивают редакторов и режиссёров, покусившихся на священный образ пророка Мухаммеда.

Противники абортотубивают докторов, покусившихся на святую жизнь.

Странники демократии бомбят народы, запаздывающие с демократическими реформами.

Интересно, доживём ли мы до момента, когда противники смертной казни начнут стрелять по судьям, выносящим смертные приговоры?

*

Кто был первым террористом-самоубийцей? Конечно, библейский Самсон. А филистимляне были первыми либералами, которые верили, что полезный труд по вращению тюремной мельницы может исправить кровожадного.

*

В «Городе Солнца», сочинённом Кампанеллой, существовало правило, по которому обвинённые должны были сами требовать казни для себя. Сталин просто воплощал в жизнь мечту средневекового мыслителя, когда требовал от евреев, чтобы они сами попросили его выслать их на погибель в Биробиджан.

*

Единственный способ остановить террористов-самоубийц – вернуться к закону кровной мести, который грозил убийце полным уничтожением его родных и потомства.

*

В Средние века уравнители шли работать монахами, священниками, кардиналами. Церковь осуждала торговую и финансовую деятельность с такой же страстью, как в наши дни – Маркс, Ленин, Мао, Кастро. Уравнители найдут себе занятие в любую эпоху.

*

В экономической борьбе можно победить, отняв у соперника богатство, земли, дома. В идеологической борьбе победить можно, только отняв у несогласного жизнь. Оттого-то религиозные и гражданские войны – самые свирепые.

*

Наше поколение было невосприимчивым к коммунистической идеологии только потому, что из неё к этому времени уже ушли все талантливые оракулы и славословы. Отсюда яснее становится зловещая роль Маяковского, Мейерхольда, Эйзенштейна и им подобных: они делали коммунизм эстетически приемлемым.

*

Важнейшая прерогатива тирана: распоряжаться назначениями на все главные посты в подвластном государстве.

Отсюда становится понятна его ярость, когда он обнаруживает, что на посты главного поэта, художника, композитора назначает не он.

*

Сталин, Гитлер, Мао Цзэдун, Чарльз Мэнсон – ведь это всё отвергнутые обществом поэты и художники. Страшна их месть.

*

В России мужчин убивали легко и непредсказуемо, поэтому на женщин ложилась задача запомнить и рассказать, как жила страна. Отсюда родилась блистательная череда русских мемуаристок: Долгорукова, Дашкова, Анна Керн, Авдотья Панаева, Зинаида Гиппиус, Ирина Одоевцева, Ольга Форш, Галина Кузнецова, Нина Берберова, Евгения Гинзбург, Надежда Мандельштам, Лидия Гинзбург, Лидия Чуковская, Лилиана Лунгина и сотни других.

*

Преступник опознаёт своего, услышав знакомые слова тайного жаргона. Университетский интеллигент отличит своих от чужих, наоборот, по тем словам, которые будут выброшены из речи. Доблесть и низость, честь и позор, смелость и трусость, надежда и отчаяние, любовь и ненависть, гордость и стыд, щедрость и корысть, сострадание и жестокость, доброта и злоба – вот краткий перечень слов, которые нельзя употреблять, если вы хотите сохранить свои шансы на хорошую университетскую карьеру.

*

Интеллектуалы Средних веков верили, что эпидемия чумы есть кара за грехи, что ведьм необходимо сжигать для защиты скота и младенцев, что кровопускание помогает от всех недугов и что мастурбация неизбежно приводит к безумию. Сегодняшние интеллектуалы презируют их за темноту и невежество. Но как бы они удивились, если бы какой-нибудь посланец из будущего рассказал им, как презируют их будущие интеллектуалы за их веру во Фрейдизм, в губительные последствия табака, алкоголя и марихуаны, в Биг Бэнг, в теорию естественного отбора и в естественность моногамных отношений.

*

Успехи технологии определения ДНК человека могут обернуться самыми непредсказуемыми последствиями. Какой будет ужас, если вдруг обнаружится, что Гитлер был евреем!

*

Из парадоксов XX века: в 1975 году Нобелевская премия мира, учреждённая изобретателем динамита, была присуждена создателю российской водородной бомбы Андрею Сахарову.

*

Инквизиция оправдывала свою войну с ересями необходимостью спасти заблудшие души верующих. Сегодняшняя война с наркотиками оправдывается необходимостью спасти здоровье заблудших налогоплательщиков. И по длине кровавого следа она уже далеко обогнала Средневековье.

*

Октябрьская революция превратила всех наследственных – в подследственных. И последствия этого переворота – наше единственное неотъемлемое наследство.

*

Простейший тест на политическую и социальную зрелость населения: отключите в городе электричество и посмотрите, начнутся ли грабежи. Если «да», не лезьте к этим людям с демократией.

*

В Советской России я привык импульсивно – хотя бы в душе – кидаться на защиту интеллигента – от хама, от КГБ, от черни. Как мучительно перестраиваться в Америке и приходиться к предчувствию того, что в серьёзных жизненных столкновениях главным твоим противником неизбежно будет человек интеллигентной профессии – адвокат, врач, профессор университета, журналист, психиатр.

*

Открытым диссидентом в Советской России мог быть только человек, веривший в то, что он лучше кремлёвских правителей знает, как управлять полудикой, многонациональной массой на одной шестой земной поверхности, имеющей доступ к термоядерному арсеналу. Я никогда не считал себя способным на это и к кремлёвским правителям порой даже испытывал нечто вроде почтительного изумления.

*

Нет Сатаны и Бога в этом мире. Есть Хаос и Творец. И Творец, создавший нас, оставил нам свободу выбора: быть с Ним или с Хаосом, созидать Божественный порядок или потворствовать Хаосу.

О да, дивный порядок удалось создать англичанам, шведам, швейцарцам – вправе гордиться.

Ну, а мы, русские? Неужто нам и гордиться нечем? Неужто не было отблеска Божественного порядка в нашей безжалостной империи?

Не нам судить, не нам...

Но одно ясно: если будет засчитано на Страшном суде, какой непомерный, какой всех страшнее – от Онеги до Амура – Хаос достался нам в работу, может, и выйдет нам помиловка от Творца.

Борис Тененбаум

Неудачник

Главы из новой книги "Гитлер"

ет, конечно же, нет - Алоис Гитлер уж никак не считал себя неудачником. Напротив - в сентябре 1900 года он ощущал себя на вершине успеха. Как-никак, Алоис, бывший чиновник таможни, состоявший на государственной службе Австрийской Империи, уже пять лет как вышел на покой, считал себя обеспеченным человеком - а сейчас определял своего сына в первый класс так называемого реального училища в городе Линце.

Самому-то ему учиться в таком достойном учебном заведении не пришлось. Он, незаконный сын незамужней крестьянки Марии Анны Шикльгрубер, закончил только начальную школу. Матушка впоследствии вышла замуж за подмастерья мельника, Иоганна Гидлера, но сам Алоис так и остался с фамилией матери, Шикльгрубер.

Иоганн Гидлер сыном его не признал, да и матери после замужества стало как-то не до него.

В итоге Алоиса отправили на ферму к брату его отчима, Иоганну Непомуку. Его фамилия писалась не Гидлер, а чуть по-другому - Гюттлер. И он, надо сказать, мальчика пригрел - тот и четыре класса школы закончил, и стал обучаться сапожному ремеслу, а потом даже и работал в Вене, подмастерьем сапожника.

Мать Алоиса умерла через пять лет после замужества, прошло некоторое время - скончался и отчим, и остался он на попечении своего "дядюшки", Иоганна Непомука, теперь уже насовсем.

Жизнь Алоиса Шикльгрубера переменилась в 1855 году, когда ему стукнуло 18 - он поступил на службу таможню, в так называемую "финансовую стражу". И уж он своего шанса не упустил - служил в таможне преданно и исправно, и уж не с ружьем служил, а по бумажной части, и был начальством замечен,

и непрестанно повышался, вплоть до предельного роста, какой только был возможным для человека его происхождения и воспитания. Да и с социальным положением дела были поправлены - Алоис Шикльгрубер в возрасте 39 лет принял фамилию "дядюшки". Инициатором этого выступил сам Иоганн Непомук Гюттлер - он как раз овдовел, и сделал то, на что при жизни жены не решался - узаконил Алоиса Шикльгрубера как своего сына. При оформлении документов в книге регистрации приходский священник сделал ошибку, и записал так: "Алоис Гитлер".

И жизнь Алоиса потекла себе дальше, и после выхода в отставку он получил наследство от своего приемного отца (многие считали, что не приемного, а фактического), и в свои 63 все еще выглядел молодцом.

В отношении же сына, Адольфа, Алоис Гитлер питал большие надежды. Он давал ему хороший старт - успешное завершение курса давало мальчику даже право на поступление в какую-нибудь высшую техническую школу.

Не в университет, конечно - для этого следовало окончить гимназию.

Но к чему университет смышленому парнишке, если он пойдет по стопам отца, и станет государственным чиновником, почтенным человеком с твердым доходом, надежной пенсией, и с прибавкой за выслугу лет?

Ну, что сказать - надежд своего отца отпрыск не оправдал.

II

Очень быстро выяснилось, что учиться он не хочет. В чем тут было дело, сказать трудно. Может быть, на него повлияло то, что раньше, в начальной школе, он учился без всяких усилий? А может быть, ему было трудно войти в более формальную обстановку, чем та, к которой он привык?

Трудно сказать - но результаты, что называется, были налицо. Уроки прогуливались, неуды следовали за неудами, и приличные отметки имелись только по тем предметам, которые Адольфа интересовали: истории, географии, и рисованию, которым он безумно увлекался.

Отец, может быть, и вколотил бы в него должное уважение к школьной дисциплине - он был человек упрямый и непослушания бы не потерпел - но Алоис Гитлер умер в январе 1903 года, и мать справиться с Адольфом не смогла.

Понятное дело, в школе он остался на второй год.

К 15-и годам в своей реальной школе он заканчивал третий класс - но зато сочинял пьесу. А еще - стихи и новеллы, и

даже либретто для оперы Вагнера. В феврале 1905 года Адольф Гитлер получил свидетельство об окончании четвертого класса реальной школы - в рамках российской системы образования это примерно соответствовало бы 8-му классу средней школы.

Табель его выглядел так:

1. Рисование - отлично.
2. Физкультура - отлично.
3. Немецкий, французский, математика, стенография — твердое и незыблемое "неудовлетворительно".
4. Все остальные предметы, даже те, к которым он вроде бы проявлял интерес - ну, шаткое "удовлетворительно", что-то вроде тройки.

Французский, правда, он пересдал со второй попытки, но с него взяли обещание, что он перейдет в другую школу. Так что четвертый класс ему пришлось начинать заново, и в другом месте.

На вопрос, как же он мыслит себе будущее, отвечал, что станет великим художником.

Наверное, не стоит принимать это уж слишком всерьез - каждый 16-летний подросток непременно великий художник, или великий поэт, или великий генерал - особенно, если он плохо учится. Однако, как бы то ни было, после сдачи экзаменов за 4-й класс реальной школы учебу пришлось прервать - у юного Адольфа обнаружили что-то с легкими. Медицина рекомендовала свежий воздух - так что мать забрала Адольфа из школы и отвезла в деревню, к родственникам. Тем временем захворала и она - и куда более серьезно. Доктор Блох, практикующий в Линце, обнаружил у нее рак молочной железы. Он считал положение своей пациентки безнадежным, не скрыл этого своего мнения от ее детей, но предложил сделать операцию. Излечения не обещал, но надеялся продлить ей жизнь.

Операцию в середине января действительно сделали, и это действительно на какое-то время помогло. Во всяком случае, в сентябре 1907 Адольф Гитлер смог оставить мать и съездить в Вену. Он пытался поступить в художественную школу, и даже прошел первый тур экзаменов - срезался он на втором. Это стало для него большим ударом - он был совершенно уверен в своем таланте.

Адольф Гитлер попытался протестовать, добился встречи с ректором, и получил от него совет - заняться архитектурой. Были ли ректор искренним или просто хотел вежливо отделаться от надоедливого просителя, сейчас сказать невозможно.

Во всяком случае в ноябре 1907 Гитлер вернулся в Линц. Его мать умерла в конце декабря - операция, рекомендованная доктором Блохом, действительно продлила ей жизнь почти на год.

В феврале 1908 года дети Клары Гитлер - ее сын, Адольф, и дочь, Паула - схоронили мать. Их отец, государственный чиновник, помог и после смерти - его сиротам-наследникам полагалась небольшая пенсия, которая выплачивалась вплоть до окончания ими учебы или до достижения совершеннолетия. Общая сумма составляла 50 крон в месяц. Поскольку младшая сестра, Паула, оставалась с родными, половина пенсии пошла на ее содержание. Адольф Гитлер в свои неполные 19 лет мог рассчитывать на 25 крон. Ну, и кое-что ему собрали родственники.

С этим он и отправился в Вену.

III

Жизнь Адольфа Гитлера исследовалась только что не под лупой, и мельчайшие ее детали перетирались на тончайших терках - и тем не менее, и сейчас в ней есть немало темного и непонятого, что кочует из одной его биографии в другую. Когда-то великий насмешник, Стерн, написал блистательную пародию на все возможные биографии, "Жизнь и Мнения Тристрама Шенди". Так вот он, в противоположность прочим биографам, начал жизнеописание своего героя не с момента его рождения, как они, а с момента его зачатия.

Жизнь, как известно, в состоянии произвести такое, что не придет в голову никакому искусству - и биографы Гитлера начинают свои исследования даже не с момента зачатия Адольфа Гитлера, а с момента зачатия его отца.

Вот что можно найти, пошарив по сетевым энциклопедиям:

"...Существуют ... версии насчет отца Алоиса, например, высказывалось предположение о том, что биологическим отцом Алоиса мог являться 19-летний сын еврея-банкира Леопольда Франкенбергера, у которого якобы Мария Анна [Шикльгрубер] некоторое время работала служанкой, что впоследствии тщательно скрывалось нацистами, как свидетельство возможного еврейского происхождения фюрера. Другие историки, в частности, Кершоу ..., отвергают эту версию".

Идея еврейского дедушки Адольфа Гитлера получила хождение в 50-е годы с легкой руки Ганса Франка. Он, вообще-то, мог многое знать - Франк был адвокатом нацистской партии до ее захвата власти, и представлял в судах и интересы партии, и лично Адольфа Гитлера на добрых полуторах процессах. Более того - в дальнейшем был назначен Гитлером на пост рейхскомиссара

юстиции. Так вот он, сидя в 1945 году в тюрьме в ожидании суда, утверждал, что он по просьбе Гитлера в 1930 году ездил в Грац, и установил, что Мария Анна Шикльгрубер, мать Алоиса Гитлера, работала кухаркой в еврейской семье Франкенбергов, уехала от них беременной, и потом в течение 14 лет получала от своих бывших нанимателей деньги на поддержку своего ребенка. И что Гитлер поблагодарил Ганса Франка за его расследование, и уверил его в том, что евреев Франкенбергов тогда удалось удачно обмануть, и они зря платили за воспитание Алоиса, который был сыном истинного арийца, и что он, Адольф Гитлер, знает все это от своей бабушки.

Ну, дальше есть смысл заглянуть в огромную по объему английскую двухтомную биографию Адольфа Гитлера, написанную Иэном Кершоу. Мы встретим версию Ганса Франка уже на 8-й странице этой книги, и выясним следующее:

1. В Граце в 1830-х не было еврейской семьи Франкенбергов.

2. Более того, в городе вообще не было ни одной еврейской семьи, и не только в городе, но и в провинции Штирия, в которую он входил - селиться там евреям было в ту пору запрещено.

3. В Граце имелаась семья с похожей фамилией – Франкенрейтеры. Семейство это держало мясную лавку. У них действительно был сын, но к моменту зачатия Алоиса Шикльгрубера ему было 10 лет, и в отцы Алоису, он, пожалуй, не годился.

4. Бабушка Адольфа Гитлера никак не могла поделиться с ним заветными сведениями о рождении его отца - по той уважительной причине, что умерла лет за сорок до рождения Адольфа Гитлера.

Ганс Франк, что ни говори, был высокопрофессиональным юристом. Уж что что, но пункт номер четыре никак не мог быть им пропущен, и всю недостоверность своей версии он, по-видимому, понимал. С другой стороны, в 1945 он сидел в тюрьме в ожидании тяжкого приговора - и его действительно осудили и в октябре 1946 повесили.

Так что можно только гадать о причинах высказывания им столь абсурдной версии. Может быть, он хотел "...испортить репутацию..." Адольфа Гитлера? Может быть, тюрьма и страх сделали самого Ганса Франка не совсем вменяемым? Сейчас, конечно, решить это невозможно.

Поэтому, стараясь придерживаться фактов, а не вымыслов, мы двинемся дальше.

IV

Гитлер вспоминал позднее, что тем, кем он есть, он стал в Вене. Говорилось это позднее, в годы триумфа, и не совсем ясно, что имелось в виду. Явно что-то, что казалось ему в высшей степени положительным.

Что же это было?

Обретение силы духа? Способность выстоять перед лицом неудач?

Потому что, действительно - неудачи были огромны.

Адольф Гитлер снова, уже во второй раз, провалил экзамены в художественную школу. Сам факт провала он должен был скрывать от своего тогдашнего друга, Августа Кубичека. Они были знакомы по Линцу, сблизились на почве общей огромной, всепоглощающей любви к музыке Вагнера, и в Вену прибыли вместе - Кубичек мечтал о поступлении в консерваторию.

В целях экономии они поселились вместе, и какое-то время - с конца февраля и до начала июня 1908 - снимали одну комнату на двоих. Но дальше их пути разошлись - Кубичек, как и мечтал, был принят в консерваторию. Теперь он целыми днями был занят - либо на лекциях, либо дома, упражняясь в игре - а его друг Адольф был, увы, совершенно свободен. И не хотел в этом признаваться, потому что сказал Кубичеку, что в художественную школу он все-таки принят.

И что он - тоже студент.

В результате Гитлеру приходилось "*...имитировать занятость...*" - он уходил из дома, якобы на занятия, и целыми днями шатался по Вене, не зная, куда себя деть. Вена, надо сказать - прелестный город. Конечно, при условии, что у вас есть там интересы, занятия, знакомые, и так далее. Есть, наконец, деньги на жизнь.

У одинокого 19-летнего Адольфа Гитлера занятий не было, интересы сосредотачивались на искусстве, в котором его дарования не получали признания, и денег не хватало просто отчаянно. По-видимому, он жил тогда в состоянии острой и все возрастающей ненависти ко всему окружающему - и больше всего его раздражала венская пестрота.

Столица Австро-Венгрии, "лоскутной Империи", была набита безумной смесью из немцев, словаков, чехов, венгров, румын, поляков, украинцев из Галиции, итальянцев - ну и, разумеется, евреев. Город стремительно рос - из 1 674 957 жителей Вены, подсчитанных по переписи 1900 года, уроженцев столицы было меньше одной трети, все остальные были "понаехавшими".

Проблемы, возникающие при этом, современный российский читатель вполне может себе представить - и они, конечно, эксплуатировались политически. Со времен великого канцлера Меттерниха в Австрии проводилась совершенно сознательная политика отрицания национализмов - выражение "...*все мы одинаковые подданные нашего доброго императора...*" служило официальной формулой австрийской государственности. Но время шло, и действительность этой формуле соответствовала все меньше и меньше.

Поражение в австро-прусской войне 1866 года выбило империю Габсбургов из процесса объединения германских земель. Объединение состоялось, но Отто фон Бисмарк провел его вокруг Берлина - Вена оказалась в стороне. Это так уронило престиж династии, что Австрийская Империя кризиса не пережила, и превратилась в нечто странное – *"Королевства и земли, представленные в Рейхсрате, а также земли венгерской короны Святого Стефана"*, что и было решено в 1867 и закреплено 14 ноября 1868 года специальным актом.

На практике это означало признание равноправного положения Австрии и Венгрии, соединенных в так называемой Двуетидной Монархии. Австрийский император в Вене становился всего лишь венгерским королем в Будапеште, его титул менялся на "Император и Король" или, по-немецки "Кайзер унд кёниг". Это относилось и ко всем общегосударственным учреждениям, они становились теперь K. und k. или k. u. k. (нем. kaiserlich und königlich) — сокращение, обозначающее "императорский и королевский"[1].

На практике это означало, что немцы теряли свое доминирующее положение в Австрии. Поглядев на пример венгров, прочие меньшинства захотели повторить их успех - особенно чехи. В конце концов, если существует Двуетидная Монархия, почему бы не быть Триветидной, и чем, собственно, Прага хуже Будапешта? Примерно так же, как в свое время в СССР начался "парад суверенитетов", в Австро-Венгрии начался "парад национализмов".

При таком раскладе австрийские немцы сами становились меньшинством.

V

Впоследствии много говорилось по поводу того, где именно Гитлер набрался идей, которые составили его мировоззрение. В этой связи поминался и Георг Риттер фон Шёнерер (Georg Ritter von Schönerer), один из столпов австро-

немецкого национализма. Его глубокий антисемитизм оставил впечатление на Гитлере, но предлагаемую "...борьбу с католической церковью..." он считал чрезмерной.

Кое-что, несомненно, внес Карл Люгер, знаменитый обер-бургомистр Вены. С фон Шённерером его сближало разве что отвращение к евреям, во всем остальном они не сходились. Скажем, Люгер был католиком, и "...воевать с папством ...", как предлагалось австро-немецкими националистами, совершенно не собирался. Вместо этого Карл Люгер неутомимо строил и украшал свой город - но Гитлера поразило не этим, а тем, как владел толпой.

Речи Люгера собирали массы народу, и он говорил массам то, что они хотели слышать.

Тем не менее, вряд ли у Адольфа Гитлера в 1908 имелась такая вещь, как целостное мировоззрение. Он ничего не делал, кроме разве что непрерывного посещения Оперы. Билеты на галерку стоили 2 кроны - огромный расход для бедняка - но Гитлера это не останавливало. Он жил на хлебе и чем-то вроде каши, сваренной из овсяной крупы, но каждый лишний грош шел на то, чтобы в очередной раз послушать обожаемого им Вагнера, и самое большое возмущение у него вызывали не евреи, а младшие офицеры австрийской армии, имевшие право на покупку билетов на галерку всего за 10 геллеров, 1/20 той цены, которую должен был платить человек гражданский.

И так бы, скорее всего, все и шло, если бы в один прекрасный день не случилось непоправимое - у Адольфа Гитлера иссякли даже те малые деньги, что наскребла ему родня. Теперь единственным средством к существованию была половина сиротской пенсии - 25 крон в месяц - но этого безусловно не хватило бы на съем жилья.

Началось скитание по ночлежкам и бесплатным столовым для бродяг.

Пенсия, по-видимому, получалась на какой-то адрес его знакомых в Вене, но жить ему приходилось буквально на улице. К Рождеству 1909 он сумел прибиться к убежищу для бездомных, где встретил некоего Рейнгольда Ганиша, такого же бездомного бродягу, как и сам Гитлер. Это оказалось удачей. Ну, сам Ганиш делать ничего не умел.

Но у него была коммерческая жилка.

VI

Поскольку Гитлер представился своему новому знакомому как "...художник...", то у Ганиша возникла идея: пусть Гитлер изготовит какие-нибудь картины с видами Вены, Ганиш будет их продавать, а выручку партнеры будут делить пополам.

Схема сработала. Примерная цена одной картины составляла 5 крон, изготавливалась она обычно за день, продавалась, как правило, без проблем - и дела Адольфа Гитлера пошли в гору.

Ну, разумеется, он не стал преуспевающим человеком - но все-таки смог перебраться из безнадежной дыры, в которой он ютился, в более удобное место.

Если использовать терминологию, понятную современному русскоязычному читателю, то новое местожительство Адольфа Гитлера следовало бы назвать "койка в общежитии".

В Вене в ту пору существовала практика сдачи койки на тот момент, когда хозяину она не нужна. Например, тогда, когда хозяин занят днем на работе, у него на койке отсыпается тот, кто работает в ночную смену. Таких "съемщиков коек" в Вене числилось до 80 тысяч человек, и полиция считала их источником всевозможных социальных проблем. Поэтому-то муниципальное управление города в 1905 году и начало строить специальные дома для "коечников" - такие учреждения считались образцовыми. Официально этот тип жилья именовался *Bettgeher*, в очень вольном переводе с немецкого - "койки для скитающих".

Адольф Гитлер поселился в заведении, предназначенном для мужчин, не имеющих семьи, постоянного места жилья и постоянной работы. По сравнению с обычной ночлежкой это койко-место было большим шагом вверх: постояльцы имели "личные комнаты".

Ну, не будем преувеличивать: комнаты эти были размером 140 сантиметров на 217 сантиметров, и понятно, что на площади чуть больше 3-х квадратных метров особо не разгуляешься. Более того - постоялец мог пользоваться своим койко-местом не круглосуточно, а только с 8:00 вечера и до 9:00 утра - а потом они запирались.

Зато в "общаге" имелась читальня, библиотека, место для хранения личных вещей, было где принять душ, постирать одежду, и имелись даже платные услуги сапожника и портного. Стоила вся эта немислимая роскошь всего-навсего 2 с половиной кроны в неделю - что Адольф Гитлер с помощью своего партнера зарабатывал в один день.

И доходы его еще и возросли, после того как Гитлер поссорился с Ганишем, уличив его в нечестности. Он даже обратился в суд по этому вопросу и обеспечил тому недельное заключение - а сам тем временем обратился к другим продавцам и посредникам.

Гитлер прожил в венском общежитии по адресу "Meldemannstraße, 27" целых три года, с 9 февраля 1910 года и по 24 мая 1913.

Он писал картины, занимался акварелями, изображал цветы и здания, делал натюрморты - все это так или иначе продавалось, и настолько хорошо, что Адольф Гитлер даже отказался от полагавшейся ему половины сиротской пенсии в пользу младшей сестры. Но искусство все-таки не поглощало всего его времени - Ганиш в свое время даже обвинял своего партнера в "*...безответственной лени...*".

Странное обвинение, если учесть, что оно направлено одним бездомным бродягой против другого, такого же.

Тем не менее, какая-то доля истины в этом была. В относительно спокойные годы своего пребывания в общежитии на улице Meldemannstraße Адольф Гитлер большую часть своего времени посвящал все-таки не живописи.

Он интенсивно учился.

VII

Начало расовым теориям, получившим большое хождение в Европе, по-видимому, пошло от Чарльза Дарвина. Разумеется, не от него самого - "Происхождение Видов" касается только того, чего касается - "*...эволюции...*" и "*...выживания наиболее приспособленных...*" - но называлась-то книга "On the Origin of Species by Means of Natural Selection, or the Preservation of Favoured Races in the Struggle for Life" - "Происхождение видов путём естественного отбора, или Сохранение благоприятных рас в борьбе за жизнь". Так что прошло совсем немного времени, как "*...благоприятные расы...*" были применены и к делам человеческим.

Первым сделал это двоюродный брат Дарвина, Фрэнсис Галтон. Он был серьезным ученым - географом, антропологом и психологом. И даже основал новую науку - психометрику[2].

Так вот, он занялся и так называемой "евгеникой" - учением о селекции применительно к человеку. И выходило у него, что в отношении к людям следует применять те же принципы, которых придерживается всякий разумный фермер: следует всячески помогать перспективным особям, а больших и убогих следует отсеивать. Прямо сказать, это несколько противоречило принятой христианской практике милосердия и благотворительности - но, в конце концов, никто предложенных Фрэнсисом Галтоном принципов на практике применять не собирался.

Полномочий на отсеивание не имелось даже у самых авторитарных правительств Европы, а правительства Азии в этом смысле полностью полагались на силы природы. Когда знатный российский путешественник, барон Маннергейм, спросил у губернатора китайской провинции, которую он посетил, каким образом тот борется с эпидемией, губернатор сообщил своему гостю, что "... в Китае людей много-много ...", и этим и ограничился.

Так что, как мы видим, на том этапе расовая теория отсева особого резонанса не получила, но в 1899 году в Мюнхене вышла в свет книга, оказавшая куда более серьезное влияние на умы европейцев. Называлась она "Die Grundlagen des neunzehnten Jahrhunderts" - "Основы XIX века" - впоследствии Геббельс называл ее автора "... отцом нашего духа...".

Автором книги, написанной по-немецки, был человек с именем совершенно образцового англичанина. Его звали Хьюстон Стюарт Чемберлен, и он был действительно англичанином, даже сыном британского адмирала. Но он учился в Дрездене, потом в Женеве, в германскую культуру просто влюбился, был страстным поклонником Вагнера, переписывался с его вдовой, Козимой, а потом и даже стал ее зятем - женился на Еве Вагнер, дочери великого композитора.

Свою литературную деятельность Чемберлен начал с анализа вагнеровских опер, и только потом перешел к более широким вопросам.

Так вот, в своей наделавшей большого шума книге "Основы XIX века" Чемберлен утверждал, что европейская культура, в том виде, в котором она явилась миру в 19-м столетии, есть результат слияния четырех положительных компонентов, и одного отрицательного.

Положительные тщательно перечислялись и анализировались:

1. Древняя Греция, которая создала основы искусства, литературы и философии.
2. Древний Рим, оставивший после себя идею упорядоченной юридической системы и формы государственного управления.
3. Христианство, в той форме, которую создала Реформация.
4. Германский, истинно тевтонский дух созидания.

Что до отрицательного компонента, то он сводился к "...отталкивающе-разрушительному влиянию евреев и иудаизма в целом..." - и отравлял все остальное.

Идея эта была чуть ли не буквальным парафразом статей Вагнера.

VIII

Адольф Гитлер был впечатлительным человеком. Как мы знаем, он тратил последние гроши на то, чтобы послушать в Опере вагнеровские постановки. Так что немудрено, что он не пропустил книги Чемберлена, и она, по-видимому, произвела на него большое впечатление.

Впоследствии он неоднократно хвалил ее автора. А поскольку мы “...знаем будущее...”, то соблазнительно предположить, что вот тут-то, в расовой теории Чемберлена, и зарыт корень зла.

Но не будем преувеличивать воздействие книги на германское общество. Она была встречена с интересом уже в силу того, что оказалась связана с Вагнером - он был, так сказать, “...властитель дум...”.

Его значение в жизни Германии, наверное, соответствовало значению Толстого в жизни России. Но восхищение художественным гением совсем не обязательно влечет за собой следование его этическим порывам. В конце концов, увлечение Толстым вовсе не вызвало в России массового желания опроститься и уподобиться Платону Каратаеву.

Нечто подобное случилось и в Германии. Книгу Чемберлена, например, похвалил сам кайзер Вильгельм II, который пожелал увидеться с автором, и даже поделился с ним мыслью, что тот создал “...нечто значительное, что останется навсегда...”.

Ну, кайзер часто говорил подобные вещи. На одной мысли он долго не останавливался, и что-нибудь в том же духе мог сказать и Вальтеру Ратенау, владельцу огромного электротехнического концерна, и Максу Варбургу, известному гамбургскому банкиру.

Тот факт, что они были евреями, ему не мешал.

Если уж на то пошло, то куда большую тревогу ему внушали “...претензии низших классов...” на равенство с людьми более достойными. Социальная дистанция между германским императором и нищим венским художником-самоучкой была невообразимой - но, надо сказать, в отношении неприязни к “...низшим классам...” они были довольно схожи. Гитлер, вспоминая свои венские времена, писал впоследствии, что не знает, что в окружающих его ужасало больше - их нищета и безнравственность, или их интеллектуальная убогость? Известно,

что в своей "общаге" он держался холодно и отчужденно, и ни с кем не сближался.

Этот гадкий утенок совершенно явно ощущал себя лебедем.

IX

Отношения художника-лебеда с не признающими его "утками" - сюжет одновременно и очень старый, и вечно возобновляющийся. Жил-был в Германии некий гимназист, который из гимназии вылетел, и соответственно, уже не имевший права на поступление в университет. Как говорил он сам:

"...Не то, чтобы я провалился на выпускных испытаниях - утверждать это было бы прямым бахвальством. Я вообще не дотянул до последнего класса..."

Ну, и продолжает дальше в том же духе, описывая, как он не усидел и в страховой конторе, где, вместо работы, *"...исподтишка сочинял в стихах и в прозе любовную повестушку, которую и пристроил в журнал сугубо бунтарского направления..."*.

А потом не унялся, а слушал пеструю мешанину лекций по истории, экономике, и искусствоведению, а потом бросил все и отправился в Рим, где пробездельничал целый год, а потом, падая все ниже и ниже, стал соредактором божемного журнальчика...

Все это высказано самим бывшим гимназистом, как бы в письме к своим отчаявшимся в нем учителям - а дальше следует обращенный к ним вопрос:

"...А нынче? А сегодня? С остекленевшим взором, в шерстяном шарфе вокруг шеи, я сижу в обществе столь же никчемных малых в анархистском кабачке? Или валяюсь в канаве, и как и следовало бы ожидать?..."

Ну, понятно, что вопрос чисто риторический - ибо на практике дело обстоит совершенно не так. Наш герой за завтраком уписывает хрустящее печенье, носит лакированную обувь, живет в большой квартире в избранной части города, и в подчинении у него *"...три дебелых служанки и одна шотландская овчарка..."*.

Наконец, самое главное – бывший неудачливый гимназист, оказывается, женат, у него двое прекрасных детей, его тесть - профессор королевского университета, и вообще, сообщает он своим бывшим учителям:

"...у меня удивительно красивая молодая жена, принцесса, а не так себе жеенищина..."

Право же, это веселое очевидное дурачество - определение собственной жены как принцессы, а *"...не так себе"*

женщины..." - пишет очень счастливый человек, чья "лебединая сущность" уже понятна всему свету, а не ему одному.

Написано это Томасом Манном, в 1907 году[4].

Адольфу Гитлеру тогда было всего 18 лет - а Томасу Манну уже 32. И позади у него уже есть написанный им роман "Будденброки", и признание, и успех. То есть разница с нищим и непризнанным живописцем вроде бы очевидна? Но, тем не менее, видно и много общего: оба были недоучками, оба рано потеряли отцов, оба отвергли респектабельные занятия и обратились к искусству, оба обожали Вагнера, и так далее. Конечно, в слой богемы они попали с разных концов социального спектра - отец Манна был не скромным чиновником таможи, а богатым коммерсантом, столпом общества в своем родном городе Любеке.

Да, так и есть.

Сходство присутствует, и оно глубже, чем просто отношение к искусству как смыслу жизни. Томас Манн не любит евреев - примерно так же, как их не любил Рихард Вагнер, с эстетической точки зрения, они оскорбляли его взор.

Истинно германская эстетика - вообще штука очень тонкая.

На эту тему много писали в Вене журналы, которые любил читать Адольф Гитлер.

Примечания:

1. Много лет спустя иронически настроенный бывший австрийский офицер, Роберт Музиль, в своем романе "Человек без Свойств" окрестит эту конструкцию "K. u. k." "Каканией".
2. Психометрия (психометрика) — дисциплина, изучающая теорию и методику психологических измерений, включая измерение знаний, способностей, взглядов и качеств личности.
3. В 1906 году Маннергейм по заданию Генштаба отправился через Центральную Азию в Китай. Поездка была замаскирована под этнографическую экспедицию. Великое Княжество Финляндское из всех владений Империи пользовалось наибольшей автономией - вплоть до наличия собственных денег, почты и паспортов - и Маннергейм ехал с финским документом, без упоминания о службе в российской кавалерии. С двумя казаками барон проделал верхом путь в 3,000 километров и собрал множество интересных сведений - например, зарисовывал район Кашгар - Турфан, провел оценку состояния войск, дорог и горного дела Китая, и даже составил описание города Ланчжоу как возможной российской военной базы.

4. "В Зеркале". Это эссе помещено в 9-м томе собрания сочинений Томаса Манна на русском языке, изданном в 1959.

Андрей Алексеев

Познание действием

Так что же такое “драматическая социология”?

Предуведомление

Весной 2006 года мой давний друг и коллега Борис Докторов, к тому времени уже свыше 10 лет проживавший в США, обратился ко мне с предложением-просьбой ответить на его вопросы для биографического интервью. Я согласился. Часть этого интервью была тогда же, в 2006 году, опубликована в питерском журнале «Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев» (№ 5), с приложением некоторых извлечений из моей тогда недавно вышедшей книги «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия»[1], иллюстрирующих основные положения ответов на вопросы интервьюера.

Работа эта, с комментарием Б. Докторова, была также вывешена на сайте американо-российского проекта «Международная биографическая инициатива» [2].

Сейчас, с учетом, как могу предположить, отсутствия существенных пересечений между аудиториями разных информационных ресурсов, беру на себя смелость предложить чуть сокращенный вариант электронному журналу «Семь искусств».

А. Алексеев. Апрель 2012 года.

ИЗ ИНТЕРВЬЮ 2006 ГОДА

- Как сложилась идея драматической социологии? Я имею в виду и суть книги, и ее жанр, и термин...

- Будем различать жанры — исследовательский и литературный.

Начну с первого. Драматическая социология, в моем понимании, это определенный способ (жанр...) исследования, в

рамках того, что принято называть *деятельностно-активистским* подходом в социологии (ныне обретающем все больше приверженцев). Другая родовая характеристика “драматической социологии” — это принадлежность к тому, что называют *микросоциологией*. И, наконец, речь идет об одной из вариаций “субъект-субъектной” (в отличие от “субъект-объектной”), гуманистической, *качественной* (в смысле — “качественные методы”...) социологии. В “драматической социологии”, как правило, имеет место *исследование случаев* (что вовсе не исключает амбиции социальных обобщений...)[3].

Указав на родовые признаки, обратимся к специфике.

Основным методом “драматической социологии”, по-видимому, является **НАБЛЮДАЮЩЕЕ УЧАСТИЕ**. В отличие от участвующего (или включенного) наблюдения, предполагающего максимальную “мимикрию” исследователя в изучаемой социальной среде (быть и поступать “как все”, наблюдая и фиксируя естественное развитие ситуаций и процессов), наблюдающее участие предполагает изучение социальных процессов и явлений через целенаправленную активность субъекта (исследователя...), делающего собственное поведение своеобразным инструментом и фактором исследования. Причем, в отличие от известных образцов социального эксперимента, в случае наблюдающего участия новые факторы вводятся не “извне”, а “изнутри” ситуации. Само введение этих факторов оказывается иногда импровизационным и не претендует на строгую процедуру.

Особое место здесь занимает исследовательская практика так называемых **МОДЕЛИРУЮЩИХ СИТУАЦИЙ**. Под таковыми понимаются ситуации, отчасти организованные самим исследователем из естественных ситуационных предпосылок, в целях обнажения, заострения, в этом смысле — моделирования социального явления или процесса.

Лет 20 назад мне довелось — признаюсь, вовсе не в “научном трактате”! — провозгласить что-то вроде исследовательского кредо или девиза “драматической социологии”: **“познание через действие”**. (Можно сказать и еще лаконичнее: “познание действием” — формулировка А. Ющенко). Причем именно за счет “социологического действия” (понимаемого предельно расширительно...), достраивалось до триады известное различие социологической теории и социологической эмпирии.

Еще один термин, уместный в этом контексте: **СОЦИОЛОГ-ИСПЫТАТЕЛЬ**. В “драматической социологии” обычно имеет место своего рода профессионально-жизненный,

социально-личностный эксперимент (иногда говорят: “эксперимент на себе”, но это звучит слишком красиво).

Может быть, ты заметил, что первый из 4-х томов “Драматической социологии и социологической ауторефлексии” так и называется: “В поисках жанра”... Речь идет главным образом об исследовательском жанре.

...Но тут, пожалуй, стоит оговорить, что только к “действию” этот способ исследования не сводится, существенны еще и “*рефлексивная феноменологическая надстройка над наблюдениями-описаниями-идентификациями плюс контекстуальный анализ*”, как “саморазвитие метода наблюдающего участия” (формулировки Р. Ленчовского). Уже сами по себе описания, “протоколы жизни”, они же — рабочие документы исследования, своего рода “полевые дневники”, являются неотъемлемым элементом исследования, как такового.

Мне еще хотелось бы обратить твое внимание на отличие драматической социологии (в изложенном смысле) от “социологии действия” и “социологической интервенции” (по Турену). Дело в том, что туреновская *социология действия* — это не просто (не только) исследовательская практика. Здесь присутствует также момент социальной педагогики, своего рода “внесения сознательности в стихийность движения” (что подтверждается, например, опытом применения метода социологической интервенции в “студенческой революции” во Франции в конце 60-х гг. прошлого века).

Между тем, социолог-испытатель, как исследователь, не претендует на организацию “коллективной борьбы”. В случае наблюдающего участия исключено (запрещено!) всякое действие, которое не было бы продиктовано аналитической и/или деловой и/или смысложизненной задачей (соответственно, комбинацией этих задач и мотивов).

Другое необходимое размежевание — между “драматической социологией” (в изложенном смысле...) и *драматургической социологией* Ирвинга Гофмана. Должен, не без смущения, признаться, что о последней я до середины 90-х гг. и не слыхивал. Теперь же замечу, что если у Гофмана все социальные и межличностные интеракции интерпретируются “в театральном ключе” (“Wir alle spielen Theater”...), то в “драматической социологии” речь идет лишь об игровых моментах в поведении исследователя.

Термин ДРАМАТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ относится мною к тому “жанру” социологического изыскания, где происходит соединение (интеграция?..) *практической*

деятельности, рефлексии и игры (с социальным объектом...), которое в таком случае пытается осуществить социолог (он же — своего рода драматург и постановщик “социологической драмы”; не путать с “социодрамой”...). И еще одно, пусть не столь специфичное (поскольку, относимо, полагаю, и не только к обсуждаемому исследовательскому подходу) определение: “драматическая социология” — принципиально *диалогична* и *интерактивна* (это может быть диалог, взаимодействие исследователя и с непосредственным социальным окружением, и с социальными институтами...). То есть это — *коммуникативная социология*.

Теперь, насчет истории терминов. *Наблюдающее участие, моделирующие ситуации, социолог-испытатель* — вышли из писем-дневников социолога-рабочего начала 1980-х гг. Ставя тогда “социологическую драму” исследования производственной жизни изнутри, “глазами рабочего”, я испытывал своего рода эйфорию овладения новой жизненной (и профессиональной...) ситуацией и, можно сказать, фонтанировал новыми понятиями и оригинальными терминами. Среди них, например: *вынужденная инициатива* (“инициатива, направленная на предотвращение неблагоприятных последствий ее отсутствия”), *адаптационное нормотворчество, социально-опережающее поведение...* В первых публикациях на эту тему говорил об опыте *экспериментальной социологии...* Выражение “драматическая социология”, кажется, было употреблено пару раз, но еще не как термин, а скорее метафорически.

Но вот в середине 90-х, при доработке рукописи книги об “эксперименте социолога-рабочего” (она вышла в издании Института социологии РАН в 1997 г.), я отказался от первоначально задуманного, слишком академичного названия — “Познание через действие”, и озаглавил свое сочинение (“без затей”...): “**Драматическая социология**”. Вскоре сообразил, что это может быть и терминологическим обозначением исследовательского подхода. Тогда ввел в предисловие обоснование (оправдание...) термина.

Не скажу, что термин идеально подходящий (так, “драматическую” недолго смешать с “драматичной”... а это, очевидно, разные вещи, хоть может и совпасть...). Но лучшего сам, наверное, уже не предложу.

Кажется, жанр исследования я охарактеризовал. [4] Теперь о “жанре литературном”, или о жанре книги “Драматическая социология и социологическая ауторефлексия” (в

дальнейшем для краткости — “Драматическая социология ...”), вышедшей в 2003-2005 гг.

Все четыре тома этой не совсем академичной книги по существу являются собраниями (композицией...) документов. Документы личные и публичные; житейские, деловые, научные... Хотя личное письмо, хоть дневник (“протокол наблюдающего участия”), хоть справка или обращение в официальные органы, хоть газетная заметка или научная статья — любой письменный “след” биографии и истории, будучи поставлен в определенный контекст, может обрести смысл *социологического свидетельства*. Сама же по себе композиция (отбор свидетельств и расположение их в определенных сочетаниях и последовательности, своего рода *монтаж*...) выступает способом первичной концептуализации, а в определенной мере — также и анализа и осмысления.

К особенностям такого “документально-социологического” жанра относятся множественность и “столкновение” различных приемов описания и индивидуальных интерпретаций, будь субъектом описания или интерпретации сам автор — в разное время! — или же другие люди, которым предоставляется слово на страницах книги.

Иосиф Бродский не однажды отмечал главенствующее значение *композиции*, этого “драматургического принципа”, во всяком творчестве. Не удержусь, чтобы не процитировать его письмо другу (Я. Гордину) из ссылки (1965):

“...Сознаюсь, что чувствую себя больше Островским, чем Байроном. (Иногда чувствую себя Шекспиром). Жизнь отвечает не на вопрос: что? — а: что после чего? И перед чем? Это главный принцип. Тогда и становится понятным “что”. Иначе не ответишь. Это драматургия. Черт знает почему, но этого никто не понимает. Ни холодные люди, ни страстные...” (Гордин Я. Переключка во мраке. Иосиф Бродский и его собеседники. СПб.: Изд-во “Пушкинского фонда”, 2000, с. 137-138).

Мне кажется, что адекватным способом представления результатов исследования в жанре “драматической социологии” является именно композиция (иерархия композиций, или “композиция композиций”...) материалов этого исследования. Причем жанр “Драматической социологии...” (книги!), предполагает попытку сюжетного выстраивания произведения, где результаты исследования предстают не готовыми, а развивающимися в процессе их получения. (В данном случае сквозным сюжетом оказался “эксперимент социолога-рабочего”, продолжавшийся с 1980 по 1988 г., с включением множества

побочных, “привходящих” жизненных и исторических сюжетов и обстоятельств).

Некими прообразами, или первыми подступами к этому жанру для меня оказались... тематические папки личного архива, где документы обычно располагаются в хронологическом порядке. Тематико-хронологическим является и принцип построения “Драматической социологии...”.

Стоит отметить, что при всем разнообразии текстов, составляющих “строительный материал” книги, пожалуй, преобладающими и ведущими являются именно *письма*, адресованные, как правило, конкретному лицу, но сочетающие при этом элементы коммуникации другому лицу (“письмо”), самому себе (“дневник”) и для других (“статья”).[6]

И еще об одной важной, как я считаю, жанровой особенности. Это практика сопровождения документов прошлого (включая собственные тексты автора...) или даже отдельных пассажей из этих документов авторским комментарием “из сегодня”. Я называю эти комментарии *ремарками* (тоже, кстати сказать, из драматургического лексикона...). Однако именно документы прошлого, “жизненные свидетельства” и т. п. составляют основной корпус книги такого жанра (а ремарки, иногда и весьма развернутые, — по мере необходимости!). В этом, кстати, принципиальное отличие от *мемуаров*, где документы присутствуют в лучшем случае в качестве эпизодических цитат.

Всю эту многосложную структуру, переплетение *сюжетов, времен, жанров*, автор полагает уместным прозрачно представить в подробном оглавлении, которое выступает в качестве также и своего рода путеводителя. Ибо рассчитывать на то, что кто-либо согласится читать, к примеру, свыше 2000 стр. “от корки до корки” не приходится. Но каждый читатель, взяв такую книгу в руки, может поискать в ней для себя полезное или интересное.

При изобилии *со-авторов* (они же — чаще всего — *со-акторы*, со-участники описываемых в книге событий, наряду с самим “социологом-испытателем”) книга разрастается в объеме, вопреки авторскому желанию. И лично я испытываю некоторую неловкость перед читателем за излишне толстые тома. Но так уж получилось...

В известном смысле, есть у этой книги образец, которому, автор, может, и следовал бы, кабы сам не “додумался”, а точнее — нашел, нашупал (хоть и не столь совершенное, а свое...). Это “исповести” нашего старшего современника философа и культуролога Георгия Гачева.

Его “Семейная хроника” (1994), как, впрочем, и почти все его произведения, построена как “перепечатка” записей одного периода жизни, комментируемых по ходу дела им же самим, “сегодняшним”. И получается: диалог с самим собой. Вот как Г. Гачев объясняет — “идею предпринимаемого труда, а с нею — и метода”:

“...Конечно, совершавшиеся на ходу записи тех лет (1969-1971. — А. А.) имеют ценность неисправимой достоверности, я их ретушировать не буду, править слог и благообразить: в них именно и характер (“персонаж — это стиль!” — так бы хотел, афоризм даже предложить, но вспомнил, что почти повторяю Бюффона: “Стиль — это человек” — что же! — и слава Богу, подтверждение... Хотя я имею в виду еще и то, что персонажами литературного произведения и текста могут быть его стилистические пласты), и дух места того времени, и аромат жизни. Разумеется, придется выбирать, не все давать (место не позволяя и то, что я еще живой); но то, что дается, идет как было написано, честно. Если же я буду вступать в диалог с самим собой или комментировать, то новые мои слова будут обозначены своими датами. Двухголосие выйдет. Втора...” (Г. Гачев. Семейная хроника. Лета в Щитове (исповести). М.: Школа-пресс, 1994, с. 10).

Так именно поступал и я. Как видно, в жанре “Драматической социологии...” автор далек от первооткрывательства. Все мы — так или иначе — “изобретатели велосипедов”... Хоть в рамках нашей социологии и можно, пожалуй, говорить об определенном “ноу-хау”.

Пожалуй, мне следует остановиться, чтобы не злоупотребить твоим приглашением поговорить о жанрах “драматической социологии” и/или “Драматической социологии...”. Что здесь не успел сказать — можно найти в предисловии и в заключении моей книги, а также в соответствующем разделе тома 2: “Что сказать мне удалось — не удалось”.

...Когда-то, в 1970-80-х гг., мы с тобой увлеченно занимались социологией театра. На любого из нас, социологов — участников группы “Социология и театр” при Ленинградском отделении Всероссийского театрального общества — прикосновение к этой сфере, думаю, наложило свой отпечаток. По крайней мере для изобретателя (автора, адепта...) “драматической социологии” в этом сомневаться не приходится.

- Хорошо. Но можно ли сказать, что драматическая социология это, кроме всего твоею перечисленного, и определенный жанр твоей жизни?

- Да, рискну добавить к сказанному еще одно, пожалуй, даже “нескромное” определение: драматическая социология как... своего рода *стиль* (тоже жанр?..) *жизни*!

В какой-то момент (похоже, в конце 70-х — начале 80-х), в частности, у будущего автора (изобретателя?.. открывателя?..) “драматической социологии” произошла такая оригинальная сверхидентификация с профессией, когда собственная жизнь стала восприниматься как *объект* и *инструмент* (обрати внимание — и то, и другое!) некой социологической штудии. Социология стала жизнью, а жизнь — социологией.

Интересно, что вместе с тем это было и своего рода “выходом за рамки...”, “выпрыгиванием...” из профессии, ибо решение неких жизненных, сугубо практических задач (запуск ущербного станка или оборона от гебешного наката или еще что...) лишь с изрядной долей условности можно трактовать как тематизированное “социологическое исследование”.

Единственное, что вроде бесспорно, это что то были акции если не исключительно, то *также* и социально-познавательные. (А не есть ли вся наша жизнь — в известном смысле — познание мира и себя, или себя и мира?). А тут уже поле не только для “драматической социологии и социологической ауторефлексии”, но и для **драмы социального миро- и самопознания**.

Я это сейчас к тому, чтобы избежать абсолютизации или фетишизации социологического знания, как такового. Т. е. не обязательно быть социологом для постановки ауто-экспериментов и т. п. Равно как и “драматическая социология”, разумеется, есть лишь предельный (маргинальный?..) случай социологического подхода, переходящий в нечто совсем иное (не только не социологию, но даже, может, и не науку... А во что?!)..

- *Твоя «драматическая социология» — это одновременно и автобиография, и «просто» биографическая книга, которую пишешь как бы не ты, но о себе. Я читаю твои тома с большим интересом, они стимулируют мои поиски. Но на один вопрос я не могу сам ответить... может ты ответишь?*

При изучении биографий и творчества моих героев я стараюсь увидеть сделанное ими как функцию их жизни в определенной среде. Можно ли сказать, что постижение себя, или не себя, но человека, очень похожего на тебя, стало в какой-то момент главной научной целью твоих изысканий? Т.е., еще не зная того, что тебе предстоит написать (создать) «драматическую социологию», ты начал постигать

реальность, действуя в ней, и испытывать себя, участвуя или не участвуя в происходящем. Другими словами, «драматическая социология» – это и процесс твоей деятельности (т.е. внутреннее, или «автобиография»), и главный результат твоей работы (т.е. «биография»).

- Твои рассуждения о связи особенностей жизненного процесса (биографии...) и специфике творческого результата (включая научные результаты...), точнее — о зависимости второго от первого, в социокультурном контексте, мне вполне созвучны.

Вообще, как ты мог заметить, я являюсь адептом “личностного знания” М. Полани.[7] А Вернадскому, между прочим, принадлежит замечание о том, что “познать научную истину... можно лишь жизнью”.

...У великих Дэвида Огилви и Джорджа Гэллага, о которых ты много пишешь, жизнь и творчество все же не совпадают, хоть первая и есть “база творчества”, “резервуар стимулов” и т. д. У других великих (воздержусь от примеров...) “взаимоналожение” того и другого гораздо сильнее, в пределе — процесс (жизни...) и результат (творчества...) нерасторжимы.

О себе скажу так: осознание собственной жизни как своего рода объекта или предмета “включенного наблюдения” (а, в силу определенных особенностей жизненной позиции, и “наблюдающего участия”...), у меня возникло где-то в конце 70-х. В самом уходе из института на завод экзистенциальный мотив поначалу все же преобладал над профессионально-социологическим (впрочем, вскоре они сравнялись по значимости...). Но в качестве социолога, каковым я продолжал себя считать, мотив *само*-познания уступал мотиву *миро*-познания. Так мне сегодня это ретроспективно видится.

Иначе сказать: хотелось бы все-таки думать, что “драматическая социология” преследовала цель не только и не столько “постижения себя” (для этого не надо быть социологом...), сколько постижения мира, социальных явлений и процессов и т. п. И содержательным результатом явилась не только и не столько “биография”, сколько *картина социального мира*, полученная специфическими “автобиографическими” средствами. Насколько картина эта “научна”, “объективна”, “достоверна” — другой вопрос... Демонстрация возможности и потенциальной эффективности такого способа социального (социологического?) познания (разумеется, в сочетании со всякими другими!..), возможно, есть главный методологический результат “драматической социологии”.

Признаться, этому методологическому результату я придаю значение не меньшее, а даже большее, чем содержательному. Не думаю, что с помощью “автобиографических” средств мне удалось открыть неведомые ранее социальные закономерности, но вот новый подход к их постижению, пожалуй, предложен и апробирован.

ИЗВЛЕЧЕНИЯ ИЗ “ДЕЛА” СОЦИОЛОГА-РАБОЧЕГО (1984-1987)

Несколько вступительных слов

Ниже приведен ряд документов, относящихся к так называемому “делу социолога-рабочего” середины 1980-х гг. За исключением двух заключительных (лично письма от июня-сентября 1987 г. и авторской заметки позднейших лет), все документы являются официальными. Здесь они цитируются по тексту книги: А. Н. Алексеев. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Тт. 1-4. СПб.: Норма, 2003-2005.

Отбор и расположение документов в настоящей подборке позволяет обойтись практически без каких-либо комментариев. (Июль 2006).

В отношении Алексеева А. Н. (март 1984)[8]

Справка. 12.03.84. № 5-3/493. Ленинград

В январе с. г. в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 25 декабря 1972 г. “О применении органами государственной безопасности предостережения в качестве меры профилактического воздействия” Управление КГБ по Ленинградской области объявило официальное предостережение Алексееву Андрею Николаевичу, 1934 г. рождения, русскому, члену КПСС с 1961 г., кандидату философских наук, работающему слесарем-наладчиком завода “Полиграфмаш”, проживающему по адресу: Ленинград, Наличная ул., дом 40, корп. 1, кв. 132,

— в связи с тем, что он хранил и распространял среди своих знакомых произведения политически вредного содержания, не издававшиеся в СССР и не подлежащие распространению на территории Советского Союза, а также распространял в своем окружении изготовленные им машинописные документы, содержащие политически вредные и идеологически невыдержанные оценки отдельных сторон советской действительности.

Алексеев в 1956 г. окончил факультет журналистики ЛГУ им. А. А. Жданова (*правильно: филологический факультет... — А. А.*), член Союза журналистов СССР с 1961 г. В 1964-1965 гг.

работал в редакции “Ленинградской правды” в должности заведующего промышленным отделом, в 1975-1981 гг. — старшим научным сотрудником в Институте социально-экономических проблем АН СССР.

В январе 1980 г. Алексеев приступил к проведению социологического исследования в рабочей среде по типу “включенного наблюдения” и перешел на работу в качестве слесаря-наладчика на завод “Полиграфмаш”, продолжая до декабря 1981 г. научную работу в ИСЭП АН СССР по совместительству.

Имеющиеся в Управлении КГБ СССР по Ленинградской области материалы свидетельствуют, что Алексеев хранил и в 1978-1982 гг. распространял среди своих знакомых копии изданных за границей клеветнических произведений “Зияющие высоты” и “Светлое будущее”, автором которых является бывший советский гражданин Зиновьев А. А., сотрудничающий с эмигрантскими антисоветскими организациями.

В 1980-1982 гг. в период работы на заводе “Полиграфмаш” на основании полученных им материалов в процессе т. н. “включенного наблюдения” Алексеев написал несколько статей политически вредного содержания, под названием “Письма любимым женщинам”, в которых он в иносказательной форме допускает измышления о генеральной линии партии, с клеветнических позиций оценивает советскую пропаганду, оскорбительно отзываясь о рабочем классе.

Кроме того установлено, что в 1979-1981 гг. Алексеев организовал и провел несанкционированное партийными органами и администрацией ИСЭП АН СССР социологическое исследование “О состоянии и перспективах развития советского общества”. Вопросы анкеты “Ожидаете ли Вы перемен?” и методологический комментарий к ней носили тенденциозный характер и были построены таким образом, чтобы получить негативные ответы о состоянии и перспективах развития советского общества.

По месту жительства у Алексеева изъяты политически вредные произведения Дж. Оруэлла “1984” на английском языке, цитатник Мао-Цзэдуна, машинописные отрывки из книги Ф. Искандера “Сандро. Новые главы”, клеветнического содержания, и восемь документов с грифом “Для служебного пользования”. [9] Один из документов — доклад академика Т. И. Заславской “Социальный механизм развития экономики” — был размножен им и распространен в своем окружении. Такое обращение с

документами “Для служебного пользования” является нарушением установленных правил работы с ними.

На беседе в Управлении КГБ СССР по Ленинградской области Алексеев А. Н. вел себя неискренне, от дачи правдивых объяснений по указанным выше фактам уклонился. Начальник подразделения УКГБ ЛО В. И. Полозюк.

**Из акта комиссии партийного расследования цеха № 3
ПО “Ленполиграфмаш” (апрель 1984)**

<...> Алексеев А. Н., работая на заводе с 1980 г., помимо основной работы наладчиком станков в рабочее время вел записи своих наблюдений о положении дел в коллективе. Свою точку зрения излагает в так наз. записях “Письмах любимым женщинам”, или как называет Алексеев А. Н. “Закодированный архив”, в которых в извращенном виде показывает негодность наших отечественных станков и оборудования, восхваление станков иностранного производства и неумение наших рабочих работать на них.

<...> В “Письмах” Алексеева А. Н. выражены мысли явно антисоветского содержания, особенно рельефно они выражены на страницах 43, 57, 80, 101, 181 и др. “Письма любимым женщинам” (часть 1-я на 316 печ. листах и часть 2-я на 417 листах) <...> созданы в эпистолярном жанре, “художественные” исследования, в которых автор оскорбительно высказывается о советском рабочем классе, о Советской Армии, пытается утверждать, что социалистическое производство является иррациональной системой, заявляет, что социалистическому массовому сознанию присущ шизофренизм. Данные материалы отмечены цинично-пренебрежительным отношением к советской науке, переполнены завуалированными, а иногда и откровенными антисоветскими высказываниями.

Злоупотребляя доверием коллектива, Алексеев А. Н. нередко использовал рабочее время для личных целей, составления пасквилей на нашу действительность. <...>

Подписи: председатель комиссии Максимов Б. Г., члены комиссии Калинин М. Ф., Лобов Е. В. (04.84)

**Эволюция формулировок исключения
из рядов КПСС (1984-1985)**

Исключить Алексеева А. Н. из рядов КПСС...

...за распространение антисоветской литературы и написание статей политически вредного содержания. (Решение партийного собрания цеха № 3 Ленинградского завода полиграфических машин, 16.04.84).

... за нарушение Устава КПСС, его уставных обязанностей (*так!* — А. А.), выразившееся в распространении антисоветской литературы и написании статей политически вредного содержания. (Постановление парткома ПО “Ленполиграфмаш”, 23.05.84).

...за хранение и распространение политически вредных произведений, написание и распространение материалов, содержащих идеологически невыдержанные оценки некоторых сторон советской действительности, грубые нарушения порядка работы с документами для служебного пользования и проведение тенденциозно экспертного (*так!* — А. А.) исследования советского общества. (Постановление бюро Ленинградского ГК КПСС, 16.01.85).

...за проведение социологических исследований политически вредного характера, написание и распространение клеветнических материалов на (*так!* — А. А.) советскую действительность и грубые нарушения порядка работы с документами для служебного пользования. (Постановление бюро Ленинградского ОК КПСС, 4.06.85).

Из экспертного заключения

**“По поводу персонального дела Алексеева А. Н.”
(август 1984)**

<...> По поводу написанного А. Н. Алексеевым не оставляет сомнений в том (*так!* — А. А.): 1) что он идейно порвал с последовательным коммунистическим мировоззрением, 2) подвержен влиянию буржуазной идеологии, 3) ряд его практических действий и последующее поведение несовместимы ни с идеологией, ни с практикой члена КПСС и партийного журналиста.

Нужно прежде всего констатировать эклектизм его идейных установок и практического поведения, и в то же время сам этот эклектизм рассматривать не как движение незрелого сознания в направлении к коммунистическому мировоззрению, а наоборот — от научной идеологии и практики в оппортунизм и ревизионизм, к двойственному увертливому поведению.<...>

Декан факультета журналистики Ленинградского университета, кандидат философских наук В.Г.Комаров

3.08.84

Из постановления Секретариата правления ЛО Союза журналистов СССР

<...> Члены оргкомиссии ЛО СЖ Занин А. Ф., Воронцов А. Ю., Ребиков Б. А., а также декан факультета журналистики ЛГУ, кандидат философских наук В. Г. Комаров внимательно

ознакомились с имеющимися по делу документами и провели беседы с тов. Алексеевым.

<...> Из анализа написанных Алексеевым материалов комиссия пришла к выводам, что:

1) у тов. Алексеева А. Н. прослеживается опасная идейная эволюция;

2) ряд его практических действий и последующее поведение несовместимы ни с идеологией, ни с практикой советского журналиста.

Исходя из вышеизложенного, секретариат СЖ постановляет:

— исключить Алексеева А. Н. из членов Союза журналистов СССР за действия, несовместимые с этим высоким званием.

Председатель правления ЛО СЖ СССР А. К. Варсоби
30.08.84

Из протокола № 1 заседания бюро ЛО Советской социологической ассоциации (10 января 1986 г.)

Присутствовали: <...>

(Список присутствующих здесь не приводится, поскольку, как выяснилось позднее, не все указанные в протоколе лица действительно присутствовали на этом заседании. — А. А.)

<...> 5. Персональное дело. [10]

Парыгин Б. Д. (председатель бюро ЛО ССА. — А. А.). Сегодня мы рассматриваем персональное дело члена ССА Алексеева А. Н. Докладит председатель комиссии Гревцов Ю. И.

Гревцов Ю. И. Зачитывает справку комиссии.

Парыгин Б. Д. Хотелось бы послушать членов комиссии.

Воронцов А. В. Когда я знакомился с делом в ОК КПСС, то у всех членов комиссии было единодушное мнение — исключить Алексеева из членов ССА. Чего он добивается? Все его высказывания — с позиций антикоммунизма. К примеру, он приводит в дневниках высказывания Бжезинского и нет ни слова о социализме. Руководителей подразделений он называет генеральными марионетками. Он использовал данные социологического исследования, которое он проводил один, без экспертов, использовал данные с одной стороны — найти отрицательный ответ. Анкета — 45 экспертов — в формулировке “кризис” нашего общества, а также его выводы, основанные на этих 45 интервью — “общество утратило идеал и перспективы развития”, “коррупция на всех уровнях”, “рост бесхозяйственности”.

Меня удивляет поток писем Алексеева в свою защиту. Это в какой-то степени человек бессовестный, нам надо было пригласить корреспондента из “Ленинградской правды” и осветить его деятельность.

Федосеев А. А. А материалы исследований были представлены Алексеевым куда-либо? На Запад его материалы не попали?

Гревцов Ю. И. Нет, его материалы распределялись в кругу его друзей и сочувствующих. На Запад материалы его исследований не попали. Распространялись только среди знакомых разных городов.

<...>

Парыгин Б. Д. Кто желает еще высказаться?

Ельмеев В. Я. Мы слышим, что бывают такие выступления и за рубежом. Чем объяснить этот факт? Видимо, низким научным уровнем. Деятельность Алексеева вредная тем, что он решил социологию использовать не для целей укрепления социалистического общества.

<...>

Максимов Б. И. Я не член бюро. Хочу призвать членов бюро к повышенной внимательности ввиду уникальности рассматриваемого дела, незаурядности личности Алексеева. Им допущены серьезные ошибки. Вместе с тем ему присущи большие достоинства. Это человек чрезвычайной работоспособности, им опубликовано более 100 научных работ. Результаты, полученные Алексеевым во время работы на заводе и отраженные в научных отчетах, в большой статье для журнала “Системные исследования”, имеют важное значение с точки зрения совершенствования хозяйственного механизма. При поступлении на завод Алексеевым руководило стремление глубже понять природу социально-экономических отношений в производственном коллективе, с целью разработки предложений по совершенствованию хозяйственного механизма. Алексеев сознательно шел на ухудшение своего положения, связанного с проведением включенного наблюдения, надо отдать должное его гражданскому и научному мужеству. Выражаю мнение, что ошибки Алексеева есть именно ошибки, но не злоумышленные действия. При сопоставлении их с заслугами Алексеева можно ставить вопрос об оставлении его в составе ССА, при вынесении соответствующего взыскания.

Пашков А. С. Лично не знаю, но как юрист считаю, что есть основания для квалифицирования уголовного преступления. Что это — заблуждение или сознательный источник? Почему

распространял письма антисоветского содержания? С ним поступили очень гуманно. Будучи специалистом, он злоупотреблял правами члена ССА. В ходе исследования мы можем получать разную информацию, вопрос в том, как к ней относиться.

Сигов И. И. Пришлось некоторое время работать с Алексеевым. Считаю, что комиссия проделала очень тщательную работу и все это верно отражено в справке комиссии. Основное в материалах Алексева — цинизм. Это человек, который действует не с позиции что-либо дать, а только критиковать. Комиссия объективно оценила его дело.

Парыгин Б. Д. Складывается ясная картина. Налицо факт политического цинизма и негативизма. Вывод ясен — сформулированный комиссией. Я убедился в его наклонности к сепаратизму еще 10 лет назад. Прошу председателя комиссии зачитать проект постановления.

Гревцов Ю. И. Зачитывает проект постановления:

“Заслушав и обсудив справку комиссии по рассмотрению персонального дела члена ССА, к. ф. н. Алексева А. Н., бюро ЛО ССА **постановляет:**

— За серьезные нарушения принципов Устава Советской социологической ассоциации (ст. 4 и 15-в), этики советского ученого, выразившиеся в проведении политически не выдержанного, тенденциозного исследования, грубых нарушениях правил использования и хранения документов служебного характера, распространении среди знакомых материалов политически вредного характера, а также материалов, имеющих гриф “для служебного пользования” — исключить Алексева А. Н. из членов Советской социологической ассоциации (в соответствии со ст. 16 и 17 Устава).

— Решение бюро направить на утверждение в Президиум правления ССА.

— Просить Президиум правления ССА опубликовать информацию о принятом решении в журнале “Социологические исследования”.

Парыгин Б. Д. Голосуем за формулировку предложенного комиссией проекта.

Постановили: Исключить Алексева А. Н. из членов ССА с предложенной комиссией формулировкой.

Председатель бюро, д. ф. н., проф. Б. Д. **Парыгин**

Ученый секретарь Г. А. Румянцева

Из сценария телевизионной передачи “Интерпретация” (август 1988)

<...> — А иные голоса были?

— О да! Только до 1986 г. они были разрознены и приглушены. Но постепенно началась целая кампания гражданской защиты, в которой приняли участие и ученые, и журналисты, и рабочие. Как коммунисты, так и беспартийные. Из разных городов страны. Без этой товарищеской, гражданственной поддержки, я бы, наверное, и до сих пор числился бы по разряду “отщепенцев”.

— Тут конечно, решающую роль сыграли общественные преобразования, ход исторического времени...

— И да, и нет. Не только время определяет человеческие поступки, но и человеческие поступки определяют время. Если бы я согласился с предъявленными обвинениями, вряд ли бы получил общественную поддержку. Сама эта поддержка явилась приметой времени, но также и фактором изменений, не только моей личной судьбы...

(“Интерпретация”. Автор и ведущий передачи — Сергей Дегтярев. 1988)

Гражданская защита. 1984-1987

А. Алексеев — Р. Ленčovскому (июнь-сентябрь 1987)[11]

Дорогой Роман!

Мне захотелось написать Тебе тематическое письмо. Оно будет содержать обзор фактов и событий *гражданской защиты конкретного субъекта* (твой корреспондент), предпринятой в разное время, разными людьми, в разных формах, в период с 1984 г. по настоящее время.

Большинство этих фактов Тебе известно. Но, думаю, все же *не все*, и не в полном объеме. А я хотел бы, чтобы здесь не было пробелов.

Задам себе два ограничения.

Я коснусь здесь фактов и событий защиты только *инициативной и публичной*.

С учетом первого критерия, в настоящий обзор не войдут заявления, сделанные “поневоле” (в порядке ответа на вопросы, исходящие от официальных органов). Согласно второму критерию, мой обзор не отразит шагов, которые сводятся к межличностным отношениям, т. е. таких, которые не претендовали на общественный резонанс или официальную реакцию.

Особенно последних за минувшие годы было очень много.

Так вот, факты *дружеской поддержки* здесь не обозреваю. А только — акты *гражданской защиты* (инициативной и публичной, как было сказано).

Разумеется, мое определение “гражданской защиты” не является безупречно строгим, однозначным. Но не будем педантами!

Ты, вероятно, помнишь о скептической позиции, занятой мною по отношению к намерениям защитных действий в мою пользу — сразу после официального предостережения КГБ, исключения из партии и т. д. Запрета не накладывал, но и не “разрешал”, когда меня спрашивали. Мало способствовала гражданственным проявлениям и общественная ситуация 1983-1984 годов.

Лишь в прошлом (1986-м. — А. А.) году я сообщил всем, кто ранее спрашивал моего согласия на те или иные формы защитных действий или гражданской поддержки, что “общественных или личных противопоказаний для таких шагов больше не вижу”. Итак, читай мой хронологически упорядоченный обзор:

= В апреле 1984 г. решением партийного собрания цеха № 3 “Ленполиграфмаша” А. исключен из партии, по обвинениям, носящим политический характер. Голосование — не единогласное! Двое воздержавшихся: рабочие-бригадиры, члены КПСС **И. Виноградов** и **А. Сыщевич**.

= В мае 1984 г. фрезеровщик “Ленполиграфмаша”, член КПСС **Г. Богомолов**, будучи членом заводской партийной комиссии по персональному делу А., высказывает свое “особое мнение”. После чего от участия в комиссии отстранен.

= В мае 1984 г. инженер отдела НОТ и управления “Ленполиграфмаша”, социолог, беспартийный **Б.Максимов**, обращается в партийный комитет завода с просьбой пригласить его на заседание парткома, где будет рассматриваться персональное дело А., для изложения своего мнения по обсуждаемому вопросу. (Ему в этом отказано).

= В мае 1985 г. на цеховом партийном собрании утверждается характеристика на А., составленная для представления в Ленинградский обком КПСС. Есть один воздержавшийся: рабочий-бригадир **А. Сыщевич**.

= В сентябре 1985 г. в журнале “Знание-сила” (1985, № 9) опубликована статья “Случай на заводе”, в которой дается высокая оценка “социологическому методу наблюдающего участия, разрабатываемому в Ленинграде”. Автор статьи — ленинградский социолог **А. Сарно**. Редактор социально-экономического отдела журнала — **И. Прусс**.

= В ноябре 1985 г. журнал “Юность” (1985, № 11) перепечатал беседу журналиста М. Левина с ленинградскими

социологами В. Ядовым, Н. Щербаковым и А. Алексеевым, ранее опубликованную в журнале “ЭКО” (1983, № 8).

= В течение 1984-1986 гг. в ежегоднике Томского государственного университета “Социальные проблемы познания и управления” продолжали публиковаться работы А., при полной осведомленности ответственного редактора, социолога **Л. Гурьевой** в обстоятельствах “дела Алексеева”.

= В 1984-1986 гг. выходили статьи А. в различных научных сборниках. Среди редакторов, публиковавших работы “опального социолога”: **А. Альтшуллер, О. Маслова; Б. Тукумцев; В. Дмитриевский; Б. Докторов; В. Жидков.**

= В январе 1986 г. социолог **Б. Максимов** выступает на заседании бюро Ленинградского отделения Советской социологической ассоциации с возражениями против предложения соответствующей комиссии об исключении А. из членов ССА.

= В мае 1986 г. новосибирский социолог, член КПСС **Р. Рывкина** обращается с письмом в Ленинградский ОК КПСС, где излагает свою позицию по вопросу о партийном деле А.

= В мае-июне 1986 г. сотрудником журнала “ЭКО” **Н. Максимовой** подготовлены к публикации производственные дневники социолога-рабочего (извлечение из так называемых “Писем Любимым женщинам”, с которыми ее познакомила **Р. Рывкина**).

В июле 1986 г. **Н. Максимова**, приехав в командировку в Ленинград, обращается в Ленинградский обком КПСС, где, в беседе с зав. организационным отделом ОК КПСС Розиным, высказывает свое мнение по вопросу о “деле Алексеева”.

= В сентябре 1986 г. ленинградский социолог, член КПСС **А. Ющенко** выезжает в г. Москву с целью попасть на прием к председателю Комитета партийного контроля при ЦК КПСС М. Соломенцеву. Был принят дежурным сотрудником в приемной ЦК КПСС, которому изложил свою позицию по вопросу о партийном деле А.

= В октябре 1986 г. социологи, участвовавшие в отчетно-выборном собрании Ленинградского отделения Советской социологической ассоциации в мае 1985 г., **Н. Белова, О. Божков, М. Илле, Л. Кесельман, Г. Саганенко, И. Травин, А. Ющенко** заявляют о своей готовности выступить в качестве свидетелей в Севастопольском районном народном суде г. Москвы, где рассматривался иск А. о защите чести и достоинства к секретариату ССА. Ими представлены соответствующие “свидетельские справки”, которые суд приобщил к делу. Суд принимает решение в пользу истца.

= Осенью 1986 г. киевский социолог **Р. Ленчовский** обращается в редакции газет “Правда” (Д.Новоплянский) и “Литературная газета” (Л. Графова), с целью обратить их внимание на “дело Алексеева”. Контакт с “ЛП” потом получил продолжение.

= На пленуме Советской социологической ассоциации в ноябре 1986 г. московский социолог **А. Назимова** доводит до сведения присутствующих информацию о решении суда по иску А. к секретариату ССА и излагает свою позицию по вопросу о “деле Алексеева”.

= На отчетно-выборной конференции Ленинградской организации Союза журналистов СССР в январе 1987 г. ленинградский журналист **Г. Зяблова** отправляет записку в президиум с предложением вернуться к вопросу о членстве А. в СЖ, из которого он был исключен в августе 1984 г.

= В январе 1987 г. киевский социолог **В. Хмелько** обращается с письмом в Центральную ревизионную комиссию Советской социологической ассоциации с письмом, в котором излагает свою точку зрения на “дело Алексеева”. Аналогично — киевский социолог **В. Паниотто**. Аналогично — московский социолог **М. Борщевский**.

= В феврале 1987 г. ленинградский журналист **Т. Дурасова** отправляет в редакцию журнала “Огонек” письмо, имеющее целью привлечь внимание журнала к “делу Алексеева”.

= В начале 1987 г. член Центральной ревизионной комиссии КПСС, 2-й секретарь Ленинградского обкома КПСС **А. Фатеев** проявляет интерес к аналитической записке А. для ЦК КПСС “Научно-практический эксперимент социолога-рабочего и его общественно-политические уроки”, от января-апреля 1986 г., ранее оставленной без внимания партийными органами. В мае 1987 г. он приезжает на завод, специально для того, чтобы вернуть записку, и подает А. совет еще раз обратиться в обком КПСС за пересмотром своего дела, несмотря на все предшествующие отклонения его апелляций (включая апелляцию съезду партии).

= На отчетно-выборном собрании Ленинградского отделения Советской социологической ассоциации в марте 1987 г. социолог **А. Ющенко** выступает с изложением своей точки зрения по вопросу о “деле Алексеева”. О своей позиции в данном вопросе публично заявляют там также социологи **Б. Максимов** и **П. Шелищ**. **А. Ющенко** предлагает кандидатуру А. в состав бюро Ленинградского отделения ССА. На этом отчетно-выборном собрании А. избран членом бюро ЛО ССА и делегатом на VI Всесоюзную отчетно-выборную конференцию ССА.

= На состоявшемся вслед за тем собрании ЛО ССА (март 1987), посвященном принятию окончательного текста решения предыдущего собрания, социологи **О. Божков, А. Вейхер, Б. Максимов, Г. Саганенко, И. Травин** в своих выступлениях настаивают на включение в резолюцию пункта об отмене январского (1986 г.) решения ЛО ССА об исключении А. из рядов ССА. (Такой пункт в резолюцию был внесен).

= На VI Всесоюзной отчетно-выборной конференции Советской социологической ассоциации в марте 1987 г. **Р. Ленчовский** зачитывает текст выступления А. (который сам приехать на конференцию не смог). Московские социологи **Н. Валентинова, Л. Гордон, Б. Ракитский, С. Чесноков**, а также **В. Хмелько** (Киев) в своих выступлениях публично заявляют о своей позиции по вопросу о “деле Алексеева”. **В. Хмелько** предлагает его кандидатуру в состав Центральной ревизионной комиссии. (А. избран членом этого органа ССА).

= В марте 1987 г. **Р. Ленчовский** встречается в Москве с корреспондентом “Литературной газеты” Л. Графовой и передает ей составленный им комплект из документов, освещающих “дело Алексеева”.

= В апреле-мае 1987 г. корреспондент “Литературной газеты” **Л. Графова** приезжает в Ленинград в командировку и проводит серию бесед с разными людьми на ПО “Ленполиграфмаш” и в ИСЭП АН СССР по этому вопросу.[12]

= В апреле 1987 г. рабочие ПО “Ленполиграфмаш” **В. Земсков, Е. Рыжов** и **А. Сыцевич** представляют в Ленинградский городской народный суд “свидетельские справки”, в которых излагают известное им по вопросу о трудовом споре А. с цеховой администрацией (“дело о 10-минутном опоздании с обеда”). Редактор многотиражной газеты завода **Н. Харькова** представляет в Ленгорсуд справку о рабковской деятельности А. и характере реакций администрации на его критику.

= В апреле-мае 1987 г., по письму **Т. Дурасовой**, в Ленинград приезжает корреспондент журнала “Огонек” **В. Белецкая**. Она проводит ряд бесед на ПО “Ленполиграфмаш” и в партийных органах, по вопросу о “деле Алексеева”.

= На цеховом партийном собрании в мае 1987 г. рабочий ПО “Ленполиграфмаш”, член КПСС **А. Сыцевич** голосует против проекта характеристики на Алексеева, предложенного партийным бюро.

= В мае 1987 г. тартуские социологи, члены КПСС **Р. Блюм, Е. Голиков, П. Вихалемм, М. Лауристин** обращаются с

письмом к секретарю ЦК КПСС А. Яковлеву, в котором излагают свою позицию по вопросу о партийном деле А.

= В мае 1987 г. зам. главного редактора журнала “ЭКО” **В. Быков** обращается к А. с официальным предложением о подготовке серии статей для журнала.

= В июле 1987 г. редакция журнала “Знание-сила”, в лице сотрудника журнала **И. Прусс**, обращается к А. с просьбой дать журналу интервью.

= В июле 1987 г. ленинградские социологи, члены КПСС — **А. Баранов, А. Вейхер, В. Вишаренко, Г. Галкина, В. Голофаст, Б. Докторов, Л. Кесельман, В. Костюшев, Т. Протасенко, А. Сарно, А. Седов, И. Травин, С. Файбушевич, П. Шелищ, А. Ющенко** обращаются с письмом в Ленинградский обком КПСС, где заявляют о своей позиции по вопросу о партийном деле А.

= В июле 1987 г. собкор газеты “Известия” в Ленинграде **А. Ежелев** предлагает А. выступить в этой газете с ответами на вопросы анкеты “Октябрь. Перестройка. Мы”. Он же в августе 1987 г. инициативно выражает свою точку зрения по вопросу о “деле Алексева” в беседах с различными официальными лицами.

= В августе 1987 г. редактор многотиражной газеты ПО “Ленполиграфмаш”, член КПСС **Н. Харькова** публично заявляет о своем несогласии с проектом характеристики на А., подготовленным комиссией парткома объединения.

= В августе 1987 г. рабочие цеха № 3 ПО “Ленполиграфмаш” **Бельмак, А. Брикач, М. Гушин, В. Ильин, Р. Мартиросян** (член КПСС), **И. Михайлов, В. Николаев, В. Носов, Рыбаков, Е. Рыжов, С. Русинов, С. Самойлов** (член КПСС), **Стрельцов, А. Сыцевич** (член КПСС), **А. Сергеев, А. Шапкин** обращаются в Ленинградский обком КПСС с письмом, в котором заявляют о своем несогласии с характеристикой на А., утвержденной на парткоме объединения.

= В августе 1987 г. киевские социологи, члены КПСС **В. Хмелькои Р. Ленчовский** обращаются в Ленинградский обком КПСС с письмом, где излагают свою позицию по вопросу о партийном деле А. и настаивают на пересмотре его персонального дела. (Вспоминаю одну из “формул” этого письма: “Просим рассматривать выраженное выше как своего рода “свидетельские показания” Ленинградскому обкому партии, за правдивость которых мы несем партийную ответственность...”).

= В сентябре 1987 г. московские социологи и историки, члены КПСС **Л. Гордон, Э. Клопов, А. Назимова, Ю. Мархашов** обращаются с письмом к члену Политбюро ЦК КПСС, Секретарю

ЦК А. Яковлеву, где излагают свою позицию по вопросу о партийном деле А. и высказывают озабоченность его научной судьбой.

= В сентябре 1987 г. **В. Ядов** пишет для журнала “Огонек” отзыв на эксперимент социолога-рабочего, в котором дает работе А. высокую научную оценку.

= В августе московский историк **Ю. Мархашов** знакомит первого заместителя редактора журнала “Огонек” Л. Гущина с материалами, относящимися к делу А.

= В сентябре 1987 г. специальный корреспондент журнала “Огонек” **А. Головков**, приехав в командировку в Ленинград, проводит серию бесед с разными людьми на ПО “Ленполиграфмаш”, в ИСЭП АН СССР и в ленинградских партийных органах по вопросу о “деле Алексеева”. [13]

Вряд ли этот обзор является исчерпывающим. (Некоторые гражданственные шаги могли остаться мне неизвестными!).

Повторяю, здесь — факты и события *только* гражданской защиты (публичной, как было сказано), с апреля 1984 г. по настоящее время (*сентябрь 1987 г. — А. А.*).

Эта открытая защита вместе с дружеской поддержкой составляет тот ближайший контекст, в котором разворачивалась моя собственная *самооборона* (Тебе хорошо известная). Понятно, что эта последняя была опережающей — относительно гражданской защиты “со стороны”. Однако она была вполне синхронной с дружеской поддержкой.

В более широком (историческом) контексте, как мы знаем, чего только не было! Но это обзреть сейчас у меня нет возможности.

В отличие от своего обыкновения, пишу это письмо Тебе не от руки, а сразу печатаю на машинке. Чем отчасти демонстрирую его (письма) не сугубо личный, а общественный и, если угодно, *гражданский* характер.

Андрей Алексеев, июнь-сентябрь 1987

Со-умышленники, со-участники, со-авторы...

В ходе своей самообороны от политических обвинений социологу-испытателю довелось обращаться за помощью и советом ко многим людям. Особое значение имели “внутренние рецензии” на всевозможные заявления и апелляции в официальные инстанции.

Многие из приведенных выше документов (*имеются в виду собственные тексты автора, в настоящей подборке не представленные. — А. А.*) настолько тщательно обсуждались в

дружеском кругу, что, в сущности, являются продуктами коллективного творчества.

В архиве сохранилась шутливая “расписка”, которая заслуживает быть приведенной здесь:

“А. Н. Алексеев выражает свою признательность за участие в его работе над текстом от 28.07.85 (*судя по дате, речь идет об апелляции в Комитет партийного контроля при ЦК КПСС. — А. А.*) следующим лицам, ниже обозначенным как “специалисты”:

а) по Достоинству; б) по Стратегическому подходу; в) по Органике; г) по Методологии и Технике; д) по Нравственной корректности; е) по Наступательным операциям; ж) по Структурным и Тактическим вопросам; з) по Жизненной целесообразности; е) по Разумности.

Поди собери — такой букет! А. А. Июль 1985“.

В каждом из этих определений автор в свое время закодировал конкретное лицо (не желая тогда разглашать имена своих добровольных помощников). К сожалению, по прошествии 15 лет уверенная идентификация (раскрытие всех “псевдонимов”) оказалась невозможной.

По крайней мере троих “доверенных лиц” хочется упомянуть особо. Это — Леонид **Кесельман**, Геннадий **Климентов** и Александр **Ющенко**.

Без предварительной критики и “цензуры” каждого из них, в 1983-1986 гг. в официальные органы не ушел ни один документ (от письма начальнику УКГБ ЛО Носыреву до записки для ЦК КПСС об эксперименте социолога-рабочего и его общественно-политических уроках).

Замечания, советы друзей и коллег иногда совпадали, а иногда и противоречили друг другу... Окончательное решение, понятно оставалось за автором этих строк.

Как видно, Со-умышленников, Со-участников, Со-ратников, и, если угодно, Со-авторов — у социолога-испытателя было тогда побольше, чем могли себе представить или “вычислить” его явные и негласные оппоненты.

А. А., январь 1997

P.S. Затрудняясь сегодня соотнести каждый из “псевдонимов” с конкретным лицом, все же назову “списком” тех, кого, вероятно, имел в виду в своей шутливой расписке 1985 г.:

— Рэм Георгиевич **Баранцев**; Валерий Дмитриевич **Глухов**; Леонид Евсеевич **Кесельман**; Геннадий Александрович **Климентов**; Владимир Никифорович **Павленко**; Сергей

Михайлович **Розет**; Юрий Анатольевич **Щеголев**; Александр Николаевич **Ющенко**; кто-то еще один.

(Из восьми перечисленных трое в ту пору были членами КПСС; все — ленинградцы-петербуржцы). <...>

А. А., апрель 2000

Ремарка: “...грех не воспользоваться уникальной возможностью!”

События 1983-1984 гг. (обыск, официальное предостережение органов госбезопасности, исключение из КПСС...) дали основание социологу-рабочему написать в личном письме: “Признаться, я не планировал эти предметы исследования, но грех не воспользоваться уникальной возможностью...”. Поле исследования, сфера наблюдающего участия “существенно расширились и переструктурировались”.

Сама же, “драматическая социология”, как видно, оказалась в середине 1980-х гг. своего рода “оселком”, таким (не намеренно...) провокативным воздействием на социальную среду, которое позволило в дальнейшем не только детально исследовать “анатомию” идеологического преследования, но и обнаружить потенциал коллективного сопротивления ему. (Июль 2006).

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ СТРАСТИ, ИЛИ КАК МЫ БОРОЛИСЬ С ДВУХСМЕНКОЙ. 1986

Несколько вступительных слов

Ниже — тематизированное извлечение из книги “Драматическая социология и социологическая ауторефлексия” (том 3). В центре рассмотрения — сюжет производственной жизни конца “эпохи застоя” и начала “перестройки”, достаточно ярко характеризующий ситуацию глубокого кризиса “административно-командной системы” и особенности поведения разных социальных субъектов в этой ситуации. Сам по себе этот сюжет (навязываемый сверху двухсменный режим работы) может показаться сегодняшнему читателю архаичным... Однако тема бессмысленной кампанейщины во всех областях нашей жизни не стареет.

Данный эпизод наглядно иллюстрирует практику применения метода “наблюдающего участия” и “моделирующих ситуаций”. Функцию “исследовательских протоколов” здесь выполняют письма: одно — в газету, другое — личное письмо другу. (Июль 2006).

**Письмо группы слесарей цеха № 3 в редакцию
многотиражной газеты ПО “Ленполиграфмаш” (ноябрь 1986)**

Для дела или для рапорта?

Известно, что главный смысл перехода на двух- и трехсменную работу — это повышение фондоотдачи, максимальная загрузка нового, прогрессивного оборудования. Двухсменка — не самоцель, а средство достижения более высокой эффективности производства.

Но вот что получилось из этого в нашем третьем цехе. Еще в октябре все бригады токарей, фрезеровщиков, слесарей разбили пополам. Одна половина работает утром, другая — вечером (по очереди). При этом используются не современные станки, а старые, с “возрастом” от двадцати лет и старше. Загрузка же высокопроизводительного оборудования осталась прежней (порой и на одну смену работы не хватает).

В условиях дефицита станочников станки днем стоят, а вечером крутятся. Особенно нелепо получается со слесарями, где велика доля ручного труда.

Для чего же такая двухсменка? Доводы, выдвинутые начальником цеха А. А. Косачевым, по меньшей мере странны: необходимость ритмичного расходования электроэнергии и разгрузка общественного транспорта. Понятно, что к повышению фондоотдачи это никакого отношения не имеет.

Подобные аргументы приводятся, видимо, постольку, поскольку неловко признаться в другом: поспешный, не обеспеченный ни оборудованием, ни технологией, ни кадрами, “поголовный” переход на работу в две смены совершается не столько для пользы дела, сколько для рапорта.

Получается явный перегиб, профанация двухсменки.<...>

Административное усердие в формальном насаждении двухсменки имеет и еще одну причину. Это недоверие к опыту самих исполнителей, рабочих. Ведь бригада, получив задание, сама может организовать свой труд. И сколько раз бывало: возникнет “узкое место” — мы сами оперативно организуем двухсменную работу на нужном участке. Не для формы, не напоказ, а для конечного результата.

Этот порядок следует восстановить (исключая, разумеется, станки с ЧПУ, которые нуждаются в постоянной двухсменной эксплуатации).

А во внедрении двухсменки сегодня главное внимание следует уделить технологической подготовке производства и переводу все большего количества номенклатуры на современное высокопроизводительное оборудование.

А. Алексеев, В. Косульников, Е. Рыжов, В. Николаев, М. Гушин, А. Брикач, С. Русинов, В. Носов, В. Ильин, А. Сыщевич, слесари цеха № 3 [14]

“...повсеместно и бездумно — до полного идиотизма”

А. Алексеев — Р. Ленчовскому (ноябрь — декабрь 1986)
Дорогой Роман!

<...> “Внеплановым” вложением в этот конверт является пока еще не опубликованный текст письма в редакцию заводской газеты — от 10 слесарей нашего производственного участка, насчет бюрократических извращений с двухсменкой, которую вдруг начали насаждать повсеместно и бездумно, до полного идиотизма.

Мы затеяли написать это письмо втроем. Но круг “подписантов” расширился почти независимо от меня. Дело было во вторник, *18 ноября* (следи за датами!). Редакция решила на публикацию, не без колебаний...

Коммунисты нашего участка, поддержав на словах, подписываться под письмом не стали (ведь на партбюро вызовут!). Беспартийные отнеслись к их уклончивости в общем с пониманием (“им, партийным, нельзя...”). Зато высоко оценили поступок моего бригадира, коммуниста А. Сыщевича (хоть его подпись и была последней).

Вся эта акция поначалу носила “крамольный” характер. Как вдруг мы получили мощное подкрепление: городская газета “Ленинградский рабочий” вышла в минувшую пятницу, *21 ноября*, с 2-х подвальной статьей наладчика станков с ЧПУ А. Ефимова с Кировского завода: “Проблемы двухсменной работы. Ради цифры в отчете”. Выступление “ЛР” и наше письмо в заводскую газету совпали и в аргументации, и в выводах, и даже в некоторых словесных оборотах.

(Можно подумать, что, сочиняя свое письмо, мы уже были знакомы с этой публикацией. Что это не так, видно хотя бы по датам).

Теперь, после выступления “газеты обкома КПСС” <...> нашей многотиражке уже просто нельзя не напечатать письмо 10 слесарей из 3-го цеха.

Могли бы даже и коммунисты подписаться... Да вроде опоздали.

Теперь — “историческая” справка.

У нас в цехе двухсменку ввели сперва полуофициально (т. е. без приказа), с *начала октября*. Я это “пожелание” администрации игнорировал, поскольку тогда бы мой станок днем

стоял. Игнорировали и некоторые другие, по разным причинам (т. е. выходили на работу в утро, а не в вечер).

Ввиду такого “саботажа”, уже в середине ноября (а именно — в пятницу, *14 ноября*) было вывешено распоряжение, с пофамильным списком — разбиение по сменам. Оно было без даты и номера (“небрежность” администрации, объясненная тем, что книга распоряжений находится-де “на проверке” у юриста).

Ну, своим звонком заводскому юристу Никитиной я вынудил проставить номер и дату, что и было сделано — *17 ноября* (понедельник).

Так это распоряжение “вошло в силу”, и стало можно... его отменять. И вот на следующий день 18 ноября возникло письмо десятерых слесарей.

В пятницу, *21 ноября*, еще не будучи вполне уверен, что заводская газета напечатает наше письмо, я “неформально-публично” (т. е. в бригаде) объявил, что в понедельник, вопреки графику, все-таки выйду в утреннюю смену. Чем дам администрации повод отстранить меня от работы.

Моя “легенда” сводилась к следующему: работы на ПКР (*пресс координатный с револьверной головкой. — А. А.*) сейчас много, вся — срочная; меня просили выйти сверхурочно, в эту субботу (!); я сказал, что, к сожалению, не могу; но вот теперь, “идя навстречу интересам производства”, выхожу в понедельник утром, вместо вечера (!).

<...> Одно замечание, в скобках: если принять общественную реактивность твоего корреспондента за постоянную величину, то ускорение, динамизм общественной жизни эмпирически подтверждаются фактами сокращения временного разрыва между его индивидуальными действиями и соответствующими общественными событиями.

Так, если с “ожиданием перемен” я поспешил на несколько лет, то с указанием на “приспосабливающееся противодействие” и “сопротивление перестройке” опередил Горбачева всего на несколько месяцев.

Что же касается двухсменки, то “Ленинградский рабочий” и вообще наступил рабочему-социологу на пятки. Едва успели написать в заводскую газету, как уже вышла городская...[15]

<...> Уж коли включил я Тебя в ситуацию с нашей двухсменной, продолжу, поскольку и Тебе интересно, и мне потом не забыть.

В понедельник, *24 ноября*, выйдя, как обещал товарищам, в первую смену вместо второй, я вывесил на не слишком видном

месте пятничный номер “Ленинградского рабочего”. И предложил всем своим соавторам (10 слесарей) — почитать. Выступление городской газеты было встречено, понятно, с интересом и удовлетворением.

Женя Рыжов заметил ревниво: “Хорошо написано, но и наша заметка не хуже!”. Я сказал, что *мы*-то написали неплохо, но *пока* еще не напечатано, и наше письмо запросто могут “подпортить”...

Работа у меня, напомним, срочная, аварийная. Мастер Гоша ко мне, было, с претензией, что я вышел утром, а не вечером. Я посоветовал ему... отстранить меня от работы. Тот сбегал к начальнику цеха Косачеву и больше не возникал. Я же перевесил газету на более видное место.

Отштамповав детали, которых ждали на сборке, в обед иду в редакцию “Трибуны машиностроителя”. Мне дают гранки <...>. Письмо 10 слесарей готовила к печати не Наташа Поречная (на которую можно было бы положиться), а другой сотрудник редакции.

Тот сильных выражений, вроде “профанации”, не выбрасывал, но редактировал неуклюже и, действительно, “подпортил”...

Сам корреспондент куда-то вышел, а я выразил неудовольствие редактору Н.Н.Харьковой. <...> Нина Николаевна очень занята и говорит: “Ну, поправьте сами”.

Тогда веду себя почти как Л. Толстой с версткой “Войны и мира” — переписываю всю заметку, в междустрочиях и на полях, иногда возвращая к первоначальному варианту, иногда формулируя заново.

Подошедший корреспондент покорно берет текст, чтобы перепечатать его. Рабкор стал редактором, сотрудник редакции — машинисткой... Все — “вверх дном”.

<...> Я поставил на гранке — “визу”: “По доверенности всех авторов. А. Алексеев. 24.11.86. 13 час.”

Вся эта операция была проведена за час до того, как отправлять листы в типографию. Вернувшись в цех, я доложил своим соавторам, что заметка приведена к виду, за который нам не будет стыдно...

Во вторник, 25 ноября, я снова вышел в утреннюю смену, вместо вечерней, причем, оказалось, не один.

Нас *отстранили от работы*, когда пришло начальство (в 9 час.). Тогда Витя Носов пошел спать, Вася Николаев — в здравпункт, а я... поехал на Фонтанку, в редакцию “Ленинградского рабочего”.

Мы трое, попавшие в одну “команду”, представляли три разные позиции в этом конфликте с администрацией. Васе — “ничего не надо”, только ему вечером не получить необходимого ему диетпитания и на свою электричку после вечерней смены он не поспевает. Витю вечерняя смена как раз устраивает, и вышел он нынче в утро вовсе не из протеста, да уж так получилось... Я же — борец с административной дуростью.

<...> Вернувшись из редакции на завод, я дисциплинированно отработал вечернюю смену. В этот день — не до половины первого [16], а до половины одиннадцатого. На основании ехидного заявления:

“Прошу предоставить мне отгул сегодня 25.11 с 22 час. 32 мин. до 0 час. 32 мин. за время отработанное сегодня же, утром (с 7 час. 08 мин. до 9 час. 08 мин.)”.

Очень ежился мастер Гоша и хотел, чтобы я переписал заявление: “Прошу предоставить мне отгул... за ранее отработанное время”. Я насмешливо посоветовал ему — отказать мне по той именно причине, что в заявлении указано, когда именно было “ранее” отработано.

Какая уж там “скрытая камера” социолога!.. Администрация вынуждена функционировать словно перед телевизионной камерой, в свете юпитеров.

Все эти события детальнейшим образом обсуждались на участке.

Такого изобилия и плотности “мироотношенческих” диалогов и монологов, как вчера вечером, уж и не припомню. Жаль, некогда пересказывать.

После вечерней смены во вторник, я явился на завод в среду, 26 ноября, к 8 утра (смена, напомним, начинается в 7-08). Мне нужно было в здравпункт (хотя это — скорее повод).

Захожу в цех и предлагаю мастеру завизировать... уже сегодняшнее заявление от 26 ноября, в котором предлагаю (“в интересах производства”!), свой выход на работу 26 ноября не с 16 до 0-30, а с 8 до 17, “для скорейшего завершения штамповки партии “Ф-...” и наладки следующей, тоже срочной...”.

Мастер Гоша в панике. “Ловушка”! (Небось вспомнил, как в прошлом году залетел в истории с моим, впоследствии отмененным, выговором). Согласиться нельзя (двухсменка же!) и отказать нельзя (ведь действительно — в интересах производства!). От визы отказывается.

Ладно. К начальнику цеха. Тот вызывает к себе мастера. Почему тот не написал своего мнения? Но ведь и у начальника положение не легче...

Единственный для них выход — создать видимость, что на моем станке днем работает кто-то другой.

Но бригадир, который вообще-то справился бы, категорически отказывается — “не обучен” (крыть нечем, у него формально нет разряда штамповщика). Остается 18-летний Сережа Барсуков (мой очередной ученик), который только и успел, что выучить на станке две кнопки и может на ПКР “стучать”, когда все налажено и ничего не расстроилось. Кстати, он работает в цехе предпоследнюю неделю (увольняется!).

Сережу, мирно слесарившего, тут же “волокут” к станку.

А начальник цеха на моем заявлении размашисто пишет: “Не разрешаю, т. к. в дневную смену будет работать Барсуков”.

Когда мастер Гоша ушел, начальник цеха вдруг говорит:

— Вот теперь, когда мы остались вдвоем, я хочу спросить Вас, А. Н., а на х-я?!

Так, думаю, надо отвечать, и адекватно.

—!! — говорю. — Не боишься (*на “ты”!* — А. А.), что у меня микрофон в кармане?

Тот едва не поверил, т. к. я (пока не ясно, разрешат ли мне работать в утро) не переодевался в робу и был в широком плаще.

Как справедливо писал автор “Записок инженера” Ю. Шишенков (Новый мир, 1986, № 6), “настоящее участие в производстве жажду в страстях удовлетворяет с лихвой”...

Ухожу. До начала вечерней смены (16 час.) мне на заводе делать нечего.

Несколько часов спустя. По дороге в цех, беру в редакции “Трибуны...” несколько экземпляров только что вышедшего номера газеты с нашей заметкой “Для дела или для рапорта?” (заметка, как Ты мог заметить, сугубо проблемная и персональной критики не содержит). Вывесил на участке, на видном месте. <...>

Читали все, даже с другого участка приходили.

Сережа Барсуков, на удивление, отработал без приключений (все ему было налажено, да и бригадир рядом). Я исправил его брак в двух деталях, закончил партию.

Стал налаживать следующую. К 17 час. к моему станку подходит технолог Л. Кутырина. Она у нас по совместительству кассиром. Мне была вручена премия (75 руб.), за победу в социалистическом соревновании в III квартале. <...>

При наладке очередной партии деталей (там очень сложная и трудоемкая наладка!) обнаружилось, что в кладовой не

хватает нужной оснастки (есть, но неисправная). В таких случаях обращаются к технологу: чем заменить?

Кутырина, дежурящая от администрации сегодня вечером, — самый осведомленный (из начальства) в ПКР-ской технологии человек, к тому же — нач. бюро технической подготовки. После получасовых поисков по заводскому стандарту ПКР (известному мне чуть не наизусть), она предлагает замену. Но при этом невнимательно посмотрела в чертеж, на что пришлось ей указать. Ее предложение отпало.

Еще полчаса поисков ею выхода из положения — безуспешно. Звонить конструкторам, за разрешением об отклонении от чертежа — некому (вечер!). Истерика Кутыриной: я *не могу* Вам предложить замены (инструмента) и *не могу* разрешить Вам пользоваться неисправной оснасткой!

(Намек — если бы Вы пренебрегли моим запрещением, было бы хорошо).

Тем временем закрывается кладовая (19 час.). Переналаживать на другую партию деталей уже поздно, да эта — и самая срочная.

Формально я подчиняюсь мастеру. Мастер в этот вечер — не Гоша, а с токарного участка, он вообще не в курсе слесарных дел.

Раз нельзя работать на станке — возьмите слесарную работу у Виноградова, говорит (он даже не знает, что я уже два года как в бригаде Сыцевича).

Мой бригадир успел отработать сегодня в день. Нас из бригады сейчас трое. Консервирую наладку, выключаю станок, спрашиваю у Вити Носова (слесарь из нашей бригады), нет ли чего для меня.

Бригадир ему ничего не наказывал. Разве только помогать глухонемому... Беру напильник и с 19 до 24 час. запиливаю грады, вместо того чтобы делать *сверхсрочную* работу на ПКР!

Утром бригадир Сыцевич (Толик) и мастер Соколов (Гоша) будут ломать голову, почему не отштампована “Ф-...”. В отличие от постороннего мастера, им этот простой — зарез.

Будут все валить друг на друга, возможно, и на меня, который, пожалуй, мог бы, в отличие от Кутыриной, придумать, чем заменить неисправную оснастку, да и на неисправной сумел бы выпустить годную деталь.

Но тогда не следовало обращаться к технологу. А коли обратился, да еще в вечернее время, то вот и результат.

Ну, остается добавить, что мое “высокопроизводительное оборудование” скорее всего простоит (а “аварийная деталь”

пролежит) до 16 час. сегодняшнего дня 27 ноября (четверг). Ибо кроме меня вообще некому эту деталь наладить (в данном, не стандартном случае не сумеет и бригадир).

А я, как Ты понимаешь, выхожу сегодня опять в вечер (согласно графику).

Вот такие гримасы “Интенсификации-90” и дуболомного внедрения двухсменки...

<...> Придя на работу во вторую смену в четверг, 27 ноября, я, разумеется, застал ситуацию почти в неприкосновенности, да еще с “нюансами”, подвигшими меня на служебную записку начальнику цеха, датированную завтрашним числом. Не пересказываю, прилагаю ее текст. <...>

(Смысл записки будет ясен из дальнейшего рассказа. — А.А.).

...Когда 28 ноября (пятница) я вышел на работу с этой запиской в кармане, оказалось, что наш начальник цеха Косачев... уже переведен в другой цех (и накануне об этом, разумеется, знал; ходили и у нас такие слухи, почему я и не проставил фамилии начальника в тексте).

Его место занял Н. Ярош (упоминаемый в записке в качестве зама). Ну, не соскучишься...

Я бы не поцеремонился и новому начальнику вручить, в первый день его заступления. Да не оказалось в пятницу Вани Смирнова, инструментальщика-контролера, с которым надо было посоветоваться.

Дело в том, что именно Ваня перемаркировывал мою оснастку с № 4204 на 4205 (чтобы я “имел право” ее использовать; в сущности “подделка” документов, только в металле). И я отложил до понедельника.

А в понедельник, 1 декабря, узнал, что незаконную перемаркировку эту он делал... “по своей инициативе”, и Кутырина все свалила бы на него. А Ваня — свой брат, зачем его подводить...

Так и осталась моя “убийственная” записка на эту тему не поданной, хоть в пятницу вечером и повторилась аналогичная ситуация (нет инструмента, технолог навязывает рабочему нарушение, и т. д.).

Как видишь, далеко не каждый поднятый с земли булыжник я швыряю. (“Булыжник — оружие пролетариата”).

<..> Следующую неделю (т. е. нынешнюю) я работаю в утро. Напряженность вокруг моего ПКР нарастает. Сменщика у меня нет, а прошлую неделю, работая во вторую смену, я наполовину потерял.

Бригадир Сыцевич разрывается между двумя мотивациями: надо “делать деньги” (а денег без моего ПКРа не набегает), и надо проучить администрацию. <...> Он созревает до социального (не производственного!) задания мне. Ты только послушай, что мне говорит бригадир:

— Дело не только в двухсменке, а в социальных условиях рабочего класса. Я тебе, Андрей, такую тему даю!

Мда...

Я предупреждаю бригадира, что на днях “ложусь” на операцию (строго говоря, не ложусь, а иду, амбулаторно, но поскольку операция на правой руке, то неизбежно освобождение от работы).

<...> При встрече на пересменке *2 декабря* (вторник) бригадир говорит:

— Работы до х-я. Я тебе тут список приготовил, в какой очередности делать.

— Это ты его себе приготовил, — говорю ему сочувственно. — У меня операция назначена на завтра...

Бригадир застывает в задумчивости и вдруг многозначительно говорит: “Отлично!” (за невозможностью реализовать первую мотивацию, он дал волю второй).

Старший мастер Соколов “в трауре”. Понимает — достукался.

Они стоят с бригадиром у моего станка и невесело совещаются. Уходя, прощаюсь с бригадиром, мастера Гошу не замечаю, ему сочувствовать и даже лично предупреждать о своем предстоящем недельном отсутствии я не обязан, вернее — он “не заслужил”. <...>

(Операцию мне сделали сегодня, *3 декабря*. Ее, кстати, в самом деле нельзя было дальше откладывать). <...>

P.S. За время моего пребывания на бюллетене ситуация в цехе, как и следовало ожидать, радикально не изменилась. Я же, добытым себе к тому времени медицинским освобождением от вечерней смены (не буду отвлекаться на этот побочный сюжет!), пожалуй, усугубил “затруднения” администрации.

Последней, если бы вдруг она и сумела загрузить ПКР на две смены, пришлось бы теперь давать мне *двоих* учеников (ведь даже, имея я сменщика, он не может *всегда* работать в вечернюю смену).

Впрочем, подобными справками обзаводились и другие — кто как сумел.

Когда я вышел на работу в утро, после 2-недельного отсутствия, бригадира не застал: он нынче — в вечер.

А. С. появляется с обеда (надо же как-то бригадой руководить!). Спрашивает:

— Гоша (мастер) не ох-л, когда тебя увидел?

— От радости или от ужаса?

— От радости, конечно. Он ко мне так приставал про тебя... Так я, чтобы отвязаться, сказал, что ты сегодня выйдешь, мол, звонил. Надо ж так угадать!

Мастер волновался не напрасно. За две недели бригадир наладил, а Сережа (ныне уже уволившийся!) отштамповал всего две партии.

Мастер Гоша настаивал, чтобы бригадир сам становился за ПКР. А тот — делает это только в самых крайних случаях. Он, как бы это сказать, мой станок “не любит”. И, пожалуй, даже побаивается — не станка, как такового, разумеется, а всех связанных с ним технологических и организационных безобразий, которые я для бригады как-то амортизирую.

Так что радовались моему появлению на работе даже те, кому от меня худо. <...>

Обнимаю Тебя!

Твой Андр. Ал., ноябрь-декабрь 1986

“Гримасы” перестройки и триада социологического познания

Автостенограмма выступления на отчетно-выборном собрании Северо-Западного (Ленинградского) отделения Советской социологической ассоциации (март 1987)

Уважаемые коллеги!

Я думаю, на сегодняшнем собрании уместно говорить не только о наших сугубо профессиональных, социологических делах. Писатели на своем съезде, как известно, обсуждали не только писательские проблемы. Жгучим проблемам жизни отдавалось предпочтение перед узкоцеховыми сюжетами. Вот и нам, социологам, думается, стоит выйти за рамки научно-организационной темы.

I

Расскажу о новом общественном явлении, которое даже нынешняя, обновляющаяся публицистика пока обходит своим вниманием. Тем более не раскочалась социология. Прочитую небольшую заметку из заводской газеты ПО “Ленполиграфмаш”, от 26.11.86. Называется: “**Двухсменка: для дела или для рапорта?**”. Авторы — десятеро рабочих, слесарей механического цеха (среди них и я). <...>

(Здесь опущен зачитанный автором текст публикации в газете “Трибуна машиностроителя”; см. выше. — А. А.)

Авторы цитированной заметки оказались не одиноки. Примерно так же внедрялась двухсменка и на других предприятиях Ленинграда. Недоумение, рабочая критика этой показухи выплеснулись на страницы ленинградской печати. <...>

(Здесь опущены зачитанные автором цитаты из публикаций городских газет. — А. А.).

Вокруг этой скромной заметки у нас на “Полиграфмаше” разгорелись страсти. Чрезвычайное богатство социальных связей и противоречий перестройки, столкновение интересов — раскрыл этот эпизод!

Генеральный директор объединения публично заявил, что многотиражная газета допустила “антивыступление” (так и сказал!). “У нас (т. е. у него, директора) нет никаких сомнений, вопрос назрел четко, нечего тут дискутировать. Есть партийная установка на двухсменку, нельзя на этих слесарях строить политику... А редактора газеты следовало за эту заметку депремировать”, — заявил генеральный директор. Вот такая административная отповедь... И говорилось все это не когда-нибудь, а в дни январского Пленума.

“Издевательством над здравым смыслом, над большим государственным делом” назвал месяц спустя, выступая на XVIII съезде профсоюзов, подобную практику внедрения двухсменки М. С. Горбачев. К тому времени и наша заводская администрация созрела для официального ответа через газету “этим слесарям”. Их критика в многотиражке была признана правильной. Но при этом утверждалось, будто введение двухсменки “позволило цеху решить ряд острых проблем”... (Трибуна машиностроителя, 25.02.87). И все осталось без перемен.

Это было в феврале. А в марте на “Полиграфмаше” затрещал план. Думаю, во многом — из-за внесенной “поголовной” двухсменкой дезорганизации. И вот в середине марта на цеховой доске объявлений появилось многозначительное распоряжение: “В связи с производственной необходимостью (!) временно перевести в односменный режим работы следующих рабочих...”. И список: добрая половина цеха.

Поговаривают (в рабочей среде), что цеховое начальство именно двухсменкой пытается теперь объяснить срыв февральской программы.

II

Так что же это за явление, которое еще и имени не получило, не говоря уж о социологическом осмыслении? Я бы назвал это — одурачением, или гримасами перестройки. Профанация перестройки — это пострашнее “сопротивления” ей...

Это такое приспособляющееся противодействие, когда сам противодействующий полагает себя добросовестным перестройщиком. Он иначе просто не может, не умеет.

Новые задачи пытаются решить старыми способами. Моделей тут несколько. Например, выдвигается общественно значимая цель. Разрабатываются средства для ее достижения. Затем спускается разрядка или отчетный показатель — по внедрению средств. В итоге, средства абсолютизируются (вроде “кукурузы” в свое время). И замещают цель в сознании бездумных исполнителей. Отчасти, так и произошло с двухсменкой.

Или другая модель: достижение цели “любой ценой”, за счет средств, совершенно ее дискредитирующих. Например, надо, чтобы росла производительность труда. Но новая техника остается не загруженной, простаивает по разным причинам. Тогда ужесточают нормы (или, говоря “по-рабочему”, срезают расценки) на старых рабочих местах. Понятно, без всяких организационно-технических мероприятий, которые оправдывали бы этот пересмотр. Все для того, чтобы показать, что производительность труда все-таки “растет”, неважно как. И, вместо интенсификации производства, получается элементарная интенсификация живого труда.

Однако такая потогонная система не срабатывает. И возникает необходимость в сверхурочных, в том числе скрытых (т. е. как бы добровольных, чтобы рабочему удержаться хотя бы на прежнем уровне зарплаты). Могу вас заверить, что за последние семь лет в цехе, где я работаю, никогда не было такого количества сверхурочных, как в минувшем, “первом году двенадцатой пятилетки”. То же продолжается и в этом году.

Или, например, “гримасы перестройки” в наших средствах массовой информации... Ну как иначе назвать бюрократически-административную “атаку на рабочий класс” — диковатую кампанию под лозунгом “Чего боится сдельщик?”, начатую, еще прошлой весной, газетой, которая называется “Ленинградский рабочий”? Эта кампания была поддержана и некоторыми центральными газетами. Сдельщик, видите ли, “не патриот”: не желает сам просить у администрации, чтобы ему срезали нормы и понизили зарплату.

Не буду сейчас углубляться в эту тему, заслуживающую отдельного исследования в рамках “экономической социологии”. Скажу лишь, что налицо попытка за счет рабочих решить действительно встающую сейчас проблему “одного с сошкой, семерых с ложкой” на нашем производстве.

Кстати сказать, в ходе этой газетной кампании, был беспардонно ошельмован рабочий-новатор, бригадир передовой бригады фрезеровщиков на “Полиграфмаше”, мой товарищ Геннадий Богомолов.

Спрашивается, как относиться ко всем этим явлениям нам, социологам? Прежде всего — замечать их. Далее — не бояться исследовать! Но тут и в социологии нельзя обходиться только старыми, привычными методами.

Сейчас много говорят о региональной социологической службе, ее контролирующей, координирующей функциях. А я бы спросил: готова ли эта служба к выполнению экспертной функции, относительно того, как совершается перестройка? Не еще одним чиновным органом должны выступать районные социологические службы, как у нас в Ленинграде, а своего рода научно-методическими центрами, рабочими семинарами по вопросам общественной перестройки. Руководителями таких семинаров должны быть ведущие ученые, и даже не обязательно “прописанные” в данном районе по месту основной работы.

В заключение одно почти теоретическое соображение.

Принято различать социологическую *теорию* и социологическую *эмпирию*. Мне представляется уместным достроить эту пару до триады. Третьим равноправным членом, по-видимому, должно выступать социологическое *действие*. Я имею в виду вовсе не набор “практических рекомендаций” (в которых как теоретики, так и эмпирики накопили изрядный опыт угадывания желаний начальства). А — познающее действие, *познание через действие*, через эксперимент, живое соприкосновение с социальной практикой, погружение в нее.

Мне кажется, со временем войдет в научный обиход понятие “социолог-экспериментатор”, или “социолог-испытатель”...

А. Алексеев, 17.03.87

Ремарка: Кому это было надо

Стоит заметить, что рассмотренная выше “гримаса перестройки” оказалась довольно живучей. Несмотря даже на “критику сверху”, навязывание двухсенки без учета конкретных обстоятельств производства, в том числе и на слесарных участках, где это и совсем нелепо, так или иначе продолжалось, в частности, на “Ленполиграфмаше”, по крайней мере до середины 1988 г..

Оказалось, что администрация заинтересована в этом и не только “для рапорта” по инстанциям, но также и для

маскировки неритмичности производства, слабой загруженности высокопроизводительного оборудования, для повышения "управляемости" рабочих и т. п. (Июль 2006).

Вместо заключения

Мне хотелось бы привести здесь фрагмент из предисловия к ранней версии "Драматической социологии...", а именно из книги 1997 г.:

"...**Жизненный эксперимент**, вообще говоря, является довольно распространенной (пусть не массовой) формой социальной активности. Поведение субъекта в таком случае заведомо нестандартно и отклоняется от социальных стереотипов. Мотивы тут могут быть различными. Скажем, гражданственная мотивация (богатую палитру примеров представляет правозащитное движение), Или же мотивы психологические (поиск новизны, "испытание себя"), мотивы экзистенциальные (типа "жить в ладу с собой"). Реже встречается собственно исследовательская мотивация эксперимента "на самом себе".

Здесь заметим, что сам по себе уход автора в рабочие, на рубеже 1970—1980-х годов, вовсе не был явлением исключительным и среди социологов.

Только из ближнего круга коллег — трое профессиональных социологов (Ю. А. Щеголев, А. А. Кетегат и С. М. Розет, ныне покойный) в ту же пору, вовсе не вынуждаемые кем или чем-либо, а из внутренних побуждений, круто повернули свою жизнь, став рабочими (Юрий Щеголев сделал это двумя годами раньше автора). Сложилось так, что именно у автора данной книги в этой жизненной перемене получил наиболее последовательное развитие профессионально-исследовательский мотив...".

А вот — из предисловия к последней версии "Драматической социологии..." (2003-2005):

"...Конечно же, это мог быть вовсе и не эксперимент социолога-рабочего... И не "коррида" социолога-тореадора с быком-системой... И не изобретение новых социологических методов и т. п. Вообще, это могла быть **любая "своя жизнь"** — с неизбежно сочетающимися в ней элементами жизнестроительства и выживания, активизма и созерцательности, "думания" и "делания" (Гете)". [17]

Июнь-сентябрь 2006

Постскриптум

За истекшее со времени написания и первопубликации этого материала время появился еще ряд работ автора этих

строк, и не только его, так или иначе обсуждающих эту тему. Их наиболее полный обзор и навигатор по сетевым ссылкам см: А. Алексеев. *О наблюдающем участии и драматической социологии* - <http://www.cogita.ru/kolonki/andrei-alekseev-1/a.-alekseev.-o-nablyudayuschem-uchastii-i-dramaticheskoi-sociologii> . А. А. 11.04.2013.

Примечания

[1] Алексеев А. Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Тт. 1-4. СПб.: Норма, 2003-2005 (Электронная версия - <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=216/>)

[2] См. <http://cdclv.unlv.edu/programs/bios>

[3] Как замечал Гете, “хорошо увиденное частное может всегда считаться общим”.

[4] Один коллега пытался меня убедить, что без “протокола” (т. е. оперативной фиксации наблюдений) можно обойтись... Вот тут, мне кажется, и пролегает грань между *наукой* и *не наукой*, или, точнее, между эмпирическим исследованием и иными формами познания.

[5] Хочется также воспроизвести здесь одну из самых ранних характеристик исследовательского подхода, или *метода* “драматической социологии”, из писем-дневников 1980 г.:

“...В чем специфика моего исследования (да, пожалуй, и способа жизни сегодня)? Уже приходилось высказываться против **включенного наблюдения** в пользу **наблюдающего участия** (метода близкого к социальному экспериментированию). Так вот, меня интересуют прежде всего не высказывания, не мнения и даже не факты, индивидуализированные или массовые, а — ситуации, имеющие достоинство модели. *Моделирующие ситуации*.

“В каждой луже — запах океана, в каждом камне — шорохи (или “взянье”? — не помню!) пустынь” (Н.Гумилев).

Но чтобы в капле лучше отразилось море, полезно ее сгустить. Можно сгустить силой художественного воображения, как в искусстве... Силой так называемого домысла к факту, как в публицистике... А можно сгустить — в самой жизненной практике, собственными действиями, способствующими превращению заурядной ситуации в моделирующую.

Оригинальный жанр творчества, которому можно найти аналог разве что в Театре. Но там пока еще остается какой-то барьер между сценой и зрительным залом. Да и зритель — хоть и “со-творец”, но не со-автор и не со-актер... В театре — сначала пишут (драматург), потом ставят (режиссер), потом играют (актеры) и сопереживают (зрители).

А тут все перемешано! И даже отчасти наоборот: сначала играют (иногда — не успев как следует срежиссировать), а потом пишут, осмыслиют. **Сначала действие, потом текст** (ну, хотя бы этот)....” (Цит. по: А. Н. Алексеев. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Том 1. СПб: Норма, 2003, с. 178-179).

[6] См. Алексеев А. Н.. Дневник, письмо и статья как соотносительные формы коммуникации / XII Любичевские чтения. Ульяновск : Ульяновский гос. педагогический университет, 2000.

[7] См. М. Полани. Личностное знание. На пути к посткритической философии. М.: Прогресс, 1985.

[8] В настоящем документе, равно как и во всех остальных приводимых здесь, орфография и синтаксис сохранены.

[9] Обыск на квартире А. состоялся 16 сентября 1983 г.

[10] Дело рассматривалось в отсутствие “героя”, поскольку тот на все предыдущие приглашения на заседания бюро ЛО ССА (в 1985 г.) отвечал отказом.

[11] Роман Иванович Ленчовский — киевский философ и социолог. Один из со-авторов книги «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия»

[12] Очерк Лидии Ивановны Графовой, под названием “Преодоление пределов”, был опубликован в “Литературной газете” 23.09.1987.

[13] Очерк Анатолия Эммануиловича Головка на эту тему, под названием “...мир погибнет, если я остановлюсь”, был опубликован в журнале “Огонек” в мае 1988 г., № 19.

[14] Опубликовано в газете “Трибуна машиностроителя”, 26 ноября 1986 г.

[15] Вышеприведенная часть письма написана, по-видимому, 22-23 ноября 1986 г. Остальное — уже после 26 ноября, когда вышла в свет заводская газета с заметкой “Для дела или для рапорта?”.

[16] Тогда метрополитен в Ленинграде работал до 1 часа ночи.

[17] Из Гете: “Думать и делать, делать и думать — вот итог всей мудрости... И то, и другое в течение всей нашей жизни должно вершиться попеременно, как вдох и выдох, и как вопрос без ответа, одно не должно быть без другого...”.

Эдуард Бормашенко

Пролегомены к философии естествознания

בס"ד

А. Воронелю

основе точного знания лежат несколько основных интуиций человеческого разума: интуиция числа, интуиции пространственного и временного расположения событий и вещей. Этим фундаментальным интуициям предшествует и сопутствует интуиция порядка. В самом деле, ряд натуральных чисел упорядочен (как говорят математики: "вполне упорядочен", каждое его подмножество обладает первым элементом). Представления о пространстве и времени также неотделимы от идеи взаимного расположения, упорядочения предметов и фактов.

Итак, наше точное знание покоится на трех китах: числе, геометрии пространства-времени и порядке. Не перестаю удивляться тому, как недалеко мы ушли в нашем понимании Космоса от греков: между пифагорейским: "числу все вещи подобны"¹, и изречением Кронекера "Господь изобрел целые числа, все остальное – дело рук человеческих" зазор весьма невелик. Естествознание остается греческой мудростью, как ее именовали наши мудрецы.

Проблемы теории чисел отличаются поразительной устойчивостью и неприступностью. На слуху великая теорема Ферма, но куда более простое утверждение, состоящее в том, что "каждое четное число большее двух можно представить в виде суммы двух простых чисел", именуемое гипотезой Гольдбаха, до сих пор остается недоказанным, вопреки огромным усилиям, приложенным математиками. Прикасаясь к теории чисел, ощущаешь дыхание вечности, неизменный и до конца непостижимый мир чисел завораживает. Грекам же принадлежит

¹ Фрагменты ранних греческих философов, М, Наука, 1989, Пифагор, 28, стр. 149

представление о том, что этот мир должен быть спроецирован на человеческую жизнь.

"Жизнь людей нуждается очень и в расчете и в числе.

Мы живем числом и расчетом: вот ведь, что спасает людей"² У пифагорейцев числа вполне отделились от вещей; это был невероятный скачок, запускавший машину абстрактного мышления. Но отношения чисел упорно обнаруживались в музыке, архитектуре, строении человеческого тела. Между тем, мост между миром чисел и миром вещей навести нелегко. Именно вечность и неизменность чисел делает их малопригодными кирпичиками для построения становящегося, текучего, нового в каждый следующий момент Космоса. Пифагорейцы были достаточно глубокими людьми, чтобы это понимать. У пифагорички (язык сломаешь) Теано читаем: "Пифагор говорил, что все рождается из числа ... но вызывает недоумение: каким образом, то что не существует, мыслится порождающим?"³ В самом деле, как вечные числа, существующие только в нашем сознании, управляют становящимися миром? Иными словами, грекам была непонятна "непостижимая эффективность математики в естественных науках", согласно изящному высказыванию Ю. Вигнера⁴. Непонятна она нам и сейчас. В конце концов, эту эффективность Вигнеру пришлось объявить догматом веры физика-теоретика, и это, пожалуй, лучшее определение состояния вещей на сегодня.

Пифагорейское представление о том, что все, в конце концов, сводится к числу, никогда не умирало в науке. Лапласов полностью детерминированный Космос, в котором все можно рассчитать, зная численные значения начальных данных, - вполне пифагорейский. Лапласова физика ушла на покой, но и Космос современной физики структурирован численными отношениями небольшого количества фундаментальных констант, что, должно быть, доставляет душе Пифагора немало тихой радости.

Сведение всего наличного бытия к числам и их соотношениям может показаться и наивным, но лишь на первый взгляд. Попытка отыскать первичный кирпичик мироздания (в данном случае число) четко отграничивает научное познание от инженерного ремесла, в коем были искушены древние

² ibid. Эпихарм, 56, стр. 266.

³ ibid. Теано, 6, 28, стр. 149.

⁴ Вигнер Ю. Непостижимая эффективность математики в естественных науках, Этюды о симметрии, Москва, Мир, 1971.

цивилизации. Ученый, как говорит Л. Райх, ищет знание, инженер – опыт. Я без капли снобизма говорю об инженерии, сам отдал ей дюжину не худших лет, но в ремеслах, все идет в дело, anything goes, и умножение и изобретение сущностей – не грех. В науке – не то.

Греки сообразили важнейшую вещь, познаваем лишь ограниченный мир: "если бы все было безграничным, то вовсе не было бы ничего, что можно познать" (Филолай)⁵. Мы можем познавать мир, лишь потому, что он сводим к ограниченному набору сущностей. Весь дальнейший путь науки – поиск этих перво-сущностей: чисел, правильных тел, атомов, элементарных частиц. Зная все об одном атоме кислорода, мы знаем все обо всех остальных.

Осознание этого фундаментального обстоятельства заводит довольно далеко. Джон А. Уилер как-то спросил своего ученика Ричарда Фейнмана: Ричард, знаете, отчего все электроны на свете в точности одинаковы? Не знаете? Оттого, что это все один и тот же электрон. Вот пример истинной, глубочайшей мистики естествознания.

Представление о том, что сущности не следует умножать без крайней на то необходимости, потом приобрело имя "бритвы Оккама" и представляет собой второй догмат веры точных наук. Заметим, что в точности Оккам говорил следующее: "не делай большим то, что можно сделать меньшим". Кажется, такая формулировка принципа экономии мышления - наиболее точна. Греки (Гиппас) открыли и симметрию, преобразование, оставляющее вещь неизменной. Симметрия занимает все большее место в современной физике, быть может, и главенствующее, вполне претендуя на роль фундаментального кирпичика (Вернер Гейзенберг говорил: "вначале была симметрия"). О греческой философии "в целом" говорить невозможно, в ней был и зачарованный тайной становления Гераклит, но классическая греческая мысль остановилась вслед за Платоном на том, что познаваемое лишь неизменное, сделав ставку на статику, по сути, исключив из рассмотрения время. Греки мало в чем знали меру, и Платон объявил меняющееся во времени и вовсе не существующим: "то, что постигается с помощью размышления и рассуждения, очевидно и есть вечно тождественное бытие; а то, что подвластно мнению и неразумному ощущению, возникает и

⁵ Фрагменты ранних греческих философов, М, Наука, 1989, Филолай, 3, стр. 441.

гибнет, но никогда не существует на самом деле"⁶. В этом недалеко ушла от греков современная наука, предпочитая не вникать в проблему становления. Классическая механика и вообще понизила ранг времени до обычной переменной, мало отличающейся от пространственных координат. Биология стала на твердые научные ножки, лишь найдя нечто неизменное – ген.

Поставив на математику, точное знание сразу исключило из рассмотрения время. Ибо, что же есть математика? Математика – грамматика, не содержащая времени. Эта грамматика, основана на законах логики – правилах единообразного перехода от одних высказываний к другим (в развитии логики – неоспорима заслуга Аристотеля). Правила логики казались столь вечными, что их самих Б. Рассел предложил считать перво-атомами познания. О судьбе этой величественной программы, сведения всего наличного знания к логике, мы поговорим позже.

Устранение времени приняло крайние формы у элеатов, и Парменид вообще объявил, что ничто не изменяется (повторим вслед за Бертраном Расселом, что умеренность не была характерна для греческой мысли), сказав следующее: "Одно и то же – мышление и то, о чем мысль, Ибо без сущего, о котором она высказана, тебе не найти мышления. Ибо нет и не будет ничего, кроме сущего".

Об этом, по правде сказать, довольно темном отрывке исписаны комментаторами тома (среди последних по времени отметим Мартина Хайдеггера и Владимира Бибахина). Мне же кажется, что наиболее вразумительно перетолковал мысль Парменида Б. Рассел: "когда вы думаете, то думаете о чем-либо, когда вы употребляете какое-то название, то это должно быть название чего-либо. Следовательно, и мышление и речь требуют объектов вне себя. И поскольку вы можете мыслить вещь или говорить о ней в любое время, то все, что может быть мыслимо или высказано, должно существовать всегда. Поэтому не может быть изменения, поскольку оно состоит в том, что вещи возникают или уничтожаются. В философии это первый пример широкой аргументации от мысли и языка к миру"⁷. Заметим, что очень часто аргументация от языка к миру ведет к устранению изменения и ставке на вечное и неизменное. Точно тот же путь

⁶ Платон, Собрание Сочинений, т. 3, М. Мысль, 1994, Тимей, стр. 432.

⁷ Рассел Б. История западной философии, С.-Петербург, Азбука, 2001, стр. 87.

проделывает теоретическая физика, опираясь на язык математики, возвещающий вечные и неизменные законы природы, лстя самолюбию физиков-теоретиков. В таком случае: "совершенный образ истины – это таблица умножения, вечная и неизменная"⁸.

Интуиция пространства предложила грекам на роль перво-кирпичиков геометрические объекты, треугольники, кубы, пирамиды, замечательные в своей неизменности. Платоновское учение о правильных телах – основах мироздания, кажется нам наивным, но такой пронизательный человек, как В. Гейзенберг, заметил, что ехидничать здесь не над чем. Ведь, речь идет о том, что познаваемы не вещи, а математические структуры. Эта идея восторжествовала в квантовой механике, а затем пронизала и всю физику. Атом квантовой механики, не вещь среди вещей, но, скорее, математическая структура. Вся современная физика предпочитает познавать не вещи, но математические структуры. Р. Фейнман, объясняя студентам, что же такое электромагнитное поле, сказал: уравнения Максвелла и есть электромагнитное поле. Никакой картинки, изображающей поле в виде колесиков и шестеренок, для понимания природы поля нам, физикам, не нужно.

Программа полного сведения физики к геометрии долгие годы выглядела очень привлекательной; Эйнштейн, Уилер, Нееман считали ее реализуемой. Геометрические структуры современной физики далеко ушли от Платоновских кубов и пирамид, но разница здесь, скорее количественная, нежели качественная. Познаваемым оказывается все, опирающееся на фундаментальную интуицию пространства, превратившегося в общей теории относительности в пространство-время. Эйнштейновское пространство-время поспособствовало и дальнейшей нормализации времени, превращении времени в "не более чем координату". Эйнштейн считал Бергсоновскую философию, выделяющую время и настаивающую на его исключительной роли – ошибочной, и даже говорил, что различие между прошлым и будущим – не более чем навязчивая иллюзия.

Греки же поняли и следующее: мир познаваем не только потому что ограничен, но и потому что упорядочен, и называли мир "космосом" (порядком), а не акосмией – беспорядком и распушенностью"⁹. Понимали и то, что интуиция порядка – наиболее фундаментальна, и предшествует всем остальным,

⁸ *ibid.* стр. 937.

⁹ Фрагменты ранних греческих философов, М, Наука, 1989, Пифагор, 21, стр. 147.

платоновский бог первым делом упорядочивает хаос¹⁰. И с этим ни современная философия ни наука спорить не будут: "Если бы, кроме доходящей до нас действительности, существовала еще одна, хаотическая и не знающая закона, она бы не могла быть предметом мышления" (A. Riehl).

Для греков познание мира неотделимо от эстетики, континуум греческой мысли – эстетический. В. Библихин верно подметил, что свой фундаментальный труд, посвященный греческой мысли, А. Ф. Лосев не только по цензурным соображениям назвал "Историей Античной Эстетики". Разумное, познаваемое – красиво. В полной мере эта тональность сохраняется и в новой науке. Важность эстетических соображений в прогрессе точного знания трудно переоценить, правильная теория – самая красивая. Когда Э. Ферми спросили, не страшно ли ему было создавать первую атомную бомбу, ответил: "но это же - прекрасная физика!" Что и говорить, физика – вполне утонченная.

М. Алданов написал, что греки сжато, плотно, концентрировано прожили всю историю человечества. Признавая великолепную афористичность этой максимы, скажем: – не всю. Совсем неподалеку от Греции расположился народ, совершенно не интересовавшийся ни поиском перво-кирпичиков мироздания, ни совершенством правильных тел, но озабоченный тем, как правильно прожить жизнь, и очень рано понявший, что осмысленно можно существовать лишь в присутствии единого Бога. Народ, фанатично преданный идее единства мироздания. Преданный настолько, что даже отступники, еретики вроде Спинозы и Эйнштейна, несли на плечах груз этой моно-идеи (такое впечатление, что эта идея передается генетически). Картезианца Спинозу никак не устраивал дуалистический Космос Декарта, он признавал лишь одну субстанцию - бога. Эйнштейна не удовлетворяли невероятные успехи теории относительности, он надорвался в поисках общей теории поля, которой надлежало свести воедино все известные взаимодействия. Такими же мономанами были Маркс и Фрейд. Уже со времен средневековья ученый это не только тот, кто ищет перво-кирпичик мироздания, но и тот, кто озабочен единством мироздания и континуальностью мысли о нем.

¹⁰ Платон, Собрание Сочинений, т. 3, М. Мысль, 1994, Тимей, стр. 457-459.

Континуум еврейской мысли – этический, мудрецов никогда не интересовали законы природы сами по себе. Острые их мысли всегда нацелено на нравственный закон внутри нас, а не в звездное небо над нами. И, несмотря на это, наш с вами Космос, Космос современной науки – еврейский, не в меньшей степени, чем греческий. Фундаментальное единство мироздания - не рамка Космоса науки, а его суть. Наиболее существенные прорывы в понимании мира возникали при столкновении и синтезе первоинтуиций разума: пространства, времени, числа и порядка. Я попытаюсь это показать, попытаюсь показать и то, что на наших глазах это единство разрушается, а значит, наука вступает в эпоху нового язычества.

*"Научный эксперимент представляет собой...
подтвержденный разум".*

Г. Башляр

За "века мрака" греческая мудрость была забыта. Благодаря арабам и евреям, удалось сохранить ее крупницы, включая труды Платона и Аристотеля, и это было много лучше, чем тотальное забвение достижений греческой мысли.

Знаковая фигура Новой Науки – Галилей. В заслугах Галилея следует разобраться поподробнее. В популярных книжках, как правило, наивно объясняют переход от науки Аристотелевой к Галилеевской, современной; теоретику - Аристотелю, де, не приходило в голову бросать камни, а вот умница, Галилей, додумался до экспериментального метода. На самом деле, познавательный скачок был значительно серьезнее: именно Галилей изобрел теоретический метод, заменив естественное созерцание природы, условным миром физического эксперимента, проводимого в искусственных, навязанных природе извне условиях. Аристотель был очень наблюдательным человеком, в особенности это видно в его биологических штудиях. Галилей понял, что недостаточно созерцать вещи в их естественном бытии, надо их изучать, изымая из контекста их существования¹¹.

При этом молчаливо предполагается, что существует более широкий контекст пребывания вещей: контекст научной истины, вечной, неизменной и объективной. Так зарождается идея фундаментального единства природы. Законы этого единства могут быть изложены только языком математики, нетленной, вневременной грамматики.

¹¹ Соколик Г. Огненный лед.

Заметим, что попутно зарождается и инобытие вещей; вещи, параллельно своему привычному существованию, живут в бессмертном и прекрасном мире науки, гармонизированном законами природы. Этого, конечно, церковь потерпеть не могла. Галилей положил лапу, на мир иной, позабыв, что там распоряжаться могут только клирики, но никак не физики (с удовольствием пускаю в ход терминологию, разработанную М. Юдсоном).

Окном, в этот идеальный мир служит физический эксперимент, в котором тела ведут себя согласно навязанным им условным соглашениям - физическим законам. Ученый, наблюдая извне, через окно эксперимента за телами, остается "по ту сторону" вещей, в ход вещей не вмешиваясь. Наблюдатель устранен из классической физики.

Здесь мы сталкиваемся с парадоксальным характером рационального естествознания: с одной стороны, это "Я" задаю условия эксперимента, это "Я" постановляю, что считать важным, а чем пренебречь. Но с другой стороны, "Я" исключено из объективной физической картины мира, предполагается, что от меня эта картина не зависит.

"Математика, это то, что можно объяснить".

В. Токарева

Декарт был смертельно напуган расправой церковников над Галилеем и не считал, что есть такое знание, за которое стоит отдавать жизнь. Но именно Декарту принадлежат главные изобретения, определившие судьбу натуральной философии. Принято думать, что Декарт впервые сделал ставку на очевидное, ясное, прозрачное мышление, водрузил разум на основание, в котором невозможно усомниться. Ответ этот – не то чтобы не верен, но поверхностен. Никакая культура не может обойтись без некоторого минимума очевидных утверждений. Вопрос в том, что полагается очевидным? Ответ на этот вопрос не универсален, но историчен. Например, в традиционной еврейской культуре, бесспорно, очевидно, то, о чем упомянуто в ТАНАХЕ. До Нового Времени многие культуры строились вокруг священного текста, положения которого были неоспоримы, и безоговорочно принимались всеми носителями этой культуры. Очевидность, таким образом, носила не индивидуальный, а коллективный характер. Я, разумеется, не присутствовал при Сотворении Мира, но священный текст рассказывает о нем так-то, и все члены моей общины полагают этот рассказ бесспорно верным, отчего же и мне не согласиться?

Декарт переключил мышление на иную очевидность. Главное в его формуле – "Я". Очевидно, лишь то, что очевидно мне, моему внутреннему зрению. Удивительно, но именно эта новая, личная очевидность запустила машину рационального мышления. Удивительно, потому что, очевидное мне оказывается очевидным и другому. Несмотря на заведомое несходство наших мозгов можно сойтись в очевидностях. Быть может эта когерентность сознаний и есть самое загадочное, истинно мистическое в человеческом мышлении.

Но, что же абсолютно мне очевидно, помимо "я мыслю, следовательно, я существую"? На одном этом белом тезисе рационализма не построить. И здесь Декарт делает удивительный логический скачок, объявляя, что "...арифметика и геометрия гораздо более достоверны, чем все другие науки, а именно – предмет их столь ясен и прост, что они совсем не нуждаются в предположениях, которые опыт может подвергнуть сомнению, но всецело состоят в последовательном выведении путем рассуждения". ("Правила для руководства ума"). То есть, Декарт предполагает строить мышление на доверии к таблице умножения, к $2 \times 2 = 4$ (и вновь идеалом истины выступает таблица умножения). Не разумно ли предположить, что под словами "число, прямая, точка" все понимают одно и то же? Здесь опять самое время удивиться, ибо мы привыкли думать, что все математики и нематематики понимают под всем этими очевидностями одно и то же. На самом деле, вера в то, что все разумеют под числом и точкой в точности то же самое представляет собой нулевую аксиому рационализма. Мы возвращаемся к парадоксу, который уже обсуждали: в результате доверия к личной очевидности рождается безличное знание.

Декарту принадлежит и еще одно поразительное изобретение: декартова система координат. В ней впервые сошлись интуиции числа и пространства. Со времен Декарта всякое точное знание будет покрывать сетка оцифрованных линий. Декартовы координаты - невероятное и, по сути, монотеистическое изобретение; грекам не приходило в голову сталкивать числа и линии. Декарт искал единство мира и нашел его, "новизна Декарта, не в том, что он его нашел, а что он начал искать, то, чего раньше не искали"¹².

¹² Бибихин В. Чтение философии, Санкт-Петербург, Наука, 2009, стр. 170.

Философия Декарта, вывела за пределы еврейской общины Спинозу. Но Спиноза был слишком евреем, чтобы ассимилировать Декартов дуализм духа и материи. Меня совершенно очаровало рассуждение Спинозы о порядке. "Все, что способствует их благосостоянию ... люди, назвали добром, противоположное ему – злом. А так как не понимающие природы вещей ничего не утверждают относительно самих вещей, но только воображают их и эти образные представления считают за познание, то, не зная ничего о природе вещей и своей собственной, они твердо уверены, что в вещах существует порядок. Именно, если вещи расположены таким образом, что мы легко можем схватывать их образ..., и следовательно припоминать их, то мы говорим, что они хорошо упорядочены, если же наоборот – что они находятся в дурном порядке. А так как то, что мы легко можем вообразить, нам приятнее другого, то люди ставят порядок выше беспорядка"¹³.

Я с наслаждением вписал эту длинную цитату. В ней помимо ненавязчивого традиционного еврейского презрения к невеждам, наличествует и воля видеть мир единым. Порядок – добро, но порядок и приятен и хорош; на интуиции порядка пересекаются этический, познавательный и эстетический континуумы.

Только фанатику монотеизма могла прийти в голову идея написать труд о добре и зле в форме математического трактата, с аксиомами, теоремами и леммами, а именно так написана "Этика" Спинозы.

Лейбниц не вполне по-джентльменски отнекивался от влияния на свою философию Спинозы (связь со Спинозой была нехороша и с карьерной точки зрения, могли выйти неприятности с церковью, многие недурные вещи в истории человечества возникали при соединении густопсовых интересов с возвышенными). Но с точки зрения экспертов это влияние - несомненно. Несомненен и прорыв в наращивании единства мира, которому мы обязаны Лейбницу. Я имею в виду дифференциальное и интегральное исчисление, очень развившие интуицию числа. "Абсолютная непреходимая преграда между рациональным и иррациональным в математике выражается бесконечно малым числом, почти нулем ... Исчисление

¹³ Спиноза Б., Сочинения, т. I, Санкт-Петербург, Наука, 2006, стр. 286.

бесконечно малых и бесконечно больших, т.е. оперирование с тем, что не число, как с числом, преодоление несоизмеримости между числом и бесконечностью – дифференциальное и интегральное исчисление" (В. Бибахин) – могли возникнуть, если "искать, то чего не искали": новый взгляд на единство чисел¹⁴.

Это новое единство чисел, вобравших теперь в себя бесконечно малые и бесконечно большие, обеспечило новое, головокружительно высокое единство мира. Еще бы, человек стал на "ты" с бесконечностью. О бесконечности стало возможно содержательно говорить, ученые породнились с бесконечностью, к которой не приложим эпитет "дурная".

Лейбницу принадлежит вот какое поразительное утверждение: "quod non agit, non existit" (что не действует, то не существует). Г. Башляр слегка переиначил Лейбница: "всюду, где тело действует, оно существует". Так мы вплотную подбираемся к концепции физического поля. Один электрон, действуя на другой, проявляет свое существование за десятки метров от точки своей локализации. В некотором смысле, даже классический электрон оказывается размазанным в пространстве.

Наберемся окаянства и продлим чудесную мысль Лейбница: "пока вещь действует, она существует". Звезда давно взорвалась, но свет от нее все еще идет к нам на Землю, а, значит, звезда для нас существует. Декарт давно умер, но пока хотя бы один человек, читает его книги, Декарт жив.

Всем изучавшим (и даже "проходившим") физику знаком замечательный рисунок Ньютона, на котором камень, брошенный с высокой башни, постепенно превращается в спутник Земли. Даже не очень сообразительный ученик может понять из этого рисунка, что причина, притягивающая камень к Земле и вращающая Луну вокруг Земли, – одна и та же – тяготение. Ньютон, серьезно верующий христианин (главным делом жизни он полагал свой комментарий к книге Даниэля) обнаружил, то чего раньше не искали – единую причину движения тел – тяготение. В общей теории относительности Эйнштейна тяготение сольется с геометрией пространства-времени и скрытое единство мироздания предстанет во всей красе. Ньютону принадлежит и попытка изложить науку и природе, как математику, постулировав небольшой набор аксиом (физических законов, позволяющих объяснить весь наблюдаемый мир).

¹⁴ Бибахин В. Чтение философии, Санкт-Петербург, Наука, 2009, стр. 169.

Нам сегодня трудно оценить нетривиальность подобного подхода. Ведь для инженерных расчетов, щедро предоставленных в наше распоряжение механикой Ньютона, аксиоматический подход вовсе не требуется. Инженеру нет надобности знать, какие законы фундаментальны, а какие вторичны. Это ученый хочет не переделать мир, а объяснить его, сведя к ограниченному набору сущностей; Ньютон, конечно, был ученым первоклассным.

Что мне всегда было в механике Ньютона непонятным – это концепция вечного, абсолютного простирающегося во все стороны оцифрованного пространства-времени. Верующему христианину, полагавшему, что мир сотворен, эта концепция должна быть очень неудобна. Но ньютоновой механике требовался единый фон, и Ньютон пожертвовал логической последовательностью во имя общности картины мира. Мы увидим позднее, что подобную жертву придется принести квантовой механике.

Ньютоново пространство безгранично, но вспомним: уже Филолай уяснил, "что если бы все было безграничным, то вовсе не было бы ничего, что можно познать". Ньютоново безграничное пространство – однородно и изотропно, куда ни пойдешь, увидишь одно и то же, и потому познаваемо. Постепенно оформляется классический идеал рациональности, включающий "самотождественность познающего субъекта, непрерывность и воспроизводимость опыта и возможность переноса наблюдения по всему полю в любом направлении"¹⁵.

"На смену Homo faber приходим Homo mathematicus"

Г. Башляр

Со времен Галилея и далее через Ньютона и Лейбница в физике нарастает роль математики, а значит, на первый план выходят исчисление символов и оперирование знаками. "Осознание мира, как он приходит к нам от Бога, не может быть достигнуто в отдельных суждениях, имеющих независимое значение и относящееся к определенным фактам. Оно может быть получено только путем знаковой (символической) конструкции... Завершенное бесконечное мы можем только выражать в символах... Только в математике и физике насколько я могу видеть, знаково-теоретическая конструкция приобретает достаточную основательность для того, чтобы стать убедительной

¹⁵ Амелин Г.Г. Лекции по философии литературы. Лекция I. Темный лес и Ясная поляна, 2004, http://sbiblio.com/biblio/archive/amelin_lekcii/.

для всякого, чей разум открыт для этих наук" (Г. Вейль)¹⁶. Таким образом, природа постепенно перетолковывается в язык.

Единство мира осознается, как единство языка (идея, заметим, вполне каббалистическая), а когерентность познающих сознаний замыкается на однозначное оперирование словами этого языка. В классической физике эти процессы еще скрыты, природа в ней еще не вполне исписана, но в квантовой механике они выйдут на первый план.

Лаплас, Лагранж, Даламбер, Гамильтон отшлифовали ньютонову механику до неслыханного совершенства, наведя на нее математический глянec. Кант наведет на Декартово-Ньютонову вселенную лоск философский, назвав интуиции времени и пространства – формами познания, как сказал бы М. Мамардашвили "условиями познания", делающими знание возможным.

Но нас более заинтересует трагическая фигура Больцмана. В изобретенном им понятии энтропии непостижимо столкнутся две фундаментальные интуиции – интуиции порядка и времени. Оказалось, что "стрела времени" замкнута на интуицию порядка. Это было так неожиданно, что научное сообщество оказалось неспособным эту идею переварить, Больцман воистину нашел то, чего не искали. Отчаявшись убедить косных собратьев, Больцман покончил жизнь самоубийством. Между тем, единство мироздания нигде не выявляется столь выпукло, как в концепции энтропии.

Энтропия любой замкнутой системы, согласно Больцману не убывает. Переведем на нормальный человеческий язык: беспорядок в замкнутой системе склонен нарастать (этот непобедимый аргумент очень радует мою дочь, когда взбешенный папа требует в сотый раз навести в ее комнате порядок). Если полагать нашу Вселенную замкнутой, то она, в конце концов, должна перейти в абсолютно беспорядочное состояние (погибнуть). Между тем, наблюдаемый нами мир – несомненно высоко упорядочен. Откуда же он взялся этот порядок, и кто его поддерживает? Человеку религиозно озабоченному на этот вопрос ответить не сложно.

Больцмановская энтропия – переупорядочила мир науки. В нем появилась стрела времени, неумолимо летящая из прошлого в будущее. Люди неученые знали об ее существовании всегда, без труда отличая будущее от прошлого, но в дело вмешалась и

¹⁶ Вейль Г. цит. по М. К. Мамардашвили, Стрела познания, М. Школа "Языки русской культуры", 1996, стр. 43.

спутала карты механика Ньютона, не ведающая этого различия; все ее уравнения обратимы во времени. Мы до сих пор не знаем в точности, как из обратимых уравнений механики, возникает печально нам знакомый необратимый мир. Так что, есть о чем подумать.

Любопытно, что для распознавания в энтропии информации потребовалось столетие, что лишний раз иллюстрирует ту нехитрую мысль, что находят лишь то, что ищут.

Имеет смысл порассуждать о мире классической науки, так как он сложился к концу XIX века, мире, явившем, быть может, наиболее гармоничный Космос, когда-либо обустроенный человеческим разумом. Его единство обеспечивалось изящными уравнениями аналитической классической механики, производящими столь сильное впечатление на небезразличный к красоте уравнений ум, что даже очень светлые головы, вроде Максвелла, мыслили весь мир вполне механистически (Максвелл и электромагнитное поле представлял себе именно так). В этом мире будущее в точности определено прошлым (хотя принципиальной разницы между ними нет, можно себе представлять кинолентку событий, крутящейся в обратную сторону). При этом перетекание из прошлого в будущее происходит непрерывно, как непрерывно меняет свою форму разминаемый ком пластилина. Скачков и разрывов нет, мир континуален. Право жаль, что жить этому миру пришлось недолго.

Когда в спектре атома водорода появились закономерности описываемые целыми числами, это казалось явным недоразумением. Казалось, из гроба поднялась тень Пифагора, завещавшего нам, что "числу все вещи подобны". Понадобился гений Бора, чтобы осознать, что обустраивается новый Космос, отнюдь не напоминающий разминаемый пластилиновый шарик. Мир, в котором на почетное место вернутся скачок и прерывистость. Боровским прозрениям в физике, предшествовало философское удивление, которым он к нашему с вами счастью и к несчастью жителей Хиросимы и окрестностей Чернобыля поделился. Бора изумила устойчивость и неизменность наблюдаемого нами мира. Атом – устойчив (Парменида, полагавшего, что в мире ничто не изменяется, это бы вовсе не удивило). Неизменному, самотождественному атому нет места в мире классической науки, отчего бы и атому не меняться, как пластилиновому шарик? Бор понял, что атом не вещь среди вещей, но скорее платоновский идеальный объект, или слово в

языке новой науки¹⁷. Но, признав прерывистость мира, пришлось расстаться и с его временной континуальностью. В мире квантовой механики будущее не вполне определено прошлым, но лишь вероятностно.

Бор и отцы основатели квантовой механики придумали язык, в котором слова означают, не вещи, но, то, что мы можем о них знать, в котором мы сознательно жертвуем точностью описания мира во имя всеобщности (Воронель), и в котором единство и связность мира осознаются, как единство текста, набора уравнений.

Параллельно миру квантовой механики продолжал развиваться континуальный мир классической науки, достигнув своей вершины в общей теории относительности (ОТО) Эйнштейна. В ОТО синтез интуиций пространства, времени, и числа достигают неслышанной гармонии.

Важно понимать, что Вселенная Эйнштейна – медленная Вселенная, в ней ничто не происходит мгновенно. Скорость света не просто максимальная скорость движения тел, но также и наибольшая возможная скорость передачи сигналов. Скреплен ли наш Мир еще чем-либо кроме света, мы не знаем (В. Бибахин).

Порознь теория относительности и квантовая механика прекрасно работают. Между тем, "великое объединение" квантовой механики и теории относительности не достигнуто до сих пор. Мир современной физики ладно скроен, но некрепко шит. Долгие годы это объединение было вожаденнейшей мечтой физиков, и вот, кажется, совсем недавно "потеплело". В работах Verlinde интуиции пространства, времени, и числа сомкнулись на интуиции порядка, и гравитация осознается, как квантовая "энтропийная" сила¹⁸. Я с немалым удовлетворением прочитал работы Verlinde, ибо мне всегда энтропия казалась более фундаментальной величиной чем энергия, ибо энтропия замкнута на интуицию порядка, самое фундаментальное из наших представлений о мире. Светлой памяти Илья Михайлович Лифшиц говаривал, что истинный босс предприятия "Вселенная" – энтропия, указывающая направление развития; энергия – не более чем рачительный казначей, следящий за тем, чтобы ничто не терялось. Если теория относительности развила и преобразовала интуиции пространства и времени, то квантовая механика

¹⁷ Гейзенберг В. Физика и философия. Часть и целое. М. Наука. 1989.

¹⁸ Verlinde E., On the origin of gravity and the laws of Newton, Journal of High Energy Physics, 2011, 4, 29.

оперлась на интуицию числа. В квантовой механике "кажется, что то, что притягивается это системы различных квантовых чисел, а то, что отталкивается, системы тождественных квантовых чисел"¹⁹. Разуму предлагается отказаться от наглядности в описании природы, во имя общности, опертой на фундаментальную интуицию числа.

Квантовую механику не понимают, но к ней привыкают, решая сотни задачек. Оказывается, привычка – замена не только счастью, но и пониманию (впрочем, их уравнил в правах незабвенный "Доживем до понедельника").

На этой оптимистической ноте было бы уместно закончить наш очерк, но не выходит. Как всегда, с верхней точки подъема хорошо виден спуск. Как бы не различались теория относительности и квантовая механика, их объединяет безмерное уважение к математике. Начиная с Галилея, уравнения вытесняют в физике описания²⁰.

Оставив удивляться "непостижимой эффективностью математики" безответственным болтунам-философам, физики тихо согласились в том, что единство мира наилучшим образом просвечивает через уравнения, а значит и в том, что единство мира осознается единством текста, записанного языком математики. Так не резонно ли предположить, что элементы этого текста и есть перво-кирпичики мироздания, на поиски которых отправились греки? Это вдохновляющая программа была наиболее полно реализована Бертраном Расселом.

Рассел заметил важнейшую особенность теории относительности. Теория относительности предпочитает говорить не о вещах, а о событиях. Мир теории относительности не совокупность физических тел, но вместилище свершившихся и свершающихся фактов. А о фактах можно научиться непротиворечиво говорить, по возможности избегая бестолковщины, нечетких определений и двусмысленностей, столь свойственных человеческому языку. Таким образом, проблемы философии, на самом деле, – проблемы синтаксические; выработав правильные логику и синтаксис, мы сорвем покрывало с тайны, ловко сброшенной философами на окружающий мир.

Рассел был глубоко убежден, что истинное знание доставляется математикой, а математика в свою очередь сводима к логике. Он был также уверен и в том, что ему удалось избавить

¹⁹ Башляр Г., Новый рационализм, М. Прогресс, 1987, стр. 44.

²⁰ *ibid.* стр. 74.

человечество от "глупых разговоров о существовании, начатых еще в "Теэтете" Платона"²¹.

Мне так кажется, что глупые разговоры о существовании исчезнут только вместе с человечеством. Всякая последовательная философская программа сведения всего на свете, к чему-либо первичному отдает безумием, но именно в этом безумии – суть философского поиска. Величественный труд Рассела и Уайтхеда "Principia Mathematica" был написан одними символами, словам нормального человеческого языка, отвратительно двусмысленным и плохо определенным, в нем места не нашлось. Меня, в этой связи, всегда забавлял вот какой вопрос: если бы марсианину попались в руки ноты соль-минорной симфонии Моцарта, догадался ли бы он о том, что перед ним музыка? Или, если без ерничества: возможно ли хоть какое-либо знание о мире без обращения к повседневному человеческому языку? Большому, хромающему на обе ноги человеческому языку, несовершенному всеми несовершенствами человека. Наверное, возможно; музыка предьявляет нам такое знание. Но, пока, она остается достоянием искусств, а не наук, а мы говорим о философии естествознания.

Последовавшие затем поразительные успехи квантовой механики, в которой уравнения оказались не тем при помощи чего мы познаем мир, но тем, что познается, казалось, подтвердили прозорливость Рассела (надо сказать, что расселовская "философия логического анализа", в самом деле, навела порядок во многих путаных проблемах). Удар последовал с совершенно неожиданной стороны. Гниль завелась в самой сердцевине Датского Королевства, червоточина обнаружилась в самой королеве-логике. Теорема Геделя положила конец грезам о самосогласованной, самодостаточной логике, приучая нас к мысли о том, что существуют высказывания, об истинности которых мы никогда не сможем составить окончательного суждения. Но это были только цветочки. Зашаталось все здание классического рационализма.

Напомним, что это здание покоится на представлении о личной очевидности, бесспорной и непогрешимой, как таблица умножения. Мое рассуждение может быть сколь угодно сложным и изощренным, но за конечное число шагов оно должно сводиться к простым и неразложимым истинам. Сегодня о многих вроде бы правдоподобных утверждениях, мы не можем составить твердое суждение: истинны они, или нет.

²¹ Рассел Б. История западной философии, С.-Петербург, Азбука, 2001, стр. 946-949.

Характерна ситуация, сложившаяся с доказательством великой теоремы Ферма. Оно вроде бы получено, но столь изошрено, что трудно было найти добровольца, готового ухлопать месяцы на его проверку. Неспециалисту остается верить в то, что великая теорема Ферма доказана. Какая уж тут очевидность? "Большие доказательства начинают жить по каким-то своим, макроскопическим законам... Получается, что хотя все доказательства должны, по определению, быть убедительными, одни доказательства убедительнее других, т.е. в большей степени являются доказательствами чем другие. Возникает нечто вроде градации доказательств по степени доказательности – идея, которая, конечно, в корне противоречит первоначальным представлениям об одинаковой непреложности всех доказательств. Но ведь и математические истины допускают нечто вроде такой градации. Каждое из следующих трех утверждений: $2 \times 2 = 4$, $1714 > 3111$, $300! > 100300$ истинно. Однако мы говорим: верно, как $2 \times 2 = 4$, но не говорим: верно, как $1714 > 3111$ или верно, как $300! > 100300$ " (В. А. Успенский, "Семь рассуждений на темы философии математики").

Особые неприятности возникают в связи с применением "аксиомы выбора". Некоторые математики полагают доказательства, полученные без ее применения "более истинными", возникает странная иерархия истинности и очевидности.

Декартова "личная очевидность" окончательно растворилась в море результатов, полученных при помощи компьютерного моделирования. Вот я слушаю доклад, в котором ученый моделировал некий процесс. Расчеты на суперкомпьютере заняли месяц машинного времени. Что сказать о результатах? Быть может они и верны, но явно не в картезианском смысле этого слова, черт его знает, что там творится в компьютерных мозгах. В этом плане характерна ситуация, сложившаяся вокруг глобального потепления. Прогнозирование климата доступно только суперкомпьютерам. А значит, ничего не остается, кроме доверия группам экспертов, занимающихся компьютерным моделированием, о Декартовой очевидности следует забыть. А эксперты – люди, им надо получать гранты...Огромные успехи науки создали впечатление ее прочной обоснованности, оказалось, между тем, что занятия наукой более напоминают ходьбу по болоту, нежели танцы на паркете. Как говорил, много размышлявший о философии науки Г. Вейль: "Процесс познания начинается, так сказать, с середины и далее развивается не только по восходящей, но и по нисходящей линии, теряясь в неизвестности. Наша задача заключается в том, чтобы постараться

в обоих направлениях пробиться сквозь туман неведомого, хотя, конечно, представление о том, что колоссальный слон науки, несущий на себе груз истины, стоит на каком-то абсолютном фундаменте, до которого можно докопаться, является не более чем легендой". Две с половиной тысячи лет философы и ученые искали первооснову мироздания, и сегодня само представление о такой основе мы признаем легендой. Ни мир, ни сознание не удастся разместить на чем-нибудь безусловно надежном. Принципиально новым моментом является то, что это никого не волнует. Кажется, профессора не отдают себе отчета в том, какая бездна разверзлась у них под ногами.

Вместе с декартовской очевидностью приказал долго жить и второй столп классического рационализма, - идеальный субъект, самодовольно и беспристрастно озирающий все без ограничения равномерно освещенное поле экспериментальных фактов. Пренеприятный прямо скажем субъект, к его истреблению приложили руку Маркс и Фрейд, показав, что, на самом-то деле, за нас мыслят наши интересы и гормоны. Светло только там, куда направлен наш взгляд. Все остальное покрыто непроницаемым мраком.

На интересах следует остановиться подробнее. Можно спорить о причинах изменения климата Земного Шара, но микроклимат научного сообщества бесспорно изменился с тех пор, как наука из аристократического хобби превратилась в массовую и неплохо оплачиваемую профессию, а наука это все же то, чем занимаются ученые. Нужно очень ясно отдавать себе отчет в том, что громадное большинство носителей степени PhD учеными в собственном смысле слова не являются. Они не озабочены ни поиском перво-элементов мироздания, ни единством Космоса. Их деятельность попросту в этом не нуждается. Экстенсивному развитию науки нет дела до единства Вселенной. Я вот, например, занимаюсь экспериментом и теорией поверхностных явлений, но никогда не испытывал потребности в результатах, доставленных стандартной моделью элементарных частиц или теории струн. Полагаю, что не испытывает в них потребности и 99.9% сегодняшних ученых. Мы – в лучшем случае инженеры, с маленькой буквы инженеры, ибо наши результаты зачастую отличает от настоящей Инженерии их полная бесполезность.

Я рецензирую в год несколько десятков статей. Мне очевидно, что большая часть из них написана оттого, что доценту N. совершенно необходимо стать профессором. Я жестко бракую 80% попадающих ко мне на рецензию статей, однако, через месяц

отфильтрованный мной информационный мусор появляется в Сети. Размножившиеся, как поганки, open access научные журналы делают борьбу с халтурой и плагиатом невозможной.

Мы уже привыкли к тому, что врачи превратились в "специалистов по левому уху", но такова судьба всех сегодняшних экспертов. Если ты не хочешь превратиться в чеховского ученого соседа, или академика Петрика, необходимо сосредоточиться на очень узкой области знаний, и оставить общие вопросы говорунам-философам, которых всерьез никто не принимает. Но, к чему же ведет экстенсивное развитие науки? Филолаю было ясно, что "если бы все было безграничным, то вовсе не было бы ничего, что можно познать", но это, вроде бы, неясно моим коллегам. Безграничное накопление знаний, выдаваемое на-гора наукой, обесмысливает все научное предприятие.

Бор, Гейзенберг и Эйнштейн не придерживались определенных философских систем, но любили порассуждать на философские темы и делали это мастерски. Их наследники (припомним, например, Р. Фейнмана) уже говорили о философии с совершенным презрением. Утрата интереса к философии – верный признак превращения науки в ремесло, вроде кулинарного, где по очень мудреным рецептам изготавливаются аппетитные блюда (не всегда, заметим, полезные).

Российское телевидение недавно объявило конкурс "На лучшее объяснение устройства мира". Модный ведущий А. Гордон опрашивал крупнейших физиков, философов, биологов. Ученые говорили профессорски кругло, складно и очень убедительно. Поражало, однако, что лекторы совершенно не нуждались друг в друге, и результатах своих коллег. Было видно, что все они кадят разным богам, и истукан теории струн вполне независим от идолов антропного принципа. Налицо зарождение современного язычества, изящного величаемого "постмодернизмом".

Кант говорил, что его душу наполняют трепетом "звездное небо над нами, и нравственный закон внутри нас". Более того был убежден в том, что одно без другого невозможно. Страшная энергия Века Просвещения питалась иллюзией разумного обоснования морали. Казалось, что "простое возведение внутренних достоверностей сознания способно уничтожить предрассудки, в которых живет масса"²².

²² Мамардашвили М., Классический и неклассический идеалы рациональности, С.-Петербург, Азбука, 2010, стр. 216.

Действительность оказалась иной. Само ученое сообщество превратилось в массу, охотно отзывающуюся на политическое камлание (вспомним позорное присуждение Нобелевской премии борцам с глобальным потеплением). Свежий пример торжества восстания научных масс - выпас табунов ученых на полях нанотехнологии и графена. На этих полях ищут то, что можно найти – гранты. Покончив с очевидностью и похоронив субъекта классической науки, нам не на что твердо поставить ногу; телеведущим остается бормотать: "и ты прав, и ты прав".

Звездное небо и нравственный закон разошлись по разным отсекам нашего с вами сегодняшнего разбитого, осколочного Космоса. Мировые религии пытаются сохранить нравственный закон во Вселенной, все еще стоящей на черепашке. Немудрено, что это им неважно удастся; истрепанное веками космоложество не вдохновляет. Ученые предпочитают на моральные темы не размышлять, полагая, что кривая научного поиска сама вывезет. Опять же неудивительно, что часто она вывозит совсем не туда.

Завершая очерк о философии естествознания и переименовав Пастернака скажем, "что вопрос о пользе философии возникает только при ее упадке, в то время, как в периоды ее процветания никто не сомневается в ее полной бесполезности". Нелишне, однако, помнить, что лишь бесполезное – осмысленно.

Наум Брод

МЫСЛИ О МЫСЛИ

*Кур убивают и съедают...
И вот какая **мысль** снедает:
по всем законам бытия
одной из кур мог быть и я?*

Автор

1. ГДЕ МЫ «ТЕРЯЕМ МЫСЛЬ»?

то такое мысль? Почему я, написавший «что такое мысль», уверен, что меня поймут, по крайней мере, мои русскоязычные сограждане? И почему под словом «мысль» мы понимаем нечто, отличное от других слов, например, от слова «например»? А что такое «понимаем»?

Мы говорим «мысль весома» или «легкомысленный» и тоже понимаем, о чем речь. Что, ее можно взвесить? На каких весах? И что они покажут? И как ее взвешивать вообще? Хотя «мир един и все в нем взаимосвязано», воспринимаем мы его конвенционально. Само **слово** «мысль» тоже, вроде бы, конвенционально, но я не могу увидеть его границы или положить на стол, как, например, лист бумаги, на котором я вывожу эту замечательную догадку. На бумаге будут буквы, образующие слово, в процессе чтения или размышления о них мы поймем, что это за буквы и что за слово они образуют в своем сочетании, но **мысли** обо всем этом на бумаге не будет! Где тогда?

Мать чувствует на расстоянии: что-то случилось с ее ребенком - он послал ей свою тревожную мысль? **Послал** – что?

«Я вижу черный круг» и мой реципиент в соседней комнате... в соседнем городе! – повторяет вслух: «Я вижу черный круг». Что происходит в этом эксперименте (если происходит)? Моя мысль пронеслась по невидимому проводнику, так и так связывающему двух участников эксперимента? И, опять же: что именно **понеслось** от меня к реципиенту?

Я очень удивился, не обнаружив в «Энциклопедическом словаре» слова «мысль». Заглянул в «Философский» и

«Психологический» - тоже нет. Обратился за помощью к Ожегову, там четыре толкования, привожу их все: «1. то же, что мышление; 2. то, что явилось в результате размышления; 3. то, что заполняет сознание; 4. убеждения, взгляды. Первые два, по-моему, не о мысли, а о том, что происходит ДО появления мысли, не говоря уже о почти что тавтологии. Последнее – наоборот, ПОСЛЕ появления мысли (вначале, вроде бы, мысль, а потом уже убеждения). Остается то, что меня интересует: что именно «заполняет сознание». У него же: «сознание – мысль, чувство...». Выходит, мысль – это то, что заполняет... мысль. Словарь синонимов «мысль» сводит в один ряд с «мышлением». Смотрю в «Философском»: «мышление – высший продукт особым образом организованной материи – мозга». «Высший продукт» - это что? И тут же: «активный процесс отражения объективной действительности в представлениях, понятиях, суждениях и т.д.». Так «активный процесс» или «высший продукт» этого процесса? Институты, изучающие мозг, надо думать, добились серьезных успехов: этот участок отвечает за такие действия, этот – за такие мысли. Что-то умеют отключать, что-то – включать и «особым образом организованная материя» работает лучше прежнего, – т.е. продуцирует мысли: вот ее только что не было, а вот она уже воспарила. Но в руки исследователей не далась.

В «Психологическом словаре» «мышление - процесс познавательной деятельности индивида». Что такое «познавательный» нахожу у Ожегова: «относящийся к познанию», а «познание», если кто не знает, - «накопление знаний». Наконец, «знание»: совокупность... познаний. Приехали!

Попробовал найти ответ у признанных авторитетов. К. Маркс: «Язык есть непосредственная действительность мысли». Язык – это след мысли, а не ее сущность, которую я пытаюсь понять. А «действительность» - как хочешь, так и понимай. Еще один гений, А.С. Пушкин: «Что же и составляет величие человека, как не мысль?» Ну и что же «составляет величие»? Можно продолжить. Мысль, а точнее мышление как процесс – физический, химический, физиологический, информационный и проч., везде описывается как «явление духовной деятельности», хотя и эти категории нам ничего не проясняют. А испугаться – разве не мысль? Любое чувство мотивировано какой-то мыслью о чем-то, так что, если вдуматься, невозможно корректно разделить сферы приложения деятельности человека на те, где главенствует мысль, и те, где главенствует чувство. Но животные тоже обладают чувством. И, говорят, даже растения!

Разумеется, источники сведений не исчерпываются словарями и литературой на моей книжной полке, но, насколько я понял, все определения как бы проскальзывают мимо объяснения сущности мысли и сводятся либо - и чаще всего - к **процессу мышления**; либо - к **содержанию** сознания. Мышление, хотя и является по роду существительным, т.е. наше представление о нем конвенционально, по существу не имеет никаких параметров, с помощью которых мы могли бы обозначить: вот мысль, а это – не мысль. Или: вот **содержание** сознания, которое относится к мысли, а вот – к чему-то другому. А если в сознании ничего другого, кроме мысли, нет, значит, сознание – это и есть мысль? Тогда что собой представляет сознание, как сущность?

Когда я обращаюсь к своему сознанию, где архивируется само слово «сознание»? А слово «мысль»? Или они возникают только тогда, когда их призывает мой мозг? Слово, как звук, как колебание волн, может быть описано физическими параметрами – от колебания мембраны в ухе до импульсов между двумя нейронами в нашем мозгу. Во что оборачиваются физические процессы в нашем мозгу, что мы не только реагируем на колебание волн, но «до нас доходит» мысль, которая вызвала колебание волн?

О движении, силе, интуиции мы можем судить только по их следствиям: надавил, раздавил, толкнул - здесь мы видим вмятину, здесь перемещение из точки А в точку Б, - но каким шупом погрузиться в само движение? В саму силу? В интуицию? Что это за материя такая? То же с мыслью: мы в состоянии констатировать только ее последствия. Мы можем измерить импульс при произнесении слова «мысль» (по крайней мере, можем представить теоретически), может быть, - и при «думанье о мысли». И далее: «думанье о думанье о мысли», «думанье о думанье о думанье о мысли»... - до бесконечности. Но это всегда будет только процесс и его результат: от раздражения - к слову, знанию. Импульс – это импульс, дернулся какой-то нейрончик, пульнул электрическим зарядом в соседа, тот – возбудился. Пульнул еще дальше... Посверкали нейрончики своими зарядами, передали какие-то сигналы в мои рецепторы, заставили их как-то отозваться, среагировать, и, пожалуйста, – готовое знание. Но **где собственно мысль?** Что за неведомую нам сущность она представляет?

Можем сформулировать вопрос так: что происходит в промежутке между импульсом, спровоцированным раздражителем, и результатом, который нам представляется мыслью? Мы все, что угодно, можем видеть, слышать, трогать,

осязать, взвешивать – называть, обозначать, обдумывать, комбинировать, оценивать. А вот что между этими двумя рядами? Что всегда готово «воспарить» над тире? Во что превращается то, что не поддается нашим измерениям, и потом называется «мыслью»?

Вот лежит «чистый лист бумаги». Можно представить его «биографически»: как он «из лесу вышел», прошел целлюлозно-бумажную технологию, попал на прилавок, и, наконец, оказался в моем принтере. Можно положить под микроскоп и долго рассказывать о его строении: поры, молекулярная решетка, микроорганизмы и прочие подробности, недоступные невооруженному глазу, а в каких-то случаях и вооруженному, напр., силы взаимодействия в ядре. Все это нам раскрывает о себе сам «чистый лист», но ничего этого ни в нем, ни на нем самом нет: не написано, не озвучено, не нашептано листом. Это – в нашем воображении, наше знание о листе, облеченное в слова и формулы. Наши **мысли о «чистом листе»**, его содержании, которое перешло к нам. Но где оно теперь и что собой представляет? «Нет ни одной мысли в голове», – кокетливо любим мы заявлять. Но это ведь тоже мысль! Значит, чего у нас нет, когда «нет ни одной мысли»? А что тогда есть?

«Оставь мудрость, отбрось знание – это окупится во сто крат», – советует нам Лао-Цзы. Что именно оставить? Где? А «оставив мудрость», с чем таким мы останемся, что должно окупиться «во сто крат»? Мудрец явно лукавил: как бы он сам дошел до мысли ее оставить, если бы он ее оставил раньше, чем... дошел до этой мысли? И как бы мы об этом прознали? Но в какой-то степени мы можем последовать его совету. Попробуем найти ответ на вопрос «что такое мысль?», не обращаясь к экспериментам, не погружаясь в современные лаборатории, не прибегая к сложным математическим выкладкам. Ведь мудрец говорит о мудрости, когда ничего этого не было. А мудрость была. Может, она была всегда?

2. В ПОИСКАХ ЗЕМНОГО РАЗУМА

Чтобы добраться до зарождения мысли, ее начала (если такое было), нам понадобится «открутить» все накопленное знание назад.

$$1+1 = 2.$$

Перевожу с арабского на русский: один плюс один равняется два. Серьезная мысль, между прочим. До нее ведь человек допер далеко не сразу, став на ноги. В природе ничего похожего нет, так что, вроде бы, можно считать это достижением человеческого интеллекта. Правда, процессы «сложение» и

«равняется» взяты из опыта: вот мы что-то **складываем**, а вот мы **равняем**. Оттуда же представление о «1»: перед глазами множество раз нам являлись объекты, сиротливо напоминающие о своем ОДИНочестве. Например, одинокая палка, которую однажды заметил мой далекий предок и стал сбивать ею плоды. Значит, был какой-то переход от **смотрения** на палку к **догадке** о том, что с ее помощью можно достать плод. Что он собой представляет? Палка оставила след в его воображении, мелькнула догадка о ее пользе и тоже закрепилась в его воображении, – а что собой представляет то, что **мелькнуло**? Какая-то связь, какая-то плоть, какая-то «энергетическая дуга» соединяющая палку в воображении и **понимание** ее пользы?

В нашем простеньком равенстве все – мысли: и складывание, и равняется, и сами цифры, они же – символы. Уже не говоря о воплощении их на бумаге через сложнейшие технические приспособления: компьютер, картридж, программы!... Но в каких закоулках мозга прячутся мысли под названием «один», «два», «равняется», «плюс»? Каково их физическое качество? Когда произнесенное и написанное слово отзывается в нас звучащим и увиденным словом, – понятно. Непонятно, как увиденное и услышанное становится **словом**, которое нельзя ни увидеть, ни услышать, ни измерить, а оно есть! (Сейчас речь не об этимологии). А еще есть что-то, что получается от сложения слов. И что-то между словами – совсем не понятно, что. И еще надо разбираться с **«мгновенностью»** перехода-передачи.

На чистом листе я вывожу слово «единица» – в воображении появляется цифра 1. Почему я знаю, что это цифра 1? Что собой представляет переход от сочетания букв «единица» к пониманию ее как «1»? Каждой букве соответствует свой импульс, их сочетание рождает во мне какие-то новые импульсы, мозг посылает их в кладовую памяти, где такими же или примерно такими же импульсами отзывается цифра 1. Но это опять только **импульсы**! А сама **цифра** как же?! Где прячется **«мысль о цифре»**? На каком-то экране? В каком-то нейроне? И в каком качестве она там пребывает? Ведь как только мне требуется установить равенство «единица – это 1», оно тут же к моим услугам.

Оставим пока механизм воспроизведения – мозг, нейроны, импульсы и проч. физиологические подробности. Все это моментально срабатывает и... готовый результат – мысль о единице. Как поймать ее в момент возникновения? Только что был всего лишь импульс, – а вот уже мое **знание о «единице – 1»!**

Фраза «**знание о «единице-1»**» тоже может быть описана импульсами: вот импульсы - а вот уже мое **следующее знание «фраза «знание о «единице – 1»**». Этот процесс можем продолжать до бесконечности. И каждый раз от импульсов мы получаем готовую мысль, которая непонятно, как возникает и что собой представляет, когда мы ее понимаем, как мысль, а не как недавние импульсы. Даже если у процесса мышления есть длительность, можем смело пропустить сам процесс, потому что нас интересует не он, и не готовый результат, а то, что вплотную подходит к цифре «1», но еще не стало понятной нам цифрой. Мысль где-то здесь. Что это?

Есть логика – структура мысли, есть математика – образ мысли, есть литература – слово. Нет физики мысли. «Один плюс один равняется...» – здесь слово, символ, логика, математика, даже процесс. Нет физики: знания о «плоти» сущности под названием «мысль».

Поиск появления мысли в прошлом. Начнем с меня. Когда ко мне пришла первая мысль: когда я произнес слово «мама»? когда радостно среагировал на побрякушку? Или когда меня первый раз поднесли к материнской груди и я безошибочно... «**понял**», куда меня поднесли? Ладно, это, скажем, **животный инстинкт**, которым природа однажды одарила и все человечество. Но вот мой далекий предок неандерталец достает одну сухую палку, потом находит вторую палку – кладет рядом с первой и садится ждать удара молнии. Он уже знает, что загорится костер, но не знает, что это «костер» и даже, что палка – «палка» и что он их «складывает». Выходит, у неандертальца, нет мыслей, но его действия, с точки зрения Наума Брода, живущего в 21-м веке, вполне разумны, ос**МЫСЛЕ**нны. Он ведь не поступает обратным образом: из кучи палок отбирает одну, относит в сторону, потом отбирает вторую – опять относит и т.д., а потом садится возле пустого места и ждет, когда загорится. Нет, он уже усвоил, что «последовательность действий» для «получения желаемого результата» должна быть именно такой, а не обратной. Но как эти вполне разумные заключения стали содержанием его ума?

Когда-то человечество было молчаливым. Начало его мыслительной деятельности очень точно представлено в старом анекдоте. Сидят три неандертальца у костра. Уминают мамонта. Наелись.

ПЕРВЫЙ (отрыгнув) Ба-а-а...

ВТОРОЙ (отрыгнув) Бу-у-у.

ТРЕТИЙ (так же) Бы-ы-ы...

Десятки тысячелетий человечество осваивало речь – через мычания, рычания, подражания, восклицания, междометия, первые повторяемые звуки, становящиеся обозначением знакомых предметов и т.д. Но эволюция речи, мышления – от первых рецепторных реакций до формирования памяти и ощущений – это опять только следы процесса мышления. Следы мысли.

Все, что образуется ПОТОМ, понятней, чем то, КАК НАЧИНАЕТСЯ. Поясню. Если следовать установленной закономерности, что «один плюс один равняется два», то, добавив еще «один», получим «три». Добавив три» или «удвоив» – получим «шесть» И т. д. Однажды зацепив какую-то последовательность, мы уже чувствуем себя вполне комфортно: наша логика нас не подведет. Сама природа подсказывает нам порядок вещей: день сменяется ночью, малое умещается в большом, большое складывается из малого, толкнул – поехало. Как будто все начинает «катится само собой». Ну, хорошо, подсказала, одарила неандертальца **знанием о себе**, но в какой момент? И **чем она стала** в его мозгах?

В поисках объяснения феномена разумного наука держит перед собой образец разумного – хомо сапиенса. У муравья, который тащит тростинку к муравейнику, нет знания ни о тростинке, ни о муравейнике, ни о том, что он «тащит». Когда он возвращается за второй, он не **складывает** «одна плюс одна равняется...». Но ведь его действия со стороны наблюдателя-человека тоже вполне осмысленны! Они что, осмыслены, но без... мысли? Может, разумное не есть прерогатива «человека разумного»?

...Вот пустая планета Земля. Недавно сгустились газы, образовались океаны и материки, успокоились вулканы, появились первые растения - мысли нет, раз нет ее носителя. По крайней мере, в нашем последующем понимании. Неживая природа... живая природа... (момент перехода можем опустить – среди теорий появления жизни на земле любая мне сейчас подходит). Микробы... вирусы... клетки... нечто первое, самостоятельно шевелящееся... мальки, рыбы – о мысли никто не помышляет, не задается вопросом «что это такое?». Земноводные переползают на сушу... скорпионы... птеродактили... всякая ползучая - летучая хренотень – вроде тоже лишённые мысли. Человекообразные... человекоподобные... австралопитеки-неандертальцы – еще никто ни чем серьезном не думает, но кто-то из них уже взял в руки палку. Стоп! Это уже факт осмысленных действий, признанных серьезной наукой. Где-то уже случилось озарение мыслью, сопоставимое с гением Эйнштейна. Но где?

Опять отступим назад.

Таракан резко меняет свой маршрут, наткнувшись на препятствие – это называется инстинктом самосохранения. Что-то похожее продемонстрировал я, когда потянулся к груди матери. Животное **не знает**, что дерево есть «дерево», а я **не знал**, что грудь есть грудь. Это не помешало мне насытиться, как не помешало животному воспользоваться листьями дерева, чтобы заглушить голод. Или пользоваться его корнями, чтобы залечить рану. Это тоже относится к инстинкту. Однако, реакция таракана на опасность отличается от реакции на еду. Значит, с оговоркой, всегда можно сказать, что он ЗНАЕТ про еду и про опасность и ЗНАЕТ, как их отличать.

Считается, «такое заложено, запрограммировано в генах» – таракана, муравья, вообще всего живого. Но опять не очень понятно: кем заложено, зачем программируется. Ссылаются на мудрость природы, не уточняя, откуда взялась эта мудрость, и что она собой представляет. Такая же, какую предлагал «оставить» Лао-Цзы?

Мой кот открывает дверь в туалет лапой, причем левой, так как дверь открывается вправо – так, конечно, сподручней. «Умный кот! – восхищаются гости. - Кто его научил?» А никто. Я, во всяком случае, не учил, и мои домашние не учили. И в его генах вряд ли были заложены будущие отношения с нашей дверью. Но было «заложено» **ничто**, что позволило ему... **догадаться**, что **эту** дверь надо открывать левой лапой. Явно мыслительный процесс. И вся дрессура, как бы ее не объясняли, тоже требует от животного каких-то мыслительных усилий, чтобы запомнить: сделаешь так - получишь пряник, не сделаешь - получишь кнутом. А разве обучение маленького хомо сапиенса происходит не так же?

Т.н. «более развитый мозг» человека вовсе не во всем более развит. Органы чувств у большинства живых существ куда более тонкие и точные, чем наши. Попробуйте создать птицу, да такую, чтобы она не только летала, но и «полюбила свою подругу», и чтобы вывела себе подобных, чтобы улетела на юг и вернулась под ваше окно. А ведь «всего лишь» птица, «куриные мозги». И то не воспроизводимы нашими возможностями. Ну, положим, такого «ума» набралось за многие тысячелетия естественного отбора. Но есть множество примеров обретения опыта животным в течение одной его жизни - лошадь, собака... узнавание хозяина, свои-чужие, симпатии-антипатии, любимая пища и т.д. Если бактерия не может делать того, что может человек, то о ней нельзя сказать, что она «глупее» хомо сапиенса –

просто у нее иная функция, которой она владеет, а человек нет. Обезьяна... кошка... собака... змея... червь... комар... вирус... бактерия... – у всего отыщется функция - мотивация «зачем я?» - и в соответствии с этой мотивацией можно говорить об... уме. Сложность зависит от функции выживания. Пчела, летящая на запах цветка, не менее разумна (и не более неразумна), чем человек, размышляющей о пчеле, летящей на запах цветка. Но у пчелы и человека разные функции, соответственно разные возможности их реализации, включая и способы выживания. Для выживания пчелы достаточно «разумного» различения запахов. Для выживания человека недостаточно только знания о пчеле: надо **знать** что-то еще. Что-то еще **уметь**. Что-то еще **хотеть**, кроме простого желания выжить.

До сих пор **мысль** представлялась **внутренним** свойством и содержанием хомо сапиенса. Человечество накапливало опыт, формируя познание; каждый человек в отдельности тоже накапливает опыт, формируя свое познание. Не было человека, – не было мысли. Появился человек и одарил своим разумом Вселенную. Если бы это было так, т.е. мысль была бы прерогативой исключительно хомо сапиенса, то, во-первых, это означало бы, что человек был зачинателем мыслительного процесса. Между тем во Вселенной нет начала чего бы то ни было. «Все переходит во все». Начало может быть в бесчисленных частностях, но и то не от нуля, не от **ничего**, а от **чего-то** предыдущего.

Во-вторых, надо было бы признать, что носители разума добавляют во Вселенную то, что в ней не было. На самом деле, добавляют, но из того, что в ней уже есть – из вещества, из энергии – из плоти Вселенной. В бесконечном множестве существующего есть бесконечное множество организующегося: или кем-то разумным или стихией. Из этой же плоти мы «слеплены» сами. К тому же хомо сапиенс в земном исполнении, как теперь признает строгая наука, явно не единственное во Вселенной свидетельство разума, и даже не самого выдающегося. Можно продолжить и предположить: в бесконечной Вселенной разумных цивилизаций бесконечное множество, значит, и бесконечное множество носителей разумного. И каждый носитель разумного с чего-то начинал, подобно тому, как умнел хомо сапиенс. Неважно, было ли это самостоятельное становление или мыслью заражались, как вирусом, от далеких собратьев по разуму. Процесс этот бесконечен, – конечен носитель разумного.

И тогда напрашивается предположение, что **всё разумное уже есть вне носителя - «снаружи», вне познающего и принимающего в себя часть разумного.**

3. IQ БУЛЫЖНИКА.

Мироздание и миро создание напоминает мне известную пластилиновую мультипликацию Бардина, где из общей пластилиновой массы **вдруг** возникает нечто, напоминающее нам людей, предметы их окружения, с которыми они вступают в какие-то отношения, завершающиеся возвращением в «пластилин». «Пластилин» в мироздании – это та самая неуловимая основа всего сущего. Из нее, из этой «пластилиновой массы», якобы неразумной, находящейся в постоянном движении, возникают столь же якобы неразумные объекты – галактики, звезды, планеты, кометы, метеориты, на которых - или возле которых - или из-за которых! - возникают якобы неразумные биологические объекты, из которых - или из-за которых - возникают якобы разумные существа. И все это обратным путем уходит в основу. Как в пластилин. Почему «якобы», станет понятно чуть ниже.

Всё образуется из материала Вселенной, другого у нас нет. Из него выделяется бесконечное множество чего-то. Представим себе, что мы собрались в путешествие по бесконечной Вселенной, преследующее научно-познавательные цели. Из какой бы точки мы его не начали, оно, вроде бы, должно будет продлиться бесконечно долго. На самом деле это не совсем так. Пока, куда бы глаз не простирался, мы обнаруживаем, что количество сюжетов, из которых складывается во Вселенной разнообразие, кажущееся нам бесконечным, весьма ограничено: частица... атом... молекула... твердые предметы... жидкие... газообразные... звездное скопление... Или галактика. Или планета. Или... нечто биологическое и уже способное задуматься над вопросом: «Что же такое мысль?». Более разумные, чем хомо сапиенс, менее разумные...

Я не думаю, что за сегодняшними границами нашего наблюдения завтра мы встретим совсем уж нам незнакомое, ни на что не похожее. Неожиданные комбинации – сколько угодно, но, разобравшись в них, мы, скорее всего, в очередной раз убедимся, что «все повторяется». Известная сентенция, хотя и подсказана опытом нашей земной жизни, на самом деле, справедлива и для всей Вселенной, тем более что и земля – плоть от плоти ее. Человек разумный из той же плоти Вселенной.

Мы привыкли отмежеваться, отъединиться от окружающей действительности, обособляя себя и свой мозг как

некое уникальное творение природы. Считаем себя и своих собратьев по разуму автономными субъектами. Нам кажется, что мы находимся в некоем революционном, скачкообразном отрыве от неживой, не думающей природы. Но где граница между живой и неживой природой? Пока такая граница не найдена, и чем дальше идет познание, тем больше мы приходим к тому, что ее нет. Внедриться бактерии в мое брненное тело – тоже требует какого-то «умения», которым я, носитель разумного, не обладаю и никогда обладать не буду. Разумное как бы «поделено» на специализацию. Т.н. инстинкт – что это, как не разумные действия, в поведение животного? Что с того, что она заложена природой как генетическая программа? Ведь и наше «разумное поведение» тоже заложено в нашем генезисе. Человеку дана еще возможность анализа, систематизации, но складирование пищи в норке впрок – разве это не способность анализировать ситуацию?

В мироздании ни у чего и ни у кого нет автономии в полном смысле, т.е. независимости от космоса и всех процессов. В бытовом сознании связь с космосом либо ограничивается поэтическим смыслом, либо философским. На самом деле связь с космосом куда более плотная и конкретная, чем мы способны это ощущать. «Пронизание» космическими потоками не какая-то абстракция, а вполне конкретный физический процесс. Причем непрерывный. Образно говоря, наши головы все время находятся в потоке, пронзающем наш мозг, заводящем его, зажигающем, завораживающем. Но мозг до появления мысли (примем, что такое условие возможно) – это всего лишь совокупность молекул. Металл тоже совокупность молекул, но он обладает памятью и это известно давно. Теперь уже, оказывается, памятью обладает и вода – всего лишь соединение кислорода с водородом. Бульжник – тоже совокупность молекул. И он так же пронзается космическими потоками. Раз «все взаимосвязано», значит, и бульжник взаимосвязан со всем. И в нем тоже происходит какое-то движение. Содержит ли он информацию? Конечно, хотя и не в привычной для нашего мозга форме. Можно сказать, что незаметные для глаза шевеления бульжника, распадающегося в пыль за миллионы лет, – тоже мыслительный процесс, хотя и как образец тугодумия. Но если это действительно так, то разумом наделено... **всё**, что составляет Вселенную, в т.ч. нашу планету. Это я, наконец, оправдался за «якобы».

Если т.н. «инстинкты» животного вовсе не инстинкты, а тоже проявление разумного; если признаки разумного проявляются и вне животного – в неживой природе; и вне хомо сапиенсов, носителей мысли; если разумное есть всюду, – остается

предположить: то, что мы называем мыслью, вовсе не... мысль, а что-то другое, что складывается в то, что мы потом назовем мыслью.

4. МЫСЛИ НЕТ? ВСЁ ЕСТЬ МЫСЛЬ?

Для эволюции мозга от совокупности молекул до органа, продуцирующего мысль, не хватило бы никакого времени, если бы он не был уподоблен чему-то уже существующему **вечно**. Для эволюции вида на земле или где-то еще времени достаточно, но **ДО** этого и **ДЛЯ** этого должен уже существовать сам **процесс** соединения составляющих живой и неживой природы. Это уже прерогатива самой Вселенной.

Но мы опять про процесс, про способность к мышлению. А что, все-таки, представляет собой сама мысль, ее плоть?

Раз все из ПРА-плоти Вселенной или «основы всего сущего», значит, и ответ следует искать там же, в ней.

Напрашиваются два допущения.

Первое: если мы признаём интеллект или его подобие даже у бульжника, то появляется соблазн признать, что все, что в ней образуется, разумно, только в разной степени. А сама Вселенная бесконечно разумна. Правда, на это есть одно возражение. Мысль всегда конвенциональна и обращена к чему-то конвенциональному, чего нельзя сказать о бесконечности. Бесконечное содержание бесконечной Вселенной растекается явно за пределы того, что мы могли бы определить как мысль. Конвенциональность нашего мышления не случайна. Не было бы нашей способности к дифференцированному восприятию мира и познанию его, мы бы и себя не могли бы идентифицировать как нечто отдельное, самостоятельное, думающее. Не было бы ничего, что могло бы представлять разумное. Для нас вообще ничего бы не было. Вот было бы радости для дзен-буддистов! Так что бесконечный разум получается каким-то слепо-глухо-немым.

Второе: есть, наоборот, некий «первокирпичик» мысли, который складывается в сложнейшие комбинации, понимаемые нами как разумное. Для того чтобы развить это предположение, я предлагаю отказаться от понятия «разумное» и заменить его на «правильное». Можно даже усилить его и представлять, как «единственно правильное». Именно таким оказалось движение частиц, когда-то удивившее самого Феймана: было похоже, что частица «перебрав в уме» альтернативные пути своего будущего движения, выбирает в итоге «единственно правильный» маршрут - путь наименьшего действия. Во всяком случае, так утверждают законы квантовой механики.

Физическая неделимость мира и движение частицы по единственно верному пути, единственно возможному, самому короткому, понимаемому нами, как оптимальному и... разумному – это есть начало Вселенского разума, проявляемого в первичном его носителе – частице.

Сведение к нулю вариантов действия частицы равносильно исключению альтернатив траекторий вокруг единственно возможной. Если у частицы нет вариантов действия, то и траектория ее единственная, т.е. **истинная**. Это - та самая «последняя инстанция». Или первая. Что, кстати, опровергает любимую сентенцию спорящих: «истина всегда посередине» - любое **мнение** уже отдалается от истины, но какое-то всегда ближе к ней.

Правильность поведения частицы, вечно существующая, сосуществует с вечным... нарушением правильности. «Тронув» один электрон, мы получим этот тупой, но правильный отзыв. «Тронув» два электрона мы получим уже не такую однозначную прямолинейную реакцию. Задев «толпу» электронов, мы получим реакцию «толпы». В зависимости от того, кого собрала «толпа», и того, ради чего она собралась, будет соответствующая реакция. Толпа на рок-концерте при первых аккордах кумиров взрывает; та же толпа при внезапном пожаре устремляется на выход. «Правильное» поведение частицы или основа разумного переходит в некую сущность, которая переходит в проявление сущности, которая является началом «мышления». Когда такой сущностью становится хомо сапиенс или нечто, ему подобное, кавычки убираются. Весьма схожие процессы: частица это волна, понимаемая, как частица, которая переходит в волну, когда ее перестают понимать, как частицу.

Все, что делается во Вселенной, можно с абсолютной уверенностью считать, что «все правильно». Разве мы можем «осудить» вулканический выброс или столкновение с метеоритом? И все наши гениальные достижения только стремление соединиться с этой «правильностью», с этой мудростью, попытка ей соответствовать. Лестно думать о наших интеллектуальных возможностях, но, по сути, человек разум не продуцирует – он сам состоит из него. И он ничего не придумывает сам, не изобретает, - он что-то вокруг себя замечает, наблюдает, делает выводы, и, в конце концов, приспособливает для себя. Мы собираем автомобиль так, как собирается пыль в комок, собирается вода в тучу, соединяются кристаллы в булыжник. Когда-то так оказался «собраным» наш мозг, который теперь все это собирает.

В итоге получается такая картина. Есть Нечто неделимое – что именно, нам пока неизвестно, и вряд ли когда-нибудь станет известным, - но оно представляет основу Вселенной, - и есть составляющие этого Нечто - частицы, которые ведут себя «правильно» - правильной некуда. Сталкиваясь и соединяясь с себе подобными, они образуют СИСТЕМЫ – электроны, атомы, молекулы и т.д., все более усложняясь.

Сохраняя внутренне свою правильность, в СИСТЕМЕ частица уже не полностью реализует свою правильность. Чем СИСТЕМА сложнее, тем она дальше от первоначальной правильности ее главных составляющих – частиц. Что, кстати, не мешает шарикю выбирать самый короткий и поэтому единственно верный путь, скатываясь с вершины к подножью холма. Системы складываются в комбинации, находящие более сложные маршруты, те – в комбинации еще более сложные и, наконец, в то, что потом становится чем-то думающим, например, «хомо сапиенсом». Не важно, относится ли это к человеческой породе, является ли это земного происхождения, либо каких-то иных областей Вселенной.

Все состоит из основы, значит, и мысль тоже. В своей статье «Прикосновение к основе» (см. сборник «Труды членов РФО» выпуск №2 за 2002г.) я прихожу к выводу, что «основой всего сущего» является неопределенность. В той же статье есть график: под кривой, сходящей бесконечно на ось абсцисс, я разместил все, что относится к материальному миру – от человека и окружающей его действительности до невидимых невооруженному глазу частиц, но о которых человек **знает**. Т.е. под кривой разместились еще и абстракция, результат мыслительного процесса человека. Очевидно, что кривая никогда не сойдется с осью абсцисс, намекая на то, что «там, вдали», в бесконечности схождения прячется квант мысли. Или пользуясь нашим недавними выводами - «правильность» поведения частицы. А над кривой открывается бесконечное пространство, которое я обозначил «МЫСЛЬ». Получилось, что понятие «основа» соединилось с понятием «мысль». Не потому, что основа так умна. И не потому, что мысль так вездесуща. Потому что мысль – это и есть... основа! И все в ней - только ее частное проявление, организованное чем-то (кем-то) во что-то, – от самых мудрых ее порождений, еще неведомых нам, до самых примитивных – бактерий, вирусов, клеток, электронов. От молчащего камня до человека.

Если это так, то вполне понятно, почему мысли никогда не будет найдено какое-то более овеществленное представление. Мысль – такая же неуловимая неопределенность, как основа.

Когда мы произносим «мудрость природы», вряд ли мы в этот момент ее проявления считаем проявлением разумного. Природа - это примерно такая же виртуальность, как «коллектив единомышленников». Откуда же берется «мудрость природы»? Оттуда же, откуда и у коллектива – от ее (его) составляющих, проявляющих мудрость. У природы признаком проявления разумного является **приспособление** – молекул, клеток, мельчайших организмов, растений, животных. Из множества вариантов выбирается самый верный для сохранения вида. Меняются обстоятельства, – начинаются приспособления к новым.

Но ведь и член коллектива – тоже «коллектив»: молекул, клеток, органов и т.д. Его «разумность» - тоже результат совокупной разумности поведения всех составляющих «коллектива».

Земная природа, как и любая иная – вселенского происхождения, никакого другого просто не может быть. Более того, она может состоять только из того материала, которым располагает Вселенная. Пропорции разные, отличия могут быть совершенно упоительными по своим свойствам и своей неожиданностью. Космические аппараты принесли нам металл, отсутствующий в недрах земли. Может, он в чьих-то еще недрах, а, может, искусственного происхождения и нам, землянам такое искусство пока не дано. Все это очень напоминает знакомую нам связь «родители - ребенок». Передача генетического кода из поколения в поколение. Из одного исторического события в другое. От одной вселенской мудрости – к другой: земной природе. Так что и с этой стороны справедливо признать «мудрость» самой Вселенной».

Если началом мысли является «правильность» поведения частицы и неделимость Вселенной, то все, что в ней происходит, является нарушением правильности. Иными словами, то, что мы принимаем за созидательный процесс, для самой Вселенной является разрушением. Мысль всегда сопутствует разрушению, а не созиданию. У булыжника ее меньше, чем у человека, - устойчивая система. У животного больше, чем у булыжника, и меньше, чем у человека, поэтому они более сбалансированы с природой. (Катаклизмы в расчет не берем). Т.н. животный мир более устойчивой организации, чем животное, наделенное разумом – человек. В основе организации животного мира положены основополагающие свойства: репродукция, сохранение

популяции, добыча пищи, подчинение лидеру. Хомо сапиенс для своего выживания громоздит сложные конструкции: мораль, религия, законы, социальные институты, техника, наука, медицина, речь. Вроде бы, для лучшего понимания. На самом деле – источник бесконечных конфликтов. Геометрически это может выглядеть так: **животный мир** – некая горизонтальная линия с вектором, направленным в одну сторону; а вокруг нее **человек** – множество линий с непредсказуемыми изгибами, разветвлениями, направлениями, истерично мечущимися, имеющими ту же цель, что и линия животного мира. Но в результате терзающая человечество, теребящее его, сокращающее его жизнь.

Получается, что человек со своим постоянным стремлением к познанию, - разрушитель. Нет более убедительного «проникновения в глубины», чем взрыв. Этим Вселенная «само познается» время от времени и без помощи человека. Оправдывает человека то, что он или его подобие у Вселенной были всегда! Вечно. Вечно было разумное и уже не важно, как его квалифицировать: как созидательный процесс или разрушительный. Вторжение разумного в существующий порядок вещей само по себе является частью... существующего порядка.

Если «мир неделим» и если частица не имеет альтернатив в выборе своего единственно правильного пути, то мир значительно проще в своей основе, чем мы его пытаемся себе представить. Формула «гениальность – в простоте» открыта в нашей земной, невероятно сложной жизни. Такое впечатление, что в своих открытиях мы все время разбираем нагромождения, добираясь до истины.

...Представим горку песка, конической формы. Подул ветер, – горка стала ссыпаться, превращая вершину конуса в плато, а саму горку в параллелипообразное возвышение. Подул еще ветер, – и горка сравнялась со всем песком. Нет горки. Подул еще и отнес песок от недавней горки в сторону, наметая горку там.

Не так ли происходит все «созидание» во Вселенной? Только вместо ветра, привычного землянам, там «дуют» совсем другие ветра – солнечные, звездные, космические. Все на своем пути складывая и разрушая.

5. ПОЧЕМУ?

Для чего нам дана **мысль**? Чтобы рано или поздно хомо сапиенсу переместиться на следующую территорию своего существования? Но если Вселенная бесконечна, вряд ли она нуждается в каких-то усилиях какой-то одной ничтожной своей части – человечества. Вселенная сама может распорядиться чем угодно и как угодно. Она вообще не нуждается в созидательных

услугах человека разумного. Ей не требуются расчеты, чтобы «послать» из своих дальних краев в нашу сторону метеорит. А пластилину не нужно, чтобы из него что-то лепили. И булыжнику не нужно. И птице не нужны расчеты, чтобы взлететь. Расчеты нужны нам, не умеющим летать. (Вот теперь мой эпиграф звучит уже менее драматично).

Зачем природе... природа? Вот она создавалась миллиарды лет, а на что? Чтобы щука съела карася, кто-то щуку, кого-то еще кто-то и так до полной замкнутости круга? Все предназначено для съедения кем-то – и все? Есть функция продолжения рода, – а это для чего? Для того же взаимного поедания?

Для чего природе человек? Напакостить и раствориться в небытие? А на что он Вселенной? Для самопознания? Зачем Вселенной быть познанной? На что ей знание, что « $1+1=2$ »?

Тем более что она бесконечна и познание затянется на бесконечно долгое время. А человеку отпущено не так уж много. Надо думать, что любое разумное создание не бесконечно. После чего где-то кто-то опять начнет этот процесс, чтобы опять исчезнуть и уступить это увлекательное дело следующему разумному существу. Занятие, в общем-то, изначально бессмысленное.

Есть еще одна, вроде бы, проблема для познающего. Знание обладает собственной энергией, оказывающей воздействие на объект знания. Таким образом, искажая его и знание о нем. Попросту говоря окончательного знания не может быть по той причине, что взаимоотношения между познающим и объектом познания происходит бесконечно. Я познаю объект, этим искажаю его, изменяю, после чего вынужден включиться в следующее, уточненное познание, чем опять изменяю его, искажаю. После чего опять включаюсь в познание его и т.д. до бесконечности. Потер: «Слабость субъективизма в том, что он включает некую зависимость мира от нас». В этом не только слабость, но и неизбежность. Наблюдатель – некий сгусток энергии, который обязательно взаимодействует с исследуемым миром.

Откройте свой компьютер. В «свойствах» вы обнаружите «заставку» экрана в виде космоса «Сквозь вселенную» Так мы представляем себе космос, такими нам представляются молекулярные структуры, так мы несемся в космическом пространстве параллельно со всеми ее составляющими – от частиц до галактик. Нам никогда не удастся выглянуть «наружу» этого потока и глянуть на все это очарование со стороны. Но проносящиеся мимо нас и рядом с нами объекты мы упорно

соединяем силой своей мысли в явления, упорядочиваем их, осМЫСЛИваем. Приспосабливаем под себя – исключительно для более комфортного выживания. Вектор нашего собственного движения направлен в одну сторону – вместе со всеми, со всей Вселенной. Куда именно – вряд ли мы когда-нибудь получим на это ответ. Потому что получить ответ мы сможем только тогда, когда сами станем этим вектором, когда сольемся с движением без того, чтобы его осмысливать. Т.е. тогда, когда нас не станет.

Но пока этого не случилось, пока мы находимся в таком замечательном неведении, мы открываем для себя много интересного.

Все дети проходят период вопроса «Почему?». Если попытаться построить цепочку из этих вопросов по любому поводу, то окажется, что конец ее утонет в бесконечности. Потому что последний вопрос будет адресован Вселенной: «Почему это так, а не иначе?» И ответ прозвучит не очень научно: «Потому». И никто никогда подробней не ответит. Но все равно по-прежнему будут миллионы «почему?» и на них мы будем искать ответы, удовлетворяя не столько собственное любопытство, сколько данную нам потребность... размышлять. Все осМЫСЛивать. Будут открываться явления, устанавливаться связи между явлениями, и связи между уже связанными явлениями и т.д. Так же бесконечно, как бесконечны думанье о думанье или мысли о мысли.

Лорина Дымова

Как это все началось...

(Отрывок)

... Конечно же, я и сама писала стихи. Началось это, по-моему, в третьем классе со стихов про зверей, про игрушки, про клоунов, потом пошли патриотические стихи о том, как счастливо живут советские дети, и басни, клеймящие американских капиталистов, а также отечественных тунеядцев и стилияг. Стихи о счастливых пионерах я несколько раз посылала в «Пионерскую правду», трепеща, заглядывала в почтовый ящик и время от времени получала ответ от литературного консультанта, где мне объяснялось, что я молодец, но мои стихи пока еще не подходят для их газеты, и что я должна больше читать, чтобы писать еще лучше. Заключительную фразу: «Присылай нам свои новые стихи», - я воспринимала всерьез и спустя несколько месяцев посылала в газету новые стихи.

Когда я училась, кажется, в седьмом, как это ни невероятно, одну из моих разоблачительных басен напечатали в газете «Подольский рабочий» (Подольск был ближайшим к нашему поселку городом), что повергло в шок и моих родителей, и учителей, и подружек. Но не меня. Я это восприняла как должное и, забыв о «Пионерской правде», начала бомбардировать баснями «Подольский рабочий», что завершилось еще несколькими публикациями.

А в восьмом классе пришли стихи «про любовь» и вытеснили все другие темы. Неразделенная любовь, разочарование, напрасно прожитая жизнь. И больше никаких игрушек-зверюшек. И еще состояние постоянной влюбленности, причем неразделенной. Если же вдруг случалась взаимная, она немедленно отвергалась, поскольку не располагала к писанию стихов. Стихи я писала до окончания школы и настолько была этим увлечена, что к концу десятого класса стала думать о том, что хорошо бы поступить в литературный институт или, на худой конец, в университет на филологическое отделение. Но...

В этом «но» заключается одна из моих главных, если не самая главная ошибка в жизни.

Мама с папой и слышать не хотели ни о каких «поэтах-писателях».

«Это не профессия! Ну хорошо, станешь поэтом, и что? Напишешь стихотворение, получишь за него деньги, а потом сиди и жди, когда напишется другое? А обедать, между прочим, хочется каждый день! Получи настоящую профессию, которая тебя будет кормить, а потом делай что хочешь. Если есть талант, он все равно пробьется!» Моя жизнь была полностью спланирована мамой и обещала быть блестящей и победительной. Я поступаю в институт цветных металлов (где учился папа и его там хорошо знают), заканчиваю институт, папа устраивает меня в какой-нибудь научно-исследовательский институт, занимающийся цветными металлами, я получаю тему для исследования, пишу по ней диссертацию и становлюсь кандидатом наук. Это сначала. А потом постепенно защищаю и докторскую и становлюсь начальником исследовательского отдела, а может быть, и кем-нибудь позначительнее – это все будет зависеть только от меня.

Эх, если бы я уже тогда была такой непослушной дочерью, какой стала впоследствии! Но, увы, я беспрекословно слушалась родителей, которые «не желали мне зла», и поступила в институт цветных металлов на специальность «металловедение», закончила его, устроилась на работу в научно-исследовательский институт и... начала жить не свою, а чужую, нарисованную мамой, жизнь, которая почему-то абсолютно не совпадала с маминой картинкой.

Но до этого был институт и студенческая жизнь со всеми вытекающими отсюда последствиями. Главное, я стала жить в Москве, одна, сначала у папиных знакомых, а потом в общежитии, появились новые друзья, новые заботы, любви, свидания, компании, вечера, а также с огромным трудом сдаваемые сессии, ненавистный сопромат, высшая математика да и все остальные предметы. Короче, в институте было прекрасно всё, кроме учебы. А еще я продолжала писать стихи – много и упорно. Мои подруги знали их наизусть, гордились мною и уговаривали отдать их в какой-нибудь журнал. В журнал я не пошла – уж очень это было страшно, но зато я аккуратно переписала стихотворений десять и отправила по адресу: Союз советских писателей, Степану Щипачеву. Мне очень нравились его стихи, он тоже писал про любовь и должен был меня понять и оценить. На всякий случай я решила ему помочь (если вдруг стихи ему не понравятся) и написала: «Я очень ценю ваше мнение, и только вы можете сказать, стоит ли мне и дальше писать стихи. Или лучше быть

хорошим инженером, чем плохим поэтом?» Случились две удивительные вещи: первая – письмо до Щипачева дошло, вторая – он мне ответил. Третья же была не удивительная – он охотно воспользовался сочиненной мной формулировкой и написал: «Вы правы, лучше быть хорошим инженером, чем плохим поэтом». Теперь-то я понимаю, какое облегчение он испытал, когда ему заранее сформулировали его ответ не на просто плохие, а на чудовищные стихи. Но для меня такой ответ был ударом, концом всей моей жизни, я обиделась на Щипачева, на поэзию, на весь мир и поклялась себе, что больше никогда, ни при каких обстоятельствах не напишу ни строчки. Я перестала не только писать, но и читать стихи, с тоской слушала лекции, но с удовольствием бегала на танцы и свидания. Зарока хватило на несколько месяцев, может быть, даже на полгода, и однажды я вытащила тетрадку и снова написала стихотворение, причем то ли из-за встряски, то ли из-за столь долгого воздержания, это стихотворение было совсем другое – не похожее на то, что я писала раньше, будто не мое.

И началась новая полоса стихов, тоже конечно не ахти каких, но уже похожих на человеческие. За полгода-год их накопилось довольно много, и с этим надо было что-то делать. О журналах я, особенно после общения со Щипачевым, я и не помышляла, посылать кому-либо стихи опасалась, однако энергия и тщеславие во мне били ключом, и я придумала новый ход.

В те годы в Москве регулярно, раз в год, проходили «дни поэзии»: в крупных книжных магазинах группы поэтов встречались с читателями, читали стихи, отвечали на вопросы, надписывали свои книги. Прихватив с собой тетрадку со стихами я, никому не сказав ни слова, отправилась в книжный магазин на Колхозной площади – там в списке ожидаемых поэтов был Виктор Урин, книжку которого я недавно купила, и в ней было много стихов про любовь. Был ли там тогда Виктор Урин, я не помню, поэтов было человек пять, среди них какой-то Окуджава (никому еще не ведомый), а руководил группой и представлял выступающих поэт Михаил Беляев, о котором я тоже понятия не имела. Когда поэты отчитали стихи, я подошла к Беляеву и спросила его:

- А можно я прочитаю свое стихотворение?
- Свое? – удивился и растерялся он.
- Свое, – твердо сказала я, – я тоже пишу стихи.
- Н-ну, давайте... попробуем... – неуверенно согласился

он.

Удивляюсь этому до сих пор, но почему-то принесли стул и предложили мне на него встать (хотя я отнюдь не выглядела ребенком – мне было девятнадцать лет, а росту – сто семьдесят сантиметров). Без возражений я залезла на стул и, пламенея и дрожа от волнения, почитала стихотворение.

Гром не грянул, земля не дрогнула, мне вежливо похлопали, и я слезла со стула.

И что дальше? Это всё?

Я было направилась к выходу, но меня остановил Беляев:

– Если хотите, принесите мне ваши стихи. Поговорим.

Я онемела.

– Я работаю в отделе поэзии в «Молодой гвардии», знаете такое издательство?

Он объяснил, как его найти, и назначил день.

То выступление в книжном магазине можно считать моим первым появлением в еще даже не литературном, а в околотературном пространстве.

Да, самый первый толчок моему движению по литературной лестнице дал Михаил Беляев, и я должна быть ему благодарна. Должна, хотя это и трудно.

Я пришла к нему со стихами, он объяснил мне, как их стоит подправить, чтобы напечатать. Я прихожу к нему и прихожу, пока он, наконец, не выбирает три стихотворения, два из которых он публикует в коллективном сборнике, а одно передает в журнал «Молодая гвардия» со своей рекомендацией, где оно вскоре и выходит. Попутно он мне придумывает мой псевдоним, поскольку в это же время в Ленинграде существовала поэтесса Лариса Никольская, почти полная моя тезка, и, как утверждает Беляев, если не поменять фамилию, всю мою жизнь меня будет сопровождать путаница.

– Ну, придумайте себе какое-нибудь имя, – нетерпеливо говорит он, держа в руках мои стихи, которые он немедленно должен передать дальше для публикации.

Я пожимаю плечами, ничего путного в голову мне не приходит. Тогда он начинает сам изобретать мне фамилию, выхватывая наугад слова из моей рукописи.

– «Туман»... Вот! Туманова!.. Нет... Туманова уже есть. «Дымки»... Дымкова! Так и запишем: Дымкова.

– Тогда уж лучше «Дымова», – робко говорю я.

– Ладно, «Дымова». Пишу: Лорина Дымова.

Так раз и навсегда определилось мое литературное имя.

Но самое главное, Беляев ведет меня в отдел пропаганды издательства и знакомит с Майей Чурбановой, которая ведет

писательскими выступлениями и командировками, и это знакомство через несколько лет перевернет всю мою жизнь. Но это потом, а пока я хожу к Беляеву в издательство, пишу новые стихи, он хвалит их, ругает, читает свои и, в конце концов, предлагает мне руку и сердце. Совершенно всерьез. Я отвечаю отказом, и на этом наши отношения заканчиваются, правда, после нашей случайной встречи через несколько лет, когда у меня уже была семья и сын, наши пути опять пересекаются, и он становится мне злейшим врагом, мешая моим литературным делам, не раз он пытается остановить намечающиеся в разных местах мои публикации. Поэтому, признавая его важную роль в самом начале моей литературной судьбы, я все же вынуждена делать оговорки.

Шло время. Я закончила институт, вышла замуж, у меня родился сын. Я сменила три места работы. Все это были научно-исследовательские институты, как и мечтала моя мама, везде мне поручались какие-то исследования, где я могла проявить себя и добиться потрясающих успехов. Но успехов не было, было мучительное отсиживание рабочих часов, что скрашивали только стихи. Тайком от начальства, держа на коленях тетрадку, я продолжала писать. И бралась за любую работу, связанную с литературой и журналистикой, если ее можно было делать параллельно работе в институте. Так я писала на радио репортажи, один из которых, например, назывался «Один день будущего актера». Я целый день провела в Гитисе, побывала на самых разных уроках – от занятий по сценической речи до урока фехтования, и написала о том, как становятся актерами. Еще я писала «служебные» стихи для разных передач, и все это было настолько увлекательнее моей работы, что все чаще хотелось бросить свои исследования, забыть научную работу, как дурной сон, и полностью заняться литературно-журналистской деятельностью. Муж допускал такую возможность (он был ни «за», ни «против»), но мама не просто воспротивилась этому, а грозила разорвать со мной все отношения. Опять начались бесконечные разговоры про «твердый кусок хлеба», про мое легкомыслие и нежелание работать. Жизнь стала полностью невыносимой и на работе, и дома, и я – решила... Тем более что Саша Львов, который работал на радио и давал мне делать репортажи, клятвенно уверял меня, что уж свои-то инженерские сто рублей в месяц я на радио заработаю с легкостью, и даже гораздо больше. В скобках скажу, что ни одного из сделанных мною репортажей в эфир он так и не пустил, но примерно через год я их все же услышала, однако автором репортажей значился Александр Львов. И, тем не менее, я до сих пор благодарна этому нечистому на руку

вралю, потому что без его обещаний вряд ли я бы решилась бросить работу и поменять специальность.

Итак, я оказалась без работы, без денег (у нас была только аспирантская стипендия мужа), но главное – было непонятно, что делать дальше.

И тут пришла на помощь Майя Чурбанова, отношения с которой все это время не прерывались, и она с интересом и сочувствием следила за моими передвижениями. Она мне предложила выступить с чтением стихов по путевке отдела пропаганды «Молодой гвардии» в книжных магазинах, школах и библиотеках. За каждое такое выступление писателям платили деньги: членам союза 15 рублей, не членам – 7-50. Я и не знала о такой возможности заработка, поэтому ахнула – сначала от удивления, потом от восторга, а потом от страха. Попробовала – получилось, поскольку ничего сверхсложного в такой работе не было: созваниваешься, приходишь, предъявляешь путевку, читаешь стихи (можно по листочку), тебе вяло хлопают, ты благодаришь, улыбаешься и через месяц идешь в бухгалтерию издательства, где тебе вручают семь с полтиной, правда, с небольшими вычетами. Вступлений было не больше двух-трех в месяц, но все-таки это были деньги, заработанные стихами(!!!)

А через какое-то время Майя мне сказала:

- Не хочешь поехать выступать с группой в Новосибирск и Барнаул? Там сможешь что-нибудь и заработать.

С ума сойти!!! С группой! В Новосибирск! Заработать!!!

В группе нас было трое: кроме меня, поэты Олег Богданов и Владимир Захаров.

Олег Богданов – высоченный, под два метра ростом, с зычным голосом и с такими же крупными, яркими, звучными стихами. И Володя Захаров – полная его противоположность: невысокий плотный мужичок слегка деревенского вида, негромко читающий свои негромкие стихи, ничем не отличающиеся от тысяч стихов других поэтов. О себе же могу сказать: стихов писать (с моей теперешней точки зрения) я не умела, выступать – тоже, и единственная польза от меня была в том, что я вносила в выступления лирическую, «женскую» ноту, и, благодаря этому, они были менее монотонными.

Летать я невероятно боялась, но ради такого дела, стиснув зубы и ничем не проявляя своего ужаса, вошла в самолет, летевший в Новосибирск. К моему удивлению, все обошлось благополучно, мы прилетели в Новосибирск, устроились в гостинице, я получила отдельный номер, мы поужинали в ресторане, я вернулась к себе и собралась было подготовиться к

завтрашнему выступлению, но в дверь постучали. Это были, конечно, мои соратники по поездке с бутылкой не помню уж чего, но помню, что достаточно крепкого. И понятно, что это было только начало. Пили мои друзья каждый вечер. Сначала они были недовольны и даже обижены, что я не составляю им компанию, но вскоре перестали обращать на это внимание, но, тем не менее, выпивать приходили непременно в мой номер. Поскольку нам выдали командировочные, на три дня в Новосибирске денег им вполне хватило, а о дальнейшем они не беспокоились: заработаем!

– Каким образом? – не понимала я.

– Увидишь, - загадочно говорил Олег.

В первый же день после выступления в библиотеке мы пошли в местную газету, где Богданов, объяснив без ложной скромности, какие мы гениальные поэты и как им повезло, что они могут взять у столичных знаменитостей интервью и напечатать их стихи. Под таким натиском редактору ничего не оставалось делать, как согласиться и даже обрадоваться. У нас взяли интервью, мы оставили стихи, но на вопрос о гонораре, редактор сказал, что у них платят только после выхода материала и что нам пришлют деньги на домашний адрес.

– Ничего, – подбодрил меня Олег. – Сейчас пойдем на телевидение.

Но и там вышло совершенно не так, как предполагал Богданов. Единственная рубрика, в которой мы могли выступить – «Наши гости» – выходила в эфир раз в месяц, а она только что прошла, и теперь речь могла идти лишь о том, чтобы наше выступление записать (и то не раньше чем через неделю), а в конце месяца пустить передачу.

– Не беспокойся, – сказал мне Богданов, – в Барнауле заработаем.

Что же касается выступлений, их было много, по два-три выступления в день, как и в Москве – в библиотеках, клубах и школах, а один раз даже в знаменитом Академгородке. Я привыкла, поднаторела и даже перестала волноваться. На четвертый день мы улетели в Барнаул – почему-то на маленьком самолетике, «кукурузнике», внутри которого были не кресла, а длинные металлические лавки вдоль стен, и нас так мотало, так трясло, что я и думать забыла о страхе, единственное, чего хотелось, это чтобы перестало трясти и тошнить.

В Барнауле все пошло по-прежнему: выступления, встречи, однако у моих спутников кончились деньги. Сразу же по приезду в гостиницу Олег спросил меня:

– А у тебя-то деньги остались?

– Немного, - сказала я, – как раз на три оставшихся дня.
– Неужели из дома не взяла? Так и поехала? – не поверил он.

– Взяла чуть-чуть, - призналась я, – на всякий случай.
– Отлично! – оживился он. – Давай! А мы сразу же после выступления в газету, на радио и на телевиденье.

– Но там сразу не дадут, – попробовала протестовать я, наученная горьким опытом. – Скажут, что получим дома...

– Я договорюсь об авансе! – клятвенно заверил меня Богданов. – Давай деньги.

Я дала, и мы пошли ужинать.

Утром, еще до выступления, Олег побывал во всех трех намеченных точках.

– Обещали дать аванс, – важно сообщил он. – А на телевиденье нас пустят завтра же, причем не в записи, а живьем.

Жизнь, похоже, налаживалась.

В газете у нас взяли стихи, на радио записали «Беседу за круглым столом», но когда Богданов напоминал про аванс, выяснялось, что это невозможно – деньги только через месяц по домашнему адресу. На телевиденье мы, действительно, выступили на следующий же день после приезда, но денег, как и везде, не получили.

Выступление на телевиденье я помню совершенно отчетливо, тот ужас и беспомощность, которые я испытала, забыть нельзя. На телевиденье я была впервые, это было мое «боевое крещение», и я так волновалась, что язык у меня прилип к гортани, и выдавить из себя первую фразу у меня никак не получалось. Спас положение изобретательный Богданов: он начал читать мое стихотворение сам, прочел первые две строчки и замолчал, и тогда уже после паузы я продолжила и читала до конца.

Вечером мои друзья, разумеется, отметили наш успех у меня в номере, успокаивая меня, что назавтра мы приглашены на обед редакторшей с радио, а послезавтра нам уже улетать.

В день отлета один из телевизионщиков отвез нас на своей машине в аэропорт. Мы приехали значительно раньше, чем нужно: надо было освобождать номера в гостинице. До самолета оставалось часа четыре. Страшно хотелось есть, но денег не было. Посидев в полном унынии какое-то время, я попыталась даже уснуть, но Богданов решительно поднялся и сказал:

– Ждите. Я сейчас все устрою! – и исчез.

Минут через двадцать он появился, гордый и насмешливый.

– Приглашаю вас в ресторан. Пора поесть.

Мы недоверчиво встали и, взяв вещи, пошли за ним.

Швейцар встретил его как родного.

– Вещички, пожалуйста сюда, – бормотал он, показывая, куда поставить чемоданы.

Мы сели за столик, на который кивком показал Олег. Он был еще не убран после предыдущих посетителей, но мгновенно появилась круглолицая официантка.

– Вот, Зиночка, это мои друзья-поэты, – представил он нас. – Видели по телевизору?..

Зиночка улыбнулась, кивнула и стала проворно убирать со стола грязную посуду и заново накрывать стол.

– Жаль, скоро самолет, а то бы мы у вас тоже выступили. Такие хорошие люди – почему не выступить?

Зиночка принесла хлеб, винегрет, селедку, сказала «ешьте на здоровье!» и ушла.

– Олег... А деньги? – прошептала я.

– Какие деньги? – удивился он. – Конечно, можно было бы с них взять за то, что знаменитости решили у них пообедать, но я не стал.

Зиночка накормила нас на славу: борщ, макароны по-флотски, компот.

Прощаясь, Богданов обещал Зиночке каждый раз, когда он будет в Барнауле, непременно заглядывать к ней, и она смущенно улыбалась и благодарила.

Эта поездка так хорошо запомнилась мне очевидно потому, что была первая. Потом было еще много: Архангельск, Горький, Йошкар-Ола и еще, и еще, но первая – незабываемая

А однажды Майя сказала:

– А что если тебя включить в состав участников клуба в Ереване?

И объяснила, что ее муж работает в ЦК комсомола в отделе международных связей. Сейчас, например, он готовит встречу в Ереване между болгарской и советской творческой интеллигенцией, и, по мнению Майи, я вполне уже доросла до участия в такой встрече. Муж Майи включил меня в список, и я поехала в Ереван.

Поездка была замечательная: писатели, поэты, режиссеры, музыканты, художники, актеры – все молоды (это же организует комсомол!), веселы, охотно общаются, пьянствуют, флиртуют, и даже на творческих встречах и семинарах, которые неизбежны, царит смех и веселье. На поэтических встречах поэты – московские, болгарские, армянские – читают свои стихи, знакомятся поближе, и, как потом выяснилось, именно это для

меня оказалось настолько важным, что определило мою дальнейшую судьбу. Перед отъездом мы обменялись стихами (к сожалению, я не помню, кто именно из болгарских поэтов там был – поздно я взялась вспоминать), и довольно скоро мне из Софии сообщили, что мои стихи переведены и скоро будут опубликованы. Счастлива я была невероятно, однако из этого следовало, что и я должна сделать то же самое – перевести болгар и опубликовать. Я ткнулась в привезенные из Еревана книжки, и тут – о, ужас! – обнаружилось, что я ничего не понимаю. А казалось-то, что, благодаря кириллице и некоторым понятным словам, с чтением затруднений не будет. Но я читала и не понимала ни-че-го!

Тем не менее, выход все же нашелся.

Взяв книги, я отправилась в общежитие института цветных металлов, в котором когда-то жила, нашла там студентов-болгар и объяснила ситуацию. Они с большим удовольствием (чувствуя передо мной свое превосходство) сделали мне подстрочники к стихам и даже расставили по строчкам ударения. И я отправилась переводить. Как уж я перевела те стихи, не помню, хорошо – вряд ли (я ведь тогда еще ничего не умела), но терпимо – скорее всего, потому что их приняли у меня на радио и обещали сделать по ним передачу. На радио же меня привел Леонид Черкасский, известный китаист, переводчик китайской поэзии, к тому времени уже мой друг. Он подрабатывал в литературной редакции, делая передачи по китайской поэзии, у него там давно уже были «свои люди», и когда он порекомендовал меня с моими болгарскими, редактор посмотрел переводы и кивнул.

Передача прошла, и поскольку никаких нареканий она не вызвала, меня попросили сделать еще одну, с перспективой регулярных, может быть даже ежемесячных передач по болгарской поэзии. Я испытывала одновременно два чувства, причем по силе и сокрушительности ни одно не уступало другому. Первое чувство, это понятно – счастье: ведь произошло то, о чем я так долго мечтала. Мое имя, мои переводы звучали по радио! И, кроме того, что тоже было немаловажно, я получила, на мой тогдашний взгляд, огромный гонорар – 94 рубля, то есть даже на четыре рубля больше, чем я зарабатывала за месяц в научно-исследовательском институте.

Но второе чувство было отчаяние, смешанное с ужасом.

Еще одна передача?!

Но где я возьму стихи? Допустим, куплю болгарские книжки в магазине «Дружба», но я же понятия не имею, какие в Болгарии поэты хорошие, а какие нет, каков тот или иной поэт в контексте всей литературы, кто там сейчас делает погоду, а

прочитать стихи, даже имея книги, я не смогу – ведь я не знаю языка! Но и отказаться от возможности делать передачи, звучать по радио, зарабатывать переводами и вообще литературой – отказаться было невозможно. И я пошла в «Дружбу», скупила там все имеющиеся болгарские поэтические сборники, купила толстенный болгаро-русский словарь, учебник болгарского языка, подписалась на «Литературный фронт» (болгарскую литературную газету) и принялась за дело. Учеба шла тяжело, но «охота пуще неволи», и я продвигалась. Когда я сделала подстрочники первых нескольких стихотворений, я, чтобы не попасть впросак, все же решила подстраховаться и пошла к тем же самым ребятам из общежития. Они удивились, но отнеслись к моим попыткам одобрительно, сделали несколько замечаний, но в целом дали «добро». Так началась моя болгарская эпопея. Раз в месяц по радио шла передача «Болгарская волна», в которой звучали мои переводы и рассказы об авторах. Среди моих знакомых это называлось «Лорина пускает волну».

Через какое-то время, через год, а может и два, все тот же Леня Черкасский сказал:

– А давай-ка попробуем показать твои переводы в «Иностранной литературе».

О своих эмоциях рассказывать не буду, мне это не под силу, ведь публикация в толстом журнале «Иностранная литература» – это был наивысший знак качества, напечататься там нечего было и мечтать, но уж коли ты каким-то чудом в нее попадал, для тебя открывались двери множества других журналов и издательств, это означало признание тебя как переводчика.

Я выбрала из множества своих переводов те, что казались мне лучшими, Леня уже из них выбрал наиболее подходящие, составил подборку, и мы отправились в журнал. Там Леня представил меня двум дамам: Татьяне Петровне Карповой, заведующей отделом поэзии, и Софье Павловне Черниковой, члену редколлегии. Объяснив, что я «отличная переводчица, но робкая», он сказал, что я перевела чуть ли не всю болгарскую поэзию и что он меня затащил к ним буквально силой. Они, имея с ним дело уже долгие годы, хорошо зная его и его великолепные переводы, одобрительно заулыбались, закивали, взяли мою подборку, и через какое-то время (не помню, сколько прошло месяцев) в журнале «Иностранная литература» появилась большая подборка моих переводов «Из современной болгарской поэзии». Это был триумф!

После того, как «Иностранка» опубликовала меня еще раз, мои переводы стали печатать и другие журналы, в том числе и

«Новый мир», и «Литературная газета». А вскоре мне стали предлагать переводы и в издательствах «Радуга» и «Художественная литература». Мало того, еще через какое-то время «Радуга» предложила мне стать составителем и редактором внушительного сборника «Из современной болгарской поэзии», что сильно повысило мой статус: теперь я сама могла выбирать поэтов, которые будут переведены на русский, а также переводчиков, то есть предлагать работу, а не искать ее. Но болгарская поэзия была никому не введена и не интересна, и чтобы книжкой заинтересовались, чтобы читали ее и покупали, нужны были известные и яркие имена переводчиков. В работе были заинтересованы все, и когда я обратилась к Юрию Левитанскому, Юнне Мориц, Римме Казаковой, Роберту Рождественскому – от переводов не отказался никто. Римма Казакова на мой вопрос: «Сколько вы возьметесь перевести?» – ответила: «Чем больше, тем лучше».

Мои переводы публиковались в самых разных местах, и постепенно литературная общественность привлекла к сочетанию «Лорина Дымова», пусть даже с малопочетным добавлением «перевела с болгарского», а уж коли имя всплыло на поверхность, стало возможным изредка публиковать и свои собственные стихи.

Довольно скоро болгары тоже меня заметили – еще бы, появилась какая-то новая переводчица с болгарского (из-за фамилии они были уверены, что болгарка – Димова), и не просто появилась, а публикует переводы в «Иностранке», составляет сборники в издательствах! Приезжающие в Москву поэты стали находить меня, начали завязываться сначала деловые, а потом и дружеские отношения, появились новые друзья и новые возможности. Болгарское издательство «София-пресс» стало посылать мне целые книги для перевода, причем гонорар я получала, только приехав в Софию. Это были большие суммы, накопившиеся за год-два, и их нужно было потратить за неделю или две, на которые я приехала. Это было захватывающее занятие, тем более что в России в то время был дефицит абсолютно всего. Я привозила из Болгарии посуду, полотенца, одежду и обувь для всей семьи, не говоря уж о книгах. Недоставаемые Пастернак, Цветаева, Кафка, альбомы по искусству – все у нас дома было из Болгарии. А еще через несколько лет болгары вручили мне орден Кирилла и Мефодия Первой степени.

Однако все происходило не так просто и не так гладко. Выхать в Болгарию мне не удавалось много лет, хотя каждый год я получала приглашение на участие в Международном летнем семинаре славистов и переводчиков, его устраивал Софийский

университет. Поскольку долгое время я не была членом союза писателей (а всего лишь состояла в группоме литераторов), мне негде было получить характеристику, необходимую для выезда за границу, и ОВИР отказывался принимать у меня документы. «С чего это вы взяли, что вы переводчица и поэтесса? – издевательски интересовалась служащая ОВИРа. – У вас есть докУмент? Нет? Зачем же вы сюда пришли?» Я пробовала получить характеристику в группоме, даже в домоуправлении, но милиционершу это не устраивало. Наконец одна из таких же горемык, как я, меня надоумила ехать не на семинар, не по официальному приглашению, а в гости по приглашению знакомых, тогда будет не нужна характеристика. И действительно, получив частное приглашение от знакомой поэтессы, Станки Пенчевой, которую я много переводила, с четвертой, кажется, попытки мне удалось вырваться из железных объятий родины и оказаться все-таки в Болгарии. Там я, естественно, поехала не в гости, а на семинар, где меня уже давным-давно ждали, и провела совершенно прекрасный месяц в обществе тех, с кем знакома была заочно, по публикациям и стихам. Нащупав эту дорожку, я стала ездить в Болгарию часто, и всегда, на любые официальные мероприятия, по частному приглашению. А после того, как я вступила в вожделенный Союз писателей (разумеется, в качестве переводчицы с болгарского), вопрос «выезда из страны» отпал вообще, я стала ездить в Болгарию даже не за свой счет.

Вообще Болгарии я очень многим обязана. Как ни странно, но именно благодаря Болгарии, в моей жизни появился Евгений Винокуров – поэт, единственный человек, которого я считаю своим учителем. Подробно о нем, о наших отношениях я уже писала, поэтому сейчас – лишь в нескольких словах.

Познакомилась я с ним в самом начале моей «болгарской карьеры», после того как перевела стихотворение Ивана Николова, посвященное Винокурову. Где его опубликовать, я понятия не имела, и Николов посоветовал мне обратиться к самому Винокурову, который, по его мнению, польщенный тем, что ему посвятил стихотворение болгарский поэт, куда-нибудь его пристроит. Я, зная, что Винокуров ведет поэтический семинар в Литературном институте, перехватила его, когда он направлялся в аудиторию, и он мне предложил посидеть у него на семинаре, а потом уже поговорить о делах. И до самого конца учебного года я ходила в семинар Винокурова. Он, действительно, помог мне напечатать целую подборку болгарских поэтов, среди которых было и стихотворение Ивана Николова, но совершенно из других, не угаданных Иваном Николовым соображений. Самое же главное

– мы подружились, и как оказалось, на долгие годы, на целых двадцать лет, пока я не уехала в Израиль. Эта дружба вполне заменила мне учебу в литинституте: чуть ли не каждый день мы по телефону читали друг другу новые стихи, он иногда хвалил меня, но очень редко, чаще ругал, не прощал промахов, насмешничал над плохими или банальными рифмами, объяснял, почему не годится та или другая строчка, что можно в стихотворении, а что – ни в коем случае, и постепенно я стала смотреть на поэзию его глазами и, заранее зная, что он одобрит, а что нет, в каком месте укоризненно покачает головой, а где с удовольствием скажет: «Ну вот, молодец!». Он читал наизусть стихи своих любимых поэтов, и многие имена я узнала именно от него, и не только поэтов. Набоков, Розанов, Осоргин – их книги я прочитала еще в семидесятые годы, когда об этих писателях никто, во всяком случае среди моих знакомых, и понятия не имел. Винокуров привозил книги из зарубежных поездок и давал мне их читать, предупреждая, что афишировать это не стоит, и я читала, читала, читала. А еще я училась у него спокойному, ироническому отношению к самой себе, к своим удачам и неудачам, и мне до сих пор очень жалко, что иронические стихи я начала писать, когда его уже не было на свете, – он бы порадовался...

Леонид Гиршович

Вспомнил молодость

«Тысяча физкультурников. Ученик пятьдесят девятой школы в белой апашке, уходящий на фронт. Незаконные репрессии в Доме на Набережной». Новый академик Фоменко наверняка напишет, что этот мир был придуман группой авторов в шестидесятые годы. Став визажистом самих себя, шестидесятые нуждались в образе предшествовавшего им безвременья, которое населили «русскими мальчиками» комсомольского вероисповедания, комиссарами в пыльных шлемах и т.п.

Именно тогда забрезжил какой-то быт, какой-то новый уют, какая-то треугольная груша, по имени современность. Началось формирование нового вкуса – на смену тому, что эксплуатировался, не зная износа, с конца девятнадцатого века, как это бывало с допотопным фабричным оборудованием. Между «оттепелью» и «застоем» хорошо смотрелись туристские гитары, твардовские журналы и другие причиндалы эпохи, окружившей немало добрых молодцев «лица необщим выраженьем» (заигранная цитата тоже причиндал эпохи).

На страну сошла благодать культурного и исторического времени, без чего астрономическое время – пытка. Некорректно говорить: «Великая славянская мечта об остановке времени». Это мечта о прекращении пытки. Советские шестидесятые, как к ним не относись, часть европейского культурного «пазла», красоты по-европейски. Только скончались они до срока. Но и родились преждевременно, на Московском фестивале молодежи и студентов вкупе с американской выставкой в Сокольниках. Пожужжав шестикрылым серафимом, шестидесятые влипли в процесс Синяского-Даниэля. Потом был июнь шестьдесят седьмого, когда пятая колонна распрямила согбенную спину. А годом позже, двадцать первого августа, шестидесятые почили в Бозе. С ними Россия упустила последний шанс, и это понимали все, даже не понимая, что понимают.

В дадыбао («Ленинградская правда»? «Смена»?) появилось крохотное, как зернышко, сообщение. «В аэропорту

„Быково“ предотвращена попытка вооруженного захвата самолета, совершавшего рейс по маршруту Ленинград – Лодейное Поле (допустим). Воздушные пираты задержаны, ведется следствие». В недавние времена это было бы предвестием цунами. Хотя былых зубов нет, жевательный рефлекс тот же, приемы те же, зернышко, проросло. Долго ли, коротко они летели, но серый волк и говорит: «Абрам-царевич...»

Пересказывать, как похищали самолет, чтобы сделать ноги в Израиль? Кузнецова приговорили к смертной казни через пулю в затылок, которая

нечаянно нагрывает,
когда ее никто не ждет...

А может, и врут. На самом деле во дворе тюрьмы выстраивается расстрельная команда в две шеренги, первый ряд стреляет с колена. В присутствии начальника тюрьмы, священника, адвоката и врача зачитывается приговор. Приговоренному завязывают глаза широкой креповой лентой, как на картине Ватто «Игра в жмурки». Даже сама мысль о смертной казни дика: это торжественно обставленное кошунство. Богоубийство. Ибо ведают, что творят, и потому нет им оправдания.

С Кузнецовым я впоследствии познакомился. Кто-то переезжал, что-то перетаскивали, и, пятась, он прикрикнул: «У меня нет глаз на затылке!». Мол осторожно. А если б были – а Франко и Кремль так и не обменялись бы помилованиями?

Мое антисоветское подсознание всегда будет нуждаться в кушетке психоаналитика. Нельзя сделаться безразличным к свастике за давностью лет. И к красной звезде тоже. ЧК – ГПУ – НКВД – МГБ есть царство ее. Двадцатые, тридцатые, сороковые, пятидесятые – все эти десятилетия ад молвил русским языком, моим языком. В те года на нем изолгались настолько, насколько сегодня разоткровенничались. При этом не больно-то изменились со времен оных, отчего безграничье языческих нравов, масштабы национального падения вдруг открылись со всей очевидностью – и для себя и для других.

Как пал Советский Союз? Рисунок трещин и трещинок, проступавший исподволь на величественном фасаде, возможно, со временем и сложится в единое целое: бородатое лицо – или рогатое лицо – мирового заговора. И правда, самоубийственно пренебрегли базовым принципом всякой тюрьмы: запором. Да еще касалось это не чукчи, воссоединяющегося со своим братом алеутом, а главного узника, содержащегося под кодовым именем советская общественность.

Семь тучных лет – ровно столько продолжалась третья эмиграция, единственная за всю историю государства им самим организованная. Две предыдущие происходили без спроса, равно как и последующая четвертая. Что это было? Попытка государства компенсировать идейный крах шестидесятых? Кормиться, экспортируя сырье, не новость, но в виде полезных ископаемых, а не в виде полезных человеческих особей. У меня нет ответа. Что было в восьмидесятые – понятно. Чего не было в шестидесятые – а если и было, то прямо противоположное тому, что должно было быть – тоже понятно.

«Были и пятьдесят шестой, и шестьдесят восьмой годы, показавшие, что подобно рейху, кайзеровскому или гитлеровскому, Советскому Союзу противопоставлен второй фронт. Но в ситуации Советского Союза, унифицировавшего образ врага, второй фронт был фронтом внутривластным. А тут, казалось бы, тылы – что твои полезные ископаемые. Поэтому всегда существовала возможность пожертвовать кусочком идеологии. Так Венгрия обернулась правом на быт, пришлось поступиться всеобщей казармой. Чехословакия отпрыгнулась еврейской эмиграцией – хроники текущих событий не поддавались лечению. И лишь Афганистан вызвал закручивание гаек: настолько уверены мы были в своем африканском роге. Но моя муза мне радостно шепнула (на сей раз она звалась Клио): «Авганистанъ» из числа животных, не пригодных к дрессировке».

Это классическое объяснение. За неимением чего-то лучшего воспользуемся им, тем более что авторство теряется в такой толще страниц, что его можно приписать кому угодно, ничем не рискуя, – хоть самому себе.

В глазах метрополии эмигрантская волна это маленький белый барашек. Но те, кого эта волна уносит, ощущают совсем иное: с их отъездом земля («Зембля», Набоков) снова сделалась безвидна и пуста и покрылась тьмой. «Все лучшее сегодня в эмиграции, – писал один из генералов третьей волны. – Лучшие музыканты, лучшие поэты, лучшие художники». Специфическая самонадеянность третьей эмиграции основана на убеждении, что пока там были мы, там было чему поучиться. Тот же «мочалок командир» объясняет историческую целесообразность еврейской эмиграции: они легко осваиваются на новом месте, сразу выучивают незнакомый язык, в отличие от нас (он имел в виду себя). Через своих евреев Россия обратится к человечеству с посланием: «Господа, коммунизм наступает на всех фронтах! Пока не поздно, создадим Интернационал Сопротивления!».

С годами я все меньше и меньше могу себе представить, как такое было возможно, но факт остается фактом: с конца шестидесятых в отсутствие фейсбуков, когда все, что двигалось, так или иначе фиксировалось, перед синагогой на Симхат Тора – «симхастейре» – собиралась еврейская компания, какие часто собирались на квартирах, только тысячекратно разросшаяся. То там, то сям посреди стилизованных еврейских хороводов кто-нибудь очень боевой размахивал бутылкой. Где-то скандировали: «Аллэ гоим мишугоим» – и для сомнительного баланса: «Аллэ идн инвалидн».

Пресекалось это сионистское безобразие спустя рукава. Милиция какое-то время призывала «не мешать молящимся», потом появлялось несколько машин с мусороуборочными щитами. Вроде бы никого не забирали. Неприятности в институте? Мне известен случай отчисления из консерватории, потом восстановили: была чьей-то дочерью. (Я, конечно, помню чьей, но я же не рапорт пишу.)

От консерватории до синагоги – один шаг. Знакомых – и ты, Брут... и ты, Брут... и ты, Брут... все мы брутъя. «А может, мы тоже молимся, – сказал я стоявшему рядом. Тут он поворачивается ко мне: «А ну-ка пройдем», – и вывел. Через несколько лет «симхастейре» перекочет со двора синагоги в приемную ОВИРа.

Для подающих документы риск, я думаю, выражался в понижении иммунитета процентов на двадцать пять, что не шутка, когда и так-то живешь по законам джунглей, то есть по неписаным законам. Но коль скоро другое законодательство не предусмотрено и третья сигнальная система дело привычное, то степень риска осознается постфактум. В конце концов, какие-то простейшие правила в этой игре существуют: «да» и «нет» не говорить, губки бантиком не строить, у кого «форма допуска», тот в положении вне игры, уезжаем по семейным обстоятельствам (в нотариально заверенном приглашении так и было написано: зная гуманное отношение правительства СССР к вопросу о воссоединении семей, мы просим позволить имяреку воссоединиться с Ходжой Насреддином, проживающем на Бухарском рынке в Иерусалиме).

Еще одно правило, действовавшее недолго: надлежало возмещать «стоимость полученного образования», занимая деньги у родственников и друзей, которые Сохнут возвращал им едва ли не по курсу «Известий». Число желающих воссоединиться сразу возросло: это не то что довольствоваться клоком шерсти в девяносто долларов. В прејскуранте стояло: университет – двенадцать тысяч, «библиотечный институт культуры» – не

помню. Хотели одним выстрелом убить двух зайцев. Материально поощрить выезд из страны и пополнить госказну... при помощи театральных денег! Абсурд. Еще больший абсурд: оципывать Сохнут в пользу своих бывших подданных. Да еще в ожидании детанта. «Академический налог» свернули быстро. Детант это что-то очень действенное, почти как «десант». Волшебное слово. Произнес и сразу отыграл просранные шестидесятые. (Мелкое фразерство с взиманием «академического налога» стоило поправки Вэника-Джексона, оскорбительнейшим образом действующей и поныне в знак того, что гусь свинье не товарищ.)

Семья, допустим, Яблонских получает вызов – «хинин в белом продолговатом конвертике». Само по себе это еще не значит, что ты болен. Происки врагов. А ты морально здоров и знать не знаешь никакого Ходжу Насреддина (что истинная правда). Теперь предстояло взяться за руки, зажмуриться: раз... два... – и при счете три бултыхнуться в ОВИР. На языке последнего, кстати, говорится не «вызов», а «приглашение». Вызов это когда набираешь 01, 02 или 03. А что, тебя ограбили? Нет. Ты болен? Нет. Твой дом охвачен огнем? Тоже нет.

«Вызов», «выезд», «виза» – все смешалось в доме Облонских. Им оставалось считанные дни быть честными советскими людьми, а не «как только таких земля носит».

«Сидение в подаче» сужает кругозор. Больному прописан режим, больной озабочен анализами, ждет обхода и больше ничем, кроме своей болезни, не интересуется. Знай он наверняка, что его выпишут, а не переведут в палату к отказникам, на многое смотрел бы иначе. Увы. «Россия, Лета, Лорелея» обернулось своим негативом: «Чемодан, вокзал, Израиль».

На глазах изменяются сущности. Телефон превращался в чье-то ухо, которое, впрочем, можно было заткнуть – накрыв подушкой или закрепив диск карандашом. Звонить стало возможным лишь с улицы. Телефон, вдруг зазвонивший, повергал в трепет: из ОВИРА? Те сносились со своими больными исключительно по телефону – никаких повесток, ничего письменного, никаких следов на теле. Любая информация, от кого бы она не исходила, носила явочный характер.

Менялись представления о предметах, с рождения тебя окружавших, различных «на ощупь души». Теперь это были «предметы, подлежащие (не подлежащие) вывозу». Соответственно, изменялась ценность этих предметов, поскольку представление о вещном мире первично – он создается нашим представлением о себе. Изданное до сорок какого-то года предстоит нести в Публичную библиотеку на экспертизу – а вдруг

библиографическая редкость. То, что выше определенной стоимости, считалось народным достоянием. Девиз: не позволим им растащить страну. Сдавай в комиссионку, дари друзьям, жуй. А если не выше, то выкупай свое добро и катись отсюда в свой Израиль.

Процедура воскрешения делится в сказке на две части: сперва кропим мертвой водой и лишь после живой. Новогодняя мистерия включает в себя проводы уходящего года – только проведив его подобающим тостом и закусив чем-нибудь, хорошо идущим под водочку, человек встречает свое новое счастье под бой советских курантов, разрешающихся гимном. Так же и день отлета, «разомкнутый как день казни», одновременно и день исхода и день, когда видишь новую землю и новое небо. Разве не ощутил ты, что тряхнуло самолет? Это взят незримый экзистенциальный барьер. Тебя больше не охраняют, и непонятно: ты свободен или беззащитен. Самолет летел туда, откуда нам уже нет возврата. Он лег на крыло, и мне в последний раз открылась панорама Ленинграда, словно это была священная гора Каймон, а за штурвалом сидел камикадзе.

Каждый отпущенную ему меру удачливости, счастья, блеска «носит с собой». Кто блистал на берегах Невы, тот обречен блистать в любой точке земли – либо исчезнуть с ее лица. Ну, а кто не блистал... или не очень блистал? Даже в том, идеологизированном Израиле, озабоченном приисканием работы для «новых олим» (мол, мы приехали в колхоз, дело каждому нашлось), возрастной потолок – как потолки в новых домах. Да еще по трапу спускаются «один со скрипкой, другой с виолончелью, а кто без – те пианисты».

Трудно не согласиться с тем, что «первое впечатление: ты в воздушной струе, выбрасываемой еще горячим мотором самолета, и стоит только сделать шаг вперед, как выйдешь из нее». Нет, не выйдешь. Азербайджан под протекторатом США – это второе впечатление. Сосед выразилась по-другому: «Такое чувство, будто я в эвакуации».

Отовсюду слышны сетования на здешние нравы, на отсутствие культуры. Виной тому комплексующая самоирония израильтян – «землепашцев с автоматами» – выдаваемая за израильскую модель поведения. «Мы израи'льски-примитивски, на головах дурацкие колпаки» («кова тембель» – панамы сельскохозяйственного рабочего). Бесцеремонно хлопают тебя по плечу: имей терпение («савланут»). Когда в полку меня спрашивали, чем я занимаюсь, то вторым вопросом было: «И с

этого можно жить?» – «Эфшар лихьот ми зз?». Для них музыкант играет на свадьбах.

Альтернатива им – пейсатые дятлы. Ношение кипы обязывает. Мицвот – предписаний благочестия – не то пятьсот тринадцать, не то шестьсот тринадцать, я вечно путаю. Неофиты, те бросаются с головой в омут. Полуподпольных неофитов – правда, православия – я встречал еще в Ленинграде, евреев в том числе. Когда в седьмом классе наперекор моей лени меня хотели записать в бассейн, построенный в бывшей церкви, – чтобы похудел – я придумал отговорку: бассейн в церкви это огромная купель. Плавать в церкви это креститься в особо крупных размерах. Дед Иосиф испугался.

Я избежал двух соблазнов, подстерегавших еврейских культурных юношей в России: писать стихи и креститься. Креститься – не единственный способ узаконить свои отношения с русским языком, по крайней мере, для меня. О русской музыке я не говорю. То, что зовется душой народа – мое. Это даже смешно обсуждать. Вообще не понимаю, как можно видеть в религии способ чего бы то ни было – борьбы с советской властью или с собственной творческой несостоятельностью (горячий привет Иксу, Игреку, Зету и иже с ними). Я категорический атеист, если религия становится орудием в борьбе и тем самым уравнивается в правах с бульжником.

Неприязнь к израильтянину была видовым свойством гомосоветикуса, породы более не существующей. Как на смену неандертальцу пришел человек нынешней формации, так на смену гомосоветикусу пришел совок. Третья эмиграция все-таки отличается от Четвертой, самой многолюдной. На мельчайшие совки разбился Советский Союз, он же Совок, как называли его те, кто вел от него свою родословную. Это государство, открыто исповедовавшее приоритет целесообразности над законом, твердило о рождении нового человека. Долго оно его вынашивало в своей утробе и как только произвело на свет – околело. Явление довольно распространенное в животном мире.

Чем был Израиль эпохи детанта – для советского десанта? Мы были плоть от плоти тех, кому спустя два десятилетия, не меняя при этом места жительства, предстояло эмигрировать из реального социализма в ирреальный капитализм – ирреальный, поскольку советское общество это общество-аутист. Тот же «гайдаровский» шок в миниатюре: за стеклом есть все, кругом иномарки, а ты гол, как сокол да еще безъязык, как таджик.

В лексиконе соседа появилось новое слово: «Фекально». «Как дела?» – «Фекально». Осетрина второй свежести – еще

продается, но уже не покупается. Еще не пенсионер, но изрядно второй молодости. Нельзя начинать с середины дистанции.

Государства, которое не бросало на произвол судьбы своих стариков и своих пленных, предоставляло крепкому середняку пользоваться себя самостоятельно. Если не я за себя, то кто за меня? Так, под социальным углом, понимались слова, на первый взгляд «толкавшиеся локтями». Но в Израиле они обретали иной смысл: раз я сам могу за себя, то почему кто-то другой должен за меня? А те – старые, убогие, пленные – за себя не могут. За них государство, Кнессет, Рабочая партия.

У истоков социализма на земле стоят пейсатые люди с их императивом благотворительности. Чтобы безнаказанно верить в Бога, нужно иметь много денег. «Цдака¹.. цдака... цдака...», – суют они тебе под нос банку с прорезью для милостыни. Столыпин был убит, потому что видел задачу государства в поддержке тех, в ком нуждается онó, а не тех, кто нуждается в нем. Спор старый, правильный ответ в конце задачника, промежуточные решения, даже кажущиеся удачными, только вводят в заблуждение.

Фантомным вкусовым голодом набита эмигрантская подушка долгих первых лет: уже давно перестали раздражать ивритские голоса; постепенно начинаешь сам жить по понятиям – местным (всюду живут «по понятиям»), но одно дело – каботажное плавание в виду береговой линии закона и совсем другое – заплыв за линию горизонта); даже «любовь на языке оригинала» мало по малу становится возможной, в смысле, для мужчин, а не только для женщин. Тем трудней представить себе отпадение от родной гастрономии. Торт «Киевский», конфеты «Южная ночь», «Печень трески» – вот они, вечно снящиеся «родные березки», вечный источник ностальгии. Но появление советского гастронома в Израиле могло быть лишь результатом чуда, грандиозностью своей превосходящего поворот сибирских рек или превращения Эстонской ССР в набоковскую Эстотию, а этого было еще ждать и ждать.

Для меня Израиль ознаменовался на вкус поджаристой баранкой, местами в крупичах соли. Баранка перекручена как выжатые трусики, «которые» я запивал густо-коричневым напитком из приталенной бутылки. Вкус довольно странный, а иерусалимский асфальт под миллионом солнц отдавал в этот момент едва уловимым запахом урины. Но воспоминание о пресном тесте, непривычно свежем, в сочетании с непривычной,

¹ Цдака – (от еврейского «Цедек» — «справедливость») (*Иврит.*)-*Ред.*

до ломоты в зубах, ледяной «кока колой» всякий раз вводило в соблазн повторить опыт. Эти баранки, нанизанные на деревянный стерженек, давно уже исчезли с прилавков киосков, вместе с теми, кто их пек, кто придал немецкому бретцелю вид еврейского бейгале. Человек на протяжении своей жизни меняется не так сильно, как окружающий его мир. Это я о себе – и об Израиле.

Хумус, кулинарную изюминку Израиля, я долго не любил. Полюбить с первого взгляда можно только красавицу, мою жену, например. Сколько лет прошло, прежде чем, глядя из окна девятнадцатого автобуса на взмыленную полицейскую девицу, что-то кричащую водителю, я поймал себя на чувстве щемящей и одновременно щенячьей любви к этой стране – чувстве, которого немедленно устыдился. Ибо человек нигде не должен быть у себя дома!

Так и с хумусом. Лишь после армии я приохотился к нему, что не могло не отяготить меня лишними килограммами, но в моем случае это уже все равно. Началось с хумусной «Абу Шукри» в Восточном городе. Белокожий седой Абу Шукри в феске сам растирал деревянным пестом свое коронное яство, а сыновья накладывали в тарелки, поливая и посыпая всем, чем положено.

Другой «еврейский специалитет», фалафель, я отверг раз и навсегда, по причине вызываемых им изжога, которых он не стоил. Я ел его лишь глазами – на погонах моих командиров. (В тридцатые годы в Советском Союзе говорили «шпалы» – а тут говорят «фалафели». РККА и ЦАХАЛ, две аббревиатуры из разных времен, но что-то их связывало. Гнетущее. Польша? Зарево одной и той же катастрофы? Что-то с детства знакомое, как «Два капитана».)

Год продолжалась моя жизнь солдата-срочника – на иврите «садирника». В разговорном иврите со времен царя Гороха бытуют русские суффиксы: «садирник», «джобник» («придурок» – от английского job), «кацетник» («лагерник» – от немецкого KZ, «концлагерь»). После этого первое, что мы с женой сделали – заказали загранпаспорта. Утро ушло на стояние в очереди, на заполнение формуляров. В шаге от нас двое молодых пейсачей, отвечавших на ту же анкету, что и мы, ломали себе голову: дата рождения. Тщетно пытались юные талмудисты вычислить, когда же они родились по гойскому календарю. По их представлениям сейчас на дворе 5736 год. Фамилия одного из них была Пастернак. Сейчас воскликнет, обращаясь к окружающим: «Эй, милые, какое у вас тысячелетие?». (Вру. Я не знаю, был ли он Пастернаком, но

почему бы и нет? Совпадения бывают невероятно меткие, по крайней мере, в Иерусалиме.)

В год 5734 от сотворения мира, в месяц тишрей, в «Шарей Цедек», что на улице Яффо, умирал мой дед Иосиф. Последние восемьсот метров автобус просачивается по Яффо целую вечность. Как на Марсе будут яблони цвести, так по Яффо будет бегать скоростной трамвай. Но пока не пройти и не проехать при двухстороннем движении всех видов транспорта – от дымных автобусов до пластмассовых армейских «сусит», которыми якобы питаются верблюды. «Врата Справедливости» – «Шарей Цедек», так назвать больницу могут только те, кто не сомневается в благоприятном для себя исходе, их праведность налицо: пейсы, спускающиеся вдоль ушей, бороды, лапсердаки. За ними последнее слово. И слово это – Смерть. Здесь светский Израиль кончается, передавая им бразды правления. «Наша вера самая правильная», – сказал мне когда-то один из них. – «Почему?» – «Потому что наша». На это трудно что-либо возразить. Если не я за себя, то кто за меня?

Артур Штильман

Главные путешествия с Большим театром

Чехословакия и Япония –
май-август 1973 года

Из книги воспоминаний «В Большом театре и
Метрополитен Опере»

Весной 1973 года стало известно, что я включён в список оркестра, который должен был в мае с оперой посетить Чехословакию на три недели, после чего по возвращении в Москву и закончив сезон, отправиться в Японию на целых два месяца для участия в выступлениях балета Большого театра и в симфонических концертах. О последних частично уже шла речь в первых главах этих воспоминаний («Дирижёры Большого театра»), но о поездках в целом всё же следует рассказать подробнее, так как они отражали суть самой желанной и даже по-своему престижной части работы театра – заграничных гастролей.

Итак, в мае 1973 года мы отправились в Прагу – первый город нашего тура. Незадолго до отъезда я нашёл в магазине «Иностранная книга» на улице Горького интересный справочник-гид на русском, изданный в Праге. Несмотря на то, что к тому времени прошло пять лет после вторжения советских войск в 1968 году для подавления «Пражской весны», какие-то небольшие всплески свободы ещё давали о себе знать. Так это самым странным образом отразилось в издании и продаже в Москве справочника-путеводителя, в котором подробнее освещалась... еврейская жизнь в Праге за многие века существования столицы Чешского Королевства. Из путеводителя я узнал, что на территории бывшего средневекового гетто в районе Йозефов находятся **шесть синагог, старейшая из которых была построена в 1268 году - «Старонова»**. По преданию, созданный главным раввином Праги в XVI веке Йеѓудой бен Бецалелем

(1520-1609) робот «Голем» до сих пор живёт под сводами крыши «Староновой». Выдающийся знаток религиозной философии, математики, географии, физики был прозван Махаралом по аббревиатуре: «Наш учитель рабби Лёв» - «Морейну Ха Рав Лев», сыгравший огромную роль в жизни пражской общины, неумолимо передавая свои знания ученикам школы.

Из того же путеводителя я узнал о том, что органист и руководитель хора **«Испанской синагоги»** Франтишек ШкROUP - был также автором чешского национального Гимна «Где ты родина моя».

Там же была информация о **Пинхасовой синагоге** - она имела особое значение в истории пражского еврейства – на её стенах написаны имена погибших во время Холокоста с датами рождения и смерти.

Клаусова синагога была также одной из старейших, и я её отчётливо вспомнил через десять лет, посетив в 1983 году синагогу Йозефа Каро в Цфате в Израиле. Что-то там было от ушедшего духа восточно-европейской еврейской культуры. В **Майзловой синагоге** было редчайшее собрание бронзовых и золотых подсвечников, а также серебряных с драгоценными камнями щитов на Тору и многочисленных драгоценных светильников – огромных размеров и совсем маленьких для праздника Ханука.

«Старонова» синагога – старейшее здание в Праге -1268 год.
Справа - еврейская Ратуша. XVIII век

Как все эти сокровища попали в Прагу в Майзлову синагогу? В 1942 году исполнявший обязанности «Протектора

Богемии и Моравии» Рейнгард Гейдрих приказал свезти со всех концов Европы предметы ритуала еврейской религиозной жизни и создать в Праге «Музей уничтоженного народа». Туда по его приказу были привезены все эти сокровища из многих городов Германии, Голландии, Франции, Бельгии, Греции, Польши и других стран. В мае 1942 года Гейдрих умер от полученного ранения после покушения на него чешскими бойцами сопротивления. Гейдрих не дожил до Нюрнбергского суда. Германия проиграла войну. А предметы, привезённые сюда, остались в Праге, теперь уже в Государственном еврейском музее.

Слева от Ратуши примыкающая к ней «Высокая» синагога

Одним словом тот путеводитель открыл мир другой Праги, о котором мы не имели понятия. Правда, о всемирно известном писателе Франце Кафке была самая минимальная информация (она, как позднее выяснилось, не так уж была нужна – памятные скульптуры и мемориальные доски на домах, где родился и жил Кафка были хорошо видны всем, кто гулял по центру Праги). Нам предстояло знакомство с одним из самых удивительных городов Европы.

Мы, то есть оркестр, летели в Прагу одним самолётом с солистами оперы. В первых рядах сидела Галина Вишневецкая, как и всегда великолепно выглядевшая, несмотря на усиливавшееся «завинчивание» деятельности Ростроповича, кончившееся через год отъездом всей их семьи на Запад. Пока она должна была выступить в новой постановке Б.А.Покровского – опере «Тоска» с литовским тенором Виргилиусом Норейка. Превосходный, кстати, был певец. Ему особенно удавался итальянский оперный репертуар. Жаль было только, что не разрешалось петь на языке оригинала. Выступление этой пары на первом спектакле было восхитительным – казалось, именно казалось, что солисты пели по-итальянски – до такой степени был совершенен их вокал! Несмотря на галерею величайших певцов и певиц XX века, с которыми мне пришлось работать почти два с половиной десятилетия в Метрополитен опере, *то* выступление я помню и сегодня, как одно из самых прекрасных, услышанных мной в живом сценическом исполнении.

Подлетая к Праге, мы увидели волнующую панораму города - хорошо мне знакомую. Не только из-за купленного путеводителя, сколько потому, что в 1946 году мой отец получил в подарок за работу над фильмом «Освобождённая Чехословакия» альбом с довоенными фотографиями европейски известного фотохудожника Карла Плички. (Мистика никогда не покинет

Прагу и Гетто. В 1999 году я снова был в Праге – только уже с оркестром Метрополитен оперы. В Москве пришлось оставить замечательный альбом Карла Плички. Очень было жаль, но разрешения на вывоз я тогда не получил. В свои туристические приезды в Прагу уже из Америки в 80-е годы я никак и нигде не мог его найти, хотя по идее он должен был быть у букинистов. И, наконец, в 1999 году я вошёл в букинистический магазин в Гетто, и спросил продавца, нет ли у него этого альбома? Я не успел даже договорить, как сам поднял голову к верхней полке, а там стоял «мой» альбом! «Вот он!» - сказал хозяин магазина. «Ждёт тебя!»).

Этот подарок отцу послужил началом моего интереса к изучению Праги – одной из величайших культурных столиц Европы. Так что приезд в Прагу был в довольно знакомый город, хотя и «книжно-знакомый».

Нас поселили в новой, отличной гостинице «Интернациональ» (теперь «Кроун Плаза»), построенной в традиции сталинской архитектуры московских высотных домов в районе с забавным названием «Подбабска». Примерно двадцать минут требовалось, чтобы трамвай довёз нас до центра.

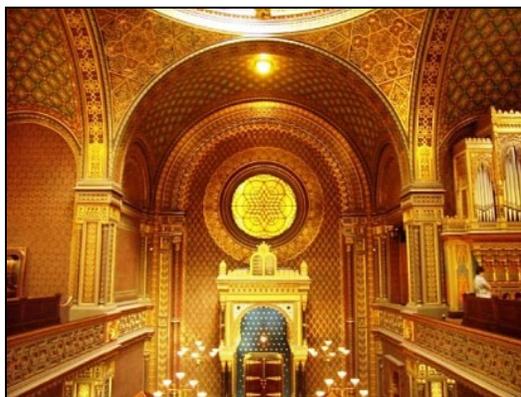
Все спектакли мы играли в пражском Театре им. Сметаны (теперь он называется Пражский Государственный Оперный театр) - рядом с центральным вокзалом. Почему-то не в Национальном театре. Как бы то ни было здание театра скромное снаружи, внутри производило большое впечатление пышным стилем великого прошлого Австро-Венгерской Империи.

Театр Пражской Государственной оперы, построен в 1888 г.
Когда мы там играли, он назывался Театр им. Сметаны.
Зал небольшой, с прекрасной акустикой

«Тоска» имела хороший успех, но в целом публика не реагировала так горячо, как это было в Вене два года назад. Оно и

понятно – лишь пять лет прошло со времени вторжения советской армии в Прагу и ожидать горячей любви пражан к Большому театру не приходилось. Хотя нужно сказать, что везде, где бы мне не доводилось бывать за 12 дней пребывания в городе – нигде мы не встречались ни с грубостью, ни с очевидным недоброжелательством. Чехи как-то научились жить «сами по себе», не обращая внимания на очередных оккупантов. Нацисты оккупировали Прагу в течение шести лет, советская армия стояла в Чехословакии 23 года! Разумеется, нельзя ставить на одну доску при любых обстоятельствах армии двух стран, но факт, что чехи действительно научились жить «сами по себе», создавая свою новую кинематографию, литературу, даже при полном контроле компартии.

«Испанская синагога». Внутри она невероятной красоты – кажется, что попал в «сказку из 1001-й ночи». Справа виден орган, за которым сидел композитор Франтишек Шкroup

Как-то в один из свободных дней я навестил своего соученика студенческих лет – теперь профессора Пражской Консерватории. За прошедшие 15 лет он успел поработать в Югославии концертмейстером одного из симфонических оркестров, поездил по близлежащим странам Европы как солист, а потом вернулся домой в Прагу. Женился он ещё в Москве на балерине Театра им. Станиславского и Немировича-Данченко. Он меня принял очень тепло в своём классе, где я прослушал двух его учеников. Они не были такими виртуозами, как студенты Московской Консерватории, но их игру отличала углублённая музыкальность, большая забота о красоте звука и любовь к

мелким деталям исполнения. Зденек рассказал мне, как он «горел, как и все политикой, ходил на демонстрации. А теперь моя главная забота, - сказал он в заключение, - установить новую крышу на моём доме». Поговорили о старых соучениках. Он уже знал о начавшейся волне эмиграции и первых наших соучениках, подавших документы на выезд, в том числе и о скрипаче Владимире Ланцмане. В общем, он с пониманием отнёсся к этой новой для советской жизни реальности. Думаю, что он понял, что и я рано или поздно стану также кандидатом на отъезд - слишком заманчива была перспектива начать новую жизнь. Зденек начать её не мог, да и не хотел. Перспектива нового устройства на Западе его явно не привлекала. Мы расстались с ним очень тепло. К сожалению, в мои приезды в Прагу в 80-е годы из Америки мне не удалось его разыскать. В 1988-м мне показалось, что ситуация в стране стала хуже, чем была в 1973-м.

Работать в Праге пришлось мне за «троих» - играть в оркестре, выступать как солист в составе небольших групп с солистами оперы и балета и играть в Ансамбле скрипачей им. Ю.М.Реентовича. Конечно тогда не имени, а «под художественным руководством». Часто приходилось в одном и том же концерте играть в Ансамбле, а до того, или после - выступать как солисту.

Фрагмент стены с именами погибших в Холокосте чешских граждан-евреев в Пинхасовой синагоге

В один из редких свободных дней я решил, наконец, посетить Еврейский музей. «Риск» был минимальным – советские туристы никогда не ходили в Еврейский музей – их не водили в один из главных туристических объектов города. Так что можно

было встретить – и это могло быть редкой случайностью – кого-то из своих, из театра. Но кого это могло интересовать и кто мог туда безбоязненно придти, не думая о том, что кто-то донесёт в Москве на «нездоровый сионистский интерес такого-то к Еврейскому музею»?

А что там было такого, что рассматривалось нежелательным для глаз советского человека? А была там выставка детского рисунка – детей, заключённых в Терезине, детей, обречённых на депортацию и уничтожение. Для международной пропаганды нацисты содержали для киносъёмки часть Терезиенштадта как «образцовый Юденштадт», а в действительности там происходило постепенное вымирание и уменьшение населения за счёт смертей от болезней, голода и депортаций. Но дети не всегда понимали реальность происходящего и путешествие «на Восток» воспринималось ими как весёлая прогулка на поезде!

Могила Иегуды бен Бацалеля на старом еврейском кладбище.

Туристы вне зависимости от религиозной принадлежности оставляют здесь записки со своими просьбами к Махаралу.

На заднем плане Пинхасова и Клаусова синагоги

Свидетельство тому - некоторые детские рисунки. Я увидел фотографию одного мальчика, лет 10-12. Ему не суждено было стать взрослым. У меня сдавило горло – от осознания факта

безнаказанности убийства детей, и ещё больше – от того, что страна, где я живу, делает сегодня всё, для нового уничтожения евреев в Израиле – поставляет новейшее наступательное оружие – пушки, танки, самолёты, зенитные и не зенитные ракеты, тренирует армии стран, открыто декларирующих свои цели полного уничтожения Израиля! Всё это быстро промелькнуло в моём сознании, и тут я встретил своих двух коллег в этом музее детского рисунка, находящемся и теперь в здании Погребального братства старого гетто. Они, конечно, заметили, что со мной происходило что-то не совсем обычное. Дальше мы втроём осматривали экспозиции других отделов. Моё внимание привлекли часы, впервые мной увиденные обыкновенные «ходики» с гирями, но идущие в обратную сторону! То есть на циферблате были буквы еврейского алфавита, имеющие также и цифровое значение. Удивительные часы! Они как бы символизировали обратный ход времени, приведший к возрождению древнего Израиля на его исторической земле. Такие же часы находились и рядом со «Староновой» – на башне еврейской Ратуши. Мои коллеги даже не догадались поднять головы и посмотреть на эти, такие же диковинные часы, если бы я не обратил их внимания. Правда, о часах на Ратуше я уже знал из того самого путеводителя ещё в Москве. В одном из залов экспозиции еврейской религиозной жизни я увидел пасхальную тарелку – на ней было написано «Кошер ле Песах», то есть специальная, ритуально чистая «кошерная» тарелка для праздника Пасхи. Вот тут я себя «выдал с головой!» Они оба поняли, что я знаю ивритские буквы, а следовательно... а следовательно это неспроста!

Сегодня, размышляя о том времени посещения Музея, мне кажется, что мои эмоции были продиктованы не только моей принадлежностью к еврейству, но также и простому чувству **сострадания** к униженным и оскорблённым. Это хорошо известные и прекрасные слова. Должно ли это чувство сострадания и гуманизма диктоваться только национальной принадлежностью к гонимому веками народу? Мне кажется, что это естественная реакция всех людей, имеющих сердце и душу, открытые к боли и состраданию.

Всё это, однако, практически было если не противозаконно, то абсолютно нежелательно в реальной советской жизни - уничтожение нацистами евреев Европы, трагедии Бабьего Яра и Змеиной балки, Фортов Каунаса, Понар и других мест массового уничтожения евреев всячески замалчивалось.

Официальной пропагандой раздувались «преступления израильской военщины», а журнал «Огонёк» договорился до того, что «само существование государства Израиль представляет собой первостепенную угрозу существованию человечества». Теперь этого почти никто не помнит, но это было! Было - после всего происшедшего в последние годы «зрелого сталинизма» - особенно с 1950 по 1953-й. Вот такие мысли приходили в голову после посещения Еврейского музея Праги. Я понимал, что здорово «наследил» своими неоднократными походами туда, да ещё приводя с собой некоторых моих коллег, которым, *по моему мнению* это могло быть интересным.

Как-то я взял с собой одного приятеля-виолончелиста для посещения знаменитого трактира «У чаши» («У Калиха»), описанного во всемирно известной книге Ярослава Гашека «Приключения бравого солдата Швейка». Трактир этот – одно из самых популярных туристических мест в Праге. Роман Гашека – книга всемирно известная. Туристов привозили в ресторан уже тогда целыми автобусами.

По дороге, хотя у меня и была карта, всё же пришлось несколько раз спрашивать прохожих о нашем направлении. Мой приятель был очень недоволен тем, что я спрашивал по-немецки. «По-русски говори им! По-русски! Чего тут церемониться?!». Он пришёл в довольно сильное возбуждение. Я ему мягко ответил, что все прохожие не обязаны знать русский, а немецкий – второй обиходный язык как здесь, так и в Венгрии. Он явно жалел, что пошёл со мной, хотя пребывание в трактире было очень приятным – кухня «У Калиха» была можно сказать уникальной, а мой коллега был поклонником не только пива, но и водки, что в изобилии было представлено в этом замечательном кафе-ресторане. Он был талантливым виолончелистом и братом дирижёра, с которым я ещё в студенческие годы выступал в качестве солиста с оркестром. Поэтому он, кажется, так никому и не рассказывал о моём «подобострастном» поведении в отношении местных жителей.

Закончились наши пражские дни. Мы сели в автобусы и начали свой путь в известной степени другую страну – в Моравию, в город Брно.

Вот где мы познали всю силу злобы и ненависти ко всем советским, кем бы они не были! После почти пятичасового пути на автобусах – (всего двести с небольшим километров, но по однополосной дороге), мы остановились у новой современной гостиницы. Когда мы вошли в свои номера, мы поняли, что тут

людям с проблемами сердца или дыхательных путей долго не выдержать. В комнатах стояла невообразимая жара, хотя дневная температура не превышала нормальной - 22-23 градусов по Цельсию. Рамы окон не открывались за исключением очень узкой части окна. Наши окна все выходили на юг – солнце было гарантировано на весь день, а кондиционерная система, уже существовавшая тогда, была отключена! Несмотря на все усилия нашей администрации, любезные хозяева говорили что-то невнятное о ремонте. И включили они кондиционерную систему через четыре дня - за час до нашего отъезда! В назидание всем.

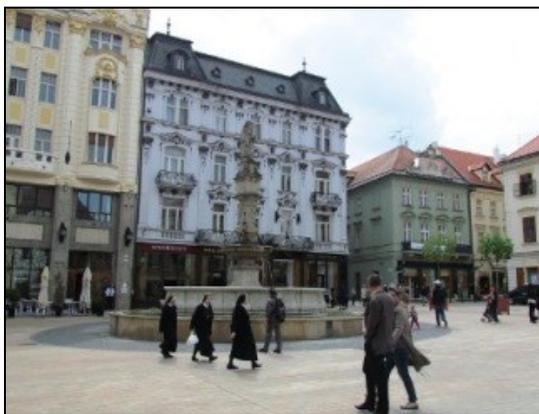
В Праге такого быть просто не могло, а тут совершенно спокойно дирекция гостиницы намеренно создала условия совершенно невыносимые. Мы с наслаждением проводили большую часть дня вне отеля. Город Брно знаменит своей старой крепостью Шпильберг. В ней находилась старинная тюрьма – властители любили держать своих заключённых поближе, чтобы они всегда были под рукой. Тюрьма, как мы слышали, весьма пригодилась нацистам во время войны. После войны она вроде бы не функционировала. Зато в Шпильберге был прекрасный старинный ресторан. И тут мы как бы попали снова в другую страну – официанты были примером вежливости, такта и предупредительности.

Я совершенно не помню, как публика принимала наши четыре спектакля в Брно. Если не изменяет память – театр там был небольшим, и я, кажется, не играл два спектакля, так как наш полный состав струнной группы там просто не умещался. Покидали мы Брно с большой радостью. Последним городом в нашем туре была Братислава. Снова погрузились в наши пять «Икарусов» со своим багажом и снова ехали очень медленно по однополосному шоссе, довольно забитому вблизи даже небольших городов. Ещё в дороге наш заведующий оркестром сказал мне, что руководитель поездки В.А Бони забыл сообщить о том, что мне, виолончелисту Ю.Лоевскому (концертмейстеру группы виолончелей) и ещё трём певцам, надлежит немедленно по прибытии в Братиславу ехать на концерт в город Трнаву – примерно в пятидесяти километрах от Братиславы.

В этот день мы не обедали, где-то перекусили в придорожном пивном баре, устали невероятно, и тут такой сюрприз! Я только и мог сказать: «Надеюсь, ты не ожидаешь, что я буду стоять в очереди за номером в гостинице? Дай мне ключ сам, сразу по прибытии. Иначе ничего не получится». Но ведь и правда – приезжают одновременно более двухсот человек и на размещение их требуется время. Мы приехали где-то около шести

вечера в гостиницу «Карлтон» - в прошлом отель класса люкс. До войны «Риц-Карлтон» были самыми фешенебельными отелями мира. Теперь гостиница очень состарилась, обветшала и можно было только догадываться о её былых роскоши и величии. Правда, тут было не до того – нужно было придти в свой номер, срочно переодеться, взять скрипку, ноты, и ехать на концерт. Поданная «Татра» взяла на борт шесть человек, и мы отправились в путь. Шофёр неимоверно быстро гнал свою машину. Иногда это было неприятно – любое препятствие на дороге могло плохо кончиться – скорость была под сто пятьдесят километров в час. Хотя шоссе было лучше и довольно широким, но всё же такое лихачество было несколько чересчур.

Концерт наш прошёл очень успешно. Оказалось, что был запланирован сольный концерт Игоря Ойстраха, но по неизвестным причинам он не приехал, и вместо него нас привезли в этот вечер для выступления в местном театре. Всё было очень мило. Но все мы были голодны, а после концерта хозяева предложили нам неограниченное количество пива с крохотными бутербродами с сыром. Нас действительно сердечно поблагодарили за концерт, и мы снова погрузились в ту же «Татру», но ехали ночью значительно медленнее – не больше 80 километров в час.

Главная площадь старого города в Братиславе –
типичная площадь венгерских городов

Наутро я понял, что работать в этот день просто не могу – слишком много выступлений и работы в оркестре было в последние две недели. Я попросил меня освободить от вечерней репетиции «в награду» за вчерашний концерт. Мне пошли

навстречу и я, после завтрака заснул в этом старом, тихом отеле и проснулся только к обеденному времени часа в два.

Старый город, его рыночная площадь показались мне очень знакомыми. Кругом слышалась *венгерская* речь. Где я видел эту площадь? Конечно, она была похожа на такие же рыночные площади многих венгерских городов. И тут я вспомнил – в книге, посвящённой Беле Бартоку есть фотография этой площади начала века. Это был город Пожонь! По-немецки это был Прессбург, а по-венгерски – Пожонь. Когда-то здесь была столица Венгерского Королевства, входящего в Австро-Венгерскую империю. Площадь сохранила аромат венгерской провинции и старинные здания были в основном в неплохом состоянии. На улице старого города я неожиданно увидел Бориса Акимова. Мы с ним встречались на нескольких концертах, в том числе выезжали из Праги в расположение советских воинских частей для «шефского» концерта. Познакомился я с ним году в 1970-м, когда Борис переживал трудный период. У него были проблемы со здоровьем, столь необходимым особенно для солиста балета. Его незабываемый Ротбарт в постановке Григоровича «Лебединого озера» имел всегда триумфальный успех. Даже далёкая от балета публика понимала и воспринимала всю мощь балетного и актёрского таланта молодого артиста. О его участии в «Асели» говорилось в начале этих записок. Он выступал исключительно успешно в балете «Спартак», несколько по-другому переосмыслив образ Красса - после самого Мариса Лиёпы! И в этой роли он всегда имел громадный успех. Те, кто видел Мариса Лиёпу, могут себе представить, насколько трудно было выступить в той же роли любому, самому талантливому солисту балета, потому что Лиёпа сочетал в себе совершенное балетное мастерство и большой талант драматического актёра. Так что Борис Акимов был любимым молодым солистом всех, кто пришёл в театр в моё время – в середине 60-х годов.

И вот – такая приятная встреча с ним здесь, в древней столице бывшего Венгерского Королевства - прекрасной Братиславе. Мы договорились встретиться с ним вечером после его занятий в классе в театре.

Зайдя за ним вечером в класс для балета, я застал там занимавшуюся с ним солистку балета Ларису Трёмбовельскую¹.

¹ **ТРЕМБОВЕЛЬСКАЯ Лариса Дмитриевна** (р. 15.9.1936, Москва), артистка, педагог, балетмейстер. Засл. арт. РСФСР (1974). По окончании МХУ (педагоги Г. П. Петрова, Т. С. Ткаченко) в 1955-77 в Большом театре; совершенствовалась под

Она предложила нам после окончания их «класса» зайти к ней в номер того же отеля, где жил Акимов – отеля «Девин» на набережной - посидеть у неё и «закусить, чем Бог послал», - добавила она. Здесь надо заметить, что предубеждения – неперемный спутник нашей жизни, особенно в мире исполнительских искусств - показали мне всю свою несостоятельность. До тех пор я был убеждён, что интеллект солистов балета едва ли превосходит интеллект хоккеистов или гимнастов. Борис Акимов был уникальным исключением. Но при ближайшем знакомстве оказалось, что очень известная тогда и знаменитая балерина - исполнительница характерных танцев, оказалась человеком милым, образованным и простым. (Впоследствии мы были друзьями много лет, она навестила нас с женой в Нью-Йорке в 1996 году).

В её комнате отеля «Девин» стоял телевизор с кабельной программой, бравшей западную Германию и Австрию. И вот – в новостях мы увидели жуткую картину – медленно

рук. Н.А. Капустиной. Ведущая характерная танцовщица театра. Первая исполнительница партии Андалузки («Испанское каприччио», 1963, балетм. В. Г. Гонсалес, М. Ф. Камалетдинов). Др. партии: Мерседес («Дон Кихот»), Мавританка («Лейли и Меджнун»), Персидка («Половецкие пляски»); исполняла характерные танцы в балетах «Лебединое озеро», «Дон Кихот», «Бахчисарайский фонтан», «Гаянэ». Выступала с конц. репертуаром. Исполнительский стиль Т. отличался строгим благородством манеры, тонкой обрисовкой нац. особенностей танца, музыкальностью и эмоциональной насыщенностью. С 1977 педагог-балетмейстер Большого театра, где ею поставлены танцы во мн. операх. По окончании ГИТИСа с 1980 педагог кафедры хореографии по нар.-сценич. танцу там же. Пост. : балет-триптих «Картины Испании» («Тореро» Е. Ф. Светланова, «Любовь-волшебница» М. ле Фальи, «Испанское каприччио» на муз. Н.А.Римского-Корсакова) в оперно-балетных театрах Улан-Удэ (1983) и Фрунзе (1985); «Испанское каприччио» на муз. Н.А.Римского-Корсакова (Одесский театр, 1981), «Фиеста» на муз. Римского-Корсакова (в Белорус. хореогр. училище, 1990, вошёл в репертуар Минского театра), танцы в операх в Минском театре. Снималась в кинофильме-опере «Каменный гость» (1967, Т. - Лаура), в художественном фильме «Ференц Лист» (1972). Её творчеству посв. телефильм-концерт «Танцует Лариса Трёмбовельская» (1974). Соч.: Так танцуют в Испании, «СБ», 1986, № 3.

разваливавшийся в воздухе самолёт ТУ-144 на авиа-шоу в Ле Бурже под Парижем. Самолёт был точной копией «Конкорда», только недавнего начавшего свои рейсы между Европой и Америкой. На глазах тысяч зрителей во время демонстрационного полёта он начал окутываться каким-то странным облаком и разваливаться по частям... Этой хроники нельзя было увидеть больше нигде – ни в Москве, ни в Братиславе в нашем отеле. Только в номерах, предназначенных для иностранцев. Мы, как видно, таковыми не считались. А солисты оперы и балета – всё же считались!

Поблагодарив нашу хозяйку, я на прощание сказал, что если поеду в Японию, то теперь такое же приглашение на ужин будет за мной. Мы с Борисом вышли на набережную. О чём мы только не говорили! О Бахе. О Вивальди, о достоинствах и недостатках постановок балетов, о литературе... Словом с Борисом Акимовым мы могли разговаривать и до утра – он был всегда изумительным собеседником, и к тому же эрудированным, имеющим свой оригинальный взгляд на исполнительское искусство, будь то музыка, балет, или драма. Меня не удивило, когда спустя примерно десять лет, он один создал спектакль-концерт памяти Сергея Есенина, *написав самостоятельно музыку к стихам любимого поэта, поставив танцы, и вообще создал целый спектакль как режиссёр*. Я мог оценить полностью его труд и талант, посмотрев этот концерт на видеокассете, присланной им в Нью-Йорк. Борис Акимов обладает и замечательным человеческим качеством – он верный, преданный друг, и также редкостный в наше время заботливый сын и родственник – наша многолетняя дружба позволила узнать его и с этой стороны. В 2008 году он потерял свою жену – солистку балета Татьяну Попко. Мы понимали, что потеря эта для него невосполнима. В каждый прошедший год со дня её смерти Борис выпускает новый сборник стихов, посвящённый её памяти.

Редкая жизненная удача заслужить дружбу такого человека, как Борис Акимов. Мы с моей женой ценим это безмерно.

Приём, который он нам устроил в Москве, когда мы приехали туда из Нью-Йорка в 2004 году, потребует отдельного рассказа.

Вернёмся снова к гастролям в Чехословакии. Итак, в начале июня 1973 года, закончив свои гастроли в Братиславе, вся группа села в поезд и доехали мы под утро до границы - Чернынад Тиссой. Вид за окном был идиллический: пастух пас своё

стадо. Тишина. Покой. Никаких заграждений, никаких вспаханных полос. Ничего, кроме пастуха. Ни одного человека в мундире, и без мундира тоже. Один пастух.

Поезд остановился так, что из коридора вагона был виден мост и... Картина, открывавшаяся справа за мостом достойна действительно серьёзного художника-реалиста! Это трудно описать словами даже сегодня. Вся территория, отступя от берега реки метров на 50-100 на восток, была укреплённым районом! Вспаханная полоса была шириной метров в 15-20. Затем шли проволочные заграждения, потом, если не изменяет память, был и ров с водой, потом снова забор из колючки, прерывающийся вышками с ясно видимыми тяжёлыми пулемётами. Это был действительный въезд в Лагерь, только социалистический, а не исправительно-трудовой. Пока поезд стоял, картина была видна с двух сторон – чешская слева и начало СССР – справа.

И эта укреплённая зона существовала, несмотря на 350-тысячную армию, оккупирующую Чехословакию к тому времени уже пять лет! Кого же так боялись власти? А может, всё это было как раз построено для желающих покинуть священные рубежи? Не знаю, но картина была потрясающей. И это было ещё не всё!

Поезд, наконец, медленно сдвинулся с места и начал переезд через Тиссу. Ещё немного и уже советская территория: валяющиеся в грязи брёвна, кирпичи, уголь. Часто мешки с цементом – иногда всё это вперемежку. Наконец поезд встал у перрона станции Чоп. Я открыл занавеску окна купе. Внизу спиной к вагону стоял автоматчик с овчаркой. Налево от него метрах в пяти – другой, тоже с овчаркой. Направо – такая же картина. Это прибыл поезд с государственными преступниками? Нет, это был поезд с артистами Большого театра – прославленными солистами балета, оперы, превосходным хором и оркестром. То была незабываемая встреча. Никого не ранили, конечно. Никого не убили. От моей веры в страну, в которой я родился, ничего не осталось после такой «торжественной» встречи Большого театра. (Только сегодня понимаешь, каким уродливым сознанием нужно было обладать, чтобы превратить великую и прекрасную страну в подобие тюремного лагеря!).

Минут через 10-15 осаду сняли, и мы вышли на перрон. Все повалили в ресторан. Было рано, но не для нас. Все начали заказывать полный обед и, конечно, с водкой. После Чехии и Словакии еда показалась особенно ужасной. Словом – мы дома.

Всего две недели прошли в Москве после нашего возвращения, как нужно было снова собираться в дорогу – теперь уже на два месяца в Японию. Поездка туда и манила и пугала –

путешествие от Москвы до Йокогамы занимало 72 часа - четыре дня. Полёт Москва-Хабаровск, поезд Хабаровск-Находка и корабль – Находка-Йокогама. Это был обычный путь для больших групп артистов, используемый Госконцертом для поездок в Японию. Надо заметить, что на всех этапах пути всё было блестяще организовано – нигде не приходилось ждать автобусов, номеров в гостиницу в Хабаровске, или каких-то неурядиц при посадках в поезд и на последнем этапе на корабль. Судно называлось то ли «Мария Ульянова», то ли «Феликс Дзержинский» - точно не помню - и было построено, согласно висевшему документу недалеко от ресторана – в Германской Демократической Республике. Мы знали, что этот маршрут проехал наш самый опытный и добросовестный, если не сказать талантливый администратор, в обычное время заведовавший билетными кассами Большого театра - Михаил Исаакович Лахман.

Наш самолёт взял курс на восток и через три часа мы уже прошли Уральские горы. Началась Сибирь. Было совершенно светло, и видимость с высоты 10 км была отличной. Сибирь производила огромное впечатление с самолёта – бескрайняя тайга – леса под нами, справа, слева и до самого горизонта. Никаких видимых обжитых людьми мест. Иногда были видны огни, по-видимому, каких-то нефтеперерабатывающих предприятий. Наконец внизу мы увидели огромную реку. Даже с нашей высоты она казалась гигантом, настолько она была широка. К сожалению, на советских аэролиниях редко можно было узнать местонахождение самолёта, так что оставалось только предполагать, что река-гигант была Обью. Через несколько часов спокойного полёта мы приземлились в Хабаровске, где нас сейчас же привезли в гостиницу и мы все завалились спать. В Хабаровске уже было часов 5-6 после полудня, когда мы на тех же «Икарусах» приехали на вокзал, откуда предстояло ехать почти сутки до порта Находка.

Кроме персонала Большого театра пассажиров в поезде было совсем мало, можно сказать – никого. Вагон–ресторан был превосходным, с большим количеством первоклассных рыбных закусок, красной и чёрной икрой, отличными борщами и вторыми блюдами. Этот маршрут был рассчитан, вероятно, на иностранцев – несмотря на большую потерю времени, он был во много раз дешевле, чем билет на самолёт Москва-Токио. Так что несколько студентов из Норвегии, Голландии и Германии всё же воспользовались этим видом трёх транспортов в Японию. Природа Приморского края была исключительно живописна, казалось, что здесь господствует морской климат - такой пышной и

разнообразной была растительность. Удивляло почти полное отсутствие людей. Это была редко населённая полоса земли, хотя она казалась очень благоприятной для сельского хозяйства. Отлично выспавшись ночью, мы приехали в Находку во второй половине дня и только к 6-7 вечера закончили посадку на свой корабль. Морской воздух довольно быстро «уложил» нас всех спать. Проснувшись наутро, в иллюминатор мы увидели берег острова Хонсю – главного острова Японии. На заходе солнца мы вошли в Токийский залив, где нам открылась картина, с трудом поддающаяся описанию – казалось, что весь залив буквально забит кораблями различных размеров, назначений и стран! При такой «давке» трудно было понять, как всем кораблям удавалось избегать столкновений, а между ними ещё сновали мелкие рыболовные японские суда, названия которых состояло из двух слов и второе слово у всех было одинаковым – «Маги». Мы медленно продвигались к Йокогаме и, наконец, когда корабль стал вырывать влево примерно за 2 км от берега, навстречу нам появился полицейский катер, на котором между двумя японскими таможенными офицерами стоял улыбающийся и элегантный Михаил Исаакович Лахман! Вся палуба оценила его эффектное появление горячими аплодисментами. Это он проехал всю нашу трассу, тщательно организуя и согласовывая все звенья нашего путешествия, которое и правда прошло без сучка и задоринки. Лахман с двумя офицерами был взят на борт, и мы причалили к берегу Йокогамы, бывшей в 1973 году большой деревней.

Японские таможенники конфисковали у некоторых наших коллег мясные и рыбные консервы - запрещённые к ввозу пищевые продукты. Некоторых это не коснулось, но чемоданы наиболее опытных балетных артистов были здорово облегчены. Женщины - таможенные офицеры - были особенно придирчивы: осматривали подошвы нашей обуви, брючные ремни – в поисках не существовавших у нас наркотиков. Наконец с делами было покончено и мы сели в автобусы, направлявшиеся в Токио. Узкая, хотя и двухполосная дорога пролегла над водой, и мы видели крохотные фанерные домики, стоявшие прямо у самой воды, по которой плавал мусор. Первое впечатление было не слишком впечатляющим. Но то был действительно старый район порта. Когда я приехал сюда двадцать лет спустя, правда уже прилетел из Нью-Йорка, то от таких районов не осталось и следа.

Мы проезжали сплошную деревню, менявшую названия до самого Токио. Названия были какие-то мотоциклетные, например «Кавасаки». Но вот уже появилась невысокая башня телевидения. Эстакада автодороги поднимается на высоту 8-10

этажа, где-то далеко внизу справа виден сверкающий бейсбольный стадион, мы на такой высоте меняем направление и едем круто вниз - в ущелье между высотными домами. Впечатление было, как будто мы реально попали в фантастический роман. Это был настоящий XXI век!

Такие автомобильные «развязки» существовали
в Токио уже в 1973 году

Скоро автобусы остановились у отеля «Империал», где всегда жили советские артисты – знаменитые солисты Эмиль Гилельс, Давид Ойстрах, оркестры, танцевальные ансамбли «Берёзка» и Ансамбль Игоря Моисеева, Большой театр. В фойе сидел вездесущий М.И.Лахман и быстро направлял нас к нужному столику, где для каждого лежал ключ от номера в конверте – ключ был пластиковой карточкой. Таких ключей мы ещё никогда не видели. Руководители оркестра и балета немедленно отобрали наши паспорта, а нам вместе с ключом выдали пластиковые карточки с фотографией и надписями по-японски – пропуск на вход в NHK и в Бунка-Кайкан Холл. Всё-таки что-то вроде удостоверения личности – на всякий случай. Паспорта свои мы увидели только перед отплытием корабля из Йокогамы через два месяца. Это был странный обычай. Разве нельзя было стать невозвращенцем и без паспорта?

«Империал» был отелем высшего класса. Правда, окна выходили прямо на эстакаду городской железной дороги, опоясывающей весь город. Это был быстрейший способ добраться

до самых отдалённых районов. Наши выступления, как и выступления большинства приезжающих в Токио театров, должны были проходить в «Бунка Кайкан Холле» рядом с парком и вокзалом Уэно, и в театре здания национального телевидения NHK. Симфонические концерты проходили в специальных концертных залах/

Спонсорами поездки были несколько больших финансовых институтов, в том числе газета «Асахи». Одним из постоянных спонсоров советского балета в Японии была также мадам Ойя. Обожавшая балет и артистов, она всегда приглашала всех членов советских балетных трупп к себе в гости.

Отель «Империял» со стороны парка Хибийя

Мы часто видели её в Москве в директорской ложе с переводчиками и секретарём. Когда мы приехали в Осака на целую неделю для выступлений с балетом, мадам Ойя пригласила всю группу к себе домой. Дом оказался внутри очень скромным. Правда на стенах висело несколько оригиналов картин французских импрессионистов (глубоко уважаемых и обожаемых в Японии), но в целом в доме не было ни шикарной мебели, ни каких-либо видимых ценностей прикладного искусства. Зато на её письменном столе было большое количество фотографий с Рудольфом Нуреевым, как видно бывшего частым гостем в этом доме. Мадам Ойя унаследовала от своего покойного мужа текстильные фабрики, банковский капитал и многие финансовые вложения в разных странах мира. В быту, однако, жизнь её семьи выглядела очень скромно. В доме жила её дочь с мужем и маленьким ребёнком и престарелая мать, сидевшая весь вечер в

инвалидном кресле. Уважение к престарелым, кажется, было в Японии важной частью их морального кодекса. Все её домочадцы были очень любезны, сами вступали в общение со своими гостями при помощи многочисленных переводчиц – милейших девушек-студенток Токийского и Нагойского Университетов.

Итак, в первый вечер пребывания в «Имперiale» мы все не могли оторваться от цветных телевизоров – ведь это был ещё 1973 год! Каких тут программ только не было! Передачи из Франции, Англии, Германии; путешествия, мир животных, музыкальные программы, джаз – было от чего закружиться голове!

Наше первое выступление в городе Сэндай с дирижёром Жюрайтисом уже было описано в главе «Дирижёры Большого театра».

Здание «Стакан» на пересечении двух главных улиц Гинзы

Премьерным спектаклем в Токио был, конечно балет «Лебединое озеро» в новой постановке Юрия Григоровича. В его редакции был представлен и балет С.С.Прокофьева «Ромео и Джульетта» с Владимиром Васильевым и Екатериной Максимовой. Кроме этого в программу гастролей входил балет Минкуса «Дон Кихот» и, конечно, «Спартак» Арама Хачатуряна, всегда имевший огромный успех. Три балета были записаны на видео и транслировались по Национальному телевидению. Японцы заплатили за эти три трансляции большие деньги, а

всемирно известные солисты получили за свою работу... ничего! Здесь уже говорилось о «выступлении» Фурцевой (о котором все хорошо знали), взявшей в советском Посольстве более семи тысяч долларов для покупки видео аппаратуры своему пасынку – сыну Фирюбина. Мы знали, что власти обирали Плисецкую, Ойстраха, Гилельса, Ростроповича, Когана, но когда это случилось на наших глазах - артисты мирового класса и мировой известности получили за свой труд, щедро оплаченный японцами – ноль долларов, рублей и йен, - то не было пределов нашему возмущению!

Да! За два года до того Фурцева после триумфальной премьеры в Вене «Бориса Годунова» распорядилась о выдаче нам суточных, несмотря на протесты тогдашнего её ставленника в Большом театре «полковника» Муромцева. Теперь она зачеркнула свои добрые дела, никак не вознаградив одних из лучших солистов балета в мире за их изумительные и неповторимые выступления!

До сих пор вспоминаются многие сцены, бесподобно сыгранные Васильевым и Максимовой в «Ромео и Джульетте». Вот были артисты, которым все «верили!» Верили по-Станиславскому! Верили в естественность образов, ими созданных в великой шекспировской драме, переложенной в балетный спектакль. Васильев выходил на сцену почти без грима. Его Ромео был настолько замечателен, юн и естественен, что едва ли в то время во всём мире были подобные исполнители. Максимова была в расцвете своего мастерства и была исключительно впечатляющей в образе Джульетты. Её молодость, искренность, техническое балетное мастерство, столь же совершенное, сколь и высокохудожественное, привлекали к ней любовь и сердца зрителей всех стран мира, где пришлось выступать ей в дуэте со своим мужем Владимиром Васильевым. Этой прославленной паре вероятно удалось лучшее воплощение бессмертных шекспировских образов вне мировой драматической сцены – на сцене балетного театра.

Можно и должно только преклоняться перед нашими всемирно известными танцовщиками, которые несмотря на такие условия, несмотря на большие перегрузки из-за тесного расписания, переездов, исполнения труднейших балетов в виртуозно-техническом отношении – несмотря ни на что, они оставались действительно звёздами в своём искусстве в любом спектакле, в любом даже самом маленьком эпизоде. Они были всегда художниками-творцами. Их слава не померкла и сегодня, хотя уже нет в живых Екатерины Максимовой, Наталии

Бессмертной, Татьяной Голиковой и некоторых других солистов прославленного балета Большого театра.

Естественно, что во время зарубежных гастролей все артисты делают самое лучшее, на что они способны. Но сохранять свежесть на протяжении долгих двухмесячных гастролей раз за разом, спектакль за спектаклем – было даже для солистов мирового класса нелёгким делом. И в результате – такая «почётная» оценка их труда! Разумеется, что и другие солисты – Наталия Бессмертная, Юрий Владимиров, Борис Акимов, тоже не получили за свои телевизионные выступления ничего. Всем платили суточные деньги из расчёта их месячной зарплаты в рублях. Кажется, максимумом были 70 долл. в сутки. Нам, оркестру и кордебалету платили 16 долларов в сутки. Костюмерам и рабочим – если не ошибаюсь 7-8 долларов в сутки. Получалось, что звёзды были почти миллионерами на пролетарском фоне большинства участников! (вскоре после возвращения в Москву я узнал, что суперзвездам советского хоккея платили суточных...6 долларов!)

Начало Гинзы неподалеку от отеля «Империял»

В первый свободный день в Токио все устремились в магазины. Токийские и вообще японские большие универсальные магазины больше похожи на настоящие музеи. Кроме того они несли и некоторые образовательные функции. Например: можно было приходить в большой популярный магазин «Митцукоши» и наблюдать там за строительством маленького спортивного самолёта. День за днём он обрстал всё большими деталями (а продавался он в запечатанных пакетах). Наконец был установлен мотор и маленький самолёт взлетел с пилотом с крыши «Митцукоши»! О детских игрушках можно рассказывать до бесконечности: там продавалось большое количество моделей электронных игрушек: самолётов, подводных лодок, надводных

кораблей, автомобилей и других игрушек с дистанционным управлением. Об одежде, обуви, детской одежде и всего необходимого для детей всех возрастов можно и не говорить. Невозможно даже придумать, чего бы там не было! Мебель каких-то дивных, невообразимых цветов! Всё это было выставлено как будто и вправду в музее, с той лишь разницей, что всё было здесь для продажи. На здоровую психику это производило огромное впечатление. На больную... Один балетный танцор как-то ночью впал в большое возбуждение. Оказалось, что от климата и вообще от столь необычных впечатлений у него обострилось психическое заболевание, скрытое им до поездки благодаря своей жене-медику. Грустная история закончилась его экстренной эвакуацией в Москву.

Можно себе представить, какое впечатление этот угол Гинзы производил на москвичей в 1973 году...

Впрочем, первый известный мне случай в театре произошёл ещё в 1967 году в Монреале, во время гастролей Большого театра в дни Всемирной выставки. Артист «мимического ансамбля» ходил по магазинам и целый день считал... Считал деньги и свои возможности приобретения необходимых ему вещей. Считал, считал, считал... Потом перестал являться на работу, всё считал и считал. Потом перестал спать и есть. Ну, а потом бедного артиста отправили домой – его состояние требовало немедленного лечения. Так что такие сильные потрясения от наблюдения за каждодневной жизнью и окружающими реалиями были под силу далеко не всем!

После нашего возвращения в Москву, моя мама пришла к жене своего брата и начала рассказывать о моих впечатлениях от пребывания в Японии. Её прервала моя кузина, прожившая с мужем года четыре в Токио в торговом Представительстве СССР. Она спросила: «А разве им не запретили рассказывать обо всём увиденном там?» Нет, нам в действительности никто ничего не говорил по этому поводу. Естественно, что в первые же дни нас всех привезли в советское Посольство на «инструктаж».

Чуо-дори авеню на пересечении с Харуми дори – две главные улицы Гинзы. Слева - старое здание Главной почты и телеграфа Токио, справа магазин «Митцукоши»

Каких только небылиц мы там не наслушались! О том, что в Японии невозможно найти большие размеры обуви и одежды (ещё в Москве все знали о специальном универсальном магазине «Исетан» для людей больших и сверх- больших размеров). О том, как японские спец. службы «опаивают» наших журналистов и прочих командированных за границу, как нужно быть «на стороже», потому что... ну, и.т.д. Одна история, рассказанная первым секретарём Посольства, особенно впечатлила: какой-то специалист, прибывший из Советского Союза, был «опоен» и, потеряв сознание, был также обокраден. Его нашла полиция и после установления его гражданства, передала совершенно больного в руки посольских врачей. Наш коллега гобоист Геннадий Керенцев снова проявил свой скептицизм: «Опоили! Нажрался, как свинья и заснул на улице! Опоили!» Так закончился наш визит в Посольство. Все усмехались, несмотря на усилия сохранить серьёзные лица. Такие вещи следует рассказывать

знающим предмет с большой осторожностью, чего явно недооценил посольский секретарь.

Токио тех лет ещё сохранял в некоторых районах аромат прошлого. Совсем рядом с «Империалом» начиналась центральная улица Харуми-дори и пересекавшая её через несколько кварталов такая же большая торговая улица – Чуо-дори. Это все и называли «Гинза» - небольшой центральный торговый район. Харуми-дори идёт до самой реки и на ней находится всемирно известный Национальный театр Кабуки. На ней же располагаются главные книжные магазины. На пересечении этих двух улиц стоит здание диковинной архитектуры - знаменитый «стакан», много раз менявший владельцев и стоящий как раз напротив Митцукоши и европейского вида здания - старого телеграфа и главной почты.

В те времена можно было повернуть в любой переулок от Харуми-дори и очутиться в старом городе – это были узкие улочки с белыми домиками, напоминавшими украинские «мазанки», только с черепичными крышами и совсем крохотного размера. Между дверью и окном такого домика находилась маленькая ниша, в которой росли миниатюрные деревья: карликовые сосны высотой в 50-60 см, тоже карликовые цветущие кустарники, а в совсем уже микроскопических двориках часто были видны какие-то странные невысокие деревянные «этажерки», на которых стояли керамические предметы цилиндрической формы, наподобие кружек. Это были урны с прахом усопших. Оказалось, что эта практика очень популярна в Японии, и мы видели такие странные «кладбища» во многих городах и деревнях Японии. Эти маленькие переулки в Токио, увы, ушли теперь в далёкое прошлое. От них не осталось и следа – современная безжалостная цивилизация полностью уничтожила все следы японской старины и традиционной жизни прошлого в больших городах. О Японии написано много книг, и, вероятно, каждый посетивший страну может написать свою. Одно остаётся всегда верным для Японии – сколько бы раз вы не посещали эту страну, каждый последующий визит создаёт впечатление, что вы в ней в первый раз - так много меняется даже за два-три года.

Премьерные спектакли прошли с громадным успехом; как и всегда в «Дон Кихоте» Минкуса блистали Максимова и Васильев; Наталья Бессмертнова (Одетта- Одиллия) Борис Акимов (злой волшебник Ротбарт) - в «Лебедином озере». Казалось, что все они были совершенно свежими после нелёгкого сезона дома –

в Большом театре. Их артистизму и работоспособности можно было только удивляться. Нельзя ведь забывать, что для выступления в спектакле они каждый день должны ходить в свой утренний «класс» для общей тренировки, и для репетиций предстоящего вечером спектакля. Иногда у них бывал перерыв в два, редко в три дня, но и в те дни они должны были выполнять свои обязанности ежедневной тренировки и репетиций.

Через недели три мы приехали в Осака второй раз. Первый раз мы были там для выступления с симфонической программой с Юрием Симоновым. С ним мы исполняли Пятую Симфонию Чайковского и Пятую Симфонию Шостаковича. Оба этих произведения были у него «сделаны» по-видимому, ещё в студенческие годы с его педагогом Н.С.Рабиновичем. Он проводил концерты с большой уверенностью, отличной дирижёрской передачей и артистизмом. Концерты имели очень большой успех. Говорили, что исполнение Симфонии Шостаковича пресса сравнивала даже с исполнением Леонарда Бернстайна и оркестром Нью-Йоркской Филармонии, надолго запомнившимся токийским слушателям.

Осака – второй по значимости город страны, находящийся примерно в 500 км на юго-западе от Токио. Скоростной поезд «Шинкансен» проходил эту дистанцию меньше, чем за три часа. Средняя скорость его – 200 км/в час. Когда этот поезд идёт по сравнительно высокой эстакаде, кажется, что он движется довольно медленно, но когда он влетает в тоннель, раздаётся «ухающий» звук столь сильный, что кажется сопротивление воздуха преграждает нам путь в узкий тоннель! Интересно, что при такой большой скорости за всё время существования этого вида скоростной дороги – примерно порядка 50 лет – количество аварий исчисляется единичными цифрами. Японский гений удивлял на каждом шагу. Уже тогда существовали карты на маленьком экране внутри автомобиля, указывавшие водителю его направление. То есть это ещё не было стандартной частью любой машины, как это существует сегодня, но в 1973 году это поражало новизной идеи и её техническим воплощением. А целые подземные «города»?! Вдоль Гинзы под землёй расположены рестораны, магазины, парикмахерские, игральные автоматы... Правда там всегда было труднее ориентироваться – никаких надписей, кроме японских!

В первые две недели гастролой в Токио произошло довольно неприятное событие, к счастью не имевшее для нашей группы серьёзных последствий. Примерно за неделю до нашего

приезда Франция взорвала в атмосфере атомную бомбу в районе каких-то Тихоокеанских атоллов. Говорили, что прогнозы погоды ясно указывали на то, что радиоактивное облако обязательно достигнет японских островов и в дождях выпадет известное количество радиации. Казалось, что в многострадальной от атомных взрывов Японии должны бы к этому отнестись очень серьёзно, но мы не слышали никаких предупреждений по этому поводу. Действительно, дня через четыре начался мелкий моросящий дождь и моя приятельница Лариса Трембовельская со своей подругой, известной солисткой балета Мариной Колпакчи²

² Из интервью Марины Колпакчи газете «Известия», март 2013г. Интервью Светланы Наборщиковой

Судьба балерины Марины Колпакчи-Кузнецовой как капля воды, отразила судьбу страны. Среди балерин Большого театра Заслуженная артистка России Марина Колпакчи-Кузнецова выделялась яркой красотой и умением создавать неординарные образы. Балетоманы со стажем до сих пор вспоминают ее Зарему в "Бахчисарайском фонтане" и фею Карабос в "Спящей красавице". Но ее жизнь богата не только сценическими достижениями. Ее судьба, как капля воды, отразила судьбу страны. В свой юбилейный год Марине Колпакчи-Кузнецовой есть что вспомнить и рассказать. Обозреватель "Известий" в этом убедилась.

вопрос: Война и балет - вещи несовместные. Как получилось, что именно война свела вас с балетом?

ответ: В Перми, где мы с мамой были в эвакуации, находились Кировский театр и его школа. Мама отвела меня в танцевальный кружок. Время было голодное и скудное. Общеобразовательным предметам нас практически не учили - нечем было писать. В балетном классе я занималась в самодельных тапочках из синего сукна. Отец в это время был ранен, вышел из окружения. Много лет спустя, когда его уже не было в живых, появился фильм "Живые и мертвые" с Анатолием Папановым в главной роли. Мама мне сказала: "Это как будто про твоего отца..."

в: Ваш отец Владимир Яковлевич Колпакчи - легендарный генерал, герой Великой Отечественной войны. Но кроме энциклопедических сведений о нем мало что известно...

о: Он был замечательным отцом и мужем. В 1927 году, когда папа учился в военной академии, мама сэкономила на еде и купила в Торгсине сапоги на шнуровке и дорогую блузу. Папу вызвали на партактив и заявили: твоя жена выглядит как нэпманка, да еще губы красит. А он ответил: "Мне нравится!". В 1950 году его сняли со всех должностей. Мама мне тогда говорила: ты должна

приходить домой радостной, нельзя его огорчать. Времена стояли такие, что трудно было помочь даже собственной семье. Мамина сестра была замужем за обрусевшим итальянцем по фамилии Новелла. Когда его арестовали, мама попросила папу помочь. Папе сказали: там нет новелл - одни номера. В 1938 году, когда арестовывали командный состав, отец воевал в Испании, был ранен и лежал в госпитале во Франции. Маму посадили, и я первый раз оказалась в детском доме. Погиб папа в 1961 году при странных обстоятельствах, уже будучи генералом армии и начальником боевой подготовки Вооруженных сил. У вертолета, на котором он летел инспектировать войска, отвалилась лопасть. **(Генерала Колпакчи различные советские и российские источники относили к крымчакам. И даже каракалпакам, но еврейские источники ясно указывали на его еврейское северокавказское происхождение, в частности его имя фигурирует в книге «Евреи – герои войн». Марина Колпакчи на сцене в роли Заремы была очень похожа на красавицу-еврейку горского происхождения. На мой вопрос об этом в тот памятный вечер в Токио, она, естественно, ответила отрицательно. А.Ш.)**

в: В вашей семье любили искусство?

о: Мама хорошо играла на рояле, обожала балет. Но она посвятила жизнь папе. Ближайшим папиным другом был кинорежиссер Сергей Васильев (один из авторов знаменитого "Чапаева". - *"Известия"*). В юности они пошли служить в армию. Потом Васильев упрямил, чтобы его демобилизовали: захотел снимать кино. Папе он писал: "Володя, отпусти Галину, я хочу, чтобы она сыграла Анку-пулеметчицу...". В нашей семье не устраивались пышные застолья. Но как-то я пришла из театра, а Сергей Дмитриевич в фартуке поверх пиджака с лауреатскими медалями стол накрывает: белая скатерть, шампанское... И говорит родителям: "Вы ничего не понимаете, она сегодня танцевала первую сольную партию, и надо это отметить как следует". В тот вечер он смотрел спектакль вместе с папой. Кажется, это был единственный раз, когда отец видел меня на сцене. Он так волновался, что с сердцем стало нехорошо. Вообще, к моим балетным занятиям папа поначалу относился настороженно. На мамино письмо о том, что я учусь в хореографическом училище, ответил: разве она у нас дура? Но когда я уже работала в театре, он мной гордился.

в: Вы участвовали в первых зарубежных поездках Большого балета. Что из событий тех лет запомнилось?

оказались на улице без зонтиков. Вечером обе жаловались на боли на коже рук и на голове – газета, которой они пытались прикрыться скоро намочла, и пока они дошли до нашего отеля дождь их достаточно промочил. Они были действительно серьёзно обеспокоены. (Я вспомнил тогда старую историю посещения советскими кинооператорами Индии в 1946 году, рассказанную моему отцу. Несмотря на все прививки от чумы, холеры, чёрной оспы, проказы и ящура, встретившие наших киношников американцы сразу же подарили им ящик виски и сказали, что они должны их пить целый день – утром, днём, вечером, на ночь и со всякой едой. Это единственное, уверяли они, что предохранит от всех болезней и эпидемий).

У нас с моим соседом по комнате Эдуардом Тихончуком был заготовлен на вечер полный ужин – большая жареная курица (жареная прямо с вертела, стоившая тогда около двух долларов), картофель, помидоры, огурцы – всё это купленное утром в близлежащем универсальном магазине «Ханкиу», в первом этаже и подвале которого был великолепный продуктовый рынок. Коньяк, хотя и болгарский, мы взяли с собой несколько бутылок из Москвы. Я выполнил своё обещание и пригласил Ларису и Марину к нам в гости на ужин. Через несколько минут после начала трапезы раздался телефонный звонок соседа – моего бывшего старшего соученика ещё по школе, а теперь виолончелиста и заведующего оркестром П.В.Щенкова. Он поинтересовался радостным шумом, хорошо слышимым через стенку нашего номера, и попросил разрешения придти к нам в гости «с приятелем». Оказалось, что «приятелем» был Юрий

о: Танцевать для меня всегда было большим счастьем.

Концентрация и сила эмоций, которые ты вкладываешь в танец за один вечер и ощущение энергии зала, дыхания зала в ответ – это непередаваемое чувство. Успех нашего балета всегда был грандиозным. И чувство причастности к этому успеху всегда вызывало чувство гордости и творческого патриотизма. Нам всем повезло, мы многое увидели. Не только города и страны, но и культуру Англии, Америки, Франции, Германии, Бельгии, Японии, Египта, Турции... Контролировали нас тогда очень жестко. Боялись провокаций. Одну из наших спортсменок обвинили в краже. Якобы она что-то вынесла из лондонского супермаркета. Нам велели не ходить в магазины этой сети и вообще по одному не ходить. Лучше по двое-трое, а идеальный вариант - пятеро. После спектакля вечером мы должны были быть в гостинице.

Симонов. Это, впрочем, ничего не изменило - все чувствовали себя совершенно раскованно. Наш импровизированный ужин удался на славу. А наутро у наших дам исчезли после принятия дозы коньяка всякие симптомы от возможной радиации. Всё прошло бесследно!

Экспресс «Шинкансен» неподалеку от центрального вокзала Токио. Поезда идут одновременно на трёх-четырёх разных уровнях: городские, дешёвые «медленные» междугородние и дорогие экспрессы «Шинкансен»

После гастролей в Осака, пробыв там дней десять, мы сели на такой же «Шинкансен экспресс» и продолжили свой тур в город Фукуока на острове Кюсю. Поезд шёл по тоннелю, проложенному под морским дном. Первый тоннель был закончен в 1942 году. Второй – более поздний, однако сама идея тоннеля под морским дном была осуществлена в Японии за 72 года до начала эксплуатации похожего туннеля под Ла-Маншем – между Англией и Францией. Япония и здесь опережала весь остальной мир! Посетили мы также и город Кагошиму с действующим вулканом на другой стороне залива. Это уже был 33-й градус Северной широты – почти широта Тель-Авива. Там мы впервые ночевали в настоящей японской гостинице – постель раскладывалась на полу, ванна была также на уровне пола, а не стояла на полу, как это бывает обычно. Словом, нельзя сказать, что условия для сна на полу очень комфортабельны. Но как экзотический опыт один раз это было неплохо. Плохо же было то, что ночью отключались кондиционеры и работал только вентилятор, гнавший достаточно тёплый и влажный воздух в комнату, так что заснуть было почти невозможно. В 6 утра

кончились наши мучения и сразу все ввали в сон – кондиционерная система вновь заработала. Но нужно было вставать и завтракать в 9 утра, так как предстоял переезд в другой город. Там, на Кюсю мы играли только симфонические концерты с Юрием Симоновым. Вернувшись в Фукуока мы сыграли где-то в округе ещё один симфонический концерт, а балет уехал на свой концерт в сопровождении пианиста и ...магнитофона. Один наш коллега поехал на тот концерт с балетом «за компанию» - ему разрешили сопровождать свою возлюбленную. Он рассказал довольно интересную историю. На обратном пути после балетного концерта примерно треть одного из автобусов от пола до потолка была плотно забита доставленными туда коврами. Это было действительно «товарное количество» ковров, предназначенных для продажи в Москве. Артисты балета не роптали из-за неудобств, связанных с сокращением количества сидячих мест на обратном пути – они знали, что ковры закуплены самым высоким начальством нашей поездки и что подобный факт обсуждению не подлежит. Конечно естественным был вопрос – а как такое количество можно было провезти через московскую таможню, а потом продать в Москве? Как говорил бессмертный О.Бендер – «Всё учтено могучим ураганом». Уже в Москве я узнал, что на всех генеральных репетициях в Большом театре первые ряды занимали чины таможни, не потрудившиеся даже поменять свою форму на штатский костюм. А насчёт «товаропроводящей сети» - тоже всё было в порядке. Родственница одной из молодых балерин заведовала важным отделом в одном из больших московских универмагов. Так что большое начальство не забывало себя никоим образом.

Из Фукуока мы прилетели в Осака на самолёте. Внутренние аэролинии Японии были столь же великолепны, как и любой другой сервис для путешествий по стране. Примерно через час мы уже сели на аэродроме Осака. Наступила заключительная часть нашего тура. Сыграв последние спектакли в Осака и Нагойе, мы снова за два часа с минутами приехали на главный Токийский вокзал, где пересев в автобусы через пятнадцать минут были в уже обжитом «Империале». Теперь больше не было репетиций, так как осталось доиграть в Токио только балетные спектакли. Наконец было время ознакомиться с лучшими образцами полиграфической промышленности Японии, действительно не идущих в сравнение ни с одной страной мира. В популярном «Митцукоши» на одном из верхних этажей располагался огромный отдел книг – репродукций творений великих художников – классических и

современных. К сожалению, через 20 лет я не нашёл и следа от того потрясающего изобилия полиграфических шедевров. Всё ушло в прошлое. Но тогда я купил несколько альбомов репродукций произведений Шагала, Ван Гога – специальный альбом с произведениями только графического искусства великого художника, а также альбомы Писарро, Сезанна, Ренуара. Это были добротные толстые тома, каждый из которых покоился в специальном футляре. Я не мог предположить, что кто-то ещё кроме меня может тратить деньги здесь в Японии на подобные вещи. Оказалось, что обо мне, как о «коллекционере» подобных книг узнала одна из наших балерин, также интересовавшаяся альбомами с репродукциями. Она попросила меня помочь ей найти этот отдел в «Митцукоши» Удивил меня в первую очередь сам факт коллекционирования *балериной* подобных редких для Москвы книг, но самое главное заключалось в том, что моя новая знакомая была прекрасно осведомлена о старинном искусстве художников Японии, начиная с XVII-XVIII веков. Так что расхожее мнение о низком интеллекте артистов балета было совершенно посрамлено ещё раз. Конечно, подобные люди были редкостью в балете, как и в любом другом театральном «цехе», но сам факт меня утвердил окончательно в том, что любые предубеждения и хорошо устоявшиеся мнения никогда не бывают абсолютными. Правда моя новая знакомая оказалась вообще человеком необычным как в балете, так и в жизни. Позднее она стала матерью... четверых детей! При этом она была талантливой танцовщицей, которой часто поручали исполнение сольных партий в ряде балетов. Её имя Людмила Гумина-Романовская – вскоре после этой поездки она вышла замуж за солиста оперы В.И.Романовского. И сегодня я поддерживаю с ней дружеские отношения, началу которым положил интерес и любовь к живописи. На фоне многих проблем с современными детьми, четверо её детей могут показаться счастливым исключением - они получили лучшее высшее образование в соответствии со своими интересами и способностями и очень успешны – каждый в своём деле.

Япония поражала на каждом шагу. Как-то в Осака на рынке в магазине грампластинок я искал записи великого скрипача Фрица Крейсlera и хотел купить также пластинки с записью музыки к фильму «Скрипач на крыше», но не мог их найти. Как-то неожиданно я увидел на стене среди портретов великих композиторов (*ещё раз – на рынке в Осака!*) портрет Крейсlera. Я спросил продавца, знает ли он, кто этот человек на

портрете? Он не задумываясь ответил – «Крейслер». Тот же продавец мне сказал: «Наверное вы ищете запись с Айзиком Стерном? Вот она – здесь!» Честно говоря, я был поражён таким познанием продавца – с виду совершенно простого человека. А Крейсlera в Японии чтят и поныне именно потому, что он поверил в японскую публику и её способность воспринять и оценить классическую музыку и первым среди великих музыкантов посетил в начале 20-х годов XX века страну Восходящего Солнца!

В то время простое посещение магазина грампластинок на Гинзе в Токио уже способствовало расширению наших познаний о современном исполнительстве. На витринах и стеллажах стояли записи молодого Ицхака Перельмана с Владимиром Ашкенази – недавно выпущенные все 10 Сонат Бетховена для фортепиано и скрипки; записи молодого Даниэля Баренбойма – пока ещё только пианиста – с сольными программами и в ансамбле со своей женой - выдающейся виолончелисткой Жаклин Дюпрэ; записи молодого Пинхаса Цукермана, многие неизвестные в Москве записи Яши Хейфеца, Исаака Стерна, Беньямино Джильи.

Магазин этот был исключительно посещаемым, таким же, каким в 80-90 годы был в Нью-Йорке знаменитый Tower Record. Это были больше, чем магазины – это были клубы людей – любителей и профессионалов - которые приходили туда всегда с желанием найти записи, компакт-диски, или видео – выступления любимых исполнителей, дирижёров, певцов, солистов балета, оперы; целые серии исторических записей прошлого и настоящего. Не знаю, как в Токио, но в Нью-Йорке больше этого магазина не существует. Закрылся – за ненадобностью...

В самом начале нашего пребывания в Токио я задумал написать письмо Мише Райцину в Израиль, рассказать коротко о своей жизни и получить от него ответ. У меня тогда ещё не было конкретных вопросов о трудоустройстве в Западном мире. Просто мне хотелось знать, как он себя чувствует в новой для себя обстановке. (Во время нашего тура всю почту мы отправляли в Москву и получали ответы через прикреплённых «товарищей», то есть людей КГБ, которые отвозили письма в советское Посольство. Письмо шло не больше недели. Моё первое письмо жене я отправил прямо из отеля, и оно шло... полтора месяца!)

Ответ от Миши, понятно, я не хотел получать в гостинице, что сразу бы стало известным. Но в Токио жила моя знакомая певица, бывшая соученица по Консерватории, а позднее мы с ней гастролировали по СССР в компании баритона

Владимира Отделёнова – бывшего солиста Большого театра. У меня был её телефон, и так как она была вполне «персона грата», то есть Госконцерт устраивал её гастролы по Советскому Союзу, то я поставил в известность своего соседа и заведующего оркестром П.Щенкова о своём желании встретиться с бывшей коллегой. Он доложил об этом заместителю директора театра В.А.Бони, который отнёсся к идее довольно прохладно, но, понятно, не запретил мне встретиться с ней. Да и было поздно запрещать – я уже позвонил ей и она пришла повидаться в наш «Империл», где первым, кого она встретила, был сам В.А.Бони!

Гинза ночью производит впечатление особой японской цветовой гаммой красок, сильно отличающейся от европейской

Она пригласила меня на обед в ресторан элегантного магазина «Матцусакая», подарила для моей жены набор превосходных чайных чашек – словом была выше всяких похвал. За обедом я попросил её отправить письмо Мише Райцину. Она каким-то образом уже знала, что он в Израиле, и согласилась это сделать и получить от него ответ. Через дней десять она принесла мне ответ Миши прямо в отель. Я был ей очень признателен, за такую дружескую услугу.

А потом произошло нечто странное. Мы выезжали на поезде из Токио на какой-то концерт в близлежащий город, и со мной сел наш «сопровождающий» - парень довольно симпатичный, в отличие от его начальника. И вот этот парень неожиданно мне говорит следующее: «Японцы – это такие мерзавцы! Ни одному слову их нельзя верить! Никому из них нельзя ничего доверять! Продажные сволочи! Шкуры! Азиаты!» Я не задавал ему вопросов, он сам сел со мной рядом. Постепенно разговор перешёл на наши текущие дела. Я так никогда и не узнал, что он имел в виду. Но эта поездка в Японию была моей последней поездкой за границу в качестве гражданина СССР.

Естественно, у меня нет и не было никаких доказательств связи слов «сопровождающего» с моим письмом. Тем более что с моей знакомой дружил знаменитый советский виолончелист Даниил Шафран, которому она просила передать маленькие сувениры. Я был у него дома в Москве, мы говорили о многом, и мне казалось, что ни малейших подозрений за долгие годы знакомства у него не возникало. Рудольф Баршай был с ней также в дружеских отношениях, как и ряд других знаменитостей. Так что я всё же думаю, что мои пражские походы в Еврейский музей сыграли в будущем более значительную роль, чем полученное письмо. Но кто знает?

Закончились почти двухмесячные гастроли. Мы сели в Йокогаме на тот же корабль, но на этот раз погода предвещала тайфун в районе северных японских островов. А мы должны были пройти Сангарский пролив, где и в хорошую погоду достаточно качает. Покинули Токио раньше всех знаменитые звёзды – солисты балета и главное начальство – все они полетели самолётом. Говорили, что Васильев и Максимова сразу же летели в Париж для выступлений с балетом Мориса Бежара. Это после такого трудного и длительного тура по Японии?!

Перед отплытием по традиции корабль был украшен бумажными лентами разных цветов, концы которых оставались на берегу, Постепенно ленты рвались, как бы символизируя расставание со страной, а позже матросы очищали палубу от этих лент. Года через три эти ленты сыграли трагическую роль – после гастролей балета московского театра им. Станиславского и Немировича-Данченко одна молодая балерина, только месяца за три до поездки вышедшая замуж, была так опутана этими бумажными лентами, что они потянули её с палубы вниз. Она упала головой вниз прямо на какой-то металлический выступ и мгновенно скончалась. Никто не мог предположить в день нашего отплытия из Йокогамы, что эта старинная традиция может привести к трагедии.

Наслушавшись страшных рассказов о цунами, проглатывающих в море большие корабли, мы ожидали смены погоды с действительным страхом – во время ураганов и морских бурь всякая современная техника совершенно беспомощна. Нам всё же повезло – каким-то образом мы прошли между очагами тайфуна и только в Сангарском проливе изрядно покачало часа три подряд. К полуночи всё стихло, и мы спокойно отправились спать. Утром была прекрасная погода, но где-то посередине Японского моря, примерно в полдень наш корабль стали облетать

два американских самолёта. Это были турбовинтовые машины, невооружённые, вероятно только для патрульно-наблюдательных целей. Они летали на очень малой высоте, так что мы видели лица пилотов. Иногда они «пугали» и выключали один мотор, потом снова кружили или летели совсем медленно вдоль нашего пути. И даже приветствовали нас, помахав на прощание рукой. Улетели они так же внезапно, как и появились. Это тоже было некоторым развлечением. Часов в 5-6 мы достигли Находки и все мужчины после проверки паспортов устремились вниз, чтобы создать живой заслон для охраны драгоценных грузов – больших ящиков и тюков с «кримпленом» – модным тогда материалом и прочими полезными для продажи вещами. Не знаю, от кого было охранять багаж – вокруг не было видно людей, кроме редких таможенников. Выгоревшие небольшие здания без окон, начинавшийся мелкий дождь – всё было огромным контрастом с только вчера покинутой Йокогамой. Мы быстро сели в автобусы, доставившие нас через несколько минут к поезду на Хабаровск. На обратном пути вагон-ресторан уже не жаловал такими яствами, которыми он был славен по дороге «туда». Наутро мы выгрузились в Хабаровске, и приехали где-то в середине дня в аэропорт, откуда четырёхмоторный ТУ-114, по прозвищу «Змей-Горыныч» через восемь-девять часов доставил нас в Домодедово. Прекрасный, но тяжёлый тур был окончен. А вскоре после этого тура Михаил Исаакович Лахман³ был снят со своей должности заведующего билетными кассами и администратора и переведён на пенсию. Ни одно доброе дело не остаётся безнаказанным!

³ Сегодня на 89-м году жизни скончался старейший театральный работник Большого театра Михаил Исаакович Лахман. Около полувека он возглавлял отдел реализации театральных билетов, рассказали корреспонденту РИА "Новости" в театре. Михаил Исаакович был яркой, незаурядной личностью. Он пользовался уважением и авторитетом у многих поколений артистов. Энергичный и доброжелательный, он умел быстро и легко решать сложные вопросы, находить выход из любой ситуации. По мнению коллег, Лахман был незаменимым администратором во время гастрольных турне театра. Сотрудники Большого театра скорбят о невозможной утрате замечательного человека и большого друга театра.

Владимир Бабицкий

Восьмое свободное искусство

*The scientist describes what is,
the engineer creates what never was.*

Theodore von Karman

(Учёный описывает то, что существует,
инженер создаёт то, что никогда не было.)

Создание новой техники одна из самых захватывающих областей человеческой деятельности, к сожалению, не вошедшая в Аристотелевский список свободных искусств. Интерес к машинам, по-видимому, заложен генетически в Y-хромосоме (рабочая гипотеза автора, скорее всего требует уточнения – см. ниже парадоксальный случай в английской провинции).

Всякий раз, когда я возился во дворе дома в Москве со своими «Жигулями», осуществляя необходимые регулировки или устраняя неполадки, я замечал, что проходившие мимо мальчики, делавшие ещё только свои первые шаги, буквально выворачивали руки родителям, или просто останавливались, неотрывно следя до последней возможности за происходящим ремонтом. Маленькие девочки проходили мимо, не обращая никакого внимания, а большие – тем более. Их не интересовали ни техника, ни автомобильные механики.

В детстве я, конечно, мечтал научиться строить настоящие самолеты, а пока ограничивался моделями планеров, детскими конструкторами, фотографией и радиолюбительством. Как-то мой дядя, работавший бухгалтером на Севере, на каких-то приисках, приехав в Москву, решил облагодетельствовать меня каким-нибудь дорогим подарком. Мне было одиннадцать лет.

«Чтобы ты хотел иметь больше всего?» - спросил он. Ещё не веря до конца своему возможному счастью, я выдохнул с надеждой: «Двухконтурный конденсатор переменной ёмкости!»

- А что это такое? - спросил дядя, ошеломлённо.

Я повел его в магазин радиодеталей на улице Кирова и вышел оттуда сияющим, счастливым человеком, нагруженным

величайшим богатством. Кроме двухконтурного конденсатора переменной ёмкости, дядя, по совету продавца, закупил мне все детали, необходимые для сборки простейшего лампового радиоприёмника, который вскоре захрипел первыми звуками на моем столе.

Уже в подростковом возрасте, я поделился своими сокровенными планами осчастливить авиацию со своим двоюродным братом, Борей Плиссом, тогда молодым инженером, начавшим офицерскую службу в военно-морском флоте. Его совет врезался в память.

- Ты знаешь, - сказал он,- работа инженера в любой области современной техники примерно похожа. Учись хорошо, и ты найдёшь постепенно ту область, где у тебя появятся наилучшие возможности себя реализовать.

(В дальнейшем Борис Михайлович Плисс стал главным механиком Балтийского флота, капитаном первого ранга, а после выхода в отставку основал успешную частную экологическую компанию, которой руководил до конца своей жизни.)

В 1951 году вышел в русском переводе и мгновенно стал бестселлером роман американского писателя Митчелла Уилсона с неудачно переведённым названием «Жизнь во мгле» (оригинальное название «Life with lightning», я бы перевёл как «Жизнь с озарением». Возможно, русское название было прикрытием от цензоров. Американская жизнь в глазах советского читателя должна была быть мрачной.).

В книге в увлекательной и драматичной форме описывался жизненный путь талантливого американского физика норвежского происхождения Эрика Горина, его вынужденные метания между академической деятельностью и инновационными разработками, участие в создании новых технологий и атомной бомбы.

Это было распахнувшееся в железном занавесе окно в далекий, незнакомый и захватывающий мир высокого профессионализма, глубоких идей и основополагающих технических начинаний.

Эрик Горин стал героем целого поколения устремившихся в науку способных молодых людей поколения 'шестидесятников', увлечённых физикой, кибернетикой, космонавтикой.

Самым впечатляющим эпизодом в книге был для меня приход Эрика Горина на машиностроительный завод, где ему - новичку предложили осмыслить свежим взглядом устоявшуюся рутинную технологию - обработку резанием. Погрузившись

глубоко в физику нового для него процесса, Эрик открывает радикальные технические возможности для его усовершенствования.

Однако продвижение открывшихся перспектив в практику захлебывается в инерции и консерватизме производственной текучки, финансовом рисках и ущемленных амбициях участников производства.

Меня поразило больше всего, что опираясь на научные методы, такие неожиданные и грандиозные перспективы могут быть обнаружены в устоявшемся, окружающем и привычном мире.

Интересно, что автор романа имел в виду действительную техническую революцию в машиностроении, связанную с внедрением сверхскоростного резания, которая для массовой читающей публики мало что значила и прошла незамеченной.

Посвятив свою жизнь исследованиям и разработкам в различных областях и различных странах, испытал многие драматические эпизоды такой деятельности, и перечитав недавно опять книгу Митчелла Уилсона, я могу подтвердить её объективность и своим скромным опытом.

Много раз, уже став профессионалом, я проходил через подобные испытания, и на каком-то этапе моей продолжительной исследовательской деятельности даже в той же языковой среде, где работал Эрик Горин. И каждый этап имел свою драматургию, незабываемые эмоциональные всплески, оригинальный состав действующих лиц и неожиданные финалы, огорчительные и торжествующие, одним словом *life with lightning!*

О некоторых эпизодах, которые мне кажутся поучительными и в чем-то даже забавными, я хотел бы поделиться с читателями. Возможно, кому-то из молодых исследователей, вступающих в увлекательный мир создания техники будущего в условиях открытых границ, наш опыт может пригодиться даже больше, чем нам в своё время опыт Эрика Горина.

Дома новы, но предрассудки стары

*Правда всё та же! Средь мрака ненастного
Верьте чудесной звезде вдохновения,
Дружно гребите во имя прекрасного
Против течения!*

А.К.Толстой

Незабываемой оказалась первая студенческая производственная практика на Московском заводе шлифовальных станков. Нас, троих студентов Станкоинструментального института, направили в ремонтный цех. Начальник цеха подвёл

нас к старому станку, стоящему в дальнем углу. Это был привезенный после войны из Германии универсальный токарный станок фирмы «Кергер».

- Этот станок когда-то обладал первым классом точности, - сказал он. - Сейчас он уже никуда не годится, и мы его собираемся выбросить. Если хотите, попробуйте его оживить, хотя шансов мало, поскольку никаких чертежей к нему не было изначально. Во всяком случае, можете делать с ним все что угодно.

Рабочие с усмешкой посматривали в нашу сторону.

Обложившись справочниками, мы начали последовательную разборку станка, составляя чертеж на каждую снятую деталь и набрасывая для памяти эскизы разобранных узлов. Для каждой отбракованной детали необходимо было указать на чертеже марку материала, точность изготовления каждого размера с учетом последующего сопряжения и характер термической обработки. Эта информация вылавливалась из всевозможных книг с ориентацией на станок первого класса. Сохранить удалось лишь несколько деталей вспомогательного характера типа рукояток. Постепенно станок был разобран 'до винтиков' осталась только массивная литая станина.

Изготовленные чертежи мы распределили по различным заводским цехам и вскоре к нашему рабочему месту начали поступать заказанные части. Станок стал медленно начинаться новыми деталями. Рабочие цеха уже перестали улыбаться и с интересом присматривались к происходящему возрождению «Кергера». Некоторые подходили, давали полезные советы. Отдельные детали пришлось переделывать по ходу сборки из-за неправильно выбранных допусков.

Через месяц в цеху стоял новенький станок (мы заменили даже все крепёжные детали), и мы начали готовить его к испытаниям на точность. Теперь уже весь цех участвовал в окончательной доводке станка. Рабочие учили нас различным тонким операциям по ручной обработке скользящих поверхностей, методам испытаний, регулировкам. Станок должен был демонстрировать высочайшую точность.

В результате цель была достигнута – специальная заводская комиссия аттестовала станок по первому классу точности. Цех обзавёлся новым уникальным оборудованием с полным набором документации, а мы - неоценимым опытом.

Теперь хотелось взяться за что-то своё, оригинальное, но чем могло удивить станкостроение в то время. Казалось, что все принципиальные проблемы были решены: опытные рабочие изготавливали на универсальных станках сложнейшие детали,

достигая микронных точностей, а в массовом производстве специальные автоматические станки и автоматические линии способны были быстро тиражировать детали в любых количествах. Проблема была в том, что для каждой детали требовалось создавать новый автоматический станок или целую линию автоматов, но затраты окупались массовостью производства.

Неожиданный поворот судьбы подарил мне возможность включиться через несколько лет в пришедшую с кибернетикой новую техническую революцию в станкостроении.

Будучи распределённым в Институт машиноведения Академии наук, я должен был выполнить там свой дипломный проект. В группе, возглавляемой доктором технических наук Ароном Ефимовичем Кобринским, к которой я присоединился, проводились уникальные разработки машин использующих абсолютно новые принципы управления. К моему появлению, только что закончилась шумевшая на весь мир работа по созданию модели протеза предплечья, управляемого биотоками мозга. Работа привлекла энтузиастов из ведущих московских институтов и предприятий, внесших свою экспертизу во все технические аспекты этого впечатляющего проекта. Многие из них занимали видное положение и всё-таки находили возможность для своего бескорыстного участия в разработке, в свободное от работы время.

Почти в параллель, в группе начались первые исследования по созданию станков с программным управлением. Таких станков в промышленности не существовало. Это была увлекательная новая концепция, позволявшая совместить преимущества универсальных станков и станков-автоматов. Переход от автоматического изготовления одной детали к другой превращался в простую замену программы, как в киноаппарате при замене одного фильма на другой. Кстати, в первом макете станка использовали именно рейфферный механизм от киноаппарата для перемещения программы записанной на киноплёнке.

По согласованию со своими руководителями, я решил осуществить футурологический проект по созданию фрезерного станка с программным управлением для обработки плоских кулачков.

В конструкцию станка мной были включены все последние достижения техники управления того времени. Программы профилей кулачков записывались на магнитных лентах и после считывания магнитными головками передавались

на входы шаговых двигателей. Слабые перемещения этих двигателей усиливались с помощью сервомеханизмов. Выходные перемещения сервомеханизмов управляли согласованными движениями исполнительных органов станка, воспроизводя сложный профиль кулачка. Все узлы были тщательно спроектированы и дополнены электронными схемами системы управления.

По тогдашним правилам, мне предстояла публичная защита проекта перед Государственной дипломной комиссией, состоящей из двух преподавателей института и председателя комиссии – представителя промышленности. В моём случае им оказался главный инженер Московского завода шлифовальных станков. Завод выпускал универсальные станки, в которых качество должно было достигаться за счет высокой точности станка и искусства оператора.

Развернув перед слушателями свои фантазии, вычерченные на многочисленных листах, я с энтузиазмом представил комиссии свои соображения. Им было любопытно, чем же может удивить их, высоких профессионалов, 'академическая наука'. Таких автоматических станков, о которых я рассказывал, члены комиссии – опытные инженеры никогда не видели, и они внимательно прослушали мой доклад, озадаченные неожиданностью представленных решений и их технической сложностью.

После моих ответов на их многочисленные вопросы председатель комиссии подвёл неожиданный итог:

- Автор проекта обладает большой инженерной фантазией, и мы должны это всячески поощрить, поставив ему высшую оценку. Однако я уверен, - твёрдо заключил он, - что такие станки никогда не смогут работать в реальных промышленных условиях.

Через семь лет в Москве состоялась международная выставка металлорежущих станков. Почти все страны демонстрировали на выставке свою новую продукцию - станки с программным управлением. Это была техническая революция. Она развивалась невиданными темпами, совершенствуя элементную базу автоматических систем станков и захватывая всё новые производства.

Незадачливый прогноз известного станкостроителя на моей защите был достаточно характерным поведением опытного производственника. Участвуя во многих технических экспертизах, связанных с внедрением новой техники, я многократно сталкивался с подобным консерватизмом. Любые посягательства

на модификацию устоявшихся технологий воспринимались людьми из промышленности как разрушение основополагающих основ производства и встречали стойкое сопротивление. Этот консерватизм обеспечивал, по существу, технологическую дисциплину, устойчивость и качество производства.

Много лет спустя, находясь в Германии, я был приглашён на крупную машиностроительную фирму с докладом о новых принципах резания с наложением ультразвуковой вибрации.

Такие опыты начались в Японии и Советским Союзе одновременно на рубеже 60-х годов, однако, несмотря на многолетние усилия, работы не вышли за пределы экспериментальных лабораторий. Ключевой проблемой оказалась стабилизация процесса резонансной генерации энергии в зону резания в условиях непрогнозируемого нагружения ультразвукового вибратора в процессе обработки.

Включившись в эти исследования, нам удалось последовательно изучить сложную динамику ультразвуковых режущих систем и предложить эффективный подход к стабилизации процесса. Об этих работах я и собирался докладывать. (Сейчас они подытожены в монографии¹).

Рекомендация на моё приглашение исходила от декана университета в Карлсруэ, и меня принимало высшее руководство, включая президента фирмы. Мне даже предложили докладывать на русском языке, пригласив опытного синхронного переводчика.

Фирма занималась выпуском станков с программным управлением, и вначале меня провели по основным цехам, с гордостью представив выдающуюся продукцию фирмы. Обсуждая со специалистами демонстрируемую технику, я понял, что должен их как-то подготовить к обсуждению радикально новой концепции резания, полностью отличающейся от используемой ими.

Речь шла о том, чтобы научиться управлять самим процессом отделения материала при резании, расчленив его на микроуровне на последовательность повторяющихся десятки тысяч раз в секунду актов микронагружения обрабатываемого материала. Нужно было срочно придумать, как это представить с максимальной осторожностью и тактом. Иначе это будет полный провал. У меня возникла идея - я должен опереться на историю их собственной технологии.

¹ Astashev V.K, Babitsky V.I. Ultrasonic Processes and Machines. Dynamics, Control and Applications. Springer Berlin, Heidelberg, New York, 2007.

После демонстрации и традиционного кофе, руководство фирмы и ведущие сотрудники собрались в специальной аудитории для прослушивания и обсуждения моего сообщения. Президент фирмы представил меня собравшимся и затем, извинившись за неожиданный важный телефонный звонок, покинул собрание, предложив мне начать презентацию и пообещав вскоре присоединиться к нам.

Свой доклад я начал с рассказа о моей защите тридцать лет назад дипломного проекта по станку с программным управлением, закончившейся незадачливым прогнозом крупного русского станкостроителя. Посмеявшись над этой историей, мои слушатели – мировые производители таких станков были теперь подготовлены к восприятию радикальных инноваций, о которых я собирался рассказывать. Вскоре в зал вернулся президент фирмы, и в течение часа я закончил представление своих материалов.

Последующее широкое обсуждение доклада и ответы на многочисленные квалифицированные и заинтересованные вопросы заняли ещё полтора часа. Итоги дискуссии подвёл президент:

- Herr Professor, Dr. Babitsky (в Германии обязательно употреблять в официальном обращении все звания) представил нам интересные результаты своих научных исследований, и я благодарю Вас от имени всех присутствующих за доклад и плодотворную дискуссию. Высоко оценивая в целом новаторский характер Ваших предложений, я вынужден всё-таки констатировать, что описываемые Вами системы никогда не смогут работать в реальных производственных условиях.

Последние слова президента буквально потонули во взорвавшем аудиторию хохоте собравшихся. Смеялись по-немецки, громко, раскатисто, как умеют смеяться свободные люди.

Вконец растерянный президент, хлопая глазами и оглядывая хохочущих сотрудников, бормотал недоуменно: «Что такое, в чем дело, почему вы все смеетесь?» Давясь от смеха, собравшиеся не могли прийти в себя для членораздельного объяснения ситуации своему шефу.

P.S. Недавно знаменитый станкостроительный концерн DMG объявил о выпуске серии новых станков, оснащённых ультразвуковыми режущими головками.

Конвергенция

*Призрак бродит по Европе,
Призрак коммунизма.
Весь вопрос, в какую ж..у
Вставят эту клизму?!*

Фольклор

Переехав с семьёй в 1991 году на постоянное жительство в Германию и поселившись в Мюнхене, я известил об этом знакомых коллег из Германии, Австрии, Швейцарии, и один из них сообщил мне, что он информировал о моих работах исследовательское руководство концерна HILTI со штаб-квартирой в городе Шаан (Лихтенштейн).

Концерн занимался разработкой и производством комплекса оборудования для соединения железобетонных изделий, используемых в строительстве, железнодорожном транспорте и других областях.

Дело в том, что мои основные теоретические работы были посвящены механике многоударных процессов, и поэтому не случайно, что в глазах моих новых коллег они ассоциировались с техникой, разрабатываемой HILTI: отбойными молотками, перфораторами и другими машинами ударного действия.

Работая в России, я слышал о машинах этой знаменитой фирмы, однако никогда их не видел. Мои российские разработки были в основном связаны с некоторыми новыми приложениями в области высоких технологий, хотя небольшой опыт работы с отечественными ударными машинами всё же имелся.

Вскоре я получил письмо из HILTI на мой новый мюнхенский адрес, подписанное главой исследовательского отдела, профессором Винфридом Хупманом. Он сообщил, что хочет встретиться со мной в их Мюнхенском отделении, о существовании которого я даже не знал.

Встреча состоялась в присутствии нескольких ведущих сотрудников отделения, которых я ознакомил кратко с содержанием моих работ и показал свои книжные публикации на русском языке. Это было скорее общее знакомство, чем деловой разговор, собеседники были очень любезны, и, по-моему, впервые имели дело с русским специалистом, что вызывало их дополнительный интерес. В книгах они быстро обнаружили несколько заинтересовавших их рисунков и оживлённо комментировали их между собой. Беседа шла на английском, которым они владели безупречно.

Профессор Хупман объяснил мне, что мюнхенское отделение занимается только техническими разработками ударных машин, а все исследования проводятся в Шаане, куда он пригласил меня приехать и выступить с докладом о моих научных результатах. Мы договорились о дате моего визита. На прощание профессор Хупман поразил меня своими изысканными манерами, церемонно подав мне пальто на глазах своих подчинённых. К такому поведению начальства я не привык.

До доклада оставалось ещё больше недели, и я спокойно обдумывал его содержание, когда неожиданно профессор Хупман позвонил мне домой. Он сказал, что один из их ведущих исследователей, доктор Лино Гуцелла, хочет специально приехать в Мюнхен, чтобы встретиться со мной до доклада. Вскоре позвонила секретарь доктора Гуцелла и согласовала время и место встречи в вестибюле одного из мюнхенских отелей, предупредив, что он собирается со мной поужинать.

Появившись в отеле в назначенное вечернее время, я был встречен молодым человеком среднего роста с энергичными манерами. Представившись, доктор Гуцелла пригласил меня в ресторан отеля, и мы уединилось за заранее заказанным столом в красивом зале фешенебельного ресторана. Метрдотель принёс тяжёлые кожаные папки меню, и доктор Гуцелла объявил мне, что я являюсь гостем НИЛТИ и предложил заказать всё, что я пожелаю.

Не будучи 'завсегдатаем' фешенебельных ресторанов, я решил положиться на вкус моего хозяина, и он с полным знанием дела начал выбирать блюда, присовокупляя к каждому из них соответствующие вина, которые он тщательно пробовал перед окончательным заказом. Несколько из предложенных метрдотелем вин, он заменил.

Я поинтересовался, откуда у него такие знания кулинарии и вин, и он сообщил, что происходит из швейцарской семьи итальянского происхождения, имеющей глубокие гастрономические традиции. Я с интересом воспринимал эту непривычную церемонию, о которой раньше читал разве что в иностранных романах.

Наконец, полный ужин, включавший закуски, мясные блюда, сыры, десерты, кофе и сопровождающие напитки был полностью заказан, и наш стол стал покрываться всем этим гастрономическим изобилием, проворно доставляемым несколькими ловко работающими официантами.

Отключившись от заказа, доктор Гуцелла приступил к беседе. Демонстрируя хорошие манеры и, приветливо улыбаясь, он обрушил на меня град вопросов, включавших все возможные

стороны моей деятельности. Круг тем включал специальные аспекты динамики и теории управления, мои результаты в теории и приложениях, мнения о принципиальных работах в этих областях, об авторах этих работ, включая некоторых коллег из Российской Академии наук, об истории некоторых концепций.

От подробных технических деталей, связанных со сложными случаями исследования устойчивости решений специальных классов динамических систем и прочих теоретических тонкостей, до обсуждения качества и перспектив некоторых недавно появившихся теорий, всё входило в круг этой 'беседы'.

По мере продолжения разговора мне стало ясно, что я действительно имею дело с серьёзным, умным и знающим специалистом, однако техника 'беседы' навевала всякие неприятные аналогии. Вопросы следовали один за другим и требовали полной концентрации, поэтому ни о какой еде не могло быть и речи, и она благополучно остывала на столе в окружении изысканных вин.

В ходе этого энергичного обмена мнениями, я постепенно обнаружил некоторые слабости в профессиональных суждениях моего визави, и это придало мне уверенность – кое-что я понимал глубже его, значит на HILTI я смогу работать даже и с такими специалистами.

Тем временем вопросы продолжались, заканчивался второй час нашей 'беседы', и мне уже было трудно скрывать нотки раздражения от этого затянувшегося 'допроса'.

Извинившись, доктор Гуцелла сказал, оправдываясь, что я должен понять его обязанности и предложил мне покушать. Полностью истощённый, я мечтал только побыстрее уйти, никакой кусок мне в горло уже не лез. Наскоро попробовав что-то, я заторопился домой. Рассчитавшись и проводив меня до такси, которое, как оказалось, было тоже оплачено HILTI, доктор Гуцелла любезно распрощался со мной.

Увидев по возвращении моё возбуждённое состояние, моя жена озабоченно поинтересовалась характером прошедшей встречи. Я объяснил, что если бы не глубокие профессиональные познания моего собеседника, в которых я действительно убедился, и ресторанная атмосфера, где всё происходило, то я считал бы, что побывал на допросе в КГБ. Домашний ужин после ресторана оказался очень кстати.

Вскоре подошло время моей лекции в Лихтенштейне. Для того чтобы попасть из Мюнхена в Шаан, я должен был проехать

по четырём странам: Германии, Австрии, Швейцарии и Лихтенштейн. Запасшись предварительно австрийской и швейцарской визами в свой временный паспорт, я купил билет до назначенной мне станции в Швейцарии, где меня должен был встретить шофёр фирмы HILTI.

Дорога заняла более трёх часов, стояла поздняя осень, и я наслаждался видами, открывавшимися из окна моего купе. Проехав по югу Германии среди мягких зелёных холмов и аккуратных деревушек с устремленными в небо шпилями церквей, поезд обогнул усеянное плавающими птицами живописное озеро Бодензее и пересёк австрийскую границу. Через очень короткое время мы уже пересекали швейцарскую границу.

При каждом пересечении государственных границ в поезд входили пограничники и, в результате, в течение короткого времени, мой паспорт проверялся трижды: немецкими, австрийскими и швейцарскими пограничниками. У меня мелькнула мысль, что, по-видимому, за час я пересёк больше государственных границ капиталистических стран, куда въезд нормальному советскому человеку был строго запрещён, чем за пятьдесят лет жизни в Советском Союзе.

Наконец, выйдя в одиночестве на небольшой швейцарской станции Санкт-Маргретен, я увидел ожидающего меня парадно одетого шофёра фирмы. Он усадил меня на заднее сиденье огромного представительского мерседеса, и машина помчалась по безупречно ухоженному шоссе в направлении Лихтенштейна.

Дорога была необыкновенно красивой: совсем недалеко сверкали снежными шапками ярко освещённые солнцем недоступные альпийские вершины, вокруг по холмам располагались ухоженные посадки, и над всем царило какое-то безлюдное умиротворение. Вскоре мы пересекли небольшой пограничный шлагбаум и въехали в Лихтенштейн. Проехав несколько невысоких городских кварталов, мы попали в хорошо спланированную промышленную зону. Это и была территория концерна HILTI.

В вестибюле представительного здания из стекла и бетона меня встретили мои новые знакомые: профессор Хупман и доктор Гуцелла. После кофе, я был приглашён в демонстрационный зал фирмы для осмотра их знаменитых машин. К нам присоединились ещё несколько сотрудников.

В результате беседы с Гуцелла в мюнхенском ресторане, я понял, что у него существует определённое недопонимание

специфики влияния оператора на динамику ударной машины и решил сразу приступить к атаке.

Повертев в руках красивую ударно-сверлильную машину, к которой меня с гордостью подвели хозяева, я попросил продемонстрировать мне её в работе. Это было тут же проделано на специально приспособленной бетонной плите. Перехватив машину у оператора и навалившись на неё с большим усилием, я заглушил её.

- Почему она заглохла? - спросил я.

- Потому что Вы превысили допустимое усилие, - ответил Гуцелла.

- Но идеальная ударная машина должна увеличивать ударный импульс с увеличением нажатия, а не глохнуть.

Моё утверждение следовало из общих динамических принципов, выполнявшихся при условии запаса мощности и высокой устойчивости рабочего режима. Последнее было очень трудно обеспечить в использованных конструкциях электрических машин. Этого противоречия, как я понял, инженеры, не знали. Они работали с реальными машинами, а не с идеальными объектами механических теорий.

- Нет, не должна, - сказал Гуцелла.

- Нет, должна, - твёрдо заключил я.

- Ну вот, уже есть, что обсуждать, - разрядил создавшуюся напряженность Хупман.

После окончания демонстраций, меня пригласили в зал, где собрались на лекцию сотрудники исследовательского отдела. Среди присутствующих я заметил также моих новых знакомых из мюнхенского отделения.

Моя лекция носила общий характер, где я познакомил слушателей с общими принципами механики многоударных процессов и управления их устойчивостью. Эти принципы были развиты, в основном, в моей лаборатории в Москве и, как я понимал, должны были заинтересовать собравшихся.

Особенно понравилась изложенная мной новая концепция создания вибрационных машин, названная нами авторезонансом (этот красивый термин я заимствовал из работ академика Андропова, который он ввёл, но практически не использовал). После оживлённой дискуссии и обеда меня проводили к уже знакомому мне автомобилю и, распрощавшись с гостеприимными хозяевами, я вернулся в Мюнхен.

Постепенно у меня начала выстраиваться общая стратегия возможного взаимодействия с HILTI. Я должен выявить

ограничения в цепочке механических рассмотрений от общих принципов динамики ударных систем к их технической реализации и попытаться найти на этом пути резерв для улучшения машин.

Однако, поверили ли они в меня и захотят ли иметь дело с русским профессором, когда вокруг столько классных университетов от Швейцарии до Германии, полных профессоров, говорящих на их родном языке?!

По правде говоря, я уже вошёл в азарт, и мне хотелось испытать свои возможности на таком продвинутом инженерном предприятии. Хупман подарил мне проспекты фирмы, и я уже знал, что концерн, названный по фамилии его основателя, имеет двенадцать тысяч сотрудников и множество заводов, разбросанных на нескольких континентах. Их машины продаются и обслуживаются по всему миру только самой фирмой. Всё говорило о высочайшей инженерной культуре и теперь, перемещаясь по Мюнхену, я постоянно замечал на многочисленных стройках эти красивые машины красного цвета с белой фирменной надписью HILTI.

Время шло, и никаких сигналов из Шаана не поступало. Наконец раздался телефонный звонок, и я опять услышал в трубке знакомый голос Хупмана. Он пригласил меня в Шаан для обсуждения, как он выразился, некоторых технических вопросов, сказав, что мне заказан в отеле номер люкс, чтобы я мог захватить накануне встречи, намеченной на утро, и отдохнуть.

Это уже звучало обнадеживающе и через некоторое время, проделав привычный путь, я опять появился в знакомых местах, будучи привезенным всё тем же шофёром, встретившим меня как хорошего знакомого. Шофёр доставил меня в отель, и я завершил впечатляющее путешествие приятным ужином, заказанным мне внизу в ресторане, и освоением предоставленного мне двухкомнатного номера с великолепным видом на снежные вершины и красивую церковь.

Улегшись спать пораньше, чтобы полностью восстановиться, я вскоре обнаружил, что церковный колокол отбивает каждую четверть часа, и никакие удобства номера люкс не позволяли защититься от этих всепроникающих звуков, мерно падавших в почти 'стерильную' тишину мирно спавшего карликового государства Лихтенштейн. Тяжёлая ночь явилась для меня живой иллюстрацией всей глубины противоречий между наукой и религией.

Наутро, придя в себя под горячим душем и позавтракав, я вышел к машине. Ночной монстр опять превратился в милую

церквушку, невинно смотревшую на меня своим единственным глазом-циферблатом. «По ком звонил колокол?» - гадал я по пути в штаб-квартиру HILTI, думая о предстоящей судьбоносной встрече.

В комнате для совещаний собрались новые для меня лица. Всем руководил профессор Хупман. Он представил мне собравшихся. Это были юрисконсульт, бухгалтер и несколько менеджеров.

Хупман информировал меня, что существующий на фирме информационный отдел собрал за это время подробные сведения обо мне. «Теперь, - сказал он с лёгкой иронией, - мы знаем о Вас даже больше, чем Вы сами».

Рассмеявшись, я спросил, что же это за информация, которую я сам о себе не знаю.

- Ну, например, Ваш мировой рейтинг. Вы ведь его не знаете, а мы знаем.

- Каким образом? - удивился я.

- Мы разослали Ваши работы экспертам, которым мы доверяем, и имеем их заключение.

- Интересно, - подумал я, слегка напрягшись.

- Мы теперь знаем, что Вы ведущий эксперт по многоударным процессам.

- Неплохо, - пронеслось в голове.

- Однако, - продолжал Хупман, - мы живём с того как продаются наши машины. И поэтому все Ваши знания будет для нас абсолютно бесполезны, если Вы не сможете помочь нам, чтобы они продавались лучше.

Такого оборота я не ожидал. Никогда в жизни я не интересовался торговлей.

- И что же я должен сделать для этого? – озадаченно спросил я.

- Очень просто, - ответил Хупман. - Мы Вам даём шесть недель, чтобы познакомиться с нашей основной ударно-сверлильной машиной. Вы можете получить о ней любую информацию в нашем мюнхенском отделении, и даже, если Вы захотите сделать какие-то эксперименты, мы постараемся Вам помочь. Через шесть недель мы хотим услышать Ваше мнение об этой машине.

- Ну что ж, если я хочу оказаться полезным для этих успешных специалистов, это как раз идеальный тест, - подумал я. Мне тоже хотелось себя проверить.

Хупман назвал сумму, которую они мне заплатят за предложенную экспертизу. Таких денег я в жизни не получал. Я растерялся, за такие деньги даже немецкие профессора должны работать гораздо больше чем шесть недель. Что же я должен перестать даже спать эти шесть недель?!

- Сколько же времени Вы считаете, я должен потратить на эту работу за отведенный срок? – оторопело спросил я.

- Примерно одну неделю, - ответил Хупман.

- Тогда почему Вы платите мне такие большие деньги?

- Потому что мы хотим, чтобы за эти шесть недель Вы не встретились ни с кем из наших потенциальных конкурентов.

Что такое соблюдение секретности, я, конечно, знал, но чтобы за это так хорошо платили, я предположить не мог. Это был, действительно, какой-то другой мир. В том мире, который я покинул, наложение секретности приносило только множество неприятностей, а зачастую и вообще могло искалечить жизнь. Здесь же мне просто предлагали наложить на себя добровольное шестинедельное ограничение в сфере моего возможного профессионального общения.

Вернувшись в Мюнхен, я помчался на следующий день к разработчикам. Начальник отделения, доктор Рихтер, показал мне машину и выдал полный комплект чертежей. Это была самая мощная машина HILTI. Рихтер посоветовал мне двух ведущих разработчиков: доктора Раушера и доктора Шульца, которые будут консультировать меня. Доктор Раушер был явно старшим и по возрасту и по положению.

Я решил, что все эти шесть недель я буду только задавать вопросы, а все суждения сообщу во время заключительной презентации.

Разобравшись в конструкции, я ошаршил на следующий день моих консультантов вопросом: «Почему Вы выбрали именно такую схему машины?»

- Потому что, - сказал рассудительный доктор Раушер, - когда мы задумали выпускать подобные машины двадцать лет тому назад, это был самый лучший патент из имеющихся на рынке.

- Но может быть существовала какая-то более перспективная схема машины, которая ещё не была в то время запатентована, - возразил я.

- Да, но как мы могли об этом знать?!

В принципе, я знал, как ответить на этот вопрос, и понял, что это и есть мой шанс. Нужно было синтезировать схему идеальной ручной ударной машины, и тогда мы получили бы

эталонную машину для оценки всех возможных технических структур. Построение такого эталона должно стать моей основной задачей на ближайшее время.

Техника такого синтеза была разработана в моей докторской диссертации, поэтому собрав дополнительные сведения о технических характеристиках машины, я сформулировал задачу поиска оптимального динамического цикла ударной машины, осуществляющей режим машины HILTI при минимальном воздействии на оператора. Точное решение вскоре удалось получить в общей математической форме, одновременно доказав его единственность.

Общее доказательство существования и единственности решения математической проблемы составляет часть многих математических руководств, однако редко применяется в практическом поиске решений конкретных проблем. Поэтому академик Ландау справедливо требовал выбросить эти доказательства из всех математических руководств для физиков и инженеров.

Также относился к этим математическим 'украшениям' и я. Довольно скептически рассматривал я и, так называемые, 'точные математические решения' динамических задач, которые с физической точки зрения обычно являются вырожденными. Математическая точность в физических задачах должна соответствовать точности изучаемой модели. Однако для найденного оптимального цикла строгость полученного решения могла иметь решающее значение, как с оценочной точки зрения, так и в предстоящей схватке со специалистами HILTI.

Моё решение означало, что существует один единственно возможный динамический цикл ручной ударной машины, при котором осуществляется заданная частота и интенсивность ударных импульсов по обрабатываемой породе при минимальном воздействии на руку оператора и этот цикл был мне теперь известен.

Теперь, имея идеальный цикл как эталон, предстояло ответить на вопрос, имеется ли в машине HILTI резерв для улучшения её динамики, или двадцатилетние усилия специалистов фирмы по усовершенствованию машины этот резерв полностью исчерпали.

Построив графики оптимального цикла, я затребовал результаты испытаний, имевшиеся у разработчиков. Они были выполнены с немецкой дотошностью и их достоверность не вызывала никаких сомнений.

Однако сравнение с моими графиками меня озадачило. Они были совершенно не похожи. Две машины, реальная и идеальная, осуществляли одно и тот же ударное воздействие на породу, будучи возбуждаемыми от своих источников энергии совершенно различным образом.

Идеальная машина мягко подхватывала ударник на отскоке от объекта разрушения, стараясь за кратчайшее время обеспечить максимально возможную дистанцию для последующего ускорения ударника до предписанной скорости нанесения удара по породе. В реальной машине ударник отскакивал свободно и лишь в конце цикла ускорялся коротким импульсом, создававшимся в результате сжатия воздуха в специальной камере, образованной ударником и нагнетающим механизмом.

Этот импульс составлял по времени незначительную часть общего цикла, и поэтому, развивавшаяся при ускорении сила имела весьма значительную величину и полностью передавалась на корпус машины и оператора, держащего этот корпус за рукоятку.

Система привода как бы не успевала подготовить ударник к разгону и компенсировала это мощным коротким импульсом. В результате, за каждым ударом по породе следовал 'удар' по оператору от импульсной 'вспышки' этой возбуждающей силы, что должно было приводить к большой вибрационной нагрузке на него.

Ну как же связать эти две машины, где лежит этот переход от идеальной машины к реальной? Может он не существует и идеальная машина технически не осуществима? Поразмыслив, я решил внести в математическую формулировку оптимальной задачи дополнительное ограничение, отражающее разницу усилий, развиваемых возбуждающим ударник приводом при отскоке и разгоне.

Соотнеся эти усилия с помощью произвольного коэффициента, я опять получил точное решение скорректированной оптимальной задачи и начал строить различные динамические циклы, соответствующие увеличивающимся значениям этого коэффициента.

У меня на глазах произошло математическое чудо. Оптимальные циклы машины начали графически деформироваться, постепенно приближаясь по конфигурации и величине к циклу машины HILTI.

Цепочка замкнулась. Теперь я был способен точно оценить динамический резерв совершенствования машины HILTI.

Оставшееся время я посвятил подготовке численного и графического материала и формулировке технических предложений для предстоящего семинара.

По прошествии отведенных шести недель, раздался звонок Хупмана. Он сообщил дату намеченного четырёхчасового семинара в Шаане и пригласил приехать накануне, чтобы поужинать вместе, извинившись, что из-за каких-то праздничных мероприятий номер люкс в отеле на этот раз снять не удалось. Это я мог легко пережить, особенно, если вблизи не будет церквей.

Собрав все подготовленные материалы в портфель, я отправился по знакомому маршруту через четыре страны к месту предстоящего обсуждения. Знакомый шофёр привёз меня в новый отель и, едва разместившись и переодевшись, я был приглашён звонком по телефону спуститься вниз, в бар ресторана, где меня ожидала большая компания. Хупман представил мне коллег, которые занимали различные командные должности в НЛТИ. Они пришли познакомиться со мной.

Ужин прошёл очень оживлённо, много шутили, смеялись. Никаких деловых разговоров не предполагалось. Мои собеседники оказались образованными и остроумными людьми с широким кругом интересов. Узнав, что моя жена - профессиональная пианистка, заинтересованно расспрашивали меня о наших семейных музыкальных предпочтениях. Я развеселил их несколькими смешными историями из опыта её общения со знаменитыми музыкантами. Некоторые имена, Игорь Ойстрах, Шафран, Наварра были им известны. За весь вечер намеченное назавтра мероприятие ни разу не было упомянуто.

Наутро позавтракав, я решил освежить содержание моих записей, запертых для надёжности в недавно купленном кожаном портфеле. Однако один из замков заклинило и, потратив некоторое время, я всё-таки не смог открыть портфель. Вскоре мне сообщили из рецепции, что машина подъехала, и, срочно собравшись, я выскочил на улицу.

В аудитории, где должен был проходить семинар, собралось много народу. Среди знакомых лиц я увидел доктора Гуцелла и ещё одного знакомого, отвечавшего, как мне говорили, за разработку концепции машин следующего поколения. Присутствовали и мои знакомые из Мюнхена: Рихтер, Раушер и Шульц. Хупмана в аудитории не было. Это было понятно – он оставлял себе резерв времени для окончательных заключений.

По моей просьбе вызвали техника, и он быстро вскрыл сломанный замок. Я приступил к работе.

С самого начала я сообщил, что собираюсь представить новую концепцию развития машины НЛТИ с целью преодоления двух кардинальных недостатков текущей конструкции: неблагоприятной зависимости от колебаний величины прикладываемого усилия и высокого вибрационного воздействия на руку оператора.

- Наши машины имеют самые лучшие в мире характеристики по вибрационной безопасности в этом классе электрических машин, - заявил с места Гуцелла.

- В мире они может быть и лучшие, заметил я, - но если НЛТИ захочет, например, продавать свои машины в России, они будут забракованы Государственной санитарной инспекцией, поскольку российские нормы на допустимую вибрацию ручных машин жёстче мировых.

История этих норм имела откровенно политический характер с тяжёлыми последствиями и заслуживает специального отступления, чтобы рассказать её читателю.

Развитие в Советском Союзе добывающих и строительных работ, использующих ручные ударные машины, привело к широкому распространению опасных заболеваний, объединяемых общим термином «вибрационная болезнь». Наличие большого количества тяжёлых больных и отсутствие эффективных методов лечения этой болезни потребовало государственных решений. В числе важнейших мероприятий, требовалось ужесточить допустимые нормы производственной вибрации, регламентируемые Государственными стандартами и контролируемые Государственной санитарной инспекцией.

С этой целью в 70-х годах была создана специальная комиссия высокого ранга для выработки соответствующих норм с участием специалистов, а также партийных и профсоюзных функционеров. О работе этой комиссии мне рассказывал её участник – известный вибрационный инженер Исидор Иделевич Быховский.

Специалисты подготовили проекты норм, основанные на мировом техническом опыте, однако партийные демагоги настаивали на том, что капиталистические нормы нам не указ, и советские рабочие должны быть защищены надёжнее. В результате в новом государственном стандарте 1978 года появились жёсткие нормы безопасности, превышавшие мировые рекомендации.

В семидесятые годы вступил в строй Волжский автомобильный гигант в городе Тольятти. Все сборочные линии

завода были оснащены ударными гайковёртами фирмы Bosch. После утверждения новых стандартов на защиту от вибрации, государственные инспекторы обнаружили превышение допустимых уровней на всех сборочных линиях завода. Возникший скандал был урегулирован специальным государственным постановлением, определившим особые условия эксплуатации гайковёртов Bosch на заводе.

Примерно в это время меня посетил в Институте машиноведения увлечённый разработчик отечественных ударных гайковёртов, инженер Евгений Дольник, познакомивший меня с проблемой. Он показал статью в техническом журнале Bosch, констатирующую отсутствие общей теории ударных гайковёртов. Это был вызов для молодых энтузиастов, и в течение нескольких месяцев вместе с моим другом со студенческих времён и постоянным сотрудником Владимиром Асташевым такая теория была нами разработана².

Полученное решение динамической проблемы давало строгие рекомендации на выбор параметров ударно-вращательного механизма гайковёрта, который был спроектирован Евгением по этим данным и изготовлен во Всесоюзном институте ручного инструмента, где он работал.

Предварительные испытания показали рекордные усилия затяжки резьбы, развиваемые новым механизмом, однако эта разработка могла затмить продвигаемые на государственную премию дирекцией их института, так называемые 'системы одноударной затяжки'.

Помимо низкой производительности, одноударные системы фактически подменяли строго регламентированную и эффективную по затяжке высокочастотную вибрацию типовых конструкций гайковёртов, могущую повлиять, к сожалению, на кровообращение в сосудах руки, мощными и редкими ударами, травмирующими теперь уже суставы оператора. От подобных ударных воздействий страдают, например, многие профессиональные теннисисты. Однако, редкоударные воздействия стандартами не нормировались, за отсутствием такой технологии.

Несмотря на концентрированный административный нажим, одноударные гайковёрты были отвергнуты промышленностью ввиду их низкой эффективности, а разработка

² Асташев, В.К., Бабицкий В.И., Дольник Е.С. "Об одном методе возбуждения колебаний", *Механика твёрдого тела*, No. 1, 1972, pp 45-49.

Дольника осталась лежать на полках Института. Традиционно-избирательное применение законов в стране спасало до поры до времени ключевые отрасли от нависшей угрозы тотального применения технически необоснованных стандартов.

Развитая нами теория была опубликована в моей книге, и именно эти картинки сразу заинтересовали разработчиков NILTI при нашем первом знакомстве. Позже выяснилось, что они тоже использовали подобные механизмы в каких-то своих разработках. Патент на эти механизмы принадлежал известной американской компании Ingersoll.

Итак, мой семинар продолжался, и я прошу извинения у читателя за вынужденное отступление, потому что упомянутые выше нормы обрели впоследствии новую жизнь в Европе.

Представленная мной теория оптимальной ударной машины и выявленные на её основе перспективы развития машины NILTI явились настоящей сенсацией для присутствующих 'мировых лидеров', и все мои утверждения подвергались жесточайшей проверке со стороны аудитории. Как же пригодились здесь полученные строгие доказательства! От меня требовали обоснования каждого утверждения. Особенно усердствовал Гуцелла, прерывавший меня во всех ключевых местах острыми вопросами и решительными суждениями.

Изложив намеченное и отбившись от всех вопросов, я почти не заметил, как прошли четыре часа. Теперь я уже мог позволить себе пошутить, и, поблагодарив всех слушателей, я под общий смех пообещал Гуцелла порекомендовать его на работу в КГБ.

Сразу же после окончания семинара меня окружили мои знакомые разработчики из Мюнхена. Доктор Раушер наградил меня высшим комплиментом:

- Мы занимались этой машиной двадцать лет и не могли себе представить, что кто-то может нам рассказать столько нового о ней, и это всё Вы смогли сделать за такой короткий срок. Мы ведь поняли шесть недель назад, что Вы её увидели впервые.

Как только я вышел в коридор, появился сразу профессор Хупман. Он был явно возбуждён, пригласил меня в свой кабинет и начал показывать фотографии своей семьи. По его неожиданному преобразению я понял, что он был полностью в курсе моей презентации. По-видимому, она транслировалась в его кабинет.

Теперь у меня уже не было сомнения, что я могу пригодиться концерну NILTI. На прощание Хупман сказал мне,

что в скором времени пришлёт мне соображения по нашему сотрудничеству.

Ещё через несколько недель я получил пакет с документами на условия заключения двухгодичного контракта, предоставлявшего мне положение консультанта концерна HILTI AG.

Для удобства моей работы мне был выделен кабинет в мюнхенском отделении, и это дало мне возможность регулярно и продуктивно общаться с высокопрофессиональными разработчиками. Однако моим главным патроном на фирме стал доктор Гуцелла, с которым установились продуктивные деловые отношения.

Для начала меня попросили подробнейшим образом изложить мою теорию идеальной ударной машины со всеми возможными объяснениями и обоснованиями, причём все это предлагалось сделать в единственном рукописном экземпляре. Фирма HILTI умела оберегать свои секреты. По мере оформления этого материала, я начал проводить регулярные семинары для разработчиков машин (сейчас, основные результаты теории имеются в открытом доступе³).

Сформулировав позже несколько предложений для возможного патентования, я как-то информировал об этом Гуцелла, и он пригласил меня в Шаан, чтобы встретиться с патентоведами. Прюделав привычное многочасовое путешествие, я появился в его кабинете к точно назначенному времени. Мы обменялись приветственными репликами, и Гуцелла поднялся из-за стола, чтобы следовать на совещание. Вынув необходимые бумаги из портфеля и оставив портфель около стола, я приготовился последовать за ним.

Проходя мимо, он бросил как бы невзначай: «Возьмите портфель с собой». Я вспомнил эпизод в отеле с заклинившим замком. Этот молодой человек беспрестанно поражал меня. В любой ситуации, без эмоций и лишних слов, проявлялась его незаурядная личность. И так было не раз. Во время многочисленных совещаний, когда казалось его критический ум был готов буквально уничтожить оппонента, он всегда находил в заключение неожиданную формулировку, ведущую к поддержке всего интересного, выявленного в споре.

³ Babitsky, V., "Hand-Held Percussion Machine as Discrete Nonlinear Converter", *Journal of Sound and Vibration*, 214(1), July 1998, pp 165-182.

(Недавно, уже спустя двадцать лет после описываемых событий, я с удовлетворением прочитал в Интернете, о его избрании на пост ректора знаменитой Швейцарской Высшей Технической школы Цюриха, среди бывших студентов которой такие имена как Рентген, Эйнштейн, фон Браун).

Время проходило быстро. Фирма поддерживала мою академическую активность, и я принял участие в нескольких международных конференциях. В общем, моё положение было достаточно почётным и комфортным, однако меня постепенно стало тяготить отсутствие прямой возможности участвовать непосредственно в исследованиях и разработках. В концернах такого масштаба все эти обязанности были строго разделены.

Существенным ограничением были также строжайшие меры по охране коммерческих тайн. Моё положение консультанта, конечно, не предполагало знакомства с планами фирмы. Стало ясно, что мне вряд ли придётся участвовать в исследовательских работах по воплощению моих замыслов.

Как-то, когда мой первый контракт подходил к концу, и начались переговоры о его продлении, мне позвонил известный немецкий учёный-механик и мой добрый знакомый профессор Йенс Виттенбург. Он сообщил мне, что во время международной конференции, с которой он приехал, знакомые англичане пожаловались ему, что уже два года не могут найти профессора динамики в свой университет. Йенс порекомендовал им связаться со мной и дал мои координаты.

Вскоре у меня завязалась переписка с Техническим университетом города Лафборо, и они попросили меня назвать несколько фамилий известных профессоров, которые могли бы стать моими рецензентами. К тому времени я уже провёл лекции и семинары во многих европейских университетах, возобновил старые знакомства с ведущими американскими механиками, посещавшими наш Московский академический институт. Все они единодушно поддержали мою просьбу выступить в качестве моих рецензентов. В это же время я получил приглашение ещё из США, и мои американские коллеги надавали мне множество полезных советов, подробно сравнивая оба предложения с учётом моего возраста, стоимости жизни, возможного лечения, страховок и прочее. Всё это было исключительно ценно и трогательно.

В результате, я послал в Лафборо список двадцати одного профессора из ведущих университетов Европы и США для выбора возможных кандидатов в качестве моих рецензентов.

Через короткое время я получил приглашение от главы отделения механики университета, профессора Нила Халливела, приехать на несколько дней в Лафборо для проведения семинара и последующего интервью. После испытаний, устроенных мне фирмой NILTI, английские процедуры отбора показались мне достаточно мягкими, хотя возможно, что переход из NILTI много значил для университетской публики. В конце моего визита мне было предложено место полного профессора динамики.

Завершив контракт с NILTI, и дружески распрощавшись с моими коллегами, я переехал в Англию. Предстояло опять начинать новую жизнь, в новой стране.

Мой новый начальник Нил Халливел оказался человеком исключительных способностей, огромной энергии и большого личного обаяния. Талантливый исследователь в области оптических измерений, изобретатель важнейшего современного прибора для измерения вибрации – лазерного виброметра, блестящий организатор и прирождённый лидер, он буквально захватил меня своим энтузиазмом.

Свою яркую карьеру исследователя он сделал в известном на весь мир Исследовательском институте звука и вибрации при Саутгемптонском университете и получил профессию в Лафборо за три года до меня. Наши кабинеты располагались по соседству, и Нил врвался ко мне по несколько раз в день, генерируя идеи моей адаптации в британской научной и технической среде.

Нил происходил из графства Ланкашир, жители которого имеют специфический акцент, и при ближайшем знакомстве с его замечательной семьёй его жена Тесса спросила меня с удивлением: «Как Вы его можете понимать? Я его с трудом понимаю!»

Мне кажется, что в нашем общении акценты не играли никакой роли. Мы понимали друг друга с полуслова. Поначалу я думал, что он является просто высококвалифицированным продуктом западного менеджмента, но очень скоро убедился в уникальности его личности.

Я был первым русским профессором в этом университете, и Нил с гордостью представлял меня в ведущих университетах и на предприятиях Великобритании, разъезжая со мной по всей стране. В короткое время у меня завязались благодаря ему контакты с Британской аэрокосмической корпорацией, Роллс-Ройсом, исследовательской группой Британской газовой корпорации.

Мы начали набирать исследовательские контракты, и Нил предложил мне включить в мою исследовательскую группу нескольких моих учеников из России. Первым я пригласил в Лафборо моего бывшего аспиранта из Москвы Алекса Веприка, сделавшего к тому времени успешную инженерную карьеру в Израиле.

Алекс представил интересный доклад на общем семинаре отделения, и Нил сказал мне, что хотел бы рекрутировать его в постоянный штат. «Поговори с ним», - предложил я. Через некоторое время Нил появился у меня в кабинете разочарованный.

- У меня нет столько денег, он очень дорогой.

Я развел руками.

Следующим, я пригласил на трёхлетний исследовательский контракт недавно защитившегося в Москве уже без моего участия другого бывшего аспиранта Илью Соколова. Через короткое время Илья с семьёй появился в Лафборо и приступил к работе.

Нил пожаловался мне, что университет испытывает дефицит в наборе талантливых аспирантов, поскольку британские выпускники предпочитают быструю и более просто достижимую карьеру в промышленности. Экономика была на подъёме.

Я предложил попробовать набрать аспирантов в России. Вскоре Нил дал добро на эту инициативу. Я позвонил в Петербургский Политехнический Университет своему близкому знакомому, известному ученому-механику Михаилу Захаровичу Коловскому и предложил рекомендовать нам троих кандидатов с хорошим знанием английского языка. Нил отправился в Петербург для установления контактов между нашими университетами. С ответным визитом по нашему приглашению приехал из Петербурга декан механико-машиностроительного факультета.

Вскоре мне позвонил Михаил Захарович и сообщил, что один кандидат уже имеется и ведутся переговоры ещё с двумя. Его кандидатом оказалась девушка, недавно защитившая магистерскую диссертацию под его руководством. Я растерялся. А как же насчёт Y хромосомы?

- Михаил Захарович, может быть молодой женщине будет трудно адаптироваться в новой стране, - засомневался я.

- Я думаю, она справится, - уверенно сказал он.

Много лет спустя, посетив в Петербурге его вдову, мы вспомнили этот телефонный разговор. Она рассказала мне, что опустив трубку, Михаил Захарович смеялся, поняв мои сомнения. Он знал Женю Гольшеву очень хорошо. Теперь, когда я узнал её

тоже, я бы тоже смеялся над собой. Моя 'хромосомная' гипотеза явно дала сбой в этом случае.

Группа начала наполняться нужными мне специалистами. Неожиданно открылся ещё один канал пополнения группы талантливыми исследователями. Узнав о появлении в Англии русского профессора, мне стали писать бывшие выпускники советских вузов из стран Азии и Африки, входивших в Британское Содружество Наций. Вскоре я имел в группе ещё двоих способных темнокожих исследователей, говоривших на хорошем русском языке.

Постепенно начали появляться русские специалисты и на других факультетах. На физическом и математическом отделениях теперь работали уже по два русских профессора из МГУ, МИФИ, академических институтов теоретической физики и математики. Несколько профессоров были приняты на другие инженерные отделения по моей рекомендации. Глава университета, профессор Уоллес, сам физик, умно использовал внезапное появление на рынке труда классных специалистов из России. На семинары начали приезжать наши знаменитые коллеги, работавшие теперь по всему миру.

Встретив однажды профессора Уоллеса на кампусе, я сострил:

- Дэвид, Вы знаете, какой у нас скоро будет второй язык в университете?

- Русский?! - сказал он, улыбаясь.

- Нет, английский, - ответил я. Он расхохотался.

Как-то я заметил моей жене: «Ты знаешь, что мне больше всего нравится в моих английских коллегах, это как они смеются. Так могут смеяться только люди, выросшие на свободе и не привыкшие осторожно оглядываться по любому поводу, чтобы не дай Бог не вызвать недовольство каких-нибудь соглядатаев или надзирателей».

Мои исследовательские контракты постепенно росли вместе с ростом моей группы, и я уже мог инвестировать значительные средства в создание нескольких запланированных мной лабораторий. В моей команде появился опытный английский физик-экспериментатор, Алан Мэдоус, мастер на все руки, активно помогавший оснащению новой лаборатории ультразвука.

Прошло несколько лет с момента моего появления в Британии, и как-то Нил сообщил мне, что ему предлагают стать деканом инженерного факультета. Это была высокая позиция.

Факультет охватывал все основные инженерные специальности – от авиации и строительства до химических технологий.

Заняв позицию декана, он зашёл вскоре в мой кабинет с торжествующей физиономией.

- Владимир, у меня теперь есть деньги рекрутировать Алекса. Пригласи его.

Вскоре Алекс Веприк со своей семьёй появился в Лафборо, назначенный на должность старшего лектора. Алекс привнёс в группу свою экспертизу по работе в израильском hi tech. Опытный и изобретательный экспериментатор, он сильно продвинул базу новой вибрационной лаборатории, подобрав для неё классное оборудование, которым мы постепенно обзавелись. Вслед за Алексом появились аспиранты из Петербурга.

Красавица Женя сразу стала предметом живого интереса университетской молодёжи, что никак не сказывалось на её исключительной работоспособности и продуктивности. Она успевала всё. Приведя в короткий срок в полную кондицию свой английский, она углубилась в изучение английской художественной литературы и быстро исчерпала список моих рекомендаций.

В параллель с техническим моделированием, в котором она вскоре вышла на высокопрофессиональный уровень, Женя разрабатывала на компьютере стиль своих причёсок, подбирала цвет волос, кардинально меняясь, раз от разу. Как-то, едва узнав её при встрече, я заметил:

- Женя, когда мой сын был маленьким, и я приходил после стрижки домой, он плакал от такой неожиданной перемены моего вида. Кажется, я тоже скоро начну плакать, встречая Вас.

Теперь у меня уже было достаточно средств и возможностей, чтобы браться за кардинальные технические проблемы, и я решил атаковать дальше проблему динамики ручных ударных машин.

К этому времени произошел существенный скачок в развитии компьютеров по сравнению с моим мюнхенским периодом, и я предложил Жене построить полную математическую модель ручной ударной машины, взяв за основу машину HILTI.

Используя новейшие пакеты моделирующих программ, Женя построила развитую компьютерную модель машины с учетом взаимодействия с оператором. Теперь мы могли быстро проигрывать разнообразные конструктивные решения в различных режимах эксплуатации.

Мы начали исследовать на модели возможные модификации машины в соответствии с рекомендациями оптимальной теории. Теоретические прогнозы полностью оправдывались. Появились новые идеи по виброизоляции. Здесь пригодился опыт Алекса.

Для создания своей экспериментальной установки Жене понадобилось изготовить на станках несколько важных деталей. Эта работа выполняется у нас обычно опытными техниками, в специально оборудованных цеховых мастерских. Имеется также хорошо оснащённый цех, где студенты могут работать своими руками под руководством инструкторов.

Не желая терять время на ожидание, Женя взяла уроки работы на станках и выполнила свои детали сама. Дополнив свои исследования по моделированию, убедительными опытами по улучшению вибробезопасности ударных машин, Женя представила этот комплекс работ в виде диссертации.

Защита PhD диссертации (Doctor of Philosophy - эквивалент кандидатской диссертации) проходит в Великобритании в виде экзамена, осуществляемого двумя независимыми экспертами: внешним – специально приглашённым профессором со стороны и внутренним – сотрудником университета, где подготовлена работа. Руководитель может присутствовать на экзамене лишь в качестве молчаливого наблюдателя и только с согласия соискателя. Последнее сделано для того, чтобы избежать влияния руководителя в случае конфликта с соискателем (бывают случаи, когда соискатель может опровергать работы своего куратора).

В качестве внешнего экзаменатора, который, в основном, и проводит экзамен, был утверждён ведущий специалист Исследовательского института звука и вибрации в Саутгемптоне, профессор Майк Бреннан.

Явившись на экзамен и посадив Женю напротив себя, Майк начал детальный постраничный разбор диссертации, требуя объяснения и обоснования каждого значимого положения работы. Женя основательно объясняла содержание, тщательно аргументировала свои возражения, приводила интересные общие суждения. Экзамен явно затянулся. Шёл уже третий час, а Майк все продолжал беседу.

Наконец он закончил, попросил Женю подождать в коридоре и, подойдя ко мне, возбуждённо сказал:

- Владимир, как тебе удалось так увлечь инженерным делом такую блестящую личность?!

Я рассмеялся: «Майк, я только слегка поддержал процесс формирования, начатый в Петербурге».

Получив докторскую степень, Женя нашла вскоре хорошую работу в промышленности и, к сожалению, покинула нас. За время учёбы она вышла замуж за лектора соседнего с нами отделения химической технологии, и её ожидала счастливая семейная и успешная деловая жизнь в Англии.

В процессе анализа Британской ситуации по вибрационной безопасности мы выяснили, что правительство вынужденно платить ежегодно около 500 миллионов фунтов компенсации пострадавшим от вибрационной болезни. Основываясь на этих данных, я направил в Британский исследовательский фонд тщательно разработанную заявку на трехлетнее исследование перспективных схем ручных ударных машин повышенной производительности и безопасности.

Изучив имеющиеся в Британии промышленные ресурсы в этой области, я узнал о существовании в стране мощной многонациональной корпорации - JCB по созданию и производству широкой номенклатуры строительных и дорожных машин. Эта корпорация, названная инициалами её создателя Джозефа Сирэла Бамфорда, является символом британского предпринимательства. Кандидаты в премьер-министры Великобритании включают посещение JCB в свою предвыборную программу.

Основанная в 1945 году в обыкновенном гараже, корпорация насчитывает сейчас более десяти тысяч работников, разрабатывающих и производящих на 22 заводах, разбросанных по всем континентам, более 300 типов машин: экскаваторов, тракторов, бульдозеров, скреперов. Специальное отделение JCB в городе Уттоксетер графства Стаффордшир занимается разработкой приспособлений и дополнительного оборудования для основной тяжёлой машиностроительной продукции. Сюда входят отбойные молотки, перфораторы, передвижные компрессорные станции.

В ожидании решения исследовательского фонда, Нил познакомил меня с главой исследовательского отдела JCB, профессором Робертом Пендлберри, имевшим тесные контакты с нашим отделением механики. Я информировал его о моих планах в отношении ручных ударных машин. По рекомендации Пендлберри, мы были приняты в Уттоксетере и познакомились с сотрудниками.

При распределении исследовательских фондов в Британском совете, осуществляющем финансирование фундаментальных работ, поступившие заявки ранжируются менеджерами совета по степени важности на основании экспертных заключений. Затем, имеющиеся в распоряжении фонда деньги выделяются в соответствии с установленной последовательностью приоритетов. Как только деньги кончаются, в приоритетном списке подводится черта и работам, оказавшимся ниже черты, отказывается в финансировании. Мы оказались ниже черты. Я показал Нилу полученный отказ.

Вскоре я узнал, что появилось ещё одно предложение по улучшению безопасности ручных ударных машин из Кембриджа. Оно основывалось на недавно выпущенном европейском патенте, предлагавшем систему устройств для автоматического утяжеления корпуса в момент пуска машины с помощью его наполнения жидкостью. Такой способ, конечно, уменьшал вибрацию корпуса, однако в ручных машинах борьба за уменьшение веса осуществляется даже жёстче чем в авиации, и поэтому это решение было с моей точки зрения недопустимым. К тому же оно сильно усложняло и удорожало конструкцию.

В общем, мои перспективы с этой тематикой казались весьма призрачными. Однако, я недооценил моего шефа. По прошествии нескольких месяцев, Нил объявил мне, что ему удалось пригласить в Университет нынешнего главу корпорации JCB сэра Энтони Бамфорда, и он посетит мою лабораторию.

Сэр Энтони, один из наиболее известных и богатых британских бизнесменов, возглавил корпорацию после своего отца в 1976 году. В 1990 году за особые заслуги перед Британией он был введён королевой в рыцарское звание.

Появление его в университете было значительным событием. На одном из полей для регби была организована для приёма вертолётная площадка, где и приземлилась целая команда гостей, встреченная руководством университета. Мне было предложено ожидать гостей в моей лаборатории, и я подготовил несколько впечатляющих демонстраций малоизвестных нелинейных эффектов.

Наконец, группа появилась в лаборатории. Профессор Пендлбери представил меня своему боссу. Я кратко описал исследовательскую деятельность моей группы, объяснив, что она концентрируется на использовании методов нелинейной механики для развития перспективных технологий. Затем показал свои демонстрации. Они произвели впечатление на присутствующих.

Разговор зашёл о предложенном мной проекте исследований в области ручных ударных машин. Сэр Энтони высказал интерес к возможности повышения их вибробезопасности.

- К сожалению, главный способ это увеличивать их массу,- сказал он.

-Но мы не можем допустить такого в ручных машинах,- возразил я.

- А что есть возможность этого добиться при сохранении общего веса?

- Это я и хочу попытаться осуществить в проекте.

- Сколько Вам понадобится времени на выполнение такого проекта?

- Исследования займут три года.

- И какое потребует финансирование?

- Я назвал тщательно обоснованную цифру, заявленную в отвергнутом гранте.

- Считайте, что эти деньги у Вас есть, - сказал он и, вежливо попрощавшись, покинул лабораторию.

Это было великолепно! В течение 20 минут судьба проекта была решена.

Через несколько дней появился Пендлберру, и я представил ему подробный план работы с указанием ключевых этапов. Было решено, что каждые три месяца мы будем докладывать текущие результаты на совместных совещаниях со специалистами JCB с целью оценки хода работы и корректирования дальнейших планов. Письменные отчёты будут выпускаться раз в год. Общий надзор за ходом проекта будет осуществляться Пендлберри (JCB) и Халливелом (Университет), Бобом и Нилом, как принято в Британии между коллегами.

Проект предусматривал докторскую зарплату для одного исследователя, и я пригласил на эту позицию Илью Соколова, успешно закончившего к этому времени свой первый трёхгодичный проект.

Илья идеально подходил для проекта. Выпускник известной Петербургской школы механиков и нашей аспирантуры он продвинул наши идеи в области динамики вибрационных машин, выполнив оригинальную кандидатскую работу. Работая в Британии, он профессионально овладел компьютерным моделированием и конструированием. К тому же, Илья был ещё и 'мастер на все руки', совмещая, таким образом, в себе возможности целой бригады исследователей.

Работа закипела. Вскоре мы уже были способны демонстрировать специалистам JCB возможности моделирования их машин на компьютерах, однако широкое обсуждение неожиданно вскрыло непредвиденный 'человеческий фактор'. Разработчики ждали от нас быстрых технических рекомендаций. Им казалось, что если бы они получили эти деньги, то нашли бы быстрее путь к усовершенствованию машины.

Боб Пендлберри занял более взвешенную позицию, понимая значение построения фундаментальных основ для понимания общей механики ручных ударных машин.

В отличие от электрических машин HILTI, машины JCB используют гидравлический привод от специальной малогабаритной компрессорной станции, позволяющей использовать их в автономном режиме.

Гидравлика позволяет развивать большие удельные мощности, поэтому сравнив динамические характеристики этих машин с оптимальными циклами, мы обнаружили, что динамический резерв увеличения их производительности невелик. Главные усилия нужно было сосредоточить на их вибробезопасности.

Как раз в это время произошло неожиданное 'политическое' событие чрезвычайной важности для всех мировых 'игроков' нашей отрасли. Из Европы поступила информация о готовящихся новых жёстких нормативах на эксплуатацию ручных ударных машин. Теперь, как я оценил, они уже будут конкурировать с советскими стандартами почти тридцатилетней давности, слегка подправленными в 1990 году.

Не знаю, были ли навеяны эти тенденции окончанием холодной войны и полевением европейской политики или это случайное совпадение, но над 'капиталистической' промышленностью, выпускающей ручные ударные машины, повис дамоклов меч – нужно было принимать срочные меры или уходить с рынка. Найти лазейки в законе здесь не удастся.

Наши отношения с разработчиками полностью изменились – на нас смотрели теперь как на возможных спасителей всего индустриального сектора. После государственного провала в Советском Союзе с внедрением 'социалистических норм охраны коммунистического труда' нам предстояло теперь попытаться внедрить подобные нормы для охраны 'капиталистического' труда.

- Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма, - шутил я.

Мы углубились в анализ возможностей виброзащиты оператора. Из рассмотрения оптимальных циклов следовало одно обещающее решение. Если корпус с присоединённой рукояткой динамически развязать от пульсирующего ударника, то проблема вибрации оператора будет решена, однако возбуждение ударника нужно осуществлять тогда относительно прижатого к грунту инструмента, а это потребует увеличить усилие прижима, развиваемое оператором. Защитив его от вибрации, мы повысим его утомляемость от этой дополнительной постоянной нагрузки.

Порывшись в литературе, мы вскоре обнаружили такую разработку в Швеции, у знаменитого мирового гиганта Atlas Copco. Естественно, что шведы использовали это решение в лёгких пневматических молотках для зачистки поверхностей. Для наших тяжёлых работ это не подходило.

Значит нужно перевести пульсирующее гидравлическое воздействие на ударник из разряда внешних сил во внутреннюю силу, сохранив при этом динамическую развязку с рукояткой и корпусом. Это можно сделать только относительно какого-то дополнительного встроенного в машину вибрирующего тела, а значит опять увеличить вес машины, что я обещал избежать.

А что, если попытаться полностью динамически развязать рукоятку и корпус машины? Тогда, таким промежуточным телом может стать сам корпус машины, который можно будет даже облегчить. Проверка на компьютерной модели показала, что такая структура способна генерировать устойчивый рабочий процесс.

Теперь нужно было решить ключевой технический вопрос – осуществить динамическую развязку рукоятки и корпуса, сохранив при этом их полную статическую связь. Такое решение вскоре было найдено. Оно использовало именно гидравлический принцип работы машины.

Между корпусом и рукояткой было введена специальное малогабаритное двухкамерное гидропневматическое устройство, поддерживающее постоянное усилие при их относительном перемещении. В результате, вибрация корпуса на рукоятку практически не передавалась, а сам корпус своей вибрацией полностью воспринимал пульсирующие инерционные силы внутри машины. Затребовав у JCB образец машины, мы начали его последовательную модификацию.

Тем временем отведённый трёхлетний срок подходил к концу, а фирма до сих пор не получила от нас никаких рекомендаций. Обстановка накалялась. Пендлберру известил Халливела, что дальнейшее отсутствие рекомендаций будет 'a total

disaster' (полной катастрофой). Халливел был тоже напряжён до предела, но старался не подавать вида.

Меня это уже не тревожило. Я был абсолютно уверен в перспективности нашего решения, вопрос стоял только в конкретных величинах достижимого технического эффекта по снижению вибрации.

Накануне последнего планового совещания с JCB, Илья сообщил мне, что он не может достоверно измерить вибрацию из-за каких-то неполадок с аппаратурой. Я успокоил его, объяснив, что всё равно нужны результаты независимых профессиональных испытаний, которые должны быть выполнены специализированной фирмой по контракту с JCB. Наши заказчики поверят только такому сертифицированному источнику, да и нам такие данные очень пригодятся.

На заключительное совещание явились руководители всех основных служб, связанных с производством и продажей машины. Нам решили продемонстрировать всю серьёзность ситуации. Каждый из приехавших, не щадя красок, описывал угрожающие проблемы, возникающие в связи с предстоящим европейским решением. В выступлениях чувствовался явный укор, однако британская вежливость, слава Богу, брала своё.

В конце совещания я взял слово. Кратко охарактеризовав проведенные за последний период работы по созданию технического образца новой машины, я предложил ознакомиться с ним и провести его всесторонние испытания.

Я пригласил участников в лабораторию с установленной в рабочем положении машиной. Как и всякий экспериментальный образец, она сильно уступала по виду конечной продукции фирмы. Некоторые дополнительные устройства были выведены для удобства экспериментальных наладок наружу и неуклюже торчали во все стороны.

Забрав машину, наши гости удалились с постными лицами. Затаив дыхание, мы ждали результатов.

Вскоре пришло сообщение в компьютер от Боба Пендлберри: *«Vladimir, very well done to you and your group! Vibration is reduced twice!!!»* (Владимир, ты и твоя группа прекрасно сработали! Вибрация уменьшена вдвое!!! – В.Б.). Мы перевели дыхание. Нил сиял.

Теперь основная нагрузка легла на службы JCB. Необходимо было срочно запатентовать новые решения и как можно быстрее выйти на рынок с новыми машинами. Патентная чистота была установлена и фирма запатентовала машину во всех

главных регионах: Европа, США и Канада, Австралия⁴. Ведущий конструктор машины, Энтони Малкин, элегантно сконструировал новые узлы.

Получив на промышленном прототипе ещё большее ослабление вредной вибрации при одновременном увеличении ударной мощности, машину запустили в серийное производство. С такими темпами освоения новой техники я никогда прежде не сталкивался. Новая серийная машина рождалась буквально на глазах.

Приближалась международная промышленная выставка в Ковентри (январь, 2008), первая после введения новых европейских норм, и все мировые производители готовились показать там свои достижения.

На нашей машине вибрация на рукоятке по главной оси машины составляла 1.6 м/с^2 (именно ей мы и занимались!) и обобщающая вибрация по трём осям 3.2 м/с^2 . По новым нормам, этого было сверх достаточно для безопасного использования машины в течение полного рабочего дня. Со спортивным азартом мы ожидали цифры от конкурентов.

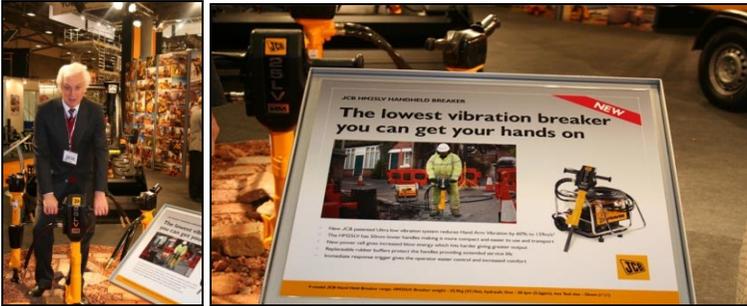
Выставочные материалы готовились в обстановке строжайшей секретности. Накануне открытия, менеджер JCB Питер Алфорд, не выдержав напряжения, свалился с тяжелым сердечным приступом и был увезен на скорой помощи. (К счастью, медицина помогла Питеру постепенно восстановиться и войти в строй).

Меня пригласили на открытие выставки. Как только появился доступ к стендам, все участники бросились изучать результаты конкурентов. Мы могли вздохнуть с облегчением. Ближайшие соперники имели цифры вибрации от 6 м/с^2 и выше.

Официальный мировой рекорд вибробезопасности ручных отбойных молотков был установлен. Проблему «белых пальцев» для этого тяжёлого оборудования удалось закрыть. Началось массивное продвижение нового отбойного молотка HM25LV (LV

⁴ Babitsky, V., Malkin A.A., Sokolov I., *Percussion Power Tool Apparatus*, 21 December 2005, Australian Patent No. 2005246928.
Malkin, A.A., Sokolov, I. and Babitsky, V., *Percussion Power Tool Apparatus*, 28 June 2006, European Patent No. EP 1674209A2.
Malkin, A.A., Sokolov, V. and Babitsky, V., *Percussion Power Tool Apparatus*, 27, July 2008, United States Patent No 7404452.
<http://www.thefreelibrary.com/Fundamental+to+success%3A+Chairman+of+JCB,+Sir+Anthony+Bamford,+was...-a0200505999>

означает low vibration - низко вибрационный) по дорогам всего мира. Машины JCB появились и в России.

Автор на Международной выставке в Ковентри (Январь, 2008)

P.S. Недавно в британской прессе было напечатано интервью с главой JCB Сэрм Энтони Бамфордом под названием «Fundamental to success» (основание успеха)⁵ Поводом послужило его избрание почетным членом Института инженерных дизайнеров (конструкторов).

На вопрос корреспондента: «Какова роль инноваций в современном бизнесе?» - он ответил:

- Инновация – краеугольный камень в деятельности JCB. Это часть DNA компании, проявляющая себя в наших малых и больших продуктах производства. Возьмите, например, отбойный молоток JCB HM25LV. Для того чтобы уменьшить воздействие вибрации на оператора, мы разработали машину, имеющую на 50% лучшие показатели, чем ближайшие конкурирующие модели. Операторы могут теперь безопасно использовать молоток в течение полного восьми часового рабочего дня.

Loughborough, United Kingdom Февраль, 2013

⁵ <http://www.thefreelibrary.com/Fundamental+to+success%3A+Chairman+of+JCB,+Sir+Anthony+Bamford,+was...-a0200505999>

Михаил Цаленко

Взгляд назад невидящих глаз

(Продолжение. Начало в №3/2013)

Военная академия

ятнадцатого мая 1964 года я успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата физико-математических наук на заседании Ученого совета механико-математического факультета МГУ. Моими оппонентами были замечательный математик, лауреат Ленинской премии профессор Михаил Михайлович Постников, работавший в Математическом институте Академии наук и в МГУ, и старинный друг Куроша доцент Александр Иванович Узков, работавший в Высшей школе КГБ. На том же заседании защитил диссертацию и Фред Шмелькин. Поэтому традиционный банкет после защиты мы организовывали вместе. Мы защитились досрочно, за полгода до окончания аспирантуры, в наш адрес было сказано много лестных слов, и тем самым на мажорной ноте закончился восемнадцатилетний период моей жизни, в котором учеба занимала основное место.

Однако сразу же после защиты произошла первая непредсказуемая перестройка моей жизни, и я перестал быть баловнем судьбы. Через несколько дней мой научный руководитель Олег Николаевич Головин сказал мне: "Миша, Вам надо искать место работы. Партбюро факультета четыре часа рассматривало заявку кафедры на Ваше оставление в университете и в конце концов ее поддержало, но места Вам не дадут". Я не стал задавать лишних вопросов, поскольку мы оба знали, что еврею почти невозможно остаться на педагогической работе в МГУ. Нужна была чрезвычайно высокая протекция, а ее у меня не было.

Буквально через пару дней мой второй научный руководитель Александр Геннадиевич Курош отправил меня с рекомендательным письмом к профессору Борису Абрамовичу Фуксу, создававшему в то время кафедру математики в Московском институте электронного машиностроения (МИЭМ).

После короткой беседы Фукс пообещал отправить в МГУ заявку на мое распределение к нему на кафедру, что он и сделал без промедления. В начале июня состоялось распределение аспирантов, заканчивавших трехлетний срок обучения. Я был уверен, что заявка Фукса будет удовлетворена, но ошибся. Аспирантов вызывали по алфавиту, и я оказался в числе последних. Когда я вошел в аудиторию, где заседала комиссия по распределению, меня спросили о выбранном мною месте работы. Я сказал, что согласен работать в МГУ или в МИЭМ. "Мы уже удовлетворили заявки этих вузов. У нас заявок больше, чем выпускников, и мы должны учитывать интересы других вузов", – услышал я. Неподготовленный к такому ответу, я отказался изучать список неудовлетворенных заявок, не подписал распределение и вышел из комнаты.

Вслед за мной вышел профессор Лев Абрамович Тумаркин, один из моих первых лекторов. Он догнал меня, остановил и сказал: "Мой хороший знакомый Б.С. Солоноуц, доцент физико-технического института, хочет создать современную кафедру математики в Пищевом институте. С сентября он становится заведующим этой кафедрой и очень заинтересован в привлечении способных математиков. Я рекомендую Вам с ним встретиться". Наша встреча состоялась на следующий же день. Солоноуц пообещал, что заявка на меня будет оформлена на должность доцента, что в институте я буду занят три дня, что смогу продолжить преподавание в университете и буду иметь достаточно времени для продолжения научной работы. Приняв его приглашение, я подписал распределение и получил направление на работу в качестве доцента.

Лето 1964 года было теплым и солнечным, мы впервые вывезли нашу полуторогодовалую дочку на дачу, снятую на станции "Отдых" Казанской железной дороги, напротив города Жуковский. Дачу сняли вместе с нашими друзьями Славой и Юлей Гаухманами, дочка которых была на год младше нашей. Конечно, мы не жили "как боги", вопреки известной песне Высоцкого, большинство удобств находилось во дворе, детские вещи регулярно стирали руками, но мы были молоды, жили весело и не "питались жесткими, как щепка, пирожками" в отличие от молодого В. Луговского, хотя денег у нас было немного. В июле я принимал третий и последний раз вступительные экзамены в МГУ, а моя жена Маша, тоже заканчивавшая аспирантуру в Центральном государственном педагогическом институте, стала искать себе место работы по распределению.

Гром, как всегда, грянул среди ясного неба. Лев Абрамович разыскал меня на факультете и сказал, что Солоноуц не пойдет работать в Пищевой институт, поскольку ректор не выполняет данных ему обещаний, и никто не будет нести ответственность за обещания, данные мне. Поэтому мне надо попробовать найти замену Пищевому институту.

Искать замену в середине лета было почти невозможно – это было время отпусков в институтах. Я решил не появляться в Пищевом институте до октября, так как формально срок аспирантуры заканчивался в октябре. Тем временем Маша получила приглашение на работу в престижный Московский инженерно-физический институт (МИФИ). Ее внешность и девичья фамилия Вагуртова хорошо скрывали ее национальность до заполнения учетной карточки в отделе кадров. Дальше отдела кадров ее дело в МИФИ не продвинулось. Гораздо дальше Маша продвинулась в Медико-биологическом институте, где ее даже включили в расписание занятий с первого сентября. Однако 31-го августа в нашей квартире появилась заведующая кафедрой математики замечательная женщина и прекрасный математик Елена Валерьевна Гливенко и со слезами на глазах сообщила, что ректор института отказался подписать приказ о принятии Маши на работу. Помнится, что нам пришлось успокаивать плачущую Елену Валерьевну.

Таким образом, первого сентября мы оказались у разбитого корыта. И вдруг все завертелось – закружилось... Дней через пять я получил странную открытку без подписи, в которой мне предлагалось явиться в Министерство высшего образования СССР в 10 часов утра в какую-то комнату. Несмотря на странный вид написанной от руки открытки, ничего не понимая, в назначенные день и час я открыл дверь в указанную комнату. В комнате за одиноким столом сидела одинокая молодая женщина, по-видимому, секретарша. Растерянно я сообщил, что появился перед ней согласно полученной мною открытке. "Покажите открытку", - сказала женщина. Я протянул открытку, и она мгновенно спрятала ее в стол. "Приходите завтра сюда в то же время", - сказала секретарша, и я вышел. На следующий день в тот же час та же неразговорчивая женщина протянула мне Приказ Министерства о моем распределении на работу в Военную инженерную академию имени Ф.Э. Дзержинского в качестве ассистента кафедры математики и попросила расписаться в получении приказа.

По простовости многих лет очень трудно описать сюрреализм случившегося. Человек, от рождения непригодный к

военной службе, направлен преподавать математику офицерам в одну из ведущих военных академий, среди профессоров которой много выдающихся ученых. В частности, кафедрой математики заведовал лауреат Ленинской премии профессор МГУ Борис Моисеевич Левитан, а сама кафедра еще до войны была создана Л.А. Тумаркиным.

В это же время Машины дела также приняли неожиданный оборот. Ей на помощь пришел заведующий кафедрой дифференциальной геометрии МГУ профессор Петр Константинович Рашевский, написавший несколько рекомендательных писем, адресованных разным заведующим кафедрами математики московских институтов. Для одного из них Петра Евгеньевича Дюбюка рекомендация Рашевского оказалась столь существенной, что он немедленно представил Машу ректору своего института и получил согласие принять ее на работу по распределению. Так как педагогический институт находился в ведении Министерства просвещения, то чиновники этого министерства отказались выдать Маше направление в институт другого министерства. В результате этой бюрократической зацепки Маше нашли место в Московском государственном заочном педагогическом институте (МГЗПИ), где она и проработала более тридцати лет. В этом институте работали такие известные математики как Н.Я. Виленкин, М.И. Граев и А.С. Солодовников, другие преподаватели были учениками выдающихся математиков и образовывали дружный и высокопрофессиональный коллектив.

Первого октября 1964 года мы оба вышли на работу, но я так и не знал, каким образом я получил перераспределение. Только через год мне стало известно, что Л.А. Тумаркин обратился к начальнику академии генерал-полковнику артиллерии Георгию Федотовичу Одинцову с просьбой добиться моего перераспределения в академию. Не знаю, какими словами Тумаркин охарактеризовал меня, но он точно знал, что Одинцов старается привлекать на работу в академию талантливых ученых. После беседы с Тумаркиным Одинцов приказал начальнику учебного отдела полковнику В.Н. Бугаеву добиться моего перераспределения. Приказ есть приказ, но Бугаев прекрасно знал, что выполнить его, отправив письмо в Министерство высшего образования, невозможно. Он выяснил, что любимая женщина одного из поступавших в тот год в академию офицеров работает в Минвузе. Поступление в академию офицеру было гарантировано при условии, что мое направление в академию будет оформлено. Обе договорившиеся стороны выполнили свои обязательства, а я,

наконец, понял, почему меня считали протеже начальника академии.

Наше первое столкновение с антисемитизмом советской системы кончилось благополучно не в силу нашей предприимчивости или изобретательности, оно окончилось благополучно потому, что нам сочли необходимым помочь выдающиеся люди, умудренные огромным опытом, бывшие подлинными носителями человеческой доброты и порядочности. К сожалению, их уже нет в живых, и я не смог в полной мере выразить им свою благодарность при их жизни.

Итак, 1 октября 1964 года началась моя работа в Военной инженерной академии им. Дзержинского. Несмотря на строгую секретность, окружавшую академию, оформление в отделе кадров прошло очень быстро без оформления каких - либо форм секретности. Академия размещалась в самом центре Москвы на набережной недалеко от Кремля в длинном невысоком здании дореволюционной постройки. Освещение в коридорах не было ярким, но в аудиториях и в служебных помещениях было много дневного света.

Кафедра математики переживала период обновления и омоложения, начавшийся с приходом нового заведующего профессора Левитана. Начальник академии Г.Ф. Одинцов хотел, чтобы у него работали знаменитости. Поэтому на кафедре математики помимо Л.А. Тумаркина в пятидесятые годы работали член-корреспондент АН СССР А.А. Ляпунов, автор первого учебника по программированию Н.А. Криницкий, а заведовал кафедрой профессор Г.П. Толстов, написавший один из известных курсов математического анализа и уделявший большое внимание методике преподавания.

Тем не менее в момент моего появления состав кафедры был чрезвычайно неоднородным и по возрасту, и по математической подготовке. Я стал самым молодым членом кафедры, но ненадолго. В течение последующих лет Левитан методично омолаживал кафедру, приглашая на работу молодых талантливых математиков, заканчивавших аспирантуру в МГУ. Среди них оказались ученики Левитана М.Гасымов, ставший очень быстро доктором наук и азербайджанским академиком, и В.Н.Туловский, недавний лауреат премии Колмогорова В.И. Оселедец, будущий профессор МГУ А.В. Чечкин, ученик П.К.Рашевского Г.Л.Литвинов и многие другие. К началу семидесятых годов сочетание известной профессуры в составе Левитана, Тумаркина, Демидовича и Юшкевича с талантливой

продуктивно работающей математической молодежи делало кафедру одной из лучших в Москве.

Естественно, что между новыми сотрудниками сразу устанавливались дружеские отношения: много лет мехмат был общим домом.

Я вспоминаю годы работы в академии как самое безоблачное время моего лета. Через десять месяцев меня сделали и.о. доцента, по-видимому, потому, что я считался фаворитом начальника академии, и спустя полтора года я получил звание доцента. Мой первый прочитанный курс по аналитической геометрии был очень хорошо записан моими слушателями, что позволило милой и симпатичной Наташе Копченовой, тоже выпускнице мехмата, пришедшей на кафедру раньше меня, распространить его на кафедре. По-видимому, я говорил на лекциях четко и ясно, но заведомо еще не умел быстро адаптироваться к уровню понимания аудитории. Искусство адаптации к уровню подготовленности аудитории постигается с большим трудом, и зачастую даже большой опыт не гарантирует успех при кардинальном изменении аудитории. В этом я убедился через тридцать лет.

Когда в жизни человека наступает счастливая пора, то многое происходит случайно без специальной подготовки и предварительного планирования, а последствия случайного успеха могут оказаться судьбоносными. Такое на первый взгляд мало значащее событие произошло в первый же год моей работы в академии. Однажды на кафедру пришел незнакомый полковник и попросил меня помочь ему доказать некий факт из линейной алгебры, необходимый для завершения его работы над докторской диссертацией. Через день я сообщил ему доказательство, доступное студентам второго курса мехмата, и тут же выбросил задачу из головы. Однако мое имя стало известным в научно-исследовательских лабораториях академии, и хотя я больше никому не помогал, многие кандидаты в доктора с полковничьими погонами стали приносить мне свои препринты для обсуждения. Через восемь лет приобретенная ненароком известность оказалась решающим фактором в изменении траектории моей жизни.

В 1966 году в Москве состоялся Международный математический конгресс, на котором Курош представил меня создателям теории категорий С. Маклейну и С. Эйленбергу. Они во время конгресса организовали семинар по теории категорий, на одном из заседаний семинара я сделал свой первый доклад на английском языке, рассказав о решении задачи Пуппе. К тому времени в издательстве "Мир" была выпущена книга Маклейна

"Гомология", переведенная мною на русский язык, и Маклейн тепло поблагодарил меня за популяризацию его книги.

В следующем году я впервые выехал за пределы Советского Союза. Стремясь прорвать научную изоляцию ГДР, немецкие алгебраисты получили согласие властей на проведение международной конференции по теории категорий. Я был приглашен и передал приглашение начальнику академии, поддержанное письмами Куроша и Александрова. Начальник академии обратился за разрешением к начальнику Генерального штаба маршалу Захарову и получил разрешение на мою командировку. Дальнейшие события развивались как в небольшом приключенческом рассказе. Сначала сотрудница отдела кадров академии положила приказ начальника Генштаба в архив и забыла о нем. Но в начале марта в академию пришло гневное письмо из Генштаба с запросом моих документов. В академии начался переполох, поскольку долго не могли найти упомянутый приказ. Найдя приказ, первым делом объявили выговор сотруднице отдела кадров. Затем срочно отправили мои документы в Генштаб.

Конференция должна была происходить в Дрездене в конце апреля, и в середине апреля меня вызвали в Министерство обороны для получения выездных документов. При вручении документов мне сказали, что в Берлине меня встретит полковник Максимов. Казалось, что все организационные вопросы решены. Но накануне выезда мне позвонили из министерства и сказали, что моя поездка отменяется, поскольку западные ученые бойкотируют конференцию. Я не был ни удивлен, ни огорчен: бойкот ГДР был хорошо известен. Однако на следующий день мне снова позвонили из министерства обороны и сказали, что я еду в Дрезден, так как организаторы конференции готовы и хотят принять меня одного.

На следующий день начался короткий сольный визит в Германию. Каждый день меня подстерегали неожиданности и сюрпризы. На Белорусском вокзале выяснилось, что я еду в специальном поезде Министерства обороны, не указанном в расписании, и что я еду один в спальном вагоне, так как в силу занимаемой должности доцента я рассматриваюсь как полковник. По-видимому, и для проводников такой молодой пассажир в ранге полковника был в диковинку, но с расспросами они не приставали, а регулярно предлагали чай. Военный поезд приходил в Берлин в три часа ночи, на вокзале было холодно, полковник Максимов действительно встречал меня, вероятно, чертыхаясь про себя. Он усадил меня в машину, перевез на другой вокзал, с которого уходили поезда на Дрезден, вручил мне билет на поезд и три сотни

марок сотенными купюрами, сказал, что поезд на Дрезден уходит в 6:25 утра и уехал, оставив меня мерзнуть на открытом перроне два с половиной часа. При этом он забыл сказать, что билет у меня в вагон первого класса и что в Дрездене два вокзала. Когда поезд был подан, я заметил на вагонах цифры 1 и 2, но смысла их не понял и, разумеется, сел в вагон второго класса, заняв место у окна по ходу поезда. Напротив села молодая симпатичная девушка, с которой мы через некоторое время разговорились, так как тогда мои школьные знания еще не выветрились. Первую неловкость я почувствовал, когда контролер, проверявший билеты, с нескрываемым удивлением посмотрел на странного пассажира, едущего во втором классе с билетом в первый.

Поезд сначала останавливался в Дрездене в Новом городе. Почти все пассажиры вышли на этой остановке, и я последовал за ними, допустив первую большую ошибку. На перроне встречающих не оказалось, и мне пришлось разменять сотенную купюру, получить монету в пятьдесят пфеннигов, чтобы поместить свой чемодан в автоматическую камеру хранения, и отправиться на поиски Технического университета. И тут мой немецкий подвел меня. Полицейский объяснил мне, что нужно дойти до площади Единства и там сесть на трамвай. Первую часть объяснения я понял, а вторую нет. Поэтому, пройдя площадь Единства, я довольно долго продолжал двигаться в указанном направлении, пока растущее количество расчищенных пустырей не заставило меня начать расспрашивать прохожих о месте расположения нужного мне университета. В конце концов, вернувшись на уже знакомую площадь, сев в трамвай и доехав до университета, я не стал разыскивать кафедру алгебры самостоятельно, а зашел в первое же здание и попросил позвонить на кафедру. Через несколько минут я попал под наблюдение прибежавшей за мной Барбары Хайнеке, и первая часть моих приключений закончилась. Правда, еще потребовалось некоторое время на то, чтобы советские органы не стали меня разыскивать. Оказалось, что Барбара встречала меня на вокзале в Старом городе. Когда заведующая кафедрой Мария Хассе, племянница известного немецкого математика Хельмута Хассе, панически боявшаяся советских организаций, узнала, что меня не встретили, то она немедленно позвонила в штаб советских войск в Германии и сообщила о моем исчезновении. Надо было слышать, как она кричала по телефону "Он здесь, он здесь", снова звоня в штаб после моего появления.

С Барбарой мы познакомились в МГУ во время ее стажировки у Куроша. Она несколько раз побывала на семинаре

по теории категорий, и с тех пор постоянно на протяжении двадцати пяти лет организовывала приглашения для меня и Маши. Наши дружеские отношения сохранились до сих пор.

Меня поселили в частной гостинице, что было непривычно для советского человека. На следующее утро, спустившись в гостиную, я спросил у хозяйки, где продаются билеты на общественный транспорт. Она тут же предложила продать мне десять билетов. Получив билеты, я без проблем приехал в университет, сделал там доклад, который Барбара переводила на немецкий, и отправился на первую прогулку по Дрездену, осмотрев прежде всего еще не полностью восстановленный Цвингер. Вечером меня отвели в гости в частный дом, расположенный на высоком берегу Дуная. Поздним апрельским вечером я смотрел на долину Дуная с балкона, с которого, как утверждали хозяева, смотрел на свои владения последний король Саксонии. Реальность казалась причудливым сном.

Вернувшись в гостиницу поздней ночью, я был вынужден разбудить недовольную хозяйку, поскольку все двери оказались запертыми, а ключ от входной двери мне почему-то не дали. Утром я снова попросил хозяйку продать десять билетов на транспорт, что вызвало ее недоуменный вопрос: "Куда делись проданные вчера билеты?". Я попытался ей объяснить, что платил не только за себя, но и за моих спутников, но она не поняла моего объяснения. Вскоре я понял причину ее недоумения: в Германии не было принято платить за кого-то за проезд, и мои спутники возвращали друг другу двадцать пфеннигов за билет. Меня свозили на экскурсию в знаменитый Майсен, где посреди дня мне разрешили залезть на колокольню и позвонить в колокол, а в заключение в честь иностранного гостя состоялся ужин в подвале дрезденской ратуши.

Четыре дня пролетели незаметно, и пришла пора возвращаться, не разобравшись в калейдоскопе впечатлений. На вокзале в Берлине меня встретил подполковник Калинин и отвез в штаб советских войск в Германии, где два полковника вполне дружелюбно и с явным любопытством выслушали мой отчет о пребывании в Дрездене. Они никак не могли понять, с какой целью этот молодой человек был отправлен в Дрезден по приказу начальника Генштаба. Затем подполковник Калинин отвез меня обратно в Берлин, довез до универмага на Александер-платц, вручил еще сто марок в качестве остатка командировочных и уехал: "До закрытия универмага осталось еще сорок минут, так что Вы успеете потратить деньги до закрытия". Попрощавшись, он

уехал, оставив меня с чемоданом в центре Берлина. И только тут я вспомнил о поручениях моей жены. Находясь в цейтноте, благодаря ограниченности ресурсов, я успел в основном справиться с поручениями, и в час дня оказался на улице незнакомого города с чемоданом в руках и без путевода. В ГДР в субботу магазины и учреждения закрывались очень рано. Мне пришлось отправиться на вокзал и ждать своего специального поезда, снова уходящего поздно вечером. Я уезжал на день раньше, так как в воскресенье первого мая военные поезда не отправлялись. Поэтому я отправил телеграмму домой, сообщая, что приеду первого мая, однако в телеграмме вместо первого было написано второго мая. В Москве на вокзале меня тоже никто не встретил, а дома встретили мое появление с большим удивлением – семейство не успело подготовиться к встрече "иностранный туриста".

На следующий год я получил действительно престижное приглашение принять участие в конференции по теории категорий в Риме. На эту конференцию были приглашены только семнадцать человек, большинство из которых имело международную известность: Маклейн, Эйленберг, Анри Картан и другие. Снова Одинцов отправил в Генштаб просьбу о моем командировании, но на этот раз получил отказ в связи с резким сокращением контактов с западными странами после дела Пеньковского. Тем не менее все тот же Валентин Николаевич Бугаев, всеведущий начальник учебного отдела, пользуясь личными связями, получил разрешение военной цензуры на отправку моей статьи на конференцию. Разумеется, статья была написана на русском языке, и у издателей возникли проблемы с ее набором кириллицей. Они предложили мне либо прислать английский перевод, либо согласиться на их итальянский перевод. Я выбрал второй вариант, так как английский текст надо было снова отправлять военному цензору. В результате после окончания работы конференции вышел том трудов ее участников с моей статьей на итальянском языке, в которой автор не понимает ни слова.

За девять лет работы в академии я лишь несколько раз встречался с Бугаевым, который, как утверждали старожилы академии, был племянником Андрея Белого. Он всегда держался спокойно, сдержанно, доброжелательно, но мне всегда казалось, что на его крупном лице написано брезгливо-презрительное отношение к жизни, свойственное человеку, хорошо знающему оборотную сторону действительности.

Летом того же 1968 года Маша побывала в ГДР по приглашению Барбары и погуляла по Берлину, Дрездену и

небольшим немецким городам, посмотрела музеи и вернулась переполненная впечатлениями в день вторжения советских войск в Чехословакию. Летом Любовь Моисеевна жила опять в Друскениках со своими внуками Лилей и Виталиком, сыном Наташи, а Наташа и я по очереди помогали ей. Маша из ГДР приехала прямо в Друскеники, сразу сняв с нас нервное напряжение тех дней.

1968 год оказался переломным в истории бывшего Советского Союза. Пражская весна настолько напугала верхушку КПСС, что она перешла к очередному идеологическому зажиму, к преследованию диссидентов, к беспрецедентной поддержке самых кошмарных режимов в Африке, Латинской Америке и Азии, и к такой экономической политике, которая сделала неизбежным крах последней великой империи. На этом общенсторическом фоне трагические события в советской математике остались почти незамеченными. Начало этим событиям положила незаконная принудительная отправка А.С. Есенина-Вольпина в психиатрическую больницу. В его защиту выступили многие выдающиеся математики, поддержанные математической молодежью. В результате в официальные инстанции было отправлено т.н. письмо 99-ти, в котором содержалось требование об освобождении Есенина-Вольпина. Реакция последовала незамедлительно: большинство подписавших было уволено с работы, лаборатория А.С. Кронрода, в которой работали многие будущие знаменитости, перестала существовать, академиков и членов-корреспондентов заставили покаяться. Нервное напряжение привело к серии инфарктов. В частности, на мехмате инфаркты перенесли профессор Н.В. Ефимов, бывший в то время деканом факультета, знаменитый специалист по теории чисел член – корреспондент АН СССР А.О. Гельфонд и А.Г. Курош. Курош после перенесенного инфаркта так и не смог полностью восстановить свое здоровье. Вопреки рекомендациям врачей он через год прочел свой последний спецкурс по общей алгебре, вышедший отдельной книжкой, и в мае 1971 года в возрасте 63 лет скончался. Постепенно руководство советской математикой перешло в руки "серого" большинства, начавшего проводить агрессивную антисемитскую политику, санкционированную КПСС.

Но все это еще предстояло пережить, а пока в нашей личной жизни все складывалось удачно. Мне даже удалось разрешить сложную семейную проблему, возникшую после развода Машиных родителей. После того, как Наташа с мужем и сыном переехали в кооперативную квартиру, Машиному отцу

была выделена отдельная маленькая комната, но обстановка в квартире стала нервной и напряженной, а денег на покупку для него отдельной кооперативной квартиры не было. Но в моей жизни был период удач. Однажды на мою лекцию пришел сам Одинцов, чтобы самому посмотреть на своего протеже. Я уже проработал в академии года три, и, по-видимому, ему что-то про меня рассказали. После лекции он неожиданно заинтересовался моими жилищными условиями, и мне не пришло в голову делиться с ним нашими семейными проблемами. Наоборот, я похвалился нашей новой трехкомнатной квартирой. Дома после моего рассказа о беседе с Одинцовым моя умная жена быстро объяснила мне уровень моей несообразительности и тупости. Разумеется, к Одинцову я идти не решился, но поделился своей проблемой со всезнающими офицерами учебного отдела, и этого оказалось достаточно: через несколько месяцев Машин отец получил отдельную комнату из фонда академии, и в нашей квартире воцарились мир и спокойствие. Наши друзья часто шутили, говоря, что я выбирал не жену, а тещу. Действительно, Любовь Моисеевна была нашей домохозяйкой, и вся ее жизнь была посвящена сначала детям, а потом внукам. Она никогда не повышала голоса, никогда не говорила об успехах своих детей и внуков, но мы с Машей на протяжении двадцати двух лет всегда знали, что наши дети находятся под неусыпным бабушкиным наблюдением, всегда накормлены, напоены и спать вовремя уложены, а нам надо заботиться об их здоровье, образовании и удовольствиях.

Как ни печально, но постепенно наши школьные и институтские дружеские связи, за редким исключением, постепенно растаяли, но вокруг нас образовался круг друзей и близких знакомых, сохранившийся до сих пор, хотя мы теперь живем в разных странах. Спустя много лет я с удовольствием констатирую, что мы были окружены выдающимися людьми.

Когда я появился в академии, на кафедре математики уже работал доцентом Александр Адольфович Юшкевич, сын заведующего кафедрой истории математики профессора А.П. Юшкевича и внук известного меньшевика Павла Юшкевича. Имя последнего должны были знать все студенты вузов Советского Союза, изучавшие диалектический материализм и, в частности, книгу В.И. Ленина "Материализм и эмпириокритицизм". Вскоре выяснилось, что Алик, так друзья называли младшего Юшкевича, дружен с Колей и Людой, и мы тоже попали в круг его друзей. На днях рождения Алика мы встречались с ярким математиком Феликсом Александровичем Березиным и с его женой Лялей,

известным московским врачом. К сожалению, Березин трагически погиб на Дальнем Востоке во время похода на байдарках, а Ляля через несколько лет после его смерти уехала вместе с дочерью во Францию.

На днях рождения, разумеется, присутствовали жены Алика Мария, а затем Наташа. Мария была гражданкой Болгарии, что в 1973 году послужило формальным поводом для увольнения Алика из академии. К тому времени он уже был доктором наук и профессором, защитив закрытую диссертацию о прогнозировании исхода боевых действий с применением ядерного оружия.

Алик жил в большом кооперативном доме на углу Академической улицы и улицы Дмитрия Ульянова. В этом доме жило много знаменитостей, и на каждом подъезде можно вешать мемориальную доску. Там жила и Марина Ратнер, моя сокурсница и дочь известного биолога. Хотя мы учились с Мариной на одном курсе, во время учебы у нас были разные круги общения. Все изменилось опять-таки во время математического съезда в Ленинграде в 1961 году. Уже упомянутый выше Марк Фрейдлин познакомил с Машей не только меня, но и Марину, и Марина стала нашим близким другом с этого момента. После окончания университета она сначала работала в научной лаборатории под руководством Колмогорова, а затем поступила в аспирантуру к Якову Григорьевичу Синаю, ныне профессору Принстонского университета, члену многих, в том числе и Российской, академий наук, и лауреату международных математических премий. В 1962 году Марина родила дочку Анечку, быстро рассталась со своим мужем и уехала от родителей в кооперативную квартиру в Зюзино. В том же году у нас родилась наша первая дочь, и мы стали ездить друг к другу в гости. В 1971 году Марина уехала в Израиль, где у нее было много родственников. Через три года ее пригласили в США в университет Беркли, где она проработала профессором почти сорок лет и была избрана членом Национальной академии наук США, став второй женщиной - математиком, удостоенной подобной чести. Сейчас Марина живет недалеко от Беркли в Эль-Серрито, и в ее большом доме нам отведена большая спальня.

Самыми близкими друзьями в течение десяти лет до отъезда в Израиль были Слава и Юля Гаухманы, которых мы в шутку называли родственниками. Слава окончил среднюю школу в Москве с золотой медалью в 1954 году и был одним из победителей Московской математической олимпиады, однако в МГУ его не приняли, завалив на собеседовании. Ему пришлось поступить в педагогический институт, где он стал заниматься дифференциальной геометрией под руководством профессора С.П.

Финикова. В 1959 году ограничения на прием евреев были существенно ослаблены, и Слава поступил в аспирантуру в МГУ к Финикову. Через три года он стал фактическим научным руководителем Маши, так как Финикову было много лет, он сильно ослабел, и работа давалась ему с трудом. В 1967 году Маша успешно защитила диссертацию, получив первоклассные результаты.

После окончания аспирантуры Слава стал работать на кафедре математики Московского инженерно-строительного института, без задержек стал доцентом и быстро приобрел популярность в институте. На ту же кафедру по Славиной рекомендации приняли на работу Марину после защиты кандидатской диссертации.

Третьего января 1972 года рано утром кто-то позвонил в нашу квартиру. Открыв дверь, я увидел Славу. "Я уже не тутошний", - сказал он. Это означало, что они получили разрешение на выезд в Израиль, и выехать надо было в течение десяти дней. Слава в течение всей осени был отстранен от работы, но не уволен, и поэтому ему надо было оформить обходной листок, чтобы не оказаться должником института, а заодно получить часть денег за неиспользованный отпуск. Времени на сборы было мало, и Слава попросил меня оформить обходной листок. Библиотекарша, подписывая листок, расплакалась и стала жалеть Славу, полагая, что такой хороший человек пропадет в чужой стране. Я не смог ее успокоить заверениями в том, что все будет в порядке. Складывать вещи в чемоданы также поручили мне, и я методично разложил вещи по трем чемоданам, по одному для каждого члена семьи. В итоге такой педантичности Слава приехал в Израиль без вещей, поскольку его чемодан пропал по дороге. Про эту неприятность Гаухманы вскоре забыли, так как Слава стал работать в университете Беэр-Шевы и быстро стал профессором.

В начале девяностых Алик тоже уехал из России в США, где стал работать в одном из университетов Северной Каролины, и последний раз я виделся с ним в январе 1991 года в Сан-Франциско, где проходил съезд Американского математического общества. Там же через двадцать лет я встретил Марину и Славу, а также и Марка Фрейдлина, уехавшего в 1987 году.

С самого начала своей работы Маша подружилась с Федей Варпаховским, и с тех пор Федя остается самым близким нам человеком. Он родился в артистической семье, его мать была пианисткой, ученицей Г.Г. Нейгауза, а отец Леонид Викторович Варпаховский был знаменитым режиссером, в молодости учившимся у Мейерхольда. Фебина мама была расстреляна в 1938

году как иностранная шпионка, а его папа был арестован годом раньше и провел в лагерях и на поселении на Магадане семнадцать лет. Муж родной сестры Леонида Викторовича Ирины также погиб. В 1947 году Л.В. Варпаховского выпустили на поселение, и Ирина Викторовна, забрав своего сына и Федю, уехала к брату на Магадан. Там Федя окончил среднюю школу и получил аттестат зрелости со штампом ГУЛАГ. За одной партией с Фёдей сидел будущий известный физик Г.А. Заславский.

После реабилитации Леонида Викторовича семья вернулась в Москву, где Федя получил высшее образование и после окончания аспирантуры у академика П.С. Новикова стал работать в МГЗПИ. Преподавание было и остается его самым любимым занятием, и он хочет продолжать работать даже после недавно перенесенной тяжелой операции.

Федя познакомил нас со всем семейством Варпаховских, и мы получили возможность иногда встречаться в непринужденной домашней обстановке со многими известными артистами. Однажды в Машинном институте была организована экскурсия в Черногоровку для осмотра синхрофазотрона. В это время Леонид Викторович ставил в театре им. Вахтангова спектакль о советских ученых. Он решил, что его артистам полезно посмотреть изнутри на крупное научное учреждение и повез вместе с нами Этуша, Яковлева и других знаменитых артистов. Естественно, что местные жители стремились увидеть приехавших в их город знаменитостей, и Варпаховский шутил по этому поводу, говоря, что неизвестно, кто кого пригласил на экскурсию.

Федя женился только в 1976 году в возрасте сорока одного года, и его жена Люся сразу стала постоянным членом нашей компании.

В семидесятые годы в круг наших друзей вошли Володя и Лиля Кресины, Юра Тюрин и его жена Таня Фаликс. Володя рано стал доктором наук и работал профессором физики в Машинном институте, его жена Лиля была биологом и одновременно окончила два курса в консерватории по классу фортепиано. Они уехали в США в 1979 году. Юра всю жизнь проработал на кафедре теории вероятностей МГУ, став профессором. Таня тоже окончила мехмат и десятки лет проработала на кафедре математики экономического факультета МГУ. С Таней мы познакомились еще в 1957 году, в год ее поступления в университет. О дальнейшем постепенном расширении круга наших друзей будет рассказано позже, но все перечисленные посетители нашего дома сегодня живут в Америке. Только Люда составляет исключение. Она вернулась в Россию в 1991 году вместе с тяжело и неизлечимо

больным Колей. Коля умер в 2006 году от болезни Альцгеймера, не дожив до своего восьмидесятилетия один месяц. Люда живет одна, а вся ее многочисленная семья живет в Америке.

Недавно Люда переслала мне написанное Колей стихотворение, ставшее песней сегодняшних эстрадных исполнителей. Лет через тридцать после написания оно показалось им вполне современным, в нем изменили только первое слово: вместо коммунисты поют путинисты. Певцам имя автора стихотворения было неизвестно, и Люда обнаружила его имя. Вот это стихотворение:

Коммунисты поймали парнишку,
Притащили в свое КГБ,
- Ты скажи нам, кто дал тебе книжку,
Руководство в подпольной борьбе?

Ты зачем совершал преступления,
Клеветал на наш ленинский строй?
...ать хотел я на вашего Ленина, -
Отвечает им юный герой.

Пусть мне очередь в лагерь настала,
Лагереи и тюрьмы не боюсь,
Скоро стаи акул капитала
Растерзают Советский Союз.

И свободного общества образ
Нашим людям откроет глаза,
И да здравствует частная собственность, -
Им, зардевшись, в лицо он сказал.

Машинистка – подпольщица Клава
Горько плачет во мраке ночей,
Вспоминая, как парень кудрявый
Пролетарских клеймил палачей.

...Песня – искра родилась в народе –
Пой, гори, до конца не сгорай,
...Парня этого звали Володя,
Он сегодня уехал в Израиль.

Стихотворение сопровождается следующими авторскими комментариями:

1. См. Об этом «Хронику текущих событий», вып, 1-53 и далее.

2. По-видимому, имеется в виду В.И. Ленин (1870-1924).

3. При хоровом пении при исполнении третьего куплета допускается рокот голосов, произносящих разные лозунги: Земля – помещикам! Да здравствует 12-ти часовой рабочий день! И т.п.

4. Образ героя собирательный, возможно, что лучшая аппроксимация достигается носителем другого имени.

В 1969 году родилась наша вторая дочь Аня, лето Маша, Анечка и я провели в Москве. В академии мне предоставили творческий отпуск на год для завершения работы над докторской диссертацией. Осенью я сделал пленарный доклад о своих результатах на Всесоюзном алгебраическом коллоквиуме в Новосибирске, посвященном памяти академика А.И. Мальцева. Во время коллоквиума тогдашний заместитель директора Математического института Сибирского отделения Академии наук СССР А.И. Ширшов поддержал мое намерение защитить докторскую диссертацию, а спустя несколько месяцев положительный отзыв о моих результатах появился в журнале "Успехи математических наук", где был опубликован отчет о новосибирском коллоквиуме, написанный Ю.И. Мерзляковым, который впоследствии стал автором единственного отрицательного отзыва о моей диссертации. Летом 1970 года диссертация была готова, мы выехали на дачу в Кратово, а в августе снова поехали в ГДР, на этот раз вдвоем, оставив детей на попечение двух бабушек. Первую неделю мы провели в Берлине у Барбары, а затем мы должны были переехать в Потсдам, где действительно удалось организовать международную конференцию и куда я был приглашен. Но накануне нашего переезда в Потсдам выяснилось, что обе бабушки заболели и что Маше надо вернуться. И вот тут-то мы впервые столкнулись с бюрократией советских посольств за рубежом. Нам не хотели выдать отдельные разрешения на въезд в СССР, поскольку мы выезжали вместе. Мы потратили два дня на написание объяснительных записок, на разговоры, на предъявление документов, но сумели получить нужные бумаги, и Маша уехала, а я отправился в Потсдам. В перерывах между заседаниями мы гуляли по королевскому парку, осмотрели Сан-Суси, место проведения Потсдамской конференции, побродили по улицам Потсдама. На конференции я снова встретился с Эйленбергом, который оказался полиглотом, говорившим на двенадцати языках, и общительным остроумным собеседником. Он вспомнил нашу встречу в Москве и стал расспрашивать о событиях в советской математике, проявляя поразительную осведомленность. Широта его математических интересов поражала: он писал книги по алгебраической топологии, по гомологической алгебре, по теории

автоматов, продолжал работать в области теории категорий, одним из создателей которой являлся.

Осенью я снова начал преподавать, подал диссертацию в Ученый совет мехмата и стал ожидать дня защиты. В том же году в издательстве МГУ была издана книга "Лекции по теории категорий", написанная мной и Шульгейфером на основе прочитанного мною спецкурса.

Через несколько дней после возобновления педагогической работы я улетел на две недели в Баку по приглашению Мираббаса Гасымова, который вернулся в Азербайджан. Мираббас был женат на Руфи Халиловой, дочери директора института математики республиканской Академии наук и бывшего президента этой Академии. Руфа тоже имела математическое образование, была кандидатом наук и стала работать в Москве в том же институте, где преподавала Маша. Две женщины очень быстро подружились, Мираббас и Руфа были очень гостеприимны и доброжелательны, и мы стали часто встречаться.

Сестра Руфы Фарида была пианисткой, ее мужем в те годы был знаменитый солист Большого театра Владимир Атлантов, а Фарида была его аккомпаниатором. Пару раз мы встречались за общим столом в небольшой компании, где весело обсуждались общие житейские темы, а Атлантов жаловался на нищенскую зарплату артистов Большого театра.

Когда после смерти жены отец Руфы остался один, он начал уговаривать Мираббаса вернуться в Баку, обещая ему высокое положение и в Бакинском университете, и в институте математики. Мираббас вернулся и был немедленно избран деканом математического факультета. Он хотел резко повысить уровень подготовки студентов и поэтому стал приглашать для чтения небольших вводных курсов лекций московских математиков, прежде всего, из МГУ. В числе первых приглашенных были недавно умерший профессор МГУ А.Г. Костюченко и я.

В сентябре в Баку стояла теплая солнечная погода, я впервые попал в Закавказье и буквально впитывал непривычные пейзажи далекой незнакомой страны, возникшей неожиданно на географической карте по указанию вождя народов. Об этом рассказал мне отец Руфы директор института математики Халилов, когда мы сидели вдвоем на скамейке приморского бульвара. В 1938 году Сталин вызвал тогдашнего первого секретаря ЦК компартии Азербайджана Багирова в Москву и сказал ему: "Какие вы турки, вы азербайджанцы, и вы должны знать свою историю".

Вернувшись в Баку, Багиров создал институт истории Азербайджана. Через три года появилась трехтомная история республики. Население Азербайджана по существу говорит на турецком языке, и Мирабас на кандидатском экзамене сдавал свой родной язык как иностранный. Стоит отметить, что в соседнем Иране живет больше азербайджанцев, чем в современном Азербайджане.

Казалось, что все идет по плану, но в математике началась подниматься волна антисемитизма, силу которой еще трудно было оценить. Регулярные заседания Ученого совета мехмата начались с большим опозданием, так как новый состав совета долго не утверждался Высшей аттестационной комиссией (ВАК). После первой же защиты сразу стал ясен характер произведенных изменений состава: совет отклонил докторскую диссертацию доцента кафедры дифференциальных уравнений Б.Р. Вайнберга. За утверждение диссертации проголосовали 25 членов совета из 39 членов, принявших участие в голосовании, а по правилам надо было получить две трети голосов, т.е. 26. Следующая защита С. Альбера была провалена таким же образом, хотя результаты диссертанта уже получили международную известность, а знаменитый Анри Картан сказал, что был бы горд, если бы ему принадлежали теоремы Альбера. На следующих двух защитах доценты мехмата Е.А. Горин и Э.Б. Винберг получили по 22 голоса "за" из общего числа 34 проголосовавших. Им не хватило только две трети голоса для необходимого большинства, и по действовавшим в то время правилам диссертации считались утвержденными.

Наконец второго апреля 1971 года состоялась моя защита, окончившаяся поразительным результатом: 32 "за", 2 "против" при одном недействительном бюллетене. Мой результат оказался возможным только благодаря усилиям А.Г. Куроша, Л.А. Тумаркина и других сотрудников факультета, обеспокоенных складывающейся ситуацией на мехмате. Конечно, у меня были выдающиеся оппоненты: вновь согласившийся оппонировать мне Михаил Михайлович Постников, автор многочисленных монографий по самым разным разделам математики, один из наиболее известных и энциклопедически образованных алгебраистов профессор Борис Исаакович Плоткин и знаменитый Александр Геннадиевич Курош, который в середине пятидесятых годов начал пропагандировать новую область алгебры – теорию категорий. Именно этой теории и ее приложениям к решению задач современной алгебры была посвящена моя диссертация. В день защиты тяжело больной А.Г. Курош находился в больнице и

его заменил профессор кафедры высшей алгебры Лев Анатольевич Скорняков.

Защита была омрачена мало кем замеченным, но многозначительным инцидентом. Постников принес на заседание три экземпляра своего отзыва без вписанных формул и попросил меня вставить формулы. Я разложил экземпляры перед собой и начал вставлять формулы во время выступлений оппонентов, поскольку после заседания их надо было отдать секретарю Ученого совета. Я не успел закончить работу до объявления результатов голосования. Мне пришлось, как принято, произнести речь благодарности и принять многочисленные поздравления. Вернувшись на свое место, я не нашел ни рукописного экземпляра, ни машинописных копий; они были попросту украдены. Мне пришлось просить Постникова написать отзыв еще раз. "Как жаль", - сказал Михаил Михайлович. "Мне будет трудно снова написать такой хороший отзыв".

Я был молод и легкомыслен, полагая, что Высшая аттестационная комиссия не сможет отклонить диссертацию, успешно защищенную в Ученом совете МГУ. Следующие шесть с половиной лет Эрнест Борисович Винберг, выдающийся математик и педагог, профессор МГУ, главный редактор международного журнала "Группы преобразований", и я, каждый по своему, вели ожесточенную борьбу с антисемитской группой И.М. Виноградова-Л.С. Понтрягина, выполнявшей государственные указания по очищению советской науки от морально неустойчивых и политически незрелых элементов. В конце концов мы проиграли из-за трагической гибели тогдашнего ректора МГУ Р.В. Хохлова, но не оказались сломленными. Наше сопротивление было бы невозможным без человеческой солидарности в противостоянии государственной системе насилия и лжи, которая называлась советская власть.

Сразу же после моей защиты последовали два семейных торжества. Сначала состоялась свадьба моей двоюродной сестры Лены, вскоре свадьба моего родственника Фимы Магазанина. Фима был сыном папиной любимой двоюродной сестры Евы, жившей в Виннице, и мы с Машей тоже ее полюбили. В 1968 году мне удалось перетащить красивого и обаятельного Фиму из Киевского заочного политехнического института в Московский нефтяной институт, где он и встретил свою невесту Таню.

Месяц ликований быстро кончился, и наступил тяжелый затянувшийся на долгие годы период болезней, смертей и борьбы, заставивший нас быстро повзрослеть и окупнуться в суровую реальность жизни. В начале мая у папы произошел первый

инфаркт, и он на несколько недель попал в больницу. Инфаркт явился следствием диабета, развившегося после операции на поджелудочной железе. В середине мая в возрасте 63 лет скончался Курош. Он умер в те дни, когда в Кишиневе проходил очередной алгебраический коллоквиум, и московские алгебраисты прервали свое участие в коллоквиуме и улетели в Москву, чтобы присутствовать на похоронах. На прощание с Курошем пришло очень много народа, он был не только всемирно известным алгебраистом, но и активным общественным деятелем университета, гуманизм и принципиальность которого были широко известны. В течение последующих многих лет его ученики и друзья собирались на его квартире в МГУ, где всех радушно встречала Зоя Михайловна Кишкина. Смерть Куроша оказалась невосполнимой потерей для советской алгебры, она значительно облегчила "завалы" кандидатских и докторских диссертаций, представленных алгебраистами - евреями.

В июне у маминого брата Гриши диагностировали рак пищевода, а в конце лета у мамы обнаружили рак груди и в сентябре ей удалили грудь. Столь радикальное решение оказалось правильным и избавило ее впоследствии от рецидивов. Ее оперировала С.Ф. Рудова, племянница премьер-министра Израиля Леви-Эшколя. Последовавшую после операции химиотерапию она переносила очень тяжело, и в попытках ей помочь я встретился с известным математиком профессором Александром Семеновичем Кронродом. Когда я впервые познакомился с ним в его квартире на Крымском Валу, то был буквально ошеломлен его неукротимым темпераментом и безграничной верой в правоту своих идей. Кронрод верил, что болгарский препарат анабол, изготавливавшийся из специальных молочных грибков, является универсальным лекарством от рака.

Военные летчики доставляли Кронроду анабол из Болгарии, и он раздавал его раковым больным, смотревшим на него как на спасителя. Благодаря своим регенерирующим свойствам анабол на некоторое время улучшал состояние больных, но, разумеется, не вылечивал их. Александр Семенович снабдил меня большим пакетом анабола, и маме действительно стало лучше, так как у нее злокачественные клетки были полностью удалены.

Врачи не верили ни пламенным речам Кронрода, ни его статистике, а он сам ощущал недостаток своих медицинских знаний и поэтому искал врача, способного системно посмотреть на больного и определить специфические особенности его заболевания. Я посоветовал ему встретиться с Мишей Черняком,

молодым врачом, впоследствии создавшим первую в Москве радиоизотопную лабораторию при больнице №67 и получившим широкую известность. Много лет Миша лечил наших родителей и консультировал Машу, меня и многих наших друзей.

Миша был братом Машиной подруги Лины. Они родились в один и тот же день 1938 года, познакомились и подружились на всю жизнь в восьмилетнем возрасте в пионерском лагере. Лина окончила институт иностранных языков и музыкальный институт имени Гнесиных по классу известного пианиста Льва Власенко, преподавала в музыкальной школе и в музыкальном училище, одно время была аккомпаниатором в институте военных дирижеров, приютившем в пятидесятые годы изгнанных из консерватории профессоров – евреев. Сейчас Лина живет в Израиле вместе со своей семьей. Мир сильно изменился, и две старинные подруги имеют возможность обмениваться букетами цветов в общий день рождения 27 апреля, находясь на огромном расстоянии друг от друга.

Старший брат Миши и Лины Ян Черняк всю жизнь проработал в московской математической школе № 444, много лет был ее завучем и стал заслуженным учителем России. Школьники его обожали. Будучи в преклонном возрасте, перенес инфаркт после смерти жены и почти потеряв зрение, он продолжал работать. Школьники буквально вносили его в кабинет математики, где он проводил весь день и где распростился с жизнью.

Миша не дожил до шестидесяти лет. От диабета он перенес несколько инфарктов и практически ослеп. Он, как и Ян, продолжал работать, находясь в тяжелом состоянии.

В тот же переломный 1971 год начался длинный период расставания с друзьями. Двадцать первого мая уехала Марина со своей дочкой Анечкой. За уезжавшими велась слежка, прослушивались их телефонные разговоры, во время прощальных вечеров на квартиры приходили милиционеры проверять документы провожающих, и поэтому люди часто боялись провожать своих друзей. Нервное напряжение отъезжающих было так велико, что у многих не остались в памяти отчетливые воспоминания о последних днях пребывания в СССР. Недавно я спросил Марину, помнит ли она дату своего отъезда. Выяснилось, что она ее не помнит. Известны случаи, когда от сильного стресса люди забывали родной язык и сразу попадали в больницу.

В январе улетели Слава, Юлия и их дочка Олечка, оставив нам в "наследство" своих друзей Лену Рубинчик и ее мужа Валу Липковича. Эта веселая отзывчивая дружелюбная и

гостеприимная пара до сих пор живет в Москве, хотя Валина мама и брат живут в Израиле, а их многочисленные друзья разбросаны по миру.

Зимой 1972 года умер дядя Гриша, и мне пришлось поехать в Чернигов на похороны вместе с тетей Соней. Мама еще плохо себя чувствовала и не могла оставить папу одного. Несмотря на все предосторожности, у папы произошел еще один инфаркт. Наступил тот период жизни, когда родителям необходима постоянная забота их детей. У нас с Машей этот период продолжался двенадцать лет.

Остальная часть года прошла без трагических семейных потрясений, основные новости концентрировались вокруг возрастающего числа уезжающих в Израиль, подробных писем с исторической родины, которые на первых порах с энтузиазмом писал Слава, и борьбы с диссидентами, о которых регулярно рассказывала Люда. Ходом прохождения через ВАК своей диссертации я еще не интересовался: после защиты прошло мало времени, и многие знакомые математики полагали, что после успешной защиты в МГУ ее трудно будет не утвердить.

Наступил 1973-й год, и первый месяц моего "Лета" закончился. Привычный размеренный уклад жизни кардинально изменился, на много лет я был лишен возможности преподавать, вынужден был расширить сферу своих научных интересов и постоянно противостоять государственному антисемитизму. Середина "Лета" оказалась затяжной, она продолжалась пятнадцать лет, и только в 1988-м году наступила пора новых и увлекательных возможностей, но, к сожалению, далеко не все я успел реализовать.

Весной произошла моя последняя встреча с Феликсом Наумовичем, бывшем тогда редактором в издательстве "Наука". Я пришел в издательство, чтобы проверить корректуры моей заметки в "Докладах АН СССР", представленной к публикации академиком П.С. Новиковым. Редакция математики помещалась в крошечной комнате на втором этаже, и мне предложили устроиться на балюстраде. Там я с трудом отыскал свободное место и спросил сидевшего за столом, можно ли занять место рядом с ним. Человек оторвался от своей работы, поднял голову и сказал: "Миша, прежде всего надо здороваться". За столом сидел Феликс Наумович. Когда я покончил с корректурой и собрался уходить, он пошел меня проводить, по дороге расспрашивал о моих делах. На прощание он вдруг сказал: "Миша, ты ведешь себя неосторожно. Среди твоих друзей многие находятся под наблюдением". Я был удивлен не сказанным, а тем, что страшно

узок круг "этих революционеров": в огромной Москве он знал, с кем я общаюсь. Ларчик опять открылся просто: он был знаком с Людой Алексеевой.

Прохождением своей диссертации через ВАК я начал интересоваться только поздней осенью 1972-го года. Сразу стало ясно, что в ВАКе хотят получить отрицательный отзыв. Диссертацию отправили на дополнительный отзыв, в принципе необязательный, несмотря на пять имевшихся положительных отзывов. Она была послана члену-корреспонденту АН СССР Михаилу Ивановичу Каргаполову, провалившему докторскую диссертацию Алисы Самойловны Пекелис, получившей лучшие в то время результаты в трудном разделе теории групп. Однако мою диссертацию Каргаполов вернул без отзыва, сославшись на некомпетентность в теории категорий. Замечу, что Каргаполов работал в Институте математики Сибирского отделения Академии наук, который тоже "прославился" провалами диссертаций, представленных математиками – евреями, в том числе и сотрудниками института. Один из пострадавших Ефим Зельманов получил впоследствии самую престижную международную Филдсовскую премию по математике. Затем диссертация была направлена снова в Новосибирск другому члену-корреспонденту АН Анатолию Илларионовичу Ширшову, который также вернул диссертацию без отзыва. Ширшов до переезда в Новосибирск работал на кафедре высшей алгебры МГУ, хорошо ко мне относился и в 1963 году приглашал на работу в Новосибирск после окончания аспирантуры. В 1969 году после моего доклада на Всесоюзном алгебраическом симпозиуме, Ширшов пригласил меня к себе в кабинет и сказал, что поддерживает мою защиту и рекомендует в качестве одного из оппонентов Ю.Л. Ершова. Однако в 1973 году Ширшов предпочел не вмешиваться: будучи заместителем директора Института математики, он хорошо знал сложившуюся ситуацию в математике. Затем диссертацию послали директору института математики Молдавской академии наук профессору Владимиру Александровичу Андрунакиевичу, приславшему положительный отзыв. Однако отзыв решили не засчитывать, вдруг вспомнив, что Молдавский институт математики уже давал отзыв в качестве ведущего учреждения. Диссертацию отправили на четвертый отзыв профессору Марку Иосифовичу Граеву, снова получили положительный отзыв и попытались его скрыть. Узнав об этом, я отправил в ВАК мое первое письмо с указанием на нарушение сроков, предусмотренных для прохождения диссертаций через ВАК. Вместо ответа я получил вызов на заседание экспертной комиссии

ВАК (ныне экспертный совет). На заседании комиссии после моего рассказа о содержании диссертации единственный вопрос был задан С.И. Адяном, ставшим впоследствии академиком. Он спросил, действительно ли приложения результатов диссертации доведены до новых теорем в теории конечных групп. После положительного и развернутого ответа меня отпустили, но решили снова отправить диссертацию на отзыв. В тот момент члены комиссии уже знали, что предстоит реорганизация ВАК с последующим погромом в советской науке.

ВАК был преобразован осенью 1975 года. Работа новых экспертных советов началась с массового отклонения уже защищенных еврейскими учеными диссертаций. В частности, на заседания экспертного совета по математике каждые две недели вызывали порядка десяти человек, 90% которых оказывались евреями. Практически все диссертации отклонялись. Через нашу московскую квартиру прошло много молодых алгебраистов из разных городов страны, оставшихся без ученой степени. Трудно описать их потрясение после отклонения диссертации. Они ждали от нас совета, а мы старались их утешить и поддержать, но были бессильны им помочь.

Наконец дошла очередь и до меня. Сначала я получил долгожданный отрицательный отзыв. Он был написан Ю.И. Мерзляковым из Института математики СО АН, некомпетентным в теории категорий, но уже получившим известность как антисемит и как похититель чужих результатов. Тот же самый Мерзляков, который в 1969 году положительно писал о моих результатах в "Успехах математических наук", прислал крайне вульгарный текст с очевидной подтасовкой фактов. Он писал, что, занимаясь теорией категорий, я "торгую видом на малахитовую лужу". Замечу, что в современной математике теория категорий играет роль, сопоставимую с ролью теории множеств. Возмутительный отзыв позволил мне наконец вступить в яростную схватку с ВАК. Эта схватка была бы невозможной без постоянной помощи и поддержки многих выдающихся ученых, друзей и просто хороших знакомых. Очень часто полезная и необходимая информация поступала от мало знакомых или незнакомых людей, и я впервые по-настоящему почувствовал, как много людей осознавало несправедливость существовавшего порядка вещей.

Копии отзыва Мерзлякова были немедленно отправлены академикам А.Н. Колмогорову, П.С. Александрову, С.Л. Соболеву. Ответил только Колмогоров, написавший, в частности, что подобным отзывом ВАК позорит себя. По моей просьбе

профессора А.Л. Шмелькин и А.Х.Лившиц написали в ВАК письма, в которых отрицались утверждения Мерзлякова о плагиате их результатов в моей работе. Отдел науки газеты "Известия" отправил в ВАК запрос о причинах задержки утверждения моей диссертации – ведь в моем деле уже имелось семь (!) положительных отзывов. Запрос был послан благодаря усилиям Эммы Зиновьевны Шуваловой, работавшей вместе со мной в Военной академии и имевшей друзей в редакции "Известий".

Эмма Зиновьевна была жизнерадостным и доброжелательным человеком. Пройдя войну, она поступила на мехмат и попала в 1951 году в ту же сионистскую группу, что и Лившиц, Шульгейфер, Акивис и другие. Ее девичья фамилия была Янкелевич, но, выйдя замуж, она стала Шуваловой, приняв фамилию мужа, работавшего на физическом факультете МГУ. Мои приключения Эмма Зиновьевна воспринимала очень болезненно и много раз сообщала мне нужную информацию.

Экспертному совету потребовалось два с половиной месяца для подготовки заседания, на которое меня вызвали. Обычно диссертанта вызывали в совет через две – три недели после отправки отрицательного отзыва. Более того, от всех членов совета потребовали обязательной явки. После моего выступления мне не задали ни одного вопроса. Я знаю только две детали того, что произошло затем за закрытыми дверями. Председатель экспертного совета академик В.С. Владимиров заявил, что его пугает подобный уровень абстракции и на этом удивительном для математика основании предложил отклонить диссертацию. Неожиданно для председателя профессор Г.А. Любимов потребовал закрытого голосования, результат которого 17 за предложение Владимирова и 8 против оказался неожиданным для председателя совета, ставшего впоследствии преемником известного антисемита И.М. Виноградова на посту директора МИ АН. Заслуги не остались неоплаченными.

Президиум ВАК не утвердил решение экспертного совета, несмотря на то, что газета "Правда" хвалила совет по математике за хорошую работу. Было решено направить мою диссертацию на т.н. коллективный отзыв в другой Ученый совет. Другой означало не в МГУ, а коллективный по существу означало новую защиту, но без оппонентов. В то время все Ученые советы также реорганизовывались для улучшения их политической зрелости.

В перерыве очередного заседания экспертного совета В.С. Владимиров сказал своему заместителю А.А. Гончару: " Я не знаю, как сообщить совету о решении Президиума по делу Цаленко. Мы

должны найти совет, который примет нужное нам решение". Говоря это, он, конечно, не подозревал, что его слова станут мне известны в тот же вечер от одного из членов совета, позвонившего все той же Эмме Зиновьевне.

Большинство членов экспертного совета так никогда не узнало о решении Президиума ВАК. После утверждения нового состава Ученого совета МИ АН Владимиров и компания отправили мою работу себе в МИ АН, записав соответствующее решение в протокол, не известив об этом членов совета.

Узнав об этом, я обратился к известным западным специалистам по теории категорий, в том числе к создателям этой теории С. Маклейну и С. Эйленбергу, с просьбой прислать отзывы о моих работах. В отличие от советских академиков зарубежные коллеги сочли своим долгом направить письма в МИ АН. Повидимому, такой резонанс оказался неожиданным для членов Ученого совета. Колмогоров был удивлен поддержкой Хилтона, Адян пытался принизить значимость отзыва известного алгебраиста Ламбека, Понтрягин публично заявлял, что вокруг диссертации Цаленко начался международный шантаж. О монологе Понтрягине в столовой Академии наук рассказал Шуваловой знаменитый академик Яков Борисович Зельдович.

Готовясь к обсуждению моей диссертации, руководство Ученого совета объявило соответствующее заседание закрытым. Моя письменная просьба о приглашении оппонентов и известных математиков, знакомых с теорией категорий, даже сотрудников МИ АН, была отклонена. Тогда я решил не участвовать в подобном "междусобойчике". Собравшиеся тринадцать человек тайным голосованием приняли нужное Владимирову решение, но кто-то испортил им праздник, проголосовав против. В МИ АН начались поиски "отступника", но я, к сожалению, не знаю результатов поиска.

Казалось, что все кончено: получив отрицательный отзыв МИ АН, экспертный совет ВАК повторно принял решение об отклонении моей диссертации и передал дело в Президиум. Но тут одновременно в игру вступили великие люди и случай. Сначала я получил указание от Израйля Моисеевича Гельфанда передать ректору МГУ Рэму Викторовичу Хохлову список цитирований моих работ, составленный по филадельфийскому "Индексу цитирований". Я ничего не знал об этом издании, но оно имелось в библиотеке им. Ленина. Составленный список содержал порядка сорока ссылок и был передан Хохлову. Буквально через несколько дней я столкнулся в автобусе с В.В. Москвитиным, работавшим тогда начальником отдела ВАК и ранее бывшим секретарем

партбюро мехмата. В автобусе он сказал, что мое дело на следующий день будет рассматриваться Президиумом ВАК. Эта информация была немедленно передана Гельфанду, и вечером того же дня мне было велено прийти к ректору МГУ на следующий день в десять часов утра.

Первый и последний раз в жизни я разговаривал с Рэмом Викторовичем. Разговор происходил стоя. Хохлов сразу спросил о замечаниях в отзыве совета МИ АН. Я ответил, что отзыва не видел, но одно из известных мне замечаний весьма необычно: "Приложения результатов диссертации относятся не к той области, из которой возникла теория категорий." Раньше такое замечание было бы большой похвалой. В ответ мне было сказано: "Я уже договорился с Кирилловым-Угрюмовым. Ваше дело будет отложено. Передайте свою диссертацию Николаю Николаевичу Боголюбову так, чтобы она не попала к Яблонскому. Готовьтесь к новому этапу борьбы". Кириллов-Угрюмов был тогда председателем ВАК, Боголюбов – академиком-секретарем отделения математики, а Яблонский – секретарем того же отделения. После этих слов мы попрощались, и я вышел. Стало ясно, что игра пошла ва-банк.

Президиум ВАК второй раз не утвердил решение экспертного совета по математике. Моя жена взяла диссертацию и поехала в приемную президиума Академии наук. В окне приемной она увидела свою студентку, которая сразу же пообещала выполнить инструкцию Хохлова. Так закончилась весна 1977 года. Но в августе все рухнуло – в расцвете сил погиб Хохлов. Его гибель имела самые неблагоприятные последствия и для МГУ, и для советской науки в целом. В моем деле она означала крах всех достигнутых им договоренностей и соглашений. В декабре 1977 года моя диссертация была отклонена Президиумом ВАК. Тогда же была отклонена и диссертация Винберга. Много лет спустя нам пришлось защищать снова докторские диссертации.

Мои приключения в эти годы не исчерпывались историей с диссертацией. Весной 1973 года по приказу министра обороны СССР А.А. Гречко началось массовое увольнение евреев из военных академий. Из Военной академии им. Дзержинского сначала сократили профессоров Б.М. Левитана, Л.А. Тумаркина и Б.П. Демидовича как "полставочников": их основным местом работы был мехмат МГУ. Затем из академии вынужден был уйти профессор А.А. Юшкевич из-за связей с "иностранцами": его жена была гражданкой дружественной Болгарии. Следующим оказался я. Меня решили уволить "по сокращению штатов": мне было сказано, что молодому способному математику легче найти работу,

а работа в военном заведении ограничивает мои международные связи. Г.Ф. Одинцов уже не командовал академией. После получения звания маршала артиллерии он ушел в отставку по возрасту.

Вооруженный блестящей характеристикой, снова в разгар лета я был вынужден искать работу. Но найти быстро педагогическую мне не удалось. Другая работа неожиданно нашла меня. В конце августа меня разыскал неизвестный мне в то время Владимир Макарович Савинков, тоже работавший в академии и уволенный из армии по возрасту. Благодаря своим связям он стал заместителем директора Всесоюзного государственного проектно-технологического института ЦСУ СССР (ВГПТИ). Институт был большой и имел филиалы во всех республиках, но по уставу не мог иметь научно-исследовательских подразделений. Тем не менее директор института Олег Викторович Голосов и Савинков решили создать в институте научно-исследовательскую лабораторию по теории и методологии проектирования баз данных, нарушив устав. Тогда слова "база данных" и "банк данных" были мало кому известны, в том числе и мне. Савинков предложил мне создать такую лабораторию, самому подобрать сотрудников и самому определять время их работы. Ввиду отсутствия альтернатив я принял его предложение.

Узнав о полученном мною предложении, Григорий Лазаревич Литвинов и Владимир Николаевич Туловский решили уйти из академии и присоединиться ко мне. Это был настоящий подарок судьбы: из незаконно созданной лаборатории вышли впоследствии известные профессора Ю.П.Размыслов, Е.М.Бениаминов, А.Ю. Вайнтроб, В.Н.Туловский и академик В.А.Васильев.

Однако сентябрь, первый месяц нашей новой работы, выдался непростым. Начальник отдела кадров ЦСУ СССР, который должен был завизировать приказы о приеме на работу, подписал только приказ на меня и отказался подписывать два других приказа из-за однородного национального состава сотрудников. Тогда я сказал Голосову, что не выйду на работу без Литвинова и Туловского. После трехнедельных колебаний Голосов подписал приказ о приеме на работу без визы начальника отдела кадров. Лаборатория была создана, и вскоре получила широкую известность.

(продолжение следует)

Зоя Мастер

**Полёт по касательной:
интервью с Вероникой
Долиной**

мя Вероники Долиной известно любителям авторской песни разных поколений. Каждый её приезд в Америку становится событием, которое предвкушают и о котором долго помнят. На этот раз Вероника привезла программу «Дама без горностая», включившую новые песни и стихи.

Вероника Долина

А уж старое-любимое осталось на бис...

- Вероника, необходимо ли Вам каким-то особым образом настраиваться перед выступлением?

- Я старинный спортсмен в этом виде спорта. Поэтому с доверием и фатальностью отношусь к самому факту приезда куда-либо по назначенному адресу. А приехав, уж точно стараюсь...

- Зависит ли эмоциональный настрой от того, где именно Вы выступаете: в Московском зале или небольшом кафе какого-нибудь американского городка?

- Пожалуй, нет. От публики зависит немало, но эта составляющая не рвёт каких-то сосудов, проникающих в сердце концерта. А тут ведь насыщенное кровоснабжение, и всё имеет

значение, включая взаимоотношения наших президентов и выборы Папы Римского.

- **Вы шутите?**

- Нет, я абсолютно серьёзно.

- **А Вы можете пояснить, каким образом политика или выборы Папы могут повлиять на эмоциональный настрой артиста?**

- Ну что вы! Я – часть климата, часть обстановки, я чрезвычайно чувствительна. Поэт – это же всегда мембрана на макушке, и события мирового значения вроде выборов Папы Римского или пришествия челябинского метеорита ему не стоит пропускать мимо себя.

- **По себе знаю, что читатели (в Вашем случае, слушатели), с готовностью отождествляют придуманный автором образ – с личностью самого автора текста. Насколько реальная Вероника Долина близка созданному ею стихотворному образу?**

- Знаете, время что-то показывает, что-то таит, а вы хотите, чтобы я вот так взяла и открыла карты?

- **Честно говоря, очень на это надеюсь.**

- Нет, пока это невозможно.

- **Тогда попробую задать вопрос иначе. Вот эти Ваши стихи:**

**«Пусть в комнате твоей сегодня душно,
Запомни – ты прекрасна, ты воздушна,
Ты только струям воздуха послушна,
Не бойся, всё с тобой произойдёт!»**

- **Этот летящий, воздушный женский образ имеет отношение к тому, какой Вы видите себя?**

- Да, лёгкое подпрыгивание мне тоже присуще. Хотя не всякий день так подпрыгнешь, чтобы полететь. Но хочется...

- **Вы так часто обращаетесь к теме средневековья, что кажется, Вы тоскуете по той эпохе. Вот например:**

**«Любовь – необнаруженный циан.
Подлитый в чай, подсыпанный в посуду...
Судьба – полуразрушенный цыган,
Подглядывающий за мной повсюду.
А прикроватных ангелов, увы,
Насильно не поставлю в изголовье,
Где лютневый уют, улёт любви
И полное средневековье...»**

- Да, так получилось, я действительно полюбила ту эпоху.

- **Страшноватое, однако, время. Гарью костров пахнет через века. Тосковать по средневековью – это уж, простите, смахивает на мазохизм.**

- Костры, потом печи... А какое время комфортно стелется для еврейских людей? Нам никто, ничего не обещал. Это Антон Павлович Чехов что-то там про небо в алмазах говорил, а скромному еврейскому человеку даже этого не обещано. Нам так, по чуть-чуть.

- **Но Вас уж совсем на экстрим потянуло, в эпоху, когда и на скромного, и на совсем нескромного еврейского человека была объявлена особая охота.**

- Да ничего не особая. Зато какой культ индивидуальности и какая последовательность в служении культам! Мне эстетические принципы средневековья действительно импонируют.

- **Назовите хоть один.**

- Поэзия и музыка как полная доминанта, слитность поэзии и музыки, почтение к творческому человеку, когда художник вознаграждается, живописец нанимается, поэт, переписчик поэзии, музыкант – уважаемый человек даже при невеликом феодале.

- **А как же Моцарт, которого граф Арко выгнал пинком под зад? Хотя, это случилось гораздо позже, уже в XVIII веке.**

- Ну, что поделать, значит это требовалось в воспитательных целях.

- **Интересная интерпретация. В одном из интервью, Вы сказали, что презираете общественное мнение. Не страшно «отбиться от стаи»?**

- Вы хотите изобразить меня одинокой чудачкой? Нет, я просто убеждённый НЕпоклонник ширпотреба ни в чём. И в судьбе тоже не получилось объединиться с широкой массой. Я – лёгкий нонконформист. Не то чтобы перпендикулярщик, но к общей лыжне хожу по касательной. Понимаете?

- **К сожалению, да.**

- Признаюсь, я недолюбливаю общее мнение по уйме вопросов и вполне открыто могу не быть с ним солидарна. Но это не «беловоронизм», а обычный кодекс независимо мыслящего человека.

- **А сублимация помогает абстрагироваться от толпы, марширующей по брусчатке?**

- Да, и этим я занимаюсь много лет. Я могу заискивать, могу стараться не делать больших промахов, чтобы не подвести себя и своё потомство. Я не дружу с грубой реальностью, и таким образом, мой инструментарий – что-то вроде сублимации.

- Лет десять назад я была на Вашем концерте и очень хорошо помню фразу о том, что фантазия для Вас – непереносимое условие существования. А как не перейти грань между фантазией и самообманом?

- *(смеётся)* Фантазия – это вещь фундаментальная, а самообман – некая придурковатость, которую я недолюбиваю. Фантазия всегда была частью мировой культуры, потому что это и музыка, и литература, и кинематограф. Умение фантазировать – непереносимый атрибут каждого мало-мальски творческого человека. Но именно фантазирование, а не устраивание себе какого-то оптического инструмента, который бы обманывал собственное сердце или, не дай Б-г, сердца близких людей.

**«И вот уже вхожу в такую реку,
Что самый дальний берег омывает,
Где человек прощает человеку
Любую боль, которая бывает».**

- Вы как-то признались, что «испытываете ежедневно нарастающую тоску». Это возрастное или житейское?

- Да, я это говорила всегда. Это тоска по высотам и широтам, по качеству жизни, по возможности раскрепостить себя. Такая неутолённость присутствует во мне давно, практически столько, сколько я себя помню.

- И что Вы с этим делаете?

- Какие-то шаги я предпринимаю. Например, будучи ещё совсем молодой, родила детей, потому что это тоже раскрепощение.

- Ну, это как сказать...

- И поездки, путешествия, и домик в Нормандии, где я провожу много месяцев в году.

- К слову о Франции. На сегодняшнем концерте Вы с любовью и нежностью говорили о своей жизни там и с горечью и сарказмом - о жизни московской. Отчего так?

- Во Франции – высокая концентрация того, что я люблю, в Москве она намного ниже. Конечно, в Москве дети, внуки, другие близкие люди, но обстановка там весьма тяжёлая. Мне гораздо легче дышится во Франции, потому что там множество вещей отвечают моему художественному вкусу. Там другое

зрение, другой вкус, слух, другая скорость жизни, и ещё – там много свободы.

- **Вы сказали, что в этом рыбацком посёлке становитесь другой.**

- Да, благодаря тем пейзажам, книжкам, музыке, той подоплеке французской истории, которую я так ценю. Там возникает ощущение полноценности себя как человека, и оно посещает меня еженедельно, а в Москве – порой раз в году.

- **Давайте вернёмся к песне. Много раз фанаты бардовской музыки упрекали меня в снобизме. Они в корне не согласны с моим убеждением, что бард, выступающий не в кругу близких друзей, а на сцене, за деньги, не имеет права быть дилетантом. Что Вы думаете по этому поводу?**

- Про дилетантство я знаю очень мало, поскольку судьба мне положила уже 40 лет зарабатывать этим скромным кустарным ремеслом. Но в ладу своей стихомузыки и домашнего артистизма, я всегда стараюсь выглядеть сообразно природе, погоде и русскому языку. Дилетантизм в нашем деле, конечно, присутствует, но я давно уж не бываю в тех местах, потому что, в принципе, интересуюсь исключительно профессиональными вещами.

- **В тех местах – это на слётах?**

- Да, но не из-за какого-то высокомерия или снобизма. В-первых, меня давно уже туда не зовут. А во-вторых, позвать меня не означает непременно дозваться. Я почти всегда чем-то занята – подробно и углублённо. Позвать меня – означает обеспечить чем-то интересным, а не всякий слёт это обещает. И если я успеваю прозорливо всмотреться в перспективу какого-то мероприятия, высока вероятность того, что я откажусь.

- **Как, однако, дипломатично Вы это изложили. Я думаю, ни для кого не секрет, что сегодня авторская песня переживает не самые лучшие времена, но при этом, некоторые барды по своим гонорарам не уступают поп-звёздам. Пример тому - Олег Митяев, о котором Сергей Никитин сказал, что «он с большим ускорением идёт в сторону попсы, ...потому что вынужден писать то, что нравится его публике, ...а значит, перешёл в сферу обслуживания».**

- Ну да, что-то в этом роде. Возможно, я бы сказала об этом несколько иными словами.

- **Получается, барду не пристало хорошо зарабатывать и быть востребованным?**

- Не знаю. Я просто занимаюсь стихами. Я не пишу песни на чужие стихи, как, к примеру, этим успешно занимается

одарённый специальным и нежным талантом Серёжа Никитин. И конечно, я не появляюсь на сцене Кремлёвского дворца съездов таким громовым Russian ковбоем из Челябинска, как Олег Митяев. Я, кстати, и к Олегу отношусь с симпатией, и к Серёже – с любовью. Просто это немного другие ремёсла, чем то, какое практикую я.

- С кем из исполнителей авторской песни Вы поддерживаете близкие, дружеские отношения?

- Ну, никто не цепляется за лацканы пиджака другого человека и не целует в засос.

- Я не имела в виду близкие *физические* отношения.

- В прежние времена был Булат Шалвович Окуджава. Это было всегда достойно: никаких объятий. Но его присутствие всегда позволяло поддерживать уровень и компасную стрелку. Поэтому, ниже поэтического, уровень концертов, в которых он участвовал, никогда не опускался.

Жил-был Юрий Иосифович Визбор – милейший человек. Его поэзия принадлежала к несколько другому цеху. Я в превосходных цеховых отношениях с Юлием Кимом, я непременно обнимусь с редко встречающейся в природе и времени Новеллой Матвеевой. Но сладких сиропов отношений я уже давно не вижу.

- Вы как-то сказали: «Житейские проблемы меня не колышат». Стоит ли воспринимать эти слова буквально?

- Да, я не очень дружу с реальностью, и потому создала ей некую альтернативу.

Да, я не всегда воспринимаю житейские проблемы всерьёз и потому противостою простой житейской пошловатой реальности уже много лет – и не без некоторого успеха.

- Когда о немолодом человеке говорят, что он молод душой, мне очень хочется в это верить, но ведь душа тоже изнашивается и уже не в состоянии с тем же юношеским оптимизмом ожидать счастья, радоваться, стремиться познать что-то новое... Есть ли что-то такое, чему Вы не перестаёте удивляться?

- Есть, и много. Я рыдаю в театре и кино – вся трясусь от слёз. И это не старикищина – я всю жизнь так плачу. Вот и дети мои реагируют живо и бесстыдно, а я с некоторым испугом это наблюдаю. Правда, уже по привычке. Мы же не офисные сдержанные люди. А удивить меня можно чем угодно: полотном в музее, свежим стихотворением. Мне очень близки какие-то маленькие литературные впечатления, и книжкой меня удивить ничего не стоит. Я уж промолчу про общечеловеческие радости.

Слава Б-гу, всего удивительного и в природе, и в жизни пока ещё достаточно.

- А какую музыку Вы слушаете в машине?

- Я могу поставить Арво Пярта, - конечно, в своих дозировках, могу – Валентина Сильвестрова. Люблю старую немецкую, французскую музыку.

- Как Вы себя ощущаете в Америке?

- Я тут без английского языка, соответственно, чувствую себя как калека или инвалид. Конечно, в силу особенностей слуха, я немного приучена реагировать на английскую речь и понимать её, но всё же, я – франкофон, не выучившийся английскому. *(Вероника Долина окончила Московский пединститут по специальности учитель французского языка – З.М.)* И потому, воспринимая себя как инвалида, отношусь к себе с жалостью, но стараюсь быть снисходительной.

А если не про язык, то я – абсолютный обожатель Америки, правда, без некоторых её «подробностей». Со времени моего первого приезда сюда в 91-м году, проистекло много событий, но я – тот, кто приговаривает: **что** Америка ни сделает, то и хорошо.

- Как-то неожиданно для меня, в начале нашей беседы, Вам почти удалось увести разговор от музыки – к политике. Так давайте смодулируем в ту же тональность: с точки зрения поэта и артиста, почему между Америкой и Россией такие сложные отношения? Почему даже среди интеллигентных, думающих россиян наблюдается такое негативное отношение к нашей стране?

- Это плоды нашего изоляционизма и нашей нищеты. Когда мало информации, бросить в эту узкую щель зёрна сомнения и ненависти очень легко. Лет 15-20 назад отношения не были идеальными, но они теплели на глазах, и связано это было с Ельциным.

- Которого сегодня ненавидит, по-моему, большинство россиян, особенно пенсионного возраста.

- Ельцин – природный либерал, человек из глубинки, со своей хитрецей и широтой. Массу прагматичных вещей он пропустил, каким-то опасным вещам попустительствовал. Но он был добряк, и в этом смысле такого правителя на Руси давно не было. А уж при моей жизни не было точно, и видать, уж не будет. Вот при Ельцине отношения с Америкой были весьма симпатичными. А сейчас, ну вы же видите, какой крокодил у нас на троне сидит. Какие же отношения могут быть? Люди в

остервенении, как бывает при полном царствии несправедливости. А от несвободы и несправедливости человек дичает.

- И как же при такой несправедливости существует Ваша семья?

- Все мои близкие занимаются какими-то вещами в области культуры. Муж снимает кино (*режиссёр Александр Муратов – З.М.*), старший сын – журналист, кинокритик. Он напрямую влияет на то, какие американские и европейские фильмы проникают на территорию России. Его жена работает в компании IMAX. Мой средний сын снимается в кино, он актёр и режиссёр. Его жена – тоже актриса. Дочка работает на телевидении, снимает документальные фильмы. Младший сын тоже думает идти в сторону кино, хотя прежде не подавал таких заявок. Вот в таком виде мы существуем. Наш дом очень ангажирован: еженедельно через него текут десятки сценариев с обсуждением возможных актёров, композиторов и всяческих прилежащих к этому обстоятельств. При хорошей погоде по дому бегают шесть внуков, двое из них – уже школьники. Такова обстановка большой занятости, которую, в общем-то, каждый себе создал.

- Это и есть Ваша альтернативная реальность.

- Да. А в сторону правителей смотришь... не могу сказать, что с окончательным независимым выражением лица, но для таких, как я, которые занимаются только стихами, нам всё же свойственна более независимая мина.

- Заканчивается Ваш гастрольный тур по Америке. Кроме усталости, каковы Ваши ощущения?

- По человечески и артистически, мне было весьма хорошо. Как всегда, на мои концерты приходят равнодушные люди, и так здорово наблюдать, как чудесно они реагируют на какую-то мою скромную рифму, как улавливают настроение. С таким теплообменом приятно выступать. Так что я уеду домой вполне удовлетворённая.

- Успехов Вам и новых песен.

Вела интервью Зоя Мастер
www.zoyamaster.com

Бахыт Кенжеев

**"Пространство – рукопись,
и время – только слово..."**

вет выключился. Музыка сломалась.
Ни шерсти под рукой, ни янтаря.
Несметного - а пригодились малость –
ждал. Восемь спичек, в очередь горя,

высвечивают двери, коридоры
и лестницы, ведущие во тьму.
Вдруг вспоминаю: столько было вздора
волшебного! Ей-Богу, самому

не верится. Как ветка Палестины,
я странствовал. От грешных отчих мест
открещивался. Праздновал крестины
неведомого. И грузинский крест

аэроплана, как случайный лучик, -
ночной сверчок в просторной тишине, -
в оскаленных проскальзывая тучах,
был жалобой и родиной мне,

был голосом – вольфрамовой спиралью –
и тут запнусь, почувствовав: дотла
не догореть. Ты - тусклой зимней ранью
и при свечах – прощальна и светла.

Не призывай в стихах невзгод, предупреждал поэт,
и вторил ему другой рапсод, сто исхудалых лет

спустя. Тот, первый, верил в рок, романтик был и смутьян,
взимал умеренный оброк с мурановских крестьян,

считал, что поэзия – гневный гимн мирозданию, и, наконец,
жил сам, и дышать давал другим, образцовый муж и отец.

А ученик его, одноногий герой второй мировой войны,
расхаживал по Москве с клюкой, записывал мрачные сны,

он тоже был безусловно жив, просил эпоху «не тронь!»
и в доме творчества спал, положив седую голову на ладонь.

И хотя ни один из них не украл ни яблоко, ни гранат,
обоих бардов господь прибрал в невеселый эдемский сад.

И я, ученый, про жизнь, что мне досталась, твержу во тьму:
не маши платком, бесценная, не исчезай в февральском дыму.

«Условимся – о гибели молчок».

С.Гандлевский

...и о минувшем тоже – ни строки.

У керосинной лавки близ Арбата
горят его нещедрые зрачки,
вполсили посылая на щербатый

асфальт косые блики. Мокрый снег –
а утром пушкинским лег ювелирный иней
на ветки лип, и облачный ковчег
поплыл по синеве, и солнце крымской дыней-

колхозницей желтеет в вышине.

Так, если век и место – только случай,
орел да решка, серый шарф колючий,
рань зыбкая, подаренная мне –

гуляй по переулкам, ветер воли,
не ведающий, что бог неумолим,
что жизнь проста, как смесь песка и соли,
как красота, покинутая им.

Фонарь, аптека, улица ночная,

возможно, церковь, то есть пыльный склад
стройматериалов, юность надувная
(напыщенная), подростковый ад,

подруга робкая в индийских или польских
штанах, тоска собраний комсомольских,
не слишком трезвый богословский спор
с Сопровским. О, мытищинский кагор!

«Твой мертвый Ленин врет, как сивый мерин, -
хохочет друг, - о чем ты говоришь?
Велик Господь, а мир четырехмерен,
нет гибели – есть музыка и мышь

подвальная, ученая, грызущая
то сыр, то хлеб, действительная, как
(по умнику немецкому) все сущее...»
Как многие, он умер впопыхах:

недописав, недолюбив, недопив,
не завершив азартного труда.
Душа его меж влажных снежных хлопьев
плывет, озябшая, - Бог весть куда...

Я был подросток хилый, скучный, влюбленный в Иру
Воробей,
но огонь естественнонаучный уже пылал в душе моей,
и множество кислотных дырок на школьной форме я прожег,
ходил поскольку не в задирах, а на химический кружок.
Подрос, в сентябрьской электричке пел Окуджаву, жизни рад,
умел разжечь с единой спички костер, печатал самиздат,
изрядно в химии кумекал, знал, как разводят спирт в воде,
и стал товарищем молекул, структурных формул и т.д.,
еще не зная, что бок-о-бок с лисою, колобок-студент,
живу... Ах, мир притертых пробок и змеевидных перфолент!

О, сладость ностальгии! Все мы горазды юность вспоминать.
Как славно б настроичить поэму страниц на восемьдесят пять
про доморощенных пророков, про комсомол, гб, собес -
пускай Бугаев и Набоков мне улыбаются с небес,
любуюсь на миры иные (неповторимый аромат
лабораторий, вытяжные шкафы, и рыжий бихромат

аммония, от первой искры сердито вспыхивающий!). Нет-нет,
не память правит миром быстрым и ненасытным – только

свет

надежды, а она, голуба, когда прощается с тобой,
склонясь над Стиксом, красит губы помадой черно-голубой.

Сколь чудно в граде каменном за чаркою вина
сидеть перед экзаменом в глухие времена,
когда с подружкой светлую, робея и ворча,
мы изучали ветхие заветы Ильича!

Икота шла на Якова. Как ясно помню я
абзацы с кучей всякого сердитого вранья!
Как жаль, что по обычаям опричницы-Москвы
диплома мне с отличием не выдали, увы –
за тройку по истории ВКП(б), за ночь,
за строчки - те, которые не смог я превозмочь!

Прощай же, время логики и рукотворной мглы.
Фарфоровые слоники, подвальные углы.

Ах, как мы были молоды, как пели налегке,
то олово, то золото таская в кошельке!

Мы стали долгожители, а были – чур меня! –
живые похитители небесного огня.

А от того учебника остался хриплый прах –
как записи кочевника в воздушных дневниках.

Сквозь ропот автострад, дым – пригородный, смутный,
чахоточные пустыри,
надтреснутые дни, украденные утра,
сквозь слезы Эммы Бовари –

нестись бог весть куда, над ивой и осиною;
тем и огромен тот полет,
что воздух кованный с ржавеющей силой
сопротивляется, поет

о том, что лес озябший свежевымыт,
надкрылья – уголья, свобода – легкий труд,
что всё в конце концов отыщут и отнимут,
и вряд ли отдадут,

пространство – рукопись, и время – только слово,
и нелюбовь – полынное вино,
а все-таки лететь, и не дано иного,
иного не дано.

Не обернулась, уходя, не стала
сентиментальничать, а я шептал, дурак:
прощай, моя душа, я знаю, ты устала,
сойдемся в тех краях,

где мы еще глаза влюбленные таращим
на свет неведомых невзгод
в прошедшем времени – вернее, в настоящем,
которое пройдет,

где чайки бедные кричат о звонком вздоре
известняку – а он от старости оглох,
где рвется к морю с пыльных плоскогорий
кладбищенский чертополох,

где ящерка и уж, невызревшая смоква
на греческом кусте –
жизнь не обветрилась, нет, что ты, не поблекла –
стоит в бесценной нагоде

и смотрит ввысь, и ясно слышит море
далекое, и молча мы поем
о том, что звезды – соль, рассыпанная к ссоре
бессмертия с небытием.

Как просто все: робки и веселы
влюбленные, магнолии голы,
хохочут школьники, и ты меня узнала
издалека. Свет в складках, в бугорках,
и ветки все в бутонах, пухлых, как
кошель у флорентийского менялы.

Нет в жизни счастья, как гласит тату-
ировка воровская. В пустоту
уйдем, бессмертников угрюмые отряды.
И вредничает Бог: ни «а» тебе, ни «бе»,

завидуя часам, висящим на столбе, –
идут, но и стоят, не двигаются, гады.

«Уходишь – уходи», – твердят. Но я забыл
ключи и сотовый, я слишком жизнь любил,
чтобы сразу отбывать. Тут – крокус, там – фиалка,
а там еще тюльпан. И эти лепестки
так уязвимы, так неглубоки,
что Чехов вспоминается. И жалко

всех и всего. Любимая, своди
меня туда, где счастье впереди,
где небо – переплет, где голос пальцы греет,
где плачет и поет, от бедности пьяна,
простоволосая, как в юности, весна,
и горло - говорит. И солнце - не стареет.

... а снег взмывает, тая, такой простой на вид.
До самого китая он, верно, долетит.
Там музыка, и танцы, и акварельный сад.
Там добрые китайцы на веточках сидят.
Метель ли завывает, взрывается звезда –
воркуют, не свивают надежного гнезда.
Под снегом гнутся ветки, уходит жизнь, ворча.
Фарфоровые предки, безмолвная свеча.
Крестьянин душит волка. Дрофу чиновник ест.
Должно быть, столько шелка в сугробах этих мест...

Голубые чашки – щелкнешь, запоют.
Добрые букашки чай с вареньем пьют.
Шесть глубоких плошек, самовар с трубой.
Блюдечки в горошек бледно-голубой.
Дачное, сосновое, влажный шум травы.
Кто-то ест вишневое, кто-то – из айвы,
из айвы с корицею, и с гвоздикой, да.
Девы белолицы, дамы, господа,
молодые нытики с кукишем в кармане.
Кто-то о политике, кто-то о романе
пожилого гения. Вечер удался.
В светлом настроении вся компания, вся
жизнь, плетни да сплетни, да чуть-чуть покоя...

Все одеты в летнее, светлое такое...

...и когда мой растерянный взгляд оборачивается назад
и наостраются уши словно у кролика на лугу
я вижу снег на ялтинских гиацинтах я слышу закат – яд
а любовь – луч а горло в звонком долгу
перед всеми кого любил кому сердце в рост
отдавал надолго может быть навсегда
и кого бросал как олимпийский метатель звезд
свой горящий снаряд кидает на беззащитные города
в страхе я вematриваюсь в бесповоротную тьму
на колени встаю перед пьяненьким мудрецом а он мне
наливает зеленого чаю и молвит: быть по сему,
поглаживает лысину, и добавляет: не плачь во сне
веселая мать твоя умерла незадачливый сгинул отец
родины нет и в помине, но ты, оставшись среди живых,
превратишься в стук не доставшихся Богу сердец
над нефтеносным сланцем натруженных мостовых
ловко же ты устроился, хмыкаю я в ответ
вечен умен пристроен а я тебе кто блоха вошь
нет возражает бьет мне в глаза свет
которого ты мальчик советский не перенесешь

Из цикла "СТРАНСТВИЯ"

Х

Не рыдай, мой Леонардо, мой конструктор голубой.
Не летает? Ну и ладно, ну и славно, Бог с тобой.
Свет сожжет, любовь изложет, потускнеют честь и медь.
Человек взмывать не может, но зато умеет петь,
тешься: sariens не кролик и не смертный раб совсем.
Есть такой в ютьюбе ролик (или девять, или семь):
Наострился homo в пропасть прыгать ради юных дев,
перепончатую лопасть на конечности надел.
Боже, как парят ребята, всякий смел, свободен, горд!
Так на родине когда-то парашютный правил спорт,
стратостат взлетал сквозь тучи, пузырился хлебный квас -
только нынешний покруче. Ах, как жаль, что не про нас,
не про наше поколенье. Знаешь, мы заражены
как у Лермонтова, ленью, черной верностью жены
из Багрицкого. На скальпах плешь горит, зелена мать.
Не хотим в швейцарских Альпах трезвых птиц изображать.
Лучше сяду на летадло, крылья из люминия,

Пусть меня доставит, падла, в те блаженные края.
где поют, сбиваясь часто, кровный мёд и молоко
безвоздушные гимнасты в черных сталинских трико.

XI

Кто у нас лишний кто у нас грешный
в яблонях старых шелковый дым
первенца вишней братца черешней
девочек майским дождем проливным
Слезем-ка с дрожек вступим во дворик
ехали долго и далеко
первенцу ножик братцу топорик
малым сестренкам сережки в ушко
Тучей влюбленной, картой крапленой
тешится время, плюшевый лев.
Молнией грянет, горло поранит,
ляжет на стол шестеркою треф.
Что мы ответим выросшим детям
только полсвета исколесим
ключик скрипичный свечки привычной
в нашем предместье неугасим
а домовые, ножки кривые,
бродят по дому ручки скрестя
в карты играют дверь отворяют
и просыпаясь плачет дитя

я люблю мою страну а какую не пойму
в честной дреме леденцовой может быть чимкент свинцовый
там где тетушки мои в серых платьях до крови
сушат персики и пламя разжигают поутру
в печке или тополями на овечьем на ветру
грустно так скрипят а может
быть Москвы усердный лес с транспарантами и без
с нищетою и тщетою с бескорыстной наготою
обучающихся дев с детским горем нараспев
а быть может школьный дворик где с калиной георгин
там всевышний алкоголик андрофоб и мизогин
посылает мне знаменья сны и прочие имения
боже как же ты один маешься больных смущаешь
соучастье обещаешь в дивном заговоре но
обязательно обманешь улетишь и тенью станешь
и застынешь как кино сломанное в поселковом

клубе ах как нелегко вам дети праха вот и я
митру тяжкую снимаю вещей снов не понимаю
не вития не судья никому ступайте дети
в парусиновые эти небеса свою страну а какую не усну

Из цикла "СВЕТЛОЕ БУДУЩЕЕ"

1920

когда гражданская война
не брали пленных ни хрена
и обезумевшие дети
аптекарей других детей
крестьян фабричных и врачей
расстреливали на рассвете
и красный спит и белый спит
во сне ворочается сопит
но белый вроде динозавра
а красный (хор гремит) убит
не просто так – за новый быт
за ослепительное завтра
он видит будущее где
не варят кашу на воде
наука победила голод
и старость тесно в облаках
от дирижаблей смертный страх
изжит где каждый чист и молод
как те мальчишки с полотна
дейнеки новая страна
богата солодом и медом
хватает хлеба всем и рыб,
в пустой церквушке поп охрип
по тучным нивам и заводам
растят ячмень и варят сталь
дорога убегает в даль
и прочее и мы недаром
погибнем думает герой
предсмертной ветреной порой
шумя бестрепетным гайдаром

Вероника Долина

Шесть мартовских стихов.

е так пишу. Не столько и пою.
Так отчего ж так больно устаю,
Так мертвенно болезненно дышу –
Листы забытых книжек ворошу,
Лежащих на полу передо мной –
Меж изголовьем, лампой и стеной.

Зачем я так бездарно устаю,
Как будто ежедневно узнаю
Такое что то, что не стоит знать,
Чтобы себя саму не проклинать,
Чтоб искупать дитя, согреть ночлег,
И, почитав, уснуть как человек.

...Кстати, тут снежок ледяной.
И мой голосок нитяной
Надо б заплести за струну
Хоть бы за одну.

Кстати, всюду вижу гусей,
Нильсовых канадских друзей,
Каждый сер и черноголов.
Тут не нужно слов.

Кстати, тут и белок стада,
Рыскают туда и сюда...
Тощие они по весне.
Или мнится мне?

Кстати, вот он, лед снеговой.

Над моей летит головой.
Вот уж я по этому льду –
Стало быть, поеду-пойду.

Эти гуси-белки-снега...
Слава Богу, дождь – не пурга.
Ты ж, гитарка, тихо радей,
Радуй людей.

И вот уж снова на перроне...
Скажи себе, как на духу,
Что ты напела о пароме –
Не более чем на строку.

Строка к строке – шепотка к праху.
В груди дымится проводок-с.
Он нанизал простую пряжу
На ненаглядный парадокс.

Строка к строке, Вокзал высокий.
Там поезда бегут вниз.
Утри, изгнанник одинокий,
Неоднозначную слезу.

Что делать тут с таким навзрыдом?
А хочешь крохотный укол?
...Такси у них зовется – ФРИДОМ.
И ЛИБЕРТИ есть колокол...

А сегодня в Новоанглии –
Метель, метель.
Ночью прилетели ангелы,
Постелили постель.

Заглянули и ко мне, хотя
Высокий этаж...
Я глаза открыла нехотя,
А тут такой пилотаж!..

Во-первых, зима.
Во-вторых, зима.

В-третьих, известное
Горе от ума.

Надо б завтра мышке –
В норку и – лежать.
А не в черном пальтишке
По Нью-Йорку бежать...

Может, песенка будет?
А может, и нет.
И завтра забудет
Про меня весь свет.

Погода бывает мерзкой.
Бывает и благодатна.
На нашей Красноармейской
Машины ловились знатно.

Куда же я так спешила?
За мной, что ли, гнались волки?
Начальственные машины,
Прекрасные были Волги.

Водилы не виноваты.
Водилы не вороваты.
Водить меня обучали
И были не староваты...

Среди трепотни гусарской
По нашей Москве покорной
Я мчалась в машине царской,
Такой безвозвратно черной...

Зачем я все вспоминаю?
Какого такого черта?
Москву, что ли, поливаю
В районе Аэропорта?

Затем... что нехороши мы.
Что впадины нам, что горки.
...Я плохо ловлю машины
В пустом золотом Нью-Йорке.

Не стихотворно, не стихотворенно –
Как косу, заплела себе судьбу.
Моя Марфедна, мертвая царевна,
Лежала в красном маленьком гробу.

Была она никчемный богомолец,
Но книжная пречистая душа.
Флобер, Бальзак, Московский комсомолец
И Жапризо – все разом, не дыша.

Пока детей питали порошками
И вспаивали серым молоком,
Она их оделяла пирожками.
И дети их глотали целиком...

За восемьдесят было. Нам, калекам,
Ручных ее работ не сосчитать.
Таким была кристальным человеком,
Каким, подружка, нам уже не стать.

Как Баба Груша, из рязанских скотниц.
И не склонила мудрой головы –
Последняя из старых домработниц
Моей неубираемой Москвы.

Лариса Миллер

«СТИХИ ГУСЬКОМ»

Книга XIII: февраль-март 2013 г.

31 марта 2013 г.

десь расстанутся навсегда.

Отсюда навсегда уходят
И даже тень свою уводят.
Темна стигийская вода.

А речка здешняя блестит,
И здешний день до ночи светел.
...И чей уход Господь наметил?
О ком душа Его грустит?

30 марта 2013 г.

Но были ведь какие-то причины
Из добытгийной извлекать пучины
Меня на свет. Ведь было для чего
Показывать мне разные личины
И лица мироздания сего.
Надеюсь, я ещё не всё видала.
Есть кое-что ещё. Я угадала?
Я вся вниманье. С нетерпеньем жду.
Поверьте мне – я вовсе не устала.
Есть долгожитель у меня в роду,
И на его я полагаюсь гены,
И, точно реки, голубеют вены,
И быстро бьётся жилка на виске.
Всё воспою: рутину, перемены,
Сон безмятежный, жизнь на волоске.
2013

Наконец у меня отношения с жизнью сложились.
Вот вчера, например, мы с ней спать до утра не ложились,
Всё сидели в обнимку и тихо беседу вели.
Разве может случиться, чтоб нас теперь с ней развели?
Разве может случиться, чтоб нас теперь с ней разлучили,
Если нас только-только друг дружку любить научили,
Если мы друг без друга не можем минуту прожить –
Ни весне улыбнуться, ни детям, ни песню сложить?
2013

Так что же я всё-таки делала летом?
Ах да – любовалась рассеянным светом.
Постойте, а чем занималась зимой?
Ах да – в снегопад возвращалась домой.
А как проводила весну или осень?
Искала глазами любимую просинь.
Короче, не знала я в жизни поры,
В которую мне б не вручали дары.
29 марта 2013 г.

Пожалуйста, муза, напомни мне завтра проснуться,
Тетрадку открыть и к странице пером прикоснуться,
Чтоб всё рассказать, что случилось во сне, наяву.
Пожалуйста, муза, напомни, зачем я живу.
Ведь ты, я надеюсь, не старишься, а молодеешь,
И словом, таким же, как ты, вечно юным владеешь.
29 марта 2013 г.

29 марта 2013 г.

Не о любви они поют, не о любви.
Поют о скучном и житейском соловьи.
У них по горлышко забот и срочных дел,
И лишь о них певец пернатый нынче пел.
Он пел и пел, а я стояла, сжав виски
И замирая от восторга и тоски.

28 марта 2013 г.

С чем проснулась? С печалью, с печалью.

День манил ослепительной далью,
Той, которой для смертного нет,
И слепил этот божеский свет,
Свет несбыточный, свет небывалый,
Переменчивый, розовый, алый –
Золотые на синем мазки –
Цвет тревоги моей и тоски.

27 марта 2013 г.

А мир творится и творится,
И день, готовый испариться,
Добавил ветра и огня.
И вот уж залетела птица
В пределы будущего дня.

И не кончается творенье,
Как не кончается паренье
Полётом одержимых птиц,
И что ни утро – озаренье
Подъятых к небу светлых лиц.

26 марта 2013 г.

Франциск с овечкой говорит,
Молитву тихую творит.
Он дышит воздухом прозрачным
И говорит с цветком невзрачным,
Шепча: “Господь тебя храни”.
Текут его земные дни,
Молитва длится, длится, длится,
И горлинка на грудь садится.

25 марта 2013 г.

На крыше — мох и шишки,
Под ней — кусок коврижки
И чайник на плите...
Предпочитаю книжки
Извечной суете,
Продавленный диванчик,

Да в поле одуванчик,
Который поседел.
Набрасываю планчик
Своих насущных дел:
Полить из лейки грядку
И написать в тетрадку
Слова, строку вия,
И разгадать загадку
Земного бытия.

24 марта 2013 г.

Ангел бедный, ангел мой,
Отведи меня домой,
Уведи меня из края,
Где, бесшумно догорая,
Дни уходят в никуда,
Где озёрная вода
Спит под жёлтым одеялом.
Я прошу тебя о малом:
В тихих сумерках спаси,
Лист последний не гаси,
Пусть он светит на дорогу,
По которой ты к порогу
Приведёшь к исходу дня
Заплутавшую меня.

23 марта 2013 г.

А дятлу положено древо долбить
И это занятие очень любить.
Да что там – любить, просто знать - перестанешь,
Не станешь долбить – червячка не достанешь,
Погибнешь, добыть не умея еду.
Я тоже такая. И я пропаду,
Коль больше не будет привычного зуда
Строку добывать неизвестно откуда
И воздух долбить, точно дятел кору,
Продляя опасную эту игру.
2013

Проснулась – вот тебе и на –
Спит в изголовье тишина.
Спит и посапывает сладко,
А рядом спит моя тетрадка.
И коль тетрадку разбужу
И в ней стишок сооружу,
В котором изливаю душу,
То этим тишину нарушу.
Она проснётся, будет шок
У тишины. Прощай стишок.
2013

Ну зачем вы испортили мне настроение?
Ну зачем вы напомнили мне про старение,
Дни весенние, сил меня вовсе лишив?
Мне так нравится ваше парение, пение,
То, что голос ваш чист и мотив не фальшив.
Я б летала, как вы, но, боюсь, не получится.
А ведь как упоительно жить и не мучиться
Тем, что нет на весенние радости сил.
Всё же мне удалось не согнуться, не скрючиться.
Ведь меня на руках мой любимый носил.
2013

О Боже, как нам докучают!
Нас постоянно приучают
Всё драгоценное терять,
Благим вестям не доверять,
Легко без счастья обходиться,
Внушая: мол, и так сгодится,
Внушая нам, мол, жизнь – не мёд.
Нет-нет, со мною не пройдёт,
Со мною не пройдёт всё это,
Тем более, что скоро лето,
И счастье можно есть с куста,
Как ягоды, коль знать места
2013

22 марта 2013 г.

При жизни разве умирают?

При жизни моются, стирают,
Целуются, растят детей,
Едят. Да мало ли затей?

При жизни разве умирают?
Младенцем в кубики играют,
Юнцом несут прекрасный бред.
Покуда живы смерти нет.

21 марта 2013 г.

Врача вызывали? И зря вызывали.
Врачи и лекарства помогут едва ли.
Душа, говорите, всё время болит?
Кто душу бессмертную вам удалит
И новую вдунет, вмонтирует, вложит?
Терпите такую. Никто не поможет.
А впрочем, целительны и хороши
Все средства, шадящие область души.

20 марта 2013 г.

Повернулась земля на незримой оси.
Тихий дождь моросит. Мороси, мороси.
Мне с тобой веселей. Ты ведь мой собеседник
Да к тому же меж мною и небом посредник.

19 марта 2013 г.

Лене Колат

День ангела, нежной заботы.
Не бойся, доверься, ну что ты.
Его безмятежно чело,
Его белоснежно крыло,
Как облако или как млеко.
Забота, защита, опека.
И слышит он каждый твой шаг
И вздох твой. О если бы так!

18 марта 2013 г.

Когда в июне и в июле

В зелёном море утонули
Мы мягкого коснулись дна.
Макушка даже не видна.
Легко живётся. Сладко спится.
Какое счастье утопиться,
Забыть заботы и труды
И грезить, в рот набрав воды.

17 марта 2013 г.

Землю снова осветили
И слегка позолотили.
Осветив земное дно,
Осветили заодно
И меня. А я и рада.
Только это мне и надо,
Чтобы много дней и лет
Появлялась я на свет.

16 марта 2013 г.

В два счёта рвётся жизни нить,
Но я успела полюбить
И эту нить, и что она,
Увы, у каждого одна.
И я успела по пути
На «ты» со всеми перейти:
С дождём и с веточкой сырой,
И небу «тыкаю» порой.
2013

Это я не сама. Это я вместе с вами,
Золотые лучи на сверкающей раме.
Это я не сама. Это я с вами вместе,
Стаи звонких синиц, разносящие вести,
Почки вербы одной, что щедушны и слабы,
Это вы помогли. Я сама не смогла бы.
2013

Это что – репетиция? Съёмка?

Под ногой осыпается кромка,
Край бытийный. Снимайте скорей,
Пока алая неба каёмка
Не исчезла в глубинах морей,
Пока я ещё верю в зигзаги,
Вирази этой призрачной саги,
Этой сказки с печальным концом
И пока, от бездонности в шаге,
Я повёрнута к свету лицом.
2013

Посвящается Г.С. Померанцу

А что толкает к белому листу?
Попытка говорить начистоту,
Вокруг непостижимого круженье,
В борьбе с самим собою поражение,
Стремление нащупать благодать,
Попытка безымянным имя дать,
Стремление дать слово бессловесным
И выйти на прямой контакт с небесным.
13 марта 2013 г.

Опять отмотала я плёнку назад,
Опять я попала в несрубленный сад,
Опять я попала в то Замоскворечье,
Где было когда-то жильё человечье,
Где в чуде пирог именинный пекли,
Где вешние воды по трубам текли,
Где я под струю подставляла калоши
И кроме портфеля не ведала ноши,
И был мой портфель до отказа набит...
О как же весной от восторга знобит,
О как же знобит от возможности чудной
Не помнить о закономерности нудной
И переноситься куда захочу.
Какое кино я сегодня кручу!
Какие романы кручу с временами!
Не всё же судьбе ошалевшими нами
Крутить в непролазную темень ведя...
Нет-нет, не сегодня, потом, погода.
Хочу досмотреть я живые картинки,

Где мчатся по трубам то воды, то льдинки.
2013

15 марта 2013 г.

А знаешь ты зачем я тут,
Зачем здесь лютики цветут,
Зачем трава меня щекочет,
Зачем кузнечик так стрекочет,
Зачем шиповник заалел,
Зачем так дождик звонко пел,
Зачем в глаза мне солнце било?
Затем, чтоб я тебя любила.

14 марта 2013 г.

Малютка-кузнечик стрекочет.
Чего-то он, видимо, хочет.
Я тоже чего-то хочу:
Стихи на бумаге строчу.

И что нам с кузнечиком надо
От этого тихого сада,
От этих ажурных теней,
От этих стремительных дней?

13 марта 2013 г.

Дождь идет да идет от зари до зари,
Дождь идет, а по лужам снуют пузыри,
И с небес и с ветвей, и с любого листа,
Дождик капает, будто бы краска с холста.
Что за живопись. Бог мой, и как не нова!
Кто не видел, как мокнет под ливнем трава,
Кто здесь не был, и не жил, не ведал страстей,
И в руках не сжимал колонковых кистей.

12 марта 2013 г.

А что там над нами в дали голубой?

Там ангел с крылами, там ангел с трубой,
Там в ангельском облике облако, о!
Такое текучее, так далеко,
Как прошлое наше, как наше "потом",
Как дом самый давний, как будущий дом,
Верней, домовина. Откуда нам знать
Куда уплывает небесная рать,
Какими ветрами он будет разбит,
Тот ангел, который беззвучно трубит,
Тот ангел, который не ангел, а лишь
Сгущение воздуха, горняя тишь.

11 марта 2013 г.

Если нет Тебя, Боже Ты мой,
Значит надо справляться самой.
Только как с этой жизнью справляться?
В чьих ногах днём и ночью валяться?
И кого со слезами просить
Раньше времени свет не гасить,
Ровно льющийся, тихий, небесный,
Освещающий путь этот крестный?

10 марта 2013 г.

Поющий кустарник, поющая птица.
День медленно гаснет. Куда торопиться?
Поющий кустарник жасмина, сирени.
Сижу, обхвативши руками колени
И в памяти дни своей жизни листья.
На пышном кустарнике – певчая стая.
И песня звонка, а когда затихает
Становится слышно как ангел вздыхает.

9 марта 2013 г.

Что ты мнѣшься, утро? Заходи.
Заходи скорей, располагайся,
Темноты остатней не пугайся,
День начать желанье пробуди,

Пробуди живейший интерес
К этой яви. Ты – великий дока
Убеждать, что вся эта морока –
Редкий дар светлеющих небес.
2013

Ах, черно-белое кино!
Оно цветного многоцветней.
В нём потаённой, несусветней,
Загадочней и высь и дно.

В нём все оттенки и тона –
Анахореты, невидимки.
В нём постоянно в дивной дымке
Любая явь и область сна.

Оно и скрытней и скромней
Цветного. Любит многоточье.
В нём что-то светит даже ночью
И нет конца игре теней.
2013

То жить без себя я совсем не могу,
То я от себя без оглядки бегу,
Хотя от себя убежать я не в силах.
Ни у быстроногих, ни у легкокрылых
Возможности нет ну совсем никакой,
С собою расставшись, уйти на покой.
Устав быть собою всю жизнь днём и ночью,
Оставшись на свете, сложить полночь.
2013

Нет, я словами не бросаюсь.
Я просто словом прикасаюсь
К тому, что дорого, к тому,
Что близко сердцу и уму.
Могу словами прикоснуться
К тем, кто ушёл, чтоб не вернуться,
И тех коснуться без труда,
Кто только на пути сюда.
2013

8 марта 2013 г.

И маленьких нас небеса окружали.
И было нам страшно и губы дрожали,
Когда небесам задавали вопрос
О том, что нам день народившийся нёс.
И губы дрожали, под ложечкой ныло,
А солнце в глаза нам безжалостно било,
И небо, которое было везде,
Качалось в текучей и талой воде.

7 марта 2013 г.

Осыпается небо родное.
Серебрится пространство земное.
Прямо с неба летит серебро.
Поживём, коли дали добро.
Поживём, коль пожить разрешили.
Мы сегодня так счастливо жили,
С небесами столь хрупкую связь
Сохраняли, весь день серебрясь.
2007

6 марта 2013 г.

Тебя помилуют, не бойся.
Ложись и с головой укройся.
Ложись и спи лицом к стене.
Ночной покой всегда в цене.

Дыши всю ночь легко и ровно.
Да будут те, с кем связан кровно,
Хранимы ангелом самим.
Да будет ангел сам храним.

5 марта 2013 г.

Так рано глаза начинают слипаться.
А утром мне так тяжело просыпаться.

Так рамки земные для жизни тесны.
Зато так воздушны и сладостны сны.
И я в этих снах молода, легконога,
И всё мне подвластно – любая дорога,
Все близкие живы и рядом они.
Будь милостив, ангел, и сон мой храни.
Позволь со мной рядом побыть моей маме
Такой молодой с золотыми кудрями.

4 марта 2013 г.

Хоть верится слабо в счастливый конец,
Но каждый в душе – желторотый птенец
И ждёт ни войны, ни болезни, ни шторма,
А чьей-то опеки и сладкого корма.

И даже поживший, усталый, седой
Он верит, что он под счастливой звездой
Родился и дальше не смертные муки,
А чьи-то большие и тёплые руки.

3 марта 2013 г.

Девочка с высоким лбом
В чём-то сером, голубом
На картине старой очень.
Кто сказал, что мир не прочен,
Если смотрит до сих пор
Девочка на нас в упор
Взглядом светлым, безмятежным
В платье льющемся и нежном,
Приглашая: «Не спеши.
Поживи со мной в тиши.
Отдохни со мною рядом
Под моим недвижимым взглядом».

2 марта 2013 г.

Я мир стараюсь утеплить,
Как в дождь холодную терраску,

Я всё рассказываю сказку,
Чтоб жажду ласки утолить,
Тоску по ласке и теплу.
Ведь слушать сказочку о счастье
Так хорошо когда ненастье
И дождик хлещет по стеклу.
2013

Ну, слава Богу, вроде дышится,
Тьфу-тьфу не сглазить, вроде пишется,
И сквознячок гуляет в доме,
И смерть живым на радость в коме,
И жизнь бессмертная куражится,
Да так, что мало не покажется,
И модный шлягер напеваает,
И нас лукаво подбивает
На то, чтоб мы, забыв о старости
И разных хворях, и усталости,
Опять спешили на свиданье
С капризной музой мирозданья.
2013

Шагалу

Лазурные козы летят,
Коровы летают зелёные,
И люди летают влюблённые
И доли иной не хотят.

Наверное, надо и нам
Чужому примеру последовать.
Ведь вряд ли нас будут преследовать
Земные невзгоды и там.

Ну где ты, художник? Ну где?
Скорей нарисуй нас летящими,
На всё это сверху глядящими,
Ах не оставляй нас в беде.
2013

Сквозь груды строк просвечивает то,

Что жило здесь ещё до этих строчек:
Следы каких-то давних заморочек
И адреса, которые никто
Уже не помнит нынче, адреса
Ничейные, чужие небеса,
И улицы под теми небесами,
Где кто-то ждёт кого-то под часами
С цветами, различимы и цветы –
Везде следы минувшей маеты,
Поверх которой я пишу в горячке
Свою осанну и свои заплачки.
2013

А если творить, то уж сразу для вечности,
Для сини небесной, для облачной млечности,
Для будущих вёсен, для будущих лет,
Для тех, кто ещё не родился на свет,
Для тех, кто на свет потому и рождается,
Что в чём-то земном и небесном нуждается.
2013

23 февраля 2013 г.

Да мы же все с луны свалились
И озираемся вокруг,
Не ведая, зачем мы вдруг
На этот белый свет явились,
Где дни круты, как валуны,
Для нас свалившихся с луны.
2013

Раз мы берём начало, как река,
То, значит, мы потом не пропадем,
А, как река, во что-нибудь впадаем –
В отчаянье, в беспамятство, в века.
А я бы впала в детство – потому,
Что в нём не знают ничего о бездне,
А только знают детские болезни
И праздников ребячьих кутерьму,
И салочки, и прятки, и лапту,
И пёстрый мячик ловят на лету.
2013

Я жить без счастья не могу.
Без счастья я погибну сразу.
Я рада тополи и вязу,
Следам на утреннем снегу.
Я рада тени и лучу,
Погоде дивной и ненастью,
Тому, что я назначить счастьем
Вольна ну всё, что захочу.
2013

Ну и пусть непонятно, и пусть.
Всё равно стоит знать наизусть
Эти тёмные, светлые строки.
Всё равно в этой странной мороке
Есть какая-то прелесть, и есть
Зёрна счастья, которых не счесть.
Может даже небесные пятна
Там трепещут, где всё непонятно.
2013

А все стихи мои с начинкой,
Которая всегда с горчинкой.
И даже те, что, как цукат,
Всегда с горчинкой, как закат,
Который, хоть томит, чарует,
Волшебный день у нас ворует.
2013

Не договаривают все:
И старцы мудрые, и дети,
Речушка в средней полосе,
Ромашка в поле и в букете.
И скрытен день, и ночь темнит,
И утро тихой тайне радо.
Сама судьба секрет хранит.
Не договаривай. Не надо.
2010

ПАМЯТИ ГРИГОРИЯ СОЛОМОНОВИЧА ПОМЕРАНЦА

Сокр. вариант: «Миллион причин для счастья», «Новая газета», 20.02.2013: <http://www.novayagazeta.ru/arts/56851.html>

Если человек умер, это ещё не значит, что он жил. Факт рождения — не гарантия жизни. Но и смерть не всегда конец. В случае Григория Померанца смерть точно не конец. Без Померанца нельзя обойтись тому, кто хочет что-то понять в себе и в окружающем мире, который, к счастью или к сожалению, не становится проще. У Григория Померанца можно многому поучиться. Ну хотя бы тому как быть живым до самой смерти и даже после неё. Я вообще плохо понимаю, как жизнь решается расстаться с такими людьми. Кто же будет её любить, как Померанц, понимать, как он её тайнопись, и, как он, вникать во все её оттенки? Разве можно отпускать таких людей?

Одно утешает: он многое успел нам поведать, познав самые крутые виражи: войну, Гулаг, ссылку, смерть близкого человека. С нами остались «Записки гадкого утёнка», в которых он, как на духу, «во всём сознался»: и в слабостях своих, и в победах над ними. *«Постоянным напряжением, постоянным вызовом была война. Я был счастлив по дороге на фронт, с плечами и боками, отбитыми снаряжением, и с одним сухарём в желудке, - потому что светило февральское солнце и сосны пахли смолой. Счастлив шагать поверх страха в бою. Счастлив в лагере, когда раскрывались белые ночи. И сейчас, в старости, я счастливее, чем в юности. Хотя хватает и болезней и бед. Я счастлив с пером в руках, счастлив, глядя на дерево, счастлив в любви».*

Редкое свойство Померанца — обращаться к каждому из нас, впускать в свою душу и быть абсолютно искренним. Ни позы, ни нравочений. «Бойся того, кто скажет «Я знаю, как надо», - часто повторял Г.С. эти слова Галича. Он знал, как *не надо*. И это уже очень много. Не надо догм, не надо ненависти к инаким, не надо пены у рта, не надо терять надежду. Ведь всегда есть чем жить и всегда есть причина для счастья. Она есть и сегодня, потому что и сегодня, как в том давнем феврале, когда он шёл на фронт с одним сухарём в желудке, светит февральское солнце и сосны пахнут смолой. Григорий Померанц *не учит* радоваться. Он просто заражает вирусом радости. «Как можно видеть дерево и не быть счастливым?» Эти слова Достоевского часто звучали в доме Померанца и Миркиной.

Достоевский — спутник Померанца с 1938 года. Он думал и писал о нём всю жизнь. Он хорошо понимал и «смешного» человека и «подпольного». Да и как не понимать, если Померанц сам такой. Недаром же он назвал свою автобиографическую повесть «Записки гадкого утёнка». *«Смешной человек потому и смешон, что в уме его теснятся целые вселенные, - пишет Померанц в одном из очерков, посвящённых Достоевскому, - смешным человеком чувствовал себя и Толстой (это видно в его повести «Юность»).* Оба величайших русских писателя, очень чувствительные к красоте, с детства были задеты своей собственной грубой и невыразительной наружностью, часами простаивали перед зеркалом, пытаясь придать лицу по крайней мере умное выражение, а в гостиную не умели войти; склонность к созерцанию вызывала рассеянность и неловкость, а сознание своей неловкости и к тому же некрасивости сковывало по рукам и ногам и удесятеряло неловкость». Кому незнакомы подобные переживания? Померанц пишет о писателях и их героях, как о близких и понятных людях. Ему внятны их рефлексии, фобии, их внутренняя борьба. Для него литература, культура — никакая не надстройка, а сама жизнь в её сгущённом виде, квинтэссенция жизни. Потому так тянет читать Померанца. О чём бы он ни писал, он всегда пишет о главном в тебе, в себе, в нас. О Достоевском, Толстом, Тютчеве, восточной философии, истории он пишет так же лично, как о своём собственном выстраданном опыте на фронте, в Гулаге, в любви. Именно поэтому нам так необходимо написанное им. А ещё потому что это строки свободного незашоренного человека, что всегда было и остаётся редкостью.

Как странно и нелепо, что человека, который дома и в литературе и в философии, и в истории, вдруг из этого дома выселяют. Как дико, что человек, которому было так интересно жить, больше ничего не будет знать об этом мире и о любимых людях. А может быть, будет? Но не стоит об этом. Лучше полистать те страницы жизни, которые навсегда останутся в памяти: Григорий Соломонович, прикрыв глаза, слушает стихи или музыку (любимое ежевечернее занятие Зины и Гриши); Г.С. спокойно, без суеты привычно помогает Зине накрывать на стол; раннее утро на даче в Отдыхе, Гриша, как обычно, отправляется на велосипеде в магазин за продуктами. И в этой роли он столь же естествен, как и за письменным столом. А ещё долгие годы у нас дома хранились рукописи Померанца. Ведь мы же десятки лет жили в догугтенбергской России, и Г.С. старался держать свои неизданные труды в разных местах, чтоб они хоть где-нибудь сохранились.

В России и впрямь надо жить долго. Авось до чего-нибудь хорошего доживёшь. Григорий Померанц и Зинаида Миркина дожили. Их издали, их узнали и полюбили сотни и сотни людей. К ним тянулись, на их лекции, которые они регулярно читали, приезжали из отдалённых уголков страны. Г.С. успел почувствовать свою нужность.

А ещё они успели пожить в замечательной квартире, которую им помогали обустраивать любящие их люди. Впрочем, им и в хрущёвской пятиэтажке было неплохо. Они и в тесной квартирке с прекрасной слышимостью (из квартиры сверху доносился собачий лай, а из соседней плач ребёнка) умудрялись жить втроем с тишиной. Меня всегда поражало свойственное им обоим сочетание страстности и внутренней тишины. И эта тишина воспринималась, как живое существо, на которое можно даже наткнуться.

В их доме часто звучали стихи. Гриша любил строки Пастернака: «Ты вечности заложник у времени в плену». Но сам-то он умел жить и во времени и в вечности, и никогда ни у кого не был в плену. А 13-го марта ему исполнится 95 лет. И свет будет, наверно, ещё более весенний, чем сегодня. Ещё один повод для счастья.

17.02.2013

Лариса Миллер

16 февраля 2013 г.

И лёгок снег подобно снам,
И он летает по касательной.
А мы всё ждём, что бросят нам
Такой желанный круг спасательный,
А мы который год подряд
Отодвигаем неизбежное,
Цепляясь то за чей-то взгляд,
То за приветное слово нежное,
И всё равно идём ко дну,
И всё равно кольцо смыкается.
Не оставляй меня одну,
Когда зима, когда смеркается.
2013

Ну а теперь давайте tutti.
Ведь мы одно творим по сути,
Творим мелодию одну.
Любовь и счастье на кону.
Ах, небо, дерево и птица,
Покуда музыка творится,
Покуда все мы заодно,
Всё худшее упразднено,
И я подхватываю слёту
Пленительную вашу ноту.
2013

И третье дано, да и даже четвёртое.
Поверьте, что жизнь – существо не упёртое,
А просто к ней нужен особый подход,
И я занимаюсь который уж год
Её заморочками, снами, привычками,
Ключи иногда заменяю отмычкам,
Пытаясь проникнуть в её тайники,
Постичь её пламя, её сквозняки,
Найти всё, что было когда-то потеряно,
Чтоб вновь убедиться, что шансов немерено.
2013

Короче говоря...
Ещё, ещё короче,
Короче летней ночи,
Прозрачней, чем заря,
Яснее ясных гроз,
Словами, точно вспышка,
Скажи — и передышка
Для выдоха и слёз.
1985

09 февраля 2013 г.

Как досадно, что в мире таком беспредельном,
Так легко упразднить нас ударом смертельным,
Что под небом без дна и конца, и границ
Время может прервать нас безжалостным «цыц»,

Что слова «на века, навсегда, безгранично»
Ни к тебе, ни ко мне не относятся лично.
2013

Ах, взглянуть бы на всё с точки зрения вечности,
С точки зрения неба и облачной млечности,
С точки зрения ветром продутых широт.
Ах, какой же мы всё же пугливый народ.
Как нам необходимо местечко уютное
И минутный успех, и везенье минутное.
2013

А мой совет – носи с собой
Всё, что тебе для счастья нужно,
И будешь жить со всеми дружно:
С текущим, с будущим, с судьбой.
Коль всё, что окружает нас,
Непрочно, как молочный зубик,
Имей с собой лазури тюбик
И свежий воздух про запас,
И звуки, звуки всех тонов,
И свет, и свет всегда любимый,
И слов запас неистребимый
Для этой яви, этих снов.
2013

А тишь-то какая! А свет-то какой!
Все в мире невзгоды ушли на покой,
И стало не страшно, и стало легко,
За счастьем не надо идти далеко.
Оно не жар-птица – снегирь на снегу.
Точнее о счастье сказать не могу.
2010

Интересно, что случится,
Коль на время отлучиться,
Ненадолго выйти вон
Из потока дней, что мчится,
Всё живое взяв в полон;

Убежать, как дух от тлена,
От наследственного гена,
Прочных связей, кровных уз,
От судьбы, где даже смена
Дня и ночи — тяжкий груз;
Убежать от оста, веста,
Зюйда, норда, из контекста,
Что написан на роду...
Только ты держи мне место
В этом веке и году.
2000

02 февраля 2013 г.

Ах, детство, ты меня растило,
Вот я тебя и навестила,
К местам исчезнувшим, родным
Двором прошла я проходным
И потянулась по привычке
К давно исчезнувшей табличке,
Той, что высОко так висит,
И «Румер. Три звонка», - гласит.
Ура, мне удалось вернуться.
Осталось только дотянуться.
2013

Да я не о смерти. Я только о жизни,
Что так дорога при её дешевизне,
Что так дорога мне и так дешева,
Что даже не верится мне, что жива,
И вновь от удара судьбы увернулась,
И вышла из дома, и снова вернулась.
2013

Увы, разиня и неряха,
Замызгал нить, какую пряжа
Любовно пряла для тебя.
Её без толку теребя,
Замызгал нить и замусолил,
Глаза пространству намозолил,

Запнулся и, теряя нить,
С тоскою выдохнул: “Не жить”.
1981

Анатолий Постолов
Баллада о голубке
Из новых стихов

ПОЛЬСКОЕ ТАНГО

Моему отцу

ольское танго

Сыграйте мне, панна,
На потускневшем старом пиано...
Пусть мимо кладбищ,
Костелов и парков
Бричкой беспечной
Катится танго.
Танго 30-х,
Неопаленных,
С бурным стаккато
Аккордеонов.

Вы - шансонетка,
Вас обожают,
Ваша горжетка
Искры роняет.
Вас окружают томные рожки
Светских красавцев,
Хамов вельможных.
Слушают вас упоенно и жадно
Лысый студент
И банкир моложавый...
Юная полька
С легким акцентом,
Вы - полукровка
(вспомнят об этом).

Танго, панове,
Танго столицы!
Снова и снова
Петь, веселиться!
Танго предместий,
Танго предчувствий,
Спеси и чести,
Слез и напутствий.

Танго с надрывом,
С поздним прозреньем
Наших наивов,
Наших сомнений.
Танго развалин
С кровью и шиком,
Танго - для шляхты.
Танки - для жидув...

Где вы теперь, музыканты, старлетки,
Где потерялась моя шансонетка?
Звали Хеленой, а может быть Ханной...
Нет вас на свете, милая панна.
Нету на свете танго влюбленных
С хриплым стаккато аккордеонов.
Улицы нет.
Позабыто названье.
Есть лишь короткое воспоминанье:

Вечер, и снега густое круженье.
Комната. В комнате смех и движенье.
Свечи горят, гости шутят галантно,
Мама играет польское танго...

Вынесло время злые вердикты.
Панна, сыграйте, молю вас...

Już nigdy...*

* Уже никогда... (польск.)

ЛЬВОВ

Остановка трамвая. Краина города.
Пыльный ларек, пропахший пивом.

Ленивый перелет грузного ворона
от жухлой травы к опилкам.
Памятник воину-освободителю,
где воин замер, как истукан,
но напрягает бужущие под кителем
мышцы и просит налить стакан.
Рассказывает, что убит был под Равой
Русской, где отпет безоблачной синевой,
что покрыт неувядающей славой
и не ослабит портупей тугой.
И пуля застряла, как в горле кость
от ихнего: «зныщ москаля!»
И что здесь он не столько незванный гость,
сколько хранимая в ладанке земля.
И он протягивает 9-миллиметровую пулю,
пущенную из шмайсера под кадык,
и говорит: «Мне пора на передовую»,
с трудом проворачивая язык.
Воздушных шаров пузатый плафон
заляпал оранжевым атмосферу.
Даже мемориала гвардейский газон
стрижен под Степана Бандеру.
А на обочине щит в полвагона
извещает, что патриоты из «наших»
заставят ублюдков из «регионов»
выносить за собой парашу....
Трамвай медленно ползет по кольцу.
Останавливается. Тормозит под сурдинку.
Шмель собирает незалежну пыльцу
с цветущих на мемориале барвинков.
Правду подноготную лишь ворон знает,
но она ему не колет глаза.
Он стар и не спеша по траве ковыляет
за кольцевую, за погост, и далее за...

БАЛЛАДА О ГОЛУБКЕ

Земля теряет под собою почву,
Вокруг вода к воде водой ведет,
Лишь воркованье голубиной почты
Последнюю надежду нам дает...

И это помнит старый мудрый Ной,
Его ковчег, похоже, сорок суток

дрейфует между небом и водой,
затягивая омутом рассудок.
У старика все валится из рук,
Он удручен, он выжат будто губка,
И он не нужен никому вокруг, -
Но у него есть голубь и голубка.

Он холит их, он кормит их с руки,
Он им свои секреты доверяет,
Он гладит спинки их и хохолки,
И в небо их однажды запускает...

А сыновья смеются: - ай да Ной!
От старости совсем сдурел однако,
И развалившись, пьют они вино,
И дразнят попугая и макаку...

Вот голубь возвращается - увы,
Следов земли нигде не отыскал он,
Лишь ветер катит пенные валы,
Да молний дальних чудятся оскалы...

Ной задремал, но чувствует сквозь сон,
Как с неба что-то белое спустилось,
И тяжело веки поднимает он,
И видит, - что голубка возвратилась!

Оливы ветку в клювике держа,
Она пред Ноем ходит будто пава,
Голубка, радость, девочка, душа...
Жаль, не тебе вся достается слава.

И Ной смеется, и голубку гладит,
И маковые зернышки перед ней
Он рассыпает бисером по глади,
И говорит: - пора седлать коней...

Во все кимвалы бейте и трезвоньте...
А сыновья бегут к нему, крича:
- Отец, земля! Земля на горизонте...
Очаг... Дорога... Женщина ... Свеча...

Земля, как прежде, обретает почву,

Диктат воды отбрасывая вспять.
Предназначенье голубиной почты -
По зернышкам надежду возвращать.

Елена Минкина

Что в имени тебе моем

Глава из нового романа

«Эффект Ребиндера»

От редакции. Еще две главы из романа опубликованы в журнале "Семь искусств", №3/2012

а, имя ему досталось непростое, специально для насмешников – Матвей Леонардович Шапиров. В детдоме ребята дразнили Мотей и даже Марусей, в университете – Аполлонычем. Попробуй поспорить! И фамилия непонятого назначения – то ли русская, то ли азербайджанская. В результате оказалось, что еврейская! Еще в деревенской школе последнюю букву приписали зачем-то. Перед отправкой в детдом. Но букву Матвей потом убрал, конечно.

Маму он хорошо помнил, особенно в последний год их общей жизни, когда сидели в обнимку вечерами в чужой сырой избе, и она рассказывала обо всем на свете, все торопилась рассказать, все спешила, словно знала свой срок, свой час назначенный. А он, восьмилетний, рано повзрослевший пацан с непривычными среди деревенских темными тугими вихрами, слушал и слушал. Про голодное несчастливое детство – как безобразничал и буянил ее отец, Васька Косой. Да, так и звали до самой смерти, не Василий Митрофанович, а только Васька, или еще Васька-пьяница. И ее в детстве звали не иначе как Васькина дочка. Да, так и бедствовали, жили подачками да стиркой, даже своей скотины не смогли завести. Потом в селе появились незнакомые люди в городской одежде, революционеры. Маленькая Надька их хорошо запомнила, потому что в первый раз тогда получила настоящую конфету, большую конфету в золотой бумажке. Отец, было, подружился с чужаками, шумел, бил себя в грудь, водил по зажиточным дворам показать, где спрятано зерно. Но ни к чему хорошему эта дружба не привела – городские забрали зерно и уехали, а отца глухой осенней ночью прибили свои же односельчане. Правда, только слухи ходили, что свои,

никто убийцу особенно не искал. А приезжие милиционеры написали, что Косой по пьянке помер – свалился в овраг, да и пробил голову об камни.

Матвей не все понимал – какое зерно, почему убили, но молчал, не спрашивал. А мать все бормотала скороговоркой, как ненужное и давно забытое – да, бедствовали с маменькой, да, работали от темна до темна по чужим дворам. Потом и маменька померла, и сама Надька, наверное, сгнула бы в одночасье, если б не началось на селе новое дело – коллективные хозяйства. Колхозы значит. Такое великое новое дело, чтобы и скотина, и посевы стали общие, а народ трудился коллективно и урожай делил поровну.

Вот отсюда начиналось интересное! Матвей уже знал, что сейчас мама расскажет про его отца.

Колхозы, конечно, не всем глянулись, крепкие хозяева кричали, что ничего сдавать не станут и никого знать не знают. И тогда появился на селе Комиссар, председатель колхоза! Это уже потом узнала Надька такое слово – комиссар, а тогда только глазела на решительного человека с неммыслимо прекрасным именем Леонард и нездешней фамилией Шапиро. Чем-то чудесным веяло от его фамилии – то ли воздушными шарами, то ли цирком Шапиро – Надька так и не успела придумать, потому что начались совсем сказочные дела! Не прошло и недели, как именно ей, девчонке и недоучке, строгий немолодой (наверное, за тридцать перевалило!) комиссар предложил участвовать в большом государственном деле – борьбе с кулаками и врагами социализма! Потому что сам великий Сталин на всю страну объявил – колхозы должны опираться на бедноту!

Так и началась история маминой любви. Не ходила, а летала по родной деревне, парила, как птица! Хоть и уставала с непривычки от заседаний и незнакомых слов, хоть и томилась над списками кулаков – все ж свои знакомые люди, но не хотелось ни думать, ни горевать! По ночам обнимала она измученного от непривычной колхозной работы поседевшего Леонарда, плакала над его стертymi в кровь руками, а волна восторга, незнакомомого, неммыслимого счастья и восторга уже несла ее прочь от родных берегов, от одиночества и неприкаянности, в другую, прекрасную жизнь!

Нет, она не испугалась, даже когда живот полез на глаза. Не обидел ее комиссар Леонард, не опозорил пред соседями, а на глазах всего мира повел расписываться в сельсовет! Так и превратилась сирота и нищенка Надька Косая в Надежду

Васильевну Шапиро, законную жену самого председателя колхоза и мать маленького богатыря Матвейки.

Они переехали в Москву летом тридцать шестого, комиссара отозвали на важную работу – парторгом большого завода. Конечно, они радовались! Хоть и жаль было покидать крепнувший колхоз, но Надя видела, как манит мужа городская жизнь. Он и раньше мечтал отдать сына в настоящую городскую школу. И Надя тоже собралась учиться! Стыдно жить малограмотной рядом с образованным мужем и его товарищами по партии. Сначала она решила завершить семилетку, а потом и в техникум подать! Только все выбрать не могла – на учительницу или на медсестру.

Они получили хорошую большую комнату на Трубной улице, купили шифоньер и трюмо, а для Матвейки настоящий кожаный диванчик. Каждый выходные Леонард теперь водил жену и сына в музеи и театры и даже в оперу, где люди вместо обычных разговоров пели на разные голоса. Надежда иногда скучала на таких представлениях, а Матвей, даром что маленький, радостно смеялся и бил в ладоши. Однажды, мирным солнечным утром муж вдруг рассказал онемевшей Надежде о своей семье – отце, почтенном профессоре медицины, величавой строгой маме, старинном доме в центре Киева. Когда-то родители прокляли его за разгильдяйство, участие в студенческих волнениях и отчисление из университета. Но теперь-то можно с чистой совестью посмотреть в глаза отцу! Их непутевый Ленчик – уважаемый человек, парторг завода, муж и отец. Вот наступит лето, и они все втроем поедут в старый добрый Киев!

Беда грянула той же весной. Хотя уже в феврале начались волнения, арестовали директора завода и даже его жену, чудесную красавицу и певицу Ариадну Андреевну. Но все равно Надежда ничего не поняла и просто окаменела от ужаса, когда в скверике за домом ее окликнул давний друг и соратник мужа. Они как обычно гуляли, уже проступила трава на прогалинах, маленький Матвей радостно шлепал по лужам.

– Слушай и не оборачивайся. Леонарда арестовали час назад, на рабочем месте. Скоро должны прийти домой с обыском. Короче – иди на станцию! Прямо отсюда, не заходя домой. Возьмешь билет себе и ребенку – и уезжайте. Куда-нибудь подальше, в деревню. Только не в колхоз, в колхозе скоро узнают. Вот, тут сало с хлебом, картошка. Денег много не собрать сейчас, но на дорогу хватит!

Друг казался совершенно спокойным, объяснял, совал в руки узелок, и только глаза выдавали – неподвижные темные глаза,

как у мертвого человека. И поэтому Надежда поверила и послушалась.

Это Матвей уже помнил сам, – как садились в поезд, а потом долго плелись по полю к серой унылой деревне, где жила мамина тетка, сестра покойного Васьки. Мать рассказала людям, что муж попал под поезд, многие верили и жалели, а кто-то и усмеялся злорадно. Сама тетка в том же году умерла от водянки, ее замужняя дочка уехала в областной город. Изба так и так оставалась бесхозной, никто их не прогонял.

Вскоре мама устроилась работать на ферму. В деревне тоже свой колхоз создали, но слабый и бедный, а за ферму вовсе никто не хотел отвечать – грязь непролазная, ведра худые, из щелей дует. Поэтому взяли ее охотно, и документов особо не спрашивали. Знала ли она, что скоро надорвется, не потянет непосильной ноши? Нет, кто ж про это знает заранее. Радовалась, что сын на молоке растет, одна только радость и оставалась ей посреди горя и тоски по мужу и прежней не успевшей расцвести прекрасной жизни.

Потом Матвей подрос, его записали в местную школу, но учеба оказалась неинтересной и даже глупой – столбики да палочки. Он уже давно знал все буквы и умел читать настоящие книжки, а цифры складывал даже лучше мамы.

Так и сидели они вечерами, никому не нужные сироты, гудел за окном ветер, дуло из щелей, а мать все вспоминала, все твердила лихорадочно непонятные чужие слова – райком, парторг, – все мечтала, как соберутся они да и поедут в теплый прекрасный город Киев.

– Такая чудная фамилия, небось, одна на весь город! Они нас сразу признают, сыночек, вот увидишь! Ты же весь в отца уродился, красивый, кудрявый, настоящий Шапиро.

Она умерла в феврале 41-го, за четыре месяца до начала войны. Сельсовет еще успел отправить девятилетнего Матвея в областной детский дом. Уже с фамилией Шапиров, букву приписала сердобольная директорша школы – куда ребенку мучиться с такой-то кличкой!

Матвей старался никогда не вспоминать первые месяцы детдомовской жизни, звериную невыносимую тоску по матери, ее теплу и голосу, рукам, нескончаемой и неценимой любви. Непонятно, как выжил. А может быть и не выжил бы, ни возьми его Семен под свою опеку.

Семен появился с началом войны, когда при эвакуации соединили несколько детдомов. Он уже успел поскитаться по детприемникам и каким-то специальным интернатам и прекрасно

освоил непростую науку выживания. Родителей своих Семен не помнил вовсе, только тщательно берег карточку, где два забавных толстячка в одинаковых белых панамках радостно смеялись на фоне моря и пальм. За руки они крепко держали совсем маленького кудрявого толстячка, в котором Матвей не сразу узнал тощего белобрысого Семена.

От нового товарища Матвей научился многим важным вещам – хранить хлеб, чтобы сухари не ломались и не обрастали плесенью, находить окурки-бычки, получать вторую порцию каши. С кашей вся хитрость заключалась во времени. За первой порцией нужно было прорваться как можно раньше, плотно затесаться в толпу ребят и, главное, не смотреть в глаза дежурной. А потом тщательно вылизать миску, терпеливо подождать и подходить опять – в открытую и спокойно, будто тебя здесь раньше никогда не стояло. Не сразу, но Матвей научился и спать при любом шуме, накрыв голову подушкой, и высекать из камней искру для раскурки, и различать почти полные бычки от сгоревших пустышек. Но, главное, немного отступили тоска и ужасное чувство пустоты и сиротства. Про отца-комиссара он никогда никому не рассказывал, и не хотелось, и все равно не поверили бы – в новой выписанной в деревне метрике вместо отца стояла черная жирная черта.

Семен никогда не дрался. И с ним не дрались. Потому что ничего его не злило и не огорчало. В самый голодный 42-й год он травил байки про свой прежний детдом и уверял, что никто из здешних ребят не ценит и не понимает своего счастья. Ну, холодно, ну хлеба мало дают, зато половину уроков отменили, спи – отдыхай! Им бы в специнтернате пожить годик-два, тогда б узнали, почему фунт изюму. Вся группа покатывалась, лежа на кроватях и слушая его очередную историю про свирепых воспитателей и хитрых пацанов.

Кстати, лежать все свободное время – тоже была наука Семена, так меньше кружилась голова от голода. Позже Матвей узнал, что специнтернатами называли детдома для детей врагов народа. Смешные веселые толстячки на фотографии – враги народа? А его собственный отец? Комиссар, революционер, председатель колхоза? Допустим, отца подставили какие-то предатели. Да, наверняка подставили, может, там был настоящий заговор. Но почему не разобрались до самой войны? Мама, бедная мама! Получается, ее тоже могли арестовать, как мать Семена? А его, Матвея, отправили бы в специнтернат?! Нужно самому искать отца, вот что! Но как искать, если ничего не сохранилось – ни фотографий, как у Семена, ни адреса в Москве?

Только один раз Матвей увидел, как дерется его друг. Ожесточенно и страшно дерется, раздавая направо и налево точные тяжелые удары. Но все-таки избегая бить в лицо. Не мог Семен бить в лицо, никогда не мог, вот в чем штука.

Незадолго до этого ужасного дня к ним привезли новую девчонку, Валю Краснову. Она, как и Семен, была на год старше Матвея, попала в другую группу, поэтому самого Матвея, слава богу, не позвали участвовать в расправе.

Нет, и раньше поступали новенькие, но там все было просто – либо родители умерли, либо погибли в бомбежку, а про Валю сразу заговорили, что она – дочь дезертира. Врача-дезертира, который работал на немцев. И сама все три года спокойно прожила под фашистами, пока наши не освободили город и не расстреляли предателя-отца.

И сразу возникла идея – устроить новенькой темную. Конечно, Матвей в душе ужаснулся, но и ребяг понимал – как можно прощать предателей! Странно, что Семен не узнал заранее. Или ребяга нарочно скрыли, зная его добрый характер?

Семен успел ворваться в спальню, когда Валя, накрытая с головой одеялом, почти не дышала:

– Фашисты! Вы все фашисты, едрена мать!! Козлы! Козлы хреновы!

Нет, слова, были покруче, многих Матвей и не слышал раньше, даже в деревне. Мстители разлетелись в разные стороны, как щенки. Свет погасили, и никто не увидел, как Семен, сдерживая рыдания, блюет в уборной.

Случай, конечно, замяли. У Вали оказались сломаны четыре ребра и нос, но постепенно все зажило, даже страшные синяки вокруг глаз сошли, и открылась круглая курносая мордашка, вся в веснушках, как перепелиное яйцо. Она ни на шаг не отходила от Семена, что выглядело очень смешно – длинный тощий как палка парень и рядом – вполовину от него – курносый шарик с косичками.

Валя сама рассказала, как ее отец, главврач районной больницы, осенью 41-го года отказался уходить с отступающими войсками. Потому что не хватило транспорта, чтобы вывезти тяжелобольных и раненых. С ним остались Валина мама, детский врач той же больницы, две санитарки, около двадцати больных и, конечно, десятилетняя Валя. И сначала все было почти нормально, немцы их не тронули, несколько человек выздоровело, стали поступать новые пациенты из окрестных сел, в основном старики и роженицы. А после того, как папа удалил аппендицит немецкому офицеру, в больнице появились свежее молоко и другие продукты.

Никто даже не узнал про раненых, родители сумели отправить их в лес с подводами для дров.

Но потом в городке объявили сбор евреев, все страшно испугались, потому что уже доходили слухи об их массовом уничтожении, и когда в больницу пришли за молодой еврейкой и ее только что родившимся ребенком, мама вдруг бросилась на полицая и стала вырывать младенца у него из рук. На этом месте санитарка уволокла Вая в подвал, и она только ночью узнала, что мама убита.

Потом прошли еще два года, Валя не ходила в школу, но папа где-то раздобыл учебники за пятый и шестой класс и постоянно следил, чтобы она занималась, даже диктовал диктанты по книжке Тургенева. Она научилась стерилизовать инструменты и делать перевязки, а в последний год самостоятельно ассистировала на операциях. Конечно, у них лечились не только жители, но и немецкие солдаты, один совсем мальчишка пролежал почти полгода, папа говорил, что он – везунчик и что нигде в литературе не описано такой сложной и успешной операции. И когда наши, наконец, освободили район, именно этого солдата папа не отправил к пленным, а велел переодеть в местную одежду и выдать за работника кухни. Но, конечно, другие больные донесли, и папу вместе с его везунчиком расстреляли прямо во дворе госпиталя.

Валя и Семен поженились сразу после окончания школы, они уехали в большой областной город, Валя поступила в медучилище, а Семен – на курсы водителей грузовиков. Потом, уже в армии, Матвей получил карточку крошечной курносой девчонки с улыбкой Семена и Валиной россыпью веснушек на щеках. На обороте аккуратным Валиным почерком было выведено – «Дорогому дяде Матвею от Аленки. 20.05.1952». Он ужасно обрадовался всему сразу – их любви, настоящей маленькой дочке, чувству навечно взаимного родства и братства. Только опять накатило одиночество и тоска.

Конечно, в армии он еще не знал и подумать не мог, какая замечательная новая дружба ждет впереди!

Все началось с кружка математики в седьмом классе. Матвей сразу записался, он и раньше любил алгебру и, особенно, геометрию – за стройность и логику. Не то, что какая-нибудь нудная литература или история с вырванными страницами и вычеркнутыми абзацами. Новый учитель математики, недавно вернувшийся с фронта, сразу стал давать Матвею отдельные задачи. Было ужасно интересно, хотя и нелегко. И пацаны смеялись и дразнили профессором. Но в старших классах смеяться

перестали, даже списывать не просили – никто уже не понимал, чем именно он занимается и на каком уровне. Тот же учитель написал прекрасную характеристику в МГУ.

Это уже после армии он решил, после смерти Сталина. Не было никаких денег, никаких знакомых в Москве, но столица и университет манили до умопомрачения! Просто дыхание перехватывало при одной мысли, что он может стать полноправным студентом МГУ, жить в огромном городе. И еще грела тайная давняя мечта отыскать следы отца.

Экзамены оказались вполне проходимыми, в документах значилось – русский, мать – Надежда Васильевна Шапилова, крестьянка, умерла в 1941, других родственников нет... Короче, приняли без проблем. К тому же в армии Матвей вступил в партию. Почему-то казалось, что отец бы его одобрил и поддержал.

Он страстно рванулся в новую жизнь, участвовал и в агитбригаде, и в походах, самозабвенно пел, научился играть на гитаре. Но главное – учеба! Матвей поступил не на мехмат, как советовал когда-то любимый учитель, а на физфак – хотелось реальной работы, стране требовались ученые для развития космонавтики, обороны, производства. Особенно притягивала атомная физика, уже всерьез заговорили об использовании «мирного атома», там ожидался потрясающий потенциал, даже самые большие гидроэлектростанции выглядели на этом фоне детскими игрушками.

Но учиться оказалось страшно тяжело. Однокурсники, наглые блистательные умники на много лет моложе Матвея, только посмеивались. Он очень скоро понял свое место, свою тупость и отсталость. Особенно тяжело шла теоретическая физика, еле вытягивал один хвост, как возникал другой. Это вам не детдомовская школа, где так легко казаться умником! Но Матвей не собирался сдаваться. Да и отступать было некуда.

Смешно представить, как он тогда выглядел! Восторженный и вечно голодный студент-переросток в солдатской застиранной форме без погон. Продукт коммунистического воспитания и постоянного промывания мозгов! Кто мог объяснить, что именно физфак МГУ не самое удачное место для образования и что декана факультета, Василия Степановича Фурсова, в кулуарах называют «любимым комсоргом Курчатова»? И ведь ему все казалась нормой – *партийная дисциплина*, жуткая секретность, строгая пропускная система, как будто ты заходишь не в учебный корпус, а как минимум в Институт Атомной Энергии. Если бы не дружба с Сашей, так и остался бы на многие годы социалистическим идиотом!

Нет, это был не просто случай, а потрясающее непостижимое везение! Преподаватель теоретической физики Александр Ильич Гальперин, недоступный молодой гений, предложил Матвею дополнительно заниматься, причем у него дома! Ходили слухи, что Саша Гальперин в свои двадцать шесть лет заканчивает докторскую и ходит в любимчиках у самого Ландау. Почему он выбрал Матвея – из жалости, из уважения к его упорству и трудолюбию? Разве можно спросить!

Гальперин жил с бабушкой Фридой Марковной, врачом-психиатром. Строгая старорежимная старуха, кажется сама немного ненормальная, почему-то полюбила Матвея, подкармливала, зазывала приходиться запросто, «без всякой физики». Еще более странным и чудесным оказалось, что Саша – нормальный парень, азартный читатель и спорщик. Вся жизнь Гальперина строилась на книжных знаниях, он нигде толком не бывал кроме Москвы и постоянно расспрашивал Матвея обо всем подряд – детдоме, друзьях, отношениях в армии, командирах, парторгах. Но он не просто спрашивал, он рассуждал, оценивал. Например, в истории с Валею его больше всего заинтересовал Валин отец, они долго спорили с бабушкой – где кончается клятва Гиппократата и начинается предательство, правильнее ли вступить за жену и погибнуть или промолчать и продолжать работать, возможно ли любить Родину и спасти вражеского солдата? И часто получалось, что нет однозначного ответа, как со вступлением Матвея в партию.

До знакомства с Сашей Матвей искренне гордился своим решением – слово коммунист казалось строгим и мужественным, а служба Родине – самоотречением и подвигом.

– Но почему вечное самоотречение?! – кипятился Саша. – Революция состоялась, война закончена, а мы все кричим: «Битва за хлеб, борьба за рекордный урожай, победа тут, победа там...». А может, я не спортсмен и победа меня мало волнует? А может, я хочу играть на скрипке или детей рожать? Много-много детей, и все тоже не строят коммунизм, а играют на скрипках? Думаешь, от меня будет меньше пользы, чем от твоего парторга? И вообще, объясни мне, пожалуйста, какова роль парторга на физическом факультете? Чем именно он занимается? Декан мне понятен, преподаватели, аспиранты, лаборанты, даже уборщицы – все понятны и нужны. А парторг?

Они жили в огромной комнате на Трубной улице. Название улицы имело отдельное значение, потому что мама упоминала в своих рассказах именно Трубную, – словно отголосок родительской любви. Комната Гальпериных являлась частью тоже

огромной квартиры, даже не квартиры, а целого этажа, разделенного на секции, там жило, кажется, полгорода, но не это поразило Матвея, а количество книг. Нет, конечно, он бывал в библиотеках, и в районной, и в той же Ленинке, но даже не мог представить в обычной жилой комнате такие бесконечные ряды старомодных тяжелых книг с темными страницами и золотым теснением на обложках. Книги же служили разделительными стенками – один угол Сашин, один бабушкин и общая столовая-гостиная, где Фрида Марковна, не признающая коммунальную кухню, что-то варила на стареньком, тщательно выдраенном примусе.

– Прошу вас, молодой человек, садитесь и не стесняйтесь! Такой куриный бульон сегодня уже не готовят, разве молодая хозяйка станет отдельно обжаривать шкуруку! Кстати, зачем вы прилепили это пошлое «ов» к своей прекрасной фамилии? Мне ли не знать! Половина нашей родни в Кракове носила фамилию Шапиро! Да-да, прекрасная ашкеназская фамилия, к тому же Шапиры относятся к роду Коэнов! Впрочем, откуда вам знать и про Коэнов! В Киеве? Конечно, и в Киеве были десятки Шапиро! Шапиро, Раппопорты, Фрумины... Можно ли сегодня найти кого-то? Адрес? Я скажу вам этот адрес, мой мальчик, очень короткий адрес – Бабий Яр!

В этом случайном удивительном доме Матвей впервые решился рассказать об отце.

– Студент? Комиссар? Какое безумие! Родители трудились как каторжные, лишь бы выбраться из местечка, построить культурный дом, дать детям образование, а наши дети бросали университеты и шли в революционеры! Несчастные глупцы! Но мы сами, сами во всем виноваты, мой мальчик!

Нет, вы посмотрите на эти книги! Стыд и позор! Стыд и позор на наши ничтожные культурные головы иметь такие книги и растить детей идеалистами. Ведь там все написано! Умные люди писали, предупреждали! Еще Лермонтов! Мальчик, гениальный провидец. Он же черным по белому написал: страна рабов, страна господ! Помните, что там дальше? – И вы, мундиры голубые, и ты, им преданный народ! *Преданный*, слышите? Холопу любезны розги и строгий барин! А мы им свободу и равенство! Ха!

А Чехов? Он же откровенно смеялся над глупыми сентиментальными девицами. Хождения в народ под кружевным зонтиком! Но мы не хотели думать с ним вместе, нам хватало Короленко! Впрочем, и Чехова понесло на Сахалин. Нет, вы мне скажите, зачем был нужен Сахалин?! Чтобы в сорок лет умереть от туберкулеза? Умница, рассказчик, философ. Напрасная

жертва – ни литературы, ни откровений! Но хотя бы сам все понял. Вы читали поздние рассказы Чехова? Прекрасно понял и прекрасно написал – чиновники – трусы и взяточники, а мужики – пьяницы и воры! Поэтому любую доброту и милосердие с вашей стороны мужик поймет как слабость и возможность безнаказанно украсть. И потом вам же продать втридорога. Читайте, сударь. Берите и читайте! Может, ваше поколение сумеет выжить и не повторить наших ошибок!

Конечно, было не слишком удобно и даже стыдно пользоваться чужим гостеприимством, есть густой золотистый суп, рыться в книгах. Но совершенно не получалось отказаться! В качестве оправдания самому себе, Матвей все время что-то чинил у Гальпериных, переклеил обои, выровнял ножки кухонного столика. Благо у Саши, как говорила Фрида Марковна, «руки не из того места росли». Иногда он специально уезжал на окраины Москвы, бродил по Новодевичьему или в Измайловском парке, но не выдерживал больше двух дней и снова мчался в знакомый дом. У него даже образовался свой любимый угол, вернее, низкий продавленный диванчик между русской классикой и французскими историческими романами. Матвей впервые заметил, что в книгах существует некая тайна и гармония слов, немного похожая на гармонию математики, но даже более загадочная и затягивающая. И в зависимости от умения автора расставить слова, растянуть и уложить мирной описательной цепочкой или, наоборот, выстрелить короткой жесткой фразой, душа его тоже плавно парила или мучительно сжималась. Особенно притягивали описания старых дворянских усадеб и укладов – Толстой, Тургенев и даже Аксаков, «Детские годы Багрова-внука». Он пытался представить отца в детстве. Нарядный мальчик с книжкой в руках, сын профессора. Как он стыдился, наверное, своей чистой одежды и большого уютного дома, пытался подружиться с уличными мальчишками, таскал им конфеты из старинного резного буфета.

Получалась, что Фрида Марковна права. В особняках и профессорских усадьбах росли хороших и правильных детей, воспитывали, читали добрые книжки. Да, дружно читали долгими зимними вечерами, в высоких хорошо натопленных комнатах с обязательной библиотекой и роялем. Или летом, в милых дачных беседках, заросших бузиной и сиренью, как в пьесах Чехова. И, конечно, разыгрывали спектакли! Домашние трогательные спектакли на дощатых самодельных подмостках – о любви к труду, сострадании, справедливости, милосердии. «Мы увидим небо в

алмазах!»). А потом дети выросли и так же дружно уходили в декабристы, народовольцы, революционеры...

– Декабристы?! Оставьте, мой мальчик! Сейчас вы еще вспомните Пушкинский лицей, 19 октября, Чаадаева. А вот хотите, я вам расскажу про современную жену декабриста? Нет, не декабриста, конечно, а моего однокашника по Сорбонне, но настоящего потомственного дворянина, добрейшего Мити Катенина. После Митиной защиты они остались жить в Париже. Да, сударь, еще до революции, вы необыкновенно догадливы! Кстати, прекрасно устроились, родили двух чудных дочек, купили дом. Катенина очень уважали в университете, он получил звание профессора эпидемиологии. И вот в один день жена Мити, утонченная хрупкая красавица, собирается и без звука покидает Париж, чтобы вместе с детьми последовать за мужем-профессором в далекую холодную Россию. Потому что Родина призвала его спасти народ от инфекций. Да, именно так, спасти! Подлое жестокое коварство! Игра на лучших чувствах порядочного человека! В тот же год, пока Митя трудился над прививками от тифа, его старшую дочь арестовали. И Митю бы наверняка арестовали и уничтожили, но ему повезло вовремя умереть от своего тифа. К счастью, их младшая дочь успела выйти замуж за юного героя, вскоре погибшего на войне, поэтому обеих вдов не тронули. Им даже оставили отдельную квартиру и мебель, привезенную из Парижа! Неслыханная щедрость. А старшая дочь Кира, очаровательная парижанка, так и пропала безвозвратно. Вы мне можете объяснить, за что?!

Обычно Саша слушал бурные бабушкины монологи с усмешкой или просто не слушал, а дремал, прикрыв лицо журналом. Кстати, все хвосты Матвея по физике давно забылись, не без помощи Гальперина, конечно. Саша объяснял коротко и блистательно, тут же набрасывал примеры, давал сходную задачу, и через час Матвей уже не мог понять, как он сам не справился с такой очевидной темой. Но на этот раз даже Саша возмутился:

– Ну, бабуль, ты даешь! «Повезло умереть, повезло погибнуть»! А может быть, твой Катенин стал бы светочем советской науки и получил Сталинскую премию?

– Не может быть! В принципе не может быть, понимаешь? Пожалуйста, хоть ты не морочь мне голову, достаточно твоего прекрасного отца! Если бы он меньше старался строить социализм и коммунизм, Фанечка была бы с нами, а не в сырой земле!

Матвей уже знал, что отец Гальперина недавно освободился после пятнадцати лет лагерей и теперь проживал где-

то на поселении. Кажется, он там и женился во второй раз, Фанечка, Сашина мама, умерла еще в 37-м, вскоре после ареста.

– Да-да, он, видите ли, мечтал о коммунизме! И заморочил голову моей несчастной дочери. Интересно, его новая жена тоже коммунистка? Или на этот раз появились другие увлечения? Кстати, когда ты, наконец, сам подумаешь о семье? Вы знаете, Мотенька, этот великий ученый нарочно сидит в холостяках, только бы не порадовать бабу. А у тех же Катениных, например, подрастает внучка, настоящая писаная красавица!

– Бабуль, опомнись! Я еще понимаю, про вдову поговорить. Но внучке-то от силы десять лет! На что ты меня толкаешь?!

– Во-первых, не десять, а все пятнадцать. Или даже шестнадцать, как Наташе Ростовой. А Болконскому, напомню вам, было за тридцать, прекрасная разница в возрасте!

– Вот-вот! Остается вспомнить, к чему привела эта прекрасная разница!

– Вы видите, Мотенька? И это доктор наук, преподаватель ВУЗа! Он может только зубоскалить и издеваться над больной старухой!

Почему-то Матвей мало запомнил двадцатый съезд. Нет, просто перемены начинались постепенно, никто еще не ожидал вскоре грянувшего шока. На факультетских партсобраниях царила полная растерянность, докладчики испуганно мямлили про перегибы. Но зато приближался настоящий, незнакомый и никому не снившийся праздник – Фестиваль молодежи и студентов! Он еще много лет вспоминал немислимые июльские ночи, как бродили с Любой, качаясь от любви, голода и свободы, братались с неумоимо пляшущими латиноамериканцами, пожимали разноцветные дружеские руки...

Да, вот что стало главным – в его жизни появилась Люба, ненаглядная единственная Любушка-голубушка! Честно признаться, Матвей не сразу обратил внимание на глазастую, черную как галка хохотушку из соседней группы. Люба, такая умница, сама подошла на студенческом вечере, благо, вовремя объявили белый танец. Конечно, Матвей еще в детдоме «дружил» с девчонками, обнимался в темных углах, гулял за ручку, но никогда не возникало такого неожиданного и радостного тепла и родства, будто, соединились разорванные половинки. Опыт у него был минимальный (погулял немного после армии с соседкой-разведенкой), а у Любы и вовсе никакого, но она так радостно и доверчиво летела навстречу, обмирала в его руках, не ломаясь и не торгуясь, что Матвей только шалел и мучился единственным

вопросом, куда сплавить соседей по общежитию. И тут же родилось разумное и правильное решение – им нужно пожениться!

Фрида Марковна бурно одобрила новость и испекла по этому поводу умопомрачительный пирог с корицей и медом.

– Вы просто молодец, Мотя! Взросление настоящего мужчины определяется двумя этапами – чтением Торы и созданием семьи! А наш гениальный физик будет нарочно тянуть и дожидаться моей смерти! Может быть, он слишком разборчив? Или не пользуется успехом из-за маленького роста?

На самом деле недавно защитившийся доктор Гальперин пользовался на факультете безусловным успехом у студенток и преподавательниц всех возрастов. Но никому не удавалось заманить стойкого доктора в свои сети.

– Бабуля, – смеялся Саша, завалясь на диван с очередной книжкой, – бабуля, ты только подумай, зачем нам с тобой другие женщины? Начнут мельтешить, капризничать, вводить свои порядки в логове старого холостяка. И потом не родилась еще та красавица, которая разобьет мое суровое сердце!

– Болтун! Что ты понимаешь в красавицах! Ты бы посмотрел на внучку Катениных, а потом говорил!

– Опять внучка?! Та-ак, понятно. А знаете ли вы, мадам, что бывает за соvrращение малолетних?!

Они расписались в конце августа. Вместо свадьбы закатились с ребятами в поход по Оке. В ковбойке и венке из ромашек Люба выглядела самой замечательной и счастливой невестой. Дни стояли на редкость теплые, засушили грибов. Матвей отдельно заготовил для Фриды Марковны три нитки отборных белых, пусть варит свой суп. Второго сентября вернулись в Москву, а третьего с утра позвонил Саша и сказал, что бабушка умерла. Два дня назад. От инфаркта. Похороны в среду утром, в Востряково.

Народу на кладбище собралось довольно много, в основном Сашины друзья и коллеги. Из пожилых подружек покойной выделялась невысокая женщина в длинном с оборками черном платье и такой же черной кружевной шали. Странная старомодная дама, словно ошиблась временем. Она тихо плакала, опираясь на руку тоненькой девушки в школьном переднике. Матвей мучительно морщился, сжимал Любин рукав – не хватало разреветься на глазах у знакомых. Бледный, непривычно молчаливый Саша принимал соболезнования, машинально кивая головой.

Что вдруг произошло? Да, подошла та самая дама, Саша склонился к протянутой руке в тонкой перчатке. Да, склонился как в прекрасном старинном фильме, наверное, Фрида Марковна еще в детстве научила. И поднял глаза на ее спутницу. Только и всего. Только посмотрел на девочку в школьной форме. Тоненькую сказочной красоты девочку с распахнутыми серыми глазами.

– Вот и Фридошка ушла, – прошептала дама, – все ушли! Все мои близкие, любимые, единственные! Ушли, ушли.

Конечно, девочка заметила его взгляд, вспыхнула, потянула старушку в сторону. Уже давали сигнал поднимать.

Потом они шагали рядом с Гальпериным, объединенные страшной неживой тяжестью гроба на плече, а девочка шла следом и смотрела на Сашу. Да, смотрела и смотрела на Сашу. И он все время оборачивался, искал ее взглядом, опять оборачивался. И когда опускали гроб, и когда клали цветы и мелкие камешки на уже засыпанную могилу, он постоянно поднимал глаза, словно проверяя, что она здесь, не ушла, не растворилась.

Потом начал накрапывать дождик, могильщики торопливо насыпали холмик, закрепили увеличенную фотографию. Фрида Марковна смотрела строго и чуть насмешливо, как в жизни. И вдруг Матвею показалось. Нет, не показалось, он был уверен, что она подмигнула ему. Незаметно и весело подмигнула, как настоящий заговорщик.

Следующий год оказался еще более беспокойным, мучительным и радостным одновременно. Матвея уже давно тяготили пустые факультетские партсобрания, тупо повторяющиеся *повестки дня* и *соцобязательства*. Многие годы он считал гибель отца очевидной ошибкой или даже результатом заговора. И в партию вступал, считая любой другой путь предательством его памяти. Нужно только набраться терпения и ждать, когда прояснится правда, и имя отца будет восстановлено. И вот она пришла, правда. Жуткая разрывающая голову правда. В столице появились первые освобожденные из лагерей. Каждый день приносил новые подробности, хотелось выть и кричать. Он часто вспоминал Валу и Семена, рассказы друга про специнтернаты. Даже детей не пожалели! Зачем, почему?! Руководители факультетской партийной ячейки обличали и гладко уверенно ввали. И опять призывали к партийной дисциплине и бдительности.

Конечно, сказались еще горы книг, прочитанные за последние годы, долгие разговоры с Сашей, влияние некоторых других преподавателей. Больше всего Матвею хотелось теперь подать заявление о выходе из КПСС, он возвращался домой

вымотанный до отвращения, до физической тошноты. Но дома его ждала Люба, родная и любимая Любушка, которую тоже тошнило. Тошнило совсем по другой причине! И эта главная причина делала невозможным никакие его подвиги и выступления.

Родов ждали к осени, но уже с первых месяцев Матвей места не находил от беспокойства и радостного возбуждения. Они сразу решили, что мальчика назовут Леонардом, а девочку Ириной – в память недавно умершей Любиной матери. Конечно, Матвей ждал сына, нет, не просто ждал, он был уверен в рождении именно сына! Ему даже снился иногда маленький крепкий мужичок. Наследник. Единственный кровный родственник.

А родилась девочка! Худой слабый галчонок с огромными Любиными глазами и страдальческой мордочкой. И это выражение страдания отдельно мучило и рвало душу, так что Матвей весь первый месяц не спускал девочку с рук, качал, шептал, грел ладонью животик, пока, наконец, не просияла в ответ светлая младенческая улыбка.

Гальперин явился одним из первых гостей. Притащил жутко дорогой проигрыватель, набор пластинок и толстую кудрявую куклу, раза в полтора крупнее Иринки. Люба ужасно обрадовалась, заторопилась накрывать на стол, но тут малышка тоже затребовала еды. Пришлось им с Сашей срочно уходить на улицу, заодно решили покурить, благо стоял тихий теплый вечер.

– Знаешь, – вдруг сказал Гальперин, – ее зовут Кира. Кира Катенина, обалдеть, да?

– Я помню, Фрида Марковна рассказывала.

– Нет, бабушка рассказывала про дочку, Киру Дмитриевну, а она – Кира Андреевна. Катенина-Горячева. Почти Бестужева Рюмина, ха-ха! Романтика, девятнадцатый век, поэты, декабристы... Скажи честно – бред? Мне тридцать лет, а ей восемнадцать. Будет через два месяца.

Фрида Марковна строго посмотрела с небес.

– Ну и хорошо, что восемнадцать! Вон Джульетте едва четырнадцать исполнилось.

– Да, – Саша грустно улыбнулся, – а Наташе Ростовой шестнадцать.

– Вот именно! Кстати, ее роман с Андреем Болконским выглядел вполне убедительно. Просто Болконский совершил глупейшую ошибку. Разве можно оставлять женщине время на размышления?!

Последний год в университете оказался самым наполненным и радостным. Диплом хоть и не золотой, но очень достойный, настоящая чудесная семья, удача с распределением.

«Ты мое дыхание, – напевала Люба, – утро мое ты раннее». Правда, Матвею не удалось попасть в институт Курчатова, заветная мечта о мирном атоме грозила рассыпаться, но тут выяснилось, что целая лаборатория выезжает из Дубны в Новосибирский Академгородок. И его готовы взять на должность МНС! Это было сказочным немислимым везением!

В том же году Матвей попал, наконец, в Киев. Нет, и раньше собирался, еще после армии, вспоминал мамины мечты о красивом теплом городе, пытался представить родителей отца. Но так и не поехал, даже в Москве не удалось отыскать следов Леонарда Шапиро, что говорить про чужой послевоенный Киев! Самое ужасное, что он ничего толком не знал – ни отчества, ни года рождения.

Собирался-собирался, а тут само получилось. В 61-м году. После смерти матери у Любы тоже не сохранилось никакой родни, только неизвестная тетка под Киевом. Раз в год тетка присылала ящичек с сушеными грибами и длинное тоскливое письмо про разруху и болезни. И хотя Люба не помнила ее вовсе, но все-таки решили проведать до переезда в Новосибирск, заодно и посмотреть новые места.

Сначала поездка показалась не слишком удачной. Вышло, что тетка и не родня почти – вдова покойного брата Любиной матери. Украинка по крови, она избежала расстрела, но потеряла всех родных, включая собственных детей, никого точно не помнила, ничего не рассказывала, а все только плакала, да кормила их черешней. У Иринки как раз лезли зубы, поднялась температура – на речку не могли выбраться, что говорить о долгой дороге в Киев, да еще на тряском автобусе.

Только на третий день Матвей поехал один, долго бродил по отстроенному центру, рассматривал чужие улицы, дома, никого и ничего там было не найти, конечно! Уже к вечеру все-таки подошел к окошку городской справочной.

– Шапиро, – равнодушно повторила толстая унылая тетка из окошка, – вы что, смеетесь! А имя, отчество, год рождения?

– Имя – Леонард. Леонард Шапиро, довольно редкое имя и точно жил в Киеве.

Конечно, глупо, он сам понимал, но все-таки смотрел с надеждой, как она листает толстую растрепанную книгу.

– Нет! Ни Леонарда, ни Леопольда. Не морочьте голову, молодой человек!

– А, может быть, есть отдельные списки по Бабьему Яру?

Кажется, тетка охнула. Или показалось? Тяжело, еле передвигая ноги, она ушла в задний отсек. На улице совсем

стемнело. Дурак, даже не проверил, когда отходит последний автобус. Аня будет волноваться...

– Вот, я нашла довоенные списки. Леонарда нет, но есть Леонардович. Шапиро Матвей Леонардович. Давать?

Три раза перечитал свое собственное имя. Нет, никакой ошибки, и номер рядом! Долго искал двушку для телефонного автомата, набирал номер, клал трубку, наконец, разозлился сам на себя и дождался длинного гудка. Голос был старческий, но очень вежливый и даже веселый.

– Да, да, Шапиро Матвей Леонардович собственной персоной, а кто спрашивает, позвольте узнать?

Сердце застучало в горле, и почему-то осип голос.

– Извините, Шапиро Леонард, примерно 1900-го года рождения. Примерно... Он имеет к вам какое-нибудь отношение?

– Да, – глухо ответила трубка, – я его отец. Но Леня погиб. В 37-м. А в чем собственно дело? Кто вы?

Это был старый тенистый переулок, почти рядом с центральными бульварами, где Матвей бродил утром. Толстая медная табличка с *его* именем тускло блестела на двери, и неожиданно громко, как колокол, бухнул в глубине квартиры звонок.

Двадцать лет! Двадцать лет провести в полном, безнадежном сиротстве и не знать, что на том же белом свете, на тихой улице с липами живет родной дед, чудесный старик с круглыми как у тебя самого глазами и смешными оттопыренными ушами. Господи, сколько он натерпелся с этими ушами, вечно дразнили, и в детдоме, и в армии, даже Любка, единственный близкий человек, звала братцем-кроликом!

– Как тебя зовут?! – почти крикнул дед.

Вместо ответа Матвей протянул раскрытый паспорт. Дед долго читал, напивлив толстые очки, как будто в трех незатейливых строчках их общего имени и фамилии была описана и вся их общая непрожитая жизнь.

– Боже мой, – тихо сказал, наконец, старик, и опустился на низкую скамеечку у двери, – боже-боже, мой бедный глупый сын. Поверь, мальчик, ни в нашем роду, ни в роду его несчастной матери не было второго такого идиота. И я еще назвал его в честь своего покойного отца. Моего мудрого отца, известного на весь Краков доктора Леонарда Шапиро!

– Ты думаешь, я не знал, что он женился на деревенской комсомолке? Думаешь, это что-нибудь добавляло к моему мнению об его дурацкой жизни? Но нет, у нашего революционера хватило ума не сообщать родителям! До самой войны я искал тебя и твою

мать, но ваши проклятые коммунисты, эти товарищи и убийцы, отказались давать какие-либо сведения!

– Одного я не знал, – что Лёничка назвал сына моим именем...

Два года, только два года самой бескорыстной любви и тепла подарила Матвею жизнь. Или целых два года?

Старик настаивал на переезде в Киев, хотел прописать в квартире. Но как Матвей мог отказаться от собственной лаборатории, новой темы, с таким трудом пробитой на научном совете? Он приезжал еще несколько раз, с болью в сердце видел, как слабеет и медленно уходит дед. Бабушка умерла несколько лет назад, порядок поддерживала домработница, сама уже старая и подслеповатая. На похороны пришло до удивления много народу, профессор Шапиро был хорошим врачом.

Люба выбрала на память старинный столовый сервиз и вазу с гнутыми ручками, ничего больше не вмещалось в их единственную комнату в общежитии.

Да, они жили тогда забавной коллективной жизнью, «общага в овраге». Из-за нехватки квартир в Академгородке студенческое общежитие, построенное в большом овраге, передали молодым семьям, конечно, временно, пока не достроится новый жилой комплекс. Получилось по-своему замечательно – по вечерам собирались в холле на этаже, играли на гитаре, пели, строили грандиозные планы. «Понимаешь, это странно, очень странно, но такой уж я законченный чудак...» Заодно по очереди смотрели за детьми, все были молоды и полны надежд. Потом подошла очередь на квартиру, отдельную квартиру из двух комнат! Люба безумно радовалась, записалась в очередь на мебельный гарнитур, сшила занавески из добытого по страшному благу импортного тюля, научилась печь сырный пирог с таинственным названием хачапури. Она только переживала, что будущая Иринкина школа далеко от дому, придется переходить улицу. Но впереди еще два года, вполне могут и новую школу построить! В сентябре они отметили шестую годовщину свадьбы, а через месяц взорвалась установка.

Если бы Люба не вышла в тот день на работу, если бы она опоздала, проспала, прозевала, не отправилась снимать данные строго в положенное время...

Мина Полянская

Любовь во время инквизиции

Готическая новелла-ретро

*Искала я того, которого любит душа моя,
и пришла к городским воротам.
Встретили меня стражи, избili
меня, изранили меня.
«Песнь Песней» царя Соломона*

Замок оказался домом печали и запустения. Не было ни прислуги, ни домоправительницы, не было привратника и управляющего. В известной «фамильной» новелле о доме Эшеров такого рода персонажи были бы излишни, поскольку могли помешать автору спеть лебединую песнь по исчезнувшему роду. Припоминаю, что в той новелле все же обретались два служителя – слуга и зловещий врач с лицом, олицетворявшим низкую хитрость (полагаю, участники свершившегося зла). Но в данной локальной усадебной повести, которую я предчувствовала и втайне желала, итак, в этой усадебной повести – привратника, нормального привратника – такого, какого мы неизменно встречаем в романах Стівенсона, Коллинза или Диккенса – ощутимо не хватало! Я долго бродила по извилистым коридорам, галереям, узким лестницам, но так и не смогла найти ни хозяев, ни прислуги. Здание внутри было сумрачным и холодным. Переплетающиеся аркады средневекового сооружения, казалось, вели в иной мир. Я заметила блеск стеклянных витражей, и подумалось, что в солнечный день яркие лучи, проникающие сквозь них, кажутся кровавыми. Итак, в замке, куда меня легко заманил письмом мой кузен Фрэнсис Мэнвилл, а на самом деле Неизвестный, по моим подозрениям, не было ни одной живой души, кроме моей собственной. *Некто другой* управлял действием, затевал со мной в игру, выдуманную им самим, не открывая мне её правил.

Было уже поздно возвращаться в город, и я все же сумела найти гостевую, сиротливо уединившуюся в северном крыле дома. Я поселилась (надеюсь, временно, всего лишь на одну ночь) в высокой и просторной комнате с большой кроватью стиля амбир напротив входной двери у стены с камином и большим венецианским зеркалом слева между двумя узкими стрельчатыми окнами. Из окон при свете большой круглой луны, принявшей красноватый оттенок, просматривался огромный парк.

В таком замке, разумеется, может обнаружиться потайная дверь, а за ней, в замысловатом тайнике будет лежать старинная книга с закладкой на нужной странице, с загадочным рисунком, или же таинственным затейливым грозным знаком, символизирующим некий магический круг. Обнаружится еще фамильная книга с памятными записями рода со всеми его ответвлениями, где может быть изображена история бесследного исчезновения кого-нибудь из рода Мэнвиллов. Я, кстати, не заметила портретной галереи - необходимую принадлежность замка.

Неизвестный заманил меня в безлюдный замок письмом, а вовсе не хозяева - дальние мои родственники.

Справа у стены выстроились два стула с высокими спинками, комод из черного дерева со вставками из севрского фарфора, а на нем - два монументальных подсвечника. «Вероятно, такие ставили в усыпальницах египетских царей, - подумала я, - сколько странных вещей... вот уж действительно эклектичная комната, возможно и с языческой энергией». Рядом с комодом красовалась массивная дубовая дверь с рельефом какого-то античного бога, я приоткрыла её и обнаружила вполне современную для старого замка белоснежную душевую комнату, и тотчас же мелькнул в сознании образ хичкоковской женщины, безжалостно убитой шизофреником в душевой гостиничного номера. Ох, уж эти видения, зыбкие образы разыгравшегося воображения – никуда от них не деться. Я осторожно прикрыла дверь.

Я *не смею* оплакивать свою судьбу, тем более что виновата: создала роман о сверхъестественной любви. Быть может, мой «нечестивый» роман вызвал гнев темных сил некоторыми наблюдениями, по которым *их* легче распознать.

Мой рассеянный взор вновь остановился на подсвечниках, гордых и недвижных, затем скользнул по громоздкому комоду со вставками фарфора. Я подошла к комоду и открыла верхний его ящик. Там лежала книга. Одна лишь книга – и больше ничего. Маленький изящный томик в красном переплете. Я открыла ее:

каталог портретной галереи! Которую я в замке еще не обнаружила. На титульном листе я прочитала:

«Только для тех, кто принадлежит роду Мэнвиллов!»

Репродукции сопровождалась текстами, разъясняющими достоинства картины, рассказывалась история того, кто на ней изображен. Я листала страницы с благоговейным трепетом и со смутным предчувствием неожиданной встречи. Мелькали щеголи в штатском, пешие и на лошадях, а также дамы в кринолинах, красовались дамы конца девятнадцатого века в легких воздушных платьях и эпохи танго и фокстрота с эмансипированными стрижками.

Вдруг я увидела портрет неизвестного художника, который даже и в репродукции показался мне верхом совершенства и напоминал манерой исполнения Луиджи Гресси. Молодая женщина облачена была в платье с огромным кринолином из ковровой ткани бирюзового цвета с крупным пепельно-красным геометрическим рисунком. Непомерно тяжёлое платье обтягивало хрупкую фигурку и завершилось слева на груди красным эксцентричным цветком, не вяжущимся с её благородной осанкой, так же, как и кроваво-красное перо, заколотое в гладко убранные пепельные волосы. Большие карие глаза на исхудавшем, бледном лице смотрели на меня неотрывно и внимательно. Красавица показалась мне уязвимой и незащищенной. Я с трудом отвела глаза от портрета, обратив всё своё внимание на текст. И вот что я прочитала:

Леди Грэйс Мэнвилл, жена сэра Фрэнсиса Мэнвилла, молодая хозяйка замка, почиталась женщиной передовых взглядов своего времени. Она владела несколькими европейскими языками и превосходно пела на стихи собственного сочинения. Наделенная блестящим умом и любезными странностями, она ненавидела мракобесие и всячески поощряла новые веяния, предвосхищая появление в будущем блистательных английских дам, к коим будут принадлежать несравненные Анна Радклифф и Мэри Шелли, составившие не меньшую славу благородной Англии, чем её великие мужи.

В своём лондонском особняке леди Грэйс создала клуб - салон с названием «Общество словесности, наук и искусств», в котором обсуждались проблемы современной литературы, истории и в особенности теологии, темы актуальной и болезненной, поскольку костры инквизиции полыхали по всей Европе, повергая людей в панический ужас. Группа передовых литераторов и теологов боготворила леди Грэйс и единодушно

избрала её покровительницей своих занятий. Собрание приобрело регулярность и собиралось еженедельно по четвергам после полудня.

Однажды салон посетил знаток искусства, теолог и поэт испанский граф Пабло де Леон. Говорили, что граф был на подозрении инквизиции, так как предпочитал чтение Библии в оригинале, минуя Вульгату. Говорили ещё, что он превосходно перевел «Песнь песней». Блистательное общество пригласило графа продекламировать собственные стихи, и он охотно согласился. Стихи графа оказались грустными: в них много говорилось о блаженстве отшельника, отошедшего от забот, земной суеты и страстей, о сладостном уединении мудреца, читающего и перечитывающего Священное Писание, о высшем назначении человека, выбравшего тропу, где небольшая горстка мудрецов шагает, скорби не зная. Во время чтения граф не отводил взгляда от красавицы Грэйс, и она также не отводила от него восхищенного взора.

Леди Грэйс влюбилась в графа де Леона и совершила неслыханный поступок, явившись к нему ночью в карете, запахнувшись в чёрное домино и прикрывши лицо густой вуалью, дабы не быть узнанной. Она кинулась в объятия графу и страстно отдалась ему. Граф любил её безумно и не писал больше стихов о прелестях одиночества, а совсем даже наоборот, посвящал ей много восторженных стихов о любви. Всепоглощающей запретной страсти любовников не было пределов, меж тем, как тайна их встречи не раскрывалась.

Однако пришла пора ему возвращаться в Испанию по неотложным делам. Делать нечего – он уехал. Вскоре донеслись слухи, что граф схвачен священной инквизицией, а рукописи его изъяты. Графа обвинили в нарушении строжайшего запрета: в самостоятельном переводе «Песни песней» и распространении списка переводов среди друзей и знакомых. Граф упорствовал на допросах: он утверждал, что сделал этот перевод для себя лично и никому его не показывал.

Леди Грэйс в страстном желании спасти любимого тотчас же отправилась в Севилью и добилась приёма у Генерального Инквизитора. Каково было содержание беседы, неизвестно, только ушла леди Грэйс, уверенная в победе, поскольку не привыкла к поражениям. Когда намеревалась она садиться в карету, то вдруг очутилась между двумя длинными и плоскими, как тени, чёрными фигурами альгвазилов, которые взяли её под руки, и через мгновение она оказалась уже в другой карете, остановившейся вскоре у мрачного здания.

Зрелище овальной эмблемы над зданием трибунала с изображением зеленого креста, оливковой ветви и карающего меча привело графиню в такое паническое смятение, что она потеряла прежнее самообладание, а когда железная дверь сводчатой камеры закрылась за ней, то показалось, что никогда не видать ей белого света и что умрёт уже под пытками - не доживёт даже и до кошмарного костра.

Леди Грэйс довелось видеть на гравюрах изображённые там пытки изуверскими способами, которые может породить только большая фантазия: и оборотами верёвки, и дыбой, и водой. Со смутным ужасом сердца вспоминала она сейчас эти жуткие картины, и её охватило страстное желание погрузиться в беспамятство. Она вспомнила, как при въезде в Севилью, у загородного камадеро, стала невольной свидетельницей сожжения на костре. Графиня отодвинула занавеску кареты и с ужасом наблюдала за зрелищем. На помосте стояла довольно многочисленная группа мужчин и женщин, обвинённых в «иудействующей ереси», и толпа горожан в молчании слушала монотонное чтение приговора. Более всего поразило её сожжение отсутствующего на помосте господина, обвинённого в ереси. Этот человек, скрывшийся от суда инквизиции, приговорённый к сожжению, был сожжён «в изображении». Она не знала, что некий пожилой господин, затерянный в толпе, смотрел на то, как сжигают грубо размалеванную фигуру, изображающего его самого и что выпало ему присутствовать на собственной казни. Впоследствии графине стало известно, что это был друг Пабло де Леона, известный поэт, которого по доносу всё же достигла зловещая рука инквизиции.

Из повествований об инквизиции было известно не только о телесных муках, но и о страшных нравственных пытках. И в самом деле: когда глаза её привыкли к темноте, то увидела, что стены камеры разрисованы злыми духами в виде скелетов и неведомых чудовищ, и это усугубило её смертельный ужас. Казалось - очи тысячи демонов были устремлены на неё и мерцали зловещим огнём. Несколько дней пробыла леди Грэйс во влажных каменных стенах каземата, и страдания ожидания настолько ослабили её, что она трепетала от звука собственного голоса. Увы, в Англии не могли её хватиться, так как, уезжая, она объявила, что предпринимает познавательное путешествие по Италии, ибо соскучилась по её красотам и картинным галереям, о чём было известно не только сэру Фрэнсису Мэнвиллу, но и завсегдагам салона. Прислуга же, сопровождавшая её и осведомлённая о запретном романе с графом, была приучена к молчанию, да к тому

же, и не подозревала об опасности, и потому исчезновение госпожи сия прислуга сочла естественным.

Однажды отворилась со скрипом дверь, и силуэт чёрного монаха появился в её проеме в сопровождении стражи, и взгляд его глаз излучал неестественный огненный свет. В жестах монаха было нечто величавое, свидетельствующее о силе духа, не раболепствующего ни при каких обстоятельствах. Пожалуй, монах был даже чересчур величав, так что могло показаться, что ему неостанет мужественного смирения и перед ликом Бога. Леди пыталась заговорить с ним, объяснить, что оказалась здесь по недоразумению, но он как будто и не замечал её. Леди Грэйс привели в один из залов священного трибунала инквизиции, где потребовали свидетельских показаний. Вид мрачного зала, обтянутого чёрным бархатом с ярким кровавым пятном распятия и сидящими в полутьме судьями-инквизиторами произвёл на неё страшное действие. Отворилась вдруг дверь, и протянулись в зал две цепочки монахов в чёрных сутанах и чёрных капюшонах и зажжёнными зелёными свечами в руках. И графиня упала в обморок. Несчастную женщину привели в чувство, усадили на низкий табурет, и она - увы, дух несчастной был сломлен - на первом же допросе пожертвовала и бесценной жизнью человека, и своей любовью из страха пыток и публичного сожжения на костре *auto de fe*. Она свидетельствовала, что граф подарил ей список «Песнь песней» в собственном переводе, который отличался от дозволенной инквизицией Вульгаты. Графиня предала графа де Леона!

Но кто из нас может осудить бедную женщину, попавшую в руки безжалостных палачей? Не Ты ли один, Всевышний, можешь судить за вероотступничество? Ибо Тобою дарована человеку свобода воли, и Ты один, и больше никто, можешь наказывать или же не наказывать за отступничество от Тебя! Леди Грэйс, очутившись в руках самой свирепой из всех инквизиций, инквизиции испанской, могла кануть в небытие, и никто никогда бы не узнал обстоятельств её исчезновения. Так и исчезла бы с лица земли бесследно. Однако она была всё же отпущена на свободу. Быть может, Генеральный Инквизитор не решился усердствовать чрезмерными издевательствами над английской подданной, высокородной леди, которой покровительствует английский король? Или какие-нибудь другие силы воздействовали на события? Нам не известны обстоятельства этого дела.

Леди Грэйс вернулась в Англию, но больше уже в городе не появлялась, закрылись двери её прославленного салона. Теперь

она всё больше бродила по парку, словно привидение, ни с кем не разговаривая, не замечая своего мужа. Меж тем, она ожидала ребёнка. Когда же родился мальчик, то впала она в такое оцепенение, что непонятно было, в своём ли она уме. Вынуждены были тут же и передать ребёнка кормилице, полюбившей его, слава Богу, как родное дитя.

А что же испанский граф? Ещё два года томился он в тюрьме, но избежал севильского костра, был выпущен по ходатайству высоких покровителей. Графиня пыталась с ним встретиться, чтобы объясниться, вымолить прощения, но тщетно. Он не желал и слышать её имени. Однажды утром при невыясненных обстоятельствах графиню нашли мертвой в её спальне. Приняла ли она яд, неизвестно. По слухам она умерла в возрасте двадцати шести лет от «горячки».

Можно предположить, что она оставила записку, допустим, следующего содержания: «Я из малодушия совершила тяжкие грехи прелюбодеяния и предательства и ухожу навсегда, ибо боль моей души невыносима». Однако лорд Фрэнсис Мэнвилл не сообщал о наличии записки. Стало быть, это всего лишь наши домыслы. И всезнающая прислуга, разумеется, тоже ничего не сообщала. Леди Грэйс Мэнвилл похоронили в глухом углу кладбища, мир праху её, и лишь Господь ей судья.

Кто мог предположить, что молодая и жизнерадостная леди так рано уйдет из жизни? Безвременная её кончина была оплакана многими эпитафиями, написанными её друзьями, членами «Общества словесности, наук и искусств», одна из коих запечатлена на могильном камне.

Ребенок был назван Александром в честь великого воина-македонца и рос смыслёным красивым черноглазым мальчиком. После внезапной смерти графини, граф де Леон неоднократно навещался в имение Мэнвиллов, оказывал особое внимание мальчику, и оставил после себя завещание, в котором Александру Мэнвиллу отказывал всё своё имущество, уникальную картинную галерею, а также сказочный замок неподалеку от Севильи. От Александра Мэнвилла продолжился род, укрепивший славу Мэнвиллов и в войнах, и на мирном поприще.

Я не знаю, сколько времени просидела в оцепенении над фолиантом.

О, жертвы инквизиции леди Грэйс и граф де Леон! Однако имеет ли грешная Грэйс, предавшая Грэйс, самоубийца Грэйс, бродившая, как мне казалось, в беспокойстве по замку

привидением, ко мне отношение? И не она ли является причиной моего приезда в замок? Внутренним чутьем я понимала, что нужно отогнать от себя все это, как дурной сон. «В седьмом наследнике возникну вновь, и в семь часов исчезну без следа». Откуда эти строки? Иль я та самая, что возникла вновь – седьмая наследница, и в семь часов мне не бывать? Вдруг я услышала бой напольных часов. И вздрогнула от странного монотонного приглушенного звука. Маятник качался из стороны в сторону, отбивая удары необычные по звучанию и тембру. Я замерла, пытаюсь считать удары: ...четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять! Десять - не семь, стихи не про меня. Я не исчезну без следа, мне – бывать!

Однако же я не могла *не поступить никак*. Необходимо было хотя бы найти могилу леди Грэйс, если таковая сохранилась и поклониться ей.

Я едва дождалась рассвета, тихо прокралась по сумрачному залу к парадной двери – она на удивление легко и бесшумно открылась, и я спустилась по каменным ступеням.

Мне открылся замковый пейзажный парк, залитый пурпурным лунным светом – теперь парк казался розовым, застывшим в неподвижности и ожидании, и как будто бы неземным. О, бедный, брошенный парк. Задуманный когда-то как парк свободы разума и духа, в эпоху, когда сень лесов считалась защитой от злых духов, он сейчас находился под угрозой, и гений лесов скорбел.

Я пересекла подъездную аллею и направилась по выцветшей траве луга в глубину довольно просторного парка с романтическими деревянными скамейками, увитого лабиринтами тропинок. Я старалась идти по возможности прямо, несмотря на путаность тропинок.

Через некоторое время я очутилась на относительно прямой тропе и углубилась в чащу, напоминающую лес. Впрочем, это был не совсем лес, поскольку состоял из старых лесных и фруктовых деревьев, свидетелей, многих поколений, ушедших в небытие. Наблюдалось даже ботаническое разнообразие и редкие для Англии породы в состоянии первобытной дикости: гигантского размера ясени, буки и папоротники.

По-видимому, это были знаменитые лесные уголья Мэнвиллов, похожие на тропические джунгли, увитые лианами, встречающимися на юге Англии и называющиеся «диким ломоносом». Лес и в самом деле, как узнала я впоследствии, не был фантазмагорическим: в этих краях, недалеко от моря встречаются дикие пейзажи, напоминающие джунгли.

За церковкой заметны были силуэты низких надгробий пустынного кладбища. И слышно было в его глубокой тишине унылое шуршание одиноких сухих листьев. Печальный час, печальное место. Я подошла к ограде и невольно залюбовалась торжественной красотой жуткого острова мёртвых, казавшегося серебристым в лучах восходящего солнца. Знают ли мёртвые, что я сейчас здесь и думаю о них? *Должно быть, мудрость в смерти скрыта, и мёртвым мы видны насквозь...* Кто это сказал, кто это сказал?

Я зашла за кованную чугунную ограду. Кладбище оказалось неухоженным, встречалось множество покосившихся от времени надгробий. И, наконец, у противоположной ограды нашла я заросшую травой могилу, притулившуюся к густому сосновому лесу в уединенном уголке. На каменной могильной плите я прочитала:

Остановись странник!

*Ты находишься у последнего пристанища леди Грэйс Мэнвилл,
которая ждёт часа воскресения из мёртвых.*

- В добрый час тебе, бедная леди, и да будет прощение страждущей твоей грешной душе, - прошептала я.

Входная дверь в церковь была приоткрыта, я толкнула её, поднялась по ступенькам в церковное помещение. Массивные готические своды свидетельствовали о древности церкви, по обеим сторонам протянулись многочисленные длинные окна с витражными стеклами. Церковь освещалось золоченой роскошной люстрой. Я направилась по мягкому красному ковру к резной деревянной решетке, за которой находился алтарь с распятием, опустилась на колени и прошептала:

«Отец наш, который на небесах! Да святится имя твое! Да будет власть Твоя на земле, как и на небе...». Я прочла молитву до конца, затем встала и, судорожно сжав руки, повторила: «Да будет власть Твоя на земле, как и на небе, да будет власть Твоя на земле, на земле, на земле...». Что это я заладила одно и то же? Сомневаюсь? Сомневаюсь в Его власти на земле? Я прошла внутрь к ступеням, ведущим к алтарному возвышению, опять опустилась на колени и сказала: «Отец наш, прости мне моё неверие в Твоё милосердие. И неужели тень леди Грэйс легла на мою судьбу, неужели и я принуждена расплачиваться за её грехи и последующие поколения тоже должны нести это бремя? И если это так, сними запрет на род мой!»

Накрапывал мелкий дождь, и я уныло брела к замку. Видны были уже влажные стены его, и крыши мерцали под дождём. Может, и нет вовсе никакой усадьбы, может фикция это, фикция универсального характера. На фронтоне замка в одном старом романе красовалась надпись: «Я не принадлежу никому и принадлежу всем. Вы бывали там прежде, чем вошли, и останетесь после того, как уйдете». Я всматривалась в заострённые черты готического фасада, и мне даже показалось, что когда-то в детстве бывала в этом доме. Что-то очень знакомое всплывало в памяти и обрывалось мгновенно. Вспомнились слова из шотландской песенки, которые, как уверял Стивенсон, всегда вызывали слёзы у слушателей в харчевне:

Дом этот – наш дом был, полон милых сердцу.
Дом этот – наш дом был, детских лет приют.

Дальше я уже не помнила слов – припомнился только конец:

И теперь средь вересков ветхою руиной
Он стоит, заброшенный, обомшелый дом.
Позаброшен дом наш, пуст он и покинут
Смелыми и верными, выросшими в нем.

Как только я прошептала эти строки, то впервые за все это время заплакала. Я плакала долго и навзрыд, да простит меня читатель, - все во мне болело, трепетало, тосковало. Где, где супруги Мэнвиллы, пригласившие меня сюда? Быть может, бродят где-то в лабиринтах замка. Добрые, милые духи, где вы? Поговорите со мной. Я плакала оттого, что леди Грэйс предала графа, и оттого, что граф де Леон не простил своей любимой тяжких мук предательства и раскаянья, и оттого, что моя леди совершила тяжкий грех самоубийства.

Я на удивление легко (в чём сомневалась всё это время) выбралась из замка. Дома меня ожидало письмо:

Уважаемая госпожа Мэнвилл!

Пишет Вам дальний Ваш родственник Фрэнсис Мэнвилл. Мне жаль, что Вы так и не приехали к нам в NN. И я теперь один разгребая старые письма предков, достойные исторического труда или же захватывающего романа. Смею сообщить Вам, что в моём замке Вы найдете много интересного для Вашего дальнейшего творчества. И вновь с надеждой приглашаю Вас!

С нижайшим поклоном Фрэнсис Мэнвилл

Где же я побывала? Я не заблудилась: я в имении Мэнвиллов побывала – это точно. Но кто же опять зовет меня,

затевая страшные игры? По чьей воле я оказалась в усадьбе, приглашённая письмом, якобы, дальнего родственника, и зачем я прочитала печальную повесть о трагической любви леди Грэйс и графа Пабло де Леоне времён жестокой инквизиции, ненавидящей и истребляющей любовь?

Иегуда Амихай

Иерусалим, Иерусалим, почему Иерусалим?

Предисловие и перевод Зои Копельман

Предисловие

зраильский поэт Иегуда Амихай (1924-2000) родился в Вюрцбурге в ортодоксально-религиозной еврейской семье. В Германии его называли Людвиг Пфойфер (Ludwig Pfeuffer). После прихода к власти Гитлера, когда нацистские молодчики разгромили магазин, принадлежавшей их семье, мальчика-подростка отправили в Палестину, куда довольно скоро, в 1936 году, перебрались и родители. Одной из незаживающих ран в душе Амихая была гибель евреев, среди которых прошло его детство, и особенно – девочки Рут: ее фотография неизменно стояла на его рабочем столе. О сложном отношении к Германии он написал талантливый и необычный в плане построения роман «Не ныне и не здесь» (1963)¹. Не скоро он снова приехал на родину, где был радушно принят. Впоследствии он наезжал туда не раз, порой надолго, и даже стал там «почетным горожанином».

Амихай с детства знал иврит и любил книги еврейской традиции. В 50-е годы изучал Библию и литературу в Еврейском университете в Иерусалиме и тогда же выпустил первую книгу стихов. Образы и языковые клише древних еврейских текстов то и дело появляются и всяко обыгрываются в его поэзии. И хотя он отошел от соблюдения заповедей, персона Бог навсегда осталась для него актуальной.

¹ Иегуде Амихайю – вместо некролога. <http://rjews.net/zoya-kopelman/articles/amihai-necro.html>

Иерусалим занимает в литературном мире Амихая центральное место. Всю сознательную жизнь, за исключением лет, проведенных в армии (он принимал участие в нескольких войнах Израиля), Амихай прожил в Иерусалиме. В 1967 году, после объединения двух разделенных бетонной стеной частей города, Амихай поселился в только что возвращенном районе Мишкенот Шеананим, созданном еще в XIX веке, но разрушенном и тогда возводимом заново. Как известно, израильские солдаты прорвали сопротивление Иордании и подошли к Стене Плача в 28-й день месяца ияра, оттого, я полагаю, в публикуемом ниже цикле 28 стихотворений.

Вопрос: почему Иерусалим? – мне, живущей в этом городе чуть больше четверти века, доводилось слышать неоднократно. Многие в Тель-Авиве, других городах и кибуцах страны удивлялись: почему вы так держитесь за свой Иерусалим? Особенно, когда город содрогался от терактов. Этот вопрос Амихай, как ни странно, не обозначает вопросительным знаком, но сразу переходит к ассоциациям, рожденным мыслью о любимом городе. Лишь в последнем стихотворении цикла он выделяет его как вопрос – и дает ответ, уклончивый и внятный, словно положил еще один яркий мазок на создаваемое всей его жизнью и поэзией полотно.

Зоя Копельман

1

Иерусалим всё время меняет свой облик, как царь Давид,
что сменил свой облик и притворился безумцем, чтоб избежать
смерти.

Мертвецы притворяются воскресшими, живые – мертвецами,
мир надевает маску страшной войны, а война
обращается в мир. И мы, обитатели града, выставлены
в витринах истории в странных одеждах,
в застывших позах, с небесным выражением на лицах –
для туристов, паломников, ангелов Божьих.

А нам так хотелось напроказить в тёмных складских помещениях,
в безудержном озорстве «наги и не стыдились», как было в Эдеме.
Святые, которые вознеслись на небо в далёком прошлом,
и космонавты, которые вознесутся отсюда в далёком грядущем,
словно спасаются бегством в заоблачные высоты, ведь по
сравнению
с Иерусалимом даже простор бесконечности
безопаснее, защищённее, как настоящий дом.

2

Город, у которого есть стена, а таков Иерусалим,
он словно дети, у которых есть отец,
и они оба, стена и отец, больше не в силах их защитить –
нас-то не обманешь. Я видел людей,
стоящих в автобусной тесноте, с потухшим усталым взглядом на
горящем лице
или с горящим взглядом на потухшем усталом лице.
Стоящие поднимают руки, чтобы себя поддержать,
как при читаемой стоя молитве, и изучают рекламу,
настенную надпись поверх окон: не курить,
и купи, купи, купи, и запасной выход, но ты купи!
Нас так легко обмануть.

3

Иерусалим скорбно сидит. Он сидит семь траурных дней,
его навещают и утешают, не дают отдохнуть, днём и ночью,
и, соблюдая приличья, не поминают ни имя покойного, ни его
жизнь.
Обычно беседуют с ним о мировых проблемах и наших буднях,
но от мелькания лиц ему некогда даже скорбеть.
Он не понял даже, что сам он покойник и сам же скорбящий.
Ему не дают посидеть одиноко.
Но он бережет древние синагоги,
как мать, берегущая комнату сына, павшего на войне,
она ничего не меняет, даже не тронет гардин.

4

Дерева в Иерусалиме озабочены тем, чтоб шуметь, как море,
и так же все, кто молится из своих глубин, и влюблённые на
кровати,
да только нас не обманешь.
Ах, нас так легко обмануть.

5

Иерусалим – словно Атлантида, утонувшая в океане.
Всё в нём утопло, всё в нём осело. Это – дольний Иерусалим,
тот, что снизу. И со дна поднимают развалины стен
и осколки религий, как сосуды с пророческих кораблей
затонувших, проржавевших давно. Но это не ржа, это кровь, она
никогда не засохнет.
И кувшины, обросшие водорослями, и кораллы времён, и времени
гнев.

И монеты, бывшие в обращении когда-то, прошлое, текущее в руки торговцев.

Но у города есть и совсем юные воспоминанья, память любви прошлой ночи – воспоминанья прозрачные, шустрые, как золотые рыбки, попавшие в сети, они бьются и скачут.

Так давайте вернём их обратно, в Иерусалим!

6

Иерусалим – карусель, он крутится, крутится начинает со Старого города и через все свои улицы возвращается в древность.

С него не сойдешь. Тот, кто пытается спрыгнуть, рискует жизнью, а тот, кто спускается при остановке вращения, должен снова платить,

чтобы в него взойти и кружить уже бесконечно.

И вместо весёлых слонов и лошадок, чтоб усесться верхом и кружить,

есть религии – то они вверх, а то вниз, и по кругу

на оси голосов и мелодий, смазанных в разных молельнях.

Иерусалим – качели. Вот я спускаюсь

в прежние поколенья, а вот я к небу взлетаю, и тогда

я кричу, как кричит ребенок, когда его ноги болтаются где-товерху:

я хочу слезть, папа, я хочу слезть.

Сними меня, папа.

И все святые тоже взывают к небу,

и они, как дитя, зывают: папа, я хочу остаться верху,

не опускай меня, Папа, Отец наш и Царь наш,

оставь нас верху, Отец наш и Царь наш!

7

В Иерусалиме всё символично, даже двое влюблённых в нём становятся символом, как лев, как золотой купол, как ворота.

Иногда они любят на слишком мягкой символике,

а иногда – символы жёстки, как камень, остры, словно гвозди.

Оттого они любят на матраце, в котором 613 пружин, как число заповедей – тех, что велят, и тех, что не позволяют.

Любимая, делай и не делай, так хорошо для любви

и для её усад. Они переговариваются звоном колоколов

и завыванием муэдзинов, а у кровати – пустые ботинки,

как при входе в мечеть. И на дверном косяке их дома слова:

«и любите всем своим существом и всей душою своею».

8

Почему Иерусалим, почему не Нью-Йорк
с заоблачными домами, и норами глубин, и туннелями,
и подземным подпольем, чтоб оттуда взывать к Богу:
«Из глубин воззвал я, Господи».
Почему не Афины, не Египет, не Мексика,
не Индия и не Бирма, ведь там уже есть храмы,
и купола уже золотятся, и колонны уже стоят.

9

Почему Иерусалим всегда двоится – горний и дольний,
а я хочу жить посредине, в Иерусалиме-на-равнине,
чтобы не биться головой о верх и ног не ранить снизу.
И почему *Ерушалаим* – в двойственном числе,
а я хочу жить в Ерушале – в одном,
ведь я – в единственном числе, один я, а не яи.

10

Бывает день, и всё в нём паруса,
хотя нет моря в Иерусалиме и нету тут реки.
Всё – паруса и флаги, талесы и долгополые капоты,
монашеские рясы, галабеи, куфии,
и платья юных женщин, и парики, и шляпки, и косынки,
завесы на святых ковчегах и для намаза коврики, и ветер – или
дух? –
уж наполняет чувства, и надежды ведут ладьи в неведомые дали,
и даже поднятые для благословенья руки папы,
и материнское лицо, и далекая гибель Рут,
всё, всё без исключенья – паруса, все тут участники
роскошнейшей регаты
на двух морях Иерусалима:
на море памяти и на море забвенья.

11

Почему Иерусалим. Почему не Вавилон с Вавилонской башней
и множеством языков,
почему не Петербург с тайнами белых ночей, белых, как
облачение козна,
и сменою имён: Сент Петер, Сент Ленин.
Почему не Рим и его катакомбы,
почему не Мекка и её чёрный камень,
почему не Ванкувер и его лососи,
поднимающиеся к нему из моря и ползущие

на брюхе по твёрдому горному склону,
как полонники из деревень; они несут чешую и плавник,
достигают высот, и кишат, и умирают.

12

Рубахи и платья висят на верёвке, ты сразу узнаешь –
сегодня праздник. Белые майки, трусы говорят о мире, покое.
Но вот развешены флаги, и не поймешь – к миру, к войне ли,
иль позабыли о празднике, а может, дне скорби.
Издали мир и война выглядят схоже,
как в галактиках звёзды, что рождаются или взорвавшись гибнут.
Нас обмануть несложно. Но нас не обманешь.
Что нас созывает к молитве? Голос пожарной сирены,
рёв полицейских машин, вой скорой помощи.
А когда молитвы возносятся вверх, они падают снова,
как осколки снарядов, выпущенных по самолетам,
но пролетевших мимо. И снова сирена тревоги зовёт на молитву.

13

«Как сидит одиноко», – причитает пророк об Иерусалиме. Если
град «как вдова»,
у неё, верно, есть желанье, и если она кричит, то от неги или от
боли? И насколько она сексапильна, и как узнать –
когда берут её силой, а когда по своей воле она открывает ворота?
Все полюбовники её бросают, а ей оставляют
в оплату любви ожерелья и серьги, молельни и башни
в итальянском стиле, в английском и русском, арабском и
греческом,
шпили, карнизы, узорчатые порталы и кольца
из золота и серебра, из дерева и многоцветных камней.
Каждый что-нибудь ей оставляет на память, её покидая.
Я хотел побеседовать с нею опять, но она затерялась среди
пляшущих
мужчин и женщин. В танце – всё исчезает.
Иерусалим видит над собой только небо,
а тот, кто видит над собой только небо, но не лицо любимого,
в самом деле лежит одиноко, сидит одиноко, стоит одиноко
и в одиночестве пляшет.

14

А бывает день, когда всё – кишки. Кишки полные и пустые,
кишки со струнами скрипок и кишки с колбасным фаршем в
мясной лавке,

кишки с завыванием пророка: «Утроба моя, утроба моя
трепещет»,²
слепая кишка и кишка, что провидит и прорицает,
утроба истории и истерии утроба,
нутро меж одной пустотой и другою, без уст, без исхода,
без тела, одни лишь кишки.
Всё суета, всё скорбь, всё страданье.

15

Почему Иерусалим? Почему не Лондон
с парками и дворцами, башнями и звоном
с вершины Биг-Бена. Биг Бен, Бен большой, забубённый,
Биг Год, Бог большой, как святые туманы.

16

Бывает день, когда всё – рты. Рты рыб и рты
зарезанных овец, рты для речей, и устье речки,
колодезное устье, рты поющих, как кантор в синагоге, уста
красивые
и скважины в замке, и устье бездны,
и кратер святости, уста клянущие и пифий рты,
рот Валаамовой ослицы, верблюда рот, что шерится зубами,
и рот, что восхваляет Бога.

17

Иерусалим живёт доброй надеждой. Его надежда, словно верный
пёс,
то убежит вперёд проверить и обнюхать грядущее,
и я тогда зову её: «надежда, надежда, ко мне!» Она
приходит, я её глажу, она ест с моей руки.
Порой она отстанет позади, рядом с другой надеждой,
а возможно, чтобы обнюхать то, что прежде было.
И я тогда зову её: «отчаянье-мое!»,
кричу ей громко:
«отчаянье, отчаянье, ко мне!». Она приходит, ластится,
и я опять зову её надеждой.

18

Двое влюблённых друг с другом говорят в Иерусалиме

² Иеремия, 4:19.

с горячностью экскурсоводов, и тянут руки, и касаются, и объясняют: здесь, на моём лице, ты видишь отцовские глаза, а эти гладкие бедра достались мне в наследство от дальней матушки средневековой. А это – голос мой, пришедший из глуби трёх тысячелетий, вот оттенок моих глаз, мозаика моей души, а это – все ее напластованья. Мы – места святые. В древних пещерах можно спрятаться, писать сокрытые от глаза свитки, лежать во тьме. Однажды в Бейт-Кереме, в заброшенной пещере я видел перья петуха и женское изорванное платье, и возгорелся гнев мой, ревнивый, мстительный, почти библейский. А во дворе сиротского дома, в монастыре, что рядом с той пещерой, вдруг шум и гам, и беготня девчонок и монахинь, и сумасшедшая коза, и лай собак. Потом – безмолвие, и тёмная стена.

19

Иногда Иерусалим – это город ножей, и даже надежды на мир тут остры, они режут неподатливую действительность, тупеют или ломаются. Церковные колокола стараются звенеть успокоительно и кругло, а делаются тяжёлыми, как пестик в ступе миномёта, звуки тяжёлые, тусклые, давящие – дин-дзин-дзин. И кантор и муэдзин тоже стараются петь покраше, но под конец пускают петуха, и вырывается вопль режущий и скрежет: Господь, наш общий Бог, Бог – Он Един, Един, дин-дзин-дзин.

20

Я всегда должен идти против общего направления всего, что проходит или уже прошло. Так я чувствую, что живу в Иерусалиме: я иду против движения процессии паломников в Старом городе, я трусю о них, чиркаю о них собою, ощущаю ткань их одежд, вдыхаю их запах, слышу их речи и пеньё – они пролетают у моих щёк, как облака. Иногда я теряюсь в толпе, идущей за умершим, и выхожу с другого конца, к милым живым. Иногда я заключён меж радостных шествий и поднимаю руку,

как пловец, плывущий против течения, или как говорящий:
Привет! Шалом! Проходите, ступайте с миром, а я – к другому
краю, к скорби своей и покою.
Я иду против щемящей тоски и против молитв, чтоб ощутить
на своём лице их тёплую душу,
услышать жужжанье и шорох молекул тоски и молитв.
И так, может быть, возникает новая вера, как пламя от
чиркнувшей спички,
как электричество, производимое трением.

21

Бывает день, и каждый говорит: я был там,
я готов дать показанья, я стоял вблизи аварин,
вблизи от бомбы, от распятия, я сам едва не пострадал, едва не был
распят,
я видел лица молодожёнов под балдахинном венчанья, я почти был
счастлив,
я сам подглядывал за близостью Давида и Бат-Шевы, совсем
случайно
я тогда попал на крышу, чинил там трубы, флаг снимал.
Своими глазами я видел чудо с маслом в Божьем Храме,
я наблюдал, как Алленби, английский генерал, вступает в
Яффские ворота,
я видел Бога.
Бывает день, и всё в нём – алиби: я не был, не слышал,
услышал взрыв вдали и бросился бежать, я видел дым, но я
читал газету. Я был совсем не там.
Я Бога не видал, и есть кто подтвердит.
Бог Иерусалима – Бог вечного алиби,
Он там не был, Он не видел, Он не слышал,
был в другом месте. Был Местом, был Другим.

22

Почему Иерусалим. Почему не высокородный Сан-Франциско,
город, названный по имени святого любителя пернатых,
там золотые есть ворота, там есть подъём и спуск и снова
восхождение.
И есть там сотрясение, всегда готовое прорваться *из глубин*
в огне и столпах дыма, как при Даровании Торы,
и земля, разверзающая уста свои, как в Торе.

23

Почему Иерусалим. Почему не Париж с площадями

и бульварами и триумфальными арками для Царя Достославного, с широкими мостами над очень узким миром.

24

На улице Рамбана в Иерусалиме я видел детскую площадку с качелями и прочими устройствами для ребятни. И я увидел, что все ребята сгрудились возле старых качелей с облупленною краской, а новые сверкающие яркие качели, лесенки и горки стоят пусты. И я увидел там много деревьев, но все собаки бежали лишь к одному, и все дети прятались за ним, играя в прятки.

25

А бывает день, когда каждый не сам по себе в этом городе, но чей-то сын. И все называются «ибн», «бен», «son», «sohn». Он – не он, и ты – не ты, и я – не я, но бен-я, Ибн Эзра и Ибн Муса, Бен Авраам и Ибн Аллах, и Бен Бог. И все возвещают будущее, и даже те, что сами не помнят, напоминают другим, и даже любовь горюет о разрушении Храма. Раскачивание тела при молитве и в час любви одно. А бывает день – и каждый чей-то отец, и все прозываются Абу, Абу того и Абу другого, Отец потомков, Отец сирот, Отец боли, Отец милосердия, Абу всех нас, Отец наш, Царь наш.

26

Тоска по Иерусалиму. По детству в Иерусалиме. В давние века: тоска детей-левитов, которые состарились в изгнание при реках Вавилонских, но помнят и поныне, как пели в Храме и как голос их ломался. По ночам они сидят и вспоминают детство: а помните, как мы играли в прятки позади Святая Святых, среди кувшинов с миррой и лавандой, и бегали у алтаря, и укрывались за вышитой завесой меж керувов?

27

А бывает день, что всё в Иерусалиме – ляжки. Ляжки коровьих туш, висящие сверху низом у мясника, и ляжки туристок, и ляжки осликов с поклажей. И круглые колонны, и даже столбы ворот –

всё это ляжки, жёсткие и мягкие ляжки стульев,
ляжки юных невест и волосатые ляжки их женихов,
всё ляжки.

28

Почему Иерусалим, почему я,
почему не другой город, почему не другой человек?
Однажды я стоял перед Стеной Плача,
и вдруг стая птиц взмыла в небо
с криками, с хлопаньем крыльев, как записочки с просьбой,
избежавшие плена камней, тяжёлых, огромных,
и улетели ввысь.

Из книги: **Патуах сагур патуах** (Открыто закрыто открыто).

Андрей Масевич

О Венедикте Ерофееве

Дедушка, правда, что звезды тоже болеют?
Мой внук Никита, ему четыре с половиной года

Венедикта Ерофеева есть небольшой текст об Иосифе Бродском. Этого поэта он не жаловал. Почти ничего не говоря о Бродском от себя, автор цитирует суждения о нем лиц своего окружения. Образовавшийся набор мнений показывает, однако, более тех, кто высказался по предмету, нежели сам предмет. На двух страничках в десятке коротких монологов возникает точный набросок советской интеллигенции в момент завершения советского периода истории. Интересно, даже очень интересно.

В соке винограда - это уже у меня такая метафора - работает дрожжевой грибок. Он преобразует сахар в спирт, и как только спирт накапливается, грибок от этого же спирта и гибнет. Так делается вино. Советская интеллигенция тоже так. Выработав интеллектуальный спирт, который способствовал политическим изменениям, она сама от этих изменений вся почти уничтожилась, а если где сохранилась, то в ничтожно малой, едва уловимой концентрации. Существовать советская интеллигенция только и могла в советской среде, над которой посмеивалась в кулачок.

В начале рассуждений о Венедикте Ерофееве вспомню и я историю своего знакомства с текстами писателя и мнения о них тех, кто был около меня.

В конце семидесятых я получал небольшую зарплату в одном проектно-технологическом бюро. Среди сидевших там за чертежными досками инженерно технических работников (помните аббревиатуру «ИТР»?), как обычно в подобных заведениях, было два-три, увлекавшихся чтением, и не просто чтением, а вещей непубликуемых, подпольных, таких, за которые можно было и угодить в заключение, хоть, признаться, сам я угодивших не знал. Один такой любитель и дал мне на полтора

часа рабочего времени фотокопию парижского, кажется, издания поэмы «Москва-Петушки».

Вещь вначале показалась мне похожей по манере на рассказы Зощенко, было смешно, а дочитать удалось до рецептов коктейлей. Рабочий день кончался, и я заглянул на последнюю страницу:

Они вонзили мне свое шило в самое горло.

Я не знал, что есть на свете такая боль и скрючился от муки.

Густая красная буква “Ю” распласталась у меня в глазах, задрожала, и с тех пор я не приходил в сознание и никогда не приду.

Неожиданный финал удивил. Поразил, надо бы сказать, но врать не стану, меня редко что поражает.

Потом на несколько уже дней мне достался перепечатанный на машинке текст.

На этом оставляю скучное занятие рассказывать по порядку, а перехожу к тому смыслу, ради которого взялся это писать. Венедикт Ерофеев в своем эссе о Бродском обозначил своих анонимных авторов суждений о Бродском их профессиями, и у него этого, пожалуй, и достаточно. Мне же надо чуть больше сообщить о высказавшихся лицах.

Прежде всего, родители. И отец, и мама вообще очень любили читать и с удовольствием читали самиздат. Они в политике придерживались твердо антикоммунистических взглядов.

Отец, весьма успешный врач-терапевт, профессор и доктор наук, любимый пациентами и аспирантами отозвался о «Петушках» так:

«Неинтересно. Плохая книжка. Пошлость и больше ничего»

Мама, много лет работавшая врачом гинекологом, с ним согласилась, только высказалась еще более резко.

«Гадость. Я не выношу мата...»

Разве Веничка матерится? Вроде, нет.... А если и матерится, то чуть-чуть.

«Он просто больной человек. Алкоголик», – добавила мама.

Мой кузен, весьма ученый человек, физик, доктор наук, лет с пяти поглощающий множество книг, выразился в высшей степени уверенно:

«Его жизни ничего не мешает. Его ведь никто не обижает. В чем, собственно, проблема? Он просто пьет.... Нет,

неталантливо. Ты сам это прекрасно знаешь. Но тебя кто-то убедил, что это хорошо.... Надо бы уже судить самостоятельно»

«Что? – возмутился мой приятель-психотерапевт, нынче еще и телевизионная звезда, тогда, правда, он ещё звездой не был, - Как можно так говорить? Веничка - это же Христос – мученик...»

Христос? Веничка? С чего бы? Ладно, пусть, если вам угодно...

Один юрист, в те времена записной диссидент, а теперь богатый бизнесмен, давась от смеха, читал вслух Веничкины рецепты коктейлей.

«Веничка единственный гений в русской литературе второй половины двадцатого века, - максималистски заявил знакомый мне известный поэт, - другого я не знаю...»

Значит, Бродский не гений, Пастернак тоже, да, Миша, что ты.... Впрочем, поэт знал, что говорил, он ведь лично был знаком, я сам читал об их встрече в опубликованных дневниках Ерофеева.

Настали новые времена, и сочинения писателя стали появляться на прилавках. Я купил тогда маленькую в бумажной обложке книжку «Петушков», которая стоила, как автор завещал, три шестьдесят две.... Многие теперь уже и не поймут сакрального значения этой суммы, но не буду, однако, расшифровывать....

«У него много общего с Рабле», - повторил мысль Бахтина один болтливый литератор-эссеист.

«Вы ведь очень его любите, - противно эстетствующая библиотекаря протянула мне газету «Смена» с некрологом, оканчивающимся фразой «прощай, Веничка!». - Жаль, конечно, каждого человека. Но правду сказать, меня от его книг мутит.... И талант его преувеличен». Библиотекаря в круглых очках оставалась убежденной коммунисткой и всему наперекор хвалила Сталина и Ленина.

Начинался Ерофеевский бум. Театры поставили несколько инсценировок «Петушков», я не посмотрел ни одной. Увидев афишу спектакля «Евангелие от Ерофеева», вспомнил приятеля-психотерапевта, сравнившего Веничку с Христом.

«Талантлив, это, конечно, так...- сказал старый друг, знаток литературы, очень много лет хорошо пишущий стихи, - но, знаешь ли, я отношусь к нему настороженно, да, да. «Москва - Петушки» для меня – талантливо написанная история распада личности. Это тяжело и скучно. До конца я дочитал, все всегда дочитываю, но больше к этой вещи не вернусь».

«Если бы Ерофеев был жив, то был бы с Лимоновым, с Прохановым, в общем, с национал – патриотами», - таковым было мнение одного знающего все обо всем специалиста в религиозной философии. Ну, уж это он того, загнул, недаром, видно, философ. Венедикт Ерофеев заявил однажды так: «если начнутся погромы, я сменю отчество и стану называться Венедикт Моисеевич».

Женщина, с которой у меня произошел последний в жизни (в моей, конечно, жизни) роман, так и не поддалась моим уговорам прочесть «Москву - Петушки».

«У меня брезгливость к алкоголикам», - отрезала она.

А вот одна французенка, та прочла-таки по моему настойчивому совету английский перевод «Петушков», по-английски поэма называлась «Moscow stations».

«I found it boring, - было суждение зарубежной респондентки - I had a glass of that and then a glass of this... Honestly, I could not make myself even finish the book... »

В предисловии, сделанным переводчиком к английскому изданию, тому, что не смогла дочитать моя приятельница, Веничкино путешествие в Петушки названо *via dolorosa*, то есть крестный путь, снова возникает ассоциация – Христос.

На практических занятиях по курсу «Библиотечные информационные системы», который читаю в университете культуры и искусств, я дал студентам учебное задание найти через Интернет в каталогах национальных библиотек разных стран переводы «Петушков». Студенты нашли переводы практически на все языки, использующие кирилловский и латинский алфавиты, а в национальных библиотеках оказалось по несколько изданий поэмы – и в переводах, и в оригинале.

Наконец, одной даме, которую ценю за редкий, я бы сказал, почти уникальный, литературный вкус - ей нравятся мои произведения, - я подарил тот самый экземпляр «Петушков» с ценой, завещанной автором.

«Я читала. Мне очень нравится. Люблю, когда написано хорошо».

Пожалуй, здесь бы и остановиться. Но вот все же еще одно суждение - из новейшей философской энциклопедии, размещенной в Интернет – кто автор текста, представления не имею:

«Произведение Е. (Ерофеева, то есть) "Москва - Петушки" являет собой прецедент культурного механизма создания

* Я нашла это скучным. Выпил стакан того, потом стакан сего... честно говоря, не смогла даже дочитать до конца.

типичного для постмодерна ризоморфного <!?!> гипертекста: созданный для имманентного восприятия внутри узкого круга "посвященных", он становится (в силу глубинной укоренности <!?!> используемой символики в культурной традиции и узнаваемости в широких интеллектуальных кругах личностного ряда ассоциаций) феноменом универсального культурного значения».

Не вздумайте спрашивать, что такое ризоморфный гипертекст. Давно пора знать. Это - гипертекст такой, в культурной традиции бывает, для узкого круга людей, у которых глубинная укоренность. Не то, что у вас. Однако, остановимся уже, потому что дальше просто некуда.

Нет, Веничка решительно не похож на Христа. Христос – Он весь действие. Он изо всех сил старается решить неразрешимую задачу: переменить натуру человека, вживить глубоко в его сознание известные этические нормы и религиозные идеи. Такая деятельность невозможна без идиотской веры в Себя и в человеческий род. Сходство между Христом и Веничкой состоит разве только в мученической смерти того и другого. Но смерть Христа – эта часть Его программы, героическая демонстрация твердости веры и бессмысленная, но сознательная жертва во имя так называемого спасения людей. Можно по-разному относиться к Его учению, я, как видите, никоим образом не христианин, но немалая часть человечества, не спросивши меня, видит в Кресте Распятия свой вечный нравственно-религиозный символ, раздражающий, правда, нас, нормальных атеистов, как все вечное, все религиозное и все нравственное.

Философия Венички – отказ от действия, резиньяция. Если уж вам угодна библейская параллель, то в герое «Петушков» скорее что-то от Экклезиаста, может быть и от Иова многострадального что-то, но не от Христа. Он утверждает про ценности нашего существования, что и то, и это, а еще и вон то, да и все вообще - не суета сует даже, а так просто фигня (хорошо б здесь выразиться конкретнее, да никак нельзя – знакомая дама с литературным вкусом этих слов не знает).

Веничка постоянно бедствует, но ведь он, как чаплинский бродяжка, нигде и никогда не стремится добраться до материального благополучия. Однако чаплинский Чарли (тоже, кстати, носит уменьшительное имя своего создателя) способен перевернуть мир, чтобы помочь слепой возлюбленной. Веничкины же действия для кого-то ограничиваются покупкой младенцу стакана орехов и полкило конфет “василек”, да и то после напоминания ангелов.

Веничка беспомощен – ему никак не противостоять окрику вышибалы в ресторане – «кому здесь херес?», он не может охранить предмет своей первой необходимости – бутылку, ее крадут у него дед и внук Митричи, не в состоянии он даже властно обнять правой рукой любимую женщину, ну и так дальше. В этом, пожалуй, причина неприятия Венички многими – слабость ведь непривлекательна.

А еще Веничка примерный эгоцентрик. Свои собственные ощущения он анализирует до мельчайших деталей. Для лиц, не устроившихся в жизни, существует проверенное средство – рефлексия, создание мира внутри себя. Мир Венички – путаное переплетение издевательских пародий и карикатур абсолютно на все, что бывает и чего не бывает в той жизни, где ему не нашлось места, и на которую, поэтому, он глядит со стороны. Карикатуры эти и теперь кое в чем напоминают мне рассказы Зошенко.

Когда Веничка заговорил о любви, то в речи его так перемешались пародия на романтическое выражение чувства и прямое романтическое выражение, что стало не разобрать, где выражение и где пародия. Да нет, чувство-то принимается вполне всерьез, единственное, кажется, что у Венички всерьез – чувство к женщине и к ребенку, знающему букву «ю». Ну, так и что же, что всерьез, женщина все равно никогда и никого не спасла от хронической злокачественной астении, так в терминах медицины я описал бы состояние героя «Петушков».

Любовь, утверждает Владимир Соловьев, есть преодоление эгоизма. С Соловьевым согласиться не могу никак, но логику здесь вижу такую – где нужно что-то преодолевать, там Веничка неминуемо потерпит поражение. Вот он обычно и не преодолевает, а от всяческих преодолений как-то естественно уходит, и ни тебе поражений, ни побед. Этот уход и есть отказ следовать правилам игры жизни. В любовной своей истории он все же (куда деваться? женщина-то стимулирует...) совершает попытку преодоления:

– Давай, давай всю нашу жизнь будем вместе! Я увезу тебя в Лобню, я облеку тебя в пурпур и крученный виссон, я подработаю на телеграфных коробках, а ты будешь обонять что-нибудь – лилии, допустим, будешь обонять. Поедем!

А она – молча протянула мне шиш. Я в истоме поднес его к своим ноздрям и заплакал:

– Но почему?.. почему?

Вот тогда-то она разрыдалась и обвисла на шее:

– Умалишенный! Ты ведь сам знаешь, почему! Сам знаешь, почему, угорелый!

Жестоко, но именно любовь особенно категорически требует соблюдения правил жизненной игры.

Веничка пытался убежать от настигших его мучителей. О сопротивлении, конечно, и речи идти не могло. Только безнадежное моление о пощаде.

Убийство Венички – естественная реакция системы на инородный ей элемент. Всякая система избавляется от таких элементов. Он вреден ей уже хотя бы пассивным отрицанием. Советскую-то систему Веничка особенно и не отрицал, очень ему это надо, разве чуть-чуть по ходу дела, да система страдала мнительностью и никак не принимала писателя Ерофеева. Она не удостоила его даже всенародным осуждением. А он, как пишет один его близкий друг, “был в советской действительности как рыба в воде” и в другую не хотел.

Парадокс, что ли? Не принимал правил игры, а комфортно себя ощущал в действительности. Возможно, впрочем, хоть кто-то в том, пожалуй, и усомнится, но очень даже возможно, что действительность жизни – это не одна игра и не сплошная система.

Он ведь и Западу непонятен и не нужен, хоть там его и печатают и хранят в библиотеках - a glass of this and then a glass of that, too boring.

Нужен ли он сегодня и кому? Не могу на это ответить доподлинно, потому что он часть моей собственной жизни, сколько бы ее не оставалось.

Венедикт Ерофеев считал себя христианином. В воспоминаниях многих людей из его окружения говорится, что Библия всегда была рядом с ним, как, впрочем, и бутылка водки. Его, кстати, выгнали из Владимирского педагогического института за чтение Библии. Не за пьянство, к этой слабости советская власть была снисходительна, с нами, пьяницами, можно работать, а с теми, кто читает Библию работать бесполезно. Правда, я и сам студентом (годы, примерно, 1970-1972), тоже читал Библию, и не скрывал этого. Никто по этой причине и не думал меня преследовать. Дело, полагаю, было не в Библии, Библия - так, предлог, а дело было в масштабе личности Ерофеева.

Жизнь Венедикта Ерофеева была трудной. Отца арестовали – семья ощутила тяжелую руку товарища Сталина. Мать не могла устроиться на работу и во время войны не имела продуктовых карточек. Венедикт, его брат и сестры отданы были в детский дом. Когда отец, отбыв срок, вернулся, детей взяли из детского дома, но жизнь уже была деформирована необратимо.

Венедикт в детстве отличался поразительными способностями, в школе никогда не имел четверок и кончил с

золотой медалью. Мальчик из глухой провинции легко поступает в Московский университет. Учится блистательно, поражает всех необыкновенной памятью, но вдруг – перестал посещать занятия. Почему? В воспоминаниях очевидцев говорится, что в это время он подолгу не вставал с койки в общежитии. Может быть, приступ депрессии? По свидетельству однокурсников он говорил, что занятия ничего ему больше не дают и потому бессмысленны. Когда же он стал пить? Возможно, еще учась в Университете... Об этом точных сведений я не нашел.

Из университета студент второго курса Ерофеев был отчислен. Вместо великолепной карьеры выпускника МГУ начался незавидный жизненный путь гражданина СССР без определенного местожительства.

Тягостный алкоголизм, физический труд, нужда и - Боже ты мой! – настоящий голод сопровождали его всю жизнь, но он смог найти целых три недели, во время которых даже не пил, чтобы написать «трагические листы» о крестном пути Венички. Без Венички не было бы писателя Венедикта Ерофеева, даже если бы написаны были «Розанов глазами эксцентрика» и «Вальпургиева ночь». Эти вещи - лишь тени и отзвуки поэмы «Москва - Петушки».

И все же Венедикт Ерофеев совсем не то, что Веничка. Веничку оставили, предав, даже Господни ангелы, а рядом с Венедиктом, как выясняется из мемуаров, было не так и мало людей, знавших ему цену. А что касается женщин, то многие из них прямо умирали от страсти к высокому статному человеку с глубоким проникновенным голосом, к тому ж необыкновенно остроумному.

Венедикт Ерофеев весьма тщательно занимался воспитанием сына. Даже сам писал для него учебники.

Он, пишут мемуаристы, ощутил свою значительность, когда «Петушки» стали издаваться во всем мире. А в новые времена, доживи он, стал бы, наверное, признанным и благополучным. А может, выкинул бы что-нибудь такое, чего сейчас и представить нельзя, и не стал бы. Во второе, впрочем, я не верю.

Кстати, его пресловутое пьянство тоже было особенным: он никогда не пьянел.

В интервью последних лет сквозь матерщину, а в некоторых местах он там матерится бесперечь, слышны интонации литературного метра, и чувствуется умение произвести впечатление и держать свой образ. Человек есть человек.

Так вот, в мае 1990 года одна старая, как я уже говорил, гримза протянула мне газету «Смена» с некрологом – прощай, Веничка. До чего же неуместной выглядела фамильярность этих газетчиков. Что за бестактность! Веничка-то умер много раньше, заколотый шилом, а в 1990 году окончил жизненный путь писатель Венедикт Васильевич Ерофеев, талантливейший человек, который не хотел играть по правилам жизни. В вагончике, где жили прокладчики кабеля, на второй полке, он написал одно из значительнейших литературных произведений двадцатого века, употребив на это, может быть, тысячную часть своих возможностей.

В каких-то воспоминаниях о Венедикте Ерофееве говорится, что когда его гнали из Владимирского педагогического института за чтение Библии, то студентам было объявлено, если кто с ним станет знаться, тот вылетит следом за ним.

А что ж, такое общение, правда, небезопасно. В слабом и беззащитном Веничке жил, оказывается, страшный дух отрицания, и он высмеял и свел к нулю все в жизни, все решительно, что нам с вами важно. Прочитав «Москву - Петушки», разве не чувствуете вы болезненной пустоты? Нет? Ну и хорошо - вы, слава Богу, не больны хронической астенией и злокачественным эгоцентризмом.

«О пустопорожность! О звериный оскал бытия!» - Подумал Веничка, вышвырнутый из ресторана, где так и не получил хересу.

Май 2004 года

Шуламит Шалит

«Рюмочка свежей клубники»

О дочери и внучке Эренбурга

Ирина Ильинична, так же, как и её отец, Илья Григорьевич Эренбург, была неотделима от России, разделяя с ней и радости и скорби. Оба они любили и Францию, Париж. Вдыхали парижскую атмосферу легко и непринужденно. *«Там я чувствую себя женщиной»*, – говорила Ирина. Она так хороша на французских фотографиях – в шляпке, в элегантном костюме. Ей дышалось там легко. Собственно, это и была ее родина. Она ведь родилась во Франции.

Ирина Эренбург. Париж, 1930

Личность дочери Эренбурга заинтересовала меня, когда стало известно, что ей не только удалось спасти от КГБ, хранить и сохранить рукопись «Черной книги», но и переправить ее именно в «Яд ва-Шем», в Иерусалим, в Израиль. Спустя годы я

познакомилась с приемной дочерью Ирины Ильиничны. Попробую рассказать об обеих женщинах.

В мемуарах Ильи Эренбурга «Люди, годы, жизнь» написано: «В конце 1909 года на одном из эмигрантских вечеров я познакомился с Катей, студенткой медицинского факультета первого курса. Влюбился я сразу, начались долгие месяцы психологических анализов, признаний, вспышек ревности».

Ирина Эренбург с Фаней (Фейгой) Фишман.
Фото М. Напельбаума, 1946

Официально в браке с Екатериной Оттовной Шмидт он не состоял, и в метрике, которую и сама-то Ирина увидела впервые после смерти отца, написано: «25 марта 1911 года в 3 часа утра родился ребёнок женского пола, названный Ириной-Наталией, дочь Катрин-Клары Шмидт – уроженки Санкт-Петербурга (русская), 23 лет, проживающей в Ницце». «Отец, естественно, не был указан. Нотариус, повертев эту бумажку, решила, что моей метрикой будет книга мемуаров Эренбурга». (Где водятся такие нотариусы?)

Так что первой фамилией была Шмидт. *«Мама ушла от Эренбурга ещё во Францию»,* – пишет Ирина. – *«Ушла к его другу Тихону Ивановичу Сорокину».* Сорокин (1879-1959) был искусствоведом, явился прообразом Алексея Спиридоновича Тишина в романе И. Эренбурга «Необычайные похождения Хулио Хуренито...».

Эренбург о Сорокине осенью 1912 года: «Он чем-то напоминал мне Чехова, может быть, добротой, душевной стеснительностью, умением выслушать и понять... заставил меня снова взять книги Чехова... благодаря Тихону Чехов с тех пор стал моим любимым писателем». Через год: «Осенью Катя сказала мне, что решила выйти замуж за Тихона. Я погоревал, поревновал, но примирился. У нас с Катей жизнь не клеилась, мы были людьми с разными характерами, но с одинаковым упрямством. Да и к Тихону я успел привязаться. Они взяли мою Ирину и жили в Пуатье». Ирина через много лет скажет, что мать *«ушла потому, что мечтала создать семью, а с моим отцом это было невозможно. Они долго любили друг друга – я это выяснила, прочитав пачку писем Эренбурга к маме, которые нашла в тайном ящичке буфета в Проточном переулке».*

Так Ирина стала Сорокиной. Эренбург продолжал дружить с ними. Путешествуя, старался посещать их и впоследствии помогал, чем мог. Ирина вспоминает посылки, которые Эренбург посылал им в голодный Петроград в 1919 году: её поразила белизна муки и яркие акварельные краски, которые она *«не удержалась и лизнула».* *«Никто из взрослых, – пишет Ирина, – не нашёл нужным объяснить мне перемены, произошедшие в моей семье. Я всю жизнь называла Сорокина папой, а Эренбурга – Ильёй».*

До шести лет Ирина жила во Франции. В 1917 году она оказалась под Петроградом у бабушки и деда, родителей матери.

Из мемуаров Эренбурга: «Они жили у отца Кати, который не мог слышать моего имени: ко всем прочим грехам я был евреем. Катя тайком от отца привела ко мне Ирину». В кафе «Амбир» он угостил дочку белым хлебом с повидлом, потом они гуляли по Невскому: «Девочка попросила, чтобы мы зашли в Казанский собор; там она тотчас стала на колени и приказала мне последовать её примеру. Я не послушался».

А вот из воспоминаний Ирины: *«На случай провала революции – она (мама) меня крестила. Мне помазала лоб водой и подарили крестик. Эренбург поджидал меня у выхода из церкви. Он повел меня в кондитерскую и сказал: "Можешь съесть столько пирожных, сколько захочешь"».* Но верующей Ирина не

стала. Была атеисткой, как и её отец. Перед смертью деда, Отто Шмидта, до революции имевшего два доходных дома в Петербурге и целую улицу домов в пригороде, Ирина, по настоянию матери, встретила с ним. *«Я навестила этого чужого мне старика, он ослеп, ютился в отведенной ему каморке в некогда принадлежавшем ему доме в Лесном и целыми днями наизусть собирал гвозди на мостовой, чтобы заново построить дома. Я... напомнила, как он моего отца-еврея не пустил в дом, но увидела, что ему стало безразлично, была ли его внучка полукровкой, дочь известного писателя Эренбурга. Я убрала комнату, перемыла посуду и с лёгким сердцем ушла».*

Жизнь Ирины Ильиничны Эренбург угасла 17 июня 1997 года. Она прожила 86 лет. Любила жизнь и незадолго до смерти говорила приемной дочери Фане: *«Хочу выздороветь, надо написать ещё одну книгу».*

Фаня: *«В последние годы она освоила компьютер, оставалась живым и интересным собеседником, поддерживала движение за демократию и свободу в России».*

В 1995 году по просьбе немецкого журнала Ирина Ильинична заполнила предложенную ей анкету. На вопрос «Ваша мечта о счастье?» ответила: *«Вечная молодость, особенно теперь, когда в России так интересно».* – «Что было бы для Вас самым большим несчастьем?» – *«Не мочь любить».*

Эренбург писал:

Молодому кажется,
что к старости
Расступаются густые заросли,
Всё измерено, давно погашено,
Не пойти ни вброд, ни
врукопашную,
Любит поворчать и, тем не менее,
Он дошёл до точки
примирения.

Ирине стариковская ворчливость была совершенно чужда. Но примирилась ли она со своей неласковой судьбой? Написав в далёкие тридцатые годы и издав под именем Ирины Эрбург изящную и раскованную повесть «Лютарингская школа: записки французской школьницы» (Москва, 1935), она до конца жизни так и не увидела её переизданной. Ирина опубликовала десятки очерков, во время войны была корреспондентом газеты «Уничтожим врага», писала сценарии к документальным фильмам, но все это о другом, о других, о себе больше не писала. И

беллетристикой занималась только в качестве переводчицы. Мы не всегда обращаем внимание на имя переводчика, но вот передо мной список книг, переведенных Ириной Эрбург, тут Андре Стиль и Моруа, Гамарра, Тери, Мальро...

Только после смерти Ильи Эрбурга в 1967 году, переведя «Жизнь Тулуз-Лотрека» Анри Перрюшо, она впервые подписалась своим настоящим именем – Ирина Эрбург, официально полученным тоже не в час своего рождения, а в возрасте 13 лет.

Воспоминания о своём детстве и юности Ирина написала в 1989 году, в 78 лет. Из них мы узнаём, что у неё были сестра Наталья и брат Серёжа, дети матери и Сорокина. Воспоминания охватывают период её жизни от первого приезда из Франции в Россию и до возвращения к отцу во Францию в 1924 году. Тогда-то она и стала Ириной Эрбург.

И ей и нам повезло в том, что многие годы спустя Ирина обнаружила свой дневник, о котором никто не знал и о котором сама она совершенно забыла. В книгу «Разлука», изданную в Израиле её приёмной дочерью Фаиной Палеевой в конце 1998 года, вошли и воспоминания о детстве и «Дневник» Ирины Эрбург военных лет, начатый 3 ноября 1941 года и не завершённый, как бы оборванный...

Последняя запись в нем сделана 24 ноября 1945 года. Всего одна строка: *«В Нюрнберге процесс. Илья, видно, там»*. Спустя много десятилетий она вернулась к повествованию о своей жизни (об этом – во вступительной статье Фаины Палеевой и Бориса Фрезинского), впрочем, и оно осталось незаконченным.

Стиль не только дневника, но и воспоминаний таков, что скорее напоминает тезисы, наброски к будущему подробному осмыслению и рассказу, которого с нетерпением ждешь, но продолжения так никогда и не последовало. Жаль, потому что потенциал был немалый – для самого краткого описания человека или какой-то запомнившейся сценки, ситуации Ирина находит точные слова, выразительные детали. Она искренна и нелицеприятна.

«В одном из флигелей, кажется (на Фонтанке – Ш.Ш.), жила странная дама. Высокая, худая, закутанная в черную шаль, она выделялась своей горделивой осанкой, за что я ее про себя называла королевой... Ее стихи я прочитала много позже и познакомилась с нею, вернувшись из Парижа. Я ее запомнила во дворе Шереметьевых». Это, разумеется, об Ахматовой. Легкие и точные штрихи – и картинку можно дорисовать, довообразать...

О сестрах Ильи Эренбурга немного больше. *«Женя вела хозяйство. Белла была похожа на Илью. Она торговала на Сухаревке сахарином и приносила полотенца керенок, которые она дома разрезала. Была еще одна сестра – Маня, слышавшая красавицей. Маня была больна манией преследования, и никто не знал, где она жила. В Париж она приехала позже сестер. Во время оккупации Белла и Женя с Юркой (сын Жени) выжили, никуда не уезжая. Их никто не выдал, а Маня погибла... До войны она изредка приходила к Илье в кафе. Одетая она была как нищенка. У нее были пряди волос разного цвета – лиловые, желтые, зеленые. В то время она зарабатывала тем, что показывала на своих волосах клиентам какой-то парикмахерской разные оттенки красок. Я стеснялась тети, а Илья радовался, что она появилась, и отдавал ей все деньги, которые у него были. Брата она боготворила, говорила ему нежные слова, но своего адреса не давала. Белла и Женя тоже очень любили Илюшу: первая переписывала его статьи, а вторая – угощала очень вкусными блюдами, зная его вкусы. Все три сестры были убеждены, что в Эренбургах течет голубая кровь. Откуда? Для меня это так и осталось загадкой».*

И для нас осталось немало загадок, но запоминаются не только *«пряди разного цвета»*, но и взаимная любовь между братом и сестрами, и необыкновенная доброта *«Ильи»*...

За два года до смерти Ирины Эренбург в Берлине вышла книга *“So habe ich gelebt”*¹ (*«Так я жила»*). История этой книги такова. Последние тридцать лет жизни Ирина Ильинична работала над архивом и литературным наследием отца, в частности, разбирала его эпистолярный архив, составивший тысячи писем, полученных Эренбургом, начиная с 1941 года. Результатом её самоотверженной и кропотливой работы стали и дополненные издания *«Черной книги»* (Киев, 1991, Вильнюс, 1993, оба – с предисловиями Ирины Эренбург, а мы помним, что *«Черная книга»* на русском языке впервые увидела свет в Израиле в 1980 году), и *«Советские евреи пишут Илье Эренбургу. 1943-1966»* (Иерусалим, 1993), и *«Неизвестная чёрная книга»* (Иерусалим – Яд ва-Шем, Москва – Госархив РФ, 1993).

Так что ни написанием собственной биографии, ни личным творчеством все эти тридцать лет Ирина, в общем, не занималась. Но в 1979 году она познакомилась с немецкой

¹ Irina Ehrenburg: So habe ich gelebt. Bln., Berlin Vlg., (1995) Erinnerungen aus dem 20. Jahrhundert. Hrsg. u. aus dem Russischen übers. v. Antje Leetz.

журналисткой и переводчицей Антье Леетц, которая была очарована прямоотой Ирины, её умом и обаянием. Они поддерживали связь, а позднее Антье решила, что жизнь самой Ирины заслуживает того, чтобы о ней, а через неё и о времени, в котором она жила, было рассказано. Антье стала записывать свои интервью, вылившиеся в длинные монологи Ирины, на кассеты... Одну из них я прослушивала, к примеру, часа полтора. Голос хриловатый: Ирина курила. О разных событиях жизни рассказывает увлекательно, порою с юмором, точные даты подзабыла, сама же подсмеивается над этим. Любопытны детали. Вернувшись во Францию (*«Мне было 12 лет, когда я снова познакомилась с отцом!»*), она продолжала учебу, позднее окончила Сорбонну, стала психологом. И вот через 10 лет она снова в Москве: *«Вырубили Садовое кольцо. Сталин боялся газовой атаки, боялся, что в листьях застревает газ...»*

В 1933 году Ирина возвращается в Москву и выходит замуж.

Свадьбу с Борисом Лапиным, писателем, поэтом, путешественником, журналистом, праздновали у неё в Московском институте гигиены труда и профессиональных заболеваний имени Обуха².

Ирина Эренбург – сотрудник Института им. В.А. Обуха.
Москва, 1934

Ирина записывает: *«Дали кашу пиённую с курицей, я нашла там только перья, но нам казалось это роскошным... В диетическом магазине на Арбате купила спаржу, это было удивительно. Что-то можно было купить. Но ходили в кино, в*

² Обух В.А. (1870-1935) – профессор медицины, лечащий врач В.И.Ленина.

кафе "Националь". Я думаю, что всё было недорого, мы были очень бедные».

Когда прикладную психологию объявили лженаукой, Ирина осталась без работы, пошла учиться на физиологический. Но там «резали лягушек», это было не по ней, и она ушла. И вот тогда-то написала свою «Лотарингскую школу»; потом занялась очерками, писала о разном, например, о дегустации вин: «все напились, а я их, бедных стариков, вытаскивала на себе».

Писатель Борис Матвеевич Лапин,
муж Ирины Ильиничны Эренбург. 1930-е годы

Ирина вспоминает и о вещах более серьезных, в частности, о терроре. Как они сами себя обманывали: этого взяли потому, что шёл в японское посольство (жуткий грех!), а парижскую подругу Наташу Столярову арестовали, мол, потому, что встречалась с иностранцами, «ходила с ними в кино». Потрясло не то, что арестовали, а то, что из мест заключения в 1956 году она вышла «стопроцентной патриоткой». Ирину сильно удивило, что даже в лагере рожали и некоторым давали навещать детей в тюремных яслях. «У нас зверское, что ли, государство?» – отвечала на ее удивление Наташа. Ирина уже знала, что зверское. Были ли они по-настоящему откровенны друг с другом? Знала ли Ирина, что, став после лагеря секретарем у ее отца, Наталья Столярова именно в кабинете Эренбурга хранила опасную тогда рукопись книги А. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ»?

Из мемуаров И. Эренбурга: «В конце декабря я получил телеграмму из Москвы: «Вышла замуж Бориса Лапина фамилия адрес прежние поздравляю Новым годом Ирина»... Слова о фамилии и адресе, – пишет Эренбург, – мне показались забавными – были в этом и характер Ирины, и характер эпохи». Эренбург о романе с Лапиным не знал, хотя ещё за год до этого познакомился с целой группой молодых писателей, среди которых были и неразлучные друзья Борис Лапин и Захар Хацревин. Эренбург пишет о Лапине с уважением и любовью, он узнал его лучше, когда молодые, после разных мытарств, поселились в его квартире в Лаврушинском переулке. Лапин знал множество языков, обожал путешествия, объездил селения Памира, был с археологами в Крыму, дважды в Монголии. Был мужественным, любил опасность. «Но когда в 1937 году начали бесследно исчезать друзья, товарищи, знакомые, он душевно сжался... Порой он шутил с Ириной, со мной, – пишет Эренбург, – а когда снимал очки, я видел в его глазах грусть и недоумение».

Борис Лапин (справа) и Захар Хацревин. Под Киевом, август 1941

В 1936 году Ирина снова подаёт документы на поездку в Париж. Вызвали на Лубянку. Муж остался ее ждать на том месте, где потом построили «Детский мир». Договорились: если она не

появится через 2 часа, он пойдёт тоже. На арест, значит. Генерал: «Вы хотите в Париж? Будет вам паспорт, будет валюта, вот, я снимаю трубку и звоню, но при одном условии, что вы будете следить за знакомыми Эренбурга». Ирина сказала, что этого делать не станет. Он всё время держал руку на телефоне, уговаривал ее часа полтора. Но – отпустили. Муж обрадовался, что жива. Во Францию она всё-таки поехала. Паспорт дали, валюту – нет.

Она рассказывает страшноватую историю о том, как она приезжает в Германию, в Аахен, и не находит на почте обещанных отцом денег. Поезд уходит в Париж без неё. Стоит растрёпанная, с одним чемоданчиком, а *«вокруг – фашистская Германия, а в паспорте – и тогда уже достаточно известная в Европе фамилия ярого антифашиста – Эренбурга»*. Какой-то немец отвёл её в гостиницу. Он сказал: *«Запрись и не выходи!»* И всю ночь она не сомкнула глаз, готовилась к смерти. Но наутро он пришёл за ней и повел по почтовым отделениям. В одном из них отыскались деньги. Ирина уехала.

Еще одно характерное воспоминание: как им дали ордер на одеяло. Боясь, что их квартира прослушивается, а так оно и было, беседовали шепотом, накрыв головы подушкой. Лапину пришлось пережить отступление первых недель 1941 года. Вместе с армией они с Хацревиным ушли из Киева в Дарницу, дошли до Борисполя, попали в окружение. Некоторым удалось выйти... На чудо надеялась и Ирина. Узнав, что взяли Феодосию, где был похоронен её 16-летний брат Серёжа (он умер от прободения желудка), она записывает: *«Немцы ходят по Серёжиной могиле. Его смерть была первым моим горем. Тогда я поняла, что горе одиноко»*.

И вот теперь, тоскуя по мужу, ничего не зная о его судьбе, не имея, с кем поделиться, с детства приученная хранить своё в себе, она и начинает свой дневник. Потому, что «горе одиноко»? Последнее письмо от Лапина датировано 10-м сентября 1941 года. Последний телефонный звонок был 14 сентября. 8 ноября она записывает: *«14-го будет два месяца с последнего от него известия, а 26 декабря – восемь лет нашей с Борей совместной жизни. Какое было счастливое время, когда он звонил мне из Киева, и я плохо, но слышала его голос»*.

Думы о Лапине, тоска по нему, отчаяние и надежда, что он всё-таки жив – сквозная, но не единственная тема дневника. А главная – война и жизнь во время войны. И по дороге в эвакуацию, и в тылу, и снова в Москве, и на фронте она встречалась со множеством людей – и знаменитыми, и никому не известными

людьми, и её характеристики точны, порою беспощадны. Через десятки лет, перечитывая дневник, она поняла, что многие имена новому поколению неизвестны, и кое-где сделала примечания: *«Николай Погодин, ему на всё наплевать»*. В примечании: *«преуспевающий драматург, трезвым я его ни разу не видела»*. *«Емельян Ярославский»* (они встретились в поезде по дороге в тыл, из Москвы в Куйбышев): *«Рядом... сидел Ярославский, который плакал»*. В примечании: *«Сейчас, думаю, мало кто знает, что... Ярославский написал историю Коммунистической партии и был членом ЦИКа. Вид этого плачущего старика из чуждого мне мира ещё больше усугублял отчаяние катастрофы»*. Об Алексее Толстом: *«Он на двух самолётах летит в Ташкент. Вывез всё...»*. И нехватка денег, и одиночество, и отвращение к еде (у неё развилась пищевая анорексия), и тщательно скрываемая тоска по родительской ласке, и в том же ряду – нелюбовь к Сталину, и как тошнит от вранья – чужого и собственного, когда стала писать фронтовые очерки...

Она не завидовала тем, кому легче и лучше, но констатировала, что у всех и всего есть и оборотная сторона. *«Прошёл слух, что Боря вышел в сторону Ростова, но я не очень верю... Фадеев, сидя в Чистополе, брешет, что Лапин и Хацревин вышли...»*. Все время между отчаянием и надеждой: *«Я готова на вечную разлуку, лишь бы знать, что он жив. Слепой, безногий, но живой... Вчера была нехорошая ночь – полная безнадежность. Я заснула поздно, после долгих слёз, и проснулась от Бориного зова: "Ирина". Я вспомнила страшное объяснение таких снов, и мне стало нехорошо. Сегодня тоже весь день отчаяния. Но вот вышли два корреспондента. Завтра иду к ним. Наверное, ничего не знают... А вдруг?...»* Она слушала французское радио.

Записи отрывистые, не связанные между собой мысли, эпизоды военных будней, и, тем не менее, не раз поразишься смелости её суждений, мы ведь должны помнить, когда это писалось. *«Мы в руках Сталина»... «Выжить еврею – запрещено», «Украинская Академия возвращается в Киев, но молодую киевлянку, математика-еврейку, потерявшую за войну мужа и брата, отчислили»* (в скобках – *«по национальности»*)... Себя Ирина считала русской и космополиткой. *«Еврейкой я себя чувствую, собственно говоря, только когда сталкиваюсь с антисемитизмом»*. Но сталкивалась – нередко.

Сначала – записи о расправе гитлеровцев с евреями. Постепенно – и о предательстве своих, по эту сторону фронта (а ведь считалось, что фронт – «кузница» и оплот советского

интернационализма), и об угрожающей силе партийного антисемитизма.

«22 октября 1943 г. Два дня назад приехали Илья и Гроссман. Были под Киевом. Рассказы о предательстве, уничтожении евреев ... В Киеве за четыре дня убито 52 тысячи. Много сожжено...»

«8 декабря. ... Все новые и новые письма и рассказы о гибели евреев...»

«13 декабря. ... Страх за мирное время, особенно у евреев: уже в университетах ограничения для евреев... Мальчик Альтмана (знакового литератора – Ш.Ш.) затравлен в школе».

«20 августа 1944 г. В Варшавском лагере убивали паром. При каждом рассказе я вижу Борю. Паром... Наверное, я слон, если могу зрительно видеть Борю и после этого есть, смеяться, думать о чулках...»

«28 августа 1944 г. За это время взяли Париж. Взяли сами французы. У нас замалчивают... Я вспомнила всё, вплоть до запахов, которые бывают только там. Какая же у меня ломаная жизнь – вся из кусочков, хороших и очень плохих. Думаю, что у всего моего поколения... Во мне есть еврейское свойство – находить, что всё – плохо. Но ужасно, когда оно оправдано. Да, почти для каждого еврея – это сейчас так».

«30 марта 1945 г. В поезде в Одессу мой сосед по полке, полковник, оказался антисемитом, который, не закрывая рта, хватался тем, что получил какое-то количество орденов, что только чисто русские могут так хорошо воевать, а вот евреи отсиживаются в тылу...»

Монологи Ирины Эренбург, напомним, вышли на немецком языке. На русском их не нашла, но из интернета узнала, что как раз дневник Ирины, оказывается, вошел в изданную в 2011 году в Москве книгу под броским названием «Я видела детство и юность XX века». Что-то покорило в самом названии, все сейчас для рекламы. Стала искать толковую аннотацию на книгу, и мои поиски превзошли ожидания. Омри Ронен (1937-2012), замечательный израильско-американский славист и писатель, успел незадолго до внезапной и горестной для всех кончины написать эссе «Послесловие» и опубликовать его в рубрике «Из города Энн», которую вел на страницах журнала «Звезда».

Читаем: «Не знаю, кто дал сборнику Ирины Эренбург заглавие "Я видела детство и юность XX века"... Броский (об эпитете мы, как вы понимаете, не сговаривались – Ш.Ш.) издательский титул не соответствует содержанию: автор видел и чудовищно жестокою зрелостью и обманувшую надежды старостью

века. Ее книга – послесловие к XX столетию и к одной из важнейших книг в истории СССР: к воспоминаниям ее отца... Книга дочери Ильи Эренбурга ... содержит только правду и ничего, кроме правды. Если это не вся правда, то потому, что она не описывает зловонных и зловещих послевоенных лет, о которых Слуцкий сказал: "Не отличался год от года, / как гунн от гунна, гот от гота / во вшивой сумрачной орде", и только из предисловия Фаины Палеевой, приемной дочери Ирины Эренбург, мы узнаем, что в 1951 году у них был обыск... Книга состоит из вступительных воспоминаний о детстве, из двух дневников, литературного и личного, и из небольшой подборки писем в приложении».

«Эмоциональное воздействие человеческого документа граничит с искусством», – сказал Илья Эренбург.

Ирина Ильинична Эренбург с дочерью Фаней.
Ирпень (пригород Киева). Июль 1949

Уже упомянутый Омри Ронен назвал «записки» Ирины Эренбург «отважными», «самоотверженными» и «высокоталантливыми» («Звезда», 2012, № 7). Да, и дневник и монологи это «записки» – записи разных лет, состояний, раздумий, отчаяния, надежд, тоски...

Фаня рассказывает, что в начале перестройки, перечитав свой дневник и сделав кое-какие примечания, Ирина решила его опубликовать. Не получилось. Позже она скажет Фане, не без иронии: *"Не могу пристроить мой дневник. Ни здесь, ни в Америке... Может быть, в Израиле? Попробуй"*.

Фаина Палеева (урожденная как Фейга Фишман) принесла мне рукопись матери года за полтора-два до её опубликования. В

моей радиопередаче речь шла, в основном, об Ирине. Признаюсь, что собственная судьба сидевшей передо мной женщины взволновала меня не меньше, чем эта рукопись. Потом ко мне пришел один из братьев Фани...

Фаня – Фейга Фишман. Москва, октябрь 1944

Оказавшись сиротой, спасённая семьёй баптистов, где было еще пятеро детей, девочка должна была запомнить, что зовут ее Христей, Христиной. В конце войны она оказалась в партизанском отряде. Сержант медслужбы Рахман Наумович Сельцовский забирает ее оттуда и привозит в воинскую часть, где она работает на аптечном складе при госпитале («крутила порошки, разносила их раненым, сапожник пошил мне сапоги, была там женщина, Шапиро, капитан медслужбы, она заплела мне косичку в косичку, приговаривая, что в Москве сейчас все так носят – и дали мне чин беспогонной сандружинницы»). Тот же Сельцовский послал письмо с рассказом о судьбе еврейской девочки в Москву, в Еврейский Антифашистский Комитет. Письмо попало к Эренбургу, и он сам написал «дочери полка». Называл ее Фейгой. Она говорила тогда «на чудовищном польско-

украинском наречии» и ответила Эренбургу, приславшему ей книги для учебы и чтения, что «гарачо» благодарит его за подарки.

Военный госпиталь не стоит на месте, и вскоре Фаня оказалась с ним в Пинске, потом в Прибалтике и даже в Польше... Когда главный хирург Яков Борисович Кремер, в свою очередь, написал Эренбургу, что они приближаются к логову врага, тут небезопасно, девочку надо отправить в тыл... В документе написали, что родилась в 1930 году, «во второй половине», на самом же деле даты рождения она не помнила, ни дня, ни месяца... Какой-то майор привез ее в Москву, позвонил Эренбургу и доложил, что привез девочку Фейгу Фишман и спросил, каковы будут дальнейшие указания? Эренбург закричал в трубку: «Немедленно привозите!»

В конце войны Фаню разыщут её братья Иосиф и Эфраим Фишманы, знавшие уже, что родители и две старшие сестры погибли. Эфраим был партизаном, затем служил в польской армии. А Иосиф – в Красной армии. Они захотят увезти сестру с собой в Палестину, но она не поедет. «Ирина не отдала?» – спрашиваю. «Мне было жаль Ирину, – говорит Фаня, – она была такая худенькая, одинокая... Меня ведь Любовь Михайловна хотела удочерить, Эренбурги, то есть. Когда Ирина съехала от них, в 1947 году, я пошла за ней. Ирина меня удочерила. Своих детей у неё не было».

Дочь Фаня, потом и внучка, тоже Ирина, две правнучки, Аня и Люба – стали семьёй Ирины Эренбург. «Я вырастила три поколения», – говорила она. Фаина стала врачом, кардионефрологом, доктором медицинских наук. Впервые приехала в Израиль в 1989 году, прямо на седер Песах, позже репатрировалась окончательно, но продолжала ездить в Москву: «Ирина всё время падала и что-то ломала»... И сидела там по полгода и больше, чтобы сама, больная астмой, ухаживать за курящей Ириной и принимать её гостей. Фаня никогда не забывала, как худенькая Ирина усаживала её, уже большую 13-летнюю девочку, на колени и пела французскую песенку: *«Если завтра будет солнце / Мы поедem в Фьезиолé, / Я – на маленькой лошадке, / Ты – на маленьком осле...»*.

«Я её любила и оберегала. Жизнь Ирины была далеко не сладкой». Но Фане не хотелось говорить о горьком. Она, как и Ирина, научилась смотреть на вещи философски: «Не переживай, перемелется!». У Фани голос ровный, негромкий: «При фашистах за каждого еврея давали два килограмма соли, сосед получил шесть килограммов – за маму и двух моих сестёр, Риву и Басю»...

...Не стоит философствовать, делают ли нас страдания лучше или хуже, отношения и в этой семье были непростые. *«Мать, – говорит Ирина, – была вспыльчивой»*. Про отца: *«У Ильи было особое выражение лица, когда он смотрел на собаку. Свою глубоко запрятанную нежность он мог, наконец, излить, ведь собакам важна интонация, а не слова»*. И трения и примирения, как во всех семьях. Ирина про себя: *«Я была очень жестокая»* (я бы сказала: жесткая! – Ш.Ш.). Она же про Фаню: *«У нее очень трудный характер. Гетто такой ее сделало»*. Ирина, мол, просила брать деньги, а она не хотела. Много разного...

Эфраим (справа) и Иосиф Фишманы – братья Фани.
Хелм (Польша), июль 1945

Когда выйдет книга воспоминаний Фаины Палеевой, над которой она работает, уверена, ей захочется подробнее рассказать и о себе, и о своей семье. А пока – немного про ее братьев. С Иосифом Фишманом, жившим в Хайфе, я два раза говорила по телефону. Он заведовал отделением ортопедии в больнице «Рамбам», все израильские войны провел в операционной. У меня записано: *«Иосиф с нежностью говорит, что качал свою младшую сестренку Фейгеле в колыбели»*. А Эфраим приходил ко мне в библиотеку в Рамат-Гане, потому что и сам жил в этом городе. Фаня ведь не помнила, в какое время года она родилась, а он мне сказал, что помнит: осенью! О нем еще одна запись: *«5 ноября 1941 года в городе Ровно большую группу молодых евреев вывели на площадь, где оказался и Эфраим. Фашисты вывели мужчин за пределы города, в урочище Сосенки, и там заставили рыть рвы»*.

Подгоняли криками: "Шнеллер! Шнеллер!" Эфраим выкопал быстро и, стоя во рву, обратился к «фрицу»: "Я закончил!" Немец приблизился к краю рва и... поджег ему волосы. Когда их погнали обратно в Ровно, к Эфраиму вдруг подбежала молодая женщина и на бегу сунула ему в руку записку: "Приходи, я тебя спасу". Это была Тоня Куликовская. Снимая у нее угол в студенческие годы, он обучал грамоте двух ее маленьких девочек, потому что матери нечем было платить за их учебу. Так Эфраим избежал смерти.

Это свидетельство хранится в архиве Яд ва-Шем – мемориале Катастрофы и героизма еврейского народа. На следующий день в Сосенках, в тех самых рвах, расстреляли 23 тысячи евреев.

Интеллигентный, обаятельный человек, Эфраим Фишман говорил о пережитом так же ровно и спокойно, как пишет Ирина, как вспоминает Фаня.

Никогда не привыкнешь к тому, как удивительно сплетаются и расплетаются судьбы, скрещиваются и расходятся дороги.

Из дневника Ирины:

28 августа 1944 года: *«Я ездила в Литву... Написала несколько очерков... В поезде познакомилась с Витке Кемпнер, бывшей партизанкой из Вильно. Она мне рассказала о восстании в Вильнюсском гетто...»*

Витке (так на идише) Кемпнер? Витка? Да ведь это будущая жена Абы Ковнера, командира партизанского отряда, израильского поэта. Мы уже были знакомы, но пока по телефону. «Витка, вы встречались с Ириной Эренбург? Вы её помните?»... Отрывок из дневника возвращает Витку на пятьдесят с лишним лет назад. Части Красной армии были на подступах к Вильнюсу. Небольшая группа партизан вместе со своим командиром Абой Ковнером вышла из леса... Немцев уже не было. По дороге в город, шли пешком, их нагнала какая-то машина. Ей помнится, что подошел какой-то красноармеец. Услыхав, что они говорят на идиш, попросил подождать, вернулся к машине и позвал кого-то. Это был Илья Эренбург. «Он ведь входил в оставленные города раньше армии, – говорит Витка и смеётся. – Ты знаешь, что фотографии вильнюсских партизан, вошедших в город в 44-м году – это работа Эренбурга? Они обошли весь мир!» Тогда я не знала.

А Ирина Эренбург, как журналист, приехала в Вильнюс вслед за отцом. Адресов евреев-партизан он дать ей не мог, но рассказал о них. И вдруг – такая удача. Московский поезд подходил к Гродно. На станции в вагон поднялась Витка Кемпнер. Ей дали последнее поручение – съездить в Гродно, поискать

товарищей – партизан, членов сионистской организации «А-Шомер а-Цаир». И вот она возвращалась «домой», где ни кола ни двора. Главное, что война кончается. Они познакомились, разговорились. Витка привезла Ирину в бывшую квартиру какого-то сбежавшего министра, где временно поселили партизан их отряда...

Воспоминания почти как новая встреча. Витка была взволнована.

...Начиная дневник в ноябре 1941 года, Ирина не знала, что ее любимого Бориса не стало уже в сентябре.

«9 мая 1945 года. День Победы. Утром пошла в комиссионный – узнать, не продано ли пальто Бори. Нет... На улицах всю ночь были песни и крики. Днём выступал пьяный Сталин... Что было 9 мая? Мы с Фаней... вышли на улицу. Я увидела, что Илью качают <...> испугалась, что его уронят... Такое торжество, а Боря его не увидел... Меня утешает Фаня... Хорошая девочка, гораздо лучше, чем я была в её годы... Надеюсь, что мы с ней не расстанемся».

Возвращаясь с дачи в Москву, Фаня в граненом стаканчике привозила для Ирины мелкую, но необыкновенно душистую клубнику. У Ирины это называлось: «Рюмочка свежей клубники». Фаня, как могла, старалась выполнять свой дочерний долг.

Фотографии из архива Ф. Палеевой.

Ирина Маулер, Михаил Юдсон

Принцип Грицмана

Андрей Грицман, поэт и эссеист, москвич, с 1981 года живет в США. Автор многочисленных публикаций в российской и зарубежной периодике (<http://magazines.russ.ru/authors/g/gritsman/>) и семи сборников поэзии и эссеистики (последние: «Вариации на тему», издательство «Время», Москва и «Голоса ветра», издательство «Русский Гулливер», Москва). Основатель и главный редактор журнала «Интерпоэзия» (<http://magazines.russ.ru/interpoezia/>). Андрей Грицман публикуется по-английски в американской, британской, ирландской периодике и является автором пяти сборников поэзии на английском (www.andreygritsman.com). Стихи включены в ряд международных антологий в США и Великобритании и переведены на несколько языков. В течение многих лет – ведущий популярной серии по международной поэзии в Корнелия-Стрит кафе в Нью-Йорке. Живет в Манхэттене с двумя котами на берегу Гудзона.

Одна из нас познакомилась с Грицманом как-то вдруг в Бельгии, на конкурсе «Эмигрантская лира» – и увидела сразу, что это хорошо. А другой услышал сначала, как Грицман читает – случилось сие на пиитическом форуме в Иерусалиме (поэзия есть бог в святых местах земли обетованной!) – долетели строчки: «Снег падает по направленью к лету и замирает где-то за рекой» – и тут уж я уткнулся в книжку, раздобыв, и стал читать сам, по привычке с середины, дабы глаз зацепился за звук, за приметную метафору, а там и цвет возник, и не мешкая побежали мурашки. Так мы открыли для себя поэта, который, по его утверждению, обитает в прибрежном Манхэттене с двумя котами (котов, если хотите, можем показать!). Нам оказался близок и отраден творческий принцип Грицмана: «Поэзия – прежде всего отражение судьбы, исповедь». Как по ходу здесь не вспомнить Ходасевича: «Поэзия есть преобразование действительности, самой конкретной!» Да, да, душа фиксирует перемещенья тела, то бишь,

автобиография оборачивается интерпоэзией. Поговорим с Редактором.

- Расскажите, пожалуйста, о себе поподробнее, по доброй, накатанной схеме: детство, в людях, университеты...

- Я – москвич, родился в медицинской семье (оба родителя – врачи), окончил 1-й Московский медицинский институт. Жил в центре, на Садовом кольце, потом двадцать лет своей жизни, до отъезда, в Измайлово. Удалось остаться в аспирантуре на кафедре патологической анатомии, защитил кандидатскую диссертацию, затем работал в медицинском НИИ, и что-то мне все это стало меньше нравиться. Не вписывался я в этот путь, видел начало его, середину и конец. И решили мы с женой, взяв двух маленьких детей, уезжать отсюда.

- Следуя Вознесенскому, «стихи не пишутся – случаются». Как случилось, что вы начали писать?

- Писать я пытался очень давно, в юношеском возрасте, все это было ужасно, потом, став постарше, – лучше, вроде обрел свой голос. Я всегда любил стихи, знал много наизусть, но мне как-то не удалось быть в кругу молодых поэтов, где друг друга поддерживают, подбадривают, я был сам по себе, это не находило особого выхода; но постепенно что-то во мне произошло, и где-то лет в двадцать шесть, я начал активнее писать, появилось что-то свое и даже была, как водится, пара машинописных книжечек, которые знали только в кругу близких друзей. Потом я уехал в Америку, несколько лет был, в «анабиозе» из-за медицинских экзаменов, адаптации к американской жизни. И вот, попав в Нью-Йорк где-то в 40 лет, я вдруг снова начал писать. Теперь, уже больше четверти века, не останавливаясь, этим занимаюсь. По-русски, а потом и по-английски.

- Кого вы могли бы назвать своими творческими учителями и пиитическими завучами?

- Никаких учителей, а тем более, завучей, у меня не было. Опять же как-то, наверное, не получилось. Не входил я ни в какое лито, не ходил в студию, не был молодым литератором, не ездил на слеты... Я жил совершенно другой жизнью – любил стихи, читал, и, в общем, был ориентирован в современной поэзии, писал, но был сам по себе. Однако мой отец и его друзья были связаны с такими крупными поэтами, как Давид Самойлов и Борис Слуцкий, так что было какое-то «облучение». Я был хорошо знаком с Давидом Самойловым, знал его стихи, но своих ему не показывал. Евгений Рейн написал во врезке к одной моей публикации, что у Грицмана не чувствуется ничьего влияния, он сам построил поэтический самолет, на котором и прилетел в Россию.

- Вы создатель и редактор известного журнала «Интерпоэзия». Познакомьте нас поближе со своим детищем.

- Международный журнал поэзии я задумал еще давно, лет пятнадцать назад, как нечто новое. Не эмигрантский журнал, и не тематический поэтический альманах, а как нечто другое - международный журнал поэзии западного, американского типа. Не русский толстый литературный журнал, но журнал другого типа: поэзия, короткая проза, эссеистика. В то время мне думалось, что одной из основных целей журнала будет «пробивание окна»: из русской поэзии в англоязычную американскую поэзию и создание некой общей площадки. Этого не получилось, хотя пару лет я издавал журнал на двух языках. Однако, было недостаточно контактов, знания английского у русской аудитории, и полное незнание русского языка у американской. Поэтому я полностью переключился на русскоязычный журнал «Интерпоэзия», независимый поэтический журнал над культурами и над миром. Употреблю не случайно «бранное» слово – безродный космополитический журнал. Он посвящен поэзии вообще, но издается на русском языке и стоит в интернете в московском «Журнальном Зале». Формат журнала, скорее, западный, американский и имеется некий уклон в сторону русской поэзии в диаспоре, хотя мы с большим интересом и желанием публикуем и стихи поэтов России (с особым вниманием, кстати, к периферии – Сибирь, Урал, бывшие советские республики). Наша редколлегия и редсовет скорее виртуальные, мы находимся в постоянном контакте в сети, и, соответственно, журнал, с одной стороны, печатный, как и полагается журналу, но, с другой стороны, в основном, виртуальный. В связи с этим я придаю большое значение поездкам и презентациям журнала в разных странах мира, как в России, так и в Израиле. Основной упор «Интерпоэзии» - на поддержание русского слова, русскоязычной поэзии во всем мире, вне зависимости от географического местонахождения автора. Главное – это качество поэзии, с особым интересом к поискам, - не столько формалистическим, сколько духовным и психологическим. Основной критерий для меня как главного редактора – это живые ли стихи, живое слово или нет, вне зависимости от иерархии и ранга автора.

- Вы неустанно в движении по свету – это вечно-жизнейская тяга к перемене мест, или кочевье необходимо для стихосложения?

- Частично я ответил на этот вопрос, говоря о том, что такой журнал как «Интерпоэзия», нуждается в презентации, во встречах с читателями, особенно – во встречах с авторами.

Поэтому я использую любую возможность показать журнал. Меня стали больше приглашать на разные фестивали, конкурсы. И вот я со своей больной спиной тащу пачки журналов в разные места – раздавать авторам, дарить читателям, поэтам, участвующим в конкурсах и фестивалях. Это большая отрада, что журнал таким образом распространяется по миру. Кроме того, у каждого имеется свой темперамент, и это нужно учитывать. Стихи, естественно, пишутся – и должны писаться – в одиночестве, но поэзия, несмотря на герметичность процесса стихосложения, форма общественная и вербальная (стихи вначале, как известно, слагались и передавались устно). Значит, есть поэты, которым общение почти не нужно, они лишь иногда выходят наружу и, если повезет, публикуют свои произведения. Я участвую в сетевой жизни, но не очень много. Читать стихи слушателям, общаться с другими поэтами – это очень важно. Это как бы клуб, где происходит общение. На разных фестивалях, съездах и конкурсах встречаешься с коллегами. Я встретил, например, массу интересных людей и нескольких крайне важных для меня поэтов именно путем путешествий, встреч. Это происходит совершенно по-другому при личном общении.

- Наверняка, как редактор журнала, да и просто ценитель поэзии, вы много читаете. Кто из пишущих ныне на кириллице вам интересен, кого бы вы рекомендовали просвещенному читателю – на свой вкус и цвет?

- Это очень сложный вопрос. Ответ на него двоякий. Как редактор журнала и как читатель поэзии, просвещенному читателю я мог бы порекомендовать на выбор довольно большое количество авторов из разных поколений и разных групп, которые мне представляются значимыми и интересными. С другой стороны, – тех, кто мне, как автору, близок по духу, по методу, по подходу к поэзии, для кого поэзия, писание стихов является тем же, что и для меня. Просвещенному читателю я советовал бы следить за творчеством следующих авторов (по регионам): Москва – Сергей Гандлевский, Лев Рубинштейн, Михаил Айзенберг, Андрей Родионов, Вячеслав Емелин, Юлий Гуголев, Владимир Салимон (понятно, что я не называю широко известные имена – такие как Тимур Кибиров, Александр Кушнер), из молодых – Виталий Науменко, Санджар Янышев, Вадим Муратханов и Глеб Шульпяков. Петербург – Сергей Стратановский; Украина – Александр Кабанов, Борис Херсонский (Киев) и Людмила Херсонская (Одесса); Европа – Лариса Щиголь (Германия), Марина Гарбер (Люксембург); Израиль – Семен Гринберг, Игорь Бяльский, Александр Бараш, Феликс Чечик, Рафаил Шустерович;

Америка (в основном, Нью-Йорк) – Владимир Друк, Владимир Гандельсман, один из выдающихся современных поэтов, такие классики как Бахыт Кенжеев и Алексей Цветков, из относительно молодых – Александр Стесин, Григорий Стариковский, Наталья Резник.

Теперь несколько имен авторов, которые особенно близки, интересны и важны мне как поэту: Семен Гринберг (Израиль), Людмила Херсонская (Одесса), Владимир Гандельсман (Нью-Йорк), Владимир Салимон, Михаил Айзенберг (Москва), Александр Стесин (Нью-Йорк). Список, конечно, можно было бы продолжить, но, пожалуй, я здесь остановлюсь.

- Коим боком (или другим местом) вы ощущали и ощущаете свое «еврейство и поэтство» в сем христианнейшем из миров?

- Это, наверное, разные вопросы – поэтство и еврейство, и требуют разных ответов.

Еврейство – просто так сложилось, что на протяжении жизни я все больше и больше ощущал себя евреем, особенно когда попал в Израиль и сразу как-то сроднился с этой землей, а потом все больше стал читать и «входить» в иудаизм. Поэтому, несмотря на то, что я, в сущности, полукровка (правда, прошедший обращение в иудаизм, обрезание во взрослом возрасте), я чувствую свою принадлежность к этой истории, идее, к этому духу. Что касается «поэтства» - ну, так получилось, такой уж уродился, что необходимо писать стихи, таким способом выражать себя, выражать исповедь своей души. Естественно, если категоризировать и классифицировать, конечно, я принадлежу к большой группе русских поэтов еврейского происхождения, тем более, из тех, которые эмигрировали (я – 31 год тому назад), и это определяет взгляд на мир, на Россию, на то место, где я сейчас живу или где живет другой какой-нибудь автор моего типа. Безусловно, весь наш опыт, образование, воспитание, круг общения – все это имеет значение. На самом деле, много лет уже я чувствую себя вполне американцем – здесь мой дом, выросли мои дети, растут мои внуки, здесь было много написано за последние 25 с лишним лет. Так что я не вижу никакого противоречия в том, что в нашем западном христианском мире я чувствую себя евреем и являюсь русским поэтом, хотя я пишу также и по-английски и чувствую себя еще и американским поэтом. Кстати говоря, это важный момент, который подтверждает мое мироощущение и самоощущение того, что поэзия существует и живет над культурами и над мирами. Таким образом, я выражаю свою поэтическую сущность и свое поэтическое чувство, каким бы оно

ни было, на двух языках, и это важно для меня, потому что – повторю (может, это и еретическое замечание): поэзия – космополитная, надмирная вещь, и находит свое выражение в медиуме, в поэте на разных языках. С моей точки зрения, по моему чувству, она не является собственностью какого-то народа и какого-то языка.

- Судьбу, конечно, не переиначить, но представляете ли вы для себя иной исход, в другую страну – скажем, в Израиль? Каким, интересно, был бы итог – день сегодняшний?

- Прежде всего, я безусловно согласен с вашим замечанием, что судьбу не переиначить. Я вполне себе представляю исход в Израиль, там я чувствую себя дома – родные мне люди, близость с землей... Мне поздно, конечно, все менять, да и чувствую я себя вполне американцем, люблю эту страну и чувствую себя в активной роли в США. Я не могу понять людей, которые просто живут – в Германии, во Франции, в Италии, живут красиво (Рим я обожаю, это один из моих любимых городов). Это симпатично, можно жить где-то своей жизнью – должно быть связано с какой-то идеей, идеей принадлежности, идеей культуры. Поэтому Израиль, естественно, является для меня хотя уже теперь скорее теоретическим, гипотетическим выбором, но, безусловно, жизнеспособным и родным. Дом мой в Соединенных Штатах, но я люблю Израиль и я, безусловно, мог бы и даже хотел бы там жить. На самом деле, если бы я мог это когда-нибудь себе позволить я бы, наверно, жил на два дома – приезжал бы в Израиль на несколько месяцев, был бы в Америке, так живут много людей, но у меня пока это не получается. Я совсем не осуждаю людей, живущих в других странах – так сложилось, так, наверно, удобнее, - но я говорю о себе: для меня должно быть какое-то глубинное чувство, идея, которая есть в Соединенных Штатах и в Израиле. Кстати, в свое время я абсолютно не хотел ехать ни в Европу, ни в Канаду, ни в Австралию, потому что в этом не было для меня идеи. А в Соединенных Штатах она была – и она, с моей точки зрения, осуществилась или осуществляется.

- Узналось из стихов, что обитают у вас, в Манхэттенской обители, две кошки (или вы – у них, как утверждают кошководы). Вам присущ пантеизм – любовь вообще к природе и тварям ее, или кошки – наособицу?

- Да, у меня две кошки: серый кот и черная, с белой манишкой и перчатками кошка, этакая Багира. Вне всякого сомнения, я живу в их доме; они меня любят, это я знаю и чувствую. Но кошка определяет дом, является его хозяйкой,

носителем духа дома и воспринимает хозяина, который за ней ухаживает, как часть этого дома. И это хорошо, потому что кошки дают ощущение дома как живого места, в котором присутствует какой-то особый дух. Я, разумеется, много думал о кошках, и по моим наблюдениям, они – очень умные существа, но на другом уровне. Они очень многое видят, чувствуют и понимают (и даже многое из того, что мы не видим и не понимаем), просто это совершенно другая сфера чувства и понимания. Им просто не интересны и не нужны многие вещи, которые нам представляются важными (это я говорю почти без иронии). Мне не присущ пантеизм, природу я очень люблю, особенно северную, всегда любил ходить в походы. У меня дом на севере штата Нью-Йорк, недалеко от канадской границы, и я обожаю это место. Реки, озера, смешанный лес, горы – очень напоминает Карелию и север европейской части России. Однако, никакой идеи пантеизма у меня нет. Кошки, как вы сказали, наособицу. У меня к ним особое отношение, у меня даже есть рассказы, связанные с кошками.

- Разделяете ли вы общее печальное мнение о грустной участи бумажных книг? Не превратится ли «Интерпоэзия» в сплошную интернет-поэзию?

- Я разделяю общее мнение о том, что имеется тенденция к увеличению числа электронных изданий, электронной формы, а не печатной. Никакого печального отношения к этому у меня нет – это естественный процесс, как будет, так и будет, и это уже происходит. Не знаю, какой пример привести – может, такой банальный: да, мне очень нравится кататься на повозке, карете в исторических районах города. Человечество много столетий использовало лошадей, мулов и ослов, а потом появился паровоз, автомобили, самолеты и т.д. Не знаю, как можно к этому относиться печально или не печально. Это вопрос удобства – наверное, и сейчас уже есть для этого возможности, а в будущем это как-то отработается, и будут выпускаться и бумажные книги и журналы наряду с электронным общением. Я не вижу тут никакого противоречия – одно дополняет другое. Недавно одна моя знакомая, довольно консервативная, сторонница печатных изданий («подержать книгу в руках»), вдруг сказала, что в книге, которую она хочет прочесть, 800 страниц, и ее просто тяжело держать, - как жаль, что ее нет на kindle, было бы очень удобно. Вот за этим, наверное, будущее – иметь дома какие-то книги в печатном виде, а какие-то – в электронной форме. На самом деле, я уже сейчас этим пользуюсь. Мне иногда лень вставать и искать на книжных полках книгу, нужную для моей работы, в то время как на моем компьютере или iphone я могу легко найти нужную

информацию. Что касается «Интерпоэзии» - постольку поскольку будет необходимо издавать печатные издания, мы это будем делать (приятно показать, подарить автору и пр.), но что касается читателей журнала, то, по-моему, категория людей, которые читают журналы в бумажном виде, сильно сокращается. Масса читателей, особенно молодого поколения, читают то, что им интересно, в интернете. Я, например, нередко отпечатываю материал, который хочу сохранить, скрепляю и таким образом делаю «самопечатное» издание. Так что я не вижу в этом никакого противоречия.

- Как вы относитесь к литературным премиям и всяческим фестивалям? Это дружеские посиделки-междусобойчики (что тоже вполне отратно), или все же предьявляется некий «гамбургский счет»?

- Как к методу дружеского общения, я отношусь крайне положительно к разным фестивалям, съездам, конкурсам, биеналле и т.д. Нужно периодически слышать друг друга, читать где-то, общаться, выпивать, обмениваться мнениями – это живая жизнь литературной среды. Это вещь очень важная, и как я уже говорил, я очень много от этого получил – и замечательных людей, друзей – поэтов, и многие узнали меня. Что касается литературных премий и конкурсов – к этому я отношусь *крайне отрицательно*, хотя и участвую в некоторых международных конкурсах как член жюри. Делаю я это именно для того, чтобы общаться с коллегами, с молодыми поэтами, встречать интересных людей. Я, кстати, таким образом заработал нескольких великолепных, новых, в основном, молодых авторов. И это отратно, радостно, приятно - и необходимо. Никакого серьезного отношения к тому, что кто-то получил первую премию, кто-то третью, а кого-то не наградили вовсе, у меня нет. Я считаю, что это, в какой-то степени, профанация, шулерство, потому что непонятно, что это значит. Что такой-то поэт, получивший первую премию, в три раза лучше того, который получил третью? Какое значение это имеет? Это может быть полезно для стимуляции активности, творчества совсем молодых авторов – с этим я, пожалуй, соглашусь. Когда люди растут, нужно какое-то поощрение, но для авторов постарше и опытнее, я считаю, нередко это – просто позор, или, во всяком случае, непонятно, зачем это нужно. Так что к «иерархизации» поэзии и раздаче премий я отношусь крайне отрицательно. Премий этих расплодилось огромное множество, и совершенно непонятно, что все это значит. Я принципиально в этом не хочу участвовать и не участвую.

- И напослед, как ни посттривиально, - ваши творческие планы, эко пишется-пашется, что издается-готовится?

- Я потратил много сил и времени на оформление большой книги (страниц на 400 с лишком). Это pop-fiction – короткая проза, интервью, туда включены и стихи. Это сборник эссеистики и короткой прозы примерно лет за десять. Моя предыдущая книга такого рода («Поэт в межкультурном пространстве») вышла в Москве в издательстве «Руслана Элинина» в 2005 году. Новая книга выйдет в издательстве «Время». Это – важная для меня веха. Собирать книгу прозы и эссеистики – дело очень тяжелое: много технической, оформительской работы, которую я, признаться, не очень люблю. С момента выхода моей последней книжки «Ветер в долине Гудзона» в издательстве «Русский Гулливер», у Вадима Месяца, накопилось довольно много публикаций в различных журналах, и пора тоже оформлять новую книжку. По-английски у меня почти готовы две рукописи: одна – стихи, опубликованные за последние годы (с момента выхода моей последней книги “Live Landscape” в Бостонском издательстве), а вторая – книжка “Family Chronicles” («Семейные хроники»), которая давно у меня зреет. Это написанные в разное время несколько десятков стихов о семье, семейной истории, которые я собираюсь скрепить некими заметками для объяснения американскому читателю детства, юности в Москве, России... Такой вот интересный проект в новом жанре – стихи, скрепленные стихопрозой и короткими кусками прозы. Это то, над чем я сейчас работаю.

Николай Мотовилов

Модернизация истории в произведениях Фейхтвангера

Я ограничусь тем, что буду излагать пережитое мною так честно, то есть так субъективно, как только возможно, без притязаний на объективность.

Лион Фейхтвангер

Лион Фейхтвангер был крупнейшим в немецкой литературе XX века (наряду с Генрихом Манном) мастером исторического жанра. Диапазон тем, к которым обращался Фейхтвангер, охватывает период от библейских времен («Иеофай и его дочь») до XX века. Историческими писатель считал и те произведения, в которых речь идет о событиях современной ему жизни (драма «Томас Вендт», трилогия «Зал ожидания», повести «Братья Лаутензак» и «Симона»). Он был вправе считать их историческими, ибо основная тема всех этих произведений без исключения одна – тема исторического прогресса.

В книге «Дом Дездемоны» писатель определяет исторический роман как произведение, в котором «время действия отделено решающим событием от времени написания»¹. Таким событием, например, для «Семейства Оппенгейм» было 30 января. «Лион Фейхтвангер – историк, - замечает Генрих Манн. – Романы, материал для которых дает современность, он обдумывает и рассматривает как романы о прошлом, о событиях, имеющих определенное продолжение в истории».²

Из этого следует, что изображение исторического прошлого не было для Фейхтвангера самоцелью. Если допустить

¹ «Das Haus der Desdemona», Rudolstadt, 1961, s.118 (далее «Haus» и номер страницы)

² «Zu seinem 70. Geburtstag. Worte seiner Freunde», Rudolstadt, 1954, s.20.

обратное, то как объяснить то свободное обращение с историческими фактами, которое мы наблюдаем в его романах? Так, в романе «Лисы в винограднике» арест Бомарше предшествует публичной постановке «Фигаро» и оба эти события происходят на несколько лет раньше, чем это было в действительности. Отдельные подробности суда над Зюсом у Фейхтвангера не соответствуют тому, о чем повествуют исторические документы: Зюс был осужден за государственную измену, а не за сожительство с христианками. Что касается Лже-Нерона, о котором историки лишь упоминают вскользь, не сообщая даже его настоящего имени, то все обстоятельства, сопутствующие его возвышению и падению, являются плодом авторского вымысла.

Точно так же, описывая Иудейскую войну, Фейхтвангер в некоторых частностях расходится с Иосифом Флавием: он, например, ни словом не упоминает о борьбе между zelotami и сикариями Менахема в начале восстания. Запись устных преданий, впоследствии составивших Мишну, началась не сразу после разрушения Храма, а гораздо позднее. Восстания евреев, происходившие в начале II века за пределами Палестины, перенесены в Иудею. Наконец, развитие христианства как новой религии – сложный и длительный процесс, не укладывающийся в рамки событий, описанных в «Иосифе». Независимо от иудео-христиан, сторонниками новой веры становились тысячи язычников, живших далеко от Иудеи и никогда не исповедовавших иудаизм. Фейхтвангер же представляет иудаизм едва ли не единственным источником христианства, а само появление новой религии – результатом богословских споров, различного понимания основной задачи иудаизма раввинами «националистической» Ямнии и «космополитической» Лидды.

Фейхтвангер, по его собственным словам, «всегда старался нарисовать верную до малейших деталей картину современной ему действительности, но никогда не заботился о том, чтобы его изображение в точности соответствовало историческим фактам»³. Упоминание о современной действительности в статье, посвященной историческому роману, не случайно. В этой же статье писатель высказывает мысль о неразрывной связи между историческим жанром и темами современности: «Я не могу себе представить, чтобы серьезный романист, работающий с историческим материалом, мог видеть в исторических фактах что-

³ “Centum opuscula”, Rudolstadt, 1956, s.512, далее «С. Оп.» и номер страницы..

либо другое, чем средство отдаления, символ, средство максимально верной передачи собственного мировоззрения писателя, его собственного ощущения жизни, его времени»^{4/}

Аналогичные суждения мы находим в опубликованных после смерти Фейхтвангера фрагментах его книги «Дом Дездемоны»: «Настоящие писатели в своих сочинениях, имевших предметом историю, всегда хотели только высказать современное, свое отношение к своему времени, свой опыт пережитого».⁵ И далее: «Так поступали и Шекспир, и Гете, и Скотт. Воссоздание прошлого никогда не было для них самоцелью, но всегда лишь средством отображения того, что пережито в их век».⁶

Итак, исторические факты – «средство отдаления».

Такое «отдаление» Фейхтвангер считал возможным потому, что в его представлении законы, определяющие ход истории, были и остаются «неизменившимися и неизменяемыми»⁷. По его мнению, перед человеком времен французской революции, или средневековья, или I века новой эры стояли те же проблемы, что и перед человеком 30-х – 40-х годов XX века. И основная задача писателя, обратившегося к историческому жанру, состоит в том, чтобы показать эти «неизменившиеся и неизменные» законы истории «в их проявлениях»⁸.

Эта целевая установка обусловила ряд характерных свойств художественного метода Лиона Фейхтвангера.

Первое из них – склонность автора к историческим аналогиям. В статье «О смысле и бессмыслице исторического романа» (“Von Sinn und Unsinn des historischen Romans”) он проводит параллель между Иозефом Зюсом и Вальтером Ратенау, выделяя как главное в их облике – «путь... от действия к бездействию, от деяния к созерцанию, от европейского к индийскому мировоззрению».⁹

В послесловии к «Лисам в винограднике» автор характеризует франко-американскую коалицию XVIII века и антигитлеровскую коалицию XX века как явления одного порядка. Точно так же для Фейхтвангера было вполне приемлемым перенесение в I век «конфликта между национализмом и

⁴ Там же, 510.

⁵ «Haus», 145.

⁶ Там же, 146.

⁷ «Die Fuchse im Weinberg», Berlin, 1952, s.844.

⁸ Там же.

⁹ «С. Op.», s. 511.

интернационализмом»¹⁰ в душе современного человека. Автор «Еврея Зюса» и «Иосифа» считал, что «временная дистанция»¹¹ помогает сохранить необходимую для художника объективность: «Если я попытаюсь воплотить эту тему в форме романа о современности, то боюсь, как бы личные антипатии не затемнили и не исказили моего изображения»¹².

Обращение к историческому прошлому было характерно для целого ряда немецких писателей 20-х и 30-х годов, то есть периода накануне и после установления фашизма (Бехер, Брехт, Вольф, Бредель). Что касается Лиона Фейхтвангера, то, как уже сказано, основным мотивом, побудившим его работать в жанре исторического романа, была потребность во «временной дистанции». Отсюда вторая особенность его художественного метода – стремление показать современную жизнь с позиций историка – наблюдателя.

Не только в тех романах, действие которых разворачивается в далеком прошлом, но и в таких романах, как «Успех», Фейхтвангер создает или стремится создать «временную дистанцию». В «Успехе» это достигается при помощи публицистических отступлений, написанных в форме «исторических справок».¹³ В этих отступлениях автор часто употребляет выражения «в те годы»¹⁴, «та эпоха»¹⁵ и т.п. по отношению к 20-м годам 20-го столетия, т.е. к тому времени, когда писался роман. Благодаря «историческим справкам» читатель получает возможность взглянуть на описываемые события со стороны, из будущего, когда 20-е годы станут казаться эпохой «первобытных форм культуры».¹⁶ Но уже в романе «Семейство Оппенгейм» Фейхтвангер отказывается от этого приема. Даже в публицистических отступлениях «Успеха» он не оставался бесстрастным наблюдателем; доказательством может служить, например, подбор статистических данных, характеризующих состояние Германии того времени, в 14 главе 2-й части романа. В 1933 году окружающая обстановка тем более не позволяла ему писать о фашизме как явлении прошлого и брать на себя роль летописца из XXI века.

¹⁰ Там же, 536.

¹¹ Там же, 510

¹² Там же, 536.

¹³ “Erfolg”, Berlin, 1954, s. 213.

¹⁴ Там же, 545.

¹⁵ Там же, 808.

¹⁶ Там же.

Третья особенность художественного метода Фейхтвангера – так называемая модернизация истории. В чем она проявляется?

Естественно, что когда типичная для нового времени проблема по воле автора становится и разрешается на фоне событий отдаленной исторической эпохи, то вместе с ней переносятся в прошлое многие конкретные понятия, свойственные новейшему времени. В «Иосифе» и еще более в «Лже-Нероне» это особенно заметно вследствие того, что Фейхтвангер сознательно вводит в повествование анахронизмы как стилистическое средство. Так в «Иосифе» римский военачальник Тиберий Александр именуется маршалом, центурион Педан – капитаном (то же – в «Лже-Нероне»: капитан Требоний, полковник Фронтон); кельтов и германцев автор называет англичанами и немцами; царь Агриппа говорит об «артиллерии»;¹⁷ неоднократно в авторской речи встречается современное слово “Pogrom”¹⁸; мастерская Нахума названа фабрикой. В отдельных формулировках, вкладываемых автором в уста древних римлян, легко узнать тезисы и лозунги, имевшие хождение в Германии 30-х годов (например, сравнение «произнесенного» и «написанного» слова¹⁹). На страницах «Иосифа» мы находим такие выражения и термины, как «бойкот»²⁰, «прожиточный минимум»²¹, «вооруженный мир»²², «партия порядка»²³, «полицейская акция»²⁴ и т.д. Можно было бы привести десятки примеров такого рода.

Значит ли это, что обстановка, в которой живут и действуют герои исторических романов Фейхтвангера, чисто условна? Значит ли это, что в «Иосифе» и «Лже-Нероне» Фейхтвангер показал борьбу между общественными группами Германии и дал лишь другие имена своим современникам, что каждый из героев «Иосифа» и «Лже-Нерона» имеет свой определенный прообраз? Можно ли рассматривать «Иосифа» и

¹⁷ «*Der jüdische Krieg*», Rudolstadt, 1954, s.96 ; далее “Krieg” и номер страницы.

¹⁸ Там же, 91.

¹⁹ «*Das gelobte Land*», Rudolstadt, 1954, s.82, далее “Land” и номер страницы.

²⁰ «*Die Söhne*», Rudolstadt, 1954, s.578, далее «Söhne» и номер страницы.

²¹ Там же, 148.

²² “Krieg”, 117.

²³ Там же, 92.

²⁴ Там же, 253.

«Лже-Нерона» как памфлеты на национал-социализм, как произведения, в которых исторический элемент играет роль весьма условной декорации, такой же, как, например, в «Балладе об императоре Нероне» (“Bankelballade von Kaiser Nero”) Эриха Вайнерта?

Действительно, употребление современных терминов для обозначения явлений античного мира придает историческим романам Фейхтвангера памфлетную окраску. Это верно в особенности по отношению к «Лже-Нерону»: многие подробности наводнения в Апамее и «ночи 15 мая»²⁵ напоминают о поджоге рейхстага и ночи 30 июня. (В «Лже-Нероне» модернизация истории проводится более последовательно, чем в «Иосифе», ибо в основу этого романа положены события, о которых исторические источники, и то немногие, упоминают лишь бегло, события, трактовка и оценка которых целиком зависит от воли автора). Более того: из XX века перенесены в I век не только отдельные термины и ситуации, но и некоторые черты духовного облика героев «Иосифа». Последовательный материализм Иоанна, внутренняя борьба между «писателем» и «политиком», между «созерцателем» и «деятелем» в Иосифе – все это для I века явный анахронизм, равно как понимание рядовыми христианами (Яков из Секаньи) космополитической миссии их учения – для того времени, когда не было еще написано первое из евангелий. Однако считать «Иосифа» и «Лже-Нерона» только памфлетами – значит обеднять и упрощать идейное содержание и значение этих произведений.

Модернизация истории в исторических романах Фейхтвангера распространяется лишь на частности, главным образом реалии, но в основном не затрагивает общей картины описываемой эпохи. Достаточно вспомнить о том, какую роль в жизни героев «Иосифа» играет религия. Мысль о мести Ягве за разрушение Храма ускоряет смерть Тита; скептик и трезвый политик Домициан также вынужден считаться в своих действиях с иудейским богом (именно с богом, а не с народом Иудей!) как с серьезным противником. Вспомним сцену свержения Домициана. По словам историка Шлоссера, император был убит после длительной самозащиты. Иначе выглядит смерть Домициана в романе Фейхтвангера «Земля обетованная»: император уверен, что он побежден Ягве, и поэтому не оказывает сопротивления. Автор счел себя вправе отказаться в данном случае от точной передачи исторического факта, ибо в деятельности Домициана борьба с

²⁵ “Der falsche Nero”, Rudolstadt, 1956, s. 317.

Иудеей, еще не оправившейся от нанесенного ей Веспасианом и Титом поражения, едва ли могла играть такую большую роль, какую отводит этой борьбе Фейхтвангер в романе «Земля обетованная». Но сама мотивировка поведения Домициана вовсе не заимствована из XX века. Если Рим – это «Третья империя», то Домициан – один из «вождей» этой «империи». Можно ли представить себе, чтобы Гитлер и его сторонники когда-нибудь руководствовались в своей политике мотивами, подобными тем, которые двигали Домицианом? Можно ли думать, что 20 июля 1944 года они отдали бы власть так легко, как это сделал Домициан в романе Фейхтвангера? Разумеется, нет!

Другой пример. Ученые Ямнии, вступая в борьбу с нарождающимся христианством, находят простое средство, которое поможет последователям Гамалиила отмежеваться от христианской секты и оттолкнет от нее колеблющихся: они изменяют текст одной из молитв, придавая ей антихристианский смысл: «...либо такую молитву еретики вряд ли смогут произнести, вряд ли они прибавят к такой молитве: «истинно»²⁶. И это средство оказывается действенным. Могло ли что-либо подобное произойти в наше время? Нет, это могло произойти лишь в ту эпоху, когда вера в бога, в силу слова и молитвы была правилом без исключений.

Еще один пример. Сенатор Приск выступает в защиту весталки Корнелии. «Если бы действительно одна из весталок, - доказывает он с коварной логикой, - запятнала себя такой виной и тем вызвала бы гнев богов и на сенат, и на народ, и на особу императора, то разве мог бы господин и бог Домициан одержать блистательные победы в сарматском походе?»²⁷ Слово «логика» употреблено здесь не случайно: рассуждение Приска действительно было логичным в то время, когда религия безраздельно господствовала в сознании громадного большинства людей. Можем ли мы представить себе подобного рода логический довод для современного политического деятеля? Нет, не можем.

Наконец, теперь, когда опубликованы главы из незаконченной работы Фейхтвангера «Дом Дездемоны», можно сказать, что к модернизации истории в смысле механического перенесения настоящего в прошлое автор «Иосифа» относился отрицательно. Так, он отказывает романам Мадлен де Скюдери в праве называться историческими романами именно потому, что

²⁶ «Söhne», 348.

²⁷ “La«nd”, 200.

«историзм» де Скюдери сводится к механическому перенесению в античную эпоху быта и нравов XVII века: «Писательница ссылается на Геродота, Ксенофонта, Юстина, Ливия. Но ее всемирная история состоит из одних только пошлых любовных историй и кроваво-элегантных дуэлей... В «Клелии», романе из времен Тарквиния... ведутся разговоры, полные галантных острог, дамы смотрят со стен Рима на дуэли между кавалерами – роялистами и кавалерами – республиканцами. К роману приложена «Carte de tendre» («Карта любви»). А к своему «Киру» г-жа Скюдери прилагает «ключ», в котором указано, какие особы при дворе Людовика¹⁴ подразумеваются под теми или иными персонажами романа»²⁸.

Эпоха, описываемая в «Иосифе», отнюдь не тождественна эпохе, в которую создавался «Иосиф». А это означает, что Фейхтвангер и не думал отрицать «объективные закономерности исторического развития». Однако приведенное в начале высказывание Фейхтвангера о «неизменности» законов истории свидетельствует о том, что он не признает диалектического характера этих законов.

В чем же, по мнению Лиона Фейхтвангера, заключаются «неизменившиеся и неизменные» исторические закономерности? Можно ли утверждать, как это сделала, например, О. Немеровская, что «в основу своего осмысления фактов прошлого Фейхтвангер кладет экономику»?²⁹

Сам писатель отвечает на этот вопрос так: «Я не фаталист, а также и не марксист, который верит, будто одни экономические законы правят миром. Я также не индивидуалист, который полагает, что каждый человек может быть господином своего будущего. Но объективно эти три теории в совокупности составляют понятие судьбы. Случайность играет столь же большую роль, как и потребности человечества – социальные, сельскохозяйственные, промышленные. И наконец, собственные физические, нравственные и духовные качества человека помогают ему формировать события и действовать заодно с экономикой, а не вопреки ей».³⁰

Таким образом, мы видим, что модернизация истории, свойственная художественному методу Фейхтвангера, представленная в его произведениях, главным образом, в романах, распространяется лишь на отдельные черты в характерах героев, а

²⁸ «Haus», 44-45.

²⁹ Журнал «Звезда», 1936, №6, стр. 232

³⁰ «С. Ор.», 399.

также на некоторые бытовые детали и частности, но не на общую картину показываемой эпохи.

Об авторах

Григорий Полотовский – доцент кафедры геометрии и высшей алгебры Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского.

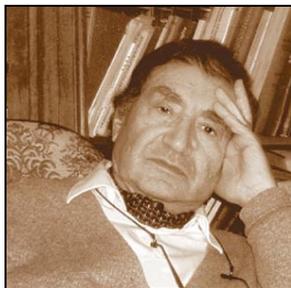
Евгений Лихтман – физик, выпускник физфака МГУ 1968 года, один из авторов идеи "суперсимметрии".

Моисей Каганов – профессор, доктор физико-математических наук.

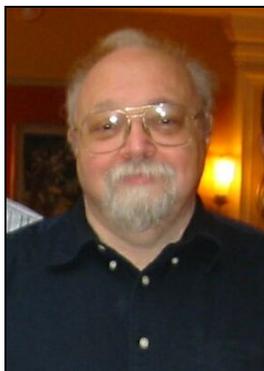
Сергей Демидов – доктор физико-математических наук, историк математики, профессор МГУ им. М.В.Ломоносова.

Владимир Фридкин – физик, доктор физико-математических наук, профессор, литератор

Игорь Ефимов – писатель, философ, издатель.

Борис Тененбаум – автор исторических очерков и книг.

Андрей Алексеев – социолог, кандидат философских наук, автор книги о «драматической социологии».

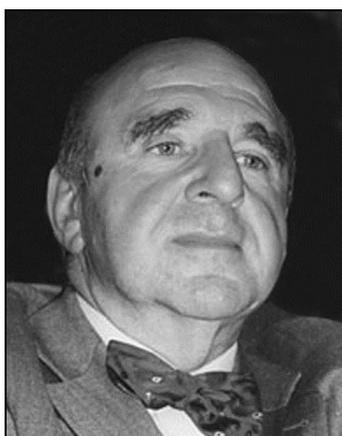
Эдуард Бормашенко – физик, публицист. Живет в Ариэле, Израиль.

Наум Брод – драматург, писатель.

Лорина Дымова – поэт, прозаик, переводчица.

Леонид Гиршович – писатель и музыкант.

Артур Штильман – скрипач, автор книг о музыкантах.

Владимир Бабицкий - профессор динамики в университете г. Лафборо (Великобритания). Президент международного центра по виброударным системам, редактор Шпрингеровской серии «Foundations of Engineering Mechanics».

Михаил Цаленко – математик, правозащитник.

Зоя Мастер – музыкант, литератор

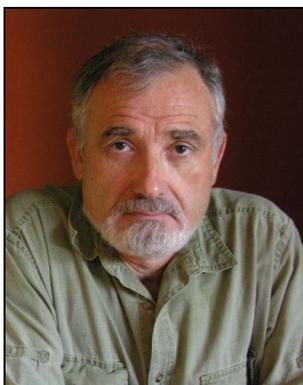
Бахыт Кенжеев – поэт, автор многочисленных стихотворных и прозаических книг.

Вероника Долина — советская и российская певица, поэтесса, бард, автор более 500 песен.

Лариса Миллер – поэт, прозаик, эссеист,
член Союза Российских писателей и Русского ПЕН-центра.

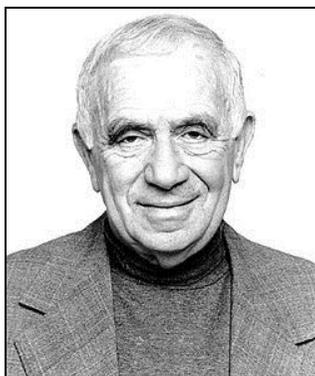
Анатолий Пустолов – литератор.

Елена Минкина – врач-терапевт,
член Союза писателей Израиля

Мина Полянская – член немецкого Пушкинского общества и немецкого отделения международного ПЕН клуба.

Иехуда Амихай (1924-2000) – израильский поэт.

Зоя Копельман – доктор филологических наук, сотрудник Еврейского университета в Иерусалиме.

Андрей Масевич – преподаватель университета культуры и искусств и факультета социологии СПбГУ.

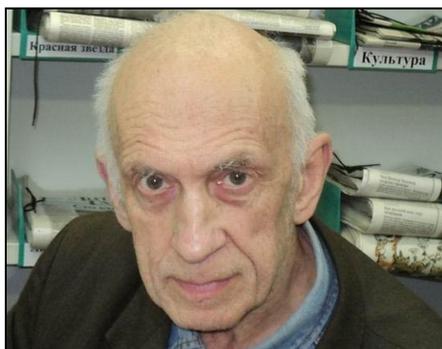
Шуламит Шалит – литератор и журналист.
Автор книг «На круги свои...», Иерусалим, 2005.,
«Печать любви», Ганновер, 2012.

Ирина Маулер – член Союза художников Израиля,
член Союза писателей Москвы и Израиля.

Михаил Юдсон – писатель, литературный критик.

Николай Мотовилов – автор нескольких книг-мемуаров

Журнал «Семь искусств», апрель 2013
Главный редактор Евгений Беркович

© Евгений Беркович (составление и редактирование)
© Дорота Белас (оформление)

Компьютерная верстка и техническое редактирование
Изабеллы Побединой
522 стр. 24,8 а. л.

Общество любителей еврейской старины
Ганновер 2013